C 61/186

C 61/186

НЕ КОПИРОВАТЬ

Густавъ Ле Бонъ.

Психологія Соціализма.

B
23312

ФБ

Густавъ Ле-Бонъ.

61
186

ПСИХОЛОГІЯ СОЦІАЛИЗМА.

Переводъ съ французскаго 5-го изданія
съ портретомъ автора
и предисловіемъ его къ русскому изданію.

Соціалистическія теоріи
и умственный складъ
ихъ послѣдователей.
Соціализмъ какъ вѣрованіе.
Соціализмъ у разныхъ расъ.
Столкновенія
между экономическими законами,
демократическими идеями
и стремленіями соціалистовъ.
Развитіе современныхъ обществъ.
Будущность соціализма.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 2482

Издалъ С. В.

1908 г.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С.-Петербургской тюрьмы Арсен. наб., д. 5.

ЗНАМЕНИТОМУ ЭКОНОМИСТУ

ПАВЛУ ДЕЛОМБРУ

бывшему министру торговли и промышленности

его преданный другъ,

ГУСТАВЪ ЛЕ БОНЪ.

Библиотека имени В. И. Ленина
Ф 33086-41
1500100937

Dr. Gustave Le Bon. 6 mai 1907

Докторъ Густавъ Ле-Бонъ.
6 Мая 1907.

Фундаментальная библиотека Виѳанской Духовной Семинаріи
№ 2462

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

Предисловіе автора къ русскому изданію.

(Переводъ).

Г-нъ издатель сдѣлалъ мнѣ честь, обратясь ко мнѣ съ просьбою—снабдить моимъ небольшимъ предисловіемъ издаваемый имъ русскій переводъ моей книги *Психологія соціализма*.

Цѣль, которую я себѣ поставилъ, когда писалъ эту книгу, ясно намѣчена во введеніи, предпосылаемомъ этому труду. Судя по многочисленнымъ изданіямъ этой книги и по переводамъ ея на многіе языки, смѣю надѣяться, что цѣль эта достигнута. Я пытался изучать вопросы, относящіеся къ соціализму, какъ если бы я изучалъ какія либо физическія явленія. Могу предполагать, что задача эта была исполнена съ безпристрастіемъ, судя по многочисленнымъ статьямъ, появившимся въ періодическихъ изданіяхъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ партіямъ.

Въ этомъ трудѣ преобладаетъ слѣдующее главное основное положеніе: народы не могутъ выбирать свои учрежденія, они подчиняются тѣмъ, къ которымъ ихъ обязываетъ ихъ прошлое, ихъ вѣрованія, экономическіе законы, среда, въ которой они живутъ. Что народъ въ данную ми-

нуту можетъ разрушить путемъ насильственной революціи учрежденія, переставшія ему нравиться—это не разъ наблюдалось въ исторіи. Чего исторія никогда еще не показывала—это того, чтобы новыя учрежденія, искусственно навязанныя силой, держались сколько нибудь продолжительно. Спустя короткое время—все прошлое снова входитъ въ силу, такъ какъ мы всецѣло созданы этимъ прошлымъ, и оно является нашимъ верховнымъ властителемъ.

Безъ сомнѣнія, учрежденія преобразуются въ теченіе вѣковъ, но всегда путемъ медленной эволюціи и никогда путемъ внезапныхъ революцій. Революціи измѣняютъ только названіе вещей. Разрушительное ихъ дѣйствіе никогда не касается основныхъ идей и чувствъ даннаго народа, какіе бы кровавые перевороты онѣ ни порождали.

Такимъ образомъ, когда хотятъ понять учрежденія даннаго народа, нужно изучить сперва умственный складъ этого народа. Тогда и только тогда поймешь, что учрежденія, наилучшія для одного народа, могутъ оказаться гибельными для другого. Либеральныя учрежденія, превосходныя для націи, состоящей изъ однородныхъ элементовъ, т. е. обладающихъ одинаковыми чувствами и интересами, являются отвратительными для народа, состоящаго изъ элементовъ разнородныхъ, и слѣд. обладающихъ различными чувствами и имѣющими противоположные интересы. Одна лишь мощная рука властелина можетъ тогда поддер-

живать равновѣсіе и миръ между разнородными интересами,—слишкомъ большая свобода привела бы ихъ къ неизбѣжной борьбѣ.

Каждая страница исторіи подтверждаетъ эти основныя положенія. Однако, они всегда отвергались революціонерами всѣхъ временъ. Можно желать передѣлать общество сообразно своимъ мечтамъ, но такія мечты никогда не осуществлялись. Напрасно волнуется человѣкъ. Имъ управляютъ такія высшія силы, какъ законъ необходимости, среда, вліяніе прошлаго, которыя древними объединялись подъ именемъ судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избѣжать ее невозможно.

Густавъ Ле Бонъ.

Préface de l'édition russe.

M-r l'Editeur m'a fait l'honneur de me demander une courte préface pour sa traduction russe de mon livre *Psychologie du Socialisme*.

Le but que je me proposais en l'écrivant est nettement marqué dans l'introduction qui précède l'ouvrage. A en juger par les nombreuses éditions de ce livre et ses traductions en plusieurs langues je puis espérer que ce but a été rempli. J'ai essayé d'étudier les questions que le socialisme comporte comme je l'aurais fait pour des phénomènes physiques quelconques. Je puis supposer que cette tâche a été accomplie avec impar-

tialité à en juger par les nombreux articles publiés par des revues appartenant aux partis les plus différents.

Le principe fondamental suivant domine cet ouvrage: les peuples ne sauraient choisir leurs institutions, ils subissent celles que leur imposent leur passé, leurs croyances, les nécessités économiques, les milieux où ils vivent. Qu'un peuple puisse briser momentanément par une révolution violente les institutions qui ont cessé de lui plaire, cela s'est vu maintes fois dans l'histoire. Ce que l'histoire n'a jamais montré encore, c'est que les institutions nouvelles artificiellement imposées par la force, aient eu quelque durée. Au bout de peu de temps tout le passé a repris sa force car c'est de ce passé que nous sommes faits et il est notre souverain maître.

Sans doute les institutions se transforment dans le cours des âges mais toujours par une évolution lente et jamais par de brusques révolutions. Les révolutions ne changent que le nom des choses. Leur action destructive ne touche jamais aux idées et aux sentiments fondamentaux d'un peuple, quelques sanglants que puissent être les cataclysmes qu'elles engendrent.

Donc quand on veut comprendre les institutions d'un peuple, il faut d'abord étudier la mentalité de ce peuple. Alors et seulement alors on comprend que les institutions les meilleures pour un peuple puissent être funestes pour un autre. Des institutions libérales excellentes pour une nation composée d'éléments homogènes c'est à dire ayant des sentiments et des intérêts communs sont tout à fait détestables pour un

peuple composé d'éléments hétérogènes et par conséquent possédant des sentiments différents et des intérêts contraires. La main vigoureuse d'un maître peut seule alors maintenir l'équilibre et la paix entre des intérêts dissemblables, une liberté trop grande les conduirait à d'inévitables luttes.

Ces principes fondamentaux, chaque page de l'histoire les sanctionne. Ils ont toujours été méconnus cependant par les révolutionnaires de tous les âges. On peut souhaiter de refaire une société au gré de ses rêves, mais de tels rêves ne se sont réalisés jamais. L'homme s'agite en vain. Il est mené par ces forces souveraines: nécessités, milieu, influences du passé que les anciens synthétisaient sous le nom de destin. Ce destin on peut le maudire on ne s'y soustrait pas.

Gustave Le Bon.

Замѣченныя опечатки:

стрн.	стрк.	напечатано.	должно быть.
80	2 сверху	іне	ніе
88	5 „	фактовъ,	фактовъ
113	15 „	страшныя	непредвидѣнныя

ПРЕДИСЛОВІЕ
къ первому изданію.

Соціализмъ представляетъ совокупность стремленій, вѣрованій и реформаторскихъ идей, глубоко волнующихъ умы.

Правительства опасаются его, законодатели щадятъ, народы видятъ въ немъ зарю новой судьбы.

Въ этомъ трудѣ, посвященномъ изученію соціализма, найдутъ примѣненіе принципы, изложенные въ моихъ послѣднихъ книгахъ: „Законы эволюціи народовъ“ и „Психологія толпы“. Лишь кратко касаясь подробностей доктринъ, чтобы удержать въ памяти только ихъ сущность, мы разсмотримъ причины, породившія соціализмъ, и причины, замедляющія его распространеніе или благопріятствующія ему. Мы покажемъ конфликтъ между прежними идеями, укоренившимися наслѣдственно, на которыхъ еще покоятся общества, и идеями новыми, возникшими въ новыхъ средахъ, созданныхъ современной научной и промышленной эволюціей. Не оспаривая законности стремленій большинства людей улучшить свою участь, мы изслѣдуемъ, могутъ ли имѣть учрежденія дѣйствительное вліяніе на это улучшеніе, или же наши судьбы управляются роковою необходимостью совершенно

независимо отъ учрежденій, которыя можетъ создать наша воля.

Соціализмъ не имѣлъ недостатка въ защитникахъ, писавшихъ исторію его, въ экономистахъ, оспаривавшихъ его догмы, и въ проповѣдникахъ его ученія; лишь психологи пренебрегали до сихъ поръ изученіемъ его, видя въ немъ одинъ изъ такихъ неточныхъ и неопредѣленныхъ предметовъ, какъ богословіе или политика, которые могутъ лишь дать поводъ къ страстнымъ и безплоднымъ спорамъ, вызывающимъ отвращеніе у ученыхъ умовъ.

Повидимому, однако, лишь внимательная психологія можетъ показать происхожденіе новыхъ доктринъ и объяснить вліяніе, какое онѣ производятъ какъ въ народныхъ слояхъ, такъ и среди нѣкоторыхъ культурныхъ умовъ. Нужно проникнуть до самыхъ корней событій, протекающихъ передъ нами, чтобы понять самый ходъ и расцвѣтъ наблюдаемыхъ явленій.

Ни одинъ апостолъ никогда не сомнѣвался въ будущности своего вѣроученія; поэтому и соціалисты убѣждены въ близкомъ торжествѣ своихъ доктринъ. Такая побѣда необходимо вызываетъ разрушеніе настоящаго общества и переустройство его на другихъ началахъ. Нѣтъ ничего проще, по мнѣнію послѣдователей новыхъ догмъ, какъ это разрушеніе и переустройство. Очевидно, что насиліями возможно разстроить общество, какъ можно въ одинъ часъ уничтожить огнемъ долго строившееся зданіе. Но наши настоящія знанія объ эволюціи вещей позволяютъ ли допустить, что человѣкъ можетъ возстановить по своему желанію

разрушенную организацію? Стоитъ лишь немного вникнуть въ самый процессъ образованія цивилизацій, какъ тотчасъ же обнаруживается, что во всякомъ обществѣ учрежденія, вѣрованія и искусства представляютъ цѣлую сѣть идей, чувствъ, привычекъ и пріемовъ мышленія, укоренившихся наслѣдственнымъ путемъ и составляющихъ вмѣстѣ силу общества. Общество только тогда сплочено, когда это моральное наслѣдство упрочилось въ душахъ, а не въ кодексахъ. Общество приходитъ въ упадокъ, когда эта сѣть разстраивается. Оно осуждено на исчезновеніе, когда эта сѣть приходитъ въ полное разрушеніе.

Такой взглядъ никогда не оказывалъ вліянія на писателей и государственныхъ людей латинской расы. Убѣжденные въ томъ, что естественные законы могутъ изгладиться передъ ихъ идеаломъ нивеллировки, законности и справедливости, они полагаютъ, что достаточно выдумать умныя учрежденія и законы, чтобы пересоздать міръ. Они питаютъ еще иллюзіи той героической эпохи революціи, когда философы и законодатели считали непреложнымъ, что общество есть вещь искусственная, которую благодѣтельные диктаторы могутъ совершенно пересоздавать.

Такія теоріи, повидимому, теперь очень мало состоятельны, тѣмъ не менѣе не нужно пренебрегать ими. Онѣ побуждаютъ къ такимъ дѣйствіямъ, вліяніе которыхъ весьма разрушительно и, слѣд., очень опасно. Созидательная сила покоится на времени и не подчинена непосредственно нашей волѣ. Разрушитель-

ная сила, напротивъ, въ нашей власти. Разрушенiе общества можетъ совершиться очень быстро, но возстановленiе его происходитъ всегда очень медленно. Иногда нужны человѣку вѣка усилий для возстановленiя того, что онъ разрушилъ въ одинъ день.

Если мы желаемъ понять глубокое влiянiе современнаго соцiализма, то не нужно изучать догмъ его. Изслѣдуя причины его успѣха, приходишь къ заключенiю, что послѣднiй совсѣмъ не зависитъ отъ теорiй, которыя проповѣдуютъ эти догмы, и отъ внушаемыхъ ими отрицанiй. Подобно религiямъ, прiемы которыхъ соцiализмъ все болѣе и болѣе стремится усвоить, онъ распространяется отнюдь не доводами разума, а совсѣмъ иначе. Являясь очень слабымъ, когда пытается спорить и опираться на экономическiя соображенiя, онъ становится, напротивъ, очень сильнымъ, когда остается въ области увѣренiй, мечтанiй и химерическихъ обѣщанiй. Онъ былъ бы даже еще страшнѣе, если бы не выходилъ изъ этой области.

Благодаря его обѣщанiямъ возрожденiя, благодаря надеждѣ, зажигаемой имъ у всѣхъ обездоленныхъ, соцiализмъ начинаетъ представлять собою гораздо болѣе религiозное вѣрованiе, чѣмъ доктрину. А великая сила вѣрованiй, когда они стремятся облечься въ ту религiозную форму, строенiе которой мы изучали въ другомъ мѣстѣ, состоитъ въ томъ, что распространенiе ихъ не зависитъ отъ той доли истины или заблужденiя, какую они могутъ въ себѣ содержать. Лишь только вѣрованiе запало въ души, нелѣпость его не обнаруживается болѣе, умъ уже не касается его. Одно лишь

время можетъ ослабить его. Глубочайшіе мыслители, какъ Лейбницъ, Декартъ, Ньютонъ, безропотно преклонялись передъ религіозными догмами, слабость которыхъ скоро показалъ бы имъ разумъ, если бы они могли подчинить ихъ контролю критики. Но то, что вошло въ область чувства, уже не можетъ быть уничтожено разсужденіемъ. Религіи, дѣйствуя только на чувства, не могутъ быть потрясены доводами разума, и потому вліяніе ихъ на души было всегда столь рѣшительнымъ.

Современный вѣкъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ переходныхъ періодовъ, когда старыя вѣрованія потеряли свою силу и когда тѣ, которыя должны были замѣнить ихъ, не установились. Человѣку еще не удавалось обходиться безъ вѣрованій въ божество. Оно иногда низвергается со своего престола, но этотъ престолъ никогда не оставался незанятымъ. Вскорѣ изъ праха умершихъ боговъ появляются новые призраки.

Наука, поборовшая вѣру въ боговъ, не можетъ оспаривать ихъ огромную власть. Еще ни одна цивилизація не могла основаться и развиться безъ нихъ. Самыя цвѣтущія цивилизаціи всегда опирались на религіозныя догмы, которыя съ точки зрѣнія разума не обладали ни малѣйшей частицей логики, правдоподобности или даже простого здраваго смысла. Логика и разумъ никогда не были настоящими руководителями народовъ. Неразумное всегда составляло одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей человѣчества.

Не при посредствѣ разума былъ преобразованъ міръ. Религіи, основанныя на вздорныхъ представленіяхъ,

наложили свой неизгладимый отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи и продолжаютъ подчинять огромное большинство людей своимъ законамъ; философскія же системы, основанныя на доводахъ разума, сыграли лишь незначительную роль въ жизни народовъ и имѣли непродолжительное существованіе. Онѣ на самомъ дѣлѣ даютъ толпѣ только доводы, тогда какъ душа человѣческая требуетъ лишь надеждъ.

Эти то надежды всегда и внушались религіями, которыя создавали вмѣстѣ съ тѣмъ идеалъ, способный обольщать и возвышать души. Именно эта магическая сила надеждъ и создавала самыя могущественныя царства изъ ничтожества, творила чудеса литературы и искусствъ, составляющихъ общую сокровищницу цивилизаціи.

Равнымъ образомъ, надежды предлагаетъ и соціализмъ, и это составляетъ его силу. Вѣрованія, которымъ онъ учитъ, очень фантастичны и, повидимому, едва ли могли расчитывать на распространеніе; тѣмъ не менѣе они распространяются. Человѣкъ обладаетъ чудесной способностью преобразовывать вещи по волѣ своихъ желаній, познавать вещи только сквозь ту магическую призму мысли и чувствъ, которая представляетъ міръ такимъ, какимъ мы желаемъ его видѣть. Каждый, сообразно своимъ мечтаніямъ, своему честолюбію, своимъ желаніямъ, видитъ въ соціализмѣ то, чего основатели новой вѣры никогда не думали въ него вкладывать. Священникъ открываетъ въ немъ всеобщее распространеніе милосердія и мечтаетъ о немъ, забывая алтарь. Бѣднякъ, изнемогая отъ тяжкаго труда, смутно

усматриваетъ въ немъ лучезарный рай, гдѣ онъ будетъ надѣленъ земными благами. Легіоны недовольныхъ (а кто теперь къ нимъ не принадлежитъ?) надѣются, что торжество соціализма будетъ улучшеніемъ ихъ судьбы. Совокупность всѣхъ этихъ мечтаній, всѣхъ этихъ недовольствъ, всѣхъ этихъ надеждъ придаетъ новой вѣрѣ неоспоримую силу.

Для того, чтобы современный соціализмъ могъ такъ скоро облечься въ эту религіозную форму, составляющую тайну его могущества, необходимо было, чтобы онъ явился въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ моментовъ исторіи, когда люди, извѣрившись въ своихъ богахъ, утратили свои старыя религіи и живутъ только въ ожиданіи на смѣну ихъ новыхъ вѣрованій. Явившись какъ разъ въ то время, когда власть старыхъ божествъ значительно поблекла, соціализмъ, также дающій человѣку мечты о счастьи, естественно стремится овладѣть ихъ мѣстомъ. Ничто не указываетъ, что ему удастся занять это мѣсто, но все показываетъ, что онъ не можетъ долго сохранять его.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ третьему изданію.

Первое изданіе этой книги разошлось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и пришлось выпустить второе безъ всякихъ измѣненій. Третье изданіе, напротивъ, подверглось существенной переработкѣ.

Не нахожу нужнымъ отвѣчать критикѣ, вызванной этимъ трудомъ какъ во Франціи, такъ и въ странахъ, гдѣ появился его переводъ. Въ вопросахъ, относящихся гораздо болѣе къ области чувствъ, чѣмъ разума, нельзя разсчитывать на измѣненіе чьего либо образа мыслей. Перевороты въ области мысли никогда не совершаются книгами *).

Не принадлежа ни къ какой школѣ и не помышляя заслужить одобреніе ни одной изъ нихъ, я пытался изучить общественныя явленія подобно тому какъ изучаются физическія, стараясь возможно менѣе впадать въ ошибки.

*) Не разсчитывая, поэтому, ничуть разубѣдить кого либо изъ соціалистовъ, я, однако, думаю, что эта книга не будетъ для нихъ безполезна. Думаю такъ на основаніи статей объ этой книгѣ, особенно статьи наиболѣе свѣдущаго соціалиста Г. Сореля, который, между прочимъ, говоритъ: „книга Густава Ле Бона представляетъ наиболѣе полную работу, изданную во Франціи о соціализмѣ; работа эта заслуживаетъ большого вниманія по оригинальности идей автора, наводящихъ на самыя серьезныя размышленія“.

Нѣкоторыя мѣста этой книги по своей неизбѣжной краткости кажутся нѣсколько догматичными, чего не слѣдуетъ, однако, заключать относительно самихъ изложенныхъ мыслей. Одна изъ послѣднихъ главъ посвящена доказательству, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ возможны только вѣроятныя, но отнюдь не достовѣрныя заключенія.

Иногда въ этой книгѣ я какъ будто уклоняюсь отъ предмета моего изслѣдованія, но это необходимо потому, что происхожденіе нѣкоторыхъ явленій, самый процессъ развитія ихъ не могутъ быть поняты безъ предварительнаго изученія обстоятельствъ, среди которыхъ явленіе возникло и развивалось. Въ вопросахъ религіи, нравственности и политики изученіе самаго текста той или другой доктрины не имѣетъ вовсе преобладающаго значенія, какъ могло бы казаться. Важнѣе всего знать среду, въ которой доктрина развивается, знать чувства, на которыхъ она зиждется, и характеръ умовъ, воспринимающихъ ее. Въ эпоху торжества буддизма и христіанства догмы этихъ вѣрованій представляли малый интересъ для философа, но ему было бы весьма интересно познакомиться съ причинами укорененія ихъ, т. е. съ состояніемъ усвоившихъ эти догмы умовъ. Всякая догма, какъ бы ни была она несостоятельна съ точки зрѣнія разума, всегда восторжествуетъ, когда ей удалось измѣнить извѣстнымъ образомъ направленіе умовъ. Въ этомъ измѣненіи сущность самой догмы нерѣдко играетъ второстепенную роль. Торжество догмы происходитъ подъ вліяніемъ подходящей среды. удобнаго момента, возбу-

ждаемыхъ ею страстей и главнымъ образомъ—отъ вліянія проповѣдниковъ, умѣющихъ говорить толпѣ, зажигать въ ней вѣру. Послѣдняя вызывается дѣйствіемъ отнюдь не на разумъ, а только на чувства. Вотъ почему проповѣдники вызываютъ большія народныя религіозныя движенія, создающія новыхъ боговъ.

Поэтому то я убѣжденъ, что не выхожу изъ рамокъ моей задачи, принимая въ основаніе, при изложеніи нѣкоторыхъ главъ этой книги, наши вѣрованія, значеніе традицій въ жизни народовъ, зачатки творческихъ основъ въ душѣ латинскаго народа, экономическое развитіе въ настоящее время и еще другіе вопросы. Все это, можетъ быть, и представляетъ существенную часть этого изслѣдованія.

Не много страницъ этого труда посвящено собственно изложенію соціалистическихъ доктринъ. Онѣ столь не устойчивы, что безполезно вести о нихъ какіе либо споры. Эта измѣнчивость, впрочемъ, по общему закону, составляетъ необходимый признакъ всѣхъ новыхъ вѣрованій. Религіозныя догмы пріобрѣтаютъ полную опредѣленность только послѣ своего торжества. До этого момента онѣ блуждаютъ въ неопредѣленныхъ формахъ. Эта то неопредѣленность и есть залогъ успѣшнаго распространенія ихъ, такъ какъ придаетъ имъ способность приспособляться къ самымъ разнообразнымъ нуждамъ и тѣмъ удовлетворять безконечно разнообразныя вожделѣнія легіоновъ недовольныхъ, число которыхъ въ нѣкоторые моменты исторіи бываетъ очень велико.

Соціализмъ, какъ попытаемся это показать, можетъ быть отнесенъ къ классу религіозныхъ вѣроученій, имѣетъ присущій имъ характеръ неопредѣленности своихъ догмъ, не достигшихъ еще своего торжества. Доктрины соціализма мѣняются чуть не съ каждымъ днемъ и дѣлаются все болѣе и болѣе неопредѣленными, расплывчатыми. Чтобы согласовать принятые основателями этихъ доктринъ принципы съ явно противорѣчащими имъ фактами, пришлось предпринять трудъ, подобный трудамъ богослововъ, старающихся примирить разумъ съ Библіею.

Принципы, на которыхъ Марксъ, бывшій долго первосвященникомъ новой религіи, основывалъ соціализмъ, въ концѣ концовъ были опровергнуты фактами въ такой мѣрѣ, что вѣрнѣйшіе его ученики вынуждены отказаться отъ этихъ принциповъ. Такъ, напр., лѣтъ сорокъ тому назадъ по самой сущности теоріи соціализма выходило, что капиталы и земли должны скопляться въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа владѣльцевъ, тогда какъ статистика разныхъ странъ показала совершенно противное: въ дѣйствительности—капиталы и земли не только не скопляются, но съ большою быстротою раздробляются среди огромнаго числа людей. Поэтому мы и видимъ, что въ Германіи, Англіи и Бельгіи вожди соціализма все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ коллективизма, называя его химерою, способною увлекать развѣ только умы народовъ латинской расы.

Впрочемъ, въ отношеніи распространенія соціализма всякія теоретическія разсужденія не имѣютъ

никакого значенія. Толпа имъ не внимаетъ. Она запоминаетъ только ту основную мысль, что рабочій жертва нѣсколькихъ эксплоататоровъ вслѣдствіе дурной соціальной организаціи, и что было бы достаточно нѣсколькихъ новыхъ законовъ, введенныхъ революціоннымъ путемъ, чтобы измѣнить эту организацію. Теоретики могутъ себѣ развивать тѣ или другія доктрины своей теоріи, толпа принимаетъ ихъ готовыми во всей ихъ совокупности, не вникая никогда въ развитіе ихъ. Усвоенныя вѣрованія облекаются всегда въ очень простую форму. Разъ удалось ихъ вкоренить въ неразвитыхъ умахъ, они непоколебимо сохраняются въ нихъ надолго.

Помимо мечтаній соціалистовъ и весьма часто совершенно наперекоръ имъ современный общественный строй претерпѣваетъ быстрое и глубокое измѣненіе отъ перемѣнъ въ условіяхъ существованія, въ требованіяхъ времени и въ понятіяхъ, происходящихъ подъ вліяніемъ научныхъ и промышленныхъ изобрѣтеній послѣдняго полувѣка. Современныя сообщества приспособляются къ этимъ превращеніямъ, а не къ фантазіямъ теоретиковъ, которые, не видя роковой неизбѣжности существующихъ условій, полагаютъ, что могутъ по своему произволу перестраивать общество. Задачи, возникающія вслѣдствіе современныхъ превращеній въ мірѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ вопросы, озабачивающіе соціалистовъ. Изученію этихъ задачъ посвящена значительная часть настоящаго труда.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ВИФАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ. № 2402

Психологія соціализма.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Соціалистическія теоріи и ихъ послѣдователи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Соціализмъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

§ 1. *Факторы соціальнаго развитія.* Факторы, направляющіе современную эволюцію обществъ. Въ чемъ они отличаются отъ прежнихъ? Факторы: экономическіе, психологическіе и политическіе.

§ 2. *Разныя стороны соціализма.* Необходимость изученія соціализма въ отношеніяхъ—политическомъ, экономическомъ, философскомъ и какъ вѣрованія. Противорѣчіе между этими разными сторонами соціализма. Философскія опредѣленія соціализма. Существо коллективное и индивидуальное.

§ 1. Факторы соціальнаго развитія.

Основою цивилизацій всегда служило небольшое число направляющихъ идей. Когда идеи эти, успѣвъ значительно поблекнуть, потеряли всю свою силу, то цивилизаціи, опиравшіяся на нихъ, должны измѣниться.

Въ настоящее время мы переживаемъ одну изъ фазъ такого столь рѣдкаго въ исторіи народовъ пре-

вращенія. Немногимъ философамъ пришлось жить въ такіе важные моменты появленія новой идеи и имѣть возможность, какъ теперь, изучить послѣдовательный ходъ ея сформированія.

При современныхъ условіяхъ развитіе обществъ происходитъ подъ вліяніемъ троякаго рода факторовъ: политическихъ, экономическихъ и психологическихъ. Эти факторы дѣйствовали во всѣ времена, но относительное ихъ между собою значеніе измѣнялось въ зависимости отъ возраста народовъ.

Политическіе факторы, это—законы и учрежденія. Теоретики всѣхъ партій и особенно современные соціалисты придаютъ этимъ факторамъ большое значеніе. Всѣ они убѣждены, что счастье народа зависитъ отъ его учрежденій, и что стоитъ только ихъ измѣнить, какъ сразу измѣнится и судьба народа. Нѣкоторые мыслители полагаютъ, что, напротивъ, учрежденія оказываютъ весьма слабое вліяніе, что судьбы народовъ зависятъ отъ ихъ характера, т. е. отъ духовной природы той расы, къ какой народъ принадлежитъ. Этимъ объясняется, что націи, имѣя почти одинаковыя учрежденія и живя при одинаковыхъ условіяхъ, находятся на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Экономическіе факторы въ настоящее время имѣютъ громадное значеніе. Въ прежнія времена, когда народы жили разъединенно, когда промышленность и техника не двигались цѣлыми вѣками, факторы эти имѣли очень слабое вліяніе, но теперь, при быстромъ ходѣ усовершенствованій, они пріобрѣли перевѣсъ.

Научныя и техническія открытія совершенно измѣнили всѣ условія нашего существованія. Простая вновь открытая химическая реакція разоряетъ одну страну и обогащаетъ другую. Возникшая въ глубинѣ Азіи культура какого либо злака заставляетъ отказаться отъ хлѣбопашества цѣлыя провинціи Европы. Усовершенствованіе разнаго рода машинъ измѣняетъ условія жизни значительной части цивилизованныхъ народовъ.

Психологическіе факторы—раса, вѣрованія, воззрѣнія имѣютъ также большое значеніе. Вліяніе ихъ встарину имѣло даже перевѣсъ, но въ настоящее время онъ на сторонѣ экономическихъ условій.

Вотъ эти то измѣненія относительнаго вліянія возбудителей (факторовъ) соціальнаго развитія и составляютъ главное различіе между условіями жизни современнаго и прежняго общества. Подчинявшіяся прежде преимущественно своимъ вѣрованіямъ, въ настоящее время общества все болѣе и болѣе повинуются экономическимъ требованіямъ.

Однако и психологическіе факторы далеко не потеряли своего значенія. Насколько человѣкъ способенъ освобождаться отъ гнета экономическихъ условій—это зависитъ отъ склада его ума, т. е. отъ свойствъ его расы. Вотъ почему нѣкоторые народы подчиняютъ своимъ требованіямъ экономическія условія, тогда какъ другіе все болѣе и болѣе порабощаются ими и пытаются сопротивляться имъ только покровительственными законами, безсильными, впрочемъ, защищать ихъ отъ экономическаго гнета.

Таковы главные двигатели соціальнаго развитія. Незнаніе или непризнаваніе ихъ не достаточны для того, чтобы помѣшать ихъ дѣйствію. Законы природы дѣйствуютъ со слѣпою правильностью механизма, и кто сталкивается съ ними—всегда терпитъ пораженіе.

§ 2. Разныя стороны соціализма.

Итакъ, соціализмъ представляетъ разныя стороны, которыя надо разсмотрѣть послѣдовательно. Надо его разсмотрѣть въ отношеніяхъ политическомъ, экономическомъ, философскомъ и, наконецъ, какъ вѣрованіе. Надо также разсмотрѣть столкновеніе этихъ понятій съ дѣйствительностью существующаго общественнаго строя, т. е. столкновеніе отвлеченныхъ идей съ неумолимыми законами природы, которые человѣкъ не можетъ измѣнить.

Экономическая сторона соціализма легче всего поддается изслѣдованію. Тутъ задачи вполнѣ опредѣленны. Какъ создается и распредѣляется богатство? Каково взаимоотношеніе между трудомъ, капиталомъ и умственными способностями? Каково вліяніе экономическихъ явленій и въ какой мѣрѣ опредѣляютъ они соціальное развитіе?

Если будемъ изучать соціализмъ какъ вѣрованіе, т. е. изслѣдовать производимое имъ нравственное впечатлѣніе, внушаемыя имъ убѣжденія и фанатическую преданность идеямъ, то точка зрѣнія и самая задача становятся совершенно иными. Не имѣя болѣе надобности заниматься

теоретическимъ значеніемъ соціализма, какъ доктрины, ни тѣми непреодолимыми экономическими препятствіями, на которыя онъ можетъ натолкнуться, мы должны разсмотрѣть новое вѣрованіе только со стороны его происхожденія, его нравственныхъ успѣховъ и психологическихъ послѣдствій, какія оно можетъ породить. Это изслѣдованіе необходимо для объясненія безполезности всякихъ споровъ съ защитниками новыхъ догмъ. Когда экономисты удивляются, что неоспоримо ясныя доказательства совершенно не дѣйствуютъ на убѣжденныхъ сторонниковъ новыхъ догмъ, пусть они обратятся къ исторіи всякихъ вѣрованій и ознакомятся съ ученіемъ о психологіи толпы; тогда они перестанутъ удивляться. Доктрину не разбить указаніемъ ея химерическихъ сторонъ. Не доводами разума опровергаются мечты.

Чтобы понять силу современнаго соціализма, надо разсматривать его преимущественно, какъ вѣрованіе; тогда обнаружится, что основаніемъ его служатъ сильныя психологическія причины. Непосредственный успѣхъ его почти не зависитъ отъ противорѣчія между его догмами и разумомъ. Исторія всѣхъ вѣрованій, и особенно религіозныхъ, достаточно показываетъ, что ихъ успѣхъ въ большинствѣ случаевъ не зависѣлъ отъ того, какъ велика была въ нихъ доля истины или заблужденія.

По изученіи соціализма, какъ вѣрованія, надо разсмотрѣть его, какъ философское міровоззрѣніе. Этою стороною послѣдователи соціализма болѣе всего пренебрегали, а между тѣмъ эту сторону они могли легче всего защищать. Они полагаютъ, что осуществленіе

ихъ доктринъ—необходимое слѣдствіе экономическаго развитія, тогда какъ именно это развитіе наиболѣе препятствуетъ такому осуществленію. Съ точки зрѣнія чистой философіи, т. е. оставляя въ сторонѣ экономическія и психологическія условія, многія изъ соціалистическихъ теорій, напротивъ, вполнѣ могли бы противостоять критикѣ.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ съ философской точки зрѣнія соціализмъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе распространенная его форма—коллективизмъ? Просто — реакцію существа собирательнаго противъ захватовъ со стороны отдѣльныхъ единичныхъ существъ. Если же не принимать во вниманіе значенія умственныхъ способностей человѣка и той громадной пользы, какую эти способности могутъ оказать цивилизаціи, то несомнѣнно, что община или союзъ людей, преслѣдующій общія всѣмъ его членамъ цѣли, можетъ разсматриваться (хотя бы въ силу закона числа, этого великаго символа вѣры современной демократіи), какъ организація, созданная для порабощенія каждаго своего члена, который внѣ союза не могъ бы существовать.

Съ философской точки зрѣнія соціализмъ есть реакція общественности противъ индивидуальности, — какъ бы возвратъ къ прошлому. Индивидуализмъ и коллективизмъ по своей сущности — двѣ противодѣйствующія силы, стремящіяся если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, парализовать другъ друга. Эта борьба между противоположными интересами личности и организованной общины людей и пред-

ставляетъ истинную задачу соціализма съ философской точки зрѣнія. Отдѣльная личность, достаточно сильная, чтобы полагаться только на свою предпріимчивость, на свое разумѣніе, и потому способная самостоятельно содѣйствовать прогрессу, стоитъ передъ толпой, слабой въ отношеніи этихъ качествъ, но сильной своею численностью,—этою единственною поддержкою права. Интересы этихъ двухъ борющихся принциповъ — взаимнопротивоположны. Вопросъ въ томъ—могутъ ли они даже цѣною взаимныхъ уступокъ удержаться, не разрушаясь въ этой борьбѣ. До настоящаго времени только религіознымъ вѣроученіямъ удавалось вселять въ людяхъ сознаніе необходимости жертвовать своими личными интересами на пользу общую, замѣнять эгоизмъ личный общественнымъ. Но древнія религіи уже вымираютъ, а на замѣну ихъ новыя еще не народились. При изученіи развитія общественной солидарности намъ придется разсмотрѣть, въ какихъ границахъ экономическія потребности допускаютъ возможное примиреніе двухъ указанныхъ взаимнопротивоположныхъ принциповъ. Какъ справедливо замѣтилъ въ одной изъ своихъ рѣчей Леонъ Буржуа: „само собою разумѣется, что ничего нельзя подѣлать противъ законовъ природы, но необходимо непрестанно ихъ изучать и пользоваться ими для уменьшенія неравенства и несправедливости среди людей“.

Чтобы закончить обзоръ разныхъ сторонъ соціализма, мы должны еще разсмотрѣть его измѣненія сообразно съ характерами расъ. Если начала, указанныя въ одномъ изъ предшествующихъ нашихъ

сочиненій о глубокихъ преобразованіяхъ, которымъ подвергаются всѣ элементы цивилизаціи (учрежденія, религіи, искусства, вѣрованія и т. д.) съ переходомъ отъ одного народа къ другому,—вѣрны, то можно уже предвидѣть, что иногда подъ сходными между собою словами, выражающими у разныхъ народовъ представленія о государственномъ строѣ, скрывается весьма неодинаковая дѣйствительность. Мы увидимъ, что это такъ и на самомъ дѣлѣ. У расъ сильныхъ, энергичныхъ, достигшихъ высшей степени своего развитія, замѣчается какъ при режимѣ республиканскомъ, такъ и при монархическомъ значительное расширеніе предпріятій личной инициативы и постепенное уменьшеніе области, которую вѣдаетъ государство. Совершенно противоположную роль предоставляютъ государству тѣ народы, у которыхъ отдѣльныя личности дошли до такого умственнаго оскудѣнія, что не могутъ разсчитывать только на свои силы. У такихъ народовъ, какъ бы ни назывались государственныя учрежденія, правительство всегда представляетъ всепоглощающую власть: оно все фабрикуетъ и распоряжается мельчайшими подробностями жизни гражданъ. Соціализмъ есть ни что иное, какъ расширеніе такого воззрѣнія. Онъ былъ бы диктатурой безличной, но совершенно неограниченной.

Легко видѣть сложность предстоящихъ намъ задачъ и насколько онѣ упрощаются, если элементы ихъ изучаются раздѣльно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе соціализма и причины его развитія въ настоящее время.

§ 1. *Древность соціализма.* Соціальная борьба, вызванная неравенствомъ состояній, восходитъ къ первымъ вѣкамъ исторіи. Доктрины коллективизма у грековъ. Какимъ образомъ соціализмъ лишилъ грековъ независимости? Соціализмъ у римлянъ и евреевъ. Христіанство первыхъ вѣковъ представляетъ собою время торжества соціализма. Какимъ образомъ оно должно было вскорѣ отказаться отъ своихъ доктринъ? Иллюзіи соціалистовъ въ серединѣ XIX вѣка.

§ 2. *Причины развитія соціализма въ настоящее время.* Чрезмѣрная чувствительность въ настоящее время. Потрясенія и неустойчивость современнаго общества, вызванныя успѣхами промышленности. Потребности растутъ быстрѣе, чѣмъ средства для ихъ удовлетворенія. Притязанія современной молодежи. Помыслы университетской молодежи. Роль финансистовъ. Пессимизмъ мыслителей. Состояніе современнаго общества сравнительно съ прежнимъ.

§ 3. *Примѣненіе процентныхъ соотношеній при оцѣнкѣ общественныхъ явленій.* Необходимо точно установить соотношеніе между элементами полезными и вредными, входящими въ составъ общества. Несостоятельность пріема среднихъ величинъ. Въ соціальныхъ явленіяхъ процентныя соотношенія имѣютъ большее значеніе, чѣмъ средніе выводы.

§ 1. Древность соціализма.

Соціализмъ появился не сегодня. По излюбленному выраженію историковъ древности можно сказать, что начало появленія соціализма теряется въ глубинѣ вѣковъ. Онъ имѣлъ цѣлью уничтожить неравенство общественныхъ положеній, которое какъ въ древнемъ, такъ и современномъ мірѣ представляетъ одинъ и тотъ же законъ. Если всемогущее божество не пересоздастъ природу человѣка, то это неравенство, внѣ

всякаго сомнѣнія, будетъ существовать, пока существуетъ наша планета. Борьба богатаго съ бѣднымъ, надо полагать, будетъ продолжаться вѣчно.

Не восходя къ первобытному коммунизму — этой низшей формѣ развитія, съ которой начинали всѣ общества, мы можемъ сказать, что въ древности уже были испытаны разныя формы соціализма, которыя предлагаются и нынѣ. Особенно греки пытались ихъ осуществлять, и отъ этихъ то опасныхъ попытокъ погибла Греція. Доктрины коллективизма изложены уже въ „Республикѣ" Платона. Аристотель ихъ оспаривалъ, и какъ сказалъ Гиро, резюмируя ихъ сочиненія: *) „всѣ современныя доктрины, отъ христіанскаго соціализма до самаго крайняго коллективизма, находятъ тамъ свое выраженіе". Не разъ эти доктрины примѣнялись и на дѣлѣ. Политическіе перевороты въ Греціи были вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальными, т. е. имѣвшими цѣлью измѣнить соціальный строй и именно уравнять общественныя положенія разореніемъ богатыхъ и подавленіемъ аристократіи. Имъ это удавалось нѣсколько разъ, но всегда не надолго. Въ концѣ концовъ Греція пала и утратила свою независимость. Соціалисты того времени такъ же, какъ и теперь, расходились въ своихъ положеніяхъ; единодушіе ихъ проявлялось только относительно разрушенія существующаго порядка. Римъ положилъ конецъ этимъ вѣчнымъ несогласіямъ, низведя Грецію до рабства и заставивъ продавать ея гражданъ въ неволю.

*) „Въ книгѣ—„Propriété foncière des Grecs".

Сами римляне не избѣжали покушеній соціалистовъ и принуждены были испытать аграрный соціализмъ Гракховъ. Онъ ограничивалъ каждаго гражданина опредѣленною площадью земли, распредѣлялъ остатки земли между бѣдными и обязывалъ государство кормить нуждающихся. Все это привело къ борьбѣ, создавшей Марія, Суллу, междуусобныя войны и, наконецъ, паденіе республики и владычество имперіи.

Евреи также знакомы съ притязаніями соціалистовъ. Проклятія со стороны еврейскихъ пророковъ— этихъ настоящихъ анархистовъ той эпохи—направлены преимущественно противъ богатства. Самъ Іисусъ Христосъ вступался особенно за права бѣдныхъ и осуждалъ богатыхъ. Только бѣдному предназначено царствіе небесное, а богатому труднѣе въ него войти, чѣмъ верблюду пройти сквозь игольное ушко.

Въ теченіе двухъ, трехъ первыхъ вѣковъ нашей эры христіанская религія представляла собою соціализмъ обездоленныхъ, бѣдныхъ и недовольныхъ и, подобно современному соціализму, постоянно боролась съ установившимися учрежденіями. Борьба эта окончилась торжествомъ христіанскаго соціализма. и это, можно сказать,—первый случай такого прочнаго успѣха соціалистическихъ идей.

Но, несмотря на ту въ высшей степени выгодную для достиженія успѣха особенность христіанской вѣры, что обѣщаемое ею блаженство въ загробной жизни не можетъ быть провѣрено смертными, христіанскій соціализмъ могъ удержаться, только отрекшись, вслѣдъ

за своею побѣдою, отъ своихъ принциповъ. Онъ былъ вынужденъ искать поддержку у богатыхъ и сильныхъ, защищать богатство и собственность, т. е. то, что прежде отвергалъ. Какъ всѣ революціонеры, добившіеся торжества своихъ идей, христіане сдѣлались консерваторами, и общественные идеалы католическаго Рима мало чѣмъ отличались отъ идеаловъ Рима императорскаго. Бѣдные должны были по прежнему покоряться своей судьбѣ, работать и повиноваться въ надеждѣ на небесныя блага, если будутъ благоразумны, и бояться дьявола и ада, если будутъ неудобны для своихъ повелителей.

Какая чудесная исторія — эта двадцативѣковая мечта! Когда наши потомки освободятся отъ наслѣдственныхъ путъ мысли, они получатъ возможность изучить эту мечту съ чисто психологической точки зрѣнія и будутъ непрестанно восхищаться громадною силою этого созданія фантазіи, на которое еще и теперь опирается наша цивилизація. Какъ блѣдны самые блестящіе философскіе синтезы передъ зарожденіемъ и развитіемъ этого вѣрованія, столь простодушнаго съ точки зрѣнія разума и все же столь могущественнаго. Упорное господство этого вѣрованія ясно показываетъ, до какой степени мечта, а не дѣйствительность руководитъ человѣчествомъ. Основатели религій создавали только надежды, и тѣмъ не менѣе созданія эти всего дольше сохранялись. Какія обѣщанія соціалистовъ могутъ сравняться съ раемъ Іисуса

или Магомета? Какъ сравнительно ничтожны обѣщаемыя соціалистами земныя блага [1]).

Наши предки примѣняли теоріи соціалистовъ во время нашей революціи, и если ученые продолжаютъ спорить—была ли эта революція соціалистическою, то это происходитъ или отъ того, что подъ словомъ „соціализмъ“ нерѣдко разумѣютъ разныя понятія, или отъ неумѣнія вникнуть достаточно глубоко въ сущность вещей [2]). Цѣль соціалистовъ во всѣ времена совершенно ясна: отнять имущество у богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Эта цѣль никогда не достигалась столь удачно, какъ вожаками французской революціи. Правда, они объявили, что собственность священна и неприкосновенна, но сдѣлали это только послѣ того, какъ предварительно ограбили дворянъ и духовенство и, такимъ образомъ, замѣнили одно соціальное

[1]) *Примѣчаніе перев.* Въ изложенной характеристикѣ христіанскаго соціализма авторъ не касается вовсе самыхъ существенныхъ сторонъ христіанскаго ученія, рѣзко отличающихъ его отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ теорій и тѣмъ не допускающихъ даже сопоставленія съ ними Божественнаго ученія Христа. Ученіе это устраняетъ всякое насиліе, проповѣдуетъ безкорыстную, доходящую до самопожертвованія любовь къ ближнему и изощреніе въ духовной чистотѣ въ ущербъ плоти. Соціалистическія же теоріи не устраняютъ, въ видахъ яко бы справедливости, насилія и почти исключительно заботятся только о матеріальныхъ условіяхъ жизни. Вѣрующіе полагаютъ, что это различіе и есть главная причина столь широкаго распространенія и прочнаго укорененія христіанскаго ученія, которое благодаря только своей Божественной Силѣ просуществовало двѣ тысячи лѣтъ и будетъ существовать впредь.

[2]) Это и случилось съ А. Лихтенбергеромъ въ его книгѣ „Соціализмъ и французская революція“. Крайняя недостаточность его метода исторической критики приводитъ его иногда къ заключеніямъ, вызывающимъ улыбку. Сущность критики состоитъ не въ компилированіи текстовъ, а въ раскрытіи идей, скрытыхъ въ этихъ текстахъ. Такъ какъ эволюція словъ совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ эволюція мысли, то одни и тѣ же слова на протяженіи одного вѣка соотвѣтствуютъ весьма различнымъ понятіямъ.

неравенство другимъ. Никто, я полагаю, не сомнѣвается, что если бы современнымъ соціалистамъ удалось революціоннымъ путемъ разорить буржуазію, то образовавшійся при этомъ новый классъ не замедлилъ бы преобразиться въ ярыхъ консерваторовъ, которые заявили бы, что впредь собственность будетъ священна и неприкосновенна. Такія заявленія, впрочемъ, совершенно излишни, когда они исходятъ отъ власть имущихъ, и еще болѣе безполезны, когда исходятъ отъ слабыхъ. Въ классовой борьбѣ права и принципы не имѣютъ никакого значенія.

И если исторія такъ повторяется всегда, то это происходитъ отъ того, что она зависитъ отъ природы человѣка, не измѣнившейся еще въ теченіе вѣковъ. Человѣчество успѣло значительно состариться, но, несмотря на это, продолжаетъ увлекаться однѣми и тѣми же мечтами и повторять одни и тѣ же опыты, не черпая изъ нихъ никакого поученія. Перечитайте полныя энтузіазма и надеждъ рѣчи нашихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, ретивыхъ сподвижниковъ революціи 1848 г. По мнѣнію ихъ, наступила новая эра, и, благодаря имъ, міръ долженъ измѣниться. Благодаря имъ, страна скоро потонула въ деспотизмѣ и нѣсколько лѣтъ спустя чуть не погибла отъ разорительной войны и вторженія врага. Едва полвѣка прошло послѣ этой фазы соціализма, и мы, забывъ тяжелый урокъ, расположены вновь повторить тотъ же циклъ.

§ 2. Причины развитія соціализма въ настоящее время.

Итакъ, мы только повторяемъ теперь жалобы, которыя въ теченіе вѣковъ раздавались со стороны нашихъ отцовъ, и если наши жалобы стали громче раздаваться, то это только потому, что прогрессъ цивилизаціи сдѣлалъ насъ болѣе чувствительными. Условія нашего существованія значительно улучшились сравнительно съ прежними, а между тѣмъ они все менѣе и менѣе насъ удовлетворяютъ. Лишенный своихъ вѣрованій, не имѣя ничего впереди, кромѣ суроваго долга и невеселой взаимной поруки, тревожась отъ волненій и общей неустойчивости, причиняемыхъ измѣненіями въ промышленности, наблюдая поочередное разрушеніе общественныхъ организацій, грозящее исчезновеніемъ семьи и собственности, современный человѣкъ жадно привязывается къ настоящему; въ немъ только онъ можетъ понять и признать дѣйствительность. Интересуясь только собою, онъ хочетъ во что бы то ни стало пользоваться этимъ настоящимъ, чувствуя, что оно скоропреходяще. Взамѣнъ исчезнувшихъ иллюзій, человѣку стали необходимы благосостояніе и. слѣд., богатство. Они ему тѣмъ болѣе необходимы, что наука и промышленность создали множество предметовъ роскоши, которые прежде не были извѣстны, а теперь сдѣлались необходимостью. Жажда къ богатству все болѣе и болѣе распространяется одновременно съ возрастаніемъ числа жаждущихъ.

Потребности современнаго человѣка очень увеличились и возрастаютъ значительно быстрѣе, чѣмъ средства для ихъ удовлетворенія. Статистика показываетъ, что никогда не было такъ развито благосостояніе, какъ теперь, но она показываетъ также, что никогда потребности не были такъ настоятельны, какъ въ настоящее время. При измѣненіи же частей уравненія, равенство между ними сохраняется лишь тогда, когда онѣ возрастаютъ или убываютъ на равныя величины. Соотношеніе между потребностями и средствами удовлетворенія ихъ представляетъ уравненіе благополучія. Какъ бы ни были малы части этого уравненія, но разъ оно удовлетворено, т. е. равенство между частями сохранено, человѣкъ доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ остается доволенъ и тогда, когда, въ случаѣ уменьшенія средствъ, онъ можетъ уменьшить и свои потребности, т. е. возстановить равенство между частями уравненія. Такое рѣшеніе задачи давно осуществлено восточными народами, и потому мы видимъ ихъ всегда довольными своею судьбою. Но въ современной Европѣ потребности переросли средства для своего удовлетворенія въ огромной степени, части уравненія стали очень различаться, и большинство цивилизованныхъ людей проклинаетъ свою судьбу. Сверху донизу въ обществѣ одно и то же недовольство, такъ какъ и вверху и внизу потребности пропорціонально чрезмѣрно велики. Каждый, слѣдуя общему неудержимому теченію, стремится къ богатству и мечтаетъ разбить встрѣчаемыя къ тому препятствія. На почвѣ самаго мрачнаго равнодушія къ общимъ ин-

тересамъ и доктринамъ личный эгоизмъ превзошелъ всякій предѣлъ. Богатство сдѣлалось цѣлью, преслѣдуемой всѣми, и изъ-за нея забывается все остальное. Такія стремленія, разумѣется, въ исторіи не новы, но прежде они проявлялись не въ такой общей и исключительной формѣ, какъ теперь. Токвилль сказалъ: „людямъ XVIII вѣка была чужда такого рода страсть къ благосостоянію—этой матери рабства. Высшіе классы занимались гораздо больше украшеніемъ жизни, чѣмъ удобствомъ, и стремились болѣе къ славѣ, чѣмъ къ богатству".

Эта всеобщая погоня за богатствомъ повела къ общему пониженію нравственности и ко всѣмъ его послѣдствіямъ. Наиболѣе ярко выразилось это пониженіе въ уменьшеніи престижа буржуазіи въ глазахъ низшихъ общественныхъ слоевъ. Буржуазія постарѣла за одинъ вѣкъ настолько, насколько аристократія за тысячелѣтіе. Буржуазія вырождается ранѣе, чѣмъ въ третьемъ поколѣніи, и освѣжается лишь постояннымъ приливомъ элементовъ низшей среды. Буржуазное общество можетъ завѣщать своимъ дѣтямъ богатство, но какъ оно передастъ потомству случайныя качества, которыя только вѣками могутъ быть упрочены въ потомствѣ. Крупныя состоянія смѣнили собою наслѣдственный геній, наслѣдственныя дарованія, но эти состоянія слишкомъ часто переходятъ къ жалкимъ потомкамъ.

И вотъ, быть можетъ, наглое тщеславіе крупныхъ богачей и манера ихъ тратить свои средства болѣе всего способствовали развитію соціалистическихъ

идей. Справедливо замѣтилъ Фаге: „страдаютъ въ дѣйствительности только при видѣ чужого счастья; несчастіе бѣдныхъ въ этомъ и состоитъ“. Соціалисты отлично понимаютъ, что они не могутъ сдѣлать всѣхъ одинаково богатыми, но надѣются, по крайней мѣрѣ, сдѣлать всѣхъ одинаково бѣдными.

Зажиточная молодежь тоже не представляетъ ничего назидательнаго для народныхъ массъ. Она все болѣе и болѣе потрясаетъ нравственныя традиціи, которыя однѣ только и могутъ дать устойчивость обществу. Идеи долга, патріотизма и чести молодежь слишкомъ часто считаетъ ненужными предубѣжденіями, смѣшными стѣсненіями. Воспитанная въ обожаніи только удачъ въ жизни, она проявляетъ самые хищные аппетиты и вожделѣнія. Когда спекуляція, интрига, богатый бракъ или наслѣдство предоставляютъ молодежи большія состоянія, она ихъ расточаетъ на самыя низменныя наслажденія.

И университетская молодежь не представляетъ болѣе утѣшительнаго зрѣлища. Она—печальный продуктъ классическаго образованія. Пропитанная латинскимъ раціонализмомъ, получившая только теоретическое книжное образованіе, она не способна понимать что либо въ дѣйствительной жизни и не можетъ разобраться въ условіяхъ, поддерживающихъ существованіе обществъ. Идея объ отечествѣ, безъ которой никакой народъ не можетъ быть долговѣчнымъ, по мнѣнію ихъ, какъ сказалъ одинъ очень извѣстный академикъ, присуща только „глупымъ шовинистамъ, совершенно лишеннымъ способности къ философскому мышленію“.

Эти злоупотребленія богатствомъ и возрастающій упадокъ нравственности въ буржуазномъ обществѣ дали вѣское оправданіе ѣдкимъ нападкамъ современныхъ соціалистовъ на неравномѣрность распредѣленія богатствъ. Имъ было слишкомъ легко показать, что часто большія состоянія образовались посредствомъ громаднаго хищничества на счетъ скудныхъ средствъ тысячъ бѣдняковъ. Какъ назвать иначе всѣ эти финансовыя операціи крупныхъ банковыхъ учрежденій по устройству заграничныхъ займовъ? Эти учрежденія нерѣдко отлично знаютъ ненадежность заемщика и совершенно увѣрены, что ихъ слишкомъ довѣрчивые кліенты будутъ разорены, тѣмъ не менѣе безъ всякаго колебанія устраиваютъ заемъ, чтобы не потерять комиссіонный гонораръ, доходившій иногда до очень крупнаго размѣра, какъ напр. при займѣ Гондураса этотъ гонораръ превышалъ 50 % полной суммы займа. Бѣднякъ, рѣшающійся подъ вліяніемъ голода на воровство, развѣ не менѣе виновенъ, чѣмъ эти грабители хищники *). Что сказать о спекуляціи молодого американца мильярдера, который въ моментъ испано-американской войны скупилъ почти на всѣхъ рынкахъ міра зерновой хлѣбъ и сталъ продавать его

*) Благодаря своимъ капиталамъ, директоры американскихъ трестовъ могутъ дѣлать и не такія банковыя операціи. Разсказываютъ про одну изъ нихъ, сдѣланную Рокфеллеромъ, директоромъ „Standart oil Trust“, который произвелъ панику на американской биржѣ и тѣмъ заставилъ значительно понизиться въ курсѣ большинство процентныхъ бумагъ. Скупивъ ихъ затѣмъ и дождавшись курса, онъ пріобрѣлъ 2 милліарда франковъ, если вѣрить вычисленію Дорбиньи, приведенному въ Revue des Revues. Синдикатъ нефтепромышленности принесъ ему за этотъ годъ дохода около 100 милліоновъ франковъ.

по возвышеннымъ цѣнамъ только тогда, когда начался имъ же вызванный голодъ. Эта спекуляція произвела кризисъ въ Европѣ, голодъ и возмущенія въ Италіи и Испаніи и была причиною голодной смерти большого числа бѣдняковъ. Не правы ли, послѣ того, соціалисты, сравнивающіе этихъ спекулянтовъ съ простыми разбойниками, достойными висѣлицы?

Вотъ здѣсь то мы и наталкиваемся на одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашего времени, для разрѣшенія которой соціалисты предлагаютъ лишь ребяческія средства. Задача такая: избавить общество отъ страшнаго и все возрастающаго могущества крупныхъ финансистовъ. Подкупая прессу, закупая политическихъ дѣятелей, эти дѣльцы все болѣе и болѣе завоевываютъ положеніе единственныхъ хозяевъ въ странѣ и составляютъ какъ бы правительство, особенно опасное тѣмъ, что оно одновременно и всемогуще и тайно. „Это зарождающееся правительство, по словамъ Фаге, не имѣетъ никакихъ идеаловъ, ни нравственныхъ, ни умственныхъ. Оно не злое и не доброе. Оно считаетъ людей стадомъ, которое нужно держать за работой, кормить, не допускать до драки и стричь... Оно относится безразлично ко всякому умственному, художественному и нравственному прогрессу. Оно международно, не имѣетъ родины и стремится, впрочемъ не безпокоясь о томъ, истребить въ мірѣ идею объ отечествѣ“.

Трудно предвидѣть—какимъ образомъ современныя общества могутъ избѣгнуть этой страшной грозящей имъ тираніи. Американцы, которымъ повиди-

мому предстоитъ первымъ сдѣлаться жертвою этой тиранiи, уже предупреждаются наиболѣе выдающимися своими представителями о предстоящихъ кровавыхъ переворотахъ. Но если легко возстать противъ деспота, то какое же можетъ быть возстанiе противъ власти скрытой и безъимянной? Какъ добраться до богатствъ, искусно разбросанныхъ по всему свѣту? Внѣ всякаго сомнѣнiя, трудно будетъ долго терпѣть безъ возмущенiя, чтобы одинъ человѣкъ могъ для собственнаго обогащенiя вызвать голодовку или разоренiе тысячъ людей съ большею легкостью, чѣмъ, напр., Людовикъ XIV объявлялъ войну.

Нравственное паденiе высшихъ слоевъ общества, неравномѣрное и часто очень несправедливое распредѣленiе денегъ, опасныя злоупотребленiя богатствомъ, усиливающееся раздраженiе народныхъ массъ, все большая и большая потребность въ наслажденiяхъ, утрата прежняго авторитета власти и исчезновенiе старыхъ вѣрованiй—во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ много причинъ къ недовольству, объясняющихъ быстрое распространенiе соцiализма.

Наилучшiе умы страдаютъ недугомъ не менѣе глубокимъ, хотя недугъ этотъ и другого рода. Онъ не всегда превращаетъ ихъ въ сторонниковъ новыхъ доктринъ, но онъ мѣшаетъ имъ дѣятельнѣе защищать современный соцiальный строй. Постепенное распаденiе всѣхъ вѣрованiй и опиравшихся на нихъ учрежденiй, полное безсилие науки пролить свѣтъ на окружающiя насъ тайны, сгущающiяся по мѣрѣ того,

какъ мы хотимъ въ нихъ проникнуть, ясныя доказательства, что всѣ наши философскія системы— безпомощный и пустой вздоръ, повсемѣстное торжество грубой силы и вызываемое имъ унынiе имѣли результатомъ то, что избранные умы впали въ мрачный пессимизмъ.

Пессимистическое настроенiе современныхъ людей— неоспоримо; можно составить цѣлый томъ изъ фразъ, выражающихъ это настроенiе у нашихъ писателей. Нижеприведенныхъ выдержекъ будетъ достаточно, чтобы показать общую неурядицу въ умахъ:

„Что касается картины страданiй человѣчества, говоритъ выдающiйся современный философъ Ренувье, то, не говоря о бѣдствiяхъ, зависящихъ отъ общихъ законовъ царства животнаго, изображенiе, сдѣланное Шопенгауэромъ, окажется скорѣе слабымъ, чѣмъ преувеличеннымъ, если подумаемъ, какiя соцiальныя явленiя характеризуютъ нашу эпоху: борьба между нацiональностями и общественными классами, всеобщее распространенiе милитаризма, возрастающая нищета наряду съ накопленiемъ богатствъ, изощренiе въ наслажденiяхъ жизнью, увеличенiе числа преступленiй, какъ наслѣдственныхъ, такъ и профессiональныхъ, самоубiйства, ухудшенiе семейныхъ нравовъ, утрата вѣры въ непостижимое, замѣняемое все болѣе и болѣе безплоднымъ матерiалистическимъ культомъ мертвыхъ. Вся эта совокупность признаковъ видимаго возвращенiя цивилизацiи къ варварству и неизбѣжное содѣйствiе этому возвращенiю соприкосновенiя европейцевъ и американцевъ съ неподвижнымъ или даже опустившимся населенiемъ стараго свѣта—не сказывались еще въ то время, когда Шопенгауэръ сталъ призывать къ пессимистическому мiросозерцанiю.“

„Болѣе сильные безъ зазрѣнiя совѣсти попираютъ права болѣе слабыхъ, пишетъ другой философъ Буалей; американцы истребляютъ краснокожихъ, англичане притѣсняютъ индусовъ. Подъ предлогомъ распространенiя цивилизацiи, европейцы раздѣляютъ между собою Африку, а въ дѣйствительности цѣль другая—создать новые рынки. Ожесточенное соперничество между государствами приняло необычайные размѣры. Тройственный союзъ грозитъ намъ изъ боязни и алчности. Россiя ищетъ нашей дружбы изъ-за своихъ интересовъ“.

Ненависть и зависть въ низшихъ слояхъ, безучастіе, крайній эгоизмъ и исключительный культъ богатства въ правящихъ слояхъ, пессимизмъ мыслителей—таковы современныя настроенія. Общество должно быть очень твердымъ, чтобы противустоять такимъ причинамъ разложенія. Сомнительно, чтобы оно могло имъ долго сопротивляться.

Нѣкоторые философы находятъ утѣшеніе въ этомъ состояніи общаго недовольства, утверждая, что оно есть залогъ прогресса, и что народы, слишкомъ довольные своею судьбою, какъ напр. восточные, болѣе не прогрессируютъ. „Неравенство богатствъ, говоритъ Уэлзъ, кажется величайшимъ зломъ въ обществѣ; но какъ бы ни было велико это зло, уравненіе богатствъ привело бы еще къ худшему. Если каждый будетъ доволенъ своимъ положеніемъ и не будетъ видѣть возможности улучшить его, то человѣчество впадетъ въ состояніе оцѣпенѣнія, а, въ силу своей природы, оно не можетъ оставаться неподвижнымъ. Недовольство каждаго своимъ личнымъ положеніемъ есть могущественный двигатель всего прогресса человѣчества.“

Какъ ни судить объ этихъ чаяніяхъ и обвиненіяхъ, какія легко возводить противъ существующаго порядка вещей, надо признать, что всѣ соціальныя несправедливости неизбѣжны уже потому, что въ разной степени онѣ существовали всегда. Онѣ—роковое слѣдствіе самой природы человѣка, и никакой опытъ не даетъ повода заключить, что измѣненіемъ учрежденій и замѣною одного класса другимъ можно было

бы уничтожить или даже смягчить несправедливости, на которыя мы такъ сѣтуемъ. Въ арміи добродѣтельныхъ людей насчитывалось всегда очень мало рядовыхъ, еще гораздо меньше офицеровъ, и не найдено еще средства увеличить это число. Слѣдовательно, нужно примириться съ необходимостью общественныхъ несправедливостей, столь же естественныхъ, какъ и несправедливости въ природѣ, каковы угнетающія насъ старость и смерть, на которыя безполезно сѣтовать. Въ общемъ, если мы сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствуемъ выпадающія на нашу долю бѣдствія, то кажется, однако, вполнѣ вѣрнымъ, что въ дѣйствительности они никогда не были менѣе тягостными. Не говоря уже о первобытныхъ временахъ, когда человѣкъ, скрываясь въ пещерахъ, съ трудомъ оспаривалъ у звѣрей свою скудную пищу и очень часто самъ служилъ имъ добычею, вспомнимъ, что наши отцы переживали рабство, нашествія, голодъ, войны всякаго рода, смертоносныя эпидеміи, инквизицію, терроръ и много еще другихъ бѣдствій. Не забудемъ, что благодаря прогрессу науки и техники, увеличенію платы за трудъ и дешевизнѣ предметовъ роскоши, самый скромный человѣкъ живетъ въ настоящее время съ большими удобствами, чѣмъ встарину феодальные владѣтели въ своихъ замкахъ, находившіеся всегда подъ угрозой ограбленія и смерти отъ своихъ сосѣдей. Благодаря пару, электричеству и всѣмъ новѣйшимъ открытіямъ, послѣдній крестьянинъ пользуется теперь множествомъ удобствъ, какихъ не зналъ, при всей пышности своего двора, Людовикъ XIV.

§ 3. Примѣненіе процентныхъ соотношеній при оцѣнкѣ соціальныхъ явленій.

Для правильнаго сужденія о данной общественной средѣ недостаточно принимать во вниманіе только дурныя условія, которыя намъ непріятны, или несправедливости, которыя насъ смущаютъ. Каждое общество имѣетъ въ нѣкоторомъ соотношеніи между собою хорошее и дурное, нѣкоторое число людей добродѣтельныхъ и негодяевъ, людей геніальныхъ и людей посредственнаго ума и глупцовъ. Чтобы сравнивать общества между собою въ данное время или въ теченіе многихъ вѣковъ слѣдуетъ разсматривать составляющіе ихъ элементы не въ отдѣльности, а численное соотношеніе между ними. Нужно оставлять безъ вниманія бросающіеся въ глаза отдѣльные частные случаи крайне обманчивые, а также статистическіе средніе выводы, которые еще болѣе вводятъ въ заблужденіе. *Общественныя явленія управляются процентными соотношеніями, а не частными случаями и средними выводами.*

Большинство ошибочныхъ сужденій и происходящихъ отъ нихъ торопливыхъ обобщеній есть результатъ недостаточнаго знанія процентныхъ соотношеній между наблюдаемыми данными. Обычная характерная наклонность мало развитыхъ умовъ—обобщать частные случаи, не обращая вниманія, въ какой пропорціи они имѣютъ мѣсто. Напр., путешественникъ, подвергшійся нападенію грабителей въ лѣсу, будетъ утверждать, что этотъ лѣсъ всегда наполненъ гра-

бителями, не освѣдомляясь о томъ, сколько вообще путешественниковъ въ теченіе сколькихъ лѣтъ подвергалось тамъ нападенію до него.

Строгое примѣненіе пріема процентныхъ соотношеній научаетъ не довѣрять такимъ поверхностнымъ обобщеніямъ. Сужденія о какомъ либо народѣ или обществѣ имѣютъ цѣну лишь тогда, когда они относятся къ достаточно большому числу людей, позволяющему выводить процентныя отношенія между замѣченными достоинствами или недостатками. Только при такихъ данныхъ и возможны обобщенія. Если мы утверждаемъ, что данный народъ отличается энергіею и иниціативою, то это не значитъ, что среди него нѣтъ людей, совершенно лишенныхъ этихъ качествъ, но это значитъ только, что процентъ людей, обладающихъ этими качествами, значителенъ. Если бы явилась возможность понятное, но нѣсколько неопредѣленное выраженіе „значителенъ" замѣнить цыфровыми данными, то точность сужденія много выиграла бы, но при оцѣнкахъ такого рода, благодаря отсутствію достаточно чувствительныхъ реактивовъ, приходится довольствоваться лишь приближеніями. Эти реактивы хотя и имѣются, но требуютъ въ высшей мѣрѣ осторожнаго съ ними обращенія.

Опредѣленіе процентныхъ соотношеній имѣетъ первостепенное значеніе. Приложивъ его къ антропологическимъ изслѣдованіямъ, мнѣ удалось показать глубокія различія въ строеніи мозга у разныхъ расъ, которыя не могли быть открыты при сравненіи среднихъ данныхъ. До этого, сравнивая средніе объ-

емы череповъ разныхъ расъ, обнаруживали разности весьма незначительныя, и на основанiи этого большинство анатомовъ предполагало, что объемъ мозга у разныхъ расъ почти одинъ и тотъ же. Посредствомъ особыхъ кривыхъ, выражающихъ вполнѣ точно въ процентахъ разные объемы череповъ, я могъ, измѣривъ значительное число череповъ, доказать неопровержимо, что, наоборотъ, эти объемы для разныхъ расъ различаются въ огромной степени, и что высшія расы ясно отличаются отъ низшихъ тѣмъ, что первыя имѣютъ нѣкоторое число крупныхъ объемовъ мозга, которыхъ нѣтъ у вторыхъ. Благодаря небольшому безусловному числу крупныхъ объемовъ, они не оказываютъ влiянiя на величину средняго объема мозга данной расы. Это анатомическое изслѣдованiе подтвердило, впрочемъ, тотъ психологическiй фактъ, что умственный уровень какого либо народа характеризуется большимъ или меньшимъ числомъ принадлежащихъ ему выдающихся умовъ.

При изученiи общественныхъ явленiй прiемы изслѣдованiя еще слишкомъ несовершенны, чтобы можно было прилагать методы точной оцѣнки, позволяющiе выразить эти явленiя геометрически, въ видѣ кривыхъ. Не имѣя возможности обнять всѣ стороны вопроса, мы должны, однако, всегда помнить, что эти стороны многоразличны, и многихъ изъ нихъ мы даже не подозрѣваемъ или не понимаемъ, а между тѣмъ эти то наименѣе замѣтные элементы часто являются самыми важными данными въ вопросѣ. Чтобы при изслѣдованiи сложныхъ явленiй, какими всегда бываютъ

явленія соціальныя, получить менѣе ошибочные выводы, необходимо непрерывно рядомъ провѣрокъ и послѣдовательныхъ приближеній дѣлать поправки, стараясь совершенно отрѣшиться отъ нашихъ личныхъ интересовъ и симпатій. Надо долго устанавливать факты, прежде чѣмъ заключать, и очень часто только и довольствоваться этимъ установленіемъ. Не такіе принципы до настоящаго времени примѣнялись писателями по соціальнымъ вопросамъ, и несомнѣнно, поэтому, труды ихъ имѣли столь же слабое, сколь и мимолетное вліяніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Соціалистическія теоріи.

§ 1. *Основные принципы соціалистическихъ теорій.* Соціалистическія теоріи приводятся къ коллективизму и индивидуализму. Эти взаимнопротивоположные принципы всегда были въ борьбѣ между собою.

§ 2. *Индивидуализмъ.* Его роль въ развитіи цивилизацій. Его развитіе возможно только среди народовъ, одаренныхъ извѣстными качествами. Индивидуализмъ и французская революція.

§ 3. *Коллективизмъ.* Всѣ современныя формы соціализма требуютъ вмѣшательства государства въ условія жизни гражданъ. Роль, предоставляемая коллективизмомъ государству. Неограниченная диктатура государства или общины при коллективизмѣ. Антипатія соціалистовъ къ свободѣ. Какимъ образомъ коллективисты надѣются уничтожить неравенство. Общая черта программъ разныхъ соціалистическихъ толковъ (sectes). Анархизмъ и его доктрина. Программы современныхъ соціалистовъ очень стары.

§ 4. *Соціалистическія идеи, какъ и разныя учрежденія у народовъ, суть послѣдствія свойствъ ихъ расы.* Важность идеи о расѣ. Различіе въ понятіяхъ политическихъ и соціальныхъ, скрывающихся подъ одинаковыми словами. Народы не въ силахъ мѣнять по своему желанію свои учрежденія и могутъ только перемѣнять ихъ названія. Различіе соціалистическихъ воззрѣній у писателей, принадлежащихъ къ разнымъ расамъ.

§ 1. Основные принципы соціалистическихъ теорій.

Не было бы никакого интереса излагать политическія и соціальныя идеи теоретиковъ соціалистовъ, если бы эти идеи не отвѣчали иногда стремленіямъ и настроеніямъ данной эпохи и тѣмъ не производили извѣстнаго впечатлѣнія на умы. Если, какъ мы не разъ настаивали и какъ постараемся показать еще,

учрежденія у даннаго народа суть плоды унаслѣдованнаго имъ склада ума, а не продуктъ философскихъ теорій, созданныхъ во всей ихъ цѣлости, то становится понятнымъ ничтожество соціалистическихъ утопій и отвлеченно придуманныхъ государственныхъ учрежденій. Но политики и ораторы въ своихъ мечтаніяхъ весьма часто лишь облекаютъ въ доступную для умовъ форму неясно сознаваемыя стремленія своей эпохи и своей расы. Рѣдкіе писатели, которымъ удавалось своими трудами оказать нѣкоторое вліяніе на человѣчество, какъ, напр., Адамъ Смитъ въ Англіи и Руссо во Франціи, ничего другого не сдѣлали, какъ въ сжатой, но понятной формѣ выразили идеи, которыя распространялись уже повсюду. То, что эти писатели выразили, не ими создано. Только отдаленность времени можетъ вызвать заблужденіе въ этомъ отношеніи.

Если ограничить различныя соціалистическія теоріи указаніемъ только основныхъ принциповъ, на которые онѣ опираются, то наше изложеніе будетъ очень кратко.

Современныя теоріи общественнаго строя, при очевидномъ ихъ различіи, могутъ быть приведены къ двумъ взаимнопротивоположнымъ основнымъ принципамъ: индивидуализму и коллективизму. При индивидуализмѣ каждый человѣкъ предоставленъ самому себѣ, его личная дѣятельность достигаетъ максимума, дѣятельность же государства въ отношеніи каждаго человѣка минимальна. При коллективизмѣ, наоборотъ, самыми мелкими дѣйствіями человѣка распоряжается государство, т. е. общественная организація (col-

lectivité); отдѣльный человѣкъ не имѣетъ никакой иниціативы, всѣ его дѣйствія въ жизни предуказаны. Эти два принципа всегда вели болѣе или менѣе напряженную борьбу, и развитіе современной цивилизаціи сдѣлало эту борьбу болѣе ожесточенной, чѣмъ когда либо. Сами по себѣ эти принципы не имѣютъ никакой абсолютной цѣны и должны быть оцѣниваемы лишь въ зависимости отъ времени и въ особенности характера расъ, у которыхъ они проявляются. Въ этомъ мы убѣдимся далѣе.

§ 2. Индивидуализмъ.

Все, что создало величіе цивилизацій: науки, искусства, философскія системы, религіи, военное могущество и т. д. было созданіемъ отдѣльныхъ личностей, а не общественныхъ организацій. Важнѣйшія открытія и культурные успѣхи, которыми пользуется все человѣчество, были осуществлены отборными людьми, рѣдкими и высшими продуктами нѣкоторыхъ наиболѣе даровитыхъ расъ. Народы, у которыхъ индивидуализмъ наиболѣе развитъ, только благодаря этому и стоятъ во главѣ цивилизацій и господствуютъ нынѣ въ мірѣ.

Въ теченіе вѣковъ, т. е. въ теченіе многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ нашему вѣку, общественная организація, по крайней мѣрѣ у латинскихъ народовъ, была всемогуща. Отдѣльная личность внѣ ея была ничто. Революція, вѣнецъ всѣхъ доктринъ писателей XVIII вѣка, представляетъ, быть можетъ, первую серьезную попытку реакціи индивидуализма; но, освободивъ, по

крайней мѣрѣ въ теоріи, отдѣльную личность, она ее изолировала отъ ея касты, отъ семьи, отъ соціальныхъ или религіозныхъ группъ, къ которымъ она принадлежала, предоставивъ ее только самой себѣ и замѣнивъ, такимъ образомъ, общество разрозненными людьми, не имѣющими взаимной связи.

Такая организація не могла долго удержаться у народовъ, мало приспособленныхъ по своимъ наслѣдственнымъ свойствамъ, по своимъ учрежденіямъ и своему воспитанію къ тому, чтобы расчитывать только на свои силы и управляться безъ руководителей. Такіе народы жадно добиваются равенства, но мало интересуются свободою. Свобода—это состязаніе, непрестанная борьба, мать всякаго прогресса; въ ней могутъ торжествовать только самые способные, сильные люди; слабые же, какъ вообще въ природѣ, осуждены на гибель. Только сильные могутъ переносить одиночество и расчитывать лишь на самихъ себя. Слабые къ этому не способны. Они скорѣе предпочтутъ самое тяжелое рабство, чѣмъ одиночество и отсутствіе поддержки. Разрушенныя революціею корпораціи и касты служили человѣку основною поддержкою въ жизни, и очевидно, что онѣ соотвѣтствовали психологической необходимости, ибо въ настоящее время онѣ всюду возрождаются подъ разными именами, особенно подъ именемъ синдикатовъ. Эти синдикаты позволяютъ отдѣльнымъ своимъ членамъ сводить свою работу къ минимуму, тогда какъ индивидуализмъ требуетъ отъ человѣка обратнаго. Предоставленный себѣ пролетарій—ничто и ничего не можетъ сдѣлать; въ союзѣ съ

равными себѣ—онъ становится грозною силою. Если синдикатъ и не можетъ дать ему способностей и ума, то, по меньшей мѣрѣ, придаетъ ему силу, отнимая лишь свободу, которою онъ не сумѣлъ бы и воспользоваться.

Упрекали революцію, что она чрезмѣрно развила индивидуализмъ, но упрекъ этотъ не вполнѣ справедливъ. Форма индивидуализма, какой добилась революція, далека отъ той, какая примѣняется нѣкоторыми народами, напр. англо-саксами. Идеаломъ революціи было—разбить корпораціи, подвести всѣхъ подъ общій типъ и поглотить всѣхъ разъединенныхъ такимъ образомъ гражданъ опекою сильной государственной централизаціи. Нѣтъ ничего противоположнѣе этого идеала англо-саксонскому индивидуализму, который благопріятствуетъ соединенію отдѣльныхъ личностей въ группы и, посредствомъ ихъ, добивается всего, ограничивая дѣятельность государства тѣсными рамками. Созданіе революціи было гораздо менѣе революціонно, чѣмъ думаютъ вообще. Преувеличивъ значеніе централизаціи и государственной опеки надъ гражданами, французская революція не болѣе, какъ продолжала традицію латинскихъ народовъ, укоренявшуюся въ теченіе вѣковъ монархическаго режима и воспринятую равнымъ образомъ всѣми правительствами. Разрушивъ корпораціи политическія, рабочія, религіозныя и др., она сдѣлала эту централизацію и поглощеніе государствомъ еще болѣе полными, подчинившись, впрочемъ, такимъ образомъ, внушеніямъ всѣхъ философовъ своей эпохи.

Развитіе индивидуализма неизбѣжно приводитъ къ тому, что отдѣльная личность оказывается одинокою

среди яростной борьбы аппетитовъ. Расы молодыя, сильныя, среди которыхъ нѣтъ большого различія въ умственномъ развитіи отдѣльныхъ людей, каковы, напр., англо-саксы, легко мирятся съ такимъ порядкомъ. Посредствомъ ассоціацій, англійскіе и американскіе рабочіе отлично умѣютъ бороться противъ требованій капитала и не поддаются его тираніи. Всякій интересъ сумѣлъ, такимъ образомъ, отвоевать себѣ мѣсто. Но въ расахъ старыхъ, у которыхъ въ теченіе вѣковъ и благодаря системѣ воспитанія иниціатива ослабѣла, послѣдствія развитія индивидуализма были очень тяжелы. Философы минувшаго вѣка и революція, разрушая окончательно всѣ религіозныя и соціальныя связи: церковь, семью, касты, корпораціи, поддерживавшія существованіе человѣка и служившія ему надежною опорою, расчитывали, конечно, создать нѣчто крайне демократическое. Въ дѣйствительности же это разрушеніе совершенно непредвидѣнно породило финансовую аристократію, съ подавляющимъ могуществомъ царствующую надъ массою беззащитныхъ разъединенныхъ людей. Феодальный владѣтель не обращался такъ сурово со своими наемниками, какъ обращается иногда промышленный современный тузъ, король фабрикъ и заводовъ, со своими рабочими. Эти послѣдніе въ теоріи пользуются всѣми свободами и равноправны со своимъ хозяиномъ, а на дѣлѣ они чувствуютъ тяготѣющія надъ собою, по крайней мѣрѣ въ видѣ угрозъ, тяжелыя цѣпи зависимости и страхъ нищеты.

Стремленіе исправить такія непредвидѣнныя послѣдствія революціи неминуемо должно было возник-

нуть, и у противниковъ индивидуализма не было недостатка въ основательныхъ причинахъ для борьбы противъ него; имъ было не трудно утверждать, что общественный организмъ важнѣе индивидуальнаго, что интересы второго должны уступить интересамъ перваго, что малоспособные и слабые люди имѣютъ право на поддержку и что необходимо, чтобы общество само посредствомъ новаго распредѣленія богатствъ уничтожило неравенство, созданное природой. Такимъ образомъ возникъ современный соціализмъ, сынъ древняго соціализма, стремящійся подобно послѣднему измѣнить распредѣленіе богатства, разоряя богатыхъ въ пользу неимущихъ.

Средство для уничтоженія неравенства въ теоріи очень просто. Стоитъ только государству самому взять въ руки распредѣленіе имуществъ и непрестанно возстановлять нарушающееся въ пользу богатыхъ равновѣсіе. Изъ этой далеко не новой и столь соблазнительной съ виду идеи возникли положенія соціалистовъ, которыми мы теперь и займемся.

§ 3. Коллективизмъ.

Соціалистическія доктрины въ своихъ подробностяхъ очень разнятся между собою, но въ основныхъ своихъ принципахъ онѣ весьма схожи. Общія стороны ихъ заключаетъ въ себѣ коллективизмъ [1]). Мы скажемъ

[1]) Какъ я показалъ въ предисловіи къ 3-му изданію, въ странахъ съ научными стремленіями, какъ Англія и Германія, сами соціалисты начинаютъ смотрѣть на коллективизмъ, какъ на неосуществимую утопію. Въ странахъ латинскихъ, поддающихся сентиментальнымъ идеямъ, кол-

нѣсколько словъ о происхожденіи его, при изученіи соціализма въ Германіи. Въ настоящее время соціализмъ подраздѣлился на множество толковъ, но всѣ они носятъ общій характеръ въ стремленіи прибѣгать къ опекѣ государства, чтобы оно распредѣляло богатства и сглаживало несправедливости судьбы.

Основныя предложенія соціалистовъ отличаются, по крайней мѣрѣ, чрезвычайною простотою: государство конфискуетъ капиталы, рудники и имущества, распоряжается этими государственными богатствами и распредѣляетъ ихъ между гражданами посредствомъ огромной арміи чиновниковъ. Государство или, если угодно, община (коллективисты теперь не употребляютъ слова „государство") стала бы фабриковать все, не допускалась бы конкуренція. Самыя слабыя попытки иниціативы, индивидуальной свободы и конкуренціи были бы пресѣчены. Страна обратилась бы въ громадный монастырь, подчиняющійся суровой дисциплинѣ, которая поддерживалась бы арміей чиновниковъ. Такъ какъ наслѣдственность имуществъ уничтожена, то накопленіе богатствъ въ однѣхъ рукахъ не могло бы имѣть мѣста.

лективизмъ, наоборотъ, сохранился во всей силѣ. Соціализмъ въ безусловной формѣ значительно менѣе опасенъ въ дѣйствительности, чѣмъ когда онъ проявляется въ видѣ разныхъ проектовъ, направленныхъ къ улучшенію и регламентаціи условій труда. При безусловной формѣ соціализма, грозящей разными разрушеніями, опасность его видна, и съ нею можно бороться. Подъ формою же любви къ ближнему опасность эта не замѣтна, и соціализмъ тогда легче принимается. Онъ проникаетъ тогда во всѣ элементы общественной организаціи и медленно разлагаетъ ихъ. Французская революція также началась проектами человѣколюбивыхъ реформъ очень невиннаго свойства, которыя были приняты всѣми партіями, даже тѣми, что должны были оказаться ихъ жертвами. Она кончила кровавою рѣзнею и диктатурою.

Относительно же потребностей отдѣльныхъ личностей, коллективизмъ принимаетъ во вниманіе почти только необходимость продовольствія и заботится только о немъ.

Очевидно, что въ этомъ режимѣ кроются какъ безусловная диктатура государства или, что совершенно то же, общины, въ регламентаціи и распредѣленіи богатствъ, такъ и не менѣе безусловное рабство рабочихъ. Но этотъ доводъ не могъ бы тронуть этихъ послѣднихъ. Они очень мало интересуются свободой, чему служитъ доказательствомъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ они привѣтствовали появленіе Цезарей. Они также очень мало озабочены всѣмъ, что составляетъ величіе цивилизаціи: искусствами, науками, литературою и проч.; все это быстро исчезло бы въ подобномъ обществѣ. Программа коллективизма, слѣд., не содержитъ въ себѣ ничего, что могло бы казаться имъ антипатичнымъ. За пропитаніе, обѣщаемое теоретиками соціализма рабочимъ, „они будутъ выполнять свою работу подъ надзоромъ государственныхъ чиновниковъ, какъ бывало ссыльные въ каторгѣ подъ зоркимъ глазомъ и угрозою надсмотрщика. Всякая личная иниціатива будетъ задушена, и каждый работникъ будетъ отдыхать, спать, ѣсть по командѣ начальниковъ, приставленныхъ къ охранѣ, пищѣ, работѣ, отдыху и совершенному равенству между всѣми“. Не будетъ, при этомъ, поводовъ къ стремленію улучшить свое положеніе или выйти изъ него. Это было бы самое мрачное рабство безъ всякой надежды на освобожденіе. Подъ властью капиталиста рабочій можетъ, по

крайней мѣрѣ, мечтать самъ сдѣлаться капиталистомъ, что и бываетъ. О чемъ же онъ будетъ мечтать подъ игомъ безымянной и неизбѣжной деспотической тираніи государства уравнителя, предвидящаго всѣ нужды гражданъ и управляющаго всѣми ихъ вожделѣніями? Бурдо находитъ, что такая организація была бы очень похожа на организацію іезуитовъ Парагвая. Не будетъ ли она еще болѣе похожа на организацію негровъ на плантаціяхъ въ эпоху рабства?

Какъ ни ослѣплены соціалисты своими химерами и какъ ни убѣждены они въ могучей силѣ разныхъ учрежденій противъ экономическихъ законовъ, наиболѣе смышленые изъ нихъ не могли не признать, что огромнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ системы служатъ тѣ страшныя природныя неравенства, противъ которыхъ всякія сѣтованія всегда оказывались безполезными. Если только не истреблять систематически въ каждомъ поколѣніи всѣхъ сколько нибудь возвышающихся надъ уровнемъ самой скромной посредственности, то соціальныя неравенства, порождаемыя неравенствомъ умственнымъ, скоро бы возстановились. Теоретики оспариваютъ серьезность этого препятствія, увѣряя, что, благодаря новой искусственно созданной соціальной средѣ, способности людей очень скоро сравнялись бы, и что личный интересъ—этотъ двигатель человѣка и источникъ всякаго прогресса до настоящаго времени—сдѣлался излишнимъ и быстро смѣнился бы инстинктами любви къ ближнему, которая сдѣлала бы человѣка преданнымъ общимъ интересамъ. Нельзя отрицать, что религіи, по крайней мѣрѣ

въ теченіе короткихъ періодовъ горячей вѣры вслѣдъ за ихъ появленіемъ, достигали нѣкоторыхъ подобныхъ результатовъ; но онѣ могли обѣщать своимъ вѣрующимъ въ награду селенія праведныхъ и вѣчную жизнь, тогда какъ соціалисты не предлагаютъ своимъ послѣдователямъ взамѣнъ личной свободы ничего кромѣ ада рабства и безнадежнаго униженія.

Уничтожить послѣдствія естественныхъ неравенствъ въ теоріи очень легко, но никогда не удастся уничтожить самыя эти неравенства. Они, какъ старость и смерть,—роковая участь человѣка.

Но когда не выходятъ изъ области мечтаній, легко обѣщать все и, какъ Прометей Эсхила, „вселять въ души смертныхъ слѣпыя надежды“. Итакъ человѣкъ измѣнится, чтобы приспособиться къ новому созданному соціалистами обществу. Разъединяющее людей различіе между ними исчезнетъ, и останется только типъ средняго человѣка, такъ мѣтко опредѣляемый математикомъ Бертраномъ: „безъ страстей и пороковъ, ни глупъ, ни уменъ, среднихъ мнѣній, среднихъ воззрѣній, умираетъ въ среднемъ возрастѣ отъ нѣкоторой средней болѣзни, которую изобрѣтетъ статистика“.

Предлагаемые соціалистами разныхъ толковъ пріемы осуществленія ихъ положеній, различаясь по формѣ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль. Въ концѣ концовъ они сводятся къ возможно быстрому сосредоточенію земель и богатствъ въ рукахъ государства, будетъ ли то достигнуто путемъ простого указа или огромнымъ повышеніемъ пошлинъ на наслѣдства, при

которомъ фамильныя состоянія уничтожились бы черезъ небольшое число поколѣній.

Перечень программъ и теорій разныхъ толковъ соціализма не представляетъ интереса, такъ какъ въ настоящее время между всѣми ими господствуетъ коллективизмъ, и онъ одинъ пользуется вліяніемъ, по крайней мѣрѣ въ латинскихъ странахъ. Къ тому же большая часть изъ этихъ толковъ уже забыта. Такъ, напр., по справедливому замѣчанію Леона Сэ, „христіанскій соціализмъ, стоявшій во главѣ движенія 1848 г.. въ настоящее время отходитъ въ послѣдніе ряды". Что касается государственнаго соціализма, то только названіе его измѣнилось, въ сущности же онъ ничто иное, какъ современный коллективизмъ.

Относительно христіанскаго соціализма справедливо замѣчаютъ, что во многомъ онъ сходится съ современными доктринами. Бурдо говоритъ: „церковь подобно соціализму не придаетъ никакого значенія уму, таланту, изяществу, самобытности, личнымъ дарованіямъ. *Индивидуализмъ* церковь принимаетъ за синонимъ *эгоизма;* и то, что она всегда старалась вселить въ людяхъ, имѣлъ цѣлью и соціализмъ: *братство подъ опекою власти.* Та же международная организація, то же отрицаніе войны, то же пониманіе страданій и нуждъ общественныхъ. По мнѣнію Бебеля, папа съ высоты Ватикана лучше всего можетъ видѣть, какъ на горизонтѣ собираются грозовыя тучи. Папство было бы даже способно сдѣлаться опаснымъ конкурентомъ для революціоннаго соціализма, если бы оно рѣшительно стало во главѣ міровой демократіи".

Программа христіанскихъ соціалистовъ весьма мало отличается въ настоящее время отъ программы коллективистовъ. Но другіе соціалисты, въ своей ненависти ко всякой религіозной идеѣ, отстраняютъ христіанскихъ соціалистовъ, и, если бы когда либо революціонный соціализмъ восторжествовалъ, то, конечно, эти соціалисты оказались бы первыми его жертвами, и никто бы не пожалѣлъ объ ихъ участи.

Изъ разныхъ толковъ соціализма, появляющихся и исчезающихъ чуть не ежедневно, анархизмъ заслуживаетъ особаго упоминанія. Соціалисты-анархисты въ теоріи какъ будто примыкаютъ къ индивидуализму, такъ какъ стремятся предоставить каждому человѣку неограниченную свободу, но въ дѣйствительности ихъ слѣдуетъ разсматривать лишь какъ нѣчто въ родѣ крайней лѣвой соціализма, такъ какъ они также добиваются разрушенія современнаго общественнаго строя. Ихъ теорія характеризуется тою прямолинейною простотою, которая составляетъ основную черту всѣхъ соціалистическихъ утопій: общество не стоитъ ничего, разрушимъ его огнемъ и мечомъ. Естественнымъ путемъ образуется новое, очевидно, совершенное общество. Вслѣдствіе какихъ чудесъ новое общество могло бы отличаться отъ предшествующаго? Вотъ чего ни одинъ анархистъ никогда не сказалъ. Напротивъ, вполнѣ очевидно, что если современныя цивилизаціи были бы совершенно уничтожены, то человѣчество прошло бы вновь всѣ послѣдовательныя формы быта: дикость, рабство, варварство и т. д. Непонятно, что выиграли бы при этомъ анархисты. Допустимъ не-

медленное осуществленіе анархическихъ мечтаній, т. е. разстрѣлъ всѣхъ буржуа, соединеніе въ одну громадную массу всѣхъ капиталовъ, которыми сталъ бы пользоваться всякій участникъ по своему желанію. Какимъ образомъ этотъ капиталъ сталъ бы восполняться, когда израсходуется и когда всѣ анархисты временно обратились бы сами въ капиталистовъ?

Какъ бы то ни было, анархисты и коллективисты представляютъ единственные толки, пользующіеся теперь вліяніемъ у латинскихъ народовъ.

Коллективисты считаютъ творцомъ своихъ теорій нѣмца Маркса, между тѣмъ какъ онѣ значительно старѣе. Ихъ находятъ у древнихъ писателей до подробностей. Не восходя столь далеко, можно замѣтить вмѣстѣ съ Токвилемъ, писавшимъ въ серединѣ XIX вѣка, что всѣ соціалистическія теоріи пространно изложены въ *Code de la Nature*, изданномъ Морелли 1755 г.

„Тамъ вы найдете, вмѣстѣ со всѣми ученіями о всемогуществѣ государства и неограниченности его правъ, многія политическія теоріи, которыя наиболѣе пугали Францію въ послѣднее время и которыя мы считали зарождающимися какъ будто бы при насъ: общность имуществъ, право на трудъ, безусловное равенство, однообразіе во всемъ, механическая правильность во всѣхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, тиранія регламентацій, полное поглощеніе личности гражданъ въ соціальномъ строѣ:

„Ничто въ обществѣ не будетъ собственностью кого бы то ни было, гласитъ первый параграфъ. Каждый гражданинъ будетъ кормиться, содержаться и получать работу отъ общества, говоритъ 2-й параграфъ. Всѣ продукты будутъ собираться въ общественные магазины и оттуда распредѣляться между гражданами для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей. Всѣ дѣти въ возрастѣ 5-ти лѣтъ будутъ отниматься отъ семьи и воспитываться вмѣстѣ на счетъ государства вполнѣ однообразно, и т. д.“.

§ 4. Соціалистическія идеи, какъ и разныя учреждения у народовъ, суть послѣдствія свойствъ ихъ расы.

Идею о расѣ еще такъ недавно очень мало понимали; теперь же она все болѣе и болѣе распространяется и принимаетъ господствующее значеніе во всѣхъ нашихъ представленіяхъ—историческихъ, политическихъ и общественныхъ *).

Въ одномъ изъ нашихъ трудовъ мы показали, какимъ образомъ народы, соединяясь и смѣшиваясь случайно при эмиграціяхъ и завоеваніяхъ, образовали мало по малу историческія расы, единственно существующія въ настоящее время, такъ какъ расы чистыя въ антропологическомъ отношеніи только и можно встрѣтить развѣ у дикарей. Установивъ твердо это понятіе, мы указали границы измѣненій признаковъ этихъ расъ,

*) Значеніе расы, которое можно было бы считать очень элементарною данною, въ настоящее время для многихъ, однако, остается еще совершенно непонятнымъ. Это мы видимъ, напр., въ одной изъ послѣднихъ книгъ Новикова, гдѣ онъ придаетъ расѣ „малое значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ“. Онъ полагаетъ, что негръ легко можетъ сравняться съ бѣлымъ и т. д.

Такія утвержденія показываютъ только, насколько, какъ выражается самъ авторъ, „въ области соціологіи довольствуются еще звонкими фразами вмѣсто внимательнаго изученія явленій“. Все, что Новикову не понятно, онъ называетъ противорѣчіемъ, и авторы иного мнѣнія причисляются къ пессимистамъ. Такая психологія, конечно, столь же легка, сколь и элементарна. Чтобы допустить „малое значеніе расы въ дѣлахъ человѣчества“, надо совершенно не знать исторіи Сенъ-Доминго, Гаити, исторіи 22 испано-американскихъ республикъ и исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Не признавать значенія расы значитъ лишить себя навсегда способности понимать исторію.

т. е. какимъ образомъ на данной постоянной основѣ наслаиваются неустойчивыя и измѣнчивыя особенности характеровъ. Мы показали, затѣмъ, что всѣ элементы цивилизаціи: языкъ, искусства, обычаи, учрежденія, вѣрованія, будучи слѣдствіемъ извѣстнаго умственнаго склада, при переходѣ отъ одного народа къ другому не могутъ не подвергаться глубокимъ измѣненіямъ. То же относится и къ соціализму. Онъ долженъ подчиниться этому общему закону измѣненій. Вопреки обманчивымъ названіямъ, которыя въ политикѣ, какъ въ религіи и въ морали, прикрываютъ собою совершенно разнородныя вещи, одинаковыя въ этихъ названіяхъ слова выражаютъ разныя политическія и соціальныя понятія, а также и разныя слова выражаютъ иногда одни и тѣ же понятія. Нѣкоторые латинскіе народы живутъ подъ монархическимъ режимомъ, другіе—подъ республиканскимъ, но при этихъ политическихъ формахъ, по названію столь противоположныхъ, политическая роль государства и каждаго отдѣльнаго человѣка остается у нихъ одна и та же и представляетъ неизмѣнный идеалъ расы. Подъ какимъ бы именемъ ни существовало у латинскихъ народовъ правленіе, инициатива государства всегда будетъ преобладающей, а инициатива частныхъ лицъ очень слабой. Англо-саксы, при монархическомъ или республиканскомъ режимѣ, руководствуются идеаломъ, совершенно противоположнымъ латинскому. У нихъ роль государства доведена до минимума, тогда какъ политическая или соціальная роль предоставляется, напротивъ, частной инициативѣ и доведена до своего максимума.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что свойства учрежденій играютъ роль, очень ничтожную въ жизни народовъ. Понадобится, вѣроятно, еще нѣсколько вѣковъ, чтобы это понятіе было усвоено народными массами *). А между тѣмъ только тогда, когда массы проникнутся этою идеею, обнаружится съ полною очевидностью безполезность конституцій и революцій. Изъ всѣхъ ошибокъ, порожденныхъ исторіей, самая гибельная та, ради которой пролилось безъ пользы всего больше крови и произведено всего больше разрушеній; эта ошибка — мысль, что всякій народъ можетъ измѣнить свои учрежденія по своему желанію. Все, что онъ можетъ сдѣлать—это измѣнить названія, дать новыя имена старымъ понятіямъ, представляющимъ естественное развитіе долгаго прошлаго.

Оправдать эти положенія можно только примѣрами. Такихъ примѣровъ мы привели немало въ нашихъ предыдущихъ трудахъ; но изученіе соціализма у разныхъ расъ, которому посвящено нѣсколько слѣдующихъ главъ, дастъ намъ еще много другихъ. Мы прежде всего покажемъ, разсматривая данный на-

*) Недостаточно усвоено оно и образованными людьми, по крайней мѣрѣ латинской расы. Въ одной замѣчательной статьѣ нью-іоркской газеты Evening Post, 1 апр. 1898 г., по поводу идей одного выдающагося французскаго писателя Брюнетьера, редакторъ газеты выражается такъ:

„Характеръ, а не учрежденія, создаетъ величіе народовъ, какъ отлично показалъ это Густавъ Ле Бонъ въ своей новой книгѣ. Ошибка Брюнетьера и его собратьевъ состоитъ въ томъ, что они считаютъ возможнымъ создать величіе народовъ законами, увеличеніемъ арміи и флота или измѣненіемъ избирательной системы.“ Чтеніе рѣчей политическихъ дѣятелей всѣхъ партій среди латинскихъ народовъ показываетъ, до какой степени они исповѣдуютъ воззрѣнія Брюнетьера. Они являются воззрѣніями не личными, а расовыми.

родъ, какимъ образомъ появленіе соціализма было подготовлено у народа умственнымъ складомъ его расы и его исторіей. Мы увидимъ, затѣмъ, какъ однѣ и тѣ же соціалистическія доктрины не могутъ имѣть успѣха у другихъ народовъ, принадлежащихъ къ разнымъ расамъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдователи соціализма и ихъ умственный складъ.

§ 1. *Классификація послѣдователей соціализма.* Общая связь между разными категоріями соціалистовъ. Необходимость раздѣльнаго изученія разныхъ группъ послѣдователей соціализма.

§ 2. *Рабочіе классы.* Ремесленники и чернорабочіе. Различіе соціалистическихъ представленій у этихъ двухъ классовъ. Психологія парижскаго рабочаго. Его смышленость и духъ независимости. Его превосходство надъ классомъ чиновниковъ. Безпечный и импульсивный характеръ этого рабочаго. Его художественное чутье. Его консервативные инстинкты. Его общительность и отсутствіе въ немъ эгоизма. Наивная простота его политическихъ взглядовъ. Чѣмъ представляется ему правительство? Классъ парижскихъ рабочихъ окажется наиболѣе неподатливымъ къ воспріятію соціализма.

§ 3. *Правящіе классы.* Успѣхи сентиментальнаго соціализма въ образованныхъ классахъ. Причины этихъ успѣховъ. Заразительность примѣра, вліяніе страха, скептицизма и равнодушія.

§ 4. *Полуученые и доктринеры.* Что такое полуученый? Въ какомъ случаѣ можно быть одновременно и полуученымъ и весьма образованнымъ? Полуученый, воспитанный на книгахъ, всегда останется чуждымъ окружающей его дѣйствительности. Быстрое развитіе соціализма въ средѣ полуученыхъ. Гибельная роль высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ питомцевъ. Доктринеры. Ихъ непонятливость и наивность.

§ 1. Классификація послѣдователей соціализма.

Понятіе о соціализмѣ охватываетъ весьма разнообразныя теоріи, и на первый взглядъ очень противорѣчивыя. Армія послѣдователей этихъ теорій не имѣетъ почти никакой другой взаимной связи, кромѣ ненависти къ существующему порядку вещей и неопредѣленныхъ стремленій къ новому идеалу, который долженъ улуч-

шить положеніе и замѣнить старыя вѣрованія. Хотя всѣ эти послѣдователи дружно идутъ къ разрушенію наслѣдія прошедшихъ временъ. но одушевлены они весьма различными чувствами.

Только при отдѣльномъ изученіи главнѣйшихъ ихъ группъ можно нѣсколько выяснить ихъ психологію и, слѣд., ихъ воспріимчивость къ новымъ доктринамъ.

Соціализмъ, казалось бы, на первый взглядъ, долженъ пріобрѣсти больше всего послѣдователей въ низшихъ слояхъ народа и особенно среди рабочихъ. Новая идея является въ самой простой и, слѣд., самой общепонятной формѣ: поменьше работы и побольше наслажденій. Взамѣнъ неопредѣленнаго заработка, часто нищеты въ старости, подчиненія фабричнымъ правиламъ, подчасъ очень тяжелымъ, имъ обѣщаютъ создать такое обновленное общество, въ которомъ, при новомъ распредѣленіи богатствъ всемогуществомъ государства, работа станетъ отлично оплачиваться и очень облегчится.

Передъ такими блестящими и такъ часто повторяемыми обѣщаніями, казалось бы, низшіе классы не могутъ колебаться, особенно тогда, когда, имѣя право посредствомъ всеобщаго голосованія выбирать законодателей, они держатъ всю власть въ своихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе они колеблются. То, что наиболѣе бросается въ глаза въ настоящее время, это не быстрота распространенія пропаганды новыхъ доктринъ, а, напротивъ, относительная его медленность. Нужно изучить, что сейчасъ мы и сдѣлаемъ, разныя категоріи приверженцевъ соціализма, чтобы понять это различіе вліяній его въ разныхъ средахъ.

Мы разсмотримъ послѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, слѣдующія категоріи: рабочіе классы, правящіе классы, классъ такъ называемыхъ полуученыхъ и доктринеровъ.

§ 2. Рабочіе классы.

Психологія рабочихъ классовъ, въ зависимости отъ ремесла, мѣста и среды, слишкомъ разнообразна для того, чтобы могла быть изложена подробно. На это потребовалось бы очень долгое и утомительное изслѣдованіе, требующее большой наблюдательности, почему, вѣроятно, и не было сдѣлано попытокъ въ этомъ направленіи.

Я ограничусь изученіемъ рабочаго класса, вполнѣ опредѣленнаго, и именно парижскаго. Этотъ классъ единственный, который я могъ изучить съ нѣкоторою основательностью. Классъ парижскихъ рабочихъ представляетъ особый интересъ, такъ какъ именно въ Парижѣ всегда происходятъ наши революціи. Послѣднія удаются или не удаются въ зависимости отъ того, имѣютъ или не имѣютъ вожаки за собою парижскій рабочій классъ.

Этотъ интересный классъ содержитъ въ себѣ, очевидно, много разновидностей; но подобно естествоиспытателю, описывающему общія характерныя черты даннаго рода, присущія всѣмъ относящимся къ нему видамъ, мы коснемся лишь характерныхъ свойствъ, общихъ большинству наблюдаемыхъ разновидностей.

Существуетъ, однако, одно подраздѣленіе, которое необходимо отмѣтить съ самаго начала, чтобы не соединять вмѣстѣ элементы, слишкомъ различающіеся. Въ

самомъ дѣлѣ, въ рабочемъ классѣ наблюдаются двѣ рѣзко различающіяся категоріи, каждая со своею особою психологіею: чернорабочіе (manoeuvres) и ремесленники (artisans).

Чернорабочій классъ—самый низшій по умственнымъ способностямъ, но и самый многочисленный. Онъ—непосредственный продуктъ развитія машиннаго производства и растетъ съ каждымъ днемъ. Совершенствованіе машинъ стремится, въ самомъ дѣлѣ, все къ большей и большей автоматичности работы, и слѣд. уменьшаетъ все болѣе и болѣе степень умственныхъ способностей, необходимую для ея выполненія. Роль фабричнаго рабочаго только и ограничивается почти тѣмъ, чтобы постоянно направлять проходъ какой нибудь нитки или проталкивать сквозь зубцы какія либо металлическія пластинки, которыя сами складываются, выковываются и чеканятся. Обиходные предметы, напр. простые фонари для освѣщенія рвовъ и канавъ, стоющіе всего пять су, составляются изъ 50 разныхъ частей, изъ нихъ каждая выдѣлывается спеціальнымъ рабочимъ, который ничего другого и не будетъ дѣлать въ теченіе всей своей жизни. Такая легкая работа роковымъ образомъ оплачивается плохо, тѣмъ болѣе что для исполненія ея является много конкурентовъ, женщинъ и дѣтей, способныхъ не менѣе его на эту работу. Незнакомый ни съ какой другой работой, чернорабочій находится поневолѣ въ полной зависимости отъ директора фабрики, на которой работаетъ.

Соціализмъ болѣе всего можетъ разсчитывать на чернорабочій классъ, во первыхъ потому, что онъ наименѣе умственно развитъ, а во вторыхъ, что онъ и

менѣе обезпеченъ, и потому поневолѣ увлекается всѣми доктринами, обѣщающими улучшить его положеніе. Этотъ классъ никогда самъ не начнетъ революціи, но послушно примкнетъ ко всякой.

На ряду или вѣрнѣе значительно выше этой категоріи стоятъ ремесленники. Къ нимъ принадлежатъ рабочіе на постройкахъ, въ механическихъ мастерскихъ, занятые промышленными искусствами и въ мелкой промышленности: плотники, столяры, установщики, цинковщики, литейщики, электротехники, маляры, декораторы, каменьщики и т. д. У нихъ каждый день новая работа, представляющая новыя затрудненія, для преодолѣнія которыхъ нужно размышлять, что способствуетъ умственному развитію.

Эта категорія — самая распространенная въ Парижѣ; ее, главнымъ образомъ, я буду имѣть въ виду въ послѣдующемъ изслѣдованіи. Психологія этой категоріи особенно интересна, такъ какъ характеръ ея вполнѣ опредѣленный, чего нѣтъ въ большинствѣ другихъ социальныхъ категорій.

Парижскіе ремесленники составляютъ касту, изъ которой рѣдко кто пытается выйти. Сынъ рабочаго желаетъ, чтобы его сыновья оставались рабочими, тогда какъ, наоборотъ, мечта крестьянина и мелкаго служащаго—сдѣлать изъ своихъ сыновей горожанъ.

Мелкій чиновникъ презираетъ ремесленника, но послѣдній относится къ первому еще съ большимъ презрѣніемъ, считаетъ его лѣнтяемъ, лишеннымъ способностей. Онъ сознаетъ, что уступаетъ чиновнику въ щегольствѣ одежды, въ утонченности манеръ, но

за то считаетъ себя значительно выше въ отношеніи энергіи, дѣятельности и смышленности, что очень часто такъ и бываетъ. Ремесленникъ преуспѣваетъ только благодаря своимъ достоинствамъ, чиновникъ—благодаря выслугѣ лѣтъ. Чиновникъ ничего не представляетъ внѣ своей корпораціи. Ремесленникъ — самостоятельная единица, имѣющая цѣну сама по себѣ. Если ремесленникъ хорошо знаетъ свое дѣло, онъ увѣренъ, что для него найдется работа вездѣ, тогда какъ чиновникъ не можетъ имѣть такой увѣренности; поэтому, этотъ послѣдній всегда дрожитъ передъ своимъ начальствомъ, которое можетъ лишить его мѣста. Ремесленникъ, напротивъ, имѣетъ гораздо больше достоинства и независимости. Чиновникъ не способенъ дѣйствовать внѣ узкихъ рамокъ извѣстныхъ правилъ, и вся его служба состоитъ въ соблюденіи этихъ правилъ. Ремесленникъ, наоборотъ, каждый день встрѣчается съ новыми затрудненіями, которыя возбуждаютъ въ немъ предпріимчивость и наводятъ на размышленія. Наконецъ, ремесленникъ, будучи вообще лучше оплачиваемъ, чѣмъ чиновникъ, и не имѣя надобности въ одинаковыхъ съ нимъ расходахъ на внѣшнюю обстановку, можетъ вести гораздо болѣе широкую жизнь. Маломальски способный ремесленникъ 25-ти лѣтъ отъ роду можетъ безъ затрудненій заработать столько, сколько служащій по торговой или административной части можетъ получить лишь черезъ 20 лѣтъ службы. Не ремесленникъ, а чиновникъ — настоящій современный парія. и вотъ почему послѣдній является всегда ярымъ соціалистомъ. Но, впрочемъ, онъ соціалистъ не

особенно опасный: не имѣя почти возможности бастовать и вступать въ синдикаты и постоянно опасаясь потерять мѣсто, онъ принужденъ скрывать свои мнѣнія.

Психологическія особенности, къ подробностямъ которыхъ я сейчасъ приступлю настолько общи, что могутъ быть отнесены къ большей части парижскихъ ремесленниковъ одной и той же расы. Но къ рабочимъ разныхъ расъ эти подробности не подойдутъ въ силу того, что вліяніе расы гораздо сильнѣе вліянія среды. Я покажу въ другой части этого труда, насколько отличаются англичане отъ ирландцевъ, работающихъ въ одной и той же мастерской, т. е. въ одинаковыхъ условіяхъ обстановки. То же самое мы легко увидѣли бы и въ Парижѣ, если бы сравнили парижскаго рабочаго съ итальянскимъ или нѣмецкимъ, работающими въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, т. е. подчиняющимися одинаковымъ вліяніямъ обстановки. Оставляя въ сторонѣ это изслѣдованіе, мы ограничимся только указаніемъ, что эти вліянія расы ясно сказываются на парижскихъ рабочихъ, пришедшихъ изъ нѣкоторыхъ провинцій, напр. изъ округа Лиможа. Многія изъ указанныхъ ниже психологическихъ чертъ характера совершенно чужды этимъ послѣднимъ. Лиможскій рабочій—воздерженъ, терпѣливъ, молчаливъ, не любитъ ни шума, ни роскоши. Не посѣщая ни кабаковъ, ни театровъ, онъ только и мечтаетъ скопить нѣкоторую сумму и вернуться къ себѣ въ деревню. Онъ ограничивается небольшимъ числомъ ремеслъ, тяжелыхъ, но очень хорошо оплачиваемыхъ, какъ, напр., трудъ каменьщика, и въ этихъ ремеслахъ

имъ очень дорожатъ за его воздержность и исполнительность.

Установивъ эти основныя начала и эти подраздѣленія, мы разсмотримъ теперь психологію парижскихъ рабочихъ, имѣя въ виду преимущественно ремесленниковъ. Вотъ самыя характерныя черты ихъ умственнаго склада.

Парижскій рабочій приближается къ первобытнымъ существамъ по своей легко воспламеняющейся натурѣ, по своей непредусмотрительности, по неспособности владѣть собою и своей привычкѣ руководиться только инстинктомъ минуты; но онъ одаренъ художественнымъ и подчасъ критическимъ чутьемъ, весьма утонченнымъ подъ вліяніемъ среды, въ которой онъ живетъ. Внѣ своего ремесла, которое онъ отлично исполняетъ, не столько, однако, въ отношеніи точности отдѣлки, сколько въ отношеніи вкуса, онъ разсуждаетъ мало или плохо и почти недоступенъ другой логикѣ, кромѣ логики чувствъ.

Онъ любитъ жаловаться и браниться, но жалобы эти болѣе пассивны, чѣмъ активны. Въ сущности онъ очень консервативенъ, большой домосѣдъ, и не терпитъ перемѣнъ. Безразлично относясь къ политическимъ доктринамъ, онъ всегда легко подчинялся всякому режиму, лишь бы во главѣ его стояли люди, имѣющіе престижъ. Генеральскій султанъ всегда возбуждаетъ въ немъ нѣкоторое почтительное волненіе, которому онъ почти не можетъ противиться. Онъ легко поддается фразамъ и престижу, а отнюдь не доводамъ разума.

Онъ очень общителенъ, ищетъ компаніи то-

варищей и только для того и посѣщаетъ винныя лавки — настоящіе народные клубы. Не потребность въ спиртѣ привлекаетъ его туда, какъ многіе думаютъ. Вино только предлогъ, который, конечно, можетъ обратиться и въ привычку, но собственно не вино притягиваетъ рабочаго въ кабакъ.

Если онъ уходитъ въ кабакъ отъ семьи, какъ буржуа въ клубъ, то это происходитъ отъ того, что домашняя обстановка не имѣетъ ничего особенно притягательнаго. Жена рабочаго, или, какъ онъ ее называетъ, хозяйка, обладаетъ несомнѣнными качествами: она бережлива и предусмотрительна, но ничѣмъ другимъ не занимается, кромѣ какъ своими дѣтьми, цѣнами продуктовъ и покупками. Совершенно недоступная общимъ идеямъ и страстнымъ разсужденіямъ, она принимаетъ участіе въ нихъ только, когда кошелекъ и буфетъ пусты. Она, конечно, ужъ никогда не подала бы голосъ за стачку только изъ-за принципа.

Частыя посѣщенія винныхъ лавокъ, театровъ, общественныхъ собраній парижскимъ рабочимъ вызываются его потребностью въ возбужденіи, общительности, въ волненіи и упоеніи фразами и шумными спорами. Разумѣется, по мнѣнію моралистовъ, онъ поступилъ бы лучше, оставаясь благоразумно дома. Но для этого, ему нужно было бы имѣть вмѣсто своего умственнаго склада рабочаго мозгъ моралиста.

Политическія идеи иногда захватываютъ рабочаго, но онъ почти никогда ими не проникается. Онъ способенъ на одинъ мигъ стать бунтовщикомъ, дойти до неистовства, но никогда не можетъ обратиться въ фана-

тика идеи (sectaire). Онъ слишкомъ легко поддается минутному увлеченію, чтобы какая либо идея могла укорениться въ немъ. Его непріязнь къ буржуа есть чаще всего неглубокое напускное чувство, происходящее просто отъ того, что буржуа богаче его и лучше его одѣтъ.

Надо очень мало знать парижскаго ремесленника, чтобы предполагать въ немъ способность горячо преслѣдовать осуществленіе какого либо идеала, соціальнаго или другого. Идеалъ у рабочаго если и бываетъ, то менѣе всего революціонный, менѣе всего соціалистическій и самый что ни на есть буржуазный: всегда маленькій домикъ въ деревнѣ, съ условіемъ, чтобы онъ былъ не подалеку отъ винной лавки.

Онъ очень довѣрчивъ и великодушенъ. Онъ очень охотно, и нерѣдко стѣсняя себя во многомъ, даетъ у себя пріютъ своимъ товарищамъ въ ихъ затруднительномъ положеніи и постоянно оказываетъ имъ множество мелкихъ услугъ, какихъ свѣтскіе люди, при тѣхъ же обстоятельствахъ, никогда не оказали бы другъ другу. Онъ не имѣетъ никакого эгоизма и въ этомъ отношеніи стоитъ значительно выше чиновника и буржуа, эгоизмъ которыхъ, напротивъ, очень развитъ. Съ этой точки зрѣнія онъ заслуживаетъ симпатіи, которой буржуа не всегда достоинъ. Развитіе эгоизма въ высшихъ классахъ, какъ надо полагать, есть непремѣнное слѣдствіе ихъ состоятельности и культуры и, притомъ, пропорціональное этимъ даннымъ. Только бѣднякъ дѣйствительно готовъ всегда подать руку

помощи, такъ какъ только онъ можетъ дѣйствительно чувствовать, что такое нищета.

Это отсутствіе эгоизма, при той легкости, съ какою рабочій готовъ восторгаться личностями, успѣвшими его очаровать, придаетъ ему способность жертвовать собою если не для торжества какой либо идеи, то, по крайней мѣрѣ, для вожаковъ какого либо движенія, сумѣвшихъ завоевать его сердце. Свѣжая еще въ памяти затѣя Буланже даетъ поучительный въ этомъ смыслѣ примѣръ.

Парижскій рабочій охотно подсмѣивается надъ религіей, но въ душѣ чувствуетъ къ ней безсознательное почтеніе. Его насмѣшки никогда не относятся къ самой религіи, какъ вѣрованію, а только къ духовенству, которое онъ считаетъ какъ бы частью правительства. Свадьбы и похороны безъ участія церкви рѣдки въ парижскомъ классѣ рабочихъ. Бракъ, заключенный только въ меріи (городская дума), не удовлетворяетъ его. Его религіозные инстинкты,—какъ склонность подчиняться какимъ бы ни было вѣрованіямъ, политическимъ, религіознымъ или соціальнымъ,—трудно искоренимы. Такая склонность когда нибудь послужитъ залогомъ успѣха соціализма, который въ сущности—ничто иное, какъ новый символъ вѣры. Если пропаганда соціализма среди рабочихъ удастся, то отнюдь не потому, какъ думаютъ теоретики, что рабочіе удовлетворятся его обѣщаніями, а подъ вліяніемъ безкорыстной преданности, которую проповѣдники соціализма съумѣютъ въ нихъ возбудить.

Политическія понятія у рабочихъ—самыя простыя

и крайне наивныя. Правительство для него—это таинственная, неограниченная власть, которая по произволу можетъ повышать или понижать заработную плату, но вообще враждебная рабочимъ и благопріятствующая хозяевамъ. Всякія свои невзгоды рабочій считаетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ ошибокъ правительства, и потому легко соглашается на смѣну его. Впрочемъ, онъ очень мало заботится о томъ, какого собственно рода и устройства это правительство, признавая только, что оно вообще необходимо. По его мнѣнію, то правительство хорошо, которое покровительствуетъ рабочимъ, способствуетъ повышенію заработной платы и притѣсняетъ хозяевъ. Если рабочій проявляетъ симпатію къ соціализму, то только потому, что видитъ въ немъ правительство, которое повысило бы заработокъ, сокративъ число рабочихъ часовъ. Если бы онъ могъ себѣ представить, какой системѣ регламентаціи и надзора соціалисты предполагаютъ подчинить его въ томъ обществѣ, о которомъ они мечтаютъ, онъ тотчасъ же сдѣлался бы непримиримымъ врагомъ новыхъ доктринъ.

Теоретики соціализма полагаютъ, что хорошо знаютъ душу рабочихъ классовъ, а въ дѣйствительности они очень мало ее понимаютъ. Они воображаютъ, что вся сила убѣдительности заключается въ аргументаціи и въ разсужденіяхъ. Въ дѣйствительности же, ея источники совсѣмъ иныя. Что остается въ душѣ народа отъ всѣхъ ихъ рѣчей? По истинѣ очень мало. Если умѣло распросить рабочаго, считающаго себя соціалистомъ, и оставить при этомъ въ сторонѣ

избитыя дѣланныя гуманитарныя фразы, банальныя, машинально повторяемыя имъ проклятія капиталу, то обнаружится, что соціалистическія идеи рабочаго представляютъ какую то неопредѣленную мечту, очень похожую на мечты первыхъ христіанъ. Въ далекомъ будущемъ, слишкомъ далекомъ для того, чтобы произвести на него достаточно сильное впечатлѣніе, ему мерещится наступленіе царства бѣдныхъ, бѣдныхъ матеріально и духовно, царства, изъ котораго тщательно будутъ исключены богатые, богатые деньгами или умственными способностями.

Какими средствами эта отдаленная мечта можетъ осуществиться, — рабочіе о томъ вовсе не думаютъ. Теоретики, очень мало понимая ихъ душу, не подозрѣваютъ, что соціализмъ, когда онъ захочетъ перейти отъ теоріи къ практикѣ, именно въ народныхъ слояхъ встрѣтитъ самыхъ неотразимыхъ враговъ. Рабочіе и еще болѣе крестьяне, по меньшей мѣрѣ, имѣютъ столь же развитую, какъ и у буржуа, склонность къ собственности. Они очень желаютъ увеличить свое имущество, но съ тѣмъ, чтобы самимъ по своему желанію распоряжаться плодами своего труда, а не предоставлять это какой нибудь общественной организаціи (collectivité), хотя бы эта организація обязывалась удовлетворять всѣ потребности своихъ членовъ. Это чувство сложилось вѣками и всегда встанетъ несокрушимой стѣной передъ всякой серьезной попыткой коллективизма.

Несмотря на буйный, порывистый нравъ рабочаго, готоваго всегда примкнуть къ зачинщикамъ ре-

волюціи, онъ очень привязанъ къ старинѣ, большой консерваторъ, онъ очень самовластенъ и деспотиченъ. Онъ всегда привѣтствовалъ тѣхъ, кто разрушалъ алтари и троны, но еще одушевленнѣе привѣтствовалъ тѣхъ, кто ихъ возстановлялъ. Когда случай дѣлаетъ его хозяиномъ какого либо предпріятія, онъ держитъ себя, какъ неограниченный монархъ, значительно болѣе тяжелый для своихъ бывшихъ товарищей, чѣмъ хозяинъ буржуа. Генералъ дю Барайль описываетъ слѣдующимъ образомъ психологію рабочаго, переселившагося въ Алжиръ, чтобы сдѣлаться тамъ колонистомъ, роль котораго по просту заключается въ принужденіи туземцевъ работать изъ-подъ палки: „онъ проявлялъ всѣ инстинкты феодальныхъ временъ; выйдя изъ мастерскихъ большого города, онъ говорилъ и разсуждалъ, какъ сподвижники Пипина Короткаго или Карла Великаго, или какъ рыцари Вильгельма Завоевателя, которые выкраивали себѣ обширныя помѣстья во владѣніяхъ завоеванныхъ народовъ“.

Всегда насмѣшливый, подчасъ остроумный, парижскій рабочій ловко схватываетъ комическую сторону вещей и въ политическихъ событіяхъ преимущественно цѣнитъ забавную сторону или какія либо слишкомъ рѣзкія проявленія событія. Его очень забавляютъ нападки депутата или журналиста на какого либо министра, но мнѣнія, защищаемыя министромъ и его противниками, мало его интересуютъ. Споры съ перебранками его занимаютъ, какъ спектакль въ Амбигю. [1])

[1]) Названіе одного изъ парижскихъ театровъ.

къ разсужденіямъ съ разными доводами онъ совершенно равнодушенъ.

Этотъ характерный складъ ума естественно проявляется также въ пріемахъ и манерѣ споровъ у рабочаго, и ихъ можно наблюдать въ политическихъ народныхъ собраніяхъ. Онъ никогда не разбираетъ значенія даннаго мнѣнія, а исключительно достоинство того, кто это мнѣніе излагаетъ. Его можетъ увлечь только личный престижъ оратора, а не разсужденія его. Онъ не нападаетъ собственно на мнѣнія оратора, который ему не нравится, а набрасывается исключительно на самую личность оратора. Честность противника въ спорѣ сейчасъ же подвергается сомнѣнію, и этотъ противникъ долженъ считать себя счастливымъ, если его просто обзываютъ негодяемъ и, кромѣ брани, онъ не получитъ въ голову чего либо другого. Споры въ политическихъ собраніяхъ, какъ извѣстно, неизмѣнно сводятся къ дикимъ перебранкамъ и потасовкамъ. Это, впрочемъ,—порокъ расы, а не спеціально рабочаго класса. Многіе не могутъ слушать человѣка, высказывающаго несогласное съ ихъ взглядами мнѣніе, не оставаться внутренно убѣжденнымъ, что онъ круглый идіотъ или гнусный злодѣй. Пониманіе чужихъ идей было всегда недоступно для латинской расы.

Импульсивный, беззаботный, подвижный и буйный характеръ парижскихъ рабочихъ всегда имъ мѣшалъ вступать въ сообщества, какъ дѣлаютъ то англійскіе рабочіе при большихъ своихъ предпріятіяхъ. Эта упорная неспособность дѣлаетъ ихъ безпомощными при

отсутствіи общаго надъ ними руководительства и, въ силу только этого, обрекаетъ ихъ на вѣчную опеку. Они ощущаютъ неисцѣлимую потребность имѣть надъ собою руководителя, котораго они могли бы безпрестанно дѣлать отвѣтственнымъ за все, что съ ними случается. И въ этомъ опять видна особенность расы.

Единственно вполнѣ осязательнымъ результатомъ соціалистической пропаганды въ рабочихъ классахъ явилось распространеніе среди нихъ того мнѣнія, что они эксплоатируются своими хозяевами и что съ перемѣною правительства ихъ заработокъ увеличится, одновременно съ значительнымъ сокращеніемъ работы. Консервативные инстинкты большинства изъ нихъ препятствуютъ, однако, имъ вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. На выборахъ въ палату депутатовъ въ 1893 году на 10 милліоновъ избирателей только 556000 голосовали за депутатовъ соціалистовъ, и таковыхъ оказалось только 49. Такой маленькій процентъ, увеличившійся только, повидимому, на выборахъ въ 1898 году, показываетъ, какъ прочны консервативные инстинкты рабочаго класса.

Есть, впрочемъ, основная причина, которая будетъ чрезвычайно препятствовать распространенію соціалистическихъ идей. Число мелкихъ собственниковъ и мелкихъ акціонеровъ среди рабочаго класса имѣетъ повсюду наклонность возрастать. Какъ бы ни былъ малъ домикъ, какъ бы ни была незначительна акція или даже часть акціи, они преобразовываютъ своего владѣльца въ расчетливаго капиталиста и изумительно развиваютъ его инстинкты собственности. Какъ

только рабочій обзаведется семьею, домашнимъ очагомъ и сдѣлаетъ нѣкоторыя сбереженія, онъ тотчасъ же дѣлается упорнымъ консерваторомъ. Соціалистъ и особенно соціалистъ анархистъ чаще всего холостъ, безъ домашняго очага, безъ семьи и безъ средствъ, т. е. кочевникъ, а кочевникъ всегда, во всѣ эпохи исторіи, былъ необузданнымъ варваромъ. Когда экономическая эволюція обратитъ рабочаго въ собственника хотя бы самой небольшой части той фабрики на которой онъ работаетъ, его понятія объ отношеніи между капиталомъ и трудомъ измѣнятся въ корнѣ. Доказательствомъ тому могутъ служить нѣкоторыя фабрики, гдѣ такое преобразованіе уже сдѣлано, а также и самый складъ ума крестьянина. Крестьянину, вообще живется значительно тяжелѣе, чѣмъ городскому рабочему, но крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ владѣетъ пашнею и уже по этой простой причинѣ почти никогда не бываетъ соціалистомъ. Онъ бываетъ имъ только тогда, когда въ его неразвитой головѣ зародится мысль о возможности поживиться пашнею сосѣда, не уступая, разумѣется, своей.

На основаніи изложеннаго можно сказать, что классъ парижскихъ рабочихъ, на который такъ много разсчитываютъ соціалисты, окажется именно менѣе всего воспріимчивымъ къ соціализму. Пропаганда соціалистовъ возбудила разныя вожделѣнія и ненависть, но новыя доктрины не глубоко запали въ душу народа. Весьма возможно, что вслѣдствіе какого либо изъ тѣхъ событій, за которыя рабочій всегда дѣлаетъ отвѣтственнымъ правительство, какъ, напр., продолжи-

тельная безработица или иностранная конкуренція, ведущая къ пониженію заработной платы, соціалистамъ удастся вербовать въ ряды революціи рабочихъ, но эти же самые рабочіе живо пристанутъ къ Цезарю, который явится, чтобы подавить эту революцію.

§ 3. Правящіе классы.

„Много содѣйствуетъ успѣху соціализма", какъ пишетъ де Лавелэ, „то обстоятельство, что онъ понемногу охватываетъ образованные классы".

Причины тому, какъ думаемъ мы, различны: заразительность модныхъ вѣроученій, страхъ, потомъ равнодушіе.

„Большая часть буржуазіи", пишетъ Гарофало, „хотя и смотритъ съ нѣкоторою боязнью на соціалистическое движеніе, думаетъ, что теперь это движеніе уже неотразимо и неизбѣжно. Въ томъ числѣ есть чистосердечныя натуры, наивно влюбленныя въ идеалъ соціалистовъ и видящія въ немъ стремленіе къ царству справедливости и всеобщему счастью".

Это ничто иное, какъ выраженіе поверхностнаго, неразумнаго чувства, воспринятаго, какъ нѣчто заразительное. Принимать политическое или соціальное воззрѣніе только, когда, по зрѣломъ размышленіи оно оказывается соотвѣтствующимъ дѣйствительности, есть такой умственный процессъ, къ какому, повидимому, неспособно большинство латинскихъ умовъ. Если бы, мы при этомъ проявляли хотя незначительную часть того здраваго смысла и обдуманности, какими поль-

зуется послѣдній лавочникъ при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ, то мы не были бы, какъ теперь, въ вопросахъ политики и религіи подъ властью моды, обстановки, чувствъ, и, слѣд., не блуждали бы по волѣ событій и мнѣній, господствующихъ въ данный моментъ.

Эти модныя мнѣнія, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ принятія или непринятія доктринъ. Для громаднаго большинства людей нѣтъ другихъ причинъ. Страхъ передъ мнѣніемъ глупцовъ представлялъ всегда одинъ изъ важныхъ факторовъ исторіи.

Въ настоящее время соціалистическія стремленія значительно болѣе распространены среди буржуазіи, чѣмъ въ народѣ. Они распространяются въ ней съ особою быстротою въ силу простой заразительности. Философы, литераторы и артисты покорно примыкаютъ къ движенію и дѣятельно содѣйствуютъ его распространенію, ничего, впрочемъ, въ немъ не понимая *). Театръ, книги, самыя картины все болѣе и болѣе пропитываются чувствительнымъ, слезливымъ и смутнымъ соціализмомъ, напоминающимъ вполнѣ гуманитаризмъ правящихъ классовъ временъ революціи. Гильотина не замедлила имъ показать, что въ борьбѣ за жизнь нельзя отказываться отъ самозащиты, не отказы-

*) „Скажемъ безъ преувеличенія", пишетъ Бурдо, „что въ палатѣ изъ 50 депутатовъ соціалистовъ найдется, пожалуй, дюжина знающихъ въ точности—что они понимаютъ подъ словомъ „соціализмъ„ и способныхъ объяснить это ясно. Даже тѣ, которые принадлежатъ къ сектамъ, возникшимъ подъ вліяніемъ разныхъ теорій, упрекаютъ другъ друга въ невѣжествѣ... Большая часть соціалистовъ, даже среди вожаковъ,—соціалисты по инстинкту; соціализмъ для нихъ есть энергичная формула выраженія недовольства и возмущенія".

ваясь вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самой жизни. Историкъ будущаго, видя всю легкость, съ какою высшіе классы въ настоящее время все болѣе и болѣе выпускаютъ изъ рукъ оружіе, съ полнымъ презрѣніемъ отмѣтитъ ихъ прискорбную недальновидность и не пожалѣетъ ихъ.

Еще одинъ двигатель соціализма въ средѣ буржуазіи—это страхъ. „Буржуазія, пишетъ только что упомянутый мною авторъ, страшится; нерѣшительная, она идетъ ощупью и надѣется спастись посредствомъ уступокъ, забывая, что это какъ разъ одинъ изъ безумнѣйшихъ пріемовъ политики и что нерѣшительность, мировыя сдѣлки, желаніе угодить всѣмъ, суть недостатки характера, за которые, въ силу вѣчной несправедливости, міръ всегда жестоко наказывалъ, сильнѣе, чѣмъ за преступленія".

Послѣднее изъ чувствъ, о которомъ я говорилъ,— равнодушіе если и не содѣйствуетъ прямо распространенію соціализма, то облегчаетъ его, мѣшая бороться съ нимъ. Скептическое равнодушіе или, какъ говорятъ, „наплевать" есть серьезная болѣзнь современной буржуазіи. Когда воззванія и нападки возрастающаго меньшинства, горячо добивающагося осуществленія какого нибудь идеала, встрѣчаютъ на пути только равнодушіе, можно быть увѣреннымъ, что торжество такого меньшинства близко. Кто злѣйшій врагъ общества,—тотъ ли, кто на него нападаетъ, или тотъ, кто даже не даетъ себѣ труда его защищать?

§ 4. Полуученые и доктринеры.

Полуучеными я называю тѣхъ, кто не имѣетъ другихъ знаній, кромѣ книжныхъ, и, слѣд., не имѣетъ никакого понятія о дѣйствительной жизни. Они—продуктъ нашихъ университетовъ и школъ, этихъ жалкихъ „фабрикъ вырожденія“, съ гибельною дѣятельностью которыхъ насъ познакомилъ Тэнъ и многіе другіе. Профессоръ, ученый, студентъ нерѣдко многіе годы и очень часто во всю жизнь остаются полуучеными. Молодой англичанинъ, молодой американецъ, который уже 18 лѣтъ отъ роду объѣздилъ свѣтъ, познакомился съ техническою дѣятельностью и умѣетъ обходиться самъ собою,—не полуученый и никогда не будетъ неудачникомъ. Онъ можетъ быть очень мало свѣдущъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ или въ теоретическихъ наукахъ, но онъ выучился разсчитывать только на самого себя и руководить собою. Онъ владѣетъ той дисциплиной ума, той привычкой размышлять и разсуждать, какихъ никогда не давало одно чтеніе книгъ.

Самые опасные послѣдователи соціализма и иногда даже самые злые анархисты набираются именно въ безпорядочной толпѣ полуученыхъ, въ особенности изъ окончившихъ курсъ лицеевъ, не нашедшихъ себѣ дѣла бакалавровъ, сѣтующихъ на свою участь учителей, оставшихся за конкурсомъ безъ казенныхъ мѣстъ, университетскихъ профессоровъ, считающихъ свои научныя заслуги не признанными. Послѣдній казненный

въ Парижѣ анархистъ былъ кандидатъ на поступленіе въ политехническую школу, не нашедшій никакого приложенія своимъ безполезнымъ поверхностнымъ знаніямъ, и вслѣдствіе того ставшій врагомъ общества, не съумѣвшаго оцѣнить его достоинства, естественно жаждавшій замѣнить это общество новымъ, среди котораго выдающіяся способности, какія онъ признавалъ въ себѣ, найдутъ свое примѣненіе. Недовольный полуученый—самый злостный изъ всѣхъ недовольныхъ. Недовольство это и порождаетъ частое проявленіе соціализма среди нѣкоторыхъ круговъ, какъ, напр., среди народныхъ учителей, поголовно считающихъ себя недостаточно оцѣненными.

Быть можетъ, среди учителей начальныхъ школъ и особенно профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній соціализмъ наиболѣе всего находитъ приверженцевъ. Глава французскихъ соціалистовъ—бывшій профессоръ. Въ газетахъ оттѣнили тотъ поражающій фактъ, что желаніе этого профессора соціалиста читать въ Сорбоннѣ курсъ о коллективизмѣ было поддержано 16 профессорами противъ 37.

Роль, какую играетъ въ настоящее время этотъ классъ полуученыхъ въ латинскихъ странахъ въ отношеніи развитія соціализма, становится крайне опасною для общества, среди котораго они живутъ.

Совершенно чуждые всякой дѣйствительности, они, вслѣдствіе этого, не способны понять искусственныя, но необходимыя условія, для возможности существованія общества. Общество, управляемое ареопагомъ профессоровъ, какъ мечталъ о томъ Огюстъ Контъ, не

продержалось бы и шести мѣсяцевъ. Въ вопросахъ, имѣющихъ общій интересъ, мнѣніе спеціалистовъ въ области литературы или науки отнюдь не болѣе, а весьма часто гораздо менѣе цѣнно, чѣмъ мнѣніе невѣждъ, если этими послѣдними являются крестьяне или рабочіе, по своей профессіи соприкасающіеся съ дѣйствительностью жизни. Я уже, въ другомъ мѣстѣ, настаивалъ на этомъ положеніи, которое представляетъ собою наиболѣе серьезный доводъ въ пользу всеобщей подачи голосовъ. Очень часто со стороны толпы и рѣдко со стороны спеціалистовъ проявляются политическій умъ, патріотизмъ и чувство необходимости защищать общественные интересы.

Толпа часто соединяетъ въ себѣ духъ своей расы и пониманіе ея интересовъ *). Она въ высокой степени способна къ самоотверженности, къ жертвамъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть иногда безконечно ограниченною, хвастливою, свирѣпою и готовою всегда поддаться обольщенію самыхъ пошлыхъ шарлатановъ. Толпою, безъ сомнѣнія, управляетъ инстинктъ, а не разумъ, но развѣ безсознательные

*) Мы имѣли поразительный примѣръ тому въ знаменитомъ дѣлѣ, которое недавно произвело во Франціи столь глубокій разладъ. Тогда какъ значительная часть буржуазіи жестоко нападала на армію съ безсознательностью человѣка, яростно подтачивающаго фундаментъ своего жилища, народныя массы инстинктивно приняли ту сторону, на которой были истинные интересы страны. Если бы эти массы также обратились противъ арміи, то мы, можетъ быть, претерпѣли бы междуусобную кровавую войну, необходимымъ слѣдствіемъ которой было бы вторженіе непріятеля.

поступки не бываютъ очень часто болѣе высокими, чѣмъ сознательные?

Безотчетныя машинальныя дѣйствія нашей физической жизни и громадное большинство такихъ же дѣйствій нашей духовной жизни по отношенію къ дѣйствіямъ сознательнымъ представляютъ такую же громаду, какъ водяная масса всего океана относительно волнъ на его поверхности. Если бы непрерывное теченіе этихъ безсознательныхъ дѣйствій остановилось, человѣкъ не могъ бы прожить и одного дня. Безсознательные элементы нашей психики представляютъ просто наслѣдіе всѣхъ приспособленій, созданныхъ длиннымъ рядомъ нашихъ предковъ. Въ этомъ то наслѣдіи и сказываются расовыя чувства, инстинктъ своихъ потребностей, которому полу-наука очень часто даетъ ложное направленіе.

Неудачники, непонятые, адвокаты безъ практики, писатели безъ читателей, аптекаря и доктора безъ паціентовъ, плохо оплаченные преподаватели, обладатели разныхъ дипломовъ, не нашедшіе занятій, служащіе, признанные хозяевами негодными, и т. д. суть естественные послѣдователи соціализма. Въ дѣйствительности они мало интересуются собственно доктринами. Все, о чемъ они мечтаютъ, это создать путемъ насилій общество, въ которомъ они были бы хозяевами. Ихъ крики о равенствѣ и равноправіи нисколько не мѣшаютъ имъ съ презрѣніемъ относиться къ черни, не получившей, какъ они, книжнаго образованія. Они считаютъ себя значительно выше рабочаго, тогда какъ въ дѣйствительности, при своемъ чрезмѣрномъ эгоизмѣ

и малой практичности, они стоятъ гораздо ниже рабочаго. Если бы они сдѣлались хозяевами положенія, то ихъ самовластіе не уступило бы самовластію Марата, Сенъ Жюста или Робеспьера—этихъ типичныхъ образцовъ непонятыхъ полуученыхъ. Надежда сдѣлаться тиранами въ свою очередь, послѣ долгой неизвѣстности, пережитыхъ униженій, должна была создать изрядное число приверженцевъ соціализму.

Чаще всего къ этой именно категоріи полуученыхъ и принадлежатъ доктринеры, сочиняющіе въ ядовитыхъ произведеніяхъ печати теоріи, которыя подхватываются и пропагандируются наивными послѣдователями. Они какъ будто идутъ во главѣ своихъ солдатъ, а на самомъ дѣлѣ только слѣдуютъ за ними. Ихъ вліяніе больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное: они въ сущности только облекаютъ въ шумныя, бранныя фразы стремленія, не ими созданныя, и придаютъ имъ такую догматическую форму, которая даетъ возможность главарямъ на нихъ опираться. Ихъ книги становятся иногда какими то священными: ихъ никто никогда не читаетъ, но изъ нихъ можно приводить, какъ доказательство, заглавія или обрывки фразъ, воспроизводимыхъ въ спеціальныхъ журналахъ. Неясность ихъ сочиненій составляетъ, впрочемъ, главное условіе ихъ успѣха. Какъ Библія для протестантскихъ пасторовъ, сочиненія эти для тѣхъ, кто вѣритъ, представляются какъ бы прорицательными книгами, которыя стоитъ только открыть наудачу, чтобы найти тамъ рѣшеніе любого вопроса.

Итакъ, доктринеръ можетъ быть очень свѣдущъ, но это ничуть не мѣшаетъ ему оставаться крайне наивнымъ и лишеннымъ здравыхъ понятій, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто недовольнымъ и завистливымъ. Заинтересованный только одною стороною вопросовъ умъ его остается чуждымъ ходу событій и ихъ послѣдствіямъ. Онъ не способенъ понять сложность соціальныхъ явленій, экономическіе законы, вліяніе наслѣдственности и страстей, которыя управляютъ людьми. Руководствуясь только книжною и элементарною логикою, онъ легко вѣритъ, что его мечтанія могутъ измѣнить ходъ развитія человѣчества и управлять его судьбою.

Больше всего онъ вѣритъ въ то, что общество должно такъ или иначе измѣниться въ его пользу. Что дѣйствительно его озабочиваетъ — это не осуществленіе соціалистическихъ доктринъ, а водвореніе во власти самихъ соціалистовъ. Ни въ какой религіи не было такъ много вѣры въ народныхъ массахъ и такъ мало ея у большинства главарей.

Разглагольствованія всѣхъ этихъ шумныхъ доктринеровъ очень туманны; ихъ идеалъ будущаго общества очень химериченъ; но что уже совсѣмъ не химерично — это ихъ страшная ненависть къ современному обществу и ихъ горячее желаніе разрушить его. Но, если революціонеры всѣхъ временъ были безсильны что нибудь создать, имъ было не очень трудно разрушать. Ребенокъ можетъ легко сжечь сокровища искусства, для накопленія которыхъ потребовались цѣлые вѣка. Такимъ образомъ, вліяніе доктри-

неровъ можетъ вызвать революцію побѣдоносную и разрушительную, но дальше этого оно не можетъ итти. Неискоренимая потребность быть подъ чьимъ либо управленіемъ, которую всегда проявляла народная толпа, привела бы быстро всѣхъ этихъ новаторовъ подъ власть какого либо деспота, котораго, впрочемъ, они же первые стали бы восторженно привѣтствовать, какъ доказываетъ то наша исторія. Революціи не могутъ измѣнить духъ народа; вотъ почему онѣ никогда ничего не порождали, кромѣ полныхъ ироніи измѣненій въ словахъ и поверхностныхъ преобразованій. И, однако, изъ-за такихъ то ничтожныхъ перемѣнъ человѣчество столько разъ было потрясено и, безъ сомнѣнія, будетъ и впредь подвергаться тому же.

Чтобы резюмировать роль разныхъ классовъ въ разрушеніи общества у латинскихъ народовъ, можно сказать: что доктринеры и недовольные, созданные школой, дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, расшатывая идеи, и служатъ, вслѣдствіе порождаемой ими умственной анархіи, самыми ядовитыми агентами разрушенія; что буржуазія помогаетъ своимъ равнодушіемъ, страхомъ, эгоизмомъ, слабостью воли, отсутствіемъ политическаго смысла и инициативы, и что народные слои будутъ дѣйствовать революціоннымъ образомъ, довершая разрушеніе зданія, уже шатающагося на своемъ основаніи, какъ только оно будетъ достаточно потрясено.

КНИГА ВТОРАЯ.

Соціализмъ, какъ вѣрованіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основы нашихъ вѣрованій.

§ 1. *Унаслѣдованіе нашихъ вѣрованій отъ предковъ.* Чтобы понять соціализмъ, надо изслѣдовать--какъ образуются наши вѣрованія. Понятія, унаслѣдованныя, или понятія, основанныя на чувствѣ. Понятія, пріобрѣтенныя или внушенныя образованіемъ. Вліяніе этихъ двухъ категорій понятій. Какимъ образомъ понятія, кажущіяся новыми, всегда происходятъ отъ понятій предшествующихъ. Медленность, съ какою измѣняются вѣрованія. Польза общепризнанныхъ вѣрованій. Установленіе такихъ вѣрованій означаетъ высшую степень цивилизаціи. Великія цивилизаціи представляютъ расцвѣтъ лишь небольшого числа вѣрованій. Никакая цивилизація не могла держаться, не имѣя въ своемъ основаніи общепринятыхъ вѣрованій.

§ 2. *Вліяніе вѣрованій на наши представленія и сужденія. Психологія непониманія.* Какимъ образомъ наше познаніе міра искажается унаслѣдованными вѣрованіями. Они вліяютъ не только на наше поведеніе, но и на смыслъ, придаваемый нами словамъ. Отдѣльныя личности разныхъ расъ и классовъ въ дѣйствительности говорятъ на весьма различныхъ языкахъ. Взаимное непониманіе разъединяетъ ихъ столь же, сколь и противоположность ихъ интересовъ. Въ чемъ именно убѣдительность никогда не исходила отъ разума. Преобладающее вліяніе мертвыхъ при спорахъ живыхъ между собою. Послѣдствія взаимнаго непониманія. Невозможность колонизаціи со стороны народовъ, у которыхъ это непониманіе слишкомъ велико. Почему историческія сочиненія очень мало выражаютъ дѣйствительность.

§ 3. *Наслѣдственное образованіе нравственныхъ понятій.* Истинные мотивы, руководящіе нашими дѣйствіями, въ большинствѣ случаевъ подчиняются наслѣдственнымъ инстинктамъ. Нравственность существуетъ дѣйствительно только, когда она перешла въ область безсознательнаго и наслѣдственнаго. Малоцѣнность современнаго школьнаго обученія нравственности.

§ 1. Унаслѣдованіе нашихъ вѣрованій отъ предковъ.

Всѣ цивилизаціи, слѣдовавшія въ теченіе вѣковъ одна за другою, основывались на небольшомъ числѣ вѣрованій, игравшихъ всегда въ жизни народовъ основную роль.

Какъ нарождаются и развиваются эти вѣрованія? Мы уже изложили въ общихъ чертахъ этотъ вопросъ въ „Lois psychologiques de l'Evolution des peuples“ (психологическіе законы развитія народовъ). Небезполезно будетъ вернуться къ этому вопросу. Соціализмъ представляетъ гораздо въ большей степени вѣрованіе, чѣмъ доктрину. Только глубоко проникнувшись самымъ механизмомъ происхожденія вѣрованій, возможно предвидѣть—какую роль, быть можетъ, предстоитъ сыграть соціализму.

Человѣкъ не можетъ измѣнять по своему желанію чувства и вѣрованія, которыя имъ руководятъ. За суетными волненіями отдѣльныхъ личностей находятся всегда вліянія законовъ наслѣдственности. Эти вліянія придаютъ толпѣ тотъ узкій консерватизмъ, который лишь временно пропадаетъ, въ минуту возмущеній. Что труднѣе всего переносится человѣкомъ и чего онъ даже никогда не переноситъ въ теченіе очень продолжительнаго времени, это—измѣненіе унаслѣдованныхъ имъ привычекъ и образа мыслей.

Именно эти вліянія предковъ оберегаютъ еще и теперь значительно одряхлѣвшія цивилизаціи, облада-

телями которыхъ мы являемся и которымъ въ настоящее время со многихъ сторонъ грозитъ разрушеніе.

Эта медленность развитія вѣрованій есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ фактовъ, исторіи, и тѣмъ не менѣе фактъ менѣе всего выясненный историками. Мы попробуемъ опредѣлить его причины.

Помимо внѣшнихъ и измѣнчивыхъ условій, которымъ подчиняется человѣкъ, онъ наиболѣе всего руководится въ жизни двумя категоріями представленій: *представленіями врожденными, т. е. преемственно унаслѣдованными отъ предковъ или возникшими подъ вліяніемъ чувствъ, и представленіями, пріобрѣтенными или умственными.*

Врожденныя представленія составляютъ наслѣдство расы, завѣщанное отдаленными или ближайшими предками, наслѣдство, воспринимаемое человѣкомъ безсознательно при самомъ рожденіи его и главнѣйшимъ образомъ направляющее его поведеніе.

Пріобрѣтенныя или *умственныя представленія* суть тѣ, которыя человѣкъ пріобрѣтаетъ подъ вліяніемъ среды и воспитанія. Они направляютъ разсужденіе, разъясненіе, толкованіе и очень рѣдко поведеніе. Ихъ вліяніе на дѣйствія остается совершенно ничтожнымъ до тѣхъ поръ, пока представленія, наслѣдственно повторяясь въ поколѣніяхъ, не перейдутъ въ область безсознательнаго и не сдѣлаются чувствами. Если и удается иногда пріобрѣтеннымъ представленіямъ восторжествовать надъ врожденными, то это бываетъ только тогда, когда послѣднія были уничтожены вро-

жденными же представленіями противоположнаго свойства, какъ это случается, напр., при скрещиваніи представителей различныхъ расъ. Человѣкъ превращается тогда какъ бы въ tabula rasa *). Онъ потерялъ свои врожденныя представленія; онъ сталъ не болѣе какъ помѣсь, не имѣющая ни нравственности, ни характера, легко подпадающая подъ всякія вліянія.

Въ силу этой то огромной тяжести многовѣковой наслѣдственности, среди такого множества нарождающихся ежедневно вѣрованій, лишь столь не многія изъ нихъ дѣлались, съ теченіемъ вѣковъ, преобладающими и всеобщими. Можно даже сказать, что среди уже очень стараго человѣчества никакое новое общее вѣрованіе не могло бы образоваться, если бы оно не было тѣсно связано съ предшествующими вѣрованіями. Совершенно новыхъ вѣрованій народы почти никогда не знали. Религіи, какъ, напр., буддизмъ, христіанство, магометанство, кажутся оригинальными, если разсматриваются только въ позднѣйшей фазѣ своего развитія; въ дѣйствительности же онѣ представляютъ лишь простой расцвѣтъ предшествовавшихъ вѣрованій. Онѣ могли развиться только тогда, когда уступившія имъ мѣсто вѣрованія за давностью своей выдохлись и потеряли обаяніе. Онѣ видоизмѣняются въ зависимости отъ принявшихъ ихъ расъ, и общаго у нихъ только и имѣется, что буква ученія. Мы показали въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ трудовъ,

*) Чистая доска, на которой можно писать, что угодно.

что религіи, переходя отъ народа къ народу, претерпѣваютъ глубокія измѣненія, чтобы установить связь съ предшествовавшими религіями этихъ народовъ. Новое вѣрованіе становится, такимъ образомъ, простымъ обновленіемъ стараго. Не только одни еврейскіе элементы находятся въ христіанской религіи; она имѣетъ свой источникъ въ наиболѣе отдаленныхъ религіяхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Тонкая струя воды, вытекшая изъ Галилеи, не обратилась бы въ стремительный потокъ, если бы древнее язычество не влилось въ нее широкой волной. Луи Менаръ справедливо говоритъ: „вкладъ евреевъ въ христіанскую миѳологію едва равняется со вкладомъ египтянъ и персовъ“.

Самыя простыя и ничтожныя измѣненія въ вѣрованіяхъ требуютъ, однако, цѣлаго ряда лѣтъ, чтобы укорениться въ народной душѣ. Вѣрованіе совсѣмъ не то, что какое либо мнѣніе, являющееся предметомъ обсужденія. Вѣрованіе вліяетъ на поведеніе и поступки людей, и слѣд. обладаетъ дѣйствительной силой, лишь когда оно перешло въ область безсознательнаго, чтобы тамъ образовать прочный осадокъ, называемый чувствомъ. Тогда оно обладаетъ существеннымъ характеромъ повелительности и недоступно вліянію анализа и критики *). Только въ началѣ

*) Нѣтъ надобности восходить къ героическимъ временамъ, чтобы понять, что представляетъ собою вѣрованіе, сдѣлавшееся неоспоримымъ. Стоитъ только бросить взоръ вокругъ себя, чтобы увидѣть цѣлую толпу людей, къ которымъ глубоко привиты на мистической наслѣдственной почвѣ извѣстныя вѣрованія, выросшія на этой мистической почвѣ, которыхъ невозможно поколебать никакими доводами. Всѣ мелкія рели-

своего появленія, когда вѣрованіе еще не установилось, оно можетъ корениться до нѣкоторой степени въ разумѣ; но, для обезпеченія его торжества, повторяю, оно должно перейти въ область чувствъ, и слѣд. изъ области сознательнаго перейти въ область безсознательнаго.

Нужно настаивать на этомъ вліяніи прошлаго при выработкѣ вѣрованій и на томъ фактѣ, что новое вѣрованіе не можетъ утвердиться иначе, какъ всегда входя въ связь съ предшествующимъ. Это водвореніе вѣрованій представляетъ, можетъ быть, важнѣйшую фазу въ послѣдовательномъ развитіи цивилизацій. Одно изъ величайшихъ благодѣяній установившагося вѣрованія состоитъ въ томъ, что оно воодушевляетъ народъ общими чувствами, даетъ ему общія формы мышленія и, слѣд., общія слова, вызывающія одинаковыя представленія. Укоренившееся вѣрованіе, въ концѣ концовъ, создаетъ сходство между настроеніями

гіозныя секты, зародившіяся за послѣдніе 25 лѣтъ, какъ онѣ возникали и въ концѣ языческаго періода—спиритизмъ, теософизмъ, эзотеризмъ и т. д., имѣютъ многочисленныхъ послѣдователей, съ такимъ настроеніемъ мыслей, что вѣрованіе ихъ не можетъ быть разрушено никакими доказательствами. Знаменитый процессъ о спиритическихъ фотографіяхъ вполнѣ убѣждаетъ въ вѣрности такого заключенія. Фотографъ Б... признался на судѣ, что всѣ фотографіи призраковъ, вручаемыя его легковѣрнымъ кліентамъ, были снимки съ приготовленныхъ для этого манекеновъ. Доказательство, казалось бы, не допускало возраженія. Однако, оно нисколько не поколебало вѣру приверженцевъ спиритизма. Несмотря на признаніе шутника-фотографа и предъявленіе тутъ же самыхъ манекеновъ-моделей, кліенты-спириты энергично продолжали настаивать на томъ, что они отчетливо признали на фотографіяхъ черты своихъ покойныхъ родственниковъ. Это чудесное упорство вѣры очень поучительно и даетъ отличное понятіе о силѣ вѣрованія.

умовъ, аналогичность между послѣдовательными сужденіями, и вотъ почему оно кладетъ свой отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи. Общее вѣрованіе, можетъ быть, составляетъ самый могущественный факторъ для образованія національнаго духа, національной воли и, слѣд., единства въ направленіи чувствъ и идей народа. Великія цивилизаціи представляли всегда логическое развитіе небольшого числа вѣрованій, и упадокъ этихъ цивилизацій наступалъ всегда въ тотъ моментъ, когда въ общихъ вѣрованіяхъ происходилъ расколъ.

Коллективное вѣрованіе имѣетъ ту огромную выгоду, что оно соединяетъ всѣ индивидуальныя маленькія желанія въ одно цѣлое, заставляетъ народъ дѣйствовать какъ дѣйствовалъ бы одинъ человѣкъ. По справедливости можно сказать, что великія историческія эпохи это именно тѣ, когда устанавливалось какое либо общее вѣрованіе.

Роль общихъ вѣрованій въ жизни народовъ такъ громадна, что важность ея не можетъ быть преувеличена. Исторія не даетъ примѣровъ цивилизацій, возникшихъ и долго существовавшихъ, не имѣя въ основаніи вѣрованій, общихъ всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ цѣлаго народа, или, по крайней мѣрѣ, цѣлаго города. Эта общность вѣрованій придаетъ народу, владѣющему ими, грозную мощь даже и тогда, когда вѣрованія эти имѣютъ временный характеръ. Мы это видѣли во времена революціи, когда французскій народъ, воодушевленный новою вѣрою, которая не могла долго держаться за неосуществленіемъ

своихъ обѣщаній, побѣдоносно боролся противъ вооруженной Европы.

§ 2. Вліяніе вѣрованій на наши представленія и сужденія. Психологія непониманія.

Какъ только вѣрованіе упрочилось въ душѣ, оно становится регуляторомъ жизни человѣка, пробнымъ камнемъ сужденій, руководителемъ разума. Умъ тогда можетъ воспринимать только то, что согласуется съ новымъ вѣрованіемъ. Какъ христіанство въ средніе вѣка, исламъ у арабовъ, господствующая вѣра кладетъ свой отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи, въ особенности на философію, литературу и искусства. Она высшій критерій, она даетъ объясненіе всему.

Способъ пріобрѣтенія нашихъ познаній, одинаковый для ученыхъ и неученыхъ, состоитъ въ сущности въ томъ, что неизвѣстное мы стараемся привести къ тому, что намъ уже извѣстно, или что мы считаемъ извѣстнымъ. Понять явленіе—это значитъ наблюсти его и связать съ тѣмъ небольшимъ запасомъ идей, который у насъ имѣется. Такимъ образомъ связываютъ непонятыя явленія съ явленіями, которыя считаются понятыми, и каждый умъ устанавливаетъ эту связь сообразно со своими господствующими безотчетными представленіями. Пріемъ этотъ одинаковъ для всѣхъ умовъ, отъ низшаго до высшаго, и состоитъ неизмѣнно въ томъ, что новое свѣдѣніе вводится въ кругъ уже воспринятыхъ понятій.

И вслѣдствіе того, что наши представленія о мірѣ связываются съ понятіями, унаслѣдованными нами отъ предковъ, люди разныхъ расъ имѣютъ различныя сужденія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Мы воспринимаемъ вещи не иначе, какъ видоизмѣняя ихъ сообразно нашимъ вѣрованіямъ.

Вѣрованія, обратившіяся въ чувства, не только вліяютъ на наши поступки, но и на смыслъ, какой мы придаемъ различнымъ словамъ. Раздоры и борьба между людьми въ большинствѣ случаевъ происходятъ отъ того, что одни и тѣ же явленія порождаютъ въ умахъ разнаго склада крайне различныя идеи. Прослѣдите изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одной расы къ другой и отъ одного пола къ другому, представленія, вызываемыя одними и тѣми же словами. Посмотрите, напр., что представляютъ для умовъ различнаго происхожденія такіе термины, какъ „религія", „свобода", „республика", „буржуазія", „собственность", „капиталъ", „трудъ" и т. д., и вы увидите, какая пропасть лежитъ между умственными представленіями, выражающимися однимъ и тѣмъ же словомъ *). Кажется, что разные классы общества, люди разныхъ половъ говорятъ на одномъ языкѣ, но это только обманчивая внѣшность.

Разъединеніе разныхъ слоевъ общества и еще бо-

*) Преломленіе идей, т. е. видоизмѣненіе понятій въ зависимости отъ пола, возраста, расы, образованія, представляетъ въ психологіи одинъ изъ менѣе всего изслѣдованныхъ вопросовъ. Я слегка коснулся его въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ трудовъ, показавъ, какъ измѣняются учрежденія, религіи, языки и искусства съ переходомъ отъ одного народа къ другому.

лѣе разныхъ народовъ происходитъ столько же отъ различія ихъ понятій, сколько и отъ различія ихъ интересовъ; и вотъ почему борьба между классами и между расами, а не призрачное согласіе ихъ составляло всегда въ исторіи преобладающій фактъ. Въ будущемъ несогласіе можетъ только возрасти. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ уравненію людей, цивилизація стремится сдѣлать различіе между ними все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Различіе въ умственномъ развитии между могущественнымъ феодальнымъ барономъ и послѣднимъ его воиномъ было безконечно меньше, чѣмъ нынѣ между инженеромъ и подвластнымъ ему чернорабочимъ.

Между разными расами, между разными классами, между разными полами согласіе возможно только относительно техническихъ вопросовъ, не касающихся области безсознательныхъ чувствъ. Въ морали, религіи, политикѣ, напротивъ, согласіе не возможно или тогда только возможно, когда люди одного и того же происхожденія. При этомъ не доводами сторонъ достигается согласіе, а одинаковостью склада ихъ понятій. Не въ умѣ находитъ свое основаніе убѣдительность. Когда люди собираются для обсужденія политическихъ, религіозныхъ или нравственныхъ вопросовъ, то это разсуждаютъ уже не живые, а мертвые. Это душа ихъ предковъ говоритъ ихъ устами, и ихъ рѣчи тогда—лишь эхо того вѣчнаго голоса мертвыхъ, которому всегда внимаютъ живые.

Итакъ, слова по своему смыслу весьма различаются у разныхъ людей и пробуждаютъ у нихъ идеи

и чувства крайне различныя. Для проникновенія въ умы иного склада, чѣмъ нашъ, нужно самое напряженное усиліе мысли. Съ большимъ трудомъ это достигается въ отношеніи нашихъ соотечественниковъ, отличающихся отъ насъ лишь возрастомъ, поломъ или воспитаніемъ; какимъ же образомъ проникнуть въ мысли людей чуждыхъ расъ, да еще тогда, когда насъ отдѣляютъ отъ нихъ цѣлые вѣка? Чтобы быть понятымъ кѣмъ либо, надо говорить на языкѣ слушателя со всѣми свойственными его понятіямъ оттѣнками. Возможно, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности между родителями и ихъ дѣтьми, прожить въ теченіе многихъ лѣтъ возлѣ человѣка и никогда не понимать его. Вся наша обиходная психологія, основанная на томъ предположеніи, что люди подъ вліяніемъ одинаковыхъ возбужденій испытываютъ и одинаковыя чувства, какъ нельзя болѣе ошибочна.

Мы никогда не можемъ разсчитывать видѣть вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, потому что мы воспринимаемъ лишь состоянія нашего сознанія, создаваемыя нашими же чувствами. Еще менѣе мы можемъ разсчитывать, что невольныя искаженія въ представленіяхъ будутъ одинаковы у всѣхъ людей, такъ какъ эти искаженія подчиняются врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ понятіямъ людей, и слѣд. различаются между собою сообразно расѣ, полу, средѣ и т. п., и, поэтому то, можно сказать, что всего чаще общее взаимное непониманіе управляетъ отношеніями между людьми разныхъ расъ, разныхъ половъ, принадлежащими къ разнымъ общественнымъ слоямъ. Они

могутъ пользоваться одинаковыми словами, но никогда не будутъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ.

Вещи представляются намъ всегда не такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, чего мы и не подозрѣваемъ. Мы даже вообще убѣждены, что этого и быть не можетъ; оттого то для насъ почти и невозможно допустить, чтобы другіе люди могли мыслить и дѣйствовать совершенно не такъ, какъ мы. Это непониманіе мнѣній, въ концѣ концовъ, обращается въ полную нетерпимость, особенно въ области вѣрованій и воззрѣній, основанныхъ исключительно на чувствахъ.

Всѣ люди, придерживающіеся въ религіи, морали, искусствахъ и политикѣ мнѣній, отличныхъ отъ нашихъ, тотчасъ являются въ нашихъ глазахъ людьми недобросовѣстными или, по меньшей мѣрѣ, опасными глупцами. Оттого, какъ только мы располагаемъ какою нибудь властью, мы считаемъ своимъ непремѣннымъ долгомъ энергично преслѣдовать столь зловредныхъ чудовищъ. Если мы ихъ болѣе не сжигаемъ и не гильотинируемъ, такъ это потому, что упадокъ нравовъ и прискорбная мягкость законовъ препятствуютъ тому.

Относительно людей, принадлежащихъ къ расамъ, значительно отличающимся отъ нашей, мы допускаемъ еще, по крайней мѣрѣ въ теоріи и не безъ сожалѣнія къ плачевному ослѣпленію этихъ людей, что они могутъ мыслить не вполнѣ такъ, какъ мы. Мы считаемъ, впрочемъ, что для благополучія этихъ людей, они должны быть подчинены нашимъ нравамъ и законамъ самыми энергичными мѣрами, если случайно стано-

вимся повелителями этихъ людей. Арабы, негры, аннамиты, мальгаши и т. д., которымъ мы хотимъ навязать наши нравы, законы и обычаи—ихъ ассимилировать, какъ говорятъ въ политикѣ, узнали по опыту, во что обходится желанiе мыслить иначе, чѣмъ ихъ побѣдители. Они, разумѣется, продолжаютъ сохранять свои врожденныя понятiя, которыхъ они не въ силахъ измѣнить, но они научились скрывать свои мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прiобрѣли непримиримую ненависть къ своимъ новымъ повелителямъ.

Полное взаимное непониманiе между народами разныхъ расъ не всегда порождаетъ между ними непрiязнь. Оно можетъ даже сдѣлаться косвеннымъ источникомъ симпатiи между ними, такъ какъ ничто, въ этомъ случаѣ, имъ тогда не мѣшаетъ создавать въ своемъ воображенiи желаемое представленiе другъ о другѣ. Справедливо было замѣчено, что „однимъ изъ самыхъ надежныхъ основанiй, на которомъ покоится франко-русскiй союзъ, было почти полное незнанiе другъ друга со стороны обоихъ народовъ“.

Взаимное непониманiе бываетъ разныхъ степеней у разныхъ народовъ. Оно достигаетъ высшей степени у народовъ, которые мало путешествуютъ внѣ своей страны, какъ, напр., народы латинской расы; у нихъ, поэтому, нетерпимость безгранична. Наша неспособность понимать идеи другихъ цивилизованныхъ или нецивилизованныхъ народовъ — поразительна. Она, замѣтимъ кстати, и есть главная причина плачевнаго состоянiя нашихъ колонiй. Наиболѣе выдающiеся представители латинской расы и даже

геніальные, какъ Наполеонъ, не отличаются въ этомъ отношеніи отъ обыкновенныхъ людей. Наполеонъ никогда не имѣлъ даже смутнаго понятія о психологіи испанца или англичанина. Его сужденія о нихъ не шли далѣе того, какое можно было недавно читать въ одномъ изъ нашихъ большихъ политическихъ журналовъ по поводу отношеній Англіи къ дикарямъ Африки: „Англія всегда вмѣшивается въ дѣла дикарей, чтобы препятствовать имъ освободиться отъ ихъ царей и перейти къ республиканскому образу правленія", увѣрялъ съ негодованіемъ простодушный авторъ. Трудно выказать большее непониманіе и большую наивность.

Впрочемъ, и сочиненія нашихъ историковъ кишатъ подобнаго рода сужденіями. И вотъ, отчасти почему я пришелъ къ заключенію, что историческія описанія не болѣе какъ настоящіе романы, совершенно чуждые всякой дѣйствительности *). То, съ чѣмъ они насъ знакомятъ, никогда не было душою историческихъ лицъ, а представляетъ единственно душу самихъ историковъ.

И точно также, вслѣдствіе того, что расовыя понятія не подходятъ подъ общую мѣрку, и что однородныя слова возбуждаютъ весьма неодинаковыя по-

*) Максъ Мюллеръ упрекаетъ меня за это мнѣніе, и въ одной изъ статей въ „Revue historique" А. Лихтенбергеръ, о недостаточномъ критическомъ смыслѣ котораго я уже говорилъ, заявляетъ своимъ читателямъ, что мое мнѣніе его „ошеломило". Это мнѣніе, тѣмъ не менѣе, я высказывалъ уже давно въ моихъ историческихъ сочиненіяхъ, указывая, что только въ твореніяхъ искусства или литературныхъ памятникахъ могутъ читаться мысли умершихъ народовъ.

нятія въ умахъ, различающихся между собою, я пришелъ еще и къ другому на видъ парадоксальному заключенію, что писанныя сочиненія совершенно не переводимы съ одного языка на другой. Это справедливо даже для языковъ современныхъ и еще въ несравненно большей степени для языковъ, передающихъ намъ понятія народовъ умершихъ.

Такіе переводы тѣмъ болѣе не возможны, что дѣйствительный смыслъ словъ, т. е. чувства и представленія, вызываемыя ими, мѣняются изъ вѣка въ вѣкъ. Не имѣя возможности измѣнять самыя слова, которыя видоизмѣняются значительно медленнѣе, чѣмъ идеи, мы безсознательно мѣняемъ смыслъ словъ. Такъ именно религіозный и моральный кодексъ англо-саксовъ—Библія, написанная 3000 лѣтъ тому назадъ для племенъ, находившихся въ періодѣ варварства, могла приспособляться къ послѣдовательнымъ и измѣнчивымъ потребностямъ высоко цивилизованнаго народа. При помощи собственныхъ измышленій, всякій подводитъ подъ древнія слова свои современныя понятія. Истолковывая такимъ образомъ Библію, можно, какъ это и дѣлаютъ англичане, открыть ее на удачу и найти тамъ рѣшеніе любого политическаго или моральнаго вопроса.

Повторяю, что только между людьми одной и той же расы, находящимися въ теченіе продолжительнаго времени въ одинаковыхъ условіяхъ существованія и обстановки, можетъ имѣть мѣсто нѣкоторое взаимное пониманіе. Благодаря наслѣдственнымъ формамъ ихъ мыслей, слова, которыми они обмѣниваются въ уст-

ной или письменной рѣчи, могутъ тогда возбуждать въ нихъ приблизительно одинаковыя понятія.

§ 3. Наслѣдственное образованіе нравственныхъ понятій.

Роль извѣстныхъ нравственныхъ качествъ въ судьбѣ народовъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Намъ скоро придется это показать при изученіи сравнительной психологіи разныхъ расъ. Теперь же мы хотимъ только указать, что нравственныя качества, подобно вѣрованіямъ, переходятъ по наслѣдству и, слѣд., составляютъ часть прародительской души народа. На этой то унаслѣдованной отъ предковъ почвѣ и возникаютъ возбудители нашихъ дѣйствій, а наша сознательная дѣятельность служитъ только намъ для наблюденія ихъ результатовъ. Общее руководство нашими поступками принадлежитъ обыкновенно унаслѣдованнымъ нами чувствамъ и очень рѣдко разуму.

Эти чувства пріобрѣтаются очень медленно. Нравственныя качества обладаютъ нѣкоторою прочностью лишь тогда, когда они, сдѣлавшись нашимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, перешли въ область безсознательнаго, и слѣд. ускользаютъ отъ вліяній, всегда эгоистичныхъ и чаще всего противныхъ разумнымъ интересамъ расы. Нравственныя начала, внушаемыя при воспитаніи, имѣютъ по истинѣ очень слабое вліяніе; я даже сказалъ бы, что вліяніе это равно нулю, если бы не приходилось принимать въ расчетъ тѣхъ безразличныхъ натуръ, которыхъ Рибо

справедливо называетъ безформенными, безличными (amorphes); натуры эти находятся на той неопредѣленной границѣ, гдѣ малѣйшій поводъ можетъ съ одинаковою легкостью отклонить ихъ въ сторону добра или зла. Для этихъ то безразличныхъ существъ особенно полезны законы и полиція. Они не сдѣлаютъ ничего такого, что послѣдними запрещается, но до болѣе высокихъ нравственныхъ началъ они не поднимутся. Разумное воспитаніе, т. е. пренебрегающее совершенно философскими разглагольствованіями и разсужденіями, можетъ имъ доказать, что хорошо понятый интересъ состоитъ въ томъ, чтобы не слишкомъ близко держаться сферы дѣйствій полиціи.

Пока нашъ разумъ не вмѣшивается въ наши дѣйствія, наша мораль остается инстинктивной, и наши побужденія не отличаются отъ побужденій самой безсознательной толпы. Эти побужденія безотчетны въ томъ смыслѣ, что они инстинктивны, а не подсказаны разумомъ. Но они и не лишены цѣлесообразности въ томъ смыслѣ, что являются слѣдствіемъ медленныхъ приспособленій, созданныхъ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ потребностей. Въ душѣ народной эти инстинктивные возбудители проявляются во всей своей силѣ, и потому инстинктъ толпы отличается всегда глубокимъ консерватизмомъ и способностью защищать общіе интересы расы, пока теоретики и ораторы его не затемняютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роль преданій въ различныхъ элементахъ цивилизаціи. Предѣлы измѣняемости унаслѣдованныхъ душевныхъ качествъ.

§ 1. *Вліяніе преданій въ жизни народовъ.* Трудность освободиться отъ ига преданія. Настоящіе свободные мыслители встрѣчаются рѣдко. Трудность установленія самыхъ очевидныхъ истинъ. Происхожденіе нашихъ повседневныхъ мнѣній. Слабое вліяніе разума. Вліяніе преданій на учрежденія, вѣрованія и искусства. Безсиліе художниковъ освободиться отъ вліяній прошлаго.

§ 2. *Предѣлы измѣняемости унаслѣдованныхъ душевныхъ качествъ.* Разные элементы, составляющіе душевный организмъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Разнородные элементы этого организма. Какимъ образомъ они могутъ возникать.

§ 3. *Борьба между традиціонными вѣрованіями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнѣній.* Какимъ образомъ народы могутъ сбросить иго преданія. Невозможность освободиться отъ него сразу. Склонность латинскихъ народовъ совершенно отвергать вліяніе прошлаго и перестраивать заново свои учрежденія и законы. Борьба между ихъ традиціями и современными запросами. Прочныя вѣрованія замѣнились переходными и мимолетными. Неустойчивость, насильственность и сила общественнаго мнѣнія. Разные примѣры. Общественное мнѣніе подсказываетъ судьямъ приговоры, а правительствамъ войны и союзы. Вліяніе печати и скрытое могущество финансистовъ. Необходимость общепризнаннаго вѣрованія. Соціализмъ безсиленъ выполнить эту роль.

§ 1. Вліяніе преданій въ жизни народовъ.

Мы сейчасъ видѣли, что человѣкъ главнымъ образомъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своихъ врожденныхъ качествъ и особенно повинуется преданіямъ. Эту зависимость отъ преданій, которая нами руко-

водитъ, мы можемъ проклинать, но какъ ничтожно въ каждую эпоху число людей, художниковъ, мыслителей или философовъ, способныхъ выйти изъ этой зависимости. Очень немногимъ удается хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ освободиться отъ вліянія прошлаго. Можетъ быть милліоны людей считаютъ себя свободными мыслителями, а въ дѣйствительности таковыми можно признать лишь нѣсколько дюжинъ въ цѣлую эпоху. Самыя очевидныя научныя истины и тѣ иногда устанавливаются съ величайшимъ трудомъ, и не столько вслѣдствіе доказательства, сколько благодаря престижу лица, защищающаго ихъ *). Врачи не признавали въ теченіе цѣлаго вѣка явленій магнетизма, которыя они могли, однако, наблюдать повсюду, до той поры, когда одинъ ученый, обладавшій достаточнымъ престижемъ, не подтвердилъ, что эти явленія происходятъ въ дѣйствительности.

На обиходномъ языкѣ „свободнымъ мыслителемъ" называютъ чуть не всякаго антиклерикала. Какой

*) Нѣтъ такого заблужденія, которое не могло бы быть навязано благодаря престижу. Лѣтъ тридцать тому назадъ академія наукъ, въ которой должно бы быть всего больше критическаго ума, опубликовала, какъ подлинныя, нѣсколько сотенъ подложныхъ писемъ Ньютона, Паскаля, Галилея, Кассини и др., сфабрикованныхъ сплошь очень мало образованнымъ обманщикомъ. Они были переполнены грубыми ошибками, но престижъ предполагаемыхъ авторовъ и знаменитаго ученаго, который ихъ представилъ, сдѣлалъ то, что документы были признаны. Большая часть академиковъ вмѣстѣ съ постояннымъ секретаремъ ничуть не сомнѣвались въ подлинности этихъ документовъ до тѣхъ поръ, пока самъ поддѣлыватель не сознался въ сдѣланномъ подлогѣ. По исчезновеніи престижа, стиль писемъ былъ признанъ изъ рукъ вонъ плохимъ, хотя прежде его признавали превосходнымъ и вполнѣ достойнымъ предполагаемыхъ авторовъ.

нибудь провинціальный аптекарь уже считаетъ себя свободнымъ мыслителемъ, если не ходитъ въ церковь, преслѣдуетъ своего священника, высмѣивая его догмы; въ сущности же этотъ аптекарь такъ же мало свободомыслящій, какъ и этотъ священникъ. Они оба принадлежатъ къ одной и той же психологической семьѣ и оба одинаково руководятся понятіями своихъ предковъ.

Надо было бы изучить въ подробностяхъ повседневныя мнѣнія и сужденія, которыя мы произносимъ по поводу всякихъ вопросовъ, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ справедливо все вышеизложенное. Эти мнѣнія, которыя мы считаемъ столь свободными, внушены намъ окружающею насъ средою, книгами, журналами и, въ зависимости отъ унаслѣдованныхъ нами чувствъ, принимаются или отвергаются нами во всей своей совокупности чаще всего безъ какого либо участія въ томъ нашего разума. На разумъ ссылаются часто, но поистинѣ онъ играетъ такую же ничтожную роль въ образованіи нашихъ сужденій, какъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ. Главнѣйшіе источники нашихъ идей въ отношеніи нашихъ основныхъ понятій надо искать въ наслѣдственности, а въ отношеніи понятій второстепенныхъ — во внушеніи, и потому люди разныхъ общественныхъ классовъ, но одной и той же профессіи, столь похожи между собою. Живя въ одной и той же обстановкѣ, повторяя непрерывно одни и тѣ же слова, однѣ и тѣ же фразы, однѣ и тѣ же идеи, они кончаютъ тѣмъ, что пріобрѣтаютъ понятія столь же избитыя, сколь и одинаковыя между собою.

Идетъ ли рѣчь объ учрежденіяхъ, вѣрованіяхъ, искусствахъ или любой сторонѣ цивилизаціи, мы всегда находимся подъ давленіемъ среды и въ особенности прошлаго. Если мы вообще этого не замѣчаемъ, то это происходитъ отъ той легкости, съ какою мы способны старыя вещи называть новыми именами, полагая, что этимъ мы измѣняемъ и самыя вещи.

Чтобы выяснить значеніе вліяній наслѣдственности, врожденности, надо разсмотрѣть совершенно опредѣленные элементы цивилизаціи, напр. искусства. Значеніе прошлаго тогда выступитъ съ полною ясностью, также какъ и борьба между преданіями и современными идеями. Когда художникъ воображаетъ, что избавился отъ гнета прошлаго, то онъ дѣлаетъ ничто иное, какъ обращается къ формамъ еще болѣе стариннымъ, либо искажаетъ самые необходимые элементы своего искусства замѣною, напр., одной краски другою, розовой, принятой для изображенія лица, —зеленою, либо воплощаетъ всѣ тѣ фантазіи, которыя можно видѣть на ежегодныхъ выставкахъ. Но этими самыми бреднями художникъ только подтверждаетъ свое безсиліе освободиться отъ вліянія преданій и вѣковыхъ обычаевъ. Вдохновеніе, кажущееся ему свободнымъ, всегда есть рабъ всего прошлаго. Внѣ формъ, установившихся вѣками, онъ ничего придумать не можетъ. Развитіе его творчества можетъ происходить лишь очень медленно.

§ 2. Предѣлы измѣняемости унаслѣдованныхъ душевныхъ качествъ.

Таково вліяніе прошлаго, и надо всегда имѣть его въ виду, если хотимъ понять развитіе всѣхъ сторонъ цивилизаціи, какъ образуются наши учрежденія, вѣрованія и искусства, и какое громадное участіе въ созиданіи ихъ принимаютъ унаслѣдованныя нами воззрѣнія нашихъ предковъ. Современный человѣкъ самымъ усерднымъ образомъ и совершенно безполезно старался сбросить съ себя ярмо прошлаго. Наша великая революція считала даже себя въ силѣ совершенно уничтожить всякія вліянія прошлаго. Какъ тщетны подобныя попытки! Можно покорить народъ, поработить его, даже уничтожить. Но гдѣ та сила, которая могла бы измѣнить душу народа?

Вѣдь эта наслѣдственная народная душа, отъ вліянія которой столь трудно избавиться, формировалась вѣками. Въ нее было вложено много разнообразныхъ элементовъ, и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ возбудителей эти элементы могутъ проявлятъся. Внезапное измѣненіе обстановки и среды можетъ пробудить дремавшіе въ насъ зародыши. Этимъ и объясняются тѣ возможныя проявленія характера, о которыхъ я говорилъ въ другомъ моемъ трудѣ и которыя обнаруживаются при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такимъ то именно образомъ въ мирной душѣ какого нибудь начальника бюро, судьи, лавочника скрывается иногда Робеспьеръ, Маратъ, Фукье-Тэнвиль. Достаточно нѣко-

торыхъ возбудительныхъ причинъ, чтобы эти скрытыя личности проявились, и тогда можно видѣть, какъ мирные чиновники приказываютъ разстрѣливать заложниковъ, какъ художники приказываютъ разрушать монументы; придя же въ себя, эти люди сами недоумѣваютъ, какъ они могли сдѣлаться жертвами такихъ заблужденій. Буржуа, засѣдавшіе въ конвентѣ, возвратясь послѣ революціонной бури къ своимъ мирнымъ занятіямъ, нотаріусы, сборщики податей, профессора, судьи, адвокаты и т. д. не разъ въ изумленіи задавали себѣ вопросъ: какимъ образомъ они могли проявить столь кровожадные инстинкты и умертвить столько народу. Взбалтываніе осадка, заложеннаго предками въ глубинѣ нашей души, не проходитъ безнаказанно. Неизвѣстно, что можетъ изъ этого выйти: душа героя или разбойника.

§ 3. Борьба между традиціонными вѣрованіями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнѣній.

Только благодаря нѣсколькимъ оригинальнымъ самостоятельнымъ умамъ, какіе появляются во всѣ эпохи, каждая цивилизація мало по малу освобождается изъ подъ гнета традицій. Но такъ какъ такіе умы рѣдки, то и освобожденіе это совершается очень медленно.

Прежде всего стойкость, а затѣмъ измѣнчивость составляютъ главныя условія возникновенія и развитія обществъ. Цивилизація устанавливается лишь тогда,

когда ею создана извѣстная традиція, и развивается не иначе, какъ при томъ условіи, что ей удается мало по малу измѣнять эту традицію въ каждомъ поколѣніи. Если традиція не измѣняется, то не будетъ и прогресса, примѣромъ чему служитъ Китай, со своею застывшею цивилизаціей. Если хотятъ слишкомъ быстро измѣнить эту традицію, то цивилизація теряетъ всякую устойчивость, разлетается въ прахъ и вскорѣ исчезаетъ. Сила англо-саксовъ и заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что, подчиняясь вліянію прошлаго, они умѣютъ отдѣлываться отъ него, не переходя извѣстныхъ границъ. Напротивъ того, слабость латинской расы зависитъ отъ того, что она старается совершенно отдѣлаться отъ вліянія прошлаго и постоянно стремится передѣлывать заново всѣ свои учрежденія, вѣрованія и законы. Исключительно по этой причинѣ латинскіе народы въ теченіе цѣлаго вѣка переживаютъ революціи и непрерывныя потрясенія, изъ которыхъ не предвидится скораго исхода.

Великая опасность настоящаго времени состоитъ въ томъ, что мы почти не имѣемъ больше общихъ вѣрованій. Общіе одинаковые для всѣхъ интересы все въ большей и большей мѣрѣ замѣняются частными разнообразными интересами. Наши учрежденія, законы, искусства, наше воспитаніе были построены на извѣстныхъ вѣрованіяхъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распадаются и которыхъ не могутъ замѣнить ни наука, ни философія, никогда, впрочемъ, и не претендовавшія на такую роль.

Несомнѣнно, что мы не вышли изъ-подъ вліянія

нашего прошлаго, такъ какъ человѣкъ и не можетъ избавиться отъ него, но мы перестали вѣрить въ тѣ принципы, на которыхъ создался весь нашъ общественный строй. Существуетъ постоянное противорѣчіе между наслѣдственно укоренившимися въ насъ чувствами и современными идеями. Въ морали, въ религіи, въ политикѣ нѣтъ уже признанныхъ авторитетовъ, какъ то было прежде, и никто не можетъ болѣе надѣяться установить опредѣленное направленіе въ области этихъ важнѣйшихъ сторонъ общественнаго быта. Отсюда происходитъ, что правительства, вмѣсто того, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, принуждены считаться съ нимъ и подчиняться непрестаннымъ его колебаніямъ.

Современный человѣкъ, особенно принадлежащій къ латинской расѣ, связанъ безсознательно съ прошлымъ, тогда какъ его разумъ непрерывно ищетъ выхода изъ этой зависимости. Пока не установится какое либо опредѣленное вѣрованіе, онъ имѣетъ только такія вѣрованія, которыя, вслѣдствіе того, что они не наслѣдственны, — преходящи и кратковременны. Вѣрованія эти возникаютъ самобытно подъ вліяніемъ событій каждаго дня, какъ набѣгаютъ волны, поднятыя бурей. Они пріобрѣтаютъ иногда значительную силу, но сила эта мимолетна. Эти вѣрованія нарождаются подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ; подражательность и мода ихъ распространяютъ. При современной нервности нѣкоторыхъ народовъ, самая незначительная причина вызываетъ чрезмѣрныя проявленія чувствъ: взрывы нена-

вisти, ярости, негодованія, энтузіазма разражаются, по ничтожному случаю, какъ громовые удары. Нѣсколько солдатъ захвачено китайцами въ Лангсонѣ, и происходитъ взрывъ ярости, который въ нѣсколько часовъ опрокидываетъ правительство. Деревушка гдѣ нибудь въ углу Европы затоплена наводненіемъ, и вдругъ разражается взрывъ національнаго умиленія: подписки, благотворительные праздники и т. п.; собранныя суммы отсылаются вдаль, тогда какъ онѣ были бы столь необходимы для облегченія нашихъ собственныхъ бѣдствій. Общественное мнѣніе знаетъ крайнія чувства или глубокое равнодушіе. Оно страшно женственно и, какъ женщина, отличается полной неспособностью владѣть своими рефлекторными движеніями. Оно безпрерывно колеблется по волѣ всѣхъ вѣяній внѣшнихъ обстоятельствъ.

Эта крайняя подвижность чувствъ, не направляемыхъ болѣе никакимъ основнымъ вѣрованіемъ, дѣлаетъ ихъ очень опасными. За отсутствіемъ исчезнувшей власти, общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе хозяиномъ положенія, и такъ какъ къ его услугамъ имѣется всемогущая печать, чтобы его возбуждать или за нимъ слѣдовать, то роль правительства дѣлается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе трудною, и политика государственныхъ людей становится все болѣе и болѣе нерѣшительною и колеблющеюся. Въ душѣ народной можно найти многое, что можетъ быть использовано, но никогда въ ней не найти ума Ришелье или даже ясныхъ взглядовъ скромнаго дипломата, обладающаго нѣкоторою послѣдовательностью идей и дѣйствій.

Такое громадное и такое колеблющееся могущество общественнаго мнѣнія распространяется не только на политику, но на всѣ элементы цивилизаціи. Оно диктуетъ художникамъ ихъ произведенія, судьямъ ихъ приговоры *), правительствамъ ихъ образъ дѣйствій.

Что опасно въ этомъ вліяніи теченій общественнаго мнѣнія, это то, что они дѣйствуютъ безсознательно на наши идеи и измѣняютъ ихъ, а мы этого и не подозрѣваемъ. Судьи, которые осуждаютъ или оправдываютъ подъ вліяніемъ этого мнѣнія, повинуются ему, чаще всего, сами этого не сознавая. Ихъ безсознательный инстинктъ претерпѣваетъ превращеніе для того, чтобы слѣдовать за общественнымъ

*) Однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ вторженія общественнаго мнѣнія въ дѣло суда, гдѣ нѣкогда засѣдали люди болѣе стойкаго характера, служитъ недавнее очень поучительное дѣло доктора Лапорта. Это останется примѣромъ, заслуживающимъ упоминанія во всѣхъ трактатахъ по психологіи. Призванный ночью къ трудно больной, почти умирающей родильницѣ и не имѣя подъ рукою необходимаго спеціальнаго инструмента, онъ воспользовался взятымъ у сосѣда рабочаго подходящимъ инструментомъ, отличающимся, впрочемъ, отъ спеціальнаго лишь несущественными подробностями. Но такъ какъ этотъ случайный инструментъ не принадлежалъ къ набору хирургическихъ инструментовъ, представляющихся чѣмъ то таинственнымъ, и потому имѣющимъ свой престижъ, сосѣдки-кумушки тотчасъ же разнесли по всему околотку, что докторъ этотъ невѣжда и палачъ. Вопли ихъ собираютъ сосѣдей, молва растетъ, газеты подхватываютъ, общественное мнѣніе возмущается, и находится судья, чтобы засадить несчастнаго врача въ тюрьму, потомъ судъ, чтобы присудить его къ новому содержанію въ тюрьмѣ, послѣ долгаго предварительнаго заключенія. Но въ это время извѣстные спеціалисты взяли дѣло въ свои руки и совершенно перевернули общественное мнѣніе, и въ нѣсколько недѣль палачъ обратился въ мученика. Дѣло было пересмотрѣно, и судъ, продолжая покорно слѣдовать за поворотомъ общественнаго мнѣнія, оправдалъ на этотъ разъ обвиняемаго.

мнѣніемъ, а разумъ служитъ только для того, чтобы найти оправданіе тѣмъ перемѣнамъ, которыя безотчетно происходятъ въ умѣ.

Эти характерныя для настоящаго времени народныя движенія лишаютъ правительства, какъ я сказалъ выше, всякой устойчивости въ ихъ дѣйствіяхъ. Общественное мнѣніе устанавливаетъ союзы, какъ, напр., франко-русскій, возникшій подъ вліяніемъ взрыва народнаго энтузіазма, объявляетъ войны, какъ, напр., испано-американскую, происшедшую вслѣдствіе движенія общественнаго мнѣнія, созданнаго газетами, состоящими на содержаніи нѣсколькихъ финансистовъ.

Американскій писатель Годкинъ въ недавно вышедшей любопытной книгѣ „Unforeseen Tendencies of Democracy“ (страшныя тенденціи демократіи) указалъ на гибельную для направленія общественнаго мнѣнія роль американскихъ газетъ, большая часть которыхъ состоитъ на содержаніи спекулянтовъ. Всякая предстоящая война, говоритъ онъ, всегда будетъ пріятна газетамъ по той простой причинѣ, что новости съ театра войны, побѣды или пораженія, въ огромныхъ размѣрахъ увеличиваютъ ихъ сбытъ. Книга была написана до войны изъ-за Кубы, и событія показали, насколько было вѣрно предвидѣніе автора. Газеты руководятъ общественнымъ мнѣніемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но сами состоятъ подъ управленіемъ нѣсколькихъ финансистовъ, направляющихъ журналистику изъ своихъ конторъ. Могущество ихъ гибельнѣе могущества самыхъ злѣйшихъ тирановъ, потому во первыхъ, что оно безъимянно, и во вторыхъ, что они руко-

водствуются только личными интересами, чуждыми интересамъ страны. Какъ я уже упоминалъ выше, одна изъ важныхъ задачъ будущаго состоитъ въ отысканiи средства избавиться отъ всесильнаго и развращающаго влiянiя банкировъ космополитовъ, которые во многихъ странахъ все болѣе и болѣе стремятся стать косвенно хозяевами общественнаго мнѣнiя, а слѣд. и правительствъ. Американская газета *Evening Post* недавно указывала, что тогда какъ всѣ другiя влiянiя въ народныхъ движенiяхъ слабы или безсильны, могущество мелкой прессы возрасло сверхъ мѣры, могущество тѣмъ болѣе грозное, что оно ничѣмъ не ограничено, безотвѣтственно, безконтрольно и находится въ рукахъ перваго встрѣчнаго. Двѣ наиболѣе влiятельныя популярныя газеты въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣ, которыя принудили правительство объявить Испанiи войну, редактировались — одна бывшимъ извозчикомъ, другая — совершенно молодымъ человѣкомъ, получившимъ многомиллiонное наслѣдство. Ихъ мнѣнiя, замѣчаетъ американскiй критикъ, о томъ, какимъ образомъ страна должна пользоваться своею армiею, своимъ флотомъ, своимъ кредитомъ и своими традицiями, имѣли болѣе вѣское влiянiе, чѣмъ мнѣнiя всѣхъ государственныхъ дѣятелей, философовъ и профессоровъ страны.

Здѣсь мы видимъ еще разъ проявленiе одного изъ крупныхъ требованiй настоящей минуты, т. е. необходимость найти вѣрованiе, которое было бы принято всѣми и замѣнило бы собою прежнiя вѣрованiя, управлявшiя людьми до настоящаго времени.

Резюмируемъ эту и предыдущую главы: цивилизаціи всегда покоились на небольшомъ числѣ вѣрованій, чрезвычайно медленно образующихся и очень медленно исчезающихъ; вѣрованіе не можетъ привиться или, по меньшей мѣрѣ, достаточно проникнуть въ умы, чтобы стать руководящимъ началомъ, если оно болѣе или менѣе не связано съ предшествующими вѣрованіями; современный человѣкъ наслѣдственно владѣетъ вѣрованіями, еще служащими основаніемъ его учрежденій и морали, но въ настоящее время находящимися въ постоянной борьбѣ съ его разумомъ. Отсюда единственный для него выходъ: стараться выработать новые догматы, связанные въ достаточной мѣрѣ съ прежними вѣрованіями и вмѣстѣ съ тѣмъ согласованные съ его современными понятіями. Въ этомъ то противорѣчіи между прошлымъ и настоящимъ, т. е. между безотчетными влеченіями нашей души и нашими сознательными размышленіями, и коренятся причины современной анархіи умовъ.

Обратится ли соціализмъ въ новое вѣроученіе, способное замѣнить прежнія вѣрованія? Для успѣха ему не достаетъ магической способности, создающей представленія о будущей жизни и составляющей до сихъ поръ главную силу великихъ религій, завоевавшихъ міръ и продолжавшихся долго. Всѣ блага, обѣщаемыя соціализмомъ, должны осуществиться на землѣ. Но осуществленіе такихъ обѣщаній неминуемо натолкнется на экономическія и психологическія препятствія, устранить которыя не въ силахъ человѣка. Поэтому, моментъ водворенія соціализма будетъ вмѣстѣ

съ тѣмъ и началомъ его паденія. Соціализмъ можетъ восторжествовать только на минуту, какъ торжествовали гуманитарныя идеи во времена революціи *); но затѣмъ онъ быстро погибнетъ въ кровавыхъ переворотахъ, такъ какъ душу народовъ нельзя возмущать безнаказанно. Такимъ образомъ, соціализмъ можетъ образовать собою одно изъ такихъ мимолетныхъ вѣроученій, возникающихъ и исчезающихъ на протяженіи одного и того же вѣка, которыя служатъ только для подготовки или для возобновленія другихъ вѣрованій, болѣе подходящихъ и къ природѣ человѣка и къ разнымъ потребностямъ, которымъ должны подчиняться общества. Только разсматривая соціализмъ съ этой точки зрѣнія, т. е. какъ разрушительную силу, которой суждено подготовить расцвѣтъ новыхъ догматовъ, наше потомство, можетъ быть, не признаетъ роль его безусловно гибельной.

*) Французской.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Стремленіе соціализма принять форму вѣроученія.

§ 1. *Въ настоящее время соціализмъ стремится замѣнить собою старыя вѣрованія.* Религіозная эволюція соціализма. Въ чемъ успѣхъ соціалистическихъ понятій, какъ вѣрованій религіозныхъ, связывающихся съ вѣрованіями прежними. Религіозное чувство—неискоренимый инстинктъ. Человѣкъ ищетъ не свободы, а умственнаго рабства. Новая доктрина отвѣчаетъ запросамъ и надеждамъ нашего времени. Безсиліе защитниковъ старыхъ догмъ. Малоцѣнность соціалистическихъ догмъ съ научной стороны не можетъ вредить ихъ распространенію. Великія религіозныя вѣрованія, управлявшія человѣчествомъ, никогда не были плодомъ разума.

§ 2. *Распространеніе вѣрованій. Ихъ проповѣдники.* Роль проповѣдниковъ въ созиданіи вѣрованій. Ихъ средства для убѣжденія. Важность роли галлюцинатовъ. Религіозный складъ ума проповѣдниковъ соціализма. Недоступные всякимъ доводамъ разума, они жаждутъ распространенія своей вѣры. Ихъ возбужденность, преданность, простодушіе и потребность разрушать. По своей психологіи они не отличаются отъ проповѣдниковъ вѣрованій во всѣ времена. Боссюэтъ и драгонады, Торквемада и Робеспьеръ. Гибельная роль филантроповъ. Почему не слѣдуетъ смѣшивать проповѣдниковъ соціализма съ обыкновенными умалишенными и преступниками. Проповѣдникамъ соціализма помогаютъ разные классы вырождающихся.

§ 3. *Распространеніе вѣрованій среди толпы.* Всякія понятія, политическія, религіозныя или соціальныя, въ концѣ концовъ, укореняются въ народныхъ массахъ. Характеръ толпы. Она никогда не руководствуется личными интересами. Лишь толпа проявляетъ коллективные интересы расъ. Лишь при посредствѣ толпы возможна дѣятельность на общую пользу, требующая слѣпой преданности. Видимая насильственность и дѣйствительный консерватизмъ толпы. Не легкомысленная подвижность, а устойчивость господствуетъ надъ толпой. Почему соціализмъ не можетъ соблазнять очень долго народныя массы.

§ 1. Въ настоящее время соціализмъ стремится замѣнить собою старыя вѣрованія.

Разсмотрѣвъ роль нашихъ вѣрованій и давность возникновенія ихъ, мы достаточно подготовлены, чтобы понять религіозную эволюцію, которую переживаетъ современный соціализмъ и которая несомнѣнно составитъ наиболѣе серьезный элементъ въ его успѣхѣ. Мы показали уже въ другомъ нашемъ трудѣ о психологіи толпы, что убѣжденія массъ стремятся всегда принять религіозную форму. Толпа не способна ни къ критикѣ, ни къ скептицизму. *Символъ вѣры*, политическій, религіозный или соціальный, принятый толпою, усваивается ею и всегда усердно чтится безъ разсужденій.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать въ этой главѣ философское или экономическое достоинство новыхъ доктринъ, но исключительно впечатлѣніе, производимое ими на умы. Мы много разъ повторяли, что успѣхъ вѣроученія совершенно не зависитъ отъ доли истины или заблужденія, заключающихся въ немъ, но исключительно отъ возбуждаемыхъ имъ чувствъ и довѣрія, которое оно внушаетъ. Исторія всѣхъ вѣрованій представляетъ тому очевидныя доказательства.

Какъ религіозныя вѣроученія, идеи соціализма въ своей будущности имѣютъ неоспоримыя данныя для успѣха. Во первыхъ, идеямъ этимъ не придется много бороться съ прежними вѣрованіями, такъ какъ послѣднія и сами уже исчезаютъ. Во вторыхъ, эти идеи предста-

вляются въ такой простой формѣ, что легко воспринимаются всѣми умами. Наконецъ, въ третьихъ, онѣ легко и удобно связываются съ предшествующими вѣрованіями, и потому безъ затрудненія могутъ ихъ замѣнить. Дѣйствительно, мы уже показали, что доктрины христіанскихъ соціалистовъ почти одинаковы съ доктринами другихъ соціалистовъ.

Первое условіе — исчезновеніе предшествующихъ вѣрованій — представляется существеннымъ. Человѣчество до настоящаго времени не могло жить безъ вѣрованій. Какъ только старая религія начинаетъ исчезать, является новая на смѣну. Религіозное чувство, т. е. потребность подчиняться той или другой вѣрѣ, божественнаго, политическаго или соціальнаго характера, составляетъ одинъ изъ нашихъ самыхъ повелительныхъ инстинктовъ. Человѣку нужно вѣрованіе для машинальнаго направленія своей жизни, во избѣжаніе всякихъ усилій, сопряженныхъ съ размышленіемъ. Не къ свободѣ, а скорѣе къ порабощенію мысли стремится человѣкъ. Ему удается иногда избавиться отъ угнетающаго господства тирановъ, но какъ можетъ онъ освободиться еще отъ гораздо болѣе повелительнаго господства своихъ вѣрованій? Сначала они служатъ выраженіемъ потребностей и особенно надеждъ человѣка, затѣмъ эти потребности и надежды измѣняются подъ вліяніемъ вѣрованій, и послѣднія кончаютъ тѣмъ, что управляютъ областью его инстинктивныхъ стремленій.

Новая доктрина вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ желаніямъ и надеждамъ. Она появилась какъ разъ

въ то время, когда умираютъ религіозныя и соціальныя вѣрованія, которыми жили наши отцы, и готова возобновить прежнія обѣщанія. Одно уже названіе доктрины есть магическое слово, заключающее въ себѣ, подобно раю древнихъ временъ, наши мечты и надежды. Какъ ни ничтожна ея цѣнность, и какъ ни сомнительно ея осуществленіе, она составляетъ новый идеалъ, которому будетъ принадлежать, по крайней мѣрѣ, заслуга возвратить человѣку надежду, которой боги ему больше не даютъ, и иллюзіи, отнятыя у него наукой.

Если допустить, что долго еще счастіе человѣка должно заключаться въ удивительной способности создавать божества и вѣровать въ нихъ, то нельзя не признать важности новой догмы.

Обманчивый призракъ растетъ съ каждымъ днемъ, и могущество его становится все болѣе и болѣе внушительнымъ. Старыя догмы потеряли свою мощь, алтари прежнихъ боговъ опустѣли, семья распадается, учрежденія разваливаются, іерархіи исчезаютъ. Одинъ лишь соціальный миражъ развертывается на развалинахъ, нагромождающихся повсюду. Онъ распространяется, не встрѣчая особенно сильныхъ порицателей. Тогда какъ послѣдователи его являются ярыми убѣжденными проповѣдниками, проникнутыми, подобно ученикамъ Христа, вѣрою въ новый идеалъ, способный возродить міръ, — робкіе защитники стараго общественнаго строя, напротивъ того, очень слабо убѣждены въ правотѣ своего дѣла. Вся ихъ защита — ничто иное, какъ томительное пережевываніе древнихъ таинственныхъ богословскихъ

и экономическихъ формулъ, давно затасканныхъ и потерявшихъ всякую силу. Сами защитники производятъ впечатлѣніе мумій, пытающихся шевелиться подъ обвивающими ихъ повязками. Въ отчетѣ объ одномъ изъ академическихъ конкурсовъ Леонъ Сэ указалъ на удивительное ничтожество представленныхъ на конкурсъ сочиненій, претендующихъ опровергнуть соціализмъ, несмотря на значительность предложеннаго вознагражденія. Защитники язычества были столь же немощны, когда новое божество, явившееся изъ равнинъ Галилеи на смѣну древнихъ покачнувшихся боговъ, нанесло имъ послѣдній рѣшительный ударъ.

Несомнѣнно, что новыя вѣрованія не имѣютъ логическаго основанія; но какія же вѣрованія за все время существованія человѣчества опирались на логику? Большинство изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, положило начало расцвѣту блестящихъ цивилизацій. Неразумное, упрочиваясь, становится разумнымъ, и человѣкъ кончаетъ тѣмъ, что свыкается съ нимъ. Общества основываются на желаніяхъ, вѣрованіяхъ, потребностяхъ, т. е. на чувствахъ, и никогда—на доводахъ разума, ни даже—на какомъ либо подобіи ихъ. Развитіе этихъ чувствъ, конечно, слѣдуетъ нѣкоторой скрытой логикѣ, законы которой еще никому неизвѣстны.

Ни одно изъ крупныхъ вѣрованій, руководившихъ человѣчествомъ, не происходило отъ разума, и если каждое изъ нихъ подчинялось общему закону, по которому религіи и царства приходятъ въ упадокъ и умираютъ, то точно также не разумъ привелъ ихъ къ концу.

То, чѣмъ въ высокой степени обладаютъ вѣрованія, и чѣмъ разумъ не будетъ владѣть никогда, это удивительная способность связывать между собою вещи, не имѣющія никакой связи, превращать самыя явныя заблужденія въ самыя очевидныя истины, порабощать людей, очаровывая ихъ сердца, и, въ концѣ концовъ, преобразовывать цивилизаціи и государства. Вѣрованія эти не подчиняются логикѣ, но управляютъ исторіей.

При соблазнительныхъ сторонахъ новыхъ ученій, чрезвычайной ихъ простотѣ, дѣлающей ихъ доступными для всѣхъ умовъ, при современной ненависти народныхъ массъ къ обладателямъ богатствъ и власти, при безусловной политической возможности измѣнять, благодаря всеобщей подачѣ избирательныхъ голосовъ, учрежденія, которыми эти классы владѣютъ,—при такихъ, повторяю я, исключительно благопріятныхъ условіяхъ распространенія новыхъ ученій можно спросить себя: почему успѣхъ ихъ сравнительно такъ медленъ, и какія таинственныя силы руководятъ ихъ ходомъ? Сказанное нами выше относительно происхожденія нашихъ вѣрованій и медленности измѣненія ихъ служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

§ 2. Распространеніе вѣрованій. Ихъ проповѣдники.

Въ настоящее время мы видимъ разработку соціалистической религіи. Мы можемъ при этомъ изучить дѣйствіе проповѣдниковъ ея и всѣхъ главныхъ факторовъ, роль которыхъ была ранѣе указана: не-

сбыточныхъ мечтаній, словъ и формулъ, утвержденій, повтореній, обаянія и заразительности.

Соціализмъ, можетъ быть, восторжествуетъ на короткое время, главнымъ образомъ благодаря своимъ проповѣдникамъ. Одни лишь они, эти убѣжденные люди имѣютъ рвеніе, необходимое для созданія вѣры—этой магической силы, преображавшей въ разныя времена міръ. Они владѣютъ искусствомъ убѣждать, искусствомъ одновременно и тонкимъ и простымъ, законамъ котораго ни въ какихъ книгахъ выучиться нельзя. Они знаютъ, что толпа ненавидитъ сомнѣнія, что она понимаетъ только крайнія чувства: энергичное утвержденіе или такое же отрицаніе, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знаютъ, какъ возбудить и развить эти чувства.

Нѣтъ надобности, чтобы число этихъ апостоловъ было очень велико для выполненія ихъ задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбужденія столь крупнаго движенія, какъ крестовые походы—событіе, быть можетъ, болѣе чудесное, чѣмъ насажденіе какой либо религіи, такъ какъ милліоны людей были доведены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Востокъ, и возобновляли не разъ это движеніе, несмотря на самыя крупныя неудачи и жесточайшія лишенія.

Каковы бы ни были вѣрованія, управлявшія міромъ, христіанство, буддизмъ, магометанство или просто какія либо политическія ученія, въ родѣ, напр., тѣхъ, какія руководили французскою революціею, они распространялись усиліями именно этой категоріи

убѣжденныхъ проповѣдниковъ, которыхъ называютъ апостолами. Загипнотизированные поработившею ихъ вѣрою, они готовы на всѣ жертвы для ея распространенія и кончаютъ даже тѣмъ, что исключительною цѣлью своей жизни ставятъ воцареніе этой вѣры. Эти люди находятся какъ въ полубреду, изученіе ихъ требуетъ патологическаго изслѣдованія ихъ умственнаго состоянія, но, несмотря на это, они всегда играли въ исторіи громадную роль.

Такіе люди появляются главнымъ образомъ изъ среды умовъ, одаренныхъ религіознымъ инстинктомъ, характеризующимся тѣмъ, что человѣкъ чувствуетъ потребность подчиняться какому либо существу или символу вѣры и жертвовать собою для торжества предмета своего поклоненія.

Религіозный инстинктъ, какъ чувство безсознательное, сохраняется, конечно, и тогда, когда исчезнетъ вѣрованіе, поддерживавшее его въ началѣ. Апостолы соціалисты, проклинающіе или отвергающіе старыя христіанскія догмы, тѣмъ не менѣе остаются въ высшей степени религіозными. Существо ихъ вѣры измѣнилось, но они остаются подъ вліяніемъ всѣхъ наслѣдственныхъ инстинктовъ своей расы. Ожидаемый ими на землѣ общественный рай весьма близокъ къ раю небесному нашихъ праотцевъ. Въ этихъ наивныхъ умахъ, вполнѣ подчиненныхъ наслѣдственности, старый деизмъ воплотился въ земную форму государства, обладающаго силою провидѣнія, исправляющаго всѣ несправедливости и всемогущаго подобно древнимъ богамъ. Человѣкъ мѣняетъ иногда своихъ

кумировъ, но какъ онъ можетъ разрушить наслѣдственныя формы породившихъ ихъ представленій?

Итакъ, апостолъ всегда представляетъ религіозно настроенный умъ, одержимый желаніемъ распространить свое вѣрованіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего это умъ простой, совершенно неподдающійся вліянію доводовъ разума. Его логика—элементарна. Законы и всякія разъясненія совершенно не доступны его пониманію. Можно составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о его воззрѣніяхъ, просмотрѣвъ интересныя выдержки изъ 170-ти автобіографій воинствующихъ соціалистовъ, напечатанныхъ недавно однимъ писателемъ изъ ихъ среды—Гамономъ. Среди нихъ находятся люди, исповѣдующіе крайне различныя между собою ученія; такъ, анархизмъ представляетъ ничто иное, какъ крайнюю форму индивидуализма, по которой всякое правительство подлежитъ уничтоженію, и каждый человѣкъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, между тѣмъ какъ коллективизмъ рекомендуетъ полное подчиненіе человѣка государству. Но, на практикѣ это различіе, едва, впрочемъ, замѣчаемое проповѣдниками, совершенно исчезаетъ. Послѣдователи разныхъ формъ соціализма проявляютъ одну и ту же ненависть къ существующему общественному строю, капиталу, буржуазіи и предлагаютъ одни и тѣ же средства для ихъ разрушенія. Самыя мирныя секты соціализма добиваются только отобранія богатствъ у ихъ обладателей; самыя боевыя, кромѣ такого грабежа, настаиваютъ еще и на истребленіи побѣжденныхъ.

Что ихъ разглагольствованія изобличаютъ лучше всего—это ихъ простодушную наивность. Ничто ихъ не затрудняетъ. Для нихъ ничего нѣтъ легче, какъ перестроить общество: „стоитъ только свергнуть революціоннымъ путемъ правительство, отнять соціальныя богатства у обладателей ихъ и предоставить *все* въ распоряженіе *всѣхъ*... Общество, въ которомъ исчезло различіе между капиталистомъ и работникомъ, не нуждается въ правительствѣ“.

Поддаваясь все болѣе и болѣе гипнозу двухъ или трехъ непрестанно повторяемыхъ формулъ, проповѣдникъ соціалистъ чувствуетъ жгучую потребность распространять свою вѣру и повѣдать всему свѣту добрую вѣсть, призванную вывести человѣчество изъ заблужденія, въ которомъ оно коснѣло до его пришествія. Развѣ не блещетъ сіяніемъ свѣтъ этого новаго ученія, и кто, кромѣ злыхъ и безчестныхъ людей, не будетъ побѣжденъ этимъ свѣтомъ?

Гамонъ пишетъ: „подъ вліяніемъ горячаго стремленія вербовать себѣ послѣдователей, проповѣдники соціалисты не останавливаются ни передъ какими страданіями, проповѣдуя свои идеи. Для идеи они порываютъ свои семейныя и дружескія связи; они теряютъ свои мѣста, свои средства существованія. Въ своемъ усердіи они готовы дойти до тюрьмы, каторги и смерти; они хотятъ осуществить свой идеалъ и спасти помимо ихъ желаній народныя массы. Они похожи на террористовъ 1793 года, которые изъ любви къ человѣчеству убивали людей“.

Установлено, что соціалисты проповѣдники всѣхъ толковъ и сектъ одинаково одержимы жаждою разрушенія. Одинъ изъ нихъ, указываемый Гамономъ, желаетъ разрушить всѣ памятники, и особенно церкви, будучи убѣжденъ, что этимъ разрушатся спиритуалистическія религіи. Впрочемъ, этотъ наивный разруши-

тель лишь слѣдуетъ знаменитымъ примѣрамъ. Христіанскій императоръ Θеодосій разсуждалъ не иначе, когда въ 389 г. по Р. Х. разрушилъ всѣ религіозные памятники Египта, сооружавшіеся въ теченіе 6.000 лѣтъ на берегахъ Нила, устояли только очень прочныя, не поддавшіяся разрушенію стѣны и колонны.

Повидимому почти во всѣ времена имѣлъ силу общій психологическій законъ, по которому нельзя быть апостоломъ чего либо, не ощущая настойчивой потребности кого либо умертвить или что либо разрушить.

Проповѣдникъ, обрушивающійся только на памятники, относится къ числу сравнительно безобидныхъ, но, очевидно, не особенно фанатичныхъ. Истый апостолъ не довольствуется такими полумѣрами. Онъ признаетъ необходимымъ вслѣдъ за разрушеніемъ храмовъ лжебоговъ уничтожить и поклонниковъ ихъ. Какое значеніе имѣютъ кровавыя жертвы, когда дѣло идетъ о возрожденіи рода человѣческаго, о водвореніи истины и уничтоженіи заблужденія? Не очевидно ли, что лучшее средство избавиться отъ невѣрныхъ—это умертвить всѣхъ гуртомъ, кто встрѣчается поперекъ пути, оставивъ въ живыхъ только проповѣдниковъ и ихъ учениковъ. Въ этомъ и состоитъ программа искренно убѣжденныхъ, презирающихъ лицемѣрныя и пошлыя сдѣлки съ ересью.

Къ несчастію, еретики оказываютъ еще нѣкоторое сопротивленіе, и въ ожиданіи возможности ихъ истребить, приходится поневолѣ довольствоваться единичными убійствами и угрозами. Эти послѣднія, впрочемъ, очень рѣшительны и не оставляютъ никакого

сомнѣнія въ предстоящихъ избіеніяхъ. Одинъ передовой итальянскій соціалистъ, какъ говоритъ Гарофало, резюмируетъ свою программу такъ: „мы перерѣжемъ тѣхъ, кого встрѣтимъ съ оружіемъ въ рукахъ, сбросимъ съ высоты балконовъ или выбросимъ въ море стариковъ, женщинъ и дѣтей“.

Эти пріемы новыхъ фанатиковъ совсѣмъ не новы; они практиковались всегда въ тѣхъ же формахъ въ разные періоды исторіи. Всѣ апостолы гремѣли въ тѣхъ же выраженіяхъ противъ нечестія своихъ противниковъ, и какъ только получали власть, то примѣняли къ нимъ тѣ же средства для энергичнаго и быстраго разрушенія. Магометъ обращалъ невѣрныхъ мечомъ, инквизиторы—огнемъ, конвентъ—гильотиной, наши современные анархисты—динамитомъ. Только способы истребленія нѣсколько измѣнились.

Что наиболѣе прискорбно въ этихъ взрывахъ фанатизма, которые должно отъ времени до времени переносить общество, это то, что среди убѣжденныхъ самый высокій умъ безсиленъ противъ дикаго увлеченія своею вѣрою. Наши современные анархисты говорятъ и дѣйствуютъ такъ же, какъ Боссюэтъ въ отношеніи къ еретикамъ, когда онъ открылъ противъ нихъ походъ, приведшій къ ихъ истребленію и изгнанію. Какими рѣзкими словами не громилъ только знаменитый прелатъ враговъ своей вѣры, „которые готовы скорѣе коснѣть въ своемъ невѣжествѣ, чѣмъ сознаться въ немъ, лучше питать въ своемъ строптивомъ умѣ свободу мыслить все, что имъ вздумается, чѣмъ покориться божественной власти“.

Нужно прочитать въ письменныхъ свидѣтельствахъ того времени, съ какою дикою радостью были приняты духовенствомъ отмѣна Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV (1685 г.) и драгонады. Епископы и набожный Боссюэтъ отъ энтузіазма были какъ въ бреду. Послѣдній, обращаясь къ Людовику XIV, говорилъ: „вы истребили еретиковъ; это—самое достойное дѣло вашего царствованія, это—вѣнецъ его“.

Истребленіе было дѣйствительно достаточно полное. Это „достойное дѣло“ имѣло результатомъ переселеніе около 400.000 французовъ, кромѣ громаднаго числа стойкихъ протестантовъ, погибшихъ на медленномъ огнѣ, четвертованныхъ, повѣшенныхъ, выпотрошенныхъ или сосланныхъ на королевскія галеры. Инквизиція не менѣе того опустошила Испанію, а конвентъ—Францію. Этотъ послѣдній тоже обладалъ полнотою истины и старался искоренить заблужденія. Онъ всегда гораздо болѣе походилъ на церковный соборъ, чѣмъ на политическое собраніе.

Легко объяснить себѣ опустошенія, совершонныя всѣми этими ужасными истребителями людей, когда умѣешь читать въ ихъ душѣ. Торквемада, Боссюэтъ, Маратъ, Робеспьеръ—всѣ они считали себя кроткими филантропами, мечтающими лишь о счастіи человѣчества. Филантропы религіозные, филантропы политическіе, филантропы соціальные принадлежатъ къ одному и тому же семейству. Они себя вполнѣ искренно считаютъ друзьями человѣчества, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они всегда оказывались самыми опасными

его врагами. Слѣпой фанатизмъ правовѣрныхъ дѣлаетъ ихъ значительно опаснѣе хищныхъ звѣрей.

Современные психіатры полагаютъ вообще, что фанатики соціализма, составляющіе авангардъ, принадлежатъ къ особому типу преступниковъ, которыхъ они называютъ прирожденными преступниками. Но такое опредѣленіе ужъ очень поверхностно и чаще всего совершенно неправильно, такъ какъ обнимаетъ разные классы людей, изъ которыхъ большая часть не имѣетъ никакой родственной связи съ настоящими преступниками. Что среди распространителей новой вѣры встрѣчаются люди преступнаго типа—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но большинство преступниковъ, выдающихъ себя за соціалистовъ анархистовъ, дѣлаетъ это только для того, чтобы придать обыкновеннымъ преступленіямъ политическую окраску. Истинные проповѣдники могутъ совершать дѣянія, которыя справедливо признаются закономъ преступными, но которыя съ психологической точки зрѣнія не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Дѣянія эти совершаются не только безъ всякаго личнаго интереса, составляющаго существенный признакъ настоящаго преступленія, но чаще всего они даже прямо противоположны самымъ очевиднымъ ихъ интересамъ. Проповѣдники эти представляютъ собою первобытные и мистическіе умы, совершенно не способные разсуждать, поглощенные религіознымъ чувствомъ, которое заглушило у нихъ всякую мыслительную способность. Они дѣйствительно очень опасны, и общество, не желающее быть разрушеннымъ ими, должно старательно ихъ удалять изъ

своей среды; но умственное ихъ состоянiе подлежитъ гораздо болѣе вѣдѣнiю психiатра, чѣмъ криминалиста.

Исторiя полна ихъ подвигами, такъ какъ они представляютъ особый психологическiй типъ, существовавшiй во всѣ времена.

Цезарь Ломброзо говоритъ· „душевнобольные съ альтруистическими наклонностями появлялись во всѣ времена, даже въ эпоху варварства, но тогда пищу свою они находили въ религiяхъ; позднѣе они бросились въ политическiя партiи и антимонархическiе заговоры своей эпохи. Сперва это были крестоносцы, потомъ бунтовщики, потомъ странствующiе рыцари, потомъ мученики за вѣру или за безбожiе.

„Въ наше время и особенно въ латинской расѣ какъ только появится такой фанатикъ альтруистъ, онъ находитъ возможную пищу для своихъ страстей только на почвѣ соцiальной и экономической.

„И на этой почвѣ свободное поле энтузiазму фанатиковъ открываютъ почти всегда самыя спорныя и наименѣе вѣрныя идеи. Вы найдете сто фанатиковъ для рѣшенiя богословскаго или метафизическаго вопроса и не найдете ни одного для рѣшенiя геометрической задачи. Чѣмъ страннѣе и безразсуднѣе идея, тѣмъ большее число душевнобольныхъ и истеричныхъ людей она увлекаетъ, особенно изъ среды политическихъ партiй, гдѣ каждый частный успѣхъ обращается въ публичную неудачу или торжество, и эта идея поддерживаетъ фанатиковъ въ теченiе всей ихъ жизни и служитъ имъ удовлетворенiемъ за жизнь, которую они теряютъ, или за переносимыя ими муки“.

Наряду съ описанною нами категорiей проповѣдниковъ, необходимыхъ распространителей всякихъ вѣрованiй, существуютъ менѣе значительныя разновидности, у которыхъ гипнозъ проявляется только въ одномъ какомъ либо пунктѣ. Повседневно встрѣчаются очень умные люди, даже выдающiеся, теряющiе способность разсуждать, когда дѣло касается нѣкоторыхъ вопросовъ. Увлеченные тогда своею политическою или религiозною страстью, они обнаруживаютъ изумительное непониманiе и нетерпимость. Это случайные фа-

натики, фанатизмъ которыхъ становится опаснымъ лишь тогда, когда его раздражаютъ. Они разсуждаютъ съ умѣренностью и ясностью о всемъ, кромѣ тѣхъ вопросовъ, которые соприкасаются съ охватившею ихъ страстью—единственнымъ руководителемъ ихъ въ этихъ случаяхъ. На этой ограниченной почвѣ они встаютъ со всею яростью преслѣдованія, свойственною настоящимъ проповѣдникамъ, которые находятъ въ нихъ, въ критическіе моменты, помощниковъ, полныхъ ослѣпленія и пылкаго усердія.

Существуетъ, наконецъ, еще и другая категорія фанатиковъ соціализма, не увлекающихся одною идеею и даже не отличающихся особенною стойкостью вѣры. Эта категорія принадлежитъ къ обширной семьѣ дегенератовъ. Занимая, благодаря своимъ наслѣдственнымъ порокамъ, физическимъ или умственнымъ, низшія положенія, изъ которыхъ нѣтъ выхода, они становятся естественными врагами общества, къ которому они не могутъ приспособиться вслѣдствіе своей неизлѣчимой неспособности и наслѣдственной болѣзненности. Они — естественные защитники доктринъ, которыя обѣщаютъ имъ и лучшую будущность, и какъ бы возрожденіе. Эти уродливыя жертвы наслѣдственности, которыми мы займемся въ главѣ о „неприспособившихся", значительно пополняютъ ряды проповѣдниковъ. Особенность нашихъ современныхъ цивилизацій заключается несомнѣнно въ томъ, что онѣ создаютъ и, по странной ироніи гуманности, поддерживаютъ съ самою близорукою заботливостью все болѣе и болѣе возрастающій запасъ разныхъ обществен-

ныхъ отбросовъ, подъ тяжестью которыхъ рухнутъ, быть можетъ, и самыя цивилизаціи.

Новая религія, представляемая соціализмомъ, вступаетъ въ такую фазу, когда распространеніе ея ученія совершается апостолами, около которыхъ появляются уже мученики, придающіе ей новый элементъ успѣха. Вслѣдъ за послѣдними казнями анархистовъ въ Парижѣ, полиція должна была принять мѣры противъ набожнаго паломничества на могилы этихъ жертвъ и продажи изображеній ихъ, украшенныхъ всякими религіозными аттрибутами. Фетишизмъ, самый древній изъ всѣхъ культовъ, можетъ быть, окажется и послѣднимъ. Народу всегда нужны какіе нибудь кумиры, воплощающіе его мечты, желанія и ненависти.

Такимъ то образомъ распространяются догмы, и никакое разсужденіе не можетъ бороться противъ нихъ. Сила ихъ неодолима, такъ какъ она опирается на вѣковую неразвитость и низость умственнаго уровня толпы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на вѣчный призракъ счастья, миражъ котораго манитъ людей и мѣшаетъ имъ видѣть непреодолимыя границы, отдѣляющія мечты отъ дѣйствительности.

§ 3. Распространеніе вѣрованій среди толпы.

Разсмотрѣвъ подробно въ двухъ предшествующихъ моихъ трудахъ механизмъ распространенія вѣрованій, я только и могу направить читателя къ этимъ трудамъ. Изъ нихъ онъ узнаетъ, какимъ образомъ всѣ цивилизаціи возникаютъ подъ вліяніемъ

небольшого числа основныхъ идей, которыя, послѣ ряда превращеній, кончаютъ тѣмъ, что укореняются въ народной душѣ въ видѣ вѣрованій. Самый процессъ этого укорененія имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ идеи тогда только пріобрѣтаютъ все свое соціальное значеніе, благотворное или вредное, когда онѣ достаточно упрочились въ душѣ народа. Тогда и только тогда онѣ становятся общимъ достояніемъ, затѣмъ незыблемыми вѣрованіями, т. е. существеннѣйшими факторами религій, революцій и измѣненій цивилизаціи.

Именно въ душѣ народной, этой основной почвѣ, и укрѣпляются, въ концѣ концовъ, корни всѣхъ нашихъ понятій: метафизическихъ, политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ. Слѣдовательно, весьма важно основательно изучить эту почву. Поэтому, изученіе самаго процесса умственнаго развитія народовъ и психологіи толпы намъ казалось необходимымъ предисловіемъ къ изученію соціализма. Это изученіе было тѣмъ болѣе необходимо, что указанные столь важные вопросы, особенно послѣдній, были очень плохо изслѣдованы.

Рѣдкіе писатели, изучавшіе толпу, приходили къ заключеніямъ, часто противоположнымъ дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, отличающимся односторонностью въ вопросѣ, имѣющемъ нѣсколько сторонъ. Они въ большинствѣ случаевъ видѣли въ толпѣ только „хищнаго, кровожаднаго, ненасытнаго звѣря“. Когда глубже вникнемъ въ вопросъ, то найдемъ, что, напротивъ, наихудшія неистовства, которымъ предавалась толпа, исходятъ весьма часто изъ самыхъ вели-

кодушныхъ и безкорыстныхъ побужденій, и что толпа одинаково легко обращается и въ жертву и въ палача. Книга, озаглавленная „Добродѣтельная толпа", могла бы быть такъ же оправдана, какъ и книга подъ заглавіемъ „Преступная толпа". Я обстоятельно настаивалъ въ другомъ мѣстѣ на томъ, что одна изъ основныхъ особенностей, отличающихъ всего болѣе отдѣльную личность отъ толпы, состоитъ въ томъ, что первая почти всегда руководствуется личнымъ интересомъ, тогда какъ толпа рѣдко подчиняется эгоистическимъ побужденіямъ, а чаще всего повинуется интересамъ общественнымъ и безкорыстнымъ. Героизмъ, самозабвеніе значительно чаще присущи толпѣ, чѣмъ отдѣльнымъ людямъ. Въ основѣ всякой коллективной жесткости очень часто лежитъ вѣрованіе, идея справедливости, потребность въ нравственномъ удовлетвореніи, полное забвеніе личнаго интереса, жертва общему интересу, т. е. какъ разъ полная противоположность эгоизму.

Толпа можетъ сдѣлаться жестокою, но она прежде всего альтруистична и также легко пойдетъ на самопожертвованіе, какъ и на разрушеніе. Управляемая своими безсознательными инстинктами толпа имѣетъ нравственный складъ и великодушіе, стремящіеся всегда къ проявленію на дѣлѣ, тогда какъ тѣ же качества у отдѣльныхъ людей остаются вообще созерцательными и ограничиваются одними разговорами. Размышленіе и разсужденіе приводятъ чаще всего къ эгоизму. Этотъ эгоизмъ, которымъ столь глубоко проникнуты отдѣльные люди, неизвѣстенъ толпѣ какъ разъ по-

тому, что она не способна ни размышлять, ни разсуждать. Цѣлыя арміи приверженцевъ, разсуждающихъ и дѣлающихъ умозаключенія, не могли бы создавать ни религій, ни государствъ. Очень мало нашлось бы въ такихъ арміяхъ солдатъ, способныхъ жертвовать своею жизнью для успѣха своего дѣла.

Нельзя хорошо понимать исторію, не имѣя постоянно въ виду, что мораль и поведеніе отдѣльнаго человѣка сильно отличаются отъ морали и поведенія того же человѣка, когда онъ представляетъ собою часть общества. Лишь толпою поддерживаются общіе интересы расы, которые всегда заставляютъ въ большей или меньшей мѣрѣ забывать личный интересъ. *Полнѣйшій альтруизмъ—на дѣлѣ, а не на словахъ,—составляетъ добродѣтель коллективную. Всякое дѣло общаго интереса, требующее для своего выполненія наименьшаго эгоизма и наибольшей слѣпой преданности, самоотверженія и самопожертвованія, можетъ совершаться почти только толпой.*

Несмотря на свойственныя толпѣ скоропреходящія неистовства, она всегда оказывалась способной перенести все. Фанатики и тираны всѣхъ временъ всегда безъ затрудненій находили толпу, готовую идти на смерть въ защиту какого угодно дѣла. Толпа никогда не выказывала упорнаго сопротивленія никакой тираніи, религіозной или политической, ни тираніи живыхъ, ни тираніи мертвыхъ. Чтобы овладѣть толпою, достаточно заставить ее полюбить себя или возбудить боязнь къ себѣ, и скорѣе обаяніемъ престижа, чѣмъ силой.

Минутныя вспышки неистовства толпы въ рѣдкихъ случаяхъ и гораздо чаще ея слѣпая покорность суть двѣ взаимно противоположныя характерныя ея черты, но которыхъ не слѣдуетъ раздѣлять, если хочешь понять душу народныхъ массъ. Проявленія неистовства толпы подобны шумнымъ волнамъ, поднимающимся въ бурю на поверхности океана, но не нарушающимъ спокойствія въ глубинѣ его. Волненія толпы имѣютъ также подъ собою прочный фундаментъ, который не можетъ быть задѣтъ движеніями на поверхности. Онъ созданъ наслѣдственными инстинктами, совокупность которыхъ составляетъ душу расы. Эта глубокая основа тѣмъ прочнѣе, чѣмъ раса древнѣе, и, слѣд., чѣмъ она устойчивѣе.

Соціалисты полагаютъ, что они легко могутъ увлечь толпу, но они скоро убѣдятся, что въ этой средѣ они найдутъ не союзниковъ, а самыхъ упорныхъ противниковъ. Несомнѣнно можетъ случиться, что разъяренная толпа когда нибудь произведетъ страшное потрясеніе общественнаго строя, но на другой же день она восторженно встрѣтитъ перваго, окруженнаго военнымъ блескомъ Цезаря, который обѣщаетъ ей возстановить все, что ею же было разрушено. Господствующимъ свойствомъ толпы у народовъ, имѣющихъ долгое прошлое, является въ дѣйствительности устойчивость, но никакъ не измѣнчивость. Ея разрушительные революціонные инстинкты—мимолетны, ея консервативные инстинкты отличаются крайнимъ упорствомъ. Инстинкты разрушенія могутъ способствовать минутному успѣху соціализма, но инстинкты

консервативные не допустятъ продолженія этого успѣха. Въ его торжествѣ, какъ въ его паденіи, никакія тяжеловѣсныя аргументаціи теоретиковъ не будутъ играть никакой роли. Еще не пробилъ часъ, когда логика и разумъ будутъ призваны руководить сцѣпленіями историческихъ событій.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Соціализмъ у разныхъ расъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Соціализмъ въ Германіи.

§ 1. *Теоретическія основанія соціализма въ Германіи.* Научныя формы германскаго соціализма. Различіе между основными положеніями соціализма у народовъ германской и латинской расъ. Латинскій раціонализмъ и понятіе о мірѣ, какъ о развивающемся организмѣ. При разныхъ исходныхъ точкахъ соціалисты латинскіе и германскіе приходятъ къ одинаковымъ практическимъ выводамъ.

§ 2. *Современное развитіе соціализма въ Германіи.* Искусственность путей, приведшихъ Германію къ соціалистическимъ воззрѣніямъ, тождественнымъ съ воззрѣніями латинской расы. Перемѣны въ духѣ германской расы вслѣдствіе общей воинской повинности. Постепенное возрастаніе государственной опеки въ Германіи. Современное видоизмѣненіе соціализма въ Германіи. Оставленіе прежнихъ теорій. Безвредныя формы, которыя стремится принять германскій соціализмъ.

§ 1. Теоретическія основанія соціализма въ Германіи.

Въ настоящее время соціализмъ получилъ наибольшее распространеніе въ Германіи, особенно въ среднихъ и высшихъ классахъ. Исторія его въ этой странѣ выходитъ изъ рамокъ этого труда. Если я и посвящаю соціализму въ Германіи нѣсколько страницъ, то единственно потому, что развитіе его можетъ на первый взглядъ какъ бы противорѣчить нашей теоріи о тѣсной связи между соціальными воззрѣніями народа съ одной стороны и его духомъ—съ другой. Су-

ществуетъ, конечно, очень глубокое различіе между духомъ расъ латинской и германской, и ,несмотря на это, соціалисты обѣихъ расъ часто приходятъ къ одинаковымъ воззрѣніямъ.

Прежде чѣмъ разъяснить, почему теоретики столь различныхъ расъ приходятъ иногда къ заключеніямъ почти одинаковымъ между собою, покажемъ сперва, въ краткихъ чертахъ, насколько разнятся пріемы сужденій теоретиковъ германскихъ и латинскихъ.

Послѣ того какъ въ теченіе продолжительнаго времени нѣмцы вдохновлялись французскими идеями, они, въ свою очередь, сами стали ихъ вдохновителями. Ихъ первымъ временнымъ верховнымъ жрецомъ (нѣмцы ихъ мѣняютъ часто) былъ въ теченіе долгаго времени Карлъ Марксъ. Онъ, главнымъ образомъ, пытался облечь въ научную форму старыя, изношенныя умозрѣнія, заимствованныя, какъ то очень хорошо показалъ Поль Дешанель, у французскихъ и англійскихъ писателей.

Марксъ, пренебрегаемый нынѣ даже своими старыми учениками, былъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ теоретикомъ нѣмецкаго соціализма. Научная форма его сочиненій и ихъ неясность были очень соблазнительны для методическаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманнаго ума нѣмцевъ. Основаніемъ своей системы онъ хотѣлъ принять законъ развитія Гегеля и законъ борьбы за существованіе Дарвина. По его мнѣнію, руководитъ обществами не жажда справедливости или равенства, а потребность въ пищѣ, и главнѣйшій факторъ развитія—это борьба за пропитаніе. Между раз-

ными классами всегда происходитъ борьба, но она видоизмѣняется вмѣстѣ съ техническими открытіями. Употребленіе машинъ уничтожило феодальный строй и обезпечило торжество третьяго сословія. Развитіе крупной промышленности раздѣлило людей на два новыхъ класса: рабочихъ—производителей и капиталистовъ—эксплоататоровъ. По мнѣнію Маркса, хозяинъ обогащается на счетъ работника, удѣляя ему только возможно малую часть цѣнностей, добытыхъ его трудомъ. Капиталъ—это вампиръ, сосущій кровь рабочаго. Богатство капиталистовъ - эксплоататоровъ безостановочно растетъ по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ нищета рабочихъ. Эксплоататоры и эксплоатируемые близятся къ взаимно-истребительной войнѣ, результатомъ которой будетъ уничтоженіе буржуазіи, диктатура пролетаріата и водвореніе коммунизма.

Большая часть этихъ утвержденій не выдержала критики, и въ настоящее время въ Германіи о нихъ почти уже и не спорятъ. Они сохранили свой престижъ только въ латинскихъ странахъ и служатъ тамъ еще опорою коллективизма.

Но что болѣе всего нужно запомнить изъ всего указаннаго, это—научныя стремленія нѣмецкихъ соціалистовъ: тутъ полностью проявился духъ германской расы. Вмѣсто того, чтобы согласно съ своими французскими собратьями разсматривать соціализмъ, какъ организацію произвольную, которая можетъ создаваться и навязываться цѣликомъ, нѣмцы, наоборотъ, видятъ въ немъ только дальнѣйшій неизбѣжный шагъ экономической эволюціи и открыто выражаютъ свое полное

презрѣніе къ геометрически простому построенію нашего революціоннаго раціонализма. Они учатъ, что не существуетъ ни постоянныхъ экономическихъ законовъ, ни постояннаго естественнаго права, существуютъ только переходныя формы. „Экономическія категоріи отнюдь не представляются логическими, ихъ слѣдуетъ считать историческими“. Общественныя учрежденія имѣютъ лишь относительное достоинство, а отнюдь не безусловное. Коллективизмъ есть такая форма развитія, въ которую неминуемо должно вступить общество, въ силу современной экономической эволюціи.

Такое міросозерцаніе, основанное на идеѣ эволюціи, весьма далеко отъ латинскаго раціонализма, который, какъ показали отцы нашей революціи, стремится разрушить и совершенно пересоздать общество.

Хотя германскіе и латинскіе соціалисты исходятъ изъ разныхъ принциповъ, отражающихъ въ себѣ основныя черты характера расъ, они приходятъ совершенно къ одному и тому же выводу: пересоздать общество, предоставивъ его вполнѣ поглощенію государствомъ. Первые желаютъ произвести это переустройство во имя эволюціи, полагая, что оно является послѣдствіемъ ея. Вторые хотятъ совершить это разрушеніе во имя разума. Но будущія общества представляются и тѣмъ и другимъ въ одной и той же формѣ. И тѣ и другіе одинаково ненавидятъ капиталъ и частную предпріимчивость, одинаково равнодушны къ свободѣ и одинаково считаютъ необходимымъ объединять въ послушныя команды отдѣльныя личности и управлять ими

посредствомъ регламентаціи, доведенной до крайнихъ предѣловъ. И тѣ и другіе стремятся разрушить современный государственный строй и взамѣнъ его тотчасъ же установить новый, подъ другимъ именемъ, съ администраціей, отличающейся отъ современной только тѣмъ, что ея права будутъ значительно расширены.

§ 2. Современное развитіе соціализма въ Германіи.

У латинскихъ народовъ государственный соціализмъ, какъ я вскорѣ покажу, является слѣдствіемъ ихъ прошлаго, многовѣковой централизаціи и постепеннаго развитія центральной власти. У нѣмцевъ это не совсѣмъ такъ. Они были доведены до такого же, какъ и у латинскихъ народовъ, представленія о роли государства искусственными путями. Это представленіе явилось какъ слѣдствіе измѣненія условій существованія и характера, измѣненія, вырабатывавшагося въ Германіи въ теченіе цѣлаго вѣка вслѣдствіе распространенія всеобщей воинской повинности. Это обстоятельство вполнѣ признаютъ наиболѣе просвѣщенные нѣмецкіе писатели, въ особенности Циглеръ. Единственно возможное средство измѣнить духъ народа или, по меньшей мѣрѣ, его обычаи и поведеніе—это суровая военная дисциплина. Только съ нею не въ силахъ бороться отдѣльная личность. Она внушаетъ ей духъ подчиненности и уничтожаетъ всякое чувство иниціативы и независимости. Догмы можно еще оспаривать, но какъ оспаривать приказанія начальника, имѣющаго право жизни и смерти надъ подчиненными и могу-

щаго отвѣтить заключеніемъ въ тюрьму на самое смиренное возраженіе?

Пока еще милитаризмъ не получилъ всеобщаго распространенія, онъ служилъ для правительствъ отличнымъ средствомъ для подавленія и приведенія къ покорности. Онъ создавалъ силу у всѣхъ народовъ, которые успѣвали его развить до необходимой степени, и ни одинъ народъ не могъ бы существовать безъ него. Но нынѣшній вѣкъ создалъ общеобязательность военной службы. Прежде дѣйствіе военнаго режима распространялось на очень ограниченную часть народа, а теперь онъ вліяетъ на духъ всего народа. Изучить его дѣйствіе лучше всего можно въ тѣхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ военный режимъ достигъ максимума своего развитія. Никакой другой режимъ, даже монастырскій, не приноситъ болѣе полно личность въ жертву общему интересу и не подходитъ ближе къ соціальному типу, о которомъ мечтаютъ соціалисты. Въ теченіе одного вѣка суровый прусскій военный режимъ преобразовалъ Германію и сдѣлалъ ее изумительно способною воспринять государственный соціализмъ. Я совѣтую нашимъ молодымъ профессорамъ, ищущимъ темъ для своихъ диссертацій, нѣсколько менѣе банальныхъ, чѣмъ тѣ, какими они часто довольствуются, заняться изученіемъ тѣхъ измѣненій въ философскихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ, которыя совершились въ теченіе XIX вѣка въ Германіи, подъ вліяніемъ общеобязательной воинской повинности.

Современная Германія, управляемая прусскою мо-

нархіею, создалась не путемъ медленнаго историческаго развитія; недавно установившееся единство ея создано исключительно силою оружія, вслѣдствіе побѣдъ Пруссіи надъ Австріей и Франціей. Пруссія сразу соединила подъ одной въ дѣйствительности неограниченной властью большое число маленькихъ, когда то благоденствовавшихъ королевствъ. На развалинахъ провинціальной и мѣстной жизни Пруссія создала могущественную централизацію, напоминающую режимъ во Франціи при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ. Но такая централизація не замедлитъ породить и здѣсь, какъ вездѣ, разрушеніе мѣстной жизни, особенно жизни умственной, уничтоженіе частной инициативы, постепенное поглощеніе государствомъ всѣхъ функцій общественной жизни. Исторія намъ показываетъ, что такія большія военныя монархіи могутъ процвѣтать лишь тогда, когда во главѣ ихъ стоятъ выдающіеся люди; но такъ какъ такіе люди появляются рѣдко, то процвѣтаніе это никогда не бываетъ очень продолжительнымъ.

Поглощающая роль государства тѣмъ легче могла установиться въ Германіи, что прусская монархія, пріобрѣтя своими счастливыми войнами большой престижъ, можетъ проявлять свою власть почти безконтрольно, что не имѣетъ мѣста въ другихъ странахъ, гдѣ правительства, потрясаемыя частыми революціями, встрѣчаютъ въ своей дѣятельности многочисленныя препятствія. Германія въ настоящее время есть главный центръ самовластія, и можно опасаться, что вскорѣ въ этой странѣ не будетъ никакой свободы.

Легко теперь понять, что соціализмъ, требующій

все большаго и большаго вмѣшательства государства, нашелъ въ Германіи очень хорошо подготовленную почву. Развитіе его не могло не нравиться правительственнымъ сферамъ такой страны, какъ современная Пруссія, гдѣ все подчинено начальству и поставлено въ строй. Такимъ образомъ, соціалисты долгое время пользовались благосклонностью правительства. Бисмаркъ сначала имъ покровительствовалъ, и это продолжалось бы и далѣе, если бы они своею неловкою политической оппозиціей не кончили тѣмъ, что стали неудобными для правительства.

Съ тѣхъ поръ ихъ перестали щадить, и такъ какъ германская имперія есть военная монархія, способная, несмотря на свою парламентарную внѣшность, легко принимать самодержавную форму, были противъ соціалистовъ приняты самыя энергичныя и безцеремонныя мѣры. По свидѣтельству журнала „Vorwaerts", въ теченіе только двухъ лѣтъ съ 1894 по 1896 г., по приговорамъ судовъ противъ соціалистовъ за преступленія въ печати и политическія назначено наказаній въ общей сложности 226 лѣтъ заключеній въ тюрьмѣ и 2.800.000 фр. штрафа.

Оттого ли, что такой образъ дѣйствій правительства заставилъ соціалистовъ призадуматься, или просто оттого, что усилившееся подъ игомъ суроваго всеобщаго военнаго режима порабощеніе умовъ наложило свой отпечатокъ на духъ нѣмцевъ и безъ того уже весьма дисциплинированный и практичный, въ настоящее время безспорно соціализмъ у нихъ стремится принять болѣе мягкія формы. Онъ дѣлается уступ-

чивѣе, держится исключительно парламентской почвы и почти отказывается добиваться торжества своихъ принциповъ.

Исчезновеніе класса капиталистовъ и уничтоженіе монополистовъ представляется соціалистамъ лишь какъ теоретическій идеалъ, осуществимый не иначе, какъ въ очень далекомъ будущемъ. Германскій соціализмъ поучаетъ въ настоящее время, что „такъ какъ буржуазное общество создалось не сразу, то не сразу можетъ быть и уничтожено“. Онъ все въ большей и большей мѣрѣ стремится къ сліянію съ демократическимъ движеніемъ, въ видахъ улучшенія быта рабочихъ классовъ.

Придется, я думаю, отказаться отъ надежды, которую я выражалъ въ другомъ мѣстѣ, что нѣмцы первые сдѣлаютъ поучительные опыты соціализма у себя. Очевидно, они предпочитаютъ предоставить эту задачу латинскимъ народамъ.

И не только на практикѣ нѣмецкіе соціалисты дѣлаютъ разныя уступки. Ихъ теоретики, прежде столь рѣшительные и суровые, все болѣе и болѣе отказываются отъ самыхъ существенныхъ положеній ихъ доктринъ. Самый коллективизмъ, бывшій въ теченіе продолжительнаго времени столь могущественнымъ, теперь считается нѣсколько устарѣвшей утопіей, годной развѣ только для большой публики, да и то безъ практической пользы. Впрочемъ, слишкомъ научный и практичный умъ нѣмцевъ и не могъ не замѣтить особенной слабости доктрины, къ которой французскіе соціалисты относятся все еще съ такимъ благоговѣніемъ.

Очень интересно отмѣтить, съ какою легкостью

и быстротою измѣняется въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи нѣмецкій соціализмъ не только въ подробностяхъ, но и въ наиболѣе существенныхъ частяхъ теоріи. Такъ, напр., Шульце-Дэличъ, пользовавшійся въ свое время большимъ вліяніемъ, придавалъ большое значеніе кооперативному движенію, чтобы „пріучить народъ расчитывать только на свою собственную иниціативу, для улучшенія своего положенія". Ласcаль и всѣ его преемники, наоборотъ, держались всегда того мнѣнія, что „народъ особенно нуждается въ поддержкѣ со стороны государства".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соціализмъ въ Англіи и Америкѣ.

§ 1. Представленія о государствѣ и воспитаніи у англо-саксовъ. Особенную важность для народа составляетъ не принятый имъ политическій режимъ, а усвоенное имъ представленіе о взаимныхъ роляхъ государства и отдѣльной личности. Соціальный идеалъ англо-саксовъ. Этотъ идеалъ остается у нихъ неизмѣннымъ при самыхъ разнообразныхъ политическихъ режимахъ. Особенности умственнаго склада англо-сакса. Различіе между его нравственными понятіями, частными и общественными. Чувства солидарности, энергія и т. д. Англо-саксонскіе дипломаты. Какимъ образомъ расовыя качества поддерживаются воспитаніемъ. Характеристика англо-саксонскаго воспитанія. Его результаты.

§ 2. Соціальныя идеи англо-саксонскихъ рабочихъ. Какъ происходитъ ихъ обученіе и воспитаніе. Какъ они обращаются въ хозяевъ. Рѣдкіе случаи неудачниковъ. Почему ручной трудъ не презирается у англо-саксовъ. Административныя способности англо-саксонскихъ рабочихъ. Какъ они ихъ пріобрѣтаютъ. Рабочіе въ Англіи часто избираются въ мировые судьи. Какъ англо-саксонскій рабочій защищаетъ свои интересы передъ хозяиномъ. Отвращеніе англо-саксонскаго рабочаго къ вмѣшательству государства. Американскій рабочій. Частная предпріимчивость и промышленность въ Америкѣ. Коллективизмъ и анархія въ Англіи и Америкѣ. Послѣдователи ихъ набираются лишь изъ наименѣе способныхъ рабочихъ низшихъ ремеслъ. Армія соціалистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Борьба, какую придется вести съ этою арміею.

§ 1. Представленія о государствѣ и воспитаніи у англо-саксовъ.

При сравненіи между собою понятій о государствѣ у англичанъ и у латинскихъ народовъ, съ особенною ясностью обнаруживается, насколько государственныя

учрежденія суть созданія расы, и до какой степени подъ одинаковыми названіями могутъ скрываться совершенно различныя вещи. Можно разсуждать нескончаемо, какъ это дѣлалъ Монтескье и другіе, о превосходствѣ республиканскаго правленія надъ монархическимъ или наоборотъ; но если мы увидимъ, что народы, живущіе при совершенно различныхъ режимахъ, имѣютъ совершенно одинаковыя соціальныя понятія и весьма сходныя между собою учрежденія, то мы изъ того заключимъ, что эти политическіе режимы, столь различные по названію, не имѣютъ никакого дѣйствительнаго вліянія на духъ народовъ, которыми они будто бы управляютъ.

Мы уже настаивали въ предшествующихъ нашихъ трудахъ на этомъ безусловно основномъ положеніи. Въ своей книгѣ „Психологическіе законы развитія народовъ“ мы показали по поводу сосѣднихъ народностей, англичанъ Сѣверной Америки и латинянъ испано-американскихъ республикъ, насколько при почти одинаковыхъ политическихъ учрежденіяхъ (ибо вообще учрежденія эти въ испано-американскихъ республикахъ суть копіи съ учрежденій Сѣверо-Американскихъ Штатовъ) развитіе этихъ республикъ пошло по разнымъ путямъ. Тогда какъ громадная англо-саксонская республика достигла высшей степени процвѣтанія, республики испано-американскія, несмотря на удивительно плодородную почву, неисчерпаемыя естественныя богатства, находятся въ полнѣйшемъ упадкѣ. Не имѣя ни искусствъ, ни торговли, ни промышленности, онѣ всѣ впали въ мотовство,

банкротство и анархію. Во главѣ этихъ республикъ было слишкомъ много людей, чтобы не нашлось между ними нѣсколько способныхъ, и, однако, ни одинъ изъ нихъ не могъ измѣнить ихъ судьбу.

Слѣдовательно, не политическій режимъ, принятый народомъ, имѣетъ для него значеніе. Этотъ режимъ не болѣе, какъ наружный, ничего не значащій костюмъ, не имѣющій, какъ всякіе костюмы, никакого въ сущности вліянія на душу тѣхъ, кто его носитъ. Что нужно знать для пониманія развитія націи, это тѣ воззрѣнія, которыя въ ней укоренились о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльною личностью и государствомъ. Ярлыкъ на соціальномъ зданіи „монархія“ или „республика“ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія.

То, что мы скажемъ о томъ, какъ понимается государство въ Англіи и Америкѣ, послужитъ подтвержденіемъ вышеизложенному. Изложивъ уже въ книгѣ, о которой я упоминалъ выше, характерныя особенности англо-саксонскаго духа, я ограничусь теперь лишь весьма краткимъ резюме изъ всего сказаннаго.

Наиболѣе существенныя качества англо-саксонской расы можно, впрочемъ, выразить немногими словами: инициатива, энергія, сила воли и, въ особенности, власть надъ собою, т. е. та внутренняя дисциплина, которая избавляетъ человѣка отъ исканія руководительства внѣ себя.

Соціальный идеалъ англо-саксовъ весьма опредѣленный и при томъ одинъ и тотъ же, какъ въ Англіи при монархическомъ режимѣ, такъ и въ Со-

единенныхъ Штатахъ при режимѣ республиканскомъ. Идеалъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы роль государства низвести до минимума, а роль каждаго гражданина возвысить до максимума, что совершенно противоположно идеалу латинской расы. Желѣзныя дороги, морскіе порты, университеты, школы и проч. создаются исключительно частною иниціативою, и государству, особенно въ Америкѣ, никогда не приходится ими заниматься.

Что мѣшаетъ другимъ народамъ хорошо понять характеръ англичанъ, такъ это то, что они забываютъ устанавливать рѣзкую грань между индивидуальнымъ поведеніемъ англичанина по отношенію къ соотечественникамъ и коллективнымъ поведеніемъ его по отношенію къ другимъ народамъ. Личная нравственность отдѣльныхъ англичанъ вообще очень строга. Дѣйствуя, какъ частный человѣкъ, англичанинъ очень добросовѣстенъ, очень честенъ и въ большинствѣ случаевъ вѣренъ своему слову, но когда англійскіе государственные люди дѣйствуютъ во имя коллективныхъ интересовъ своей страны, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Они поражаютъ иногда полной неразборчивостью въ средствахъ. Человѣкъ, явившійся къ англійскому министру съ предложеніемъ воспользоваться случаемъ обогатиться безъ большого риска, задушивъ старуху милліонершу, неминуемо попадетъ въ тюрьму. Но авантюристъ, предложившій англійскому государственному человѣку образовать шайку разбойниковъ для захвата вооруженной силой какой либо плохо защищенной территоріи той или другой небольшой южно-африканской республики, съ уничтоженіемъ части мѣстнаго

населенія, въ видахъ увеличенія богатствъ Англіи, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ наилучшій пріемъ, и что предложеніе его будетъ немедленно принято. Если предпріятіе удастся, общественное мнѣніе будетъ на сторонѣ такого авантюриста. Такимъ именно образомъ англійскіе государственные люди покорили большую часть маленькихъ индусскихъ царствъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такіе же пріемы колонизаціи практикуются и у другихъ народовъ. Но такіе пріемы у англичанъ сильнѣе поражаютъ, благодаря ихъ большей смѣлости и искусству доводить свои предпріятія до полнаго успѣха. Несчастные кропотливые труды, называемые фабрикантами книжнаго товара международнымъ правомъ, представляютъ собою не болѣе, какъ кодексъ теоретической вѣжливости, способный только занимать досугъ старыхъ юристовъ, слишкомъ утомленныхъ для какой либо полезной дѣятельности. На практикѣ этимъ фразамъ придаютъ совершенно такое же значеніе, какъ и выраженіямъ почтенія и преданности, которыми оканчиваются дипломатическія письма.

Для англичанина чужія расы какъ бы не существуютъ; онъ имѣетъ чувство солидарности только съ людьми своей расы и въ такой степени, въ какой не владѣетъ имъ никакой другой народъ. Чувство это держится на общности идей, вытекающей изъ чрезвычайно прочно сложившагося англійскаго національнаго духа. Всякій отдѣльный англичанинъ въ любомъ уголкѣ міра считаетъ себя представителемъ Англіи и вмѣняетъ себѣ въ непремѣнную обязанность дѣйствовать въ интересахъ своей страны. Она для

него—первая держава во всей вселенной, единственная, съ которою надо считаться.

„Въ странахъ, гдѣ англичанинъ уже господствуетъ, и въ особенности въ тѣхъ, на которыя онъ зарится, какъ писалъ изъ Трансвааля корреспондентъ газеты „Temps“, онъ на первомъ планѣ ставитъ, какъ аксіому, превосходство англичанъ надъ всѣми остальными народами. Своею настойчивостью и упорствомъ, своимъ единомысліемъ и полнымъ согласіемъ съ соотечественниками, онъ водворяетъ свои нравы и обычаи, свои развлеченія, свой языкъ, свои журналы и вводитъ даже свою кухню. Къ другимъ національностямъ онъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ, даже враждебно, какъ только представители ихъ выкажутъ желаніе или возможность оспаривать у англичанъ хоть маленькій клочекъ колоніальной земли. Въ Трансваалѣ такіе примѣры мы видимъ, чуть не ежедневно. Англія не только верховная держава (paramount power) но и первая ни съ кѣмъ несравнимая и единственная нація въ мірѣ“.

Эта солидарность, столь рѣдкая у народовъ латинской расы, придаетъ англичанамъ неодолимую мощь; она то и дѣлаетъ ихъ дипломатію столь могучей. При столь давно установившемся духѣ расы, ихъ дипломаты всѣ мыслятъ одинаково о существенно важныхъ вопросахъ. Изъ всѣхъ дипломатическихъ агентовъ разныхъ національностей англійскіе получаютъ отъ своего правительства, можетъ быть, менѣе, чѣмъ всѣ другіе, инструкцій и указаній, а между тѣмъ разсуждаютъ и дѣйствуютъ они съ наибольшимъ единствомъ и послѣдовательностью. Ихъ можно разсматривать какъ части механизма, не нарушающія, при замѣнѣ однѣхъ другими, его исправнаго дѣйствія. Всякій вновь назначаемый англійскій дипломатъ всегда будетъ поступать точно такъ, какъ поступалъ его предшественникъ*). У ла-

*) Я полагалъ, что это обстоятельство очевидно для всѣхъ, кто путешествуетъ и наблюдаетъ; но въ одномъ засѣданіи, гдѣ присутствовало нѣсколько французскихъ дипломатовъ, на мое заявленіе объ этомъ свой-

тинскихъ народовъ совершенно наоборотъ. Въ Тонкинѣ, на Мадагаскарѣ и въ другихъ колоніяхъ у насъ практиковалось столько же разныхъ политическихъ системъ, сколько было тамъ разныхъ представителей правительства, какъ извѣстно, столь часто мѣняющихся. Французскій дипломатъ занимается политикою, но не способенъ преслѣдовать извѣстную политику.

Наслѣдственныя качества англо-саксонской расы самымъ тщательнымъ образомъ поддерживаются воспитаніемъ, совершенно не похожимъ на французское: безразличное отношеніе и даже презрѣніе къ книжному образованію; большое уваженіе ко всему, что развиваетъ характеръ; высшее школьное образованіе, низшія школы—болѣе чѣмъ посредственны; университетовъ мало, по крайней мѣрѣ въ Англіи. Инженеры, агрономы, юристы (адвокаты, судьи и проч.) подготовляются практически въ мастерской, въ конторѣ (office). Профессіональное обученіе вездѣ преобладаетъ надъ ученіемъ книжнымъ и классным. Начальное обученіе въ кое-какихъ школахъ, основанныхъ по частной инициативѣ, кончается въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ и считается въ Англіи вполнѣ достаточнымъ.

Среднее образованіе въ Англіи дается или въ ро-

ствѣ англійской дипломатіи я встрѣтилъ единодушные протесты со стороны всѣхъ кромѣ одного адмирала, который вполнѣ раздѣлялъ мое мнѣніе. Разные дипломаты съ одинаковымъ направленіемъ! Не есть ли это отрицаніе дипломатіи? Чему же будетъ служить разумъ, образованіе и т. д.? Это еще разъ убѣдило меня въ томъ, какая глубокая пропасть лежитъ между воззрѣніями латинской и англо-саксонской расъ, и насколько неизлѣчима наша неспособность къ колонизаціи.

дительскомъ домѣ, съ помощью вечернихъ курсовъ, или въ школахъ, расположенныхъ обыкновенно внѣ городовъ и совершенно не похожихъ на французскіе лицеи. Умственной работѣ тамъ отводится очень мало времени; большая часть занятій составляетъ ручной трудъ (работы столярныя, каменныя, садовыя, земледѣльческія и т. д.). Существуютъ даже школы, въ которыхъ ученики, готовящіеся къ жизни въ колоніяхъ, всецѣло предаются подробному изученію скотоводства, земледѣлія и строительнаго искусства, причемъ сами изготовляютъ всѣ предметы, необходимые для обихода одинокаго колониста въ пустынной странѣ. Нигдѣ не заставляютъ учениковъ работать на конкурсъ и никогда не выдаютъ имъ наградъ. Соревнованіе вызываетъ зависть, и потому считается презрѣннымъ и опаснымъ. Языки, естественная исторія, физика преподаются, но всегда практическимъ способомъ: языки—на разговорахъ, естественныя науки—на опытахъ и частью на изготовленіи самыхъ приборовъ. Около пятнадцатилѣтняго возраста ученикъ выходитъ изъ школы, отправляется путешествовать и избираетъ какую либо профессію.

Такое, повидимому, ограниченное образованіе не мѣшаетъ англичанамъ выдвигать изъ своей среды знаменитыхъ ученыхъ и мыслителей, не уступающихъ ученымъ и мыслителямъ другихъ странъ, обладающихъ самыми учеными школами. Эти ученые, вышедшіе не изъ университетовъ и школъ, отличаются особенно самобытностью, какая только и присуща умамъ, развивавшимся самостоятельно, и ка-

кой никогда не проявляютъ тѣ, которые прошли черезъ шаблонный школьный режимъ *).

Эта самобытность формы и мысли сказывается даже въ ученыхъ трудахъ, гдѣ менѣе всего можно было бы ее ожидать. Сравните, напр., книги по физикѣ Тиндаля, Тэта, лорда Кельвина и т. д. съ подобными же книгами французскихъ профессоровъ. Оригинальность, выразительная и захватывающая образность изложенія встрѣчаются на каждой страницѣ, тогда какъ холодныя и безупречныя книги нашихъ профессоровъ написаны по одному шаблону. Прочитавъ одну, можно и не заглядывать въ другія. Ихъ цѣль—отнюдь не наука сама по себѣ, а подготовка къ извѣстному экзамену, что, впрочемъ, всегда заботливо и указывается на обложкѣ.

Однимъ словомъ, англичанинъ старается воспитать изъ своихъ сыновей—людей, вооруженныхъ для жизни, способныхъ жить и дѣйствовать самостоятельно, обходиться безъ постоянной опеки, отъ которой не могутъ избавиться люди латинской расы. Такое воспитаніе

*) Извѣстныя большія школы, какъ Кэмбриджская, Оксфордская, Итонская и проч., въ которыхъ учатся только сыновья высшей аристократіи, и гдѣ содержаніе учениковъ обходится въ 6000 фр., служатъ для образованія лишь ничтожнаго меньшинства, такъ какъ въ нихъ всего 6000 воспитанниковъ. Это—послѣднія убѣжища переводовъ на древніе языки и греческихъ стиховъ, но и тутъ предпочтеніе отдается гребному спорту. Кромѣ того, ученики тамъ пользуются полнѣйшею свободою, что пріучаетъ ихъ къ самостоятельности. Это послѣднее обстоятельство въ Англіи справедливо считается основаніемъ воспитанія. Игры, въ которыхъ надо умѣть командовать и подчиняться, считаются тамъ школою дисциплины, солидарности и стойкости, неизмѣримо болѣе полезною, чѣмъ гораздо менѣе значительное и во всякомъ случаѣ безполезное искусство составленія сочиненій и диссертацій на разныя темы.

особенно прежде всего даетъ человѣку self-control, умѣніе управлять собою, —то, что я называлъ внутреннею дисциплиной, и что составляетъ національную добродѣтель англичанъ, которая едва ли не одна уже могла бы обезпечить процвѣтаніе и величіе націи.

Такъ какъ эти принципы вытекаютъ изъ чувствъ, совокупность которыхъ образуетъ англійскій духъ, мы естественно должны встрѣчать ихъ во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ англійской расой, особенно въ Америкѣ. Вотъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ разсудительный наблюдатель де Шасселу-Лоба:

„Взглядъ американцевъ на общественное значеніе обученія юношества составляетъ еще одну изъ причинъ устойчивости американскихъ учрежденій: при опредѣленномъ минимумѣ знаній, который они считаютъ нужнымъ сообщать дѣтямъ въ первоначальныхъ школахъ, американцы считаютъ, что общее воспитаніе, а не обученіе должно представлять главную цѣль педагоговъ. Воспитаніе физическое, нравственное и умственное, т. е. развитіе энергіи и выносливости тѣла, ума и характера, составляетъ, по ихъ мнѣнію, для каждаго человѣка важнѣйшій залогъ успѣха. Несомнѣнно, что работоспособность, стремленіе къ непремѣнному успѣху и привычка къ неустанному повторенію усилій въ принятомъ направленіи—неоцѣнимыя силы, такъ какъ онѣ могутъ прилагаться въ каждый моментъ и во всякой дѣятельности; запасъ же свѣдѣній, напротивъ, долженъ мѣняться сообразно съ занимаемымъ положеніемъ и избираемою дѣятельностью“.

Приготовлять людей къ жизни, а не къ добыванію дипломовъ—идеалъ американцевъ. Развивать иниціативу и силу воли, пріучать обходиться своимъ умомъ—вотъ результаты такого воспитанія. Эти идеи, очевидно, очень далеки отъ идей латинской расы. По мѣрѣ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія, разница между ними будетъ выясняться все болѣе и болѣе.

§ 2. Соціальныя идеи англо-саксонскихъ рабочихъ.

Въ Англіи соціалисты набираются не въ зажиточныхъ классахъ, а среди рабочихъ. Поэтому, мы должны перейти отъ предшествующихъ общихъ замѣчаній къ изслѣдованію источниковъ обученія и воспитанія англо-саксонскаго рабочаго и къ вопросу объ образованіи его соціальныхъ понятій.

Обученіе и воспитаніе его мало отличается отъ тѣхъ, какія имѣютъ мѣсто въ буржуазныхъ слояхъ. И то и другое достигается болѣе практическимъ путемъ, непосредственно на дѣлѣ, а совсѣмъ не съ помощью только книгъ. Потому то въ Англіи и не можетъ существовать между классами глубокой пропасти, создаваемой у латинскихъ народовъ разными дипломами и конкурсами. Во Франціи можно еще иногда встрѣтить фабричнаго или рудничнаго рабочаго, превратившагося въ хозяина, но не встрѣтишь ни одного, пріобрѣвшаго степень инженера, такъ какъ для полученія ея надо сначала пройти черезъ школу и получить дипломъ, который дается только тѣмъ, кто поступилъ въ школу ранѣе 20-ти лѣтняго возраста. Англійскій рабочій, если онъ обладаетъ достаточными способностями, дѣлается мастеромъ, потомъ инженеромъ, и другого пути для достиженія этого званія не существуетъ *).

*) Молодой англичанинъ изъ богатой семьи, желающій быть инженеромъ, не проработавъ въ качествѣ обыкновеннаго оплачиваемаго рабочаго, не имѣетъ другого пути, какъ поступить на 2 или на 3 года на большую фабрику, очень дорого оплачивая свое обученіе. Хорошо устроенные заводы берутъ за это, обыкновенно, 2500 фр. (около 1000 руб.) въ годъ. Цѣнные результаты, достигаемые такою системою практическаго обученія,

Ничто не можетъ быть болѣе демократично, и при такомъ порядкѣ не могутъ пропадать въ народѣ хорошія силы, а главное не можетъ быть неудачниковъ. Никто и не думаетъ презирать ручной трудъ, столь ненавистный и чуждый французскимъ бакалаврамъ и обладателямъ дипломовъ, потому что этотъ трудъ для всѣхъ классовъ народа признается необходимою переходною ступенью.

Разсмотрѣвъ источники техническаго обученія англійскаго рабочаго, посмотримъ, на чемъ основано теоретическое его образованіе, столь необходимое, если оно слѣдуетъ за практикою дѣла или сопровождаетъ ее, но не предшествуетъ ей. Такъ какъ начальная школа дала ему только самыя первоначальныя свѣдѣнія, то онъ самъ чувствуетъ потребность дополнить ихъ, и въ этихъ дополнительныхъ занятіяхъ онъ сознаетъ пользу и предается имъ со всею присущею англо-саксонской расѣ энергіею. Онъ легко пріобрѣтаетъ это дополнительное образованіе на вечернихъ курсахъ, созданныхъ всюду частною иниціативою и имѣющихъ всегда прямое отношеніе къ тому, чему слушатели учатся на практикѣ въ мастерскихъ и въ рудникахъ. Такимъ образомъ, они всегда имѣютъ возможность провѣрять пользу того, чему обучаются.

Къ этому источнику практическаго обученія присоединяются основанныя всюду народныя библіотеки, а также газеты. Съ послѣдними нельзя и сравнивать

совсѣмъ не тѣ, что во Франціи. Во главѣ всѣхъ наиболѣе важныхъ техническихъ работъ въ мірѣ въ настоящее время стоятъ англійскіе инженеры.

французскую газету, столь легковѣсную, что она не нашла бы по ту сторону Ламанша ни одного читателя: англійская газета обыкновенно бываетъ богата точными свѣдѣніями всякаго рода. Журналы, посвященные изобрѣтеніямъ въ области механики, какъ, напр., „Engineering", имѣютъ своихъ читателей преимущественно въ средѣ рабочихъ. Листки, наиболѣе распространенные по маленькимъ мѣстечкамъ и селамъ, переполнены свѣдѣніями по экономическимъ и промышленнымъ вопросамъ, возникающимъ во всѣхъ странахъ. Де Рузье говоритъ, что изъ разговоровъ съ англійскими фабричными онъ вынесъ заключеніе, что „они гораздо лучше освѣдомлены о всемъ происходящемъ на земномъ шарѣ, чѣмъ значительное большинство французовъ, получившихъ такъ называемое либеральное образованіе". Онъ передаетъ свою бесѣду съ однимъ изъ рабочихъ по вопросамъ о двоякой валютѣ, о дѣйствіи тарифа Макъ-Кинлея и т. д. Со стороны рабочаго не было изысканныхъ фразъ, но высказанныя имъ замѣчанія были практичны и вѣрны.

Вотъ каково теоретическое образованіе. Но какимъ путемъ рабочій пріобрѣтаетъ сверхъ того тѣ общія экономическія познанія, которыя изощряютъ сужденіе и позволяютъ ему вести свои дѣла? Очень просто: дѣлаясь участникомъ въ направленіи тѣхъ предпріятій, которыя его интересуютъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять веденіе ихъ государству или одному хозяину. Самые незначительные рабочіе центры имѣютъ общества — кооперативныя, взаимопомощи, взаимнаго страхованія и т. п., управляемыя исключи-

тельно рабочими. Такимъ образомъ, рабочіе постоянно соприкасаются съ дѣйствительными условіями жизни и быстро научаются избѣгать столкновеній съ невыполнимыми и фантастическими желаніями. „Посредствомъ множества этихъ автономно управляемыхъ кооперативныхъ обществъ, рабочихъ союзовъ (trades-unions), обществъ воздержанія, взаимопомощи и т. п. Великобританія, пишетъ де Рузье, готовитъ поколѣнія способныхъ гражданъ и становится, такимъ образомъ, въ положеніе, при которомъ безъ насильственныхъ переворотовъ могутъ совершаться политическія преобразованія". Для доказательства практическихъ способностей, пріобрѣтаемыхъ такимъ образомъ рабочими, де Рузье замѣчаетъ, что въ Англіи только въ теченіе одного года 70 рабочихъ были выбраны въ мировые судьи, изъ нихъ 12 попало въ парламентъ и одинъ сдѣлался помощникомъ государственнаго секретаря. Капиталъ, вложенный рабочими въ кассы рабочихъ союзовъ, частныхъ обществъ, въ сберегательныя кассы и т. п., достигаетъ 8 милліардовъ фр.

Легко показать, что всѣ эти качества англійскаго рабочаго—исключительно результатъ характера расы, а не вліяній окружающей среды и обстановки, такъ какъ рабочіе другихъ расъ, въ той же средѣ и при совершенно тѣхъ же условіяхъ, не обнаруживаютъ только что описанныхъ качествъ. Таковы, напр., ирландскіе рабочіе въ англійскихъ мастерскихъ. Де Рузье и многіе другіе свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ способностей ирландскаго рабочаго, что также замѣчено и въ Америкѣ: „ирландцы не обнаруживаютъ стре-

мленія къ улучшенію своего положенія и считаютъ себя удовлетворенными, какъ только находятъ средства къ пропитанію". Въ Америкѣ ихъ, такъ же, впрочемъ, какъ и итальянцевъ, почти только и можно встрѣтить среди нищихъ, политикановъ, каменьщиковъ, прислуги или тряпичниковъ.

Отлично понимающій экономическія необходимости, англійскій рабочій прекрасно умѣетъ отстаивать свои интересы передъ хозяиномъ предпріятія, не отступая при случаѣ передъ стачкою; но онъ не завидуетъ состоянію хозяина и не ненавидитъ его уже потому, что не считаетъ его по природѣ и происхожденію отличающимся отъ себя. Ему прекрасно извѣстенъ доходъ хозяина, а слѣд. и то, сколько онъ можетъ ему платить. Англійскій рабочій не рѣшится пойти на стачку зря, безъ предварительнаго зрѣлаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія и убѣжденія въ томъ, что различіе между прибылью на капиталъ и заработной платой дѣйствительно сдѣлалось несоразмѣрно большимъ. „Нельзя, говорятъ рабочіе, слишкомъ притѣснять хозяина по двумъ причинамъ: притѣснять его, значитъ разорять, а разъ онъ разоренъ, то онъ уже не хозяинъ". Столь дорогой нашимъ соціалистамъ принципъ вмѣшательства государства въ регулировку отношеній между хозяевами и рабочими—англійскому рабочему вполнѣ антипатиченъ. Онъ считаетъ безнравственнымъ и безсмысленнымъ просить у правительства пенсію при отставкѣ. Еще Тэнъ, въ своихъ письмахъ объ Англіи, отмѣтилъ это отвращеніе англійскихъ рабочихъ къ правительственному покровительству и

противупоставлялъ это характерное свойство постоянному взыванію французскихъ рабочихъ къ государству.

Совершенно такъ же, какъ и на материкѣ, англійскій рабочій бываетъ жертвою экономическихъ переворотовъ и вызываемыхъ ими промышленныхъ кризисовъ, но онъ слишкомъ хорошо понимаетъ требованія необходимости и обладаетъ такою дѣловитостью, что не способенъ дѣлать отвѣтственнымъ своего хозяина за такія случайности. Онъ презираетъ обычное въ латинской расѣ празднословіе по адресу эксплоататоровъ и ненавистнаго капитала. Онъ отлично знаетъ, что рабочій вопросъ не ограничивается только столкновеніями между капиталомъ и трудомъ, и что капиталъ и трудъ подчинены фактору огромной силы—потребителю. Поэтому англійскій рабочій готовъ перенести пріостановку работъ или уменьшеніе заработной платы, если считаетъ это неизбѣжнымъ. Благодаря своей предпріимчивости и своему воспитанію, при необходимости, онъ сумѣетъ даже и перемѣнить свое ремесло на другое. Де Рузье указываетъ на каменьщиковъ, уѣзжающихъ ежегодно на 6 мѣсяцевъ въ Америку для заработка; другіе рабочіе, видя свое разореніе, вслѣдствіе ввоза шерсти изъ Австраліи, послали своихъ делегатовъ туда для изученія дѣла на мѣстѣ. Тамъ, въ колоніяхъ они стали скупать шерсть, установили новый видъ торговли и тѣмъ быстро измѣнили условія существованія въ своей мѣстности.

Такая энергія, такая предпріимчивость и такія способности рабочихъ показались бы въ латинскихъ стра-

нахъ совершенно необыкновенными. Стоитъ только переплыть океанъ, чтобы найти эти качества рабочихъ англо-саксонской расы въ Америкѣ *) развитыми еще въ большей степени. Это тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, никогда нельзя разсчитывать на покровительство государства. Въ умѣ американца не можетъ даже зародиться мысль просить устроить на счетъ государства желѣзную дорогу, портъ, университетъ и т. п. Одной частной иниціативы достаточно для всего этого. Особенно въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, покрывающихъ огромною сѣтью путей великую республику, частная иниціатива показала свою удивительную мощь. Ни въ какихъ другихъ предпріятіяхъ не обнаруживается лучше пропасть между духомъ латинскимъ и англо-саксонскимъ въ отношеніи независимости и предпріимчивости.

Желѣзнодорожная промышленность считается въ Америкѣ наравнѣ со всякою другою. Созданная частными обществами, она держится только тогда, когда даетъ прибыль. Никому и въ голову не придетъ, чтобы акціонеры, какъ во Франціи, могли быть, въ случаѣ малой до-

*) Во всемъ, что касается крупной механической промышленности, превосходство американскихъ рабочихъ въ настоящее время почти не оспаривается. Несмотря на огромную стоимость перевозки, американскія машины и особенно паровозы все болѣе и болѣе распространяются въ Европѣ. Вотъ какъ недавно выражался одинъ англійскій инженеръ въ „Revue scientifique“: „американские паровозы можно изготовлять при меньшей стоимости за единицу вѣса металла, чѣмъ въ Европѣ, несмотря на то, что заработная плата въ Америкѣ значительно выше. Это коренное различие объясняется, впрочемъ, *характерными качествами американскаго рабочаго* и, вѣроятно, болѣе широкимъ пользованіемъ пріемами механической обработки“.

ходности предпріятія, вознаграждаемы правительствомъ *). Самые длинные рельсовые пути изъ существующихъ нынѣ для ограниченія риска сначала всегда устраивались на небольшихъ протяженіяхъ и удлиннялись постепенно, не иначе какъ въ зависимости отъ достигнутаго успѣха. Этимъ простымъ средствомъ американскія желѣзныя дороги достигли такого большого протяженія, какого нѣтъ ни у одной изъ европейскихъ націй, несмотря на поддержки ихъ правительствъ. И притомъ эта огромная желѣзнодорожная сѣть управляется самою простою административною организаціею, состоящею изъ очень малаго числа начальниковъ службы, заинтересованныхъ въ дѣлѣ и отвѣтственныхъ.

„Разсмотримъ", пишетъ Л.-П. Дюбуа, „простую, точную и быструю работу административной машины. Конторъ не существуетъ; нѣтъ безотвѣтственныхъ служащихъ, изготовляющихъ рапорты, которые начальники подписываютъ не читая; девизъ такой: всякій за себя. Работа сообразно существу дѣла распредѣлена и децентрализована; на всѣхъ ступеняхъ службы, отъ верха до низу, всякій имѣетъ свои полномочія, несетъ личную отвѣтственность и дѣлаетъ все самолично. Это—самая лучшая система для оцѣнки индивидуальныхъ качествъ работника. Вспомогательнымъ составомъ служащихъ являются только мальчики для посылокъ и дѣвушки, пишущія на машинахъ письма, только что записанныя ими же стенографически подъ диктовку. Ни въ чемъ нѣтъ замедленія: *всякое дѣло должно быть окончено въ 24 часа.* Всѣ озабочены и завалены своимъ дѣломъ, всѣ—отъ президента до простого клерка, каждый работаетъ 9 часовъ въ сутки. Кромѣ того, самыя крупныя желѣзнодорожныя администраціи состоятъ изъ небольшого числа лицъ и занимаютъ небольшія помѣщенія: „Chicago Burlington and Quincy", обслуживаю-

*) Всѣ желѣзнодорожныя компаніи во Франціи, кромѣ одной, вынуждены прибѣгать къ гарантіи прибыльности дорогъ. Государству приходится платить ихъ акціонерамъ огромныя суммы, сильно обременяющія бюджетъ.

щее на западѣ болѣе 10 тысячъ километровъ рельсоваго пути, занимаетъ только одинъ этажъ своего Building въ Adam's street въ Чикаго; „Сенъ-Поль" — то же самое.

Президентъ компаніи на дѣлѣ направляетъ всю совокупность предпріятія. Онъ главный начальникъ по всѣмъ отраслямъ дѣла; всѣ важные вопросы по каждой отрасли службы доходятъ до него: ему приходится быть и инженеромъ, и экономистомъ, и финансистомъ, и адвокатомъ въ судахъ по дѣламъ компаніи, и дипломатомъ въ сношеніяхъ съ законодательными учрежденіями; онъ всегда на-готовѣ. Часто президентъ достигаетъ своего положенія, пройдя послѣдовательно всѣ ступени административной службы въ той же компаніи; одинъ изъ такихъ президентовъ началъ службу въ качествѣ простого механика въ обществѣ, которымъ теперь управляетъ. Всѣ они люди высокой цѣнности, хорошо характеризующіе высшій типъ американскаго дѣльца, воспитаннаго и приводимаго къ общимъ идеямъ практическою дѣятельностью"

Послѣ всего изложеннаго легко угадать, какъ мало шансовъ на успѣхъ могутъ имѣть у англо-саксовъ столь обычныя у латинскихъ народовъ представленія о государственномъ соціализмѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что на конгрессахъ соціалистовъ сразу проявляется самое глубокое разнорѣчіе между рабочими делегатами англо-саксонской и латинской расъ. Англійская раса обязана своимъ могуществомъ развитію частной предпріимчивости и ограниченію вмѣшательства государства. Раса эта идетъ по направленію, противоположному стремленіямъ соціализма, и потому процвѣтаетъ.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ Америкѣ и Англіи не проповѣдывались самыя худшія формы коллективизма и даже анархія. Уже нѣсколько лѣтъ замѣчается прогрессъ соціализма въ Англіи; но замѣчается также, что адепты соціализма пополняются тамъ почти исключительно изъ рабочихъ плохо оплачиваемыхъ ремеслъ, практикуемыхъ людьми, наименѣе спо-

собными, т. е. такими не приспособившимися, которымъ далѣе мы посвящаемъ цѣлую главу этой книги. Это исключительно они кричатъ, будучи одни въ этомъ заинтересованы, о націонализаціи земли и капитала и о попечительномъ вмѣшательствѣ государства.

Но, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, соціалисты обладаютъ огромной арміей приверженцевъ. Эта армія съ каждымъ днемъ растетъ и становится все болѣе и болѣе грозною. Она пополняется изъ возрастающей волны эмигрантовъ чужой крови, не имѣющихъ средствъ къ существованію, людей безъ энергіи, не приспособившихся къ условіямъ существованія въ своемъ новомъ отечествѣ. Они составляютъ нынѣ громадный отбросъ. Соединенные Штаты предчувствуютъ уже день, когда придется начать съ этой чернью кровавыя битвы и предпринять безпощадное ея истребленіе, которое напомнитъ, но только въ значительно большемъ размѣрѣ, уничтоженіе варварскихъ ордъ, предпринятое Маріемъ для спасенія римской цивилизаціи отъ ихъ нашествія. Быть можетъ только цѣною подобныхъ гекатомбъ и можно будетъ спасти святое дѣло независимости человѣка и прогресса цивилизаціи, отъ котораго, повидимому, многіе народы готовы отказаться въ настоящее время.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Психологія народовъ латинской расы.

§ 1. *Какъ опредѣляется истинный политическій режимъ народа.* Нужно дойти до самыхъ корней учрежденій, чтобы понять, какъ они зародились. Какимъ образомъ за кажущимися учрежденіями удается распознать основные принципы управленія народомъ. Учрежденія, созданныя теоретически, часто являются только позаимствованною вывѣскою.

§ 2. *Умственный складъ народовъ латинской расы.* Что должно разумѣть подъ названіемъ „народы латинской расы". Ихъ характерные признаки. Живость ума. Слабость инициативы и воли. Жажда равенства и равнодушіе къ свободѣ. Потребность въ опекѣ. Страсть къ словамъ и логикѣ. Противоположность между складомъ ума англо-саксовъ и латинскихъ народовъ съ точки зрѣнія логики. Слѣдствія. Развитіе общительности и слабая солидарность въ латинской расѣ. Качества, которыя прежде давали этой расѣ превосходство, въ настоящее время становятся безполезными. Роль характера и ума въ развитіи цивилизацій.

§ 1. Какъ опредѣляется истинный политическій режимъ народа.

Изслѣдованіе проявленія соціализма у англо-саксовъ показало намъ, что соціалистическія теоріи натолкнулись у этихъ народовъ на такія характерныя особенности расы, при которыхъ развитіе этихъ теорій оказалось бы невозможнымъ. Мы сейчасъ покажемъ, что, напротивъ, у такъ называемыхъ латинскихъ народовъ соціализмъ есть слѣдствіе предварительной эволюціи того режима, которому они безсознательно

подчиняются уже давно и требуютъ только все большаго и большаго его развитія.

Важность этого предмета требуетъ, чтобы изученію его было посвящено нѣсколько главъ. Прогрессивный ходъ нѣкоторыхъ учрежденій можно уловить только прослѣдивъ его отъ самыхъ корней. Когда данное учрежденіе въ народѣ процвѣтаетъ, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что расцвѣтъ учрежденія есть слѣдствіе всѣхъ предшествующихъ стадій развитія.

Это развитіе не всегда замѣтно потому, что, особенно въ настоящее время, учрежденія часто представляютъ собою не болѣе, какъ созданныя теоретиками вывѣски, которыя, не соотвѣтствуя дѣйствительности, не имѣютъ никакой жизненности. Изучать учрежденія и государственное устройство лишь по ихъ внѣшней формѣ и названіямъ, указывать, что народъ живетъ при республиканскомъ или при монархическомъ правленіи, это значитъ ничего не объяснять и лишь внушать невѣрныя понятія. Существуютъ страны, напр. испано-американскія республики, обладающія удивительно написанными конституціями и превосходными учрежденіями, а въ дѣйствительности въ нихъ царитъ полная анархія подъ игомъ абсолютнаго деспотизма маленькихъ тирановъ, ничѣмъ не ограниченныхъ въ своихъ фантазіяхъ. Въ другихъ частяхъ свѣта есть, напротивъ, страны такія, какъ Англія, живущая подъ монархическимъ и аристократическимъ режимомъ и имѣющая конституцію самую неопредѣленную и несовершенную, какую только теоретикъ можетъ себѣ вообразить, а между тѣмъ тамъ свобода,

преимущества и личная дѣятельность гражданъ развиты такъ, какъ никогда ни у какого другого народа развиты не были.

Наиболѣе дѣйствительный способъ распознать скрывающійся за наружными пустыми формами истинный политическій режимъ народа состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ изученія подробностей различныхъ отраслей общественной дѣятельности народа выяснить взаимныя границы ролей правительства и частныхъ лицъ, т. е. опредѣлить усвоенныя этими народами представленія о государствѣ. Какъ только углубишься въ это изученіе, тотчасъ вывѣска спадаетъ, и дѣйствительность всплываетъ наружу. И тогда сейчасъ же убѣждаешься, какъ тщетны всѣ теоретическіе споры о достоинствѣ внѣшнихъ формъ правленія и учрежденій, и становится совершенно яснымъ, что народъ также не можетъ выбрать себѣ учрежденій, которыя дѣйствительно будутъ имъ управлять, какъ человѣкъ не можетъ выбрать себѣ возраста. Теоретически навязанныя учрежденія имѣютъ почти ту же цѣну, какъ и всевозможныя искусственныя средства, къ которымъ прибѣгаетъ человѣкъ, желающій скрыть свои лѣта. Мало наблюдательные люди не замѣтятъ дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе она существуетъ.

Мы уже пытались въ нѣсколькихъ нашихъ трудахъ доказать вышеизложенное. Изслѣдованіе соціализма у разныхъ народовъ даетъ новыя данныя для этихъ доказательствъ. Прежде чѣмъ начать это изслѣдованіе относительно латинскихъ народовъ, мы дадимъ краткій очеркъ психологіи ихъ.

§ 2. Умственный складъ народовъ латинской расы.

Читателю нашихъ трудовъ извѣстно—что мы разумѣемъ подъ названіемъ „латинскіе народы“, „латинская раса“. Названіе „раса“ мы понимаемъ отнюдь не въ антропологическомъ смыслѣ, такъ какъ давно уже, если не считать дикихъ народовъ, чистыя расы почти исчезли. У цивилизованныхъ народовъ существуютъ только расы, которыя мы, въ другомъ мѣстѣ, назвали историческими, т. е. расы, создавшіяся всецѣло подъ вліяніемъ историческихъ событій. Такія расы образуются, когда народъ, состоящій иногда изъ элементовъ весьма различнаго происхожденія, въ теченіе вѣковъ подвергается вліяніямъ сходныхъ между собою условій среды и общественнаго строя, общихъ учрежденій и вѣрованій и совершенно одинаковаго воспитанія. Если только соприкасающіяся такимъ образомъ народности не очень различны по своему происхожденію, какъ, напр., ирландцы, подчиненные господству англичанъ, и разнородныя расы, находящіяся подъ австрійскимъ владычествомъ, то онѣ сливаются между собою и пріобрѣтаютъ единый національный духъ, т. е. сходныя чувства, интересы, складъ мыслей.

Все это совершается не въ одинъ день, но пока созданіе національнаго духа народа не закончено, до тѣхъ поръ нельзя считать, что народъ сформировался, что данная цивилизація опредѣлилась, что историческая раса установилась.

Только послѣ того, какъ созданіе національнаго духа закончено, масса не имѣвшихъ взаимной связи су-

ществъ, соединенныхъ случайностями завоеваній, набѣговъ, присоединеній, образуетъ однородный народъ. Сила его становится тогда очень большою, потому что онъ обладаетъ общимъ идеаломъ, общей волей и способенъ на большія коллективныя усилія. Всѣ люди создавшейся, такимъ образомъ, расы принимаютъ рѣшенія въ своихъ дѣлахъ, руководствуясь сходными между собою принципами. На всѣ крупные религіозные или политическіе вопросы они имѣютъ почти одинаковые взгляды. Въ способѣ обсужденія какого бы то ни было дѣла, коммерческаго, дипломатическаго или техническаго, духъ расы не замедлитъ сказаться.

Образцомъ народа, пріобрѣвшаго весьма опредѣленный національный духъ, могутъ служить англичане. Этотъ духъ проявляется даже въ мелочахъ. Для такого народа никакая децентрализація не опасна, такъ какъ всякій маленькій центръ, одушевленный общею мыслью, будетъ преслѣдовать и общую цѣль.

У латинскихъ народовъ, составленныхъ изъ разноплеменныхъ народностей, очень расходящихся между собою во всемъ, національный духъ еще не окрѣпъ, и потому народы эти нуждаются въ строгомъ централизованномъ режимѣ, который не допустилъ бы распаденія. Только онъ можетъ замѣнить собою общій духъ, котораго народы эти еще не успѣли пріобрѣсти.

Это выраженіе—латинскіе народы — прилагается къ такимъ народамъ, у которыхъ можетъ быть нѣтъ и капли латинской крови, которые сильно различаются между собою, но которые въ теченіе долгихъ вѣковъ находились подъ игомъ латинскихъ идей. Они при-

надлежатъ къ латинскимъ народамъ по своимъ чувствамъ, учрежденіямъ, литературѣ, вѣрованіямъ, искусствамъ и воспитанію, поддерживающему латинскія традиціи. „Начиная съ эпохи возрожденія", пишетъ Ганото, „образъ Рима неизгладимыми буквами напечатлѣнъ на лицѣ Франціи... Въ теченіе трехъ вѣковъ французская цивилизація казалась только подражаніемъ римской". Не продолжаетъ ли она быть таковою и теперь?

Гастонъ Буасье, въ своемъ недавнемъ отзывѣ о новомъ изданіи *Римской исторіи* Мишле, защищаетъ ту же мысль. Онъ справедливо замѣчаетъ, что „мы получили отъ Рима наибольшую часть своего духовнаго содержанія. Всматриваясь въ себя, мы находимъ въ глубинѣ своей души запасъ чувствъ и идей, оставленныхъ намъ Римомъ; ничто не могло избавить насъ отъ нихъ, и все остальное опирается на этотъ запасъ".

Самыя общія характерныя черты психологіи латинскихъ народовъ можно резюмировать въ нѣсколькихъ строкахъ.

Основныя черты этихъ народовъ, особенно кельтовъ: очень живой умъ и весьма слабо развитыя иниціатива и постоянство воли. Неспособные къ продолжительнымъ усиліямъ, они предпочитаютъ быть подъ чьимъ либо руководствомъ и всякую неудачу приписываютъ не себѣ, а своимъ руководителямъ. Склонные, какъ это замѣтилъ еще Цезарь, опрометчиво предпринимать войны, они приходятъ въ уныніе при первыхъ же неудачахъ. Они непостоянны, какъ женщины; это

непостоянство еще великій завоеватель назвалъ галльскою слабостью. Оно дѣлаетъ ихъ рабами всякаго ихъ увлеченія. Характеристика ихъ, пожалуй самая вѣрная, это—отсутствіе внутренней дисциплины, которая, давая возможность человѣку управлять самимъ собою, мѣшаетъ ему искать себѣ руководителя.

Къ сущности вещей они вообще очень равнодушны, увлекаясь лишь одною наружною стороною. Они кажутся очень измѣнчивыми, очень склонными къ политическимъ переворотамъ, но въ дѣйствительности они, напротивъ, въ высшей степени консервативны. Ихъ революціи совершаются главнымъ образомъ ради словъ и не измѣняютъ почти ничего, кромѣ однихъ названій *).

Ради этихъ то словъ, захватывающихъ умы съ какою то магическою силою, латинскіе народы не перестаютъ ожесточенно бороться между собою, не замѣчая, въ жертву какимъ иллюзіямъ они себя приносятъ. Нѣтъ другихъ народовъ, среди которыхъ было бы такое множество политическихъ партій, столь враждебно относящихся другъ къ другу, и быть можетъ нельзя указать, гдѣ бы было большее, чѣмъ у латинскихъ народовъ, единство мыслей въ вопросахъ политики. Общій идеалъ всѣхъ партій, отъ наиболѣе революціонныхъ до наиболѣе консервативныхъ, это абсолютизмъ государства. Приверженцы этого

*) Пьеръ Боденъ въ одной изъ своихъ министерскихъ рѣчей сказалъ: „нѣтъ другой страны, гдѣ бы новыя идеи такъ легко находили воодушевленныхъ проповѣдниковъ, но за то нигдѣ такъ прочно не держится рутина. Она тутъ упорно выдерживаетъ натискъ научной мысли“.

идеала (Etatistes) — единая политическая партія латинскихъ народовъ. Якобинецъ, монархистъ, клерикалъ или соціалистъ почти не различаются въ этомъ отношеніи. Да и какъ могли бы они различаться, будучи сынами одного и того же прошлаго, рабами идей и представленій своихъ предковъ? Мы обречены еще надолго поклоняться однимъ и тѣмъ же богамъ, хотя и подъ другими именами.

Латинскіе народы, повидимому, очень любятъ равенство и очень ревнивы ко всякому превосходству среди людей; но въ то же время легко замѣтить, что за этою кажущеюся жаждою равенства скрывается сильная жажда къ неравенству. Они не могутъ переносить кого либо выше себя, потому что имъ хотѣлось бы видѣть всѣхъ ниже себя. Они тратятъ значительную часть своего времени на то, чтобы добиться титула или ордена, которые дали бы имъ возможность съ пренебреженіемъ относиться къ тѣмъ, кто этихъ отличій не имѣетъ. Снизу вверхъ—зависть, сверху внизъ—презрѣніе.

Если потребность въ неравенствѣ у нихъ такъ велика, за то стремленіе къ свободѣ весьма слабо. Какъ только они ею обладаютъ, они стараются ее отдать какому либо руководителю, чтобы получать отъ него указанія и правила, безъ которыхъ они жить не могутъ. Они только тогда и играли въ исторіи важную роль, когда во главѣ ихъ стояли великіе люди; и вотъ почему подъ вліяніемъ вѣкового инстинкта они ихъ всегда ищутъ.

Латинскіе народы во всѣ времена были большіе говоруны, любители словъ и логики. Почти не оста-

навливаясь на фактахъ, они увлекаются идеями, лишь бы послѣднія были просты, общи и красиво выражены. Слова и логика были всегда самыми опасными врагами этихъ народовъ. „Французы, пишетъ Мольтке, всегда принимаютъ слова за факты“. Другіе латинскіе народы — то же самое. Было вѣрно замѣчено, что когда американцы атаковали Филиппины, испанскіе кортесы только и занимались произнесеніемъ пышныхъ рѣчей и устройствомъ кризисовъ, при которыхъ партіи вырывали другъ у друга власть, вмѣсто того, чтобы постараться принять необходимыя мѣры для защиты послѣднихъ слѣдовъ своего національнаго родового наслѣдія.

Можно было бы воздвигнуть громадную пирамиду, выше самой большой египетской, изъ латинскихъ череповъ—жертвъ громкихъ словъ и логики. Англосаксъ преклоняется передъ фактами и реальными требованіями жизни и, что бы съ нимъ ни случилось, никогда не сваливаетъ вину на правительство, очень мало обращая вниманія на кажущіяся указанія логики. Онъ вѣритъ опыту и знаетъ, что не разумъ руководитъ людьми. Человѣкъ латинской расы все выводитъ изъ логики и во всѣхъ отношеніяхъ перестраиваетъ общество по планамъ, начертаннымъ при свѣтѣ разума. Такова была мечта Руссо и всѣхъ писателей его вѣка. Революція лишь примѣнила ихъ доктрины. Никакое разочарованіе не могло еще поколебать могущества этихъ иллюзій. Это то, что Тэнъ называетъ классическимъ умомъ: „выдѣлить нѣсколько очень простыхъ и очень общихъ положеній; затѣмъ, не обра-

щая вниманія на практическій опытъ, сравнить ихъ, сочетать между собою, и изъ полученной такимъ образомъ искусственной комбинаціи вывести посредствомъ небольшого разсужденія всѣ заключающіяся въ немъ слѣдствія". Великій писатель удивительно вѣрно схватилъ въ рѣчахъ нашихъ революціонныхъ собраній сущность этого умственнаго настроенія:

„Пересмотрите рѣчи, произнесенныя съ трибунъ и въ клубахъ, доклады, мотивировку законовъ, памфлеты, всякія писанія, внушенныя современными трагическими событіями: никакого представленія о природѣ человѣка такой, какою она представляется нашимъ глазамъ повсюду, въ поляхъ и на улицѣ; человѣка всегда представляютъ себѣ какъ простого автомата съ хорошо извѣстнымъ механизмомъ. У писателей, сейчасъ, человѣкъ представляется въ видѣ говорящей машины; въ политикѣ, въ настоящее время, онъ обращается въ машину для подачи голосовъ, до которой достаточно дотронуться пальцемъ въ надлежащемъ мѣстѣ, чтобы получить подходящій отвѣтъ. Никогда никакихъ фактовъ, а только однѣ отвлеченности, безконечный рядъ афоризмовъ о природѣ, разумѣ, народѣ, тиранахъ, свободѣ, своего рода надутые мыльные пузыри, безъ всякой пользы толкающіеся въ пространствѣ. Если бы не было извѣстно, что все это ведетъ за собою страшныя практическія послѣдствія, то можно было бы думать, что все это только игра въ логику, школьныя упражненія, академическія выступленія, отвлеченныя комбинаціи".

Общительность въ латинской расѣ и особенно у французовъ сильно развита, но чувство солидарности у нихъ чрезвычайно слабо. Англичанинъ, напротивъ, мало общителенъ, но солидаренъ до мелочей со всѣми людьми своей расы. Мы видѣли, что эта солидарность— одна изъ великихъ причинъ его силы. Люди латинской расы преимущественно руководствуются личнымъ эгоизмомъ, англо-саксы—эгоизмомъ общественнымъ.

Это полное отсутствіе солидарности, замѣчаемое у всѣхъ латинскихъ народовъ, составляетъ для нихъ

одинъ изъ наиболѣе вредныхъ недостатковъ. Это — порокъ расы, и порокъ очень развившійся подъ вліяніемъ ихъ воспитанія. Своими постоянными конкурсами и классификаціями оно заставляетъ человѣка постоянно бороться съ подобными себѣ и развиваетъ личный эгоизмъ въ ущербъ общественному.

Во всѣхъ мелочахъ жизни у латинскихъ народовъ проявляется отсутствіе солидарности. Давно замѣчено, что даже въ играхъ французовъ съ англичанами въ мячъ — молодые французы всегда проигрываютъ по той простой причинѣ, что англичанинъ, интересуясь успѣхомъ всей своей партіи, а не своимъ личнымъ, передаетъ товарищу мячъ, который самъ не можетъ удержать, тогда какъ французъ старается удержать мячъ у себя, считая, что лучше проиграть партію, чѣмъ видѣть ее выигранною товарищемъ. Успѣхъ его партіи для него безразличенъ, онъ интересуется только своимъ личнымъ успѣхомъ. Этотъ эгоизмъ естественно сопутствуетъ французу и въ жизни, и если онъ дѣлается генераломъ, то можетъ иногда случиться, что онъ предоставитъ непріятелю возможность разгромить товарища по оружію, которому онъ могъ бы оказать помощь, какъ мы видѣли печальные примѣры тому въ нашей послѣдней войнѣ.

Этотъ недостатокъ солидарности у латинскихъ народовъ особенно бросается въ глаза путешественникамъ, посѣщающимъ наши колоніи. Я могъ много разъ убѣдиться въ вѣрности слѣдующихъ замѣчаній Майе:

„Очень рѣдко бываетъ, чтобы въ колоніяхъ два сосѣда француза не были между собою врагами. Путеше-

ственникъ, попавшій въ колонію, испытываетъ тотчасъ же ошеломляющее впечатлѣніе. Всякій колонистъ, всякій чиновникъ, даже всякій военный такъ язвительно отзывается о другихъ, что невольно является недоумѣніе — какъ эти люди не стрѣляютъ другъ въ друга".

Люди латинской расы совершенно неспособны понимать чужія идеи, и слѣд. неспособны ихъ уважать. По ихъ мнѣнію, всѣ люди созданы по одному шаблону, и слѣд. должны мыслить и чувствовать одинаковымъ образомъ.

Слѣдствіемъ этой неспособности является ихъ крайняя нетерпимость. Эта нетерпимость проявляется тѣмъ ярче, что усваиваемыя ими мнѣнія, будучи чаще всего внушены чувствомъ, оказываются, по этому самому, недоступными никакой аргументаціи. Всякаго, кто не согласенъ съ ихъ воззрѣніями, они считаютъ злонамѣреннымъ существомъ, которое надо преслѣдовать, пока не удастся избавиться отъ него, хотя бы самыми насильственными мѣрами. Религіозныя войны, Варѳоломеевская ночь, инквизиція, терроръ—всѣ эти явленія суть слѣдствія этой особенности латинскаго духа. Она навсегда сдѣлаетъ для нихъ невозможнымъ продолжительное пользованіе свободою. Человѣкъ латинской расы понимаетъ свободу только какъ право преслѣдовать тѣхъ, кто не такъ думаетъ, какъ онъ.

Латинскіе народы всегда давали доказательства большой храбрости. Но ихъ нерѣшительность, непредусмотрительность, недостатокъ единенія, отсутствіе хладнокровія, боязнь отвѣтственности дѣлаютъ эту

храбрость безполезной, если только ими не командуетъ сильная и умѣлая власть.

Въ современныхъ войнахъ значеніе высшаго командованія все болѣе и болѣе уменьшается, вслѣдствіе возрастающаго протяженія полей сраженія. Берутъ верхъ такія качества, какъ хладнокровіе, предусмотрительность, единеніе, методичность, и потому латинскимъ народамъ трудно будетъ возобновить свои прежніе успѣхи.

Еще не такъ давно умъ, краснорѣчіе, рыцарскія доблести, литературное и артистическое дарованія представляли главные факторы цивилизаціи. Благодаря этимъ качествамъ, которыми латинскіе народы щедро одарены, они долго находились во главѣ всѣхъ націй. При промышленной, географической и экономической эволюціи настоящаго времени, условія для превосходства того или другого народа въ жизненной борьбѣ требуютъ отъ него дарованій, весьма отличныхъ отъ перечисленныхъ. Главное, что теперь даетъ перевѣсъ народу, это—настойчивая энергія, духъ предпріимчивости, иниціатива и методичность. Этими качествами латинскіе народы обладаютъ въ очень слабой степени; ихъ иниціатива, воля и энергія все болѣе и болѣе ослабѣваютъ, а потому они должны были постепенно уступать мѣсто тѣмъ, кто надѣленъ такими качествами.

Воспитательный режимъ юношества болѣе и болѣе разрушаетъ то, что еще оставалось отъ этихъ качествъ. Оно теряетъ все болѣе и болѣе твердость воли, настойчивость, иниціативу и особенно ту вну-

треннюю дисциплину, которая дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ, способнымъ обходиться безъ руководителя.

Различныя событія, посредствомъ много разъ повторявшагося подбора отрицательныхъ качествъ, содѣйствовали значительному уменьшенію числа людей съ наиболѣе развитыми энергіей, самостоятельностью и жаждою къ дѣятельности. Латинскіе народы расплачиваются теперь за прошлыя свои ошибки. Инквизиція систематически уничтожала въ Испаніи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ то, что она имѣла наилучшаго. Отмѣна Нантскаго эдикта (Людовикъ XIV, 1685 г.), революція, имперія, междуусобныя войны уничтожили во Франціи самыя предпріимчивыя и энергичныя натуры. Слабый приростъ населенія, удостовѣренный среди большей части латинскихъ народовъ, еще усиливаетъ эти причины упадка. Если бы еще воспроизводились лучшія части населенія, то бѣды не было бы никакой, такъ какъ не число жителей данной страны, а ихъ высокія качества составляютъ ея силу. Къ несчастью, численный уровень населенія еще поддерживается только самыми неспособными, самыми слабыми, самыми непредусмотрительными.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, какъ я подробно доказывалъ въ другомъ мѣстѣ, что достоинство народа опредѣляется числомъ производимыхъ имъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ. Упадокъ народа происходитъ вслѣдствіе уменьшенія, а затѣмъ и исчезновенія высшихъ элементовъ. Недавно въ „Revue scien-

tifique" Лапужъ высказалъ аналогичныя заключенія относительно римлянъ:

„За двухсотлѣтній періодъ наиболѣе знаменитыя старѣйшія фамиліи исчезли и замѣнились менѣе достойными, вышедшими изъ разныхъ слоевъ и даже изъ освободившихся невольниковъ. Когда Цицеронъ жаловался на упадокъ римскихъ добродѣтелей, знаменитый арпинянинъ забывалъ, что въ городѣ, даже въ самомъ сенатѣ, римляне старыхъ фамилій были рѣдки, и что на одного потомка квиритовъ приходилось десять латинянъ не чистой крови и десять этрусковъ; онъ забывалъ, что римское государство начало приходить въ упадокъ съ того дня, когда открылся доступъ въ него чужестранцамъ, и что причина, по которой титулъ гражданина безпрестанно терялъ свой блескъ, была та, что между носителями его было болѣе сыновъ народовъ побѣжденныхъ, чѣмъ народа побѣдителя. Когда путемъ послѣдовательныхъ натурализацій право римскаго гражданства было распространено на всѣ народности, когда бретонцы, сирійцы, фракійцы и африканцы облеклись въ это званіе, которое было имъ не по плечу, то родовые римляне уже исчезли".

Причина быстрыхъ успѣховъ нѣкоторыхъ расъ, какъ, напр., англо-саксовъ въ Америкѣ, заключается въ томъ, что подборъ у нихъ совершился не въ отрицательную сторону, какъ въ латинскихъ государствахъ Европы, а въ обратномъ порядкѣ — въ сторону прогресса. Дѣйствительно, Соединенные Штаты въ теченіе продолжительнаго времени заселялись людьми разныхъ странъ Европы, преимущественно Англіи, отличающимися своею независимостью и энергіей. Надо было обладать необыкновеннымъ мужествомъ, чтобы рискнуть переселиться съ семьей въ отдаленную страну, населенную воинственными и враждебными племенами, и создать тамъ цивилизацію.

Здѣсь важно отмѣтить, на что я много уже разъ обращалъ вниманіе въ своихъ послѣднихъ трудахъ, что народы приходятъ въ упадокъ и исчезаютъ съ

исторической сцены не вслѣдствіе пониженія своихъ умственныхъ способностей, а всегда вслѣдствіе ослабленія характера. Законъ этотъ нѣкогда подтвердился примѣрами Греціи и Рима; не мало фактовъ подтверждаетъ его вѣрность и для нашего времени.

Это основное положеніе мало понято и часто еще очень оспаривается, но тѣмъ не менѣе уже начинаетъ распространяться. Я нашелъ его очень хорошо выраженнымъ въ недавнемъ трудѣ англійскаго писателя, Бенжамена Кидда, и не сумѣю лучше подтвердить правильность моего тезиса, какъ позаимствовавъ у него нѣкоторыя мѣста, гдѣ онъ вполнѣ вѣрно и безпристрастно указываетъ различія характера, раздѣляющія англо-саксовъ и французовъ, и историческія слѣдствія этихъ различій:

„Всякій безпристрастный умъ, говоритъ этотъ авторъ, долженъ признать, что нѣкоторыя характерныя черты французовъ ставятъ Францію во главѣ умственно развитыхъ народовъ Европы... Умственное вліяніе этой страны дѣйствительно чувствуется во всей нашей цивилизаціи, въ политикѣ, во всѣхъ отрасляхъ искусства, во всѣхъ направленіяхъ отвлеченной мысли... Тевтонскіе народы вообще добиваются наивысшихъ умственныхъ результатовъ тамъ, гдѣ необходимы изслѣдованія, глубокія, кропотливыя и добросовѣстныя, тамъ, гдѣ надо постепенно собирать одинъ за другимъ элементы, составляющіе работу; но этимъ изслѣдованіямъ недостаетъ идеализма французскаго ума... Всякій добросовѣстный наблюдатель, соприкасающійся впервые близко съ французскимъ умомъ, долженъ тотчасъ же почувствовать въ немъ нѣчто неопредѣленное, но неопредѣленность эта возвышеннаго умственнаго порядка, что не свойственно по природѣ ни нѣмцамъ, ни англичанамъ. Это нѣчто неопредѣленное чувствуется и въ искусствѣ и въ текущей современной литературѣ не менѣе, чѣмъ и въ высшихъ твореніяхъ національнаго генія въ прошломъ“.

Признавъ это превосходство французскаго ума, англійскій авторъ настаиваетъ на преобладаніи въ

соціальныхъ явленіяхъ характера надъ умомъ и показываетъ, въ какой мѣрѣ умъ могъ быть полезенъ народамъ, которые имъ обладали. Разсматривая исторію колоніальной борьбы между Франціей и Англіей во второй половинѣ XVIII вѣка, онъ выражается такъ:

„Въ серединѣ XVIII вѣка окончился между Франціей и Англіей самый необычайный изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи поединокъ, въ отношеніи всѣхъ событій, зависѣвшихъ отъ исхода этой борьбы. Послѣдствія этого поединка предчувствовались во всемъ цивилизованномъ мірѣ еще до начала борьбы. Она завязалась въ Европѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, въ Сѣверной Америкѣ, на всѣхъ океанахъ. Если судить по даннымъ, дѣйствующимъ на воображеніе, то всѣ обстоятельства казались благопріятными для болѣе блестящей расы. Она, казалось, имѣла перевѣсъ и въ вооруженіи, и въ средствахъ, и въ численности населенія. Въ 1789 году Великобританія имѣла 9.600.000 жителей, Франція—26.300.000. Годовой доходъ Великобританіи составлялъ 391.250.000 фр., а Франціи—600.000.000. Въ началѣ XIX вѣка во Франціи было 27.000.000 жителей, тогда какъ все населеніе, говорившее на англійскомъ нарѣчіи, вмѣстѣ съ ирландцами и обитателями Штатовъ С. Америки и колоній, не превосходило 20.000.000.

„Въ настоящее время, въ исходѣ XIX вѣка, населеніе, говорящее на англійскомъ языкѣ, не считая покоренныхъ народовъ, индусовъ и негровъ, дошло до громадной цифры—101.000.000, тогда какъ французскій народъ едва достигъ численности въ 40.000.000. Повсюду впродолженіи уже долгаго времени народы, говорящіе на англійскомъ языкѣ, одерживали верхъ, гдѣ только затѣвали борьбу. Они стали хозяевами почти всей С. Америки, Австраліи и земель Ю. Африки, наиболѣе пригодныхъ для поселенія европейцевъ. Никакой другой народъ не утвердился болѣе прочно и совершенно во всѣхъ этихъ странахъ. Не видно, чтобы будущее должно было остановить это распространеніе англійской расы; напротивъ того, оно въ предстоящемъ (XX-мъ) вѣкѣ, повидимому, неизбѣжно должно дать этимъ народамъ преобладающее вліяніе во всемъ мірѣ“.

Разсматривая, затѣмъ, качества характера, благодаря которымъ англичанамъ удалось достигнуть такихъ огромныхъ успѣховъ, столь удачно устроить свои

гигантскія колоніальныя владѣнія, преобразовать Египетъ и даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поднять до высшей степени процвѣтанія кредитъ націи, близкой къ совершенному банкротству, тотъ же писатель прибавляетъ:

„Не качествами, бросающимися въ глаза, и не умомъ достигнуты такіе результаты..., а качествами изъ числа тѣхъ, которыя не поражаютъ воображенія. Эти качества по преимуществу: сила и энергія характера, неподкупная честность, простая преданность долгу и сознаніе его. Тѣ, кто приписываетъ огромное вліяніе въ мірѣ народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, вѣроломнымъ комбинаціямъ ихъ государственныхъ людей, бываютъ часто очень далеки отъ истины. Это вліяніе въ значительной своей части—результатъ качествъ, мало бросающихся въ глаза".

Итакъ, мы теперь подготовлены къ пониманію того, какимъ образомъ народы, сильные умомъ, но слабые энергіей и характеромъ, всегда естественно стремились вручить свою судьбу своимъ правительствамъ. Бѣглый взглядъ на прошлое этихъ народовъ покажетъ намъ, какимъ образомъ форма государственнаго соціализма, извѣстная подъ именемъ предлагаемаго намъ нынѣ коллективизма, вовсе не будучи новостью' представляетъ собою естественный расцвѣтъ прежнихъ учрежденій и наслѣдственныхъ потребностей расъ, у которыхъ онъ и развивается въ настоящее время. Доводя до минимума запасъ энергіи и предпріимчивости, которыми долженъ обладать отдѣльный человѣкъ для направленія своей жизни, и освобождая его отъ всякой отвѣтственности, коллективизмъ, въ силу этого, представляется весьма удобопримѣнимымъ къ нуждамъ народовъ, у которыхъ воля, энергія и личная иниціатива постепенно ослабѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Понятіе о государствѣ у народовъ латинской расы.

§ 1. *Какимъ образомъ у народовъ устанавливаются понятія.* Народы необходимо должны подчиняться преданіямъ, а затѣмъ умѣть освобождаться отъ нихъ. Немногіе народы обладали достаточною гибкостью, чтобы удовлетворить двойному условію—измѣняемости и устойчивости. Невозможность освободиться отъ ига преданія, когда оно прочно установилось. Сила авторитета власти у народовъ латинской расы. Авторитетъ власти политическій и религіозный. Почему народамъ латинской расы не пришлось страдать отъ своего подчиненія традиціоннымъ догматамъ власти до самыхъ новѣйшихъ временъ и почему они въ настоящее время страдаютъ отъ этого подчиненія. Вынужденная неустойчивость ихъ правительствъ. Понятіе о государствѣ во Франціи одно и то же у всѣхъ партій.

§ 2. *Понятіе о государствѣ у народовъ латинской расы. Почему успѣхи соціализма являются естественнымъ послѣдствіемъ эволюціи этого понятія.* Старый режимъ. Революція внесла въ него лишь весьма слабыя измѣненія. Подробности пріемовъ правленія при старомъ режимѣ. Постоянное вмѣшательство государства въ мельчайшія дѣла при старомъ режимѣ. Разные примѣры. Современное развитіе соціализма у народовъ латинской расы представляетъ расцвѣтъ ихъ прошлыхъ учрежденій и ихъ понятія о государствѣ.

§ 1. Какимъ образомъ у народовъ устанавливаются понятія.

Мы только что изложили, изучая психологію народовъ латинской расы, какимъ образомъ характеръ послѣднихъ способствовалъ развитію у нихъ нѣкоторыхъ учрежденій. Намъ остается показать, какимъ

образомъ учрежденія эти упрочились и какъ, сдѣлавшись въ свою очередь причинами, они кончили тѣмъ, что породили новыя явленія.

Мы уже обратили вниманіе на то, что цивилизація можетъ возникнуть лишь при томъ условіи, если народы долгое время подчинялись силѣ преданія. Въ теченіе періода формированія народа, когда наличные элементы его несходны между собою и имѣютъ интересы различные и колеблющіеся, прочныя учрежденія и вѣрованія имѣютъ значительную цѣнность. *) Важно, чтобы эти учрежденія и вѣрованія отвѣчали умственному складу и потребностямъ народа, управлять которымъ они призваны. Важно также, чтобы учрежденія эти и вѣрованія были достаточно тверды. Это послѣднее положеніе является основнымъ, и мы уже на немъ настаивали. Но указавъ на то, что народы должны быть долгое время подчинены силѣ установившихся преданій, мы показали также, что они прогрессируютъ лишь при томъ условіи, если могутъ освобождаться затѣмъ постепенно отъ вліянія этихъ преданій.

*) Можно найти кажущееся противорѣчіе между этимъ положеніемъ и приведеннымъ въ другомъ мѣстѣ, что: учрежденія въ жизни народовъ никакой роли не играютъ. Но тогда мы говорили о народахъ, достигшихъ зрѣлости, у которыхъ элементы цивилизаціи упрочились благодаря наслѣдственности. У этихъ народовъ элементы цивилизаціи не могутъ быть измѣнены новыми учрежденіями, а эти послѣднія могутъ быть приняты лишь внѣшнимъ образомъ. Иное дѣло у народовъ молодыхъ, т. е. болѣе или менѣе еще варварскихъ, у которыхъ ни одинъ элементъ цивилизаціи еще не установленъ. Читатель, желающій лучше познакомиться съ этимъ вопросомъ, долженъ обратиться къ нашему труду: „Les Lois psychologiques de l'Evolution des peuples“.

Они никогда не освобождаются отъ нихъ путемъ насильственныхъ переворотовъ. Такіе перевороты всегда скоропреходящи. Общества, какъ и породы животныхъ, мѣняютъ свой обликъ лишь благодаря наслѣдственному накопленію незначительныхъ послѣдовательныхъ измѣненій.

Немногіе народы обладали гибкостью, необходимою для удовлетворенія двойному условію—устойчивости и измѣняемости. Безъ достаточно большой устойчивости никакая цивилизація не можетъ утвердиться; безъ достаточной способности къ измѣненіямъ никакая цивилизація не можетъ прогрессировать.

Нужно разсматривать учрежденія народа какъ послѣдствія, которыя дѣлаются причинами въ свою очередь. Продержавшись извѣстное число поколѣній, учрежденія эти придаютъ совершенную опредѣленность психологическимъ особенностямъ народа, бывшимъ до того времени нѣсколько неопредѣленными и колеблющимися. Кусокъ глины, сперва тягучій и упругій, скоро теряетъ свою мягкость, затѣмъ пріобрѣтаетъ твердость камня и можетъ скорѣе разбиться, чѣмъ измѣнить форму. Пріобрѣтеніе извѣстной совокупности твердыхъ и сплоченныхъ чувствъ и понятій дается иногда народу съ большимъ трудомъ, но за то ему несравненно труднѣе впослѣдствіи ее измѣнить.

Когда гнетъ преданія укоренялся въ душахъ въ теченіе слишкомъ долгаго времени, путемъ наслѣдственнымъ, народы могутъ отъ него избавиться только цѣною большихъ усилій, а чаще всего они отъ него и вовсе не избавляются. Извѣстно, какъ жестоко

былъ потрясепъ западно-европейскій міръ, когда, во времена реформаціи, народы сѣверной Европы захотѣли освободиться оть религіозной централизаціи и господства догматовъ, которые отнимали у нихъ всякую независимость и отъ которыхъ все болѣе и болѣе отвращался ихъ разумъ.

Латинскіе народы также захотѣли освободиться отъ гнета прошлаго, и великая революція не имѣла никакой другой цѣли. Но было уже слишкомъ поздно. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ потрясеній, узы прошедшаго забрали свою прежнюю власть. Эти узы были дѣйствительно слишкомъ могущественны; отпечатокъ ихъ въ душѣ народной былъ такъ глубокъ, что порвать ихъ въ одинъ день было невозможно.

Проникнутые необходимостью принципа власти, правительства въ продолженіе вѣковъ препятствовали латинскимъ народамъ мыслить, желать и дѣйствовать, и все воспитаніе имѣло цѣлью поддерживать этотъ тройной запретъ. Зачѣмъ людямъ было мыслить и разсуждать? Это запрещалось религіей. Зачѣмъ имъ было желать и дѣйствовать? За нихъ желало и дѣйствовало правительство. Съ теченіемъ времени латинскій духъ поддался этой необходимости; люди привыкли подчиняться безъ разсужденій догматамъ церкви, признанной непогрѣшимой, и королей, представителей божественнаго права—также непогрѣшимыхъ. Они всецѣло предоставили политическимъ и духовнымъ главарямъ заботу о направленіи своихъ мыслей и дѣйствій. Это подчиненіе было необходимымъ условіемъ ихъ единства. Оно придавало имъ въ извѣстные мо-

менты большую силу. Латинскіе народы переживали періоды большого блеска только тогда, когда во главѣ ихъ стояли геніальные люди.

Отъ этого безусловнаго подчиненія власти латинскіе народы не особенно страдали до тѣхъ поръ, пока экономическая эволюція всего міра не перевернула старыхъ условій существованія. Пока способы сообщенія были весьма несовершенны, и успѣхи промышленности почти сводились къ нулю, націи оставались разобщенными другъ отъ друга и, слѣд., совершенно находились въ рукахъ своихъ правительствъ, которыя поэтому и могли всецѣло управлять жизнью и дѣятельностью народовъ. Съ помощью правилъ, подобныхъ изданнымъ Кольберомъ, правительства могли управлять промышленностью до мельчайшихъ подробностей такъ же легко, какъ управляли они учрежденіями и вѣрованіями.

Открытія научныя и промышленныя, такъ глубоко измѣнившія условія существованія народовъ, измѣнили вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ дѣятельности правительствъ и мало по малу ограничивали возможные предѣлы этой дѣятельности. Вопросы промышленные и экономическіе стали преобладать. Телеграфъ и паръ, уничтожая разстоянія, обратили весь міръ въ единый рынокъ, свободный отъ всякой регламентаціи. Правительства должны были вполнѣ отказаться отъ желанія, какъ прежде, подчинять правиламъ промышленность и торговлю.

Въ странахъ, гдѣ личная предпріимчивость развилась уже давно и гдѣ дѣйствіе правительствъ стало

все болѣе и болѣе ограниченнымъ, послѣдствія современной экономической эволюціи переносились безъ труда. Страны, гдѣ этой предпріимчивости у гражданъ не существовало, оказались, напротивъ того, безоружными, и населеніе ихъ вынуждено было прибѣгать къ помощи своихъ правителей, которые столько вѣковъ за нихъ и думали, и дѣйствовали. Такимъ то образомъ правительства, продолжая свою традиціонную роль, были приведены къ необходимости руководить столькими промышленными предпріятіями. Но въ виду того, что, какъ увидимъ скоро, издѣлія, производимыя подъ контролемъ государства, по многимъ причинамъ обходятся дорого и изготовляются медленно, народы, предоставившіе правительству то, что сами должны были бы дѣлать, очутились въ положеніи менѣе выгодномъ, чѣмъ другіе.

Очевидно, правительства латинскихъ народовъ, отказавшись отъ прежняго стремленія управлять всѣмъ, хотѣли бы какъ можно болѣе сузить кругъ своего руководительства, но очевидно также, что теперь уже народы настоятельно требуютъ, чтобы ими руководили. Изучая эволюцію соціализма у латинскихъ народовъ, мы покажемъ, до какой степени ихъ потребность въ регламентаціи увеличивается съ каждымъ днемъ. Государство и продолжало регламентировать, управлять и покровительствовать, просто потому, что не могло иначе поступить. Эта задача становится болѣе и болѣе тяжелою, болѣе и болѣе трудною и требуетъ исключительныхъ и потому весьма рѣдкихъ способностей. Малѣйшіе промахи правителей

вызываютъ теперь громадныя послѣдствія. Отсюда происходитъ ихъ крайняя неустойчивость и постоянные перевороты, бывшіе у латинскихъ народовъ за послѣднее столѣтіе.

Эта неустойчивость правительствъ вовсе, впрочемъ, на дѣлѣ не соотвѣтствуетъ неустойчивости режима. Францція съ перваго взгляда кажется раздѣленною на множество партій, но всѣ онѣ—республиканцы, монархисты, соціалисты и проч.—имѣютъ, какъ я уже говорилъ, одинаковыя понятія о государствѣ. Всѣ требуютъ расширенія его функцій. Подъ разными ярлыками скрывается, слѣд., одна партія, партія латинской расы, и вотъ почему всѣ измѣненія правительственныхъ ярлыковъ на самомъ дѣлѣ никогда не производили никакой дѣйствительной перемѣны въ режимѣ.

§ 2. Понятіе о государствѣ у народовъ латинской расы. Почему успѣхи соціализма являются естественнымъ послѣдствіемъ эволюціи этого понятія.

Опредѣляя, какимъ образомъ установились основы начальныхъ понятій у латинскихъ народовъ, мы достаточно указали, въ чемъ состояло у нихъ понятіе о государствѣ. Теперь намъ остается показать, почему развитіе соціализма является естественнымъ послѣдствіемъ этого понятія.

Разобравъ характерные признаки латинскихъ народовъ, можно прибавить, что едва ли найдутся другіе народы, совершившіе болѣе переворотовъ и вмѣстѣ

съ тѣмъ столь упорно привязанные къ своимъ старымъ учрежденіямъ. О французахъ можно сказать, что они одновременно—самый революціонный и самый консервативный изъ всѣхъ народовъ міра. Наиболѣе кровавыя изъ французскихъ революцій всегда оканчивались лишь приданіемъ новыхъ наименованій самымъ устарѣвшимъ учрежденіямъ.

Это потому, что если въ дѣйствительности легко создавать теоріи, устраивать революціи и произносить рѣчи, то невозможно измѣнить сложившійся вѣками духъ народа. Можно въ крайнемъ случаѣ силою навязать ему на нѣкоторое время новыя учрежденія, но онъ скоро возвращается къ прежнимъ, такъ какъ только они одни соотвѣтствуютъ потребностямъ его умственнаго склада.

Умы поверхностные воображаютъ еще, что революція какъ бы обновила французскія учрежденія, создала всецѣло новыя начала, новое общество. Въ дѣйствительности, какъ давно уже показалъ Токвиль, она только грубо опрокинула то, что въ старомъ обществѣ уже было источено временемъ и рушилось бы само по ветхости нѣсколькими годами позже. Но учрежденій, не устарѣвшихъ вслѣдствіе того, что они отвѣчали духу своей расы, не могла коснуться революція, или же если и могла задѣть ихъ, то лишь мимолетно. Нѣсколькими годами позже, тѣ, кто пытался уничтожить эти учрежденія, сами же ихъ возстанавливали подъ другими названіями. Нелегко измѣнить наслѣдіе, создавшееся въ теченіе двѣнадцати вѣковъ.

Особенно революція не измѣнила ничего и не могла ничего измѣнить въ утвердившемся среди французовъ понятіи о государствѣ, т. е. понятіи о все болѣе возрастающемъ расширеніи его функцій и о постоянно суживающемся ограниченіи инициативы гражданъ, — этихъ основахъ современнаго соціализма. Если хотятъ понять, до какой степени это стремленіе все передать въ руки правительства, а слѣд., и увеличить число общественныхъ должностей, присуще духу расы, стоитъ только перенестись мыслью за нѣсколько лѣтъ до революціи. Дѣйствіе центральнаго правительства было почти такъ же сильно, какъ и теперь.

„Города, пишетъ Токвиль, не могутъ ни устанавливать пошлинъ, ни взимать податей, ни отдавать въ залогъ, ни продавать, ни вести тяжбу, ни отдавать свои имѣнія въ аренду, ни управлять ими, ни распоряжаться избыткомъ доходовъ,—на все это надо постановленіе Совѣта министровъ по рапорту интенданта. Всѣ работы исполняются по планамъ и смѣтамъ, утверждаемымъ рѣшеніемъ Совѣта. Въ присутствіи интенданта или его замѣстителей работы отдаются съ торговъ и ведутся обыкновенно инженеромъ или архитекторомъ отъ правительства. Вотъ, что удивитъ тѣхъ, кто думаетъ, что все происходящее во Франціи—ново... Нужно было испросить разрѣшеніе Совѣта, чтобы исправить причиненное вѣтромъ поврежденіе церковной крыши или возстановить обрушившуюся стѣну дома священника. Самый дальній отъ Парижа деревенскій приходъ былъ подчиненъ этому правилу, какъ и самые близкіе. Я знавалъ приходы, испрашивавшіе у Совѣта право израсходовать 25 ливровъ“.

Тогда, какъ и теперь, мѣстная провинціальная жизнь съ давняго времени была сведена на нѣтъ развивавшейся централизаціей, явившейся слѣдствіемъ не самодержавной власти, а равнодушія гражданъ.

„Удивляются, говоритъ тотъ же авторъ, той поразительной легкости, съ какою Учредительное Собраніе могло уничтожить разомъ старое дѣленіе на провинціи, изъ которыхъ многія были древнѣе самой

монархіи, и раздѣлить методически государство на 83 отдѣльныя части, какъ будто рѣчь шла о дѣвственной землѣ Новаго Міра. Ничто другое такъ не поразило и не испугало остальную Европу, не ожидавшую подобнаго зрѣлища. Впервые, говорилъ Бэркъ, мы видимъ, что люди такъ варварски кромсаютъ свою родную землю. Дѣйствительно, казалось, что раздирали живыя тѣла, занимались же только кромсаніемъ мертвыхъ".

Именно благодаря исчезновенію провинціальной жизни облегчилась возрастающая централизація стараго порядка.

„Не будемъ удивляться, говоритъ Токвиль, при видѣ, съ какою поразительною легкостью была возстановлена централизація во Франціи въ началѣ этого вѣка. Люди 89 года разрушили зданіе, но фундаментъ его уцѣлѣлъ въ самой душѣ разрушителей, и на немъ они могли вдругъ воздвигнуть разрушенное за-ново и построить его съ никогда небывалою до того прочностью".

Постепенное поглощеніе государствомъ личной иниціативы гражданъ при старомъ порядкѣ вызвало необходимость, какъ и теперь, въ увеличеніи числа должностей, и всѣ граждане мечтали добиться таковыхъ.

„Въ 1750 г., въ одномъ провинціальномъ городѣ, средней величины, 129 человѣкъ было занято отправленіемъ правосудія, а на 126 человѣкъ было возложено исполненіе ихъ приговоровъ; всѣ эти чиновники были жители этого города. Ревность жителей къ занятію этихъ мѣстъ была по истинѣ несравненна. Какъ только кто либо изъ нихъ пріобрѣталъ маленькій капиталъ, вмѣсто того, чтобы пустить его въ оборотъ, онъ спѣшилъ воспользоваться имъ для полученія мѣста. Это жалкое честолюбіе болѣе повредило успѣхамъ земледѣлія и торговли во Франціи, чѣмъ цехи и даже подушная подать".

Значитъ, не принципами 1789 г., какъ это часто повторяютъ, живемъ мы въ настоящее время. Мы живемъ принципами, созданными старымъ режимомъ, и развитіе соціализма представляетъ только ихъ высшій расцвѣтъ, послѣднее проявленіе идеала, преслѣ-

дуемаго въ теченіе вѣковъ. Идеалъ этотъ несомнѣнно былъ нѣкогда очень полезенъ въ такой несолидарной странѣ, какъ наша, которую можно было объединить только энергичною централизаціей. Къ несчастью, по установленіи единства, привычки, глубоко вкоренившіяся въ душѣ народа, не могли измѣниться. Убитый въ гражданахъ духъ предпріимчивости не могъ возродиться съ уничтоженіемъ мѣстной жизни. Умственный складъ народа создается медленно, но также очень медленно измѣняется, когда онъ установился.

Все, впрочемъ,—какъ учрежденія, такъ и воспитаніе—было направлено къ поглощенію государствомъ всѣхъ функцій, приведшему, какъ мы скоро покажемъ, къ страшнымъ послѣдствіямъ. Одной нашей системы воспитанія было бы достаточно для полнаго уничтоженія самой живучей изъ націй.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Понятія латинскихъ народовъ о воспитаніи, образованіи и религіи.

§ 1. *Понятія латинскихъ народовъ о воспитаніи и образованіи.* Понятіе о воспитаніи у нихъ вытекаетъ изъ понятія о государствѣ. Основанія нашей учебной системы. Какъ она создаетъ у цѣлыхъ категорій лицъ банальность мысли и ослабленіе характера. Нормальная школа. Почему учебныя заведенія являются могущественнымъ очагомъ государственнаго соціализма, стремящагося все уравнять и нивелировать? Современная полемика о печальной роли нашего классическаго образованія. Сравненіе принциповъ воспитанія и обученія у англо-саксовъ и латинскихъ народовъ. Общее непониманіе этого предмета. Не то важно, чему обучаютъ, а то, какъ учатъ. Разные примѣры результатовъ нашихъ методовъ обученія.

§ 2. *Понятіе латинскихъ народовъ о религіи.* Оказавъ въ теченіе продолжительнаго времени весьма хорошее вліяніе на народы латинской расы, ихъ религіозныя понятія въ настоящее время сдѣлались для нихъ вредными. Какъ англо-саксы сумѣли согласовать свои религіозныя вѣрованія съ современными потребностями. Непримиримость религіозныхъ догмъ латинскихъ народовъ и ея результаты. Общія слѣдствія понятій латинскихъ народовъ съ соціалистической точки зрѣнія.

§ 3. *Какимъ образомъ понятія латинской расы наложили свой отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи.*

§ 1. Понятія латинскихъ народовъ о воспитаніи и образованіи.

Понятіе латинскихъ народовъ о воспитаніи является слѣдствіемъ понятія ихъ о государствѣ. Такъ какъ государство должно было всѣмъ управлять, то оно должно было руководить также и воспитаніемъ. Думая и дѣйствуя за гражданъ, оно должно было позаботиться запечатлѣть

въ душахъ чувство повиновенія, уваженіе ко всякой іерархіи и строго подавлять всѣ поползновенія къ независимости и иниціативѣ. Ученикъ долженъ былъ ограничиваться заучиваніемъ наизусть руководствъ, передающихъ ему лишь то, что рѣшено по всѣмъ вопросамъ авторитетами—политическимъ, религіознымъ, философскимъ и научнымъ. Это былъ всегдашній идеалъ іезуитовъ, мудро довершенный Наполеономъ. Учебная система, какою ее создалъ этотъ великій деспотъ, является наилучшимъ образцомъ методовъ, какіе слѣдуетъ употреблять для порабощенія интеллигенціи обезличенія характеровъ и превращенія латинской молодежи въ рабовъ или мятежниковъ.

Время ушло впередъ, но наша учебная система мало измѣнилась. Надъ нею особенно тяготѣетъ всесильное могущество предковъ. Государство — исключительный направитель дѣла обученія—сохранило систему воспитанія, годную развѣ только для среднихъ вѣковъ, когда господствовали богословы. Эта система кладетъ на всѣ латинскіе народы свой отпечатокъ разложенія. Хотя въ настоящее время она и не имѣетъ цѣлью порабощать умъ, заглушать голосъ разума, уничтожать иниціативу и независимость, но такъ какъ пріемы не измѣнились, то результаты получаются прежніе. Мы имѣемъ, впрочемъ, учрежденія, которыя съ точки зрѣнія ихъ психологическаго дѣйствія просто поражаютъ изобрѣтательностью, съ какою они создаютъ въ цѣлыхъ категоріяхъ людей совершенную банальность мысли и характера. Что можетъ быть поразительнѣе, напр., нашей высшей нормаль-

ной школы, съ ея изумительной системой экзаменовъ? Развѣ въ Китаѣ можно найти нѣчто подобное. Большая часть молодыхъ людей, оканчивающихъ эту школу, отличается одинаковостью понятій обо всемъ и даже одинаковостью ихъ выраженія. Страница, начатая однимъ изъ нихъ, можетъ быть продолжена кѣмъ либо другимъ безъ всякаго измѣненія въ идеяхъ и въ слогѣ. Одни только іезуиты умѣли изобрѣтать такіе совершенные способы дисциплинированія ума.

Пріученные мелочными правилами разсчитывать чуть не съ точностью до минуты свое время, ученики нашихъ лицеевъ оказываются хорошо подготовленными на всю остальную ихъ жизнь къ однообразію мысли и дѣйствій, которыхъ требуетъ развитіе государственнаго соціализма. Они всегда будутъ испытывать величайшее отвращеніе ко всякой оригинальности, ко всякимъ личнымъ усиліямъ, всегда будутъ глубоко презирать то, что еще не обозначено извѣстными рамками и не зарегистрировано, будутъ относиться съ нѣсколько завистливымъ, но всегда почтительнымъ уваженіемъ ко всякой іерархіи и внѣшнимъ отличіямъ. Всякое стремленіе къ иниціативѣ, къ индивидуальному усилію, будетъ у нихъ совершенно подавлено. Они будутъ въ состояніи иногда возмутиться, какъ они это дѣлали въ школѣ, когда ихъ надзиратели бывали слишкомъ суровы, но эти возмущенія никогда не будутъ ни серьезными, ни продолжительными. Нормальная школа, лицеи и другія подобныя имъ заведенія оказываются такимъ образомъ прекрасными школами государственнаго соціализма, все уравнивающаго и нивелирующаго. Бла-

годаря этой системѣ, мы все ближе и ближе подходимъ къ такой формѣ правленія.

Только подробно изучивъ нашу латинскую систему воспитанія, можно вполнѣ понять настоящій успѣхъ соціализма у латинскихъ народовъ. Этого вопроса я могу коснуться здѣсь только вкратцѣ *).

Англо-саксы никогда не знали нашей гнусной системы воспитанія и отчасти потому они теперь и стоятъ во главѣ цивилизаціи, оставивъ далеко за собою латинскіе народы. Основы англо-саксонскаго воспитанія совершенно иныя, чѣмъ у послѣднихъ. Нѣсколькихъ строкъ будетъ достаточно, чтобы показать очевидность этого различія.

Цивилизованный человѣкъ не можетъ жить безъ дисциплины. Эта дисциплина можетъ быть внутренняя, т. е. въ немъ самомъ, и внѣшняя, т. е. внѣ его, и тогда она по необходимости налагается другими.

Англо-саксъ, обладая этой внутренней дисциплиной, благодаря своему наслѣдственному характеру, укрѣпленному воспитаніемъ, можетъ самъ собою управлять въ жизни и не нуждается въ заботахъ государства. Человѣкъ латинской расы, обладающій вслѣдствіе наслѣдственности и воспитанія очень малою внутреннею дисциплиною, нуждается во внѣшней. Она налагается на него государствомъ, и вслѣдствіе этого онъ окутанъ тѣсною сѣтью правилъ, притомъ безчисленныхъ, такъ какъ они должны руководить имъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

*) Читатель найдетъ весьма полные документы по этому вопросу въ моей книгѣ: „*Psychologie de l'éducation*“.

Основной принципъ англійскаго воспитанія тотъ, что ребенокъ проходитъ черезъ школу не для того, чтобы быть дисциплинированнымъ другими, а для того, чтобы познать предѣлы своей независимости. Онъ долженъ самъ себя дисциплинировать и пріобрѣсти, такимъ образомъ, контроль надъ собою (self control), изъ котораго происходитъ самоуправленіе (self government). Англійскій юноша выходитъ изъ школы съ очень малыми свѣдѣніями по древнимъ языкамъ и небольшими теоретическими познаніями, но въ ней онъ сталъ человѣкомъ, умѣющимъ руководить собою въ жизни и разсчитывать только на самого себя. Методы воспитанія, позволяющіе достигать такого результата, удивительно просты. Подробное изложеніе ихъ можно найти во всѣхъ книгахъ о воспитаніи, написанныхъ англичанами.

Воспитаніе у латинскихъ народовъ стремится какъ разъ къ противоположному. Его мечта—уничтожить иниціативу, независимость, волю ученика мелочными и строгими правилами. Единственная обязанность ученика—учиться, отвѣчать уроки и повиноваться. Мельчайшія дѣйствія предусмотрѣны. Его время распредѣлено по минутамъ. Послѣ 7 или 8 лѣтъ этого каторжнаго режима всякіе слѣды воли и иниціативы должны исчезнуть. Но когда молодой человѣкъ будетъ предоставленъ самому себѣ, какъ онъ сможетъ управлять собою, если онъ къ этому не пріученъ? Удивительно ли послѣ этого, что латинскіе народы такъ плохо умѣютъ управлять собою и оказываются столь слабыми въ коммерческой и промышленной борьбѣ, про-

исходящей подъ вліяніемъ міровой эволюціи настоящаго времени? Не естественно ли, что соціализмъ, умножающій только тѣ путы, которыми государство связываетъ гражданъ, принимается такъ охотно умами, столь хорошо подготовленными школою къ рабскому подчиненію?

О слѣдствіяхъ методовъ воспитанія у англичанъ и латинскихъ народовъ можно судить по достигаемымъ ими результатамъ. Молодому англичанину, при выходѣ изъ школы, не представляется никакого затрудненія найти свою дорогу въ промышленности, земледѣліи или торговлѣ, между тѣмъ какъ наши бакалавры, кандидаты, инженеры умѣютъ только хорошо дѣлать выкладки на доскѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи воспитанія они совершенно забываютъ пріобрѣтенную въ школѣ безполезную науку. Если государство не пристроитъ ихъ, то они выбиваются изъ колеи. Если они рѣшаются снизойти до промышленности, то принимаются тамъ на самыя низшія должности до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ совершенно перевоспитать себя, что имъ почти никогда не удается. Если они пишутъ книги, то это только блѣдныя передѣлки ихъ учебниковъ, такъ же лишенныхъ оригинальности по формѣ, какъ и по мысли.

Не наши учебныя программы, а наши методы обученія слѣдовало бы измѣнить. Всѣ программы хороши, если умѣть ими пользоваться. Къ несчастью, чтобы измѣнять эти методы, слѣдовало бы сначала имѣть возможность измѣнять идеи профессоровъ и, слѣд., ихъ подготовку, отчасти даже и ихъ психику.

§ 2. Понятіе латинскихъ народовъ о религіи.

Религіозныя понятія, исполнивъ свою полезную роль, сдѣлались столь же пагубными для латинскихъ народовъ, какъ и ихъ понятія о государствѣ и воспитаніи, и все по той же причинѣ—по неспособности къ дальнѣйшему развитію.

Не порывая рѣзко связи съ прежними вѣрованіями, англо-саксы сумѣли создать религію болѣе широкую, могущую примѣняться ко всѣмъ современнымъ потребностямъ. Слишкомъ стѣснительныя догматическія истины сглажены, имъ придано символическое значеніе, миѳологическій характеръ. Такимъ образомъ религія могла безъ вражды уживаться съ наукой. Она, во всѣхъ отношеніяхъ, не представлялась явнымъ врагомъ, съ которымъ надо было бы бороться. Католическая догма латинскихъ народовъ сохранила, напротивъ того, свои неподвижныя, неизмѣнныя и нетерпимыя формы, можетъ быть полезныя раньше, но очень вредныя теперь. Она осталась тѣмъ же, чѣмъ была 500 лѣтъ тому назадъ. Внѣ ея нѣтъ спасенія. Она стремится внушить вѣрующимъ самыя непріемлемыя историческія несообразности. Никакое соглашеніе съ нею невозможно. Ей нужно подчиниться или же бороться съ нею.

Протесты разума заставили правительства латин скихъ народовъ отказаться отъ поддержки вѣрованій, столь глубоко несогласныхъ съ развитіемъ идей, и правительства кончили тѣмъ, что вообще стали воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ область религіи.

Но тогда обнаружились два слѣдствія. Надъ слабыми душами старые догматы проявили всю свою власть и порабощаютъ ихъ обветшалымъ вѣрованіямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ современнымъ нуждамъ. Болѣе независимые умы сумѣли освободиться отъ явно нераціональнаго и тягостнаго ига, но такъ какъ въ молодости имъ твердили, что всякая мораль опирается на религіозные догматы и безъ нихъ существовать не можетъ, то они вообразили, что съ исчезновеніемъ этихъ догматовъ должна исчезнуть и опирающаяся на нихъ мораль. Нравственность этихъ людей тогда значительно ослабла, и скоро они не стали признавать другихъ правилъ поведенія, кромѣ предписываемыхъ законами и поддерживаемыхъ жандармами.

Такимъ образомъ три основныхъ понятія: объ управленіи, воспитаніи и религіи способствовали образованію духа латинскихъ народовъ и привели ихъ къ современному состоянію. Всѣ народы на извѣстной ступени цивилизаціи подчинялись этимъ понятіямъ, и ни одинъ не могъ избѣгнуть подчиненія имъ, ибо когда народы еще слабы, невѣжественны, мало развиты, то, очевидно, для нихъ выгодно, какъ и для ребенка, чтобы лучшіе умы давали ему идеи и вѣрованія, думали и дѣйствовали за него. Но съ успѣхами въ развитіи народовъ наступаетъ моментъ, когда они выходятъ изъ дѣтскаго возраста и должны сами управлять собою. Народы, не сумѣвшіе пріобрѣсти этой способности, тѣмъ самымъ уже оказываются далеко отставшими отъ народовъ, выработавшихъ въ себѣ такую способность.

Латинскіе народы еще не преуспѣли въ этомъ и, не сумѣвъ научиться думать и дѣйствовать самостоятельно, они въ настоящее время безоружны въ промышленной, торговой и колоніальной борьбѣ, вызванной современными условіями существованія и въ которой такъ быстро восторжествовали англо-саксы. Являясь жертвами своихъ наслѣдственныхъ понятій, латинскіе народы обращаются къ соціализму, обѣщающему имъ думать и дѣйствовать за нихъ; но, подпавъ подъ его власть, они подчинятся лишь новымъ господамъ и еще болѣе отдалятъ пріобрѣтеніе тѣхъ качествъ, которыхъ имъ недостаетъ.

§ 3. Какимъ образомъ понятія латинской расы наложили свой отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи.

Мнѣ бы оставалось еще, для нѣсколько большей полноты, прослѣдить въ различныхъ отрасляхъ цивилизаціи—литературѣ, искусствахъ, промышленности и т. п., слѣдствія, полезныя или вредныя, смотря по эпохамъ, основныхъ понятій, значеніе которыхъ я только что здѣсь вкратцѣ намѣтилъ, но такая обширная задача не можетъ быть здѣсь предпринята. Достаточно было показать, что современный прогрессъ соціализма у латинскихъ народовъ является слѣдствіемъ ихъ понятій, и опредѣлить образованіе этихъ понятій. Мы найдемъ вліяніе ихъ на каждой страницѣ этой книги, и въ особенности, когда будемъ говорить о торговой и промышленной борьбѣ, на которую современное экономическое развитіе обрекаетъ всѣ народы. Читатель, который захочетъ примѣ-

нить наши принципы къ какому нибудь элементу любой цивилизаціи, будетъ пораженъ тою ясностью, съ какою они освѣщаютъ ея исторію. Они, очевидно, недостаточны для объясненія всего, но они даютъ объясненіе многимъ фактамъ, непонятнымъ безъ нихъ. Принципы эти особенно содѣйствуютъ пониманію той потребности въ постороннемъ управленіи собою, которая заставляетъ латинскіе народы бояться отвѣтственности, ихъ неспособности доводить до успѣшнаго конца всякое предпріятіе безъ твердыхъ руководителей и ихъ современнаго стремленія къ соціализму. Когда во главѣ ихъ стоятъ великіе государственные люди, великіе полководцы, дипломаты, мыслители, артисты, они оказываются способными къ самымъ энергичнымъ усиліямъ. Но геніальные иниціаторы встрѣчаются не всегда, и за недостаткомъ такихъ руководителей латинскіе народы находятся въ упадкѣ. Съ Наполеономъ они господствовали надъ Европой. Находясь потомъ подъ начальствомъ неспособныхъ генераловъ, они стали жертвами самыхъ неправдоподобныхъ пораженій и не могли противиться тѣмъ, кого они раньше такъ легко побѣдили *). Такіе народы не всегда безъ основаній

*) При подробномъ изученіи исторіи войны 1870 г., безпрестанно выступаетъ подавляющая неспособность не только стоявшихъ во главѣ армій генераловъ, но также и офицеровъ всякихъ чиновъ безъ исключенія. Эти послѣдніе никогда не смѣли проявить ни малѣйшей иниціативы, овладѣть незанятымъ мостомъ, атаковать мѣшающую батарею и пр. Съ особенною озабоченностью они ждали приказаній, которыя не могли прійти. Подобно дипломатамъ, упомянутымъ мною выше, они не руководствовались началами, могущими имъ указать, какое предпринять рѣшеніе въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, при отсутствіи начальника; силу же нѣмцевъ составляло то, что они обладали этимъ умѣньемъ. Приказанія были для нихъ безполезны и притомъ же. кромѣ общихъ указаній (*ди-*

такъ склонны возлагать на своихъ начальниковъ отвѣтственность за понесенныя пораженія. Они стоютъ того же, что и ихъ начальники, и они это сознаютъ.

Народы латинской расы должны пріобрѣсти умѣнье владѣть собою, иначе имъ грозитъ скорая погибель. Поля сраженій, какъ на войнѣ, такъ и въ промышленности, въ настоящее время слишкомъ обширны для того, чтобы небольшое количество людей, даже самыхъ выдающихся, могло управлять сражающимися. Въ той міровой фазѣ, въ которую мы вступили, вліяніе великихъ способностей не изглаживается, но выказываетъ все меньшую и меньшую наклонность играть руководящую роль. Авторитетъ слишкомъ раздробленъ, и потому сталъ близокъ къ исчезновенію. Современный человѣкъ не можетъ больше разсчитывать ни на какую опеку, а на опеку соціализма еще меньше, чѣмъ на всякую другую. Онъ долженъ научиться полагаться только на самого себя. Къ этой то основной необходимости и должно бы подготовлять его воспитаніе.

рективъ, по выраженію Мольтке), они получали ихъ очень немного. Каждый офицеръ зналъ—что ему дѣлать въ разныхъ могущихъ представиться случаяхъ, и вслѣдствіе техническаго воспитанія, долгое время примѣнявшагося на практикѣ, онъ дѣлалъ это инстинктивно. Воспитаніе является полнымъ только тогда, когда дѣйствія, сначала сознательныя и требующія значительныхъ усилій, совершаются затѣмъ безсознательно. Они совершаются тогда инстинктивно и безъ размышленія, но такой результатъ достигается не изученіемъ книгъ. Нашъ главный штабъ, послѣ 30 лѣтъ размышленія, едва только начинаетъ подозрѣвать важность этихъ принциповъ, но воспитаніе, получаемое въ Военной Академіи нашими офицерами, осталось еще совсѣмъ латинскимъ, т. е., къ сожалѣнію, совершенно книжнымъ и теоретичнымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Образованіе соціализма у народовъ латинской расы.

§ 1. *Всепоглощающая роль государства.* Современный соціализмъ у латинскихъ народовъ представляетъ необходимое слѣдствіе прежняго понятія ихъ о правительствѣ. Постепенное расширеніе государственныхъ функцій. Почему требованія общества вызываютъ необходимость подобнаго расширенія? Государство чѣмъ дальше, тѣмъ больше принуждено управлять большими предпріятіями и поддерживать субсидіями тѣ, которыми оно не управляетъ. Различные примѣры, показывающіе необходимость для государства вмѣшиваться въ это, противъ своего желанія, для регламентаціи и поддержки.

§ 2. *Послѣдствія расширенія государственныхъ функцій.* Исчезновеніе чувства иниціативы и отвѣтственности у гражданъ. Одна регламентація вызываетъ другую. Трудности, испытываемыя государствомъ при управленіи всѣмъ. Огромные расходы, вызываемые постояннымъ вмѣшательствомъ его. Неизбѣжное возрастаніе бюрократіи у латинскихъ народовъ. Дробленіе государственной власти. Постоянныя требованія со стороны общества все большей и большей регламентаціи. Огромная стоимость всего того, что изготовляется государствомъ. Роковыя послѣдствія усложненія въ его администраціи. Разные примѣры изъ управленія арміей и флотомъ. Стоимость издѣлій частной промышленности. Система управленія колоніями у народовъ латинской расы. Однородныя послѣдствія такого управленія въ Италіи и Франціи.

§ 3. *Коллективистское государство.* Латинскимъ народамъ осталось еще преодолѣть немного ступеней для того, чтобы дойти до чистаго коллективизма. Латинскіе народы давно вступили въ фазу коллективизма. Обзоръ различныхъ предложеній коллективистовъ и того, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи.

§ 1. Всепоглощающая роль государства.

Въ предыдущихъ главахъ достаточно ясно показано, что соціализмъ, въ формѣ государственнаго

соціализма, очень близкой къ коллективизму, является во Франціи расцвѣтомъ долгаго прошлаго, прямымъ послѣдствіемъ уже очень старыхъ учрежденій. Современный, совершенно неимѣющій революціоннаго характера коллективизмъ слѣдовало бы считать очень отсталою доктриною, а приверженцевъ ея—робкими реакціонерами, ограничивающимися лишь развитіемъ самыхъ старыхъ и наименѣе возвышенныхъ латинскихъ традицій. Они намъ каждый день во всеуслышаніе твердятъ о близкомъ торжествѣ своихъ утопій. Они еще не родились, какъ мы уже давно были жертвами этихъ мечтаній.

Государственный соціализмъ, т. е. сосредоточеніе въ рукахъ правительства всѣхъ элементовъ жизни народа, является, пожалуй, самымъ характернымъ, основнымъ и неотразимымъ понятіемъ латинскихъ обществъ. Всепоглощающая роль государства не только не уменьшается, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяется. Долгое время ограничиваясь только политическими функціями, государство не могло значительно расширить свою дѣятельность въ сферѣ промышленности въ то время, когда ея почти и не было. Когда же послѣдняя стала играть преобладающую роль, правительство стало вмѣшиваться во всѣ ея отрасли. Государство увидѣло себя вынужденнымъ въ дѣлѣ созиданія желѣзныхъ дорогъ, портовъ, каналовъ, разныхъ сооруженій и пр. восполнить собою недостаточную частную инипіативу. Оно исключительно само управляетъ самыми важными предпріятіями и сохраняетъ монополію мно-

гочисленныхъ эксплоатацій: обученія, телеграфа, телефона, табаку, спичекъ и пр., которыя постепенно поглотились государствомъ. Оно принуждено поддерживать и тѣ предпріятія, которыми само не управляетъ, чтобы только не дать имъ прійти въ упадокъ. Безъ его субсидій большая часть изъ нихъ быстро дошла бы до несостоятельности. Такъ, напр., оно платитъ желѣзнодорожнымъ обществамъ огромныя субсидіи подъ видомъ гарантированія доходовъ. Оно выплачиваетъ ихъ акціонерамъ ежегодно около 100 милліоновъ фр., и къ этой суммѣ надо прибавить 48 милліоновъ фр. ежегоднаго дефицита отъ линій, эксплоатируемыхъ самимъ государствомъ.

Число частныхъ предпріятій—морскихъ, коммерческихъ или земледѣльческихъ—которыя государство вынуждено субсидировать подъ разными видами, весьма значительно. Оно выплачиваетъ преміи судостроителямъ, сахарозаводчикамъ, владѣльцамъ бумагопрядиленъ, шелководамъ и пр. Только для этихъ послѣднихъ годовыя преміи достигаютъ 10 милліоновъ фр.; сахарозаводчики же получаютъ болѣе 100 милліоновъ фр. въ годъ. Нѣтъ почти видовъ промышленности, которые въ настоящее время не требовали бы финансоваго покровительства государства. Въ этомъ вопросѣ и, къ сожалѣнію, только въ немъ одномъ самыя противоположныя политическія партіи проявляютъ полное согласіе. Считаясь всѣми отвѣтственнымъ за все и обязаннымъ всѣмъ управлять, государство представляется обладателемъ огромной казны, изъ которой каждый можетъ черпать. Нужна ли какому нибудь де-

партаменту—какъ это было, напр., съ торговой палатой X...., по сообщенію газеты „Temps“—извѣстная сумма для вознагражденія рисовальщика за работу по улучшенію исключительно мѣстной отрасли промышленности, но приносящей ему прибыль въ нѣсколько милліоновъ, онъ обращается къ государству, а не къ лицамъ, заинтересованнымъ въ успѣхѣ этой промышленности. Хочетъ ли другой департаментъ имѣть желѣзную дорогу чисто мѣстнаго значенія, онъ обращается опять таки къ государству. Нужны ли морской гавани улучшенія, которыми только она одна и будетъ пользоваться, — опять государство. Нигдѣ ни малѣйшаго слѣда иниціативы или частнаго сообщества для созданія или поддержанія какого нибудь дѣла.

П. Бурдъ привелъ очень типичный примѣръ такого умственнаго склада. Это совершенно непонятная и неправдоподобная для англичанина или американца исторія съ обитателями маленькаго города X... Лопнула одна изъ водопроводныхъ трубъ, и въ нее попали нечистоты изъ сосѣдней сточной трубы. Позвать рабочаго и исправить трубу было слишкомъ необычно для латинскаго склада ума, чтобы могло прійти въ голову муниципальному совѣту, собравшемуся для обсужденія этого случая. Очевидно, надо обратиться къ правительству. Четыре большихъ газетныхъ столбца едва могли вмѣстить изложеніе всего, что было по этому поводу сдѣлано. Благодаря вмѣшательству значительнаго числа министровъ, сенаторовъ, депутатовъ, префектовъ, инженеровъ и т. п. дѣло прошло не

болѣе не менѣе, какъ 20 инстанцій въ различныхъ управленіяхъ, а окончательное рѣшеніе дошло до городка X... только черезъ два года, а до тѣхъ поръ жители продолжали съ покорностью пить воду изъ сточной трубы, ни разу и не подумавъ о томъ, чтобы самимъ исправить бѣду. Примѣры, приведенные Токвилемъ, указываютъ, что точно такъ же велись дѣла и при старомъ режимѣ.

Въ этомъ виденъ особенный складъ ума, очевидно, являющійся характерною чертою расы. Государство вынуждено постоянно вмѣшиваться съ цѣлью регламентаціи и покровительства; а если бы оно выслушивало всѣ жалобы, то ему пришлось бы вмѣшиваться еще больше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтенный сенаторъ сдѣлался передъ сенатомъ посредникомъ требованій союза колбасниковъ, добивавшагося обязать государство замѣнить говядину соленой свининой въ продовольствіи арміи, въ видахъ покровительства разведенію поросятъ. Такъ какъ, по понятію этихъ молодцовъ, естественной функціей государства является покровительство промышленности, то оно непремѣнно должно было обезпечить продажу ихъ товаровъ и заставить ѣсть соленую свинину.

Совсѣмъ напрасно упрекаютъ коллективистовъ въ желаніи передать всѣ монополіи, всѣ виды промышленности, всѣ общественныя должности въ руки правительства. Это не ихъ только мечта, это мечта всѣхъ партій, мечта всей расы.

Атакуемое со всѣхъ сторонъ государство защищается, какъ можетъ, но подъ единодушнымъ напо-

ромъ общества вынуждено противъ своей воли покровительствовать и регламентировать. Со всѣхъ сторонъ требуютъ у него вмѣшательства и всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ ограниченія иниціативы и свободы гражданъ. Законы этого рода, предлагаемые ему каждый день, безчисленны: законы о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ и о казенномъ управленіи ими, о монополизаціи спирта, объ управленіи французскимъ банкомъ, объ урегулированіи рабочаго времени на фабрикахъ, объ устраненіи конкуренціи иностранныхъ продуктовъ, о пенсіяхъ всѣмъ престарѣлымъ работникамъ, о возложеніи на предпринимателей казенныхъ поставокъ обязанности употреблять только извѣстныя категоріи рабочихъ, о регулированіи цѣны на хлѣбъ, объ обложеніи налогомъ холостяковъ въ видахъ принужденія ихъ къ вступленію въ бракъ, о налогахъ на большіе магазины въ пользу малыхъ и т. п.

Таковы факты. Разсмотримъ теперь вытекающія изъ нихъ слѣдствія.

§ 2. Послѣдствія расширенія государственныхъ функцій.

Послѣдствія такого поглощенія всѣхъ функцій государствомъ и его постояннаго вмѣшательства,— поглощенія и вмѣшательства, требуемыхъ всѣми партіями безъ исключенія, гибельны для народа, который подчиняется имъ, или скорѣе вызываетъ ихъ. Это постоянное вмѣшательство, въ концѣ концовъ, всецѣло уничтожаетъ у гражданъ духъ иниціативы и

отвѣтственности, которыми они и безъ того обладаютъ въ столь малой степени. Оно обязываетъ государство управлять предпріятіями съ большими расходами, вызываемыми сложностью административнаго механизма, тогда какъ частныя лица, побуждаемыя собственнымъ интересомъ, успѣшно повели бы эти предпріятія безъ такихъ расходовъ *), какъ это, впрочемъ, и дѣлается въ другихъ странахъ.

Таковы давно признанные экономистами результаты. „Сосредоточеніе экономическихъ силъ въ рукахъ государства, по словамъ Леруа-Болье, ведетъ къ исчезновенію въ новой Франціи частной иниціативы, вырожденію воли и личной энергіи и, наконецъ, къ своего рода бюрократическому рабству или парламентскому цезаризму, въ одно и то же время ослабляющему и деморализующему всю обѣднѣвшую страну."

„Регламентація, говоритъ съ своей стороны Гербертъ Спенсеръ, вызываетъ новыя регламентаціи, порождая совсѣмъ непредвидѣнныя законодателемъ послѣдствія.... Всякая регламентація влечетъ за собою созданіе новыхъ должностей распорядительныхъ аген-

*) Во всѣхъ странахъ міра хорошо извѣстно, что предпріятія, ведущіяся частными лицами, естественно заинтересованными въ успѣхѣ дѣла, преуспѣваютъ гораздо лучше, чѣмъ правительственныя, обслуживаемыя безъименными агентами, въ дѣлѣ мало заинтересованными. Симонъ Гананнъ, американскій консулъ во Франкфуртѣ, сдѣлалъ по поводу металлургическихъ предпріятій Россіи слѣдующія наблюденія: „любопытенъ тотъ фактъ, что когда государство само управляло этими предпріятіями, всѣ они едва только перебивались, и такъ было до 1885 г., когда въ нихъ стали участвовать мѣстные капиталы, и что наконецъ иностранные капиталы добились успѣха тамъ, гдѣ другіе испытывали лишь неудачи. Изъ 17 южныхъ сталелитейныхъ заводовъ Россіи русскимъ владѣльцамъ принадлежатъ только 4".

товъ, большее развитіе чиновничества и увеличеніе сословія должностныхъ лицъ. Чѣмъ больше сказывается вмѣшательство государства, тѣмъ въ большей мѣрѣ теряютъ свою личную инищіативу управляемые имъ граждане....; сверхъ того, всякое новое вмѣшательство государства укрѣпляетъ въ нихъ невысказываемое вслухъ мнѣніе, что долгъ государства—врачевать всякое зло и осуществлять всякое благо".

Никогда экономисты не были такъ осязательно правы, и однако никогда ихъ проповѣдь не была въ такой мѣрѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Никто не оспариваетъ ихъ увѣреній, и тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ все болѣе и болѣе подвигаться по пути, который приводитъ къ полному упадку и рабству народы, попавшіе на этотъ путь.

Только благодаря все болѣе и болѣе возрастающей арміи чиновниковъ, государство въ настоящее время въ состояніи всѣмъ управлять, всѣмъ руководить, все централизовать. Какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ чиновниковъ было 188000, и они обходились ежегодно въ 245 милліоновъ фр.; теперь ихъ насчитывается 689000 *), и обходятся они въ 627 милліоновъ фр. Число ихъ въ силу необходимости будетъ возрастать еще въ большей пропорціи. Даваемое государствомъ образованіе служитъ почти только къ созданію государственныхъ чиновниковъ. Половина учащихся въ среднихъ школахъ гото-

*) Считая въ томъ числѣ привлеченныхъ на службу общинъ, согласно „переписи служащихъ" 1896 г.

вится къ занятію общественныхъ должностей. Только недоучившіеся посвящаютъ себя торговлѣ, земледѣлію и промышленности, какъ разъ противоположно тому, что происходитъ въ Америкѣ и Англіи.

Правительство всѣми средствами защищается отъ нашествія обладателей дипломовъ, которыхъ ихъ притупляющее воспитаніе и наслѣдственныя способности не надѣляютъ инціативой въ мѣрѣ, необходимой для созданія себѣ независимаго положенія. У нихъ хватаетъ воли только на заучиваніе наизусть самыхъ толстыхъ учебниковъ, и въ этомъ отношеніи ничто ихъ не устрашаетъ. Государство безпрестанно усложняетъ программы экзаменовъ, учебники все болѣе и болѣе растутъ, кандидаты же ничуть не унываютъ. Четвертой доли того терпѣнія, какое они проявляютъ при заучиваніи наизусть скучныхъ и безполезныхъ книгъ, было бы для большей ихъ части достаточно, чтобы пріобрѣсти состояніе въ промышленномъ предпріятіи, но это имъ и въ голову не приходитъ. Справедливо можно было бы сказать, что нашъ вѣкъ—вѣкъ экзаменовъ. Это въ точности китайская система; она, по словамъ Ренана, довела народъ мандариновъ до неизлѣчимой дряхлости.

На самомъ дѣлѣ, въ настоящее время управляетъ Франціей бюрократія и по необходимости будетъ управлять ею все больше и больше. Раздробленная власть государства оказывается въ рукахъ безчисленнаго множества чиновниковъ. Такъ какъ неотразимая потребность латинскихъ народовъ быть управляемыми сопровождается не менѣе неотразимою жаждою власти, то всѣ чиновные

представители государства управляютъ другъ другомъ, слѣдуя мелочной и строгой іерархіи, нисходящей по послѣдовательнымъ ступенямъ—отъ министра до послѣдняго мелкаго чиновника. Такъ какъ каждый чиновникъ вѣдаетъ только очень ограниченной областью, то онъ не можетъ исполнить самаго мелкаго дѣла, не прибѣгая къ цѣлому ряду высшихъ инстанцій. Онъ опутанъ сѣтью правилъ и ограниченій, отъ которыхъ не можетъ освободиться и тяжесть которыхъ по необходимости падаетъ на всѣхъ, кто вынужденъ къ нему обращаться.

Эта сѣть правилъ развивается съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ иниціатива гражданъ слабѣетъ. По замѣчанію Леона Сэ, „поднимается все болѣе сильный крикъ, требующій все болѣе и болѣе мелочной регламентаціи".

Побуждаемое безпрестанными требованіями общества, жаждущаго опеки, государство безостановочно издаетъ законы и правила. Вынужденное всѣмъ управлять, все предвидѣть, оно входитъ въ самыя мелочныя подробности жизни гражданъ. Раздавитъ ли повозка частное лицо, украдутъ ли часы въ мэріи, сейчасъ же назначается комиссія для выработки правилъ, и эти правила всегда составляютъ цѣлый томъ. Въ одномъ хорошо освѣдомленномъ журналѣ говорится, что новыя правила для извозчиковъ и въ отношеніи другихъ средствъ передвиженія въ Парижѣ, составленныя комиссіей, которой было поручено упростить существующій порядокъ вещей, будутъ содержать не менѣе 425 пунктовъ!

Эта невѣроятная потребность въ регламентаціи не является новостью въ исторіи. Она уже замѣчалась у нѣсколькихъ народовъ, особенно у римлянъ и въ Византіи, въ эпохи полнаго упадка, и она должна была значительно его ускорить. Гастонъ Буасье обращаетъ вниманіе на то, что при концѣ римской имперіи „никогда еще административная мелочность не заходила такъ далеко. Эта эпоха прежде всего бумажная; государственный чиновникъ не ходилъ иначе, какъ въ сопровожденіи секретарей и стенографовъ".

Эта столь сложная іерархія, эта тѣсная регламентація приводитъ прежде всего къ тому, что государство производитъ все и очень медленно и очень дорого. Не дешево обходится гражданамъ нежеланіе самимъ управлять своими дѣлами, а довѣрять все государству. Послѣднее заставляетъ ихъ платить очень дорого за свое вмѣшательство. Какъ очень типичный примѣръ можно привести постройку различныхъ желѣзныхъ дорогъ по настоянію разныхъ департаментовъ Франціи.

Повинуясь общественному давленію, правительство постепенно понастроило и непосредственно управляетъ линіями въ общемъ длиною около 2800 километровъ, стоившими, согласно отчету бюджетной комиссіи за 1895 г., огромной суммы въ 1275 милліоновъ фр., считая въ томъ числѣ капитализованный ежегодный дефицитъ. Такъ какъ ежегодный доходъ составлялъ 9 милліоновъ фр., а расходъ былъ въ 57 милліоновъ фр., то, слѣд., ежегодный дефицитъ достигалъ почти 48 милліоновъ фр. Этотъ де-

фицитъ происходитъ отчасти отъ огромныхъ расходовъ по эксплоатаціи. Тогда какъ коэффиціентъ эксплоатаціи составляетъ 50% для большихъ обществъ, каковы, напр., линіи Парижъ-Ліонъ и Орлеанская, несмотря на то, что эти общества мало интересуются экономическимъ веденіемъ дѣла, разъ государство гарантируетъ имъ минимумъ дохода,—коэффиціентъ эксплоатаціи государственныхъ желѣзныхъ дорогъ достигаетъ неправдоподобной цифры въ 77%!

„Невозможно сказать, пишетъ Леруа-Болье, до какой атрофіи личной инициативы доводитъ французскій режимъ общественныхъ работъ. Привыкнувъ разсчитывать на помощь общины, департамента или центральной власти, различныя группы жителей, въ особенности въ деревняхъ, не умѣютъ уже ничего предпринять сами или придти въ чемъ либо къ соглашенію. Я видѣлъ самъ, какъ деревни въ 200 или 300 душъ, принадлежащія большой разбросанной общинѣ, ждали цѣлыми годами и униженно ходатайствовали о помощи для устройства необходимаго имъ колодца, приведеніе котораго въ порядокъ требовало лишь 200 или 300 фр., по одному франку съ головы. Я видѣлъ, какъ другіе, располагая только одной дорогой для вывоза своихъ продуктовъ, никакъ не могли придти къ соглашенію, когда, при первоначальномъ расходѣ въ 2000 фр. и при ежегодномъ расходѣ въ 200 или 300 фр. на ремонтъ, они легко могли бы сдѣлать проѣзжей эту единственную дорогу. Я говорю притомъ о мѣстностяхъ относительно богатыхъ, которымъ это гораздо легче, чѣмъ большинству французскихъ общинъ“.

„Мы смѣло утверждаемъ, что среди богатыхъ націй старой цивилизаціи Франція находится въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ относительно обладанія и дешевизны орудій для общественнаго пользованія. Газъ обходится ей дороже, чѣмъ гдѣ либо, электричество едва только начинаетъ освѣщать нѣкоторыя улицы въ немногихъ городахъ, городское передвиженіе находится въ первобытномъ состояніи; трамваи, очень немногочисленные, существуютъ только въ перворазрядныхъ городахъ и лишь въ нѣсколькихъ второстепенныхъ; компаніи, занимающіяся этой отраслью промышленности, за исключеніемъ, быть можетъ, 2 или 3 на всемъ протяженіи нашей территоріи, разорены; капиталисты, устрашенные такими неудачами, не чувствуютъ никакого расположенія устраивать въ нашихъ городахъ усовершенствованныя сообщенія. Телефонъ стоитъ въ Парижѣ въ два или три раза дороже, нежели въ Лондонѣ,

Берлинѣ, Брюсселѣ, Амстердамѣ, Нью-Іоркѣ. Такимъ образомъ оказывается, что великая страна въ XIX вѣкѣ пользуется лишь въ очень ограниченной степени недавними и многочисленными плодами прогресса, которые за послѣднія 50 лѣтъ преобразили городскую жизнь. Не потому ли это происходитъ, что государство недостаточно вмѣшивается въ устройство жизни гражданъ? Нѣтъ, потому, что оно вмѣшивается слишкомъ много. Представляющіе его муниципалитеты чрезмѣрно злоупотребляютъ своей двойною властью принужденій: уставныхъ и административныхъ, увеличивающихъ число приказовъ или запрещеній и размѣры натуральныхъ повинностей; они подчиняютъ иногда безъ всякаго ограниченія промышленныя компаніи измѣнчивому произволу муниципальныхъ совѣтовъ; принужденія же со стороны контроля стараются сдѣлать изъ каждаго сообщества капиталистовъ неистощимую дойную корову для муниципалитета; къ этому нужно еще присоединить то узкое чувство зависти, съ какимъ смотрятъ на всякое благополучіе частныхъ компаній, принимаемое за покушеніе на общественную власть".

Сложность дѣлопроизводства, рутина, а также и необходимость для должностныхъ лицъ подчиняться, во избѣжаніе личной отвѣтственности *), самымъ мелочнымъ формальностямъ вызываютъ огром-

*) Какъ образчикъ склада ума, спеціально созданнаго требованіями бюрократическаго режима, можно привести разсказанную въ парламентѣ министромъ Делькассе исторію долгаго спора въ отдѣленіяхъ одного министерства о томъ, долженъ ли выразиться въ бюджетѣ этого министерства расходъ на 77 килограммовъ желѣза цифрою въ 3 фр. 46 или 3 фр. 47 сантимовъ. Для рѣшенія этого потребовалось долгое обсужденіе полудюжины начальниковъ отдѣленій и, наконецъ, непосредственное вмѣшательство самого министра.

Всѣ предпріятія, управляемыя администраціей въ латинскихъ странахъ, подчинены той же системѣ крайне мелочного контроля, причемъ въ окончательномъ результатѣ является израсходованіе весьма значительныхъ суммъ для полученія грошовой экономіи. О больницѣ Сальпетріеръ, огромномъ учрежденіи на 5000 человѣкъ съ бюджетомъ въ $2^1/_2$ милліона, въ одномъ журналѣ говорилось слѣдующее:

„Всѣ удивились бы, если бы стало извѣстно, сколько колесъ нужно привести въ движеніе, сколько людей расшевелить для полученія разрѣшенія поставить маленькую газовую грѣлку: нужно требованіе, а затѣмъ согласіе эконома, разрѣшеніе наблюдательнаго комитета, отправка

ные расходы, замѣчаемые во всемъ, что подлежитъ государственному управленію. Доклады, сдѣланные въ парламентѣ отъ имени бюджетной комиссіи Кавеньякомъ о военномъ бюджетѣ и Пельтаномъ о морскомъ, показываютъ, что административная путаница превосходитъ все, что только можно себѣ представить. Въ докладѣ Кавеньяка, въ числѣ многихъ аналогичныхъ фактовъ, имѣется неправдоподобная и однако достовѣрная исторія батальоннаго командира, который, позволивъ себѣ заказать у Инвалидовъ пару ботинокъ не установленной формы, оказался должнымъ 7 фр. 80 сант. государству, каковую сумму онъ впрочемъ былъ вполнѣ готовъ заплатить. Чтобы узаконить платежъ понадобилось 3 письма военнаго министра, 1 письмо министра финансовъ, 15 писемъ, рѣшеній или отношеній генераловъ, директоровъ, начальниковъ отдѣленій и пр., поставленныхъ во главѣ разныхъ административныхъ учрежденій!

Въ одномъ докладѣ морской бюджетной комиссіи замѣчается еще гораздо большая запутанность. Мѣсячное жалованье простого лейтенанта флота состоитъ изъ 66 разныхъ ассигнованій, „снабженныхъ длиннымъ хвостомъ десятичныхъ знаковъ“. Чтобы получить въ морской гавани „петлю для прикрѣпленія паруса“, т. е. кусокъ кожи, стоющій 10 сант., нужно заготовить спеціальный листъ, на которомъ во всѣхъ углахъ

къ архитектору, распланировка, проектъ, смѣта, возвращеніе въ наблюдательный комитетъ, предписаніе архитектору, увѣдомленіе подрядчику, т. е. потеря 2 мѣсяцевъ и расходъ отъ 80 до 100 фр., тогда какъ у самостоятельнаго директора дѣло было бы оборудовано въ 8 дней, при расходѣ отъ 15 до 20 фр.

порта должны быть собраны 6 разныхъ подписей, послѣ чего начинаются новыя писанія и внесенія въ новыя книги. Для полученія нѣкоторыхъ предметовъ нужна отчетность, требующая двухнедѣльной работы. Число описей, составляемыхъ въ нѣкоторыхъ бюро, опредѣляется въ 100000.

На судахъ путаница не меньшая: бюрократическій порядокъ снабженія тамъ изумительный. „Мы тамъ нашли, говоритъ докладчикъ, вмѣстѣ съ 33 томами правилъ, излагающихъ подробности административной жизни на кораблѣ, перечисленіе 230 различныхъ типовъ реестровъ, книгъ, тетрадей, ежедневныхъ и мѣсячныхъ вѣдомостей, удостовѣреній, квитанцій, брошюрокъ, отдѣльныхъ листковъ и пр“. Въ этомъ лабиринтѣ цифръ несчастные служащіе совершенно теряются. Подавленные своей ужасной работой они кончаютъ тѣмъ, что пишутъ совершенно наобумъ. „Сотни служащихъ исключительно заняты счетомъ, переписываніемъ, списываніемъ безчисленныхъ реестровъ, переносомъ на безчисленные бланки, дѣленіемъ, сложеніемъ и отправкой министру цифръ, не имѣющихъ никакого реальнаго значенія и не отвѣчающихъ фактическому положенію; онѣ были бы вѣроятно ближе къ истинѣ, если бы были просто сплошь выдуманы“.

Въ виду этого невозможно получить какое нибудь точное свѣдѣніе о снабженіяхъ, каждая категорія которыхъ зависитъ отъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ канцелярій. Нѣсколько провѣрокъ, сдѣланныхъ на удачу докладчикомъ бюджета, дали ему цифры самыя нелѣпыя. Тогда какъ крайне необходимыя вещи

совсѣмъ отсутствовали, и приходилось покупать ихъ неотлагательно, — какъ упомянутыя въ докладѣ 23000 ложекъ и вилокъ, продающихся въ розницу на улицахъ Тулона по 11 сант. штука и пріобрѣтенныхъ администрацией по 50 сант.,—встрѣчаются вещи въ запасѣ на 30 или даже на 68 лѣтъ. Что касается до покупокъ администраціи, то цифры, которыя могли быть удостовѣрены, по истинѣ фантастичны. Она платитъ за рисъ на крайнемъ востокѣ, на мѣстѣ производства, на 60 % дороже, чѣмъ въ Тулонѣ. Платимыя за все цѣны вообще вдвое больше того, что заплатилъ бы частный человѣкъ, что впрочемъ происходитъ только потому, что администрація, не имѣя возможности заплатить раньше урегулированія безчисленныхъ отчетныхъ статей, принуждена обращаться къ посредникамъ, которые даютъ ей авансы, часто уплачиваемые слишкомъ поздно по причинѣ ужасной канцелярской волокиты. Все это ужасное и неизбѣжное мотовство сводится къ солидной цифрѣ милліоновъ, расточаемыхъ такъ же безполезно, какъ если бы они были брошены въ воду. Промышленникъ, ведущій такъ свои дѣла, скоро бы разорился.

Цитируемый нами докладчикъ полюбопытствовалъ выяснить, какъ поступаетъ частная промышленность для избѣжанія этихъ тысячъ реестровъ и служащихъ, той отчетности, которая, въ виду невозможности разобраться въ ней, приводитъ къ полнѣйшему безпорядку. Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ это сравненіе, сопоставляющее государственный соціализмъ—эту мечту коллективизма, и частную инипіативу—какъ ее понимаютъ англичане и американцы

Вотъ его слова.

„Чтобы имѣть опорный пунктъ для сравненія мы запросили, какъ дѣйствуетъ большое предпріятіе частной промышленности, которое соприкасается съ однимъ изъ нашихъ арсеналовъ и, подобно ему, занято постройкой кораблей. Можно будетъ судить о значительности этого предпріятія, если принять въ соображеніе, что въ настоящее время оно имѣетъ на верфи одинъ изъ нашихъ большихъ крейсеровъ 1-го класса, два бразильскихъ броненосца, одинъ крейсеръ въ 23 узла, одинъ пакетботъ и пять парусныхъ судовъ, въ общемъ флотъ въ 68000 тоннъ. Очевидно, что для этого необходимы значительные склады матеріаловъ.

Одна большая книга достаточна для отчетности каждаго изъ этихъ складовъ. Кромѣ того, надъ мѣстомъ, гдѣ сложенъ каждый родъ предметовъ, помѣщена дощечка, указывающая родъ предмета, соотвѣтствующій нумеръ листа большой книги и затѣмъ вверху въ трехъ колоннахъ приходъ, расходъ и наличность. Такимъ образомъ съ перваго взгляда можно узнать состояніе заготовленій. Если начальнику мастерской нужно что нибудь оттуда получить, то онъ выдаетъ записку съ своею подписью и обозначеніемъ числа, указывающую нумеръ и родъ требуемой вещи. Завѣдывающій складомъ надписываетъ на оборотѣ названіе, вѣсъ, цѣну розничную, цѣну оптовую, а записки переписываются въ тетрадь и затѣмъ въ большую книгу. Нѣтъ ничего проще и, повидимому, этого вполнѣ достаточно“.

Любопытно сравнить заводскую стоимость издѣлій частной промышленности, работающей всегда только изъ-за прибыли,съ такою же стоимостью издѣлій казны, чуждой всякихъ заботъ о прибыли. Это сравненіе уже давно показало, что въ общемъ казенныя издѣлія обходятся на 25—50 % дороже издѣлій частной промышленности. Для броненосцевъ, стоимостью приблизительно около 20 милліоновъ фр., разница между заводскими цѣнами въ Англіи и во Франціи составляетъ около 25 %, согласно докладу Кержегю. *)

*) Сравненіе заводскихъ цѣнъ частной промышленности и цѣнъ государственныхъ учрежденій очень трудно, ибо заинтересованныя лица старательно забываютъ показывать въ стоимости издѣлій значительныя

Причинъ, вызывающихъ это увеличеніе цѣнъ на всѣ казенныя издѣлія, весьма много. Намъ достаточно было указать на самый фактъ, оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе всѣхъ этихъ причинъ. Мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ коренятся не только въ запутанности правилъ и формальностей, но еще и въ одномъ весьма существенномъ психологическомъ факторѣ, а именно въ равнодушіи, съ которымъ неизбѣжно относятся люди ко всякому предпріятію, не затрогивающему ихъ личнаго интереса. Вотъ серьезная причина шаткости тѣхъ промышленныхъ предпріятій, которыя управляются не лично заинтересованными хозяевами, а посредниками. *)

издержки, каковы наемная плата, жалованье служащимъ и т. д., относимыя на другія статьи бюджета. Такимъ образомъ было доказано палатѣ депутатовъ посредствомъ спеціальнаго разслѣдованія, сдѣланнаго бюджетной комиссіей, что національная типографія, показывающая доходъ отъ своихъ операцій, въ дѣйствительности приноситъ ежегодно 640 000 фр. дефицита. Однако же не отъ дешевизны ея произведеній происходитъ такой дефицитъ. Докладъ доказалъ, что печатныя изданія этого учрежденія, получающаго отъ государства косвеннымъ путемъ 888 000 фр. пособія, обходятся дороже на 25—30%, чѣмъ въ частной промышленности. Различія иногда бываютъ гораздо большія. Изъ примѣровъ, приведенныхъ передъ палатой, можно указать на случай со спеціальнымъ сочиненіемъ, предполагавшимся къ изданію морскимъ министерствомъ. Національная типографія, учрежденіе субсидируемое, просила 60 000 фр.; частный же издатель, не получающій субсидіи, просилъ 20 000. Правда, что въ національной типографіи, которую можно считать прототипомъ учрежденій будущаго коллективистскаго общества, все производится съ мелочной регулярностью. Одинъ изъ докладчиковъ, Эрвье, выражается такъ: „нужна бумага, разрѣшающая туда войти, другая, разрѣшающая сдѣлать желаемую покупку, третья, разрѣшающая унести покупку, и наконецъ еще одна—на свободный выходъ“.

*) Вотъ что писалъ мнѣ по этому поводу крупный бельгійскій промышленникъ, находящійся въ дѣловыхъ сношеніяхъ со многими странами, почему я и обращался къ нему по этому вопросу:

Эти различныя условія необходимо порождаютъ весьма различные административные пріемы. Я имѣлъ недавно тому примѣръ, который воспроизвожу здѣсь, потому что онъ очень типиченъ и ясно подтверждаетъ мою мысль.

Иностранное общество построило на свои средства во Франціи между двумя крупными промышленными центрами трамвайную линію и само ею управляло. Дѣло шло превосходно. Ежегодный доходъ достигалъ 1 100 000 фр., и расходы по эксплоатаціи не превышали 47 %. Когда мѣстныя власти замѣтили обществу, что досадно видѣть во главѣ его иностранца, оно согласилось замѣнить его французскимъ инженеромъ. Опытъ оказался чрезвычайно характернымъ. Инженеръ прежде всего приступилъ къ реорганизаціи канцелярій и снабдилъ ихъ многочисленными агентами: вице-директоромъ, начальникомъ отчетности, юрисконсультомъ, кассиромъ и пр., затѣмъ естественно онъ выработалъ длинный, очень запутанный уставъ, гдѣ развернулась во всю ширь изобрѣтательность его латинскаго ума.

Результаты не заставили себя ждать. Не прошло и года, какъ издержки по эксплоатаціи почти удвои-

„Явнымъ доказательствомъ вѣрности вашихъ словъ о шаткости предпріятій, управляемыхъ посредниками, служитъ длинный списокъ котируемыхъ на биржѣ предпріятій, дававшихъ превосходные результаты и дошедшихъ почти до нуля послѣ превращенія ихъ въ анонимныя общества.

Мы имѣемъ здѣсь дѣла, которыя, будучи въ рукахъ небольшой группы, непосредственно заинтересованной въ нихъ, давали дивиденды 12—15%; съ преобразованіемъ же ихъ въ анонимныя общества доходъ упалъ въ среднемъ до 3%, а нѣкоторыя не даютъ уже ничего“.

лись, достигнувъ 82 %, и общество пошло быстро къ разоренію.

Оно приняло героическое рѣшеніе. Директоръ его пошелъ къ властямъ, наглядно изложилъ имъ результаты, затѣмъ предложилъ имъ сохранить инженеру его званіе и жалованье, но подъ непремѣннымъ условіемъ, что нога его ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ въ канцеляріи. Предложеніе было принято, прежняя организація возстановлена, сумма расходовъ вскорѣ упала до прежней нормы 47 %. Этотъ опытъ администраціи въ латинскомъ духѣ стоилъ испробовавшему его предпріятію около 500000 фр.

Наша система управленія въ примѣненіи къ колоніямъ привела къ самымъ бѣдственнымъ результатамъ. Она привела къ постепенному разоренію нашихъ владѣній. Въ то время какъ англійскія колоніи почти не обременяютъ бюджета, мы тратимъ ежегодно около 110 милліоновъ фр. на содержаніе своихъ. Взамѣнъ этой суммы мы ведемъ съ ними коммерческія дѣла, дающія намъ менѣе 10 милліоновъ прибыли. Значитъ, ежегодный дефицитъ огромный. Этотъ дефицитъ гораздо больше простой потери, такъ какъ издержанная сумма служитъ въ дѣйствительности развитію торговли нашихъ конкурентовъ. У нихъ то въ дѣйствительности преимущественно и покупаютъ наши колонисты разные товары, такъ какъ наши соотечественники не въ состояніи изготовлять ихъ по тѣмъ же цѣнамъ. Торговые обороты нашихъ колонистовъ съ иностранцами превосходятъ на 46 милліоновъ сдѣлки съ нашими соотечественниками. Едва ли могло бы

быть иначе при существованіи административныхъ путъ, которыми мы окружаемъ свою торговлю въ нашихъ колоніяхъ. Чтобы управлять 230000 жителей Кохинхины, у насъ гораздо больше чиновниковъ, чѣмъ имѣютъ англичане для управленія 250 милліонами индусовъ.

Печальное состояніе нашихъ колоній также является, въ значительной степени, послѣдствіемъ одной изъ тѣхъ сторонъ психологіи расы, на непреодолимую силу которой я не разъ указывалъ. Совершенная неспособность латинскихъ народовъ понимать идеи другихъ народовъ, ихъ нетерпимость и жажда равенства и единообразія привели ихъ къ принципу ассимиляціи, по которому подчиненные народы должны управляться согласно съ законами и обычаями народа завоевателя. Негры, мальгаши, аннамиты, арабы и пр. положены на то же самое Прокрустово ложе. Мы имъ посылаемъ изъ Парижа армію правительственныхъ агентовъ, навязывающихъ имъ законы, созданные для народовъ совершенно другого умственнаго склада, полки чиновниковъ, которые подчиняютъ ихъ всѣмъ мелочнымъ правиламъ, изданнымъ щепетильной и недовѣрчивой бюрократіей. Чтобы судить нѣсколько тысячъ негровъ и управлять двумя или тремя городишками, которые остались у насъ въ Индіи, мы содержимъ болѣе 100 чиновниковъ, изъ которыхъ 38 судей. На Мадагаскарѣ наша администрація обходится намъ въ 45 милліоновъ. Эти полчища безполезныхъ агентовъ въ нѣкоторой степени содѣйствуютъ заселенію нашихъ колоній, но какой цѣной! Не только содержаніе ихъ

тяжело ложится на бюджетъ метрополіи, но сверхъ того отъ нихъ всѣ европейскіе колонисты бѣгутъ и спасаются въ сосѣднія англійскія колоніи, чтобы не запутаться въ безвыходной сѣти всевозможныхъ правилъ и притѣсненій *). „На 1914 французовъ, проживающихъ въ Тонкинѣ, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бонвало, приходится 1500 чиновниковъ, 400 лицъ, живущихъ на счетъ протектората, и 13 колонистовъ,

*) Эти притѣсненія еще болѣе тяжелымъ бременемъ ложатся на туземцевъ и дѣлаютъ понятными ихъ постоянныя возмущенія. Нѣсколько времени тому назадъ можно было прочитать въ газетахъ исторію того сдѣлавшагося резидентомъ бюрократа, который для проявленія своей власти приказалъ заковать въ цѣпи, въ его собственномъ дворцѣ и черезъ его же перваго министра, короля Нородома, личность безусловно священную въ глазахъ населенія. Ужасно подумать, что великая колоніальная держава можетъ управляться такими неспособными мозгами.

Стоитъ побывать въ нашихъ колоніяхъ, чтобы убѣдиться, до какой степени насъ ненавидятъ туземцы, тогда какъ англичане, управляющіе на совершенно иныхъ началахъ, пользуются глубокимъ уваженіемъ. Эти начала очень просты; состоятъ они въ томъ, чтобы предоставлять туземцамъ управляться по возможности самостоятельно и какъ можно меньше вмѣшиваться въ ихъ дѣла; начала эти никакъ нельзя назвать новыми: они примѣнялись уже римлянами. „Какимъ образомъ, пишетъ Буассье, послѣ столь сильнаго сопротивленія Галлія такъ быстро и искренно сдѣлалась римской. Римская администрація, по крайней мѣрѣ въ лучшія эпохи, отличалась достоинствомъ и въ настоящее время довольно рѣдкимъ: она была нетребовательной и совсѣмъ непридирчивой. Она не стѣсняла свободы муниципій, возможно меньше вмѣшивалась въ ихъ дѣла, уважала религіозные предразсудки и мѣстное самолюбіе, ограничивалась очень небольшимъ количествомъ чиновниковъ и еще меньшимъ числомъ войскъ. Нѣсколькихъ отрядовъ полиціи и отдаленныхъ слуховъ о легіонахъ, расположенныхъ у границы, было достаточно для удержанія въ подчиненіи народа легкомысленнаго, тщеславнаго, строптиваго, любящаго перемѣны, не расположеннаго къ власти,—народа, въ которомъ намъ не трудно узнать себя. Миръ вскорѣ водворилъ богатство въ этой странѣ, которой только и нужно спокойствіе для процвѣтанія“.

причемъ изъ этихъ 13-ти шестеро получаютъ субсидію“! Въ одной газетѣ сообщалось недавно, что въ эпоху Дагомейскихъ королей наши коммерсанты предпочитали скорѣе селиться на ихъ территоріи, чѣмъ подчиняться ужасной административной путаницѣ, царившей въ нашей колоніи. Самый жестокій изъ тирановъ гораздо менѣе жестокъ, чѣмъ безличная бюрократическая тиранія, которой, вслѣдствіе неумѣнія управлять собою, мы поневолѣ должны подчиняться.

Административные пріемы латинской расы естественно требуютъ огромнаго бюджета; съ 1800 милліоновъ въ 1869 году онъ постепенно поднялся до 4 милліардовъ приблизительно, даже нужно бы считать до 5 милліардовъ, если къ государственному бюджету прибавить бюджетъ общинъ. Такой бюджетъ можетъ пополняться только посредствомъ обременительныхъ налоговъ *). Повинуясь общему направленію умовъ, ставящихъ преграды всѣмъ частнымъ предпріятіямъ, государство отягощаетъ промышленность налогами подчасъ сумасбродными. Омнибусная компанія въ своемъ отчетѣ 1898 г. указала, что при дивидендѣ въ 65 фр. на акцію, уплачиваемыхъ акціонерамъ, она платитъ государству или городу 149 фр. податей, что составляетъ налогъ болѣе 200%. У главной компаніи городского извоза государство и городъ заранѣе удерживаютъ изъ ежедневной вы-

*) На предметы повседневнаго обихода налогъ поднятъ болѣе, чѣмъ вдвое противъ ихъ стоимости; на алкоголь онъ въ 10 разъ болѣе его стоимости. Соль, табакъ, керосинъ и т. п. обложены въ такой же степени. Самые насущные предметы, каковы хлѣбъ и мясо, вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ, подвержены вздорожанію до двойной цѣны.

ручки каждаго экипажа 2 фр. 44 сант., тогда какъ на долю акціонеровъ приходится 11 сантимовъ и т. п. Всѣмъ этимъ предпріятіямъ, идущимъ такимъ образомъ къ разоренію, суждено роковымъ образомъ раньше или позже также перейти въ руки государства.

Предыдущія цифры позволяютъ предугадать, къ чему приведетъ насъ государственный соціализмъ, когда завершится его развитіе. Это будетъ рѣшительная и быстрая гибель всей промышленности тѣхъ странъ, гдѣ онъ восторжествуетъ.

Было бы почти излишнимъ прибавлять, что дѣйствія централизаціи и поглощенія государствомъ, наблюдаемыя во Франціи, равнымъ образомъ наблюдаются у другихъ латинскихъ народовъ и притомъ въ гораздо еще болѣе сильной степени. Въ Италіи дѣло дошло до того, что правительство предложило парламенту, въ засѣданіи 21 февраля 1894 года, законопроектъ, согласно которому король долженъ былъ быть облеченъ въ продолженіе года диктаторскими полномочіями, чтобы попытаться переустроить правительственные административные органы. Очень жаль, что этотъ законъ не былъ принятъ; его примѣненіе ясно показало бы всю тщету попытокъ преобразовать учрежденія, когда послѣднія являются продуктомъ умственнаго склада расы.

Можно составить себѣ понятіе о развитіи государственнаго соціализма въ Италіи и о препятствіяхъ, создаваемыхъ имъ, по слѣдующимъ извлеченіямъ изъ доклада итальянскаго депутата Бонази, опубликован-

наго въ октябрѣ 1895 г. журналомъ „Revue politique et parlementaire“.

„Начальникамъ правленій, стоящимъ въ провинціи во главѣ различныхъ отдѣловъ администраціи, не предоставляется не только никакой иниціативы, но даже той скромной возможности толкованія и примѣненія, которая все же неразлучна съ исполненіемъ административныхъ функцій. Внѣ указаній, точно изложенныхъ въ законахъ, правилахъ, циркулярахъ и министерскихъ инструкціяхъ, эти начальники не могутъ шевельнуться безъ предварительнаго разрѣшенія и послѣдующей за этимъ санкціи министра, которому они подчинены.... Префекты, высшіе финансовые чиновники, предсѣдатели судовъ, ректоры университетовъ не имѣютъ права разрѣшить даже самый маленькій расходъ или произвести ремонтъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и необходимъ, если ихъ рѣшеніе не получитъ министерской санкціи....

„....Если община или благотворительное учрежденіе хочетъ пріобрѣсти недвижимое имущество, будь это хоть метръ земли, или хотя бы дѣло шло о полученіи завѣщанной вещи, стоимостью даже въ нѣсколько франковъ, то требуется обсужденіе общиннаго совѣта или администраціи учрежденія, и сверхъ того въ обоихъ случаяхъ требуется согласіе административной провинціальной комиссіи, прошеніе королю для Высочайшаго соизволенія, рапортъ префекта, сопровождающій бумагу въ министерство, съ заключеніемъ и оправдательными документами, рапортъ министра въ государственный совѣтъ, мнѣніе этого совѣта и въ концѣ концовъ королевскій указъ и внесеніе его въ списокъ счетной палаты“.

Какъ неизбѣжное послѣдствіе такого порядка вещей получилось очень быстрое увеличеніе числа итальянскихъ чиновниковъ и, слѣд., бюджетныхъ расходовъ.

Такъ какъ подобныя же явленія происходятъ у всѣхъ латинскихъ народовъ, то ясно, что они представляютъ простое слѣдствіе умственнаго склада ихъ расы. Доказательство становится еще болѣе убѣдительнымъ, если сопоставить эти факты съ тѣмъ, что мы говорили въ другой главѣ о результатахъ, достигнутыхъ частной иниціативой у англо-саксовъ.

Нужно особенно запомнить изъ нашего объясненія, что не правительства, а исключительно мы сами виноваты въ предоставленіи всепоглощающей роли государству и въ происходящихъ отъ того послѣдствіяхъ. Какой бы ни предположить образъ правленія—республику, цезаризмъ, коммунизмъ или монархію, будь во главѣ его Геліогабалъ, Людовикъ XIV, Робеспьеръ или побѣдоносный полководецъ, роль государства у латинскихъ народовъ не можетъ измѣниться. Она является слѣдствіемъ потребностей ихъ расы. Государство въ дѣйствительности—это мы сами, и только себя мы должны обвинять въ его организаціи. Вслѣдствіе такого склада ума, отмѣченнаго уже Цезаремъ, мы всегда дѣлаемъ отвѣтственнымъ государство за свои собственные недостатки и остаемся при убѣжденіи, что съ перемѣной нашихъ учрежденій или нашихъ начальниковъ все преобразится. Никакіе доводы не могутъ излѣчить насъ отъ этого заблужденія. Мы можемъ все же его признавать, удостовѣряясь, что когда политическія случайности дѣлаютъ министрами депутатовъ изъ числа самыхъ яростныхъ критиковъ администраціи, которою они призваны руководить, нѣтъ примѣра, чтобы имъ удалось измѣнить хотя бы слегка тѣ злоупотребленія, которыя они справедливо считали недопустимыми.

§ 3. Коллективистское государство.

Мы только что разсмотрѣли успѣхи государственнаго соціализма и его послѣдствія; намъ нужно еще показать, какъ мало ступеней остается ему пройти,

чтобы дойти до полнаго коллективизма—мечты жрецовъ этой доктрины.

Опасности коллективизма не ускользнули отъ государственныхъ людей, сколько нибудь одаренныхъ прозорливостью, но, повидимому, они совсѣмъ не замѣтили, что мы уже давно дошли до него. Вотъ какъ выражался по этому поводу одинъ изъ нихъ, Бюрдо, бывшій президентъ палаты депутатовъ:

„Не того слѣдуетъ бояться, что коллективизмъ торжествуетъ, упрочивается, преобразовываетъ общество по своему, а того, что онъ продолжаетъ проникать въ умы, проникать маленькими дозами въ наши учрежденія, внушать презрѣніе къ капиталу, патронату, учрежденіямъ, вытекающимъ изъ него (кредитныя учрежденія, банки и т. п.), презрѣніе къ частной инициативѣ, постоянно уничижаемой въ пользу государственныхъ монополій, презрѣніе къ сбереженіямъ, личной собственности, наслѣдствамъ, къ платѣ по заслугамъ и полезности производимыхъ продуктовъ, къ средствамъ, которыми нынѣ пользуются для перехода изъ худшихъ положеній къ лучшимъ и для поддержанія общества если не для себя, то для своего потомства—посредствомъ милліоновъ усилій инициативы, возбуждаемой личнымъ интересомъ.

Такимъ образомъ раздули бы до чудовищныхъ размѣровъ роль государства, поручивъ его заботамъ желѣзныя дороги, рудники, банки, можетъ быть морскія предпріятія, страхованія, большие магазины; отяготили бы налогами какъ среднія, такъ и большія состоянія, наслѣдства, все то, что побуждаетъ человѣка къ изобрѣтательности, къ смѣлымъ предпріятіямъ или же требуетъ отъ него продолжительной работы, все то, что дѣлаетъ изъ него дѣятеля предусмотрительнаго, думающаго о будущихъ поколѣніяхъ, работающаго для будущаго человѣчества; отучили бы работника отъ тяжелой работы, отъ экономіи и отняли бы у него надежду пробить себѣ дорогу; однимъ словомъ, низвели бы отдѣльную личность къ посредственности желаній, честолюбія, энергіи, таланта, подъ опекой государства грабителя, и привели бы къ постепенной замѣнѣ человѣка, одушевленнаго своими личными интересами, какимъ то quasi-чиновникомъ“.

Выводы Бюрдо для всякаго, хоть нѣсколько знакомаго съ экономическими и психологическими законами, управляющими жизнью народовъ, совершенно

ясны. Онъ очень хорошо понялъ, что скрытое торжество коллективизма болѣе обезпечено и еще болѣе опасно, чѣмъ его торжество лишь по названію.

Общество будущаго, о которомъ мечтаютъ коллективисты, уже давно и все болѣе и болѣе осуществляется у латинскихъ народовъ. Государственный соціализмъ является въ самомъ дѣлѣ, какъ я показалъ, необходимымъ завершеніемъ ихъ прошлаго, конечнымъ этапомъ, который приведетъ ихъ къ паденію, какого до сихъ поръ не могла избѣжать ни одна цивилизація. Уже въ теченіе вѣковъ привыкшіе къ іерархіи, уравненные школьнымъ воспитаніемъ и системой экзаменовъ, которая всѣхъ ихъ отливаетъ въ одну и ту же форму; жаждущіе равенства и очень мало интересующіеся свободой, привыкшіе ко всякой тираніи—административной, военной, религіозной и нравственной, потерявшіе всякую инициативу и всякую волю, пріученные все больше и больше полагаться во всемъ на государство, они принуждены, пороковымъ свойствамъ своей расы, подчиниться государственному соціализму, проповѣдуемому теперь коллективистами. Я упоминалъ выше, что они уже давно подчинились ему. Въ этомъ легко убѣдиться при разсмотрѣніи предложеній коллективистовъ, въ которыхъ мы найдемъ простое развитіе того, что уже существуетъ. Коллективисты считаютъ себя большими новаторами, но ихъ ученіе только ускоряетъ фазу естественнаго развитія, подготовка и наступленіе которой—дѣло не ихъ рукъ. Краткій обзоръ ихъ основныхъ положеній легко докажетъ это.

Одной изъ главныхъ цѣлей коллективизма является поглощеніе государствомъ всѣхъ отраслей промышленности и всѣхъ предпріятій. А все то, что въ Англіи и особенно въ Америкѣ основано и ведется частной инициативой, оказывается въ настоящее время у латинскихъ народовъ болѣе или менѣе въ рукахъ правительства, съ каждымъ днемъ создающаго новыя монополіи: сегодня телефоны и спички, а завтра алкоголь, рудники и средства передвиженія. Когда поглощеніе будетъ полное, то очень значительная часть мечты коллективистовъ осуществится.

Коллективисты хотятъ передать общественное достояніе въ руки государства различными средствами, особенно посредствомъ прогрессивнаго увеличенія наслѣдственныхъ пошлинъ. Эти послѣднія возрастаютъ у насъ съ каждымъ днемъ: недавній законъ только что довелъ ихъ до 15%, и достаточно еще нѣсколько разъ повысить этотъ процентъ, чтобы дойти до соціалистической нормы.

Коллективистское государство дастъ всѣмъ гражданамъ одинаковое, даровое и обязательное образованіе. Наша учебная система, это ужасное Прокрустово ложе, уже давно осуществила этотъ идеалъ.

Коллективистское государство будетъ управлять всѣмъ посредствомъ огромной арміи чиновниковъ, которые будутъ регламентировать мельчайшія подробности жизни гражданъ. Эти чиновники уже представляютъ цѣлыя полчища, они являются въ настоящее время единственными дѣйствительными хозяевами въ государствѣ. Число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ,

единственно вслѣдствіе возрастанія законовъ и правилъ, все болѣе и болѣе ограничивающихъ инціативу и свободу гражданъ. Они уже надзираютъ подъ разными предлогами за работой на фабрикахъ и за малѣйшими проявленіями частной предпріимчивости. Нужно будетъ только еще немного увеличить ихъ число и расширить ихъ полномочія, и мечта коллективистовъ осуществится также и въ этомъ отношеніи.

Не переставая надѣяться дойти до поглощенія личныхъ состояній государствомъ посредствомъ увеличенія наслѣдственныхъ пошлинъ, коллективизмъ всѣми способами преслѣдуетъ также и капиталъ. Государство уже опередило его на этомъ пути. Всѣ частныя предпріятія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обременяются тяжкими податями, все болѣе и болѣе уменьшающими производительность капитала и шансы на достиженіе благосостоянія. Существуютъ, какъ мы показали выше, предпріятія, напр. компанія омнибусовъ въ Парижѣ, которыя при 65 фр. дивиденда на акцію платятъ 149 фр. разныхъ налоговъ. Другіе источники доходовъ облагаются постепенно возрастающими налогами. Мы дошли до того, что желаемъ обложить доходъ. Въ Италіи, гдѣ эта фаза давно уже достигнута, подоходный налогъ постепенно возросъ до 20%. Достаточно еще нѣсколькихъ послѣдовательныхъ увеличеній налоговъ, чтобы дойти до полнаго поглощенія дохода, а слѣд. и капитала, въ пользу государства.

Наконецъ, по мнѣнію коллективистовъ, пролетаріатъ долженъ лишить современные правящіе классы

политической власти. Это еще не сдѣлано, но мы быстро къ тому идемъ. Низшіе классы являются хозяевами положенія, благодаря всеобщему голосованію, и они начинаютъ посылать въ парламентъ все болѣе и болѣе возрастающее число соціалистовъ. Когда большинство будетъ соціалистическимъ, то циклъ завоеваній завершится. Всякія фантазіи будутъ возможны, и тогда, чтобы положить имъ конецъ, неминуемо откроется эра Цезарей, а за ними вторженія, знаменовавшія всегда для слишкомъ старыхъ народовъ часъ окончательнаго паденія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Состоянiе латинскихъ народовъ въ настоящее время.

§ 1. *Слабость латинскихъ народовъ.* Ихъ слабость есть результатъ совокупности обстоятельствъ, ранѣе изложенныхъ. Опасности для нихъ, вытекающiя изъ развитiя соцiализма. Народы латинской расы не могутъ болѣе прибѣгать къ опытамъ и переворотамъ: иначе они должны исчезнуть. Современныя потребности.

§ 2. *Латино-американскiя республики. Испанiя и Португалiя.* Состоянiе испано-американскихъ республикъ въ настоящее время. Онѣ представляютъ примѣръ самой низкой изъ латинскихъ цивилизацiй. Будущность этихъ республикъ. Португалiя и Испанiя. Состоянiе упадка, въ которомъ онѣ находятся. Колонiальное правительство испанцевъ. Почему они потеряли свои колонiи. Испано-американская война съ психологической точки зрѣнiя. Влiянiе характеровъ встрѣтившихся расъ. Случайности въ этой войнѣ.

§ 3. *Италiя и Францiя.* Состоянiе Италiи въ настоящее время. Разстройство ея управленiя, ея армiи и ея финансовъ. Угрожающiе Италiи перевороты. Близкое торжество соцiализма. Почему торжество соцiализма угрожаетъ гораздо болѣе Италiи, чѣмъ Испанiи. Общее пониженiе нравственности у народовъ латинской расы. Состоянiе Францiи въ настоящее время. Признаки ея утомленiя и равнодушiя.

§ 4. *Результаты усвоенiя латинскихъ понятiй народами различныхъ расъ.* Современные греки съ эпохи своей независимости приняли всецѣло латинскiя понятiя, въ особенности о воспитанiи. Результаты, достигнутые за пятьдесятъ лѣтъ. Полное разстройство ихъ финансовъ, управленiя и армiи. Успѣхи соцiализма. Греко-турецкая война. Иллюзiи европейцевъ относительно Грецiи.

§ 5. *Будущность, грозящая народамъ латинской расы.* Новая мiровая эволюцiя не позволитъ слабымъ народамъ долго держаться. Предсказанiя лорда Сольсбери. Соцiалистическiе опыты грозятъ латинскимъ народамъ страшными опасностями.

§ 1. Слабость латинскихъ народовъ.

Мы только что видѣли, къ какимъ послѣдствiямъ привело у этихъ народовъ все большее и большее

расширеніе свойственнаго имъ понятія о государствѣ, какъ о центральной власти, замѣняющей собою иниціативу гражданъ и дѣйствующей взамѣнъ ихъ. Безразлично, представляется ли эта центральная власть монархомъ или общиною. Подъ этими малозначащими наружными формами основное понятіе остается то же.

Съ практической точки зрѣнія соціализмъ ничто иное, какъ расширеніе того же основного понятія. Регламентація труда и постоянное вмѣшательство чиновниковъ во всѣ распорядки жизни привели бы скоро къ полному уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ иниціативы и воли въ душѣ гражданъ.

Многіе умы, которыхъ пугаетъ борьба, все болѣе и болѣе, кажется, склоняются предоставить соціализму развиваться. Лишенные способности предугадывать что либо за видимымъ для нихъ горизонтомъ, они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что за нимъ скрывается; скрывается же нѣчто опасное и страшное. Народамъ латинской расы, если они хотятъ еще держаться, нельзя болѣе подвергать себя риску опытовъ и переворотовъ. Новыя экономическія потребности готовы перевернуть условія существованія націй, и не далеко то время, когда для слишкомъ слабыхъ народовъ не будетъ уже болѣе мѣста. Въ ближайшемъ же будущемъ большая часть латинскихъ народовъ дойдетъ до крайняго предѣла слабости, за которымъ уже нѣтъ возможности подняться. Ни упоеніе громкими фразами, ни увлеченіе безплодными спорами, ни восхваленіе подвиговъ предковъ не измѣнятъ существующаго положенія вещей. Времена ры-

царства, геройскихъ и гордыхъ чувствъ и остроумной діалектики миновали надолго. Насъ все болѣе и болѣе охватываетъ неумолимая дѣйствительность, и самыя остроумныя рѣчи, самые звучные диѳирамбы въ честь права и справедливости такъ же мало производятъ на нее впечатлѣнія, какъ розги, которыми Ксерксъ наказывалъ море за уничтоженіе его кораблей.

Чтобы точнѣе опредѣлить нашу мысль, мы попробуемъ представить общую картину современнаго положенія латинскихъ народовъ. Читателю тогда легче будетъ судить о возможныхъ послѣдствіяхъ развитія соціализма у этихъ народовъ.

§ 2. Латино-американскія республики. Испанія и Португалія.

Разсмотримъ сперва состояніе націй, находящихся на самой низкой ступени латинской цивилизаціи, т. е. 22-хъ испано-американскихъ республикъ. Ихъ я не разъ приводилъ въ примѣръ, когда указывалъ на малое значеніе учрежденій въ жизни народовъ, и было бы излишнимъ снова излагать подробно ихъ положеніе. То будущее, которое намъ только еще угрожаетъ, у нихъ уже давно осуществилось. Рѣшительно всѣ безъ исключенія, онѣ дошли до той степени, когда упадокъ обнаруживается полнѣйшею анархіей, и когда народы могутъ только выиграть отъ завоеванія ихъ націей достаточно сильной, чтобы ими управлять.

Двадцать двѣ испано-американскія республики, населенныя расами истощенными, не энергичными, не предпріимчивыми, лишенными нравственныхъ качествъ и безвольными, несмотря на то, что занимаютъ богатѣйшія области земного шара, не способны извлекать никакой пользы изъ громадныхъ средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи. Живутъ онѣ европейскими займами, которые раздѣляются между собою шайками хищниковъ-политикановъ въ сообществѣ съ другими шайками европейскихъ грабителей-финансистовъ, эксплоатирующихъ невѣжество публики и тѣмъ болѣе виновныхъ, что имъ отлично извѣстна невозможность уплаты выпущенныхъ ими займовъ. Въ этихъ несчастныхъ республикахъ всеобщій грабежъ не прекращается, и такъ какъ всякій хочетъ при этомъ урвать свою долю, то междоусобныя войны не переводятся; президенты каждый разъ умерщвляются, чтобы новая партія могла захватить власть и обогатиться въ свою очередь. Такъ будетъ продолжаться, безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока какой нибудь талантливый авантюристъ, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ дисциплинированныхъ людей, не соблазнится легкостью завоеванія этихъ печальныхъ странъ и не введетъ въ нихъ желѣзный режимъ, единственный, котораго заслуживаютъ народы, лишенные мужества, нравственныхъ качествъ и неспособные самоуправляться.

Если бы нѣкоторые иностранцы, англичане и нѣмцы, прельщенные естественными богатствами почвы, не водворились въ столицахъ, то давно бы всѣ эти выродившіяся страны вернулись къ полному вар-

варству. Единственная изъ нихъ, которая еще коекакъ держится, республика аргентинская, спасается отъ общей гибели лишь потому, что въ ней все болѣе и болѣе селятся англичане.

До введенія республиканскаго режима всѣ эти провинціи были подъ владычествомъ Испаніи. Имъ удалось избавиться, путемъ переворотовъ, отъ мрачнаго правленія ея монаховъ и ея алчныхъ правителей. Но было уже слишкомъ поздно: складка образовалась, духовный обликъ опредѣлился, и возрожденіе стало невозможнымъ. Къ тому же монахи уже давно позаботились объ уничтоженіи всѣхъ тѣхъ, кто проявлялъ хоть тѣнь умственнаго развитія и независимости.

Отъ латино-американскихъ республикъ перейдемъ къ латинскимъ монархіямъ Европы. Ихъ положеніе, конечно, менѣе печально, но далеко не блестяще!

Современное состояніе Португаліи и Испаніи извѣстно. Наименѣе наблюдательный путешественникъ скоро составитъ себѣ о нихъ весьма опредѣленное понятіе послѣ короткаго въ нихъ пребыванія. Финансы—разстроены, промышленности и торговли—почти никакой. Тѣ рѣдкія отрасли промышленности, которыя еще процвѣтаютъ, находятся въ рукахъ иностранцевъ или возникли благодаря послѣднимъ. Страны эти, когда то столь могущественныя, теперь одинаково неспособны какъ управлять собою, такъ и своими колоніями, послѣдовательно ими утерянными. Оставались у Испаніи Филиппины и Куба. Она подвергла эти острова столь жадной эксплоатаціи, во

главѣ ихъ поставила столь продажныхъ и жестокихъ правителей, что этимъ вызвала ожесточенное возстаніе туземцевъ и вмѣшательство иностранцевъ.

Докторъ Пинто де Гимарэсъ въ своемъ недавнемъ трудѣ, озаглавленномъ *Испанскій терроръ на Филиппинахъ*, приводитъ подробности, показывающія, что такое представляло въ колоніяхъ испанское владычество, и насколько было основательно глубокое отвращеніе, внушаемое имъ. Извлекаю изъ этого труда слѣдующія строки:

„Необходимость вмѣшательства Соединенныхъ Штатовъ въ дѣла острововъ Тихаго океана, равно какъ и острововъ Атлантическаго океана, сразу бросается въ глаза. Испанское владычество такъ же тяжело отражалось на Филиппинахъ, какъ и на Кубѣ. Если же допущенныя на Филиппинахъ жестокости дольше оставались тайной, то причиной этого является не столько долготерпѣніе жертвъ, сколько совершенная обособленность, отдаленность отъ цивилизованнаго міра, и приложенныя мѣстными губернаторами старанія заглушить всякую жалобу и не давать ходу никакимъ заявленіямъ. Но истина, болѣе сильная, чѣмъ всякій деспотизмъ, въ концѣ концовъ всегда выступаетъ наружу, и, несмотря на то, что испанцы силой зажимали рты филиппинцамъ, имъ удалось таки поднять такой крикъ, что его услышалъ весь міръ.

„Вообразить себѣ нельзя—какого рода притѣсненія, какія придирчивыя формальности, какія разорительныя выдумки могутъ зародиться въ мозгу чиновника изъ испанцевъ. Предметъ заботы у всѣхъ этихъ господъ одинъ: въ три года или шесть лѣтъ ихъ обязательнаго пребыванія на Филиппинахъ составить себѣ возможно крупное состояніе и вернуться въ Испанію, избавясь такимъ образомъ отъ единодушныхъ проклятій со стороны жителей острова. Если губернаторъ, спустя два года послѣ своей дѣятельности, не обезпечилъ широко своего будущаго, всѣ его сочтутъ за глупца. Знаменитый генералъ Вейлеръ могъ помѣстить какъ въ лондонскіе, такъ и въ парижскіе банки сумму, которую его собственные соотечественники исчисляютъ не менѣе какъ въ 12—15 милліоновъ фр. Какимъ образомъ въ три года онъ сумѣлъ отложить 15 милліоновъ при годовомъ окладѣ въ 200.000 фр.?

„А все таки невольно думаешь, какіе удивительные рессурсы могла бы доставлять эта страна, и какіе превосходные результаты, конечно, извлекло бы изъ нея всякое другое государство, кромѣ Испаніи. Не-

смотря на кражи, вымогательства, разоренія, мученія, Филиппины тѣмъ не менѣе находятъ возможность существовать. Характеры должностныхъ лицъ и придирки государственной казны отстраняютъ отъ этой прекрасной страны всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы способствовать развитію ея благосостоянія".

Монахи вмѣстѣ съ чиновниками составляли одну изъ самыхъ печальныхъ язвъ Филиппинъ. Ихъ было шесть тысячъ, и ихъ алчность *) могла сравниться лишь съ ихъ ужасающею свирѣпостью. Они снова возстановили всѣ пытки инквизиціи.

Докторъ де Гимарэсъ приводитъ ужасающія подробности того, какъ жестоко поступали испанцы съ туземцами. Особенно замѣчательна, достойная воображенія романиста, исторія сотни плѣнныхъ, заключенныхъ въ темницѣ, подъ названіемъ „Яма смерти", наполненной до половины гнилой водой и кишащей крысами, змѣями и всякими гадами: „ночь, которую они тамъ провели, была ужасна; слышны были ихъ страдальческіе вопли и мольбы о томъ, чтобы ихъ прикончили. На другой день всѣ они были мертвы".

„Передъ такими фактами, заключаетъ Гимарэсъ, никто не выразитъ удивленія, что повстанцы радовались успѣхамъ американцевъ. Испанія на этихъ злополучныхъ островахъ въ теченіе вѣковъ выказала такую свирѣпость, что при всемъ геройствѣ, съ которымъ она защищалась, нельзя ее простить".

Господство испанцевъ на Кубѣ было, естественно,

*) Согласно цифровымъ даннымъ Монтеро-и-Видаля самые малодоходные приходы приносили ихъ начальникамъ 10.000 фр.; называютъ и такіе, доходъ отъ которыхъ простирался отъ 25.000 до 75.000 фр. Эти суммы платили туземцы — народъ крайне бѣдный.

такое же, какъ и на Филиппинахъ, и населеніе точно такъ же кончило возмущеніемъ. Повстанцы, собранные въ плохо снаряженныя банды, никогда числомъ не превосходили 10.000 человѣкъ. Испанія выслала противъ нихъ 150.000 человѣкъ подъ начальствомъ многочисленныхъ генераловъ и истратила въ четыре года на ихъ усмиреніе около 2 милліардовъ. Но всѣмъ этимъ генераламъ, писавшимъ велерѣчивыя воззванія, не удалось послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, несмотря на неумолимую свою жестокость, восторжествовать надъ этими плохо вооруженными бандами. Жестокость испанцевъ, избіенія мирнаго населенія, производимыя въ широкихъ размѣрахъ, послужили Соединеннымъ Штатамъ отличнымъ поводомъ къ вмѣшательству. Всѣ, кто не совсѣмъ лишенъ человѣколюбія, не могли не радоваться ихъ успѣхамъ.

Испано-американская война весьма поучительна съ психологической точки зрѣнія. Никогда такъ ярко не обрисовывалась роль, которую играетъ въ жизни народовъ характеръ, а слѣд. и раса. Міръ впервые былъ свидѣтелемъ того, какъ цѣлые прочно бронированные флоты въ полномъ составѣ уничтожались въ нѣсколько мгновеній, не успѣвъ нанести противнику ни малѣйшаго урона. Въ двухъ бояхъ двадцать испанскихъ судовъ были разбиты, причемъ не было сдѣлано даже и слабой попытки къ защитѣ. Стоическая смерть является весьма печальнымъ извиненіемъ неспособности, и лучшимъ примѣромъ того, къ чему приводятъ непредусмотрительность, нерѣшитель-

ность, халатность и недостатокъ хладнокровія—могутъ служить Манилья и Куба. Въ Манильѣ, когда американскій флотъ входилъ ночью, испанцы забыли зажечь огни, которые обнаружили бы его присутствіе, и забыли также минировать проливъ. Въ Сантъ-Яго не позаботились послать подкрѣпленія, въ которыхъ не было недостатка на островѣ и которыя очень облегчили бы защиту; въ Порто-Рико не нашлось даже защитниковъ. Что касается флота, который по своей доброй волѣ выбросился на скалы и погибъ, причемъ ни одно изъ его ядеръ не достигло его противниковъ, — онъ представлялъ самое грустное зрѣлище. Если бы испанскій флотъ вмѣсто бѣгства ринулся на врага, то навѣрное нанесъ бы последнему хоть нѣкоторый вредъ и по меньшей мѣрѣ спасъ бы свою честь. Совершенно справедливо пишетъ по этому поводу Г. Депассъ: „Оба противника какъ будто принадлежали къ различнымъ цивилизаціямъ или скорѣе къ разнымъ историческимъ эпохамъ; одинъ, въ силу своего воспитанія, вполнѣ владѣлъ какъ самимъ собою, такъ и своими средствами; другой же повиновался только внушеніямъ природнаго инстинкта". Нельзя лучше оттѣнить въ нѣсколькихъ строкахъ одинъ изъ главнѣйшихъ результатовъ воспитанія англо-саксонскаго и латинскаго. *)

*) Слѣдующее извлеченіе изъ бесѣды испанскаго маршала. Кампоса, воспроизведенной во всѣхъ газетахъ, очень хорошо выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на весь міръ невѣроятными успѣхами импровизированной арміи Соединенныхъ Штатовъ въ борьбѣ съ боевой и весьма многочисленной арміей (на Кубѣ испанцы имѣли 150.000 челов., т. е. въ десять разъ болѣе, чѣмъ американцы): „Самому закоренѣлому

Только что высказанное мнѣніе объ Испаніи не принадлежитъ исключительно иностранцамъ. Испанскій писатель Бардо Базанъ въ своемъ замѣчательномъ набраскѣ въ *Revue bleue* отмѣтилъ сильными штрихами то жалкое состояніе упадка, въ которомъ находится его несчастная родина. Онъ особенно отмѣчаетъ глубокій упадокъ нравственности въ правящихъ классахъ. „Безнравственность и продажность подтачиваютъ нашу администрацію.... судовъ боятся больше. чѣмъ преступниковъ". Грабежъ всеобщій; партіи неустанно борются за обладаніе властью только для того, чтобы имѣть возможность въ свою очередь грабить и обогащаться. Вымогательство у народа послѣдней копѣйки довело его до полнѣйшей нищеты; учителя, давно уже не получающіе жалованья, доведены до необходимости просить милостыню по дорогамъ въ избѣжаніе слишкомъ скорой смерти отъ голода. Испаніи остались только ея легенды, и въ древней имперіи Карла V нѣтъ болѣе дѣйствительно живыхъ: все окаменѣло. „Въ Испаніи, когда еще не было королей-католиковъ, процвѣтали двѣ величественныя цивилизаціи—римская и испано-арабская средневѣковая. Въ это до-королевское время Испанія была густо населена, имѣя около 40 милліоновъ *), и вся страна была сплошь покрыта вели-

пессимисту не могло и въ голову прійти, что на насъ обрушится столько неудачъ. Пораженіе при Кавитэ, уничтоженіе эскадры Серверы, сдача Сантъ-Яго, быстрое и безпрепятственное занятіе Порто-Рико—это такія событія, которыя никто не считалъ бы возможными, даже если бы намѣренно преувеличивалъ могущество Соединенныхъ Штатовъ и сравнительную слабость Испаніи".

*) Теперь 19 милліоновъ.

колѣпными городами, развалины которыхъ еще и теперь вызываютъ удивленіе; въ то время мы были сильны, учены, была у насъ и своя промышленность, и превосходное земледѣліе; еще теперь мы примѣняемъ способы орошенія, принесенные когда то маврами въ наши южныя провинціи. Черезъ два вѣка по водвореніи королей-католиковъ—населеніе Испаніи сильно порѣдѣло, страна стала голодать и истощаться. Еще четыре вѣка послѣ того, т. е. уже въ настоящее время, отъ завоеваній и прежняго величія не уцѣлѣло ничего. Одни лишь слѣды прошлаго, развалины, блѣдныя воспоминанія—вотъ наше наслѣдіе".

§ 3. Италія и Франція.

Хотя Италія и не такъ низко пала, какъ Испанія, все же ея положеніе не особенно лучше, что показываетъ печальное состояніе ея финансовъ. Она является жертвой не только присущихъ латинской расѣ воззрѣній *), создавшихъ ея душу, но кромѣ того и роковой идеи объединенія, зародившейся въ головахъ ея политикановъ. Италія предприняла самый гибельный и разо-

*) Итальянцы въ своемъ пониманіи роли государства превосходятъ французовъ, доводя латинскія понятія о государствѣ до послѣднихъ крайностей. Нигдѣ столько не развита безусловная вѣра во всемогущество государства, какъ въ Италіи,—вѣра въ необходимость вмѣшательства государства во всѣ дѣла, особенно въ торговлю и промышленность, и, какъ окончательныя слѣдствія всего этого, являются развитіе чиновничества и неспособность гражданъ вести самимъ свои дѣла безъ постоянной поддержки правительства.

рительный изъ опытовъ, когда принялась объединять подъ одной центральной властью столь глубоко различныя между собою національности, какъ пьемонтцы, ломбардцы, сицилійцы и проч. Въ теченіе 30 лѣтъ она изъ весьма завиднаго состоянія пришла въ полнѣйшее разстройство въ отношеніяхъ—политическомъ, административномъ, финансовомъ и военномъ.

Финансы ея еще не такъ плачевны, какъ въ Испаніи, тѣмъ не менѣе она уже принуждена установить на государственную ренту налогъ, который, постепенно повышаясь, достигъ 20%; дальнѣйшее его повышеніе приведетъ Италію къ такому же краху, какой испытала Португалія. Издали Италія представляется великой страной, но могущество ея напоминаетъ непрочный фасадъ, неспособный сопротивляться самымъ легкимъ толчкамъ. Хотя Италія потратила много милліоновъ на созданіе своей военной силы, позволившей ей занять положеніе среди великихъ державъ, она тѣмъ не менѣе представила міру впервые невиданное доселѣ зрѣлище—какъ 20 тысячная армія европейцевъ въ правильномъ сраженіи была уничтожена ордой негровъ, и какъ значительная цивилизованная страна должна была выплачивать вознагражденіе африканскому царьку, столица котораго, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, была занята безъ труда ничтожнымъ отрядомъ англичанъ. Италія идетъ на буксирѣ Германіи и вынуждена безропотно сносить постоянно выражаемое въ германской печати презрѣніе къ себѣ. Хищеніе и халатность въ Италіи превосходятъ всякое вѣроятіе. Она воздвигаетъ

безполезные памятники, напр. памятникъ Виктору-Эммануилу, который будетъ стоить болѣе 40 милліоновъ фр. Въ то же время на островѣ Сициліи мы видимъ области, испытывающія самую горькую нищету, села, покинутыя своими жителями и поросшія колючкой*). Можно судить о достоинствѣ управленія по судебнымъ дѣламъ разныхъ банковъ или хотя бы по двумъ прискорбнымъ процессамъ (въ Палермо и Неаполѣ), доказавшимъ, что всѣ правительственные агенты, начиная съ директоровъ и кончая послѣднимъ чиновникомъ, цѣлыми годами занимались самымъ наглымъ хищеніемъ общественныхъ суммъ. Въ виду этихъ ежедневныхъ доказательствъ разложенія администраціи и общественной нравственности, указывающихъ на близость итальянской революціи, становится понятнымъ, что выдающійся ученый Итальянскаго полуострова Ломброзо въ одной изъ послѣднихъ своихъ книгъ далъ о своей родинѣ слѣдующій безнадежный и, хочется думать, слишкомъ строгій отзывъ.

„Надо быть десять разъ слѣпымъ, чтобы не замѣчать, что несмотря на нашу любовь къ восхваленію--мы если не послѣдній, то предпослѣдній изъ европейскихъ народовъ въ Европѣ; послѣдній—въ смыслѣ нравственности, просвѣщенія, промышленной и земледѣльческой дѣятельности, неподкупности суда и въ особенности въ смыслѣ относительнаго благосостоянія нашихъ низшихъ классовъ“ **).

*) Между тѣмъ требованія итальянскаго мужика по истинѣ минимальны. Рѣдко когда заработная плата поденщикамъ бываетъ болѣе 50 сантимовъ въ день. Что касается рабочихъ, то они считаютъ себя вполнѣ счастливыми, когда имъ удается заработать 2 франка. Если бы правящій классъ обладалъ хоть въ слабой степени выносливостью и энергіей низшихъ классовъ, то Италія вмѣсто того, чтобы находиться почти въ послѣднемъ ряду цивилизованныхъ народовъ, заняла бы мѣсто среди самыхъ цвѣтущихъ націй.

**) „Анархисты“. Французскій переводъ (Les Anarchistes), стр. 221.

Итали повидимому не избѣжать переворотовъ, и скоро ей придется испытать на себѣ роковой кругъ явленій, о которомъ мы уже много разъ говорили, а именно—соціализмъ, затѣмъ цезаризмъ, разложеніе и иноземное нашествіе.

Неразрѣшимой для Италіи задачей, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, является вопросъ, какъ примирить стремленіе подражать богатымъ народамъ, создавшее множество потребностей въ роскоши и удобствахъ жизни, съ бѣдностью, не позволяющею удовлетворять эти потребности.

„Большинство итальянцевъ, пишетъ Вильгельмъ Ферреро, стало на ступень высшей цивилизаціи, пріобрѣло новыя потребности, стремится украсить свою жизнь извѣстной долей комфорта, культуры, а на это ихъ средствъ не хватаетъ... Италія не можетъ видѣть великихъ и прекрасныхъ вещей, безъ желанія ими пользоваться. Сколько разочарованій, неистовой злобы, огорченій должна вызывать у большинства лицъ повседневная жизнь въ такихъ условіяхъ!... Сосчитайте, какой необычайный запасъ раздраженности скопляется во всемъ обществѣ, и вы легко поймете ужасную неустойчивость его равновѣсія“.

Легче всего соціализмъ развивается у людей съ весьма большими потребностями, лишенныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ способности и энергіи въ степени, достаточной для пріобрѣтенія средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей. Соціализмъ предлагается какъ средство противъ всѣхъ золъ; вотъ почему Италія кажется самой судьбою обречена на самые рискованные опыты соціалистовъ.

Въ стремленіи къ роскоши, къ наслажденіямъ и великолѣпію Италія очень отличается отъ Испаніи. Что касается внѣшней стороны цивилизаціи, то очевидно, что въ этомъ отношеніи Испанія стоитъ го-

раздо ниже Италіи. Но средніе и низшіе слои испанскаго населенія довольно мало страдаютъ отъ нужды, такъ какъ ихъ потребности не увеличились и, слѣд., по прежнему удовлетворяются легко. Такъ какъ пути сообщенія, особенно желѣзныя дороги, въ Испаніи мало развиты, то цѣлыя провинціи, оставаясь отрѣзанными отъ остального міра, могли сохранить свой прежній образъ жизни. По прежнему жизнь тамъ осталась невѣроятно дешевою. Такъ какъ потребности населенія не велики, и роскошь ему неизвѣстна, то оно вполнѣ довольствуется мѣстными издѣліями. Если не принимать во вниманіе большіе города и внѣшнюю роскошь, — правда единственныя вещи, которыя извѣстны, такъ какъ только они одни заставляютъ о себѣ говорить,—то Испанію можно считать обладательницею цивилизаціи, конечно не особенно утонченной, но вполнѣ соотвѣтствующей ея умственному развитію и потребностямъ. Поэтому, соціализмъ не можетъ особенно серьезно угрожать этой странѣ.

Впрочемъ, у большинства народовъ латинской расы все болѣе и болѣе стремятся къ дорого стоющей утонченной цивилизаціи лишь такъ называемые правящіе классы. Стремленіе это весьма похвально, когда чувствуешь въ себѣ достаточный запасъ энергіи и умственнаго развитія для достиженія такой утонченной жизни. Стремленіе это гораздо менѣе похвально, когда качества эти гораздо менѣе развиты, чѣмъ самыя потребности. Когда хотятъ разбогатѣть во что бы то ни стало и не въ силахъ этого достигнуть своими способностями, то становятся мало

разборчивыми въ средствахъ; честность падаетъ, и безнравственность вскорѣ дѣлается всеобщей. Это дѣйствительно и замѣчается у большинства народовъ латинской расы. Все съ большимъ и большимъ безпокойствомъ можно наблюдать, что у нихъ нравственность среди правящихъ классовъ часто стоитъ гораздо ниже, чѣмъ въ массѣ народа. Въ этомъ и кроется одинъ изъ самыхъ опасныхъ признаковъ могущаго наступить упадка, такъ какъ прогрессъ цивилизацій или гибель ихъ всецѣло зависятъ отъ состоянія высшихъ классовъ общества.

Слово „нравственность" такъ неопредѣленно, охватываетъ собою предметы, столь между собою различные, что употребленіе его неизбѣжно влечетъ за собою серьезныя недоразумѣнія. Я его здѣсь беру просто въ смыслѣ честности, привычки исполнять свои обязательства, въ смыслѣ чувства долга, т. е. въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его цитируемый мною въ другомъ мѣстѣ англійскій писатель, который указываетъ, что благодаря лишь этимъ скромнымъ съ виду, но важнымъ въ дѣйствительности качествамъ англичане быстро преобразовали кредитъ Египта и довели финансы своихъ колоній до столь цвѣтущаго состоянія.

Не въ уголовной статистикѣ, куда заносятся только случаи чрезвычайные, надо искать мѣрило нравственности народа. Нужно непремѣнно вникать въ подробности. Финансовая несостоятельность служитъ показателемъ только конечной фазы состоянія, прошедшаго предварительно рядъ послѣдовательныхъ ступеней.

Чтобы составить себѣ мнѣніе, основанное на серьезныхъ данныхъ, нужно проникать въ интимную жизнь каждой страны, изучать веденіе дѣла финансовыми обществами, нравы торговой среды, независимость или подкупность судебной власти, честность нотаріусовъ и чиновничества и многіе другіе признаки, требующіе непосредственнаго наблюденія, обсужденія которыхъ нельзя найти ни въ одной книгѣ. Въ Европѣ едва ли найдется нѣсколько дюжинъ людей, вполнѣ знакомыхъ съ подобными вопросами. Однако, если вы хотите безъ долгихъ изысканій составить себѣ вѣрное представленіе о нравственности различныхъ націй, стоитъ только просто поразспросить извѣстное число крупныхъ промышленниковъ: строителей, заводчиковъ, предпринимателей и проч., неминуемо соприкасающихся съ торговлей, администраціей и судомъ разныхъ странъ. Предприниматель, который въ разныхъ странахъ устраивалъ желѣзныя дороги, трамваи, электричество, газъ и проч., назоветъ вамъ, если захочетъ, такія страны, гдѣ все покупается—министры, судьи и чиновники; такія страны, гдѣ на подкупъ идутъ немногіе, и такія, гдѣ нельзя никого подкупить; такія, гдѣ торговля ведется честно, и такія, гдѣ она совсѣмъ безчестна. Если при всемъ разнообразіи источниковъ такихъ свѣдѣній, они окажутся совершенно согласными между собою, то, очевидно, ихъ можно признать вполнѣ вѣрными *).

*) Безполезно было бы входить въ подробности этого разслѣдованія, которое я могъ произвести во многихъ странахъ, благодаря связямъ, созданнымъ моими путешествіями. Я скажу только одно: мнѣ было крайне пріятно установить тотъ фактъ, что изъ латинскихъ странъ

Нашъ бѣглый обзоръ латинскихъ расъ не можетъ быть полнымъ, если не прибавить къ нему Францію, игравшую когда то столь блестящую и выдающуюся роль. Франціи еще далеко до упадка, но она значительно расшатана въ настоящее время. Она въ одно столѣтіе узнала все, что только можетъ испытать народъ: и самые кровавые перевороты, и славу, и бѣдствія, и междоусобныя войны, и вторженія, и меньше всего она знала покой. Больше всего бросаются въ глаза въ настоящее время ея утомленіе и равнодушіе, какъ кажется доходящія до разслабленія. Если судить по внѣшнимъ признакамъ, то она могла бы представляться жертвой того біологическаго закона, по которому „чѣмъ великолѣпнѣе былъ расцвѣтъ даннаго типа, тѣмъ вообще полнѣе его истощеніе“.

„Сравнительно съ буржуазіей англійской и нѣмецкой, писалъ недавно одинъ швейцарскій памфлетистъ, цитированный во *France extérieure*, французская буржуазія представится вамъ какъ бы особою престарѣлаго возраста. Личная иниціатива все уменьшается, духъ предпріимчивости какъ бы парализованъ; потребность въ отдыхѣ и спокойныхъ занятіяхъ все увеличивается; увеличивается также число государственныхъ вкладовъ, число чиновниковъ, т. е. капиталы, умъ и способности отстраняются отъ дѣлъ. Поступленія сокращаются, вывозъ уменьшается, число рожденій убавляется, замѣтно уменьшеніе энергіи, чув-

Франція, за исключеніемъ нѣсколькихъ политикановъ, финансистовъ и журналистовъ, является той страной, гдѣ администрація и суды оказываются наиболѣе честными. Представители суда часто оказываются ограниченными въ смыслѣ своего кругозора и весьма легко поддаются политическимъ давленіямъ и вопросамъ о служебныхъ повышеніяхъ, но всегда остаются честными. Только у промышленниковъ и коммерсантовъ нравственность иногда довольно слаба. Напротивъ, существуютъ страны, напр. Испанія и Россія, гдѣ продажность судей и администраціи, недостатокъ въ честности дошли до такой степени, что подобные пороки не стараются даже чѣмъ либо прикрывать.

ство авторитета, справедливости и религіозности падаетъ, наконецъ ослабѣваетъ и интересъ къ общественнымъ дѣламъ; растутъ расходы, увеличивается по всей линіи привозъ, увеличивается наплывъ иностранцевъ".

Изученіе торгово-промышленной борьбы среди западныхъ народовъ, о которой вскорѣ мы будемъ говорить, покажетъ, до какой степени изложенныя заявленія, къ сожалѣнію, справедливы.

§ 4. Результаты усвоенія латинскихъ понятій народами различныхъ расъ.

Рѣдко теперь можно найти такія націи, которыя, находясь на низкой ступени цивилизаціи, внезапно и всецѣло переносятъ къ себѣ учрежденія другихъ народовъ. Въ настоящее время я только и могу назвать Японію и Грецію.

Греція представляетъ то любопытное явленіе, что она всецѣло приняла воззрѣнія латинской расы, особенно въ дѣлѣ воспитанія. Полученные результаты поразительны, и отмѣтить ихъ тѣмъ болѣе важно, что еще ни одинъ писатель не обратилъ на нихъ вниманія.

Современные греки, какъ извѣстно, ни въ какомъ родствѣ съ древними греками не состоятъ. Современная антропологія, подтверждая всѣ историческія данныя, показываетъ, что это короткоголовые славяне, тогда какъ древніе греки были длинноголовые, чего вполнѣ достаточно, чтобы установить между современными греками и ихъ мнимыми предками коренное различіе *).

*) Въ 1851 году, когда Европа столь неловко вмѣшалась въ дѣло освобожденія Греціи, послѣдняя насчитывала около милліона жителей,

Характеръ современныхъ грековъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы на описанiи его необходимо было долго останавливаться. Они, при слабой волѣ и маломъ постоянствѣ, весьма легкомысленны, подвижны и раздражительны. Они питаютъ полное отвращенiе къ продолжительному напряженiю силъ, большiе любители фразъ и рѣчей. Во всѣхъ слояхъ ихъ общественной среды уровень нравственности крайне низокъ.

Любопытно посмотрѣть, какъ отразилось латинское воспитанiе на такомъ народѣ.

Едва избавившись отъ долгаго рабства, которое конечно не могло выработать въ нихъ въ достаточной степени предпрiимчивости и воли, современные греки вообразили себѣ, что возродятся путемъ просвѣщенiя.

одну четверть котораго составляли албанцы или валахи. Она представляла осадокъ, оставшiйся отъ нашествiя всевозможныхъ народовъ, особенно славянъ. Въ ней уже нѣсколько вѣковъ какъ не существовало грековъ въ собственномъ смыслѣ слова. Грецiя, съ тѣхъ поръ какъ стала римской провинцiей, въ глазахъ всякаго рода авантюристовъ, обратилась какъ бы въ разсадникъ рабовъ, куда всякiй могъ приходить и безнаказанно изъ него черпать. Простые торговцы уводили изъ Грецiи въ Римъ невольниковъ цѣлыми тысячами за—разъ. Позже готы, герулы, болгары, валахи и проч. продолжали вторгаться въ страну и уводить въ рабство ея послѣднихъ обитателей. Населенiе Грецiи стало немного пополняться лишь тогда, когда начались вторженiя славянскихъ авантюристовъ— большею частью профессiональныхъ разбойниковъ. Языкъ греческiй только потому и сохранился, что на немъ говорилъ весь византiйскiй востокъ. Такъ какъ населенiе Грецiи въ настоящее время состоитъ почти только изъ славянъ, то типъ древняго грека, увѣковѣченный въ мраморѣ, совершенно исчезъ. Знаменитый Шлиманъ, съ которымъ я встрѣтился во время одного путешествiя въ Грецiю, обратилъ, однако, мое вниманiе на то, что этотъ типъ встрѣчается еще въ видѣ исключенiя у рыбаковъ, живущихъ на многихъ островкахъ Архипелага, вѣроятно потому, что ихъ изолированность и бѣдность избавили ихъ отъ нашествiй.

Въ короткое время страна покрылась 3.000 школъ и всякаго рода учебными заведеніями, гдѣ самымъ тщательнымъ образомъ примѣнялись гибельныя программы нашего латинскаго воспитанія. „Французскій языкъ, пишетъ Фулье, преподается всюду въ Греціи наряду съ греческимъ; нашъ складъ ума, наша литература, наши искусства, наше воспитаніе гораздо больше гармонируютъ съ греческимъ національнымъ духомъ, нежели такія же данныя другихъ народовъ“.

Такъ какъ это теоретическое и книжное воспитаніе способно плодить только чиновниковъ, преподавателей и адвокатовъ, то понятно и тутъ не могло создать ничего другого. „Аѳины — это большая фабрика адвокатовъ, безполезныхъ и вредныхъ“. Въ то время какъ промышленность и земледѣліе находятся въ первобытномъ состояніи, люди съ дипломами, но безъ занятій, быстро размножаются, и такъ же, какъ у народовъ латинской расы, подверженныхъ такой же системѣ воспитанія, единственное ихъ стремленіе — добиться государственной службы.

„Всякій грекъ, пишетъ Политисъ, думаетъ, что главное назначеніе правительства — дать мѣсто либо ему самому, либо одному изъ членовъ его семьи“. Если онъ его не получаетъ, то сейчасъ же дѣлается мятежникомъ, соціалистомъ и начинаетъ разглагольствовать противъ тираніи капитала, хотя врядъ ли послѣдній и существуетъ въ странѣ. Главное занятіе депутатовъ — находить мѣста для обладателей школьныхъ дипломовъ.

Впрочемъ, просвѣщеніе не излѣчило ихъ даже отъ самаго узкаго религіознаго фанатизма. Цивилизо-

ванный міръ съ изумленіемъ взиралъ на то, какъ студенты устроили небольшую революцію, окончившуюся только съ отставкой министерства, съ цѣлью добиться—на зарѣ XX вѣка—церковнаго отлученія писателей, осмѣлившихся переводить Евангеліе на простонародный греческій языкъ.

Фаворитизмъ, распущенность и общее разстройство оказались вскорѣ слѣдствіемъ системы, по которой воспитывалась греческая молодежь. Достаточно было двухъ поколѣній неудачниковъ для того, чтобы привести страну въ полное разореніе и еще болѣе понизить уровень ея нравственности, безъ того уже столь низкій. Просвѣщенная Европа, смотрѣвшая на этотъ маленькій народъ сквозь призму классическихъ воспоминаній временъ Перикла, начала терять свои иллюзіи лишь тогда, когда выяснился совершенный цинизмъ, съ которымъ какіе то политиканы, заключивъ повсюду въ Европѣ займы, однимъ взмахомъ пера вычеркнули свой долгъ, отказываясь уплачивать % и отбирая монопольный доходъ, торжественно переданный кредиторамъ какъ гарантія, въ тотъ самый день, когда не могли найти болѣе заимодавцевъ.*) Европа тогда воочію убѣ-

*) Такой способъ уничтоженія долговъ, въ торговомъ правѣ именуемый банкротствомъ, принятъ въ Португаліи, латино-американскихъ республикахъ, Турціи и во многихъ другихъ странахъ.

Политиканамъ, примѣнявшимъ этотъ способъ, онъ сперва казался весьма изобрѣтательнымъ. Но они совсѣмъ упустили одно обстоятельство: подобное банкротство приводило въ концѣ концовъ практиковавшія это средство страны къ тому, что онѣ подпадаютъ подъ строгій контроль, а слѣд., и подъ главенство другихъ странъ. Въ настоящее время греки испытываютъ это на себѣ. Такъ какъ положительно невозможно было найти между ними нѣсколькихъ человѣкъ, необходимыхъ

дилась, насколько пришли въ разстройство дѣла страны и чего стоили всѣ эти говоруны, когда передъ ней развернулись эпизоды послѣдней борьбы Греціи съ турками, и ей пришлось быть свидѣтельницей того, какъ значительными греческими войсками овладѣвала ужаснѣйшая паника, и они бросались вразсыпную при одномъ только появленіи вдали нѣсколькихъ оттоманскихъ солдатъ. Не вмѣшайся Европа, греки снова исчезли бы съ исторической сцены, и міръ ничего бы отъ этого не потерялъ. Тогда стало понятно, что могло скрываться подъ обманчивымъ лоскомъ цивилизаціи. Наша университетская молодежь, восторженно преклоняющаяся передъ Греціей, въ то же время должна была составить себѣ, относительно психологіи извѣстныхъ народовъ, болѣе серьезное понятіе, чѣмъ тѣ, которыя она почерпаетъ изъ своихъ книгъ.

§ 5. Будущность, грозящая народамъ латинской расы.

Таково, смѣю надѣяться, безъ большихъ погрѣшностей, современное состояніе народовъ какъ латинскихъ, такъ и принявшихъ воззрѣнія латинской расы. Пока эти народы не найдутъ путей къ своему подъему, они должны помнить, что при новой эволюціи, совершающейся въ мірѣ, мѣсто имѣется толь-

для болѣе или менѣе честнаго управленія финансами, имъ пришлось поневолѣ, подобно Египту и Турціи, согласиться на передачу управленія своими финансами въ руки иностранныхъ агентовъ, контролируемыхъ правительствами заинтересованныхъ странъ.

ко для сильныхъ, и что всякій ослабѣвающій народъ непремѣнно сдѣлается добычей своихъ сосѣдей, особенно теперь, когда отдаленные рынки все болѣе и болѣе закрываются.

Эта точка зрѣнія — самая основная. До очевидности ясно она выставлена въ знаменитой рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ лордомъ Сольсбери, въ то время первымъ министромъ Англіи. Въ виду важнаго значенія этой рѣчи и авторитета ея автора, я воспроизведу изъ нея нѣсколько отрывковъ. Въ нихъ превосходно указаны послѣдствія пониженія нравственности, отмѣченнаго мною выше и являющагося лучшимъ мѣриломъ паденія народа. Вызванные этою рѣчью въ Испаніи протесты ужъ конечно никакъ не могутъ поколебать правильности положеній, высказанныхъ этимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ, и дѣлаемыхъ имъ заключеній.

„Вы можете, *огуломъ*, раздѣлить всѣ націи міра на двѣ категоріи: жизнеспособныя и вымирающія. Вотъ, съ одной стороны, націи великія. которыя проявляютъ громадную возрастающую съ каждымъ годомъ мощь, увеличиваютъ свое богатство, расширяютъ свою территорію и совершенствуютъ свою организацію.

„Но наряду съ этими цвѣтущими организмами, обладающими, повидимому, несокрушимой силой и соперничающими въ предъявленіи такихъ требованій, которыя можетъ быть въ будущемъ не удастся примирить безъ кровопролитія, мы видимъ нѣкоторыя общества, которыхъ я не могу назвать иначе какъ *вымирающими*, хотя терминъ этотъ не ко всѣмъ можетъ быть приложимъ въ одинаковой степени. Въ этихъ государствахъ разложеніе и упадокъ идутъ почти такъ же быстро, какъ растутъ сплоченность и могущество жизнеспособныхъ націй, которыми они окружены. Каждыя десять лѣтъ они оказываются все болѣе и болѣе слабыми, бѣдными, лишенными людей, способныхъ руководить ими, а также учрежденій, внушающихъ довѣріе. Такія государства по всѣмъ признакамъ быстро близятся къ роковому концу, а между тѣмъ съ какимъ удивительнымъ упорствомъ они цѣпляются за остатокъ жизни.

„У этихъ націй безъ того уже плохой правительственный режимъ не только не исправляется, а становится чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Общество и самъ оффиціальный міръ, администрація насквозь прогнили, такъ что не видно нигдѣ твердаго основанія, позволяющаго разсчитывать на возможность какого либо преобразованія или возрожденія. Можно сказать, что эти націи представляютъ для просвѣщенной части міра ужасное зрѣлище, хотя и не въ одинаковой степени. Націи эти представляютъ картину, которая, къ несчастью, становится все мрачнѣе и мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ другія націи ближе знакомятся съ подробностями, и,—какъ изъ состраданія, такъ и въ видахъ своихъ интересовъ, вынуждены искать средство для устраненія такихъ бѣдствій.

„Сколько времени такое положеніе вещей можетъ продолжаться, я, конечно, не берусь предсказывать. Я могу теперь лишь указать на то, что прогрессъ продолжается въ обоихъ направленіяхъ: слабыя государства все болѣе слабѣютъ, сильныя—крѣпнутъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, къ какому роковому результату приведетъ сочетаніе этихъ противоположныхъ движеній. По той или другой причинѣ, въ силу ли политическихъ условій, или подъ личиной человѣколюбія, жизнеспособныя націи будутъ постепенно захватывать территорію вымирающихъ, и сѣмена раздора среди цивилизованныхъ народовъ не замедлятъ принести свои плоды“.

Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, пытаться подчинять соціализму страны, столь расшатанныя, разрозненныя и мало преуспѣвающія, какъ страны латинскія? Не очевидно ли, что эта попытка поведетъ къ еще большему ихъ ослабленію и сдѣлаетъ ихъ еще болѣе легкой добычей для народовъ сильныхъ? Увы, политиканы замѣчаютъ это такъ же мало, какъ и поглощенные въ тиши келій религіозными спорами средневѣковые богословы не замѣчали, что варвары потрясаютъ стѣны ихъ монастырей и грозятъ имъ рѣзнею!

Слѣдуетъ ли, однако, совсѣмъ отчаяваться въ будущности народовъ латинской расы? Необходимость — сила могучая, которая многое можетъ измѣнить. Возможно, что послѣ цѣлаго ряда страшныхъ бѣдствій народы латинской расы, наученные

опытомъ и сумѣвшіе освободиться отъ подстерегающихъ ихъ сосѣдей, рѣшатся на трудную задачу — вырабатывать въ себѣ недостающія имъ качества, необходимыя отнынѣ для успѣха въ жизни. Одно лишь средство въ ихъ распоряженіи: измѣнить совершенно систему своего воспитанія. Выше всякой похвалы тѣ немногіе апостолы, которые съ рвеніемъ принялись за это дѣло. Апостолы могутъ сдѣлать многое, такъ какъ зачастую имъ удается совершенно измѣнить общественное мнѣніе, а оно въ настоящее время всесильно. Но понадобятся тяжелыя усилія для того, чтобы уничтожить гнетъ предразсудковъ, поддерживающихъ нашу систему воспитанія въ ея настоящемъ положеніи. Исторія показываетъ, что для основанія религіи достаточно иногда двѣнадцати апостоловъ; но сколько религій, вѣрованій и воззрѣній не могло распространиться за невозможностью набрать эту дюжину апостоловъ.

Не будемъ, однако, слишкомъ большими пессимистами. Исторія такъ полна неожиданностей, міръ на пути къ такимъ глубокимъ измѣненіямъ, что въ настоящее время невозможно предвидѣть судьбу государствъ. Во всякомъ случаѣ задача философовъ не идетъ далѣе указанія народамъ на угрожающія имъ опасности.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конфликтъ между экономическими законами и соціалистическими стремленіями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Современное промышленное и экономическое развитіе.

§ 1. *Современные факторы развитія обществъ, созданные новѣйшими открытіями.* Нынѣшній вѣкъ далъ наибольшее количество измѣненій въ кратчайшее время. Современные факторы соціальнаго развитія. Роль научныхъ и промышленныхъ открытій. Какъ они перевернули всѣ условія существованія.

§ 2. *Вліяніе современныхъ открытій на условія существованія обществъ.* Вынужденныя перемѣны въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Происшедшія отъ нихъ нравственныя и соціальныя измѣненія. Вліяніе механическаго производства на семью и на умственное развитіе рабочихъ. Машина, сокративъ разстоянія, превратила міръ въ одинъ независимый отъ дѣйствія правительствъ рынокъ. Преобразованія, произведенныя въ послѣдніе дни въ жизни народовъ лабораторными открытіями. Возможная роль силъ природы въ будущемъ. Неустойчивость замѣнила повсюду вѣковые устои. Жизнь народовъ и условія ихъ прогресса все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ воздѣйствія правительствъ.

§ 1. Современные факторы развитія обществъ, созданные новѣйшими открытіями.

Въ теченіе послѣдняго вѣка, сравнительно съ предшествующими, произошли, можетъ быть, наибольшія измѣненія въ самое короткое время. Эти измѣ-

ненія произошли отъ появленія нѣкоторыхъ факторовъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, какіе управляли обществами до сихъ поръ. Одинъ изъ главныхъ характерныхъ признаковъ настоящей эпохи состоитъ именно въ измѣненіи причинъ, опредѣляющихъ развитіе народовъ. Между тѣмъ какъ, въ теченіе вѣковъ, преобладающее вліяніе оказывали религіозные и политическіе факторы, въ настоящее время это вліяніе значительно ослабѣло. Факторы же экономическіе и промышленные, игравшіе въ теченіе долгаго времени очень малую роль, нынѣ пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе. Цезарю, Людовику XIV, Наполеону или всякому другому западному монарху было совершенно безразлично, обладалъ ли Китай углемъ, или нѣтъ. Теперь же одинъ только фактъ такого обладанія и утилизаціи Китаемъ угля не замедлилъ бы оказать самое глубокое вліяніе на ходъ европейской цивилизаціи. Бирмингамскаго фабриканта и англійскаго земледѣльца никогда прежде не занималъ бы вопросъ, могла ли Индія производить хлопокъ и воздѣлывать пшеницу. Въ продолженіе вѣковъ фактъ этотъ для Англіи былъ совершенно незначителенъ, а теперь онъ имѣетъ для нея гораздо большее значеніе, чѣмъ имѣли въ свое время казавшіяся столь важными событія, въ родѣ пораженія непобѣдимой армады или низверженія могущества Наполеона.

Но не только прогрессъ отдаленныхъ народовъ оказываетъ сильное вліяніе на существованіе европейскихъ націй. Быстрыя промышленныя усовершенствованія перевернули всѣ условія жизни. Спра-

ведливо замѣчено, что до начала нашего вѣка, за тысячи лѣтъ орудія промышленности мало измѣнились. И дѣйствительно, въ своихъ существенныхъ частяхъ они были тождественны съ образцами, находящимися въ гробницахъ древнихъ египтянъ, давностью въ 4000 лѣтъ до Р. Х. *) Но уже минуло сто лѣтъ, какъ такое сравненіе съ промышленностью древности стало невозможнымъ. Использованіе паровыми машинами солнечной энергіи, заключенной въ каменномъ углѣ, совершенно видоизмѣнило промышленность. Самый скромный заводчикъ имѣетъ въ своихъ складахъ больше угля, чѣмъ нужно для производства работы, значительно превосходящей ту, которую могли бы выполнить имѣвшіеся, какъ говорятъ, у Красса 20.000 рабовъ. Мы имѣемъ паровые молоты, одинъ ударъ которыхъ представляетъ силу 10.000 человѣкъ. Считаютъ, что однимъ только Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ потребовалось бы 13 милліоновъ человѣкъ и 53 милліона лошадей, для выполненія работы, производимой въ годъ желѣзными дорогами, т. е. силою, извлекаемой изъ каменнаго угля. Если допустить невозможную, впрочемъ, гипотезу, что нашлось бы такое количество людей и животныхъ, то на ихъ содержаніе потребовалось бы 55 милліардовъ, вмѣсто приблизительно $2^1/_2$, представляющихъ

*) Въ этомъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ гравюры нашего труда *les premières civilisations de l'Orient*, гдѣ, по изображеніямъ на гробницахъ, представлены орудія промышленности древняго Египта.

стоимость работы, выполняемой механическими двигателями *).

§ 2. Вліяніе современныхъ открытій на условія существованія обществъ.

Простой фактъ нахожденія человѣкомъ средства извлекать изъ угля полезную силу совершенно перевернулъ наши физическія условія существованія. Порождая новыя средства, онъ создалъ новыя потребности. Измѣненія въ матеріальной жизни вскорѣ повлекли за собою преобразованія въ духовномъ и соціальномъ состояніи народовъ. Изобрѣтя машину, человѣкъ оказался порабощеннымъ ею, какъ нѣкогда богами, созданными его воображеніемъ. Онъ долженъ былъ подчиниться экономическимъ законамъ, возникшимъ исключительно отъ распространенія машиннаго производства. Машина, открывъ доступъ на заводъ женщинѣ и ребенку, разстроила семейный очагъ и семью. Облегчивъ рабочему трудъ и заставивъ его спеціализоваться, машина понизила въ немъ умственный уровень и способность къ напряженному труду. Бывшій мастеръ спустился до степени простого чернорабочаго и выйти изъ этого положенія онъ можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Промышленная роль машинъ не ограничилась огромнымъ увеличеніемъ силы, которою человѣкъ располагалъ. Преобразовавъ средства передвиженія, она

*) Де Фовиль вычислилъ, что передвиженіе носильщиками одной тонны товаровъ стоитъ съ километра 3 фр. 33 сант. (цифра, доходящая въ Африкѣ до 10 фр.), вьючными животными 87 сант., по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ—только 6 сант., а по американскимъ—$1^1/_2$ сант.

значительно сократила разстоянія, существовавшія между различными частями свѣта и сблизила между собою народы, которые прежде были совершенно разъединены. Западъ и Востокъ настолько сблизились, что ихъ отдѣляетъ теперь переѣздъ въ нѣсколько недѣль вмѣсто многихъ мѣсяцевъ; въ нѣсколько часовъ, даже въ нѣсколько минутъ, они могутъ обмѣняться мыслями. Благодаря углю же, произведенія однихъ быстро достигаютъ другихъ, и міръ обратился въ одинъ обширный рынокъ, освободившійся отъ вліянія правительствъ. Результаты самыхъ кровавыхъ революцій, самыхъ продолжительныхъ войнъ—ничто въ сравненіи съ результатами научныхъ открытій этого вѣка, предвѣщающими открытія еще болѣе значительныя и плодотворныя.

Условія жизни современнаго человѣчества преобразованы не однимъ только паромъ и электричествомъ. Изобрѣтенія, повидимому, почти незначительныя, непрерывно способствовали и способствуютъ измѣненію этихъ условій. Простой лабораторный опытъ совершенно измѣняетъ факторы благосостоянія провинціи и даже страны. Такъ, напр., обращеніе антрацита въ ализаринъ убило промышленность марены *) и однимъ ударомъ разорило департаменты, жившіе этой промышленностью. Цѣна земли съ 10.000 фр. за гектаръ упала ниже 500 фр. Когда искусственное приготовленіе алкоголя, уже достигнутое въ лабораторіяхъ, и такое же ожидаемое въ близ-

*) Родъ краски краснаго цвѣта, добываемой изъ растенія того же названія.

комъ будущемъ приготовленіе сахара войдутъ въ промышленную практику, нѣкоторыя страны принуждены будутъ отказаться отъ вѣковыхъ источниковъ богатства и будутъ доведены до нищеты. Въ сравненіи съ такими потрясеніями что будутъ значить для нихъ такія событія, какъ столѣтняя война, реформація или революція? Можно, впрочемъ, оцѣнить значеніе такихъ коммерческихъ колебаній, если вспомнить, во что обошлось Франціи за 10 лѣтъ распространеніе микроскопическаго насѣкомаго — филоксеры. Потеря съ 1877 г. до 1887 г. милліона гектаровъ виноградниковъ была оцѣнена въ 7 милліардовъ фр. Сумма причиненныхъ этимъ бѣдствіемъ убытковъ почти равняется расходамъ нашей послѣдней войны. Отъ этого убытка Испанія временно обогатилась, такъ какъ недостававшее намъ количество вина пришлось купить у нея. Съ экономической точки зрѣнія результатъ получился такой, какъ если бы мы, побѣжденные испанскими арміями, были присуждены платить ей ежегодно огромную дань.

Невозможно выразить въ достаточно сильной мѣрѣ всю важность великихъ переворотовъ въ области промышленности, которые составляютъ одно изъ роковыхъ условій современности и которые только еще начинаются. Главнымъ послѣдствіемъ такихъ переворотовъ является то, что условія существованія, казавшіяся установившимися на вѣки, потеряли всякую устойчивость.

„Если спросить, пишетъ англійскій философъ Мэнъ, какое изъ поражающихъ народъ бѣдствій самое ужасное, можетъ быть отвѣтятъ, что это кровавая война, опустошительный голодъ, смертоносная эпиде-

мія. Между тѣмъ ни одно изъ этихъ бѣдствій не принесетъ такихъ сильныхъ и продолжительныхъ страданій, какъ переворотъ въ модѣ, предписывающій дамскому туалету одну какую нибудь матерію или одинъ цвѣтъ, какъ это въ настоящее время установилось въ одеждѣ мужчинъ. Множество процвѣтающихъ и богатыхъ городовъ въ Европѣ или Америкѣ были бы осуждены этимъ на банкротство и истощеніе, и катастрофа оказалась бы хуже голода или эпидеміи".

Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, и возможно, что переворотъ, вызванный въ женскомъ нарядѣ все болѣе и болѣе распространяющимся употребленіемъ велосипеда, скоро осуществитъ его на дѣлѣ. Но научныя открытія конечно произведутъ измѣненія еще и не такой важности. Напр., химія, наука едва только устанавливающаяся, подготовляетъ намъ много такихъ неожиданностей. Когда мы будемъ въ состояніи примѣнять въ своемъ обиходѣ температуры отъ 3 до 4 тысячъ градусовъ или близкія къ абсолютному нулю, что уже и начинаетъ намъ удаваться, тогда неизбѣжно появится совершенно новая химія. Теорія уже намъ говоритъ, что наши простыя тѣла весьма вѣроятно ничто иное, какъ продукты сгущенныхъ соединеній другихъ элементовъ, свойства которыхъ намъ совершенно неизвѣстны. Можетъ быть, какъ это предполагаетъ въ одной своей рѣчи химикъ Бертело, когда нибудь всѣ пищевыя вещества будутъ вырабатываться всецѣло при помощи науки, и тогда „не будетъ больше ни покрытыхъ жатвами полей, ни виноградниковъ, ни луговъ съ многочисленными стадами. Не будетъ больше различія между странами плодородными и безплодными".

Мы можемъ еще предположить такую картину

будущаго, когда силы природы будутъ въ нашемъ распоряженіи для удовлетворенія всѣхъ нашихъ нуждъ и почти совершенно замѣнятъ работу человѣка. Не будетъ также химерой допустить, что благодаря электричеству, этому чудесному дѣятелю преобразованія и передачи энергіи, сила вѣтра, морскихъ приливовъ и водопадовъ скоро будетъ въ нашемъ распоряженіи. Уже и теперь частью использованные Ніагарскіе водопады обладаютъ двигательной силой въ 17 милліоновъ паровыхъ лошадей, и недалеко время, когда эта, едва входящая въ употребленіе сила, при помощи электрическихъ проводовъ, будетъ передаваться на далекія разстоянія. Внутренняя теплота земного шара и теплота солнца представляютъ также неистощимые источники энергіи.

Но, не останавливаясь на будущихъ открытіяхъ, а разсматривая успѣхи, достигнутые только за послѣднія 50 лѣтъ, мы видимъ, что условія нашего существованія мѣняются съ каждымъ днемъ и притомъ такъ внезапно, что общества неизбѣжно подвергаются преобразованіямъ, гораздо болѣе быстрымъ, чѣмъ то можетъ вынести умственное состояніе, медленно созданное вѣковою наслѣдственностью. Повсюду вѣковая устойчивость уступила мѣсто неустойчивости.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что нынѣшній вѣкъ есть, въ одно и то же время, вѣкъ разрушенія и созиданія. Кажется, что передъ измѣненіями, вызванными наукой и промышленностью, не можетъ устоять ни одна изъ нашихъ идей, ни

одно изъ нашихъ условій прежняго существованія. Трудность приспособленія къ этимъ новымъ требованіямъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что наши чувства и привычки мѣняются медленно, тогда какъ внѣшнія обстоятельства мѣняются слишкомъ быстро и слишкомъ глубоко, чтобы прежнія воззрѣнія, съ которыми намъ трудно разстаться, могли просуществовать долго. Никто не можетъ предсказать, какой выйдетъ соціальный строй изъ этихъ неожиданныхъ разрушеній и созиданій. Мы видимъ ясно, что самыя важныя явленія въ жизни государствъ и самыя условія ихъ прогресса все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ государственной власти и подчиняются промышленнымъ и экономическимъ требованіямъ, противъ которыхъ эта власть безсильна. Мы предчувствуемъ уже, и далѣе въ этомъ трудѣ это выяснится еще полнѣе, что требованія соціалистовъ будутъ все болѣе и болѣе расходиться съ экономическимъ развитіемъ, которое подготовляется внѣ ихъ и очень далеко отъ нихъ. Но тѣмъ не менѣе они должны будутъ ему подчиниться, какъ всякому роковому закону природы, которому до сихъ поръ подчинялся человѣкъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическая борьба между Востокомъ и Западомъ.

§ 1. *Экономическая конкуренція.* Соціализмъ не признаетъ законовъ необходимости, управляющихъ въ настоящее время міромъ. Стремленія правительствъ все болѣе и болѣе обусловливаются внѣшними экономическими явленіями, къ которымъ они должны примѣняться. Міръ экономическихъ и промышленныхъ отношеній теперь уже представляетъ одно цѣлое, и страны становятся все менѣе и менѣе свободными въ своихъ дѣйствіяхъ. Народы стремятся все болѣе и болѣе къ подчиненію внѣшнимъ требованіямъ, а не единичной волѣ. Послѣдствія уменьшенія разстояній между Востокомъ и Западомъ. Результаты экономической борьбы между народами съ мало развитыми и очень развитыми потребностями. Цѣна товаровъ на рынкѣ опредѣляется ихъ цѣною на томъ рынкѣ, гдѣ производство всего дешевле. Результаты конкуренціи между однородными произведеніями европейской и восточной промышленностей. Почему Англія принуждена все болѣе и болѣе отказываться отъ земледѣлія. Конкуренція Индіи и Японіи. Будущность европейской торговли. Будущность Россіи. Конкуренція со стороны Востока и соціализмъ.

§ 2. *Примѣняемыя и предлагаемыя средства.* Возраженія экономистовъ по поводу послѣдствій борьбы между Востокомъ и Западомъ. Мнимое перепроизводство. Почему доводы экономистовъ могутъ считаться основательными только относительно будущаго. Протекціонизмъ. Его искусственная и временная роль. Народы земледѣльческіе и народы промышленные. Различныя средства противъ конкуренціи Востока, изыскиваемыя англо-саксами. Почему они обращаются къ Африкѣ. Трудность промышленной и торговой борьбы для латинскихъ народовъ.

§ 1. Экономическая конкуренція.

Мы только что указали вкратцѣ, что міровое экономическое и промышленное развитіе перевернуло прежнія условія существованія человѣчества. Эта

истина станетъ еще яснѣе при изученіи нѣкоторыхъ изъ представляющихся въ настоящее время задачъ.

Соціалисты въ изложеніи своихъ требованій и мечтаній обнаруживаютъ полное незнаніе законовъ необходимости, управляющихъ новымъ міромъ. Они всегда разсуждаютъ такъ, какъ будто міръ кончается за предѣлами обитаемой ими страны, и все, что происходитъ въ остальномъ мірѣ, не должно имѣть никакого вліянія на ту среду, гдѣ они проповѣдуютъ свои ученія, и какъ будто предлагаемыя ими мѣры не должны совершенно перевернуть отношенія народа, примѣняющаго ихъ, къ другимъ народамъ. Такое обособленіе было бы возможно развѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, но въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе. Роль правителей каждой страны все болѣе и болѣе обнаруживаетъ стремленіе обусловливаться экономическими явленіями очень отдаленнаго происхожденія, совершенно не зависящими отъ воздѣйствія государственныхъ людей, принужденныхъ имъ подчиняться. Искусство управлять состоитъ въ настоящее время, прежде всего, въ умѣніи возможно лучше приспособляться къ внѣшнимъ требованіямъ, не поддающимся волѣ отдѣльныхъ людей.

Конечно, каждая страна продолжаетъ составлять собою отечество; но міръ науки, промышленности, экономическихъ отношеній теперь уже представляетъ собою одинъ міръ, имѣющій свои законы, тѣмъ болѣе строгіе, что они устанавливаются необходимостью, а не кодексами. На почвѣ экономической и промышленной, никакая страна въ настоящее время не сво-

бодна вести свои дѣла по собственному усмотрѣнію, и это по той простой причинѣ, что развитіе промышленности, земледѣлія и торговли въ громадномъ числѣ случаевъ отражается на всѣхъ народахъ. Экономическія и промышленныя явленія, происходящія въ отдаленныхъ странахъ, могутъ заставить самую незнакомую и чуждую имъ страну преобразовать свое земледѣліе, свои промышленные пріемы, свои способы фабрикаціи, свои коммерческіе обычаи и, какъ послѣдствіе того, свои учрежденія и свои законы. Народы все болѣе и болѣе стремятся руководствоваться общими требованіями, а не волей отдѣльныхъ людей. Дѣятельность же правительствъ стремится, слѣд., дѣлаться все болѣе и болѣе слабой и неувѣренной. Это одно изъ самыхъ характерныхъ явленій настоящаго времени.

Вопросъ, который мы разсмотримъ въ этой главѣ, позволитъ намъ совершенно ясно иллюстровать предыдущее. Онъ намъ еще разъ покажетъ, насколько предлагаемыя соціалистами рѣшенія о всеобщемъ счастіи поверхностны и неисполнимы.

Этотъ вопросъ, на который мы въ числѣ первыхъ указали уже много лѣтъ тому назадъ, есть вопросъ объ экономической борьбѣ между Востокомъ и Западомъ, обрисовывающійся съ каждымъ днемъ все яснѣе. Сократившіяся, благодаря пару, разстоянія и развитіе промышленности имѣли послѣдствіемъ приближеніе Востока къ нашимъ границамъ и превращеніе обитателей его въ конкурентовъ Запада. Эти конкуренты, пользовавшіеся прежде нашими продук-

тами, пріобрѣли наши машины и принялись выдѣлывать эти продукты сами, и вмѣсто того, чтобы покупать у насъ, они теперь продаютъ намъ. Это имъ удается тѣмъ легче, что, нетребовательные по унаслѣдованнымъ издавна привычкамъ, они изготовляютъ эти продукты по значительно меньшей матеріальной ихъ цѣнѣ, сравнительно съ цѣною изготовленныхъ въ Европѣ. Большинство восточныхъ рабочихъ живетъ менѣе, чѣмъ на 10 су въ день, тогда какъ европейскій рабочій проживаетъ едва ли менѣе 4 или 5 фр. Такъ какъ цѣна работы всегда опредѣляетъ цѣну товаровъ, а стоимость ихъ на всякомъ рынкѣ устанавливается стоимостью на рынкѣ, поставляющемъ товары по наименьшей цѣнѣ, то, слѣд., промышленнымъ предпріятіямъ европейскихъ фабрикантовъ угрожаютъ конкуренты, производящіе тѣ же предметы по цѣнѣ въ 10 разъ меньшей. Индія, Японія, а вскорѣ и Китай, вошли въ фазу, которую мы когда то предсказывали, и дѣлаютъ быстрые успѣхи. Иностранные продукты стекаются въ Европу все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, а вывозъ продуктовъ европейской фабрикаціи все болѣе и болѣе сокращается. Конечно не военнаго нашествія восточныхъ народовъ надо опасаться, какъ это утверждаютъ, а единственно только вторженія восточныхъ продуктовъ.

Въ теченіе продолжительнаго времени конкуренція ограничивалась только земледѣльческими продуктами, и по ея послѣдствіямъ мы можемъ предчувствовать—что будетъ, когда она распространится на продукты промышленности.

Первымъ послѣдствіемъ конкуренціи было, какъ замѣтилъ Мелинъ въ палатѣ депутатовъ, пониженіе на половину въ теченіе 20 лѣтъ стоимости земледѣльческихъ продуктовъ: хлѣба, шерсти, вина, спирта, сахара и т. д. Шерсть, напр., стоившая въ 1882 г. приблизительно 2 фр. за килограммъ, 20 лѣтъ спустя стоила только 1 фр.; сало съ 95 фр. упало до 42 фр., и т. д.

Многіе экономисты, въ томъ числѣ и я, считаютъ эти пониженія цѣнъ выгодными, такъ какъ въ результатѣ этимъ пользуется публика, т. е. большинство; но разсматривая вопросъ съ другихъ сторонъ, очень легко оспаривать выгоду такихъ пониженій. Самое главное ихъ неудобство состоитъ въ томъ, что они ставятъ земледѣліе въ невыгодное положеніе и заставляютъ нѣкоторыя страны отъ него отказываться, что можетъ иногда вести къ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Предположеніе, что нѣкоторыя страны могутъ быть принуждены отказаться отъ земледѣлія, не представляетъ ничего невѣроятнаго: въ настоящее время оно все болѣе и болѣе осуществляется въ Англіи. Принужденная бороться одновременно съ производствомъ хлѣба въ Индіи и Америкѣ, она постепенно отказывается отъ производства его у себя, несмотря на совершенство англійскихъ способовъ земледѣлія, позволяющихъ получать умолотъ въ 29 гектолитровъ съ гектара. Въ настоящее время годовое производство хлѣба въ Англіи упало до 23 милліоновъ гектолитровъ, тогда какъ годовое его потребленіе составляетъ 85 милліоновъ. Такимъ образомъ ей приходится покупать

за границей около 60 милліоновъ. Если бы Англія была блокирована на своемъ островѣ или не имѣла бы средствъ, необходимыхъ для пополненія этой разницы, то большая часть ея жителей была бы обречена на голодную смерть.

Франція, страна по преимуществу земледѣльческая, благодаря покровительственной системѣ, средству только временному и фиктивному, могла продолжать борьбу, составляющую для нея жизненный интересъ. Но сколько времени будетъ она въ состояніи ее вести? Она производитъ около 100 милліоновъ гектолитровъ,—цифра, могущая сообразно съ годами понижаться до 75 или возрастать до 135. Настоящая цѣна пшеницы около 18 фр. за 100 кило регулярно понижается уже нѣсколько лѣтъ. Эта цѣна впрочемъ искусственна, такъ какъ иностранный хлѣбъ, вслѣдствіе обложенія покровительственной пошлиной въ 7 фр., на самомъ дѣлѣ стоитъ 11 фр., составляющихъ продажную цѣну на иностранныхъ рынкахъ, особенно въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ. Эта цѣна впредь можетъ только понижаться. Итальянскіе земледѣльцы Аргентинской республики достигаютъ производства хлѣба по 5 фр. за гектолитръ.

Можно ли надолго задержать это постепенное пониженіе постепенно же возрастающими покровительственными пошлинами, имѣющими послѣдствіемъ искусственное поддержаніе дороговизны припасовъ и, слѣд., препятствующими населенію пользоваться общей дешевизной? Въ виду того, что Франція потребляетъ ежегодно 120 мил. гектолитровъ, существующая пошлина въ 7 фр. съ гектолитра, увеличивающая по

крайней мѣрѣ на одну треть цѣну хлѣба, представляетъ огромную сумму, взимаемую со всего народа въ пользу небольшого числа крупныхъ спекулянтовъ, такъ какъ большинству земледѣльцевъ, производящему хлѣбъ только для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, ничего не остается на продажу. Въ защиту такихъ произвольныхъ пріемовъ можно только сказать, что они полезны, дозволяя странѣ временно поддерживать существованіе земледѣлія и предоставляя ему необходимое время для улучшенія. Но вскорѣ ни одно правительство не будетъ въ силахъ удержать искусственную дороговизну жизненныхъ припасовъ.

Причиной упадка европейскаго земледѣлія нельзя считать Востокъ, едва вступившій тогда въ земледѣльческую борьбу. Начало этого упадка нужно видѣть въ производствѣ злаковъ въ Америкѣ, гдѣ земля почти ничего не стоитъ, тогда какъ въ Европѣ она очень дорога. Въ тотъ день, когда у Америки возникла въ свою очередь конкуренція съ странами въ родѣ Индіи, гдѣ земля не только ничего не стоитъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но гдѣ кромѣ того и работа обходится въ десять разъ дешевле, она подверглась участи Англіи, а ея земледѣлію угрожаетъ теперь полное разореніе. Американскіе земледѣльцы находятся теперь въ самомъ невыгодномъ положеніи. Де Манда-Грансэ указываетъ на фермы, стоившія прежде 300 долларовъ за акръ и не находящія теперь покупателей по 10 долл. Никакая покровительственная пошлина не можетъ помочь американцамъ, такъ какъ ихъ интересъ въ томъ, чтобы продавать хлѣбъ, а

не ввозить его. Слѣдовательно, не покровительственная система можетъ устранить на иностранныхъ рынкахъ конкуренцію съ ними странъ, у которыхъ производство значительно дешевле.

Борьба Востока съ Западомъ, происходившая сначала только изъ-за сырья и земледѣльческихъ продуктовъ, постепенно распространилась и на продукты промышленности. Въ странахъ Дальняго Востока, напр., въ Индіи и Японіи, поденная заработная плата на заводахъ почти не превышаетъ 10 су, и мастера получаютъ немногимъ болѣе. Де Манда-Грансэ называетъ заводъ близъ Калькутты, гдѣ, при 1500 рабочихъ, помощникъ директора изъ туземцевъ получаетъ въ мѣсяцъ менѣе 20 фр. жалованья. При такой малой стоимости производства вывозъ изъ Индіи за 10 лѣтъ возросъ съ 712 милліоновъ до 4 слишкомъ милліардовъ.

Но Индія не богата углемъ, а въ Японіи его достаточно для вывоза по цѣнѣ вдвое меньшей цѣны англійскаго угля. Вслѣдствіе этого Японія сдѣлала еще болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ Индія. Японіи, располагающей углемъ, этимъ главнымъ источникомъ народнаго богатства, стоило только накупить европейскихъ машинъ и по ихъ образцу построить такія же у себя, чтобы вскорѣ стать совершенно на одну ногу съ Европой въ отношеніи способности къ производству и далеко превзойти ее въ дешевизнѣ производства въ силу низкой заработной платы.

Японія имѣетъ теперь большія фабрики, какъ, напр.,

хлопчатобумажныя, дающія заработокъ 6000 *) рабочихъ и дѣлающія настолько выгодные обороты, что даютъ дивиденды отъ 10 до 20 %, между тѣмъ какъ прибыль подобныхъ фабрикъ въ Англіи, уменьшаясь съ каждымъ днемъ, постепенно упала въ самыхъ доходныхъ предпріятіяхъ до 3 %. Другія фабрики въ убыткѣ и не даютъ болѣе дивиденда просто потому, что вывозъ ежедневно уменьшается, благодаря конкуренціи съ Востокомъ.

Народы Востока стали выдѣлывать одинъ за другимъ всѣ европейскіе продукты и всегда при условіяхъ такой дешевизны, что всякая борьба съ ними становится невозможною. Въ Японіи существуютъ теперь производства часовое, фаянсовое, бумажное, парфюмерное и даже такъ называемыхъ articles de Paris. Такимъ образомъ, европейскіе продукты все болѣе и болѣе вытѣсняются съ рынковъ Востока. Есть предметы, напр. спички, которыхъ Англія прежде продавала ежегодно на 600.000 фр., а теперь продаетъ не больше какъ на 10.000 фр., тогда какъ Японцы, начавъ съ ничтожной продажи, въ нѣсколько лѣтъ перешли къ производству, которое въ 1895 г. дошло до

*) Прядильное производство Kanegafuchi въ Японіи занимаетъ около 6000 человѣкъ, работающихъ день и ночь въ двѣ смѣны по 12 часовъ каждая. Рабочая поденная плата равняется приблизительно 50 сант., уплачиваемая серебромъ, рыночная стоимость котораго, какъ извѣстно, вдвое меньше противъ золота. Вотъ впрочемъ данныя изъ статистическихъ отчетовъ Японской имперіи, опубликованныхъ въ Токіо въ 1897 г. Hanabusa, директоромъ статистическаго отдѣленія, касающіяся средняго оклада нѣкоторыхъ рабочихъ категорій: для земледѣльцевъ — 32 сант. въ день, типографщиковъ—1 фр. 40 сант., плотниковъ—1 фр. 75 сант.

2.275.000 фр. Эти спички продаются по 1 фр. за 144 коробки, т. е. 15 коробокъ за 10 сантимовъ. Обыкновенныхъ и дождевыхъ зонтиковъ японцы въ 1890 г. продавали на 700 фр., а черезъ 5 лѣтъ на 1.300.000 фр.; то же происходитъ со всѣми предметами, которые начинаютъ тамъ изготовляться.

Это изобиліе производства скоро привело японцевъ къ пріобрѣтенію новыхъ рынковъ, и во избѣжаніе зависимости отъ европейскаго флота японцы стали покупать корабли, а потомъ и сами начали ихъ строить. У нихъ есть большіе почтовые пароходы, выстроенные по послѣднимъ моделямъ и освѣщенные электричествомъ. Одна только компанія (*Ниппонъ Юсенъ Каиша*) имѣетъ ихъ 47, конкурирующихъ съ нашими Messageries и особенно съ англійской компаніей Peninsular and Oriental. Они установили двухнедѣльные рейсы между Японіей и Бомбеемъ, другіе рейсы съ Австраліей и собираются установить также рейсы во Францію и Англію. Они имѣютъ судовыя команды, оплачиваемыя по 10 фр. въ мѣсяцъ на человѣка и питающіяся нѣсколькими мѣшками риса.

Хотя китаецъ, несмотря на низкое военное развитіе, во многихъ отношеніяхъ превосходитъ японца, Китай еще не вступилъ въ промышленное движеніе, но близокъ моментъ, когда онъ устремится въ него. Можно тогда предвидѣть, что со своимъ безчисленнымъ населеніемъ, при отсутствіи потребностей и при огромныхъ запасахъ угля, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ первымъ коммерческимъ центромъ міра, регуляторомъ рынковъ, а пекинская биржа будетъ устанавливать

цѣны на всѣ товары остального міра. Для оцѣнки могущества этой конкуренціи можетъ служить тотъ фактъ, что американцы, признавъ себя неспособными бороться съ нею, не нашли другого средства, какъ воспретить китайцамъ доступъ на ихъ территорію. Недалекъ часъ, когда европейскій купеческій корабль будетъ рѣдкостью въ моряхъ Востока. Что ему тамъ будетъ дѣлать?

Лишь немногіе изъ англійскихъ и германскихъ консуловъ Дальняго Востока въ своихъ донесеніяхъ не вполнѣ сходятся по этимъ вопросамъ. Сами наши агенты, несмотря на свой малый интересъ къ торговлѣ и особенно на неисправимую неспособность латинскаго ума усваивать какія либо чуждыя ему понятія, начинаютъ замѣчать и указывать на то, что вокругъ происходитъ.

Въ экономической борьбѣ, обостряющейся съ каждымъ днемъ, все благопріятствовало Востоку. Пониженіе стоимости серебра на Западѣ еще болѣе затруднило намъ конкуренцію. Серебро, единственная монета, которую знаетъ Востокъ, сохранило тамъ всю свою цѣнность, тогда какъ въ Европѣ оно потеряло ее почти на половину. Индѣйскій или китайскій купецъ, отправляя въ Европу на 1.000 фр. зерна, хлопка или какого нибудь другого товара, получаетъ 1.000 фр. золотомъ, которое онъ можетъ обмѣнять приблизительно на 2.000 фр. въ серебряныхъ слиткахъ, послѣ чего ему остается только превратить ихъ на Востокѣ въ серебряныя монеты, для расплаты со своими рабочими. Эти 2.000 фр. серебра представляютъ въ его странѣ

ту же стоимость, что и 25 лѣтъ тому назадъ, потому что пониженіе, которому подверглась цѣна серебра въ европейскихъ странахъ, еще не отразилось на Востокѣ, гдѣ цѣна на трудъ мало измѣнилась. Стоимость изготовленія продуктовъ на Востокѣ такая же, какъ и прежде, и восточный промышленникъ, только потому, что продаетъ продуктъ въ Европу, выручаетъ за него на половину болѣе того, во что обходится ему этотъ продуктъ на Востокѣ. Естественно, покупая у насъ, онъ заплатилъ бы тоже вдвое, потому что ему пришлось бы дать 2.000 фр. серебра за 1.000 фр. золота; такимъ образомъ весь его интересъ заключается въ томъ, чтобы, продавая намъ все болѣе и болѣе, покупать у насъ все менѣе и менѣе. Слѣдовательно, существующія условія торговаго обмѣна представляютъ для Востока огромную премію за вывозъ. Никакія покровительственныя пошлины, если только онѣ не совершенно запретительныя, не въ состояніи бороться противъ такого различія въ цѣнахъ предметовъ, по которымъ они пріобрѣтаются торговцами.

Европейская торговля, повидимому, въ скоромъ времени должна свестись къ слѣдующему: обмѣнивать товары, стоющіе въ десять разъ дороже, чѣмъ на Востокѣ, и оплачиваемые золотомъ, — на товары въ десять разъ дешевле и оплачиваемые серебромъ. Такъ какъ при такихъ условіяхъ обмѣнъ долго практиковаться не можетъ, и если онъ еще кое-какъ держится, то только потому, что Востокъ не закончилъ своего промышленнаго устройства, то очевидно, что Европа скоро должна будетъ лишиться покупателей на Дальнемъ Востокѣ,

какъ она потеряла уже ихъ въ Америкѣ. Она не только ихъ потеряетъ, но сверхъ того, вслѣдствіе недостаточности своего производства для прокормленія своихъ жителей, она будетъ принуждена покупать у своихъ же прежнихъ покупателей, а сама не будетъ имѣть возможности ничего имъ продавать. Японцы ничуть не сомнѣваются, что дѣло къ тому и идетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ ихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, Окума, коснувшись Европы въ одной изъ своихъ рѣчей, выразился такъ: „она выказываетъ всѣ признаки одряхлѣнія. Будущій вѣкъ увидитъ полное распаденіе ея государственныхъ учрежденій и разрушеніе ея имперій“.

Многія причины въ будущемъ для большинства народовъ Европы еще болѣе усложнятъ и безъ того уже трудную коммерческую борьбу съ Востокомъ. Когда Сибирская желѣзная дорога будетъ въ полной эксплоатаціи, вся торговля между Востокомъ и Западомъ будетъ стремиться сосредоточиться въ рукахъ Россіи. Эта желѣзная дорога, какъ извѣстно, пересѣкая часть Китая, соединяетъ Россію съ Японіей. 130 милл. русскихъ войдутъ тогда въ сношенія съ 400 мил. китайцевъ, и Россія станетъ первой коммерческой державой въ мірѣ, потому что неизбѣжно черезъ нее направится транзитъ между Востокомъ и Западомъ. Изъ Лондона до Гонгъ-Конга теперь 36 дней морского пути. По Сибирской желѣзной дорогѣ на это потребуется около половины этого времени. Морской путь, безъ сомнѣнія, будетъ тогда такъ же оставленъ, какъ теперь путь мимо мыса Доброй Надежды,

и спрашивается, на что тогда пригодится Англіи ея коммерческій флотъ. Франція потеряетъ тогда и ту малую часть своей торговли, которая ей еще остается. Въ тотъ день она, можетъ быть, пожалѣетъ о данныхъ ею Россіи взаймы 10 милліардахъ, значительная часть которыхъ послужила на созданіе этой гибельной конкуренціи, грозящей разореніемъ Марсели. Не будучи пессимистомъ, можно себя спросить: не выиграли бы мы гораздо болѣе, употребивъ такую огромную сумму на развитіе своей промышленности и торговли *).

Борьба между Востокомъ и Западомъ, исторія возникновенія которой только что нами обрисована, еще начинается, и исходъ ея мы можемъ только предполагать. Мечтатели о вѣчномъ мирѣ и всеобщемъ разоруженіи воображаютъ, что самою разорительною борьбою является война. Дѣйствительно, она губитъ сразу огромную массу людей, но кажется весьма вѣроятнымъ, что приготовляющаяся промышленная и коммерческая борьба будетъ убійственнѣй и принесетъ рядъ бѣдствій и разореній, какихъ никогда не производили

*) Не будь успѣховъ японцевъ, Сибирская желѣзная дорога, важное значеніе которой не было, кажется, понято ни однимъ изъ нашихъ государственныхъ людей, дала бы Россіи коммерческое господство надъ Китаемъ съ его 400 милліоннымъ населеніемъ; тогда, въ виду господства въ ней неограниченнаго протекціонизма какъ относительно союзниковъ, такъ и по отношенію къ другимъ націямъ, Востокъ оказался бы закрытымъ для Европы. Успѣхи Японіи возстановили равновѣсіе, все болѣе и болѣе нарушавшееся въ пользу одной стороны, тогда какъ теперь оно можетъ слишкомъ нарушиться въ пользу другой. Мы на зарѣ гигантской борьбы за раздѣлъ Востока. Разоруженія, предлагаемыя, я полагаю, не безъ нѣкоторой ироніи, не представляются осуществимыми въ близкомъ будущемъ.

самыя кровавыя войны. Она, можетъ быть, совершенно уничтожитъ нѣкоторые великіе народы, чего никогда не удавалось осуществить самымъ многочисленнымъ арміямъ. Эта борьба, съ виду такая мирная, въ дѣйствительности неумолима. Она не знаетъ сострадания. Побѣдить или исчезнуть — другого выбора нѣтъ.

Соціализмъ не особенно интересуется такими задачами. Его воззрѣнія слишкомъ узки, горизонтъ слишкомъ ограниченъ для того, чтобы онъ могъ о нихъ помышлять. Для народовъ, у которыхъ соціализмъ разовьется больше всего, коммерческая борьба съ Востокомъ будетъ наиболѣе трудною, а уничтоженіе побѣжденнаго совершится скорѣе всего. Одни только народы, обладающіе въ достаточной мѣрѣ промышленной инициативой, необходимымъ умомъ для усовершенствованія своихъ орудій производства и примѣненія ихъ къ новымъ требованіямъ, будутъ въ состояніи защищаться. Не коллективизмъ съ его низменнымъ идеаломъ равенства въ трудѣ и рабочей платѣ дастъ рабочимъ средства для борьбы съ наплывомъ продуктовъ Востока. Гдѣ возьметъ онъ необходимыя средства для платы рабочимъ, когда продукты перестанутъ находить покупателей, заводы постепенно закроются и всѣ капиталы будутъ переведены въ тѣ страны, гдѣ они найдутъ легкій доходъ и благосклонный пріемъ, вмѣсто безконечныхъ преслѣдованій?

§ 2. Примѣняемыя и предлагаемыя средства.

Мы только что указали, какъ зародилась и раз-

вилась экономическая конкуренція между Востокомъ и Западомъ. Перечисленные нами факты доказываютъ, насколько современныя экономическія требованія противоположны стремленіямъ соціалистовъ и какъ неудачно они выбрали моментъ для предъявленія своихъ требованій. Разсматривая теперь возможныя средства къ устраненію все возрастающей экономической конкуренціи, мы покажемъ еще разъ, что возможность побѣды несовмѣстима съ соціалистическимъ идеаломъ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что теоретически легко оспаривать пессимистическіе выводы объ изложенномъ нами положеніи вещей. Экономисты справедливо говорятъ, что до сихъ поръ никогда не было дѣйствительнаго перепроизводства какого либо товара, что самый легкій его избытокъ сопровождается обязательнымъ пониженіемъ цѣнъ и что если, вслѣдствіе конкуренціи, европейскій рабочій принужденъ довольствоваться дневнымъ заработкомъ въ нѣсколько су, то ничтожность этой платы не создастъ затрудненій, когда на нее можно будетъ пріобрѣсти все необходимое, стоившее прежде нѣсколько франковъ. Доводъ совершенно справедливъ, но онъ примѣнимъ только къ отдаленной эпохѣ, и слѣд., для насъ теперь не можетъ представлять интереса. До наступленія этой фазы всеобщаго удешевленія продуктовъ пройдетъ довольно продолжительный переходный и разрушительный періодъ времени. Этотъ періодъ будетъ тѣмъ труднѣе пережить, что борьба между восточными и западными народами происходитъ не только между отдѣльными людьми, получающими различную заработную плату, но особенно между людьми,

имѣющими различныя потребности. Это то условіе и сдѣлало невозможной конкуренцію между китайцами и американцами, вслѣдствіе чего послѣдніе принуждены были ихъ изгнать. Чтобы возстановить равенство шансовъ, нужно бы было, чтобы китайцы, поселившіеся въ Америкѣ, переняли вкусы и расточительныя привычки американцевъ. Но такому преобразованію препятствуютъ вліянія на нихъ врожденныхъ ихъ привычекъ. Ограничивая свои петребности чашкой чаю и горстью риса, они могли довольствоваться рабочей платой гораздо ниже той, какую требуютъ американскіе рабочіе.

Какимъ бы ни представлялось будущее, насъ интересуетъ настоящее, и мы должны искать рѣшенія вопросовъ только текущаго времени, а потому тѣ средства, которыя, согласно ожиданіямъ экономистовъ, должны явиться изъ естественнаго развитія вещей, въ настоящій моментъ не имѣютъ цѣны. Что касается покровительственнаго режима, то онъ представляетъ временное рѣшеніе вопроса, легко примѣняемое, и потому мы видимъ, что народы Европы и Америки стали принимать его одинъ за другимъ. Безъ сомнѣнія онъ можетъ принести временную пользу, но его благодѣтельное дѣйствіе непродолжительно. Небольшая малонаселенная страна можетъ, пожалуй, окружить себя высокой стѣной, не безпокоясь о происходящемъ внѣ ея. Но существуютъ ли такія страны на Западѣ? По всѣмъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Европѣ, вслѣдствіе чрезвычайнаго увеличенія народонаселенія, почти нѣтъ странъ, производительность которыхъ была бы

достаточна для прокормленія своихъ жителей болѣе шести мѣсяцевъ. Если бы какая нибудь страна огородилась стѣной, о которой я только что говорилъ, то спустя шесть мѣсяцевъ, подъ страхомъ голодной смерти, ей пришлось бы открыть эту стѣну, чтобы купить себѣ пищи извнѣ; но чѣмъ бы она заплатила тогда за необходимые ей хлѣбъ и пищевые продукты? До сихъ поръ Европа товарами пріобрѣтала съѣстные припасы Востока, но Востокъ скоро не будетъ нуждаться въ нашихъ товарахъ, разъ онъ ихъ производитъ дешевле. Торговля же основана на обмѣнѣ, въ которомъ монета есть только условный знакъ.

Слѣдовательно, если не помогутъ научныя открытія, что впрочемъ возможно, будущее Европы, въ особенности странъ, живущихъ главнымъ образомъ своею торговлей, представляется довольно мрачнымъ.

Въ грядущей борьбѣ только двѣ категоріи народовъ, повидимому, способны устоять. Къ первой принадлежатъ тѣ народы съ рѣдкимъ населеніемъ, у которыхъ хорошо развито земледѣліе, вслѣдствіе чего они могутъ обойтись собственными средствами и почти совсѣмъ отказаться отъ внѣшней торговли. Ко второй—принадлежатъ народы, которые своею иниціативой, силою воли и промышленными способностями значительно превосходятъ народы Востока.

Немногіе изъ европейскихъ народовъ принадлежатъ теперь къ первой категоріи. Франція, къ ея счастію, занимаетъ въ ней далеко не послѣднее мѣсто. Ея производство почти достаточно для прокормленія своихъ жителей, а вѣрный инстинктъ побуждаетъ ее, пренебре-

гая причитаніями статистиковъ, не увеличивать цифры своего народонаселенія. Увеличивъ нѣсколько производительность земли или уменьшивъ немного населеніе, она могла бы добывать достаточно для собственнаго продовольствія. Вмѣсто того, чтобы набрасываться на промышленность, которая намъ почти не дается, или на торговлю, которая намъ совсѣмъ не дается, мы должны были бы направить всѣ свои усилія на земледѣліе *).

Англичане и американцы принадлежатъ ко второй изъ названныхъ мною категорій. Но только цѣною напряженной дѣятельности и постояннаго усовершенствованія орудій производства имъ удастся удержать свое превосходство. Произойдетъ борьба способностей высшихъ со средними, посредственными и слабѣйшими. Такъ, въ Америкѣ, цѣною огромныхъ усилій, машинное производство могло все болѣе и болѣе уменьшать матеріальную цѣну продуктовъ; несмотря на дороговизну задѣльной платы, Соединенные Штаты имѣютъ чугунно-плавильные заводы, и изъ нихъ нѣкоторые ежедневно производятъ по 1000 тоннъ чугуна, тогда какъ наши выплавляютъ его не болѣе 100—200 тоннъ; сталелитейные заводы, прокатывающіе ежедневно по 1500 тоннъ стали, тогда какъ наши

*) Съ какой бы стороны впрочемъ ни посмотрѣть, наше земледѣліе нуждается въ развитіи. На земледѣльческомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Ліонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, де ля Рокъ указалъ на то, что смертность, не достигающая 20% въ деревняхъ, превосходитъ 27% въ городахъ, изъ чего онъ выводитъ, что, благодаря одному только переселенію въ города, Франція потеряла 700.000 жит. „Если бы наше земледѣліе перестало производить вино или злаки, деревни потеряли бы не менѣе 8—10 мил. жителей“. Этотъ фактъ составляетъ интересный примѣръ отраженія экономическихъ законовъ на народной жизни.

въ то же время прокатываютъ 150 т.; машины, нагружающія въ вагоны по 1000 тоннъ въ часъ, другія, выполняющія въ нѣсколько часовъ погрузку корабля въ 4000 тоннъ и т. д.

Чтобы удержать за собой такое положеніе, нужны инициатива и способности, правда очень несимпатичныя соціалистамъ, но тѣмъ не менѣе являющіяся самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, составляющимъ въ настоящее время удѣлъ немногихъ расъ. При такихъ дарованіяхъ не существуетъ непреодолимыхъ затрудненій.

Если всѣ эти усилія будутъ тщетны, англо-саксы найдутъ другія средства. Изысканіемъ ихъ они уже заняты. Многимъ промышленникамъ удалось установить конкуренцію съ Востокомъ, открывая тамъ заводы съ туземными рабочими. Англійскіе промышленники, не имѣя возможности работать въ Англіи себѣ въ убытокъ, рѣшились переселиться въ Индію, гдѣ сами конкурируютъ съ англійскими продуктами. Но если бы эта эмиграція способностей и капиталовъ сдѣлалась общимъ явленіемъ, то она неминуемо оставила бы англійскаго рабочаго безъ работы и въ результатѣ только направила бы капиталистовъ на тотъ роковой путь, по которому со временемъ могли бы ихъ направить роковымъ образомъ требованія соціалистовъ. Возникаетъ вопросъ, что стало бы съ государствомъ, лишеннымъ всѣхъ своихъ капиталовъ, всѣхъ высшихъ умовъ, какими оно обладаетъ, и состоящимъ исключительно изъ посредственныхъ состояній и талантовъ. Тогда то соціализму можно было бы развиться на просторѣ и установить господство своего тяжелаго рабства.

Оттого государственные люди Англіи изыскиваютъ другія средства для устраненія замѣчаемой ими и быстро надвигающейся опасности. Предвидя, что Востокъ скоро закроетъ свои порты для ихъ кораблей, они обращаются теперь къ Африкѣ, и мы видимъ, съ какимъ упорствомъ англичане и нѣмцы овладѣли ею въ нѣсколько лѣтъ, предоставивъ латинскимъ народамъ лишь нѣсколько клочковъ малоцѣнной территоріи. Имперія, выкроенная тамъ себѣ англичанами, занимая около половины Африки отъ Александріи до Капа, скоро покроется телеграфной сѣтью, желѣзными дорогами и черезъ небольшое число лѣтъ, безъ сомнѣнія, станетъ одною изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ.

Унаслѣдованныя способности, современная общественная организація, система воспитанія латинскихъ народовъ и въ особенности проникновеніе общества соціалистическими идеями не позволяютъ имъ задаваться такими честолюбивыми планами. Эти народы по своимъ природнымъ способностямъ болѣе склонны къ земледѣлію и искусствамъ. Поэтому имъ очень трудно даются промышленность, внѣшняя торговля и особенно колонизація, стоющая имъ очень дорого и не приносящая никакого дохода даже и тогда, когда колоніи находятся, подобно Алжиру, почти за ихъ порогомъ. Объ этомъ можно, конечно, сожалѣть, но отрицать этого нельзя, а признаніе этого факта полезно по крайней мѣрѣ тѣмъ, что заставляетъ насъ понять, къ чему мы должны стремиться.

Впрочемъ латинскіе народы, быть можетъ, не будутъ слишкомъ сожалѣть о невозможности играть очень

активную роль въ экономической и промышленной борьбѣ, которой, повидимому, скоро суждено переместить центръ тяжести цивилизаціи. Эта борьба, столь трудная даже для натуръ энергичныхъ, для другихъ натуръ была бы совершенно невозможна. Тяжелъ и плохо оплачивается иногда трудъ простыхъ рабочихъ. Вопреки мечтамъ соціалистовъ, близкое будущее покажетъ, что этотъ трудъ будетъ и гораздо тяжелѣе и еще хуже оплачиваемъ. Великія цивилизаціи, какъ кажется, могутъ продолжительно существовать только при условіи все болѣе и болѣе тяжелаго порабощенія рабочихъ массъ. Господству промышленности и машиннаго производства суждено все болѣе и болѣе усиливать свой гнетъ. Быть можетъ только цѣною все болѣе и болѣе тяжелаго труда и страшнаго напряженія послѣднихъ силъ промышленные и торговые народы Европы будутъ въ состояніи хоть съ нѣкоторымъ успѣхомъ бороться съ народами Востока на экономической почвѣ. Во всякомъ случаѣ это будетъ война гораздо болѣе убійственная и безнадежная, чѣмъ бойня на поляхъ сраженій прежнихъ временъ; ни иллюзіямъ, ни надеждамъ тогда не будетъ мѣста. Свѣточи утѣшительной вѣры старыхъ временъ бросаютъ лишь слабое мерцаніе и скоро погаснутъ на вѣки. Человѣку, боровшемуся когда то за свой очагъ, свое отечество или своихъ боговъ, въ его будущей борьбѣ кажется угрожаетъ опасность руководиться только однимъ идеаломъ: ѣсть вдоволь или, по крайней мѣрѣ, не умереть съ голоду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экономическая борьба между западными народами.

§ 1. *Послѣдствія наслѣдственныхъ способностей народовъ.* Различіе въ способностяхъ, породившихъ успѣхи народовъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Качества, обезпечивавшія долгое время первенство латинскимъ народамъ. Большая часть этихъ качествъ въ настоящее время непримѣнима. При современной міровой эволюціи промышленныя и коммерческія способности занимаютъ первое мѣсто. Почему слабыя коммерческія и промышленныя способности латинскихъ народовъ были достаточны прежде и недостаточны теперь.

§ 2. *Промышленное и коммерческое положеніе латинскихъ народовъ.* Результаты, раскрытые статистикой. Указанія, данныя нашими консулами за границей. Характерные факты, обнаруживающіе упадокъ нашей промышленности и торговли. Апатія, равнодушіе, отвращеніе къ напряженной дѣятельности, отсутствіе иниціативы у нашихъ коммерсантовъ. Различные примѣры. Наплывъ нѣмецкихъ продуктовъ на нашемъ рынкѣ. Упадокъ нашего флота. Наши коммерческія сношенія съ нашими колоніями въ рукахъ иностранцевъ. Что намъ стоятъ колоніи и какой онѣ приносятъ доходъ. Постепенное пониженіе качества нашихъ продуктовъ.

§ 3. *Причины коммерческаго и промышленнаго превосходства нѣмцевъ.* Слабое вліяніе ихъ военнаго превосходства на ихъ коммерческіе и промышленные успѣхи. Техническое образованіе у нѣмцевъ. Ихъ способность примѣняться ко вкусамъ своихъ покупателей. Какъ они освѣдомляются о потребностяхъ покупателей различныхъ странъ. Ихъ духъ солидарности и корпоративности. Пріемы, примѣняемые ими при собираніи справокъ.

§ 1. Послѣдствія наслѣдственныхъ способностей народовъ.

Мы только что показали, какъ экономическія потребности, созданныя современными обстоятельствами,

сдѣлали очень опасной конкуренцію со стороны восточныхъ народовъ, превратившихся изъ прежнихъ потребителей въ производителей. Постепенно вытѣсняемые съ восточныхъ рынковъ западные народы вынуждены, вслѣдствіе этого, ожесточенно оспаривать другъ у друга оставшіеся еще для нихъ открытыми европейскіе рынки. Какія качества облегчатъ успѣхъ въ борьбѣ, становящейся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяжелой? Можетъ ли соціализмъ дать преимущество въ такой борьбѣ? Это мы теперь и предполагаемъ разсмотрѣть.

Способности народовъ, установившія превосходство расъ, въ разныя историческія эпохи не были одинаковы. Всякій народъ обладаетъ только извѣстными способностями, но не можетъ владѣть способностями всевозможными. Потому то, въ значительной степени, мы и видимъ въ исторіи такъ много примѣровъ, что разные народы проходятъ всѣ фазы величія и упадка, сообразно съ тѣмъ, полезны или вредны ихъ характерныя качества при обстоятельствахъ переживаемаго ими времени.

Въ теченіе долгаго времени успѣхи цивилизаціи требовали нѣкоторыхъ спеціальныхъ качествъ: храбрости, воинственнаго духа, краснорѣчія, литературныхъ и артистическихъ вкусовъ, которыми латинскіе народы обладаютъ въ высокой степени; поэтому то они и находились такъ долго во главѣ цивилизаціи. Теперь эти качества гораздо менѣе полезны, чѣмъ прежде, и кажется даже, что скоро нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ останутся безъ примѣне-

нія. При современномъ міровомъ развитіи, промышленныя и коммерческія способности, занимавшія прежде сравнительно второстепенное мѣсто, теперь выступаютъ впередъ. Вслѣдствіе этого, лучшія мѣста занимаютъ народы промышленные и коммерческіе. Итакъ, центры цивилизаціи скоро перемѣстятся.

Послѣдствія этихъ фактовъ очень важны. Такъ какъ ни одинъ народъ не можетъ измѣнить своихъ способностей, то онъ долженъ стараться ясно ихъ сознавать для возможно лучшаго ихъ примѣненія и не вступать въ тщетную борьбу тамъ, гдѣ его ждетъ неудача. Превосходный музыкантъ, чудный художникъ будетъ плохимъ купцомъ, очень неискуснымъ промышленникомъ. Для цѣлыхъ народовъ, какъ и для отдѣльныхъ людей, первое условіе для успѣха въ жизни—это знать хорошо свои способности и не предпринимать никакого дѣла сверхъ своихъ силъ.

Но латинскіе народы, по своимъ наслѣдственнымъ понятіямъ, происхожденіе которыхъ я указалъ, обладаютъ лишь въ весьма слабой степени столь необходимыми теперь коммерческими, промышленными и колонизаторскими способностями. Они—воины, земледѣльцы, художники, изобрѣтатели, но не промышленники, не купцы и въ особенности не колонизаторы.

Какъ ни ничтожны коммерческія, промышленныя и колонизаторскія способности латинскихъ народовъ, но онѣ были однако достаточны для той эпохи, когда между народами почти не было конкуренціи. Теперь же онѣ недостаточны. Постоянно говорятъ о промыщленномъ и коммерческомъ упадкѣ нашей расы.

Это не безусловно точно, потому что наша промышленность и торговля за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ очень значительно повысилась. Это, лучше сказать, не упадокъ, а недостаточный прогрессъ. Но, тѣмъ не менѣе, слово „упадокъ" становится вѣрнымъ, если его понимать въ томъ смыслѣ, что, прогрессируя гораздо медленнѣе своихъ соперниковъ, латинскіе народы, по необходимости, будутъ ими вытѣснены.

Признаки этой отсталости наблюдаются у всѣхъ латинскихъ народовъ; это доказываетъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто расовое явленіе. Испанія, повидимому, достигла послѣдней ступени этой прогрессивной отсталости. Италія, кажется, должна скоро къ ней присоединиться. Франція еще борется, но признаки ея ослабленія съ каждымъ днемъ становятся замѣтнѣе.

§ 2. Промышленное и коммерческое положеніе латинскихъ народовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы займемся только Франціей. О другихъ латинскихъ народахъ намъ пришлось бы только повторять, еще сильнѣе подчеркивая, тѣ замѣчанія, которыя примѣнимы къ Франціи. Она является наименѣе пострадавшею изъ латинскихъ націй, однако и ея торговое и промышленное положеніе далеко не блестяще.

Факты, доказывающіе наше промышленное и коммерческое паденіе, въ настоящее время слишкомъ очевидны, чтобы подлежать спору. Всѣ донесенія нашихъ консуловъ или нашихъ депутатовъ, которымъ

было поручено изученіе этого вопроса, сходятся совершенно, повторяясь почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Вотъ какъ, въ одномъ изъ недавнихъ изданій, выразился д'Эстурнель:

„Карлъ Ру резюмировалъ всѣ печальные результаты уже продолжительнаго опыта въ докладѣ, произведшемъ сенсацію, объ упадкѣ нашей торговли; онъ могъ бы написать такой же докладъ о нашемъ флотѣ и нашихъ колоніяхъ. Франція подвергаетъ опасности и даже гибели свои рессурсы въ силу апатіи, рутины, привязанности къ такимъ регламентамъ, значительное число которыхъ относится къ временамъ Кольбера и Ришелье. Какъ всѣ апатичные люди, она проявляетъ волю порывами, и тогда она доходитъ до героизма; но въ то же время она проявляетъ осмотрительность, производя сентиментальныя реформы, мало обдуманныя и иногда ведущія еще къ большему злу. Когда она, напр., перестаетъ эксплоатировать свои колоніи, то это для того, чтобы сразу сравнять ихъ съ метрополіей, образовать изъ нихъ французскіе департаменты и разорить ихъ, или же она, безъ всякаго основанія, внезапно рѣшаетъ, несмотря на непреодолимыя естественныя препятствія, что всѣ туземные алжирскіе евреи сдѣлаются французами, избирателями, и вслѣдствіе этого хозяевами арабскаго населенія и даже нашихъ колонистовъ. Или она наивно позволяетъ колоніямъ, благодаря нашему невѣдѣнію, организовать пародію, карикатуру всеобщей подачи голосовъ, даетъ представителямъ изъ туземцевъ Индіи или Сенегала, не платящимъ нашихъ налоговъ, не отбывающимъ воинской повинности, не говорящимъ на нашемъ языкѣ,—право вотировать нашъ бюджетъ, обсуждать миръ или войну".

„Опасность со стороны Германіи, пишетъ въ свою очередь Швобъ,—это вѣрно; но мы говоримъ также—опасность со стороны Англіи, Австраліи, Америки и даже Россіи, и даже Китая. На этомъ полѣ сраженія современной торговли и промышленности нѣтъ ни мира, ни союзовъ. Заключаютъ такъ называемые торговые договоры, но самые эти договоры имѣютъ въ виду войну непрерывную, безжалостную, неумолимую болѣе, чѣмъ война съ пушечными выстрѣлами, и тѣмъ болѣе опасную, что она производитъ милліоны жертвъ безъ шума и дыма".

„Такъ, нашъ политическій союзъ съ Россіей, наша взаимная неизмѣнная дружба не мѣшаютъ заключенію торговыхъ договоровъ, предоставляющихъ, въ настоящее время, всѣ выгоды Германіи, а для насъ убыточныхъ. На экономической почвѣ, при настоящемъ положеніи Европы и всего міра—друзей не существуетъ. Война поистинѣ безжалостная происходитъ между всѣми".

Наши консулы, присутствующіе при постепенномъ вытѣсненіи нашей торговли за границей, несмотря на осторожность, предписываемую ихъ оффиціальнымъ положеніемъ, высказываютъ тѣ же жалобы. Всѣ, совершенно впрочемъ безполезно, даютъ одинаковыя предостереженія. Они упрекаютъ нашихъ промышленниковъ и купцовъ въ апатіи, безпечности, отсутствіи инициативы, въ неспособности измѣнить старыя орудія производства и примѣнить ихъ къ новымъ потребностямъ покупателей, въ пристрастіи ко всевозможнымъ формальностямъ въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ, однимъ словомъ—въ слабомъ пониманіи коммерческихъ дѣлъ.

Примѣры этому неисчислимы. Я ограничусь слѣдующими, наиболѣе типичными.

„Наши промышленники, даже самые крупные, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ корреспондентъ газеты *Temps* изъ Трансвааля, выказываютъ мелочность, недовѣрчивость, неохоту прилагать усилія и охотно вступаютъ въ длинную переписку относительно такихъ дѣлъ, которыя англійскими или германскими конкурентами завязываются и обдѣлываются въ нѣсколько дней“.

„Англійскіе и германскіе инженеры имѣютъ на мѣстѣ самые подробные прейскуранты всѣхъ родовъ машинъ, употребляемыхъ въ горной промышленности, и когда требуется проектъ или смѣта, они могутъ отвѣтить въ требуемый обыкновенно короткій пяти или семи-дневный срокъ. Наши французскіе инженеры, менѣе освѣдомленные, вслѣдствіе инертности ихъ фирмъ, принуждены отказываться отъ конкуренціи въ виду того, что испрашиваемый ими шестинедѣльный срокъ для отправки во Францію и возвращенія оттуда скорѣйшей почты въ тѣхъ случаяхъ, когда запросъ получаетъ немедленный отвѣтъ, дѣлаетъ конкуренцію невозможною... Англичане же и нѣмцы подчинились требованіямъ, къ нимъ предъявляемымъ“.

Такихъ фактовъ можно привести множество.

„Годъ тому назадъ, читаемъ мы въ *Journal*, одинъ южно-американскій купецъ хотѣлъ предпринять ввозъ во Францію и Германію

шкуръ мѣстныхъ ягнятъ. Черезъ посредство нашего консула и министерства торговли онъ вошелъ по этому дѣлу въ сношенія съ однимъ изъ нашихъ комиссіонерскихъ домовъ, послѣ чего отправилъ этой французской фирмѣ 20000 шкуръ, сдѣлавъ одновременно такую же отправку въ Гамбургъ одному германскому торговому дому, съ которымъ онъ вступилъ въ соглашеніе. Спустя годъ, обѣ фирмы послали ему счета по продажѣ. Первая, при продажѣ товара, встрѣтила столько затрудненій и принуждена была согласиться на такія низкія цѣны, что операція дала отправителю 10% убытку. Германскій домъ, болѣе дѣятельный и лучше оборудованный, распродалъ тотъ же товаръ съ прибылью въ 12%. И вотъ чѣмъ особенно характеренъ этотъ фактъ: *германскій домъ нашелъ сбытъ этого товара въ самой Франціи.* Всякіе комментаріи были бы излишни“.

Я самъ лично много разъ могъ удостовѣриться въ глубокой апатіи, отвращеніи къ напряженію силъ и во всѣхъ недостаткахъ, отмѣченныхъ въ консульскихъ донесеніяхъ. Эти недостатки, съ каждымъ днемъ рѣзче проявляющіеся, поражаютъ еще болѣе, когда по прошествіи 10 лѣтъ снова встрѣчаешься съ представителями промышленности, когда то цвѣтущей или близкой къ тому.

Когда я взялся снова за лабораторныя изслѣдованія по вопросу о диссоціаціи матеріи, уже нѣсколько лѣтъ оставленныя мною, я былъ пораженъ глубокимъ упадкомъ личнаго состава и оборудованія у нашихъ промышленниковъ, что впрочемъ я и предсказывалъ въ одной изъ главъ своей книги: *l'Homme et les Sociétés*, изданной 20 лѣтъ тому назадъ. Въ одну недѣлю я получилъ отказъ отъ различныхъ домовъ въ доставкѣ приборовъ на сумму болѣе 500 фр., на томъ единственномъ основаніи, что это потребовало бы отъ продавцевъ самыхъ ничтожныхъ хлопотъ. Въ первый заказъ дѣло шло объ электрической лампочкѣ

извѣстнаго устройства. До покупки я написалъ продавцу, не согласится ли онъ демонстрировать ее передо мной. Не получивъ даже отвѣта, я черезъ одного изъ его друзей спросилъ о причинѣ его молчанія. „Продажа при такихъ условіяхъ слишкомъ хлопотлива“, былъ отвѣтъ. Второй заказъ касался большого аппарата, къ металлической части котораго я хотѣлъ придѣлать водяной уровень. Продавецъ, хотя и директоръ одного изъ первыхъ домовъ Парижа, однако не нашелъ работника, способнаго исполнить эту работу. Въ третій разъ требовался гальванометръ, къ которому я хотѣлъ приспособить двѣ незначительныя дополнительныя части,—работа, требующая не болѣе четверти часа. У фабриканта необходимые работники были подъ рукой: „но, отвѣчалъ онъ мнѣ, мой компаньонъ будетъ недоволенъ, если я побезпокою служащихъ изъ-за заказа на сумму, не достигающую даже 200 фр.“.

Совсѣмъ другіе пріемы въ нѣмецкой промышленности. Нуждаясь, спустя немного времени послѣ предшествующихъ неудачъ, въ небольшомъ количествѣ прокатаннаго кобальта, металла не особенно рѣдкаго, я написалъ первостепеннымъ парижскимъ домамъ по части химическихъ продуктовъ. Въ виду незначительности заказа они не потрудились даже отвѣтить. Только одинъ изъ нихъ увѣдомилъ меня, что онъ, можетъ быть, доставитъ мнѣ требуемый предметъ черезъ нѣсколько недѣль. Прождавъ три мѣсяца и безотлагательно нуждаясь въ этомъ металлѣ, я обратился къ одному изъ домовъ Берлина. Несмотря

на то, что въ этотъ разъ дѣло шло о заказѣ лишь въ нѣсколько франковъ, я получилъ отвѣтъ съ обратною почтою, и пластинка указанныхъ мною размѣровъ была доставлена черезъ недѣлю.

Такъ всегда поступаютъ нѣмецкія фирмы, когда къ нимъ обращаются. Самый незначительный заказъ принимается съ благодарностью, и всѣ измѣненія, требуемыя покупателемъ, быстро исполняются. Оттого количество германскихъ домовъ въ Парижѣ все увеличивается, и, какъ это ни противно патріотическому чувству публики, она принуждена обращаться къ нимъ. Пойдешь туда за незначительной покупкой, а потомъ станешь постояннымъ покупателемъ. Я могъ бы назвать нѣсколько большихъ оффиціальныхъ научныхъ учрежденій, которыя вслѣдствіе непріятностей, подобныхъ испытаннымъ мною самимъ, кончили тѣмъ, что обращаются съ своими заказами почти исключительно въ Германію.

Коммерческая неспособность латинскихъ народовъ, къ несчастію, замѣчается во всѣхъ отрасляхъ промышленности, каковы бы онѣ ни были. Пусть, напр., сравнятъ столь привлекательные для иностранцевъ швейцарскіе отели съ жалкими и неопрятными гостинницами, которыя встрѣчаются въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ Франціи и Испаніи. Какъ послѣ этого удивляться, что эти мѣстности такъ мало посѣщаются. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, швейцарскія гостинницы выручаютъ ежегодно 115 мил. фр., принося своимъ владѣльцамъ 31 мил. фр. дохода, сумму поистинѣ огромную для малень-

кой страны, бюджетъ которой едва достигаетъ 80 милліоновъ фр. дохода. Гостинницы составляютъ для Швейцаріи настоящіе золотые пріиски, могущіе соперничать съ богатѣйшими розсыпями Африки.

„Сколько понадобится времени, спрашиваетъ Георгій Мишель, сообщающій эти цифры въ „l'Economiste français", пока наши колоніи, на которыя мы истратили столько сотенъ милліоновъ, возвратятъ намъ сотую долю того, что Швейцарія, не имѣющая ни колоній, ни разрабатываемыхъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, умѣетъ получать съ иностранцевъ"?

Молодымъ французамъ теперь постоянно совѣтуютъ колонизовать другія страны. Не гораздо ли благоразумнѣе и производительнѣе было бы совѣтовать имъ постараться сначала колонизовать свою собственную страну? Не умѣя извлекать пользу изъ естественныхъ богатствъ, находящихся у насъ подъ рукою, какъ могли бы мы надѣяться преодолѣть гораздо большія затрудненія, которыя намъ встрѣтились бы въ отдаленныхъ странахъ?

Что касается нашей крупной промышленности, то по сравненію съ англійской и въ особенности съ германской, она находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ 1897 г. производство чугуна во Франціи равнялось 2.472.000 тоннъ. Германія, производившая въ 1872 г. 1.430.000 тоннъ, въ 1897 г., благодаря развитію оборудованія своего производства, производила его — 6.889.000 тоннъ. Добившись заключенія съ Россіей торговаго договора, въ которомъ намъ было отказано, она продала ей въ 1897 году 2.600.000 тоннъ, конечно за деньги, занятыя у насъ этой страной, которой мы ничего не продаемъ, бла-

годаря запретительнымъ таможеннымъ тарифамъ, закрывающимъ ея территорію для нашихъ товаровъ.

„Почему такая отсталость?, пишетъ Феликсъ Мартенъ, приводя эти цифры. Главную причину этого надо искать въ нашей таможенной системѣ, которая поддерживаетъ французское производство, сохраняя ему внутренній рынокъ, но дѣлаетъ почти невозможнымъ нашъ вывозъ. Усыпленные ложной безопасностью, наши владѣльцы заводовъ ничего не дѣлаютъ для улучшенія своего производства: они теперь неспособны внѣ Франціи бороться съ націями, которыя, побуждаемыя конкуренціей, не перестаютъ держаться на высотѣ всѣхъ усовершенствованій. Оттого нашъ металлургическій вывозъ находится также на пути къ прекращенію".

Не будемъ слишкомъ порицать покровительственную таможенную систему. Если она является экономическою нелѣпостью, то, можетъ быть, психологически она необходима для нѣкоторыхъ народовъ, которые, вслѣдствіе несовершенства ихъ орудій производства и слабой энергіи, неспособны бороться со своими конкурентами. Не будь покровительства, таможенныхъ пошлинъ, во Франціи, можетъ быть, не производилось бы уже ни одной тонны желѣза.

Только что сказанное о желѣзѣ, къ несчастію, могло бы быть повторено, въ тѣхъ же выраженіяхъ, о многихъ другихъ отрасляхъ промышленности, напр. каменнаго угля и сахара. „Германія, двадцать пять лѣтъ тому назадъ добывавшая каменнаго угля меньше чѣмъ Франція, въ настоящее время предла-

гаетъ намъ производство, превосходящее наше почти вчетверо". „Во Франціи, пишетъ тотъ же авторъ, въ теченіе десяти лѣтъ вывозъ сахара понизился съ 200 милл. до 60 милл.; она производитъ только 700.000 тоннъ въ годъ, и оказывается ниже Россіи, ниже Австро-Венгріи, которую она когда то превосходила въ этомъ отношеніи. Германская сахарная промышленность, зародившаяся чуть не вчера, выбросила на рынокъ въ 1896 г. 1.835.000 тоннъ". Мы видимъ и тутъ, что безъ покровительственныхъ пошлинъ, препятствующихъ наплыву иностранныхъ продуктовъ, сахарная промышленность совершенно исчезла бы во Франціи. Эти таможенныя пошлины недостаточны даже для поддержанія ея существованія. Государство принуждено было назначить фабрикантамъ столь высокія преміи, что бюджетъ ихъ вынести не могъ, и онѣ недавно были отмѣнены.

Производство химическихъ продуктовъ пришло въ тотъ же упадокъ, но по крайней мѣрѣ не причиняетъ никакихъ расходовъ государству, которому не приходится его и поддерживать по той причинѣ, что оно почти ничего болѣе и не производитъ. Большинство химическихъ и фармацевтическихъ продуктовъ, потребляемыхъ во Франціи, получается теперь изъ Германіи. „Ихъ вывозъ, еще 25 лѣтъ тому назадъ равный нулю, теперь превосходитъ 50 мил. фр.".

„Всѣ наблюдатели, пишетъ вышеупомянутый авторъ, подтверждаютъ теперь угнетенное состояніе нашихъ главныхъ промышленныхъ центровъ.

„То въ торговой палатѣ Ліона раздается крикъ тревоги по поводу грозящей остановки работъ. Конкуренція Швейцаріи, Италіи и даже

Россіи, уже серьезно угрожаетъ Ліонскимъ фабрикамъ; что будетъ, когда онѣ испытаютъ на себѣ послѣдствія франко-японскаго торговаго договора, который парламентъ только что такъ необдуманно вотировалъ?

„То Марсель со своимъ портомъ, недостаточно обслуживаемымъ единственною желѣзною дорогою, соединяющей его съ центромъ Франціи, лишенный сообщенія съ большимъ воднымъ путемъ Роны, разоренный излишними морскими налогами, таможенными формальностями, всякаго рода монополіями (доковъ, привилегированныхъ компаній мореходства) оказывается нуждающимся въ судахъ, необходимыхъ для его мѣстной промышленности.

„Потомъ Руанъ, гдѣ цѣна бумажныхъ тканей понижается, портъ приходитъ въ упадокъ, цѣнность рабочихъ рукъ упала настолько, что стоимость работы мужской рубашки дошла до 15 сантимовъ.

„Далѣе Бордо, гдѣ занесенный пескомъ портъ пришелъ въ полный упадокъ и гдѣ прекрасные дома XVIII вѣка, послѣдніе свидѣтели его коммерческаго процвѣтанія, теперь пустые и полуразвалившіеся, напоминаютъ извѣстные венеціанскіе дворцы, населенные нищими.

„За нимъ Рубэ, долго процвѣтавшій и, благодаря совершенству орудій производства, когда то опередившій всѣхъ своихъ соперниковъ въ шерстяной промышленности: Реймсъ, Седанъ, Эльбефъ, а теперь самъ опереженный германскою промышленностью, развившейся за пятнадцать лѣтъ настолько, что ея закупки сырья въ Лондонѣ увеличились на 135%, тогда какъ наши въ тотъ же самый періодъ возросли едва на 15%“.

Ко всѣмъ причинамъ упадка нашей промышленности прибавимъ еще развитіе большихъ торговыхъ путей сообщенія, котораго успѣли достигнуть иностранные народы. Прорытіе Сенъ-Готардскаго туннеля, установившее прямое сообщеніе Суэца черезъ Геную и Миланъ съ Берлиномъ и центральной Европой, нанесло Марселю роковой ударъ; убытокъ, причиненный этой линіей Франціи за четырнадцать лѣтъ, можно оцѣнить въ 600 милліоновъ фр. За то количество провозимаго черезъ Геную груза удесятерилось. Когда великая сибирская дорога, построенная на наши деньги, сблизитъ Лондонъ и Японію на разстояніе

двухъ недѣль пути и начнетъ правильно работать, то нашей торговлѣ будетъ нанесенъ еще болѣе значительный ударъ.

Не только развитіе большихъ международныхъ торговыхъ путей сообщенія стоило намъ такъ дорого. Внутренніе пути также способствуютъ обогащенію любой страны. Роттердамъ, Антверпенъ, Гамбургъ своимъ благосостояніемъ отчасти обязаны рѣкамъ, соединяющимъ ихъ съ многочисленными городами внутри материка. Если бы Марсель, расположенный у выхода изъ долины Роны, могъ быть соединенъ съ нею посредствомъ канала, какъ это не разъ предлагалось, благосостояніе этого города могло бы снова нѣсколько подняться. Нѣмцы увеличиваютъ безостановочно число своихъ каналовъ, улучшаютъ судоходность своихъ рѣкъ. Эти работы въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ стоили имъ болѣе миллiарда.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ судоходныхъ путей Германіи, грустно было бы говорить о состояніи внутренняго судоходства Франціи. Что же видно въ дѣйствительности?

„Луара *) совершенно заброшена, и всякая навигація на ней прекратилась; Сена ниже Парижа загрязнена иломъ и сточными отбросами, скопляющимися въ ея руслѣ; Рона болѣе или менѣе судоходна, но она не соединена съ Марсельскимъ портомъ и по ней плаваютъ рѣдкія допотопныя суда, чуть не современники Папина; каналы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, сѣверныхъ или восточныхъ, относятся къ временамъ Людовика XIV и не улучшались въ теченіе трехъ вѣковъ“....

Все предыдущее хорошо извѣстно, но равнодушіе

*) Въ 1802 г. по Луарѣ перевозилось 402.500 тоннъ груза. Теперь не перевозится и 30.000.

къ этимъ вопросамъ такъ велико, что не находится желающихъ ими заняться. Кажется, мы теперь способны проявлять доказательства нѣкоторой энергіи, лишь когда дѣло идетъ о политическихъ пререканіяхъ. Въ остальномъ мы довольствуемся скромными доходами, пріобрѣтаемыми безъ хлопотъ, риска и труда.

„Французы, пишетъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ авторовъ, отнынѣ счастливы, если живутъ небольшимъ честнымъ и вѣрнымъ доходомъ безъ риска и если имъ удается въ среднемъ сводить концы съ концами подобно сапожнику Лафонтэна. Но они кончатъ тѣмъ, что не въ состояніи будутъ даже связывать концовъ своего маленькаго, очень честнаго шнурочка. Имъ нужно заполучить въ карманъ небольшую сумму немедленно“.

„Разъ эта сумма попала въ карманъ, ее оттуда не вынутъ и не станутъ подвергать этотъ скромный барышъ новымъ приключеніямъ. Особенно поостерегутся возобновлять или усовершенствовать техническую часть производства; слышать не хотятъ о новшествахъ! Такъ и будутъ перебиваться какъ-нибудь; но всегда такъ продолжаться не можетъ, и вотъ люди самые компетентные, самые умѣренные въ своихъ сужденіяхъ говорятъ намъ, что этому приходитъ конецъ или близко къ тому“.

Въ дѣйствительности оно такъ и есть. Мы живемъ призракомъ прошлаго, т. е. даже тѣнью призрака, и упадокъ усиливается съ быстротой, поражающей всѣхъ статистиковъ. Нашъ вывозъ, значительно превосходившій двадцать лѣтъ тому назадъ вывозъ Германіи, теперь гораздо ниже его. Какъ справедливо было замѣчено, наши торговыя потери столь велики, что мы черезъ каждые три или четыре года снова выплачиваемъ военную контрибуцію, которую, какъ мы думаемъ, намъ пришлось уплатить всего одинъ разъ.

Что еще спасаетъ нашу внѣшнюю торговлю отъ полнаго уничтоженія, такъ это монополія на нѣкоторые естественные продукты, какъ, напр., вина лучшаго качества, имѣющіяся почти только у насъ однихъ, и вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ роскоши: модныхъ товаровъ, шелковыхъ матерій, искусственныхъ цвѣтовъ, парфюмерныхъ товаровъ, ювелирныхъ издѣлій и другихъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ наше артистическое мастерство пока не нашло еще себѣ слишкомъ опасныхъ соперниковъ; но во всемъ остальномъ замѣчается быстрое пониженіе.

Нашъ торговый флотъ, естественно, подвергся тому же упадку. Онъ остается на одной точкѣ, тогда какъ всѣ націи увеличиваютъ свои торговые флоты въ громадныхъ размѣрахъ. Германія въ десять лѣтъ почти удвоила его. Англія увеличила свой на одну треть. Мы постепенно переходимъ изъ первыхъ рядовъ въ послѣдніе. Тогда какъ грузъ, провозимый черезъ Гамбургскій портъ, удесятерился за 25 лѣтъ, упадокъ портовъ Гавра и Марселя изъ года въ годъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Иностранцы торгуютъ на нашъ счетъ на нашей же собственной территоріи. Изъ 16 милліоновъ тоннъ груза, перевозимаго ежегодно моремъ между заморскими странами и Франціей, 4 мил. перевозятся французскими судами, а остальное, т. е. три четверти, иностранными. Между тѣмъ эти иностранныя суда ничего не получаютъ изъ одиннадцатимилліонной преміи, которую правительству приходится ежегодно выплачивать нашему торговому флоту, для

спасенія его отъ совершеннаго разоренія, которое неминуемо произошло бы отъ его безпечности и неспособности.

Германскія верфи, несмотря на постоянное увеличеніе ихъ числа и производительности, не могутъ выполнять всѣхъ заказовъ, а тѣмъ не менѣе онѣ ежегодно производятъ болѣе 165.000 тоннъ, тогда какъ, мы едва достигаемъ 40.000.

Впрочемъ, верфи наши живутъ только заказами нашего правительства. Никому другому и въ голову не придетъ дать имъ заказъ, такъ какъ, при ихъ устарѣвшей техникѣ, рутинности и формализмѣ личнаго состава, ихъ издѣлія обходятся имъ на 50—60% дороже англійскихъ и нѣмецкихъ. И несмотря на такія высокія цѣны, наши кораблестроители требуютъ для поставки этихъ судовъ вчетверо болѣе времени, чѣмъ англичане, и вдвое болѣе, чѣмъ нѣмцы!

Тѣ немногія суда, которыя мы строимъ, обходятся государству страшно дорого. Не будь расточаемыхъ конструкторамъ премій, они, безъ сомнѣнія, не строили бы уже ни одного. Во время мадагаскарской экспедиціи, для перевозки нашего военнаго груза пришлось нанимать англійскія суда. Государство дѣлаетъ все, что можетъ, для подъема нашего флота, но какъ можетъ оно измѣнить духъ нашихъ промышленниковъ?

По цифрамъ, представленнымъ министромъ торговли въ засѣданіи палаты депутатовъ 29-го октября 1901 г., преміи, уплаченныя государствомъ нѣкоторымъ парусным судамъ, достигаютъ 75.000 фр.

въ годъ, что составляетъ на капиталъ въ 500.000 фр дивидендъ въ 31%. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи министра:

„Труды внѣ-парламентской комиссіи 1896 г. дали возможность убѣдиться, какъ глубоко зло, отъ котораго страдаетъ нашъ торговый флотъ. Всѣ показанія подтвердили, что нашъ торговый флотъ гораздо ниже, чѣмъ у сосѣднихъ націй, и что Франція дошла до того, что не пользуется тѣми громадными преимуществами, которыя, казалось, ей обезпечивало ея географическое положеніе.

„Въ эти послѣдніе годы нашъ торговый флотъ принесъ мало пользы нашей торговлѣ; статистики доказываютъ, что участіе французскихъ судовъ въ дѣятельности нашихъ портовъ составляло только 20%, тогда какъ участіе иностранныхъ равнялось 80%. Результатъ зарегистрированъ таможеннымъ управленіемъ.

„Нашъ торговый флотъ потерялъ около 5 милліардовъ фр. по ограниченности своей матеріальной части, и наша торговля платитъ иностраннымъ торговымъ флотамъ ежегодно 370 мил. фр. или около милліона въ день“. (Le Temps отъ 30 октября 1901 г.).

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, вознаградить себя торговлей со своими колоніями? Увы нѣтъ! Онѣ отказываются принимать наши продукты, предпочитая англійскіе и германскіе. Эти колоніи, завоеваніе которыхъ стоило намъ столько сотенъ милліоновъ, служатъ только мѣстомъ сбыта товаровъ домамъ Лондона, Бремена, Гамбурга, Берлина и т. д. Наши купцы никогда не могли понять, что вкусы араба, китайца, канака, негра могутъ отличаться отъ вкусовъ француза. Эта неспособность усвоить себѣ чужія понятія, какъ мы сказали, составляетъ чрезвычайно характерную особенность латинской расы.

Намъ не удается вести торговлю даже съ самыми близкими къ намъ колоніями. Одна газета недавно опубликовала слѣдующія соображенія о торговлѣ Франціи съ Тунисскимъ регентствомъ:

„Сахаръ поступаетъ изъ Англіи, Австріи и Германіи; спиртъ изъ Австріи; бумажныя нитки преимущественно изъ Англіи, и въ меньшемъ количествѣ изъ Австріи; ткани бумажныя, льняныя, пеньковыя, шерстяныя изъ Англіи; шелковыя матеріи идутъ изъ Индіи и Германіи; бѣлошвейные товары изъ Австріи и Англіи; лѣсъ изъ Америки; свѣчи изъ Англіи и Голландіи; бумага—англійскаго и австрійскаго производства; ножевой товаръ изъ Англіи, стекло изъ Австріи; бутылки изъ Англіи; часы изъ Германіи или Швейцаріи; дѣтскія игрушки изъ Германіи; химическіе продукты изъ Англіи; керосинъ изъ Россіи...

А изъ Франціи? Она поставляетъ все тѣхъ же солдатъ и чиновниковъ“.

А между тѣмъ эти безполезнѣйшія колоніи обходятся намъ ужасно дорого людьми и деньгами. Депутатъ Зигфридъ, въ своемъ бюджетномъ докладѣ 1897 г., справедливо замѣтилъ, что всѣ англійскія колоніи съ территоріей въ 38.414.000 квадратныхъ километровъ и населеніемъ въ 393 милліона обходятся метрополіи только въ 62 милліона, тогда какъ наши при поверхности менѣе 7 милліоновъ кв. кил. и населеніи 32 милліона стоятъ намъ гораздо дороже. *)

*) По бюджету, опубликованному въ „Journal Officiel“ отъ 26 февр. 1901 г., военные колоніальные и другіе связанные съ ними расходы достигаютъ теперь 91 милліона, не включая Алжира, съ административной точки зрѣнія не считающагося колоніей. Мадагаскаръ обходится болѣе 29 мил. въ годъ; Индо-Китай—столько же. Въ эти цифры не входятъ денежныя субсидіи, щедро даваемыя разнымъ нашимъ колоніямъ, ничуть, впрочемъ, за то намъ не благодарнымъ. 840000 ф. на Гваделупу, 618000 ф. на Мартинику, 440000 ф. на островъ Бурбонъ, 455000 ф. на наши маленькіе поселки въ Индіи и т. д. Дѣйствительный расходъ на колоніи достигаетъ 111 милліоновъ фр. Не мы ихъ эксплоатируемъ, а онѣ насъ и въ широкихъ размѣрахъ. Для страны мало населенной нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть въ одно и то же время военной и колоніальной державой. Она можетъ быть той или другой, но заразъ той и другой никогда. Благодаря колоніямъ, наши военныя силы недостаточны для уничтоженія нашей зависимости отъ державы, владѣющей болѣе сильнымъ флотомъ, чѣмъ нашъ. Это обнаружилось очень ясно на дѣлѣ съ Фашодой. Наши колоніальныя вла-

Англичане конечно не для славы обладанія колоніями тратятъ на нихъ 62 милліона. Эти 62 мил. ничто иное, какъ задатокъ, много разъ окупающійся торговлею этихъ колоній съ метрополіей. Единственные предметы, вывозимые до сихъ поръ латинскими народами въ ихъ колоніи,—многочисленные ряды чиновниковъ и незначительное количество предметовъ роскоши, потребляемыхъ, впрочемъ, почти исключительно тѣми же самыми чиновниками. Окончательный бюджетъ нашихъ колоній совершенно ясенъ. Онѣ намъ обходятся въ 110 милліоновъ въ годъ, а приносятъ около 7. Это поистинѣ плачевная финансовая операція, происходящая на глазахъ народовъ, изумленныхъ упорствомъ, съ которымъ мы продолжаемъ ее производить.

Ко всѣмъ причинамъ нашего коммерческаго упадка, къ несчастію, нужно прибавить еще недобросовѣстный образъ дѣйствій многихъ нашихъ купцовъ, слишкомъ хорошо извѣстный всѣмъ путешествовавшимъ за границей. Я припоминаю, что во время моего пребыванія въ Индіи, я былъ пораженъ, увидя на всѣхъ бутылкахъ бордо и коньяку маленькія ан-

дѣнія являются для насъ только причиною ослабленія и создаютъ намъ непредвидѣнныя и грозныя опасности. Сверхъ того, наши латинскіе пріемы управленія раздражаютъ туземцевъ, всегда готовыхъ возстать. Для поддержанія съ большимъ трудомъ мира въ Алжирѣ, съ столь рѣдкимъ при томъ арабскимъ населеніемъ, мы принуждены содержать тамъ такую же многочисленную армію, какъ европейскія войска, англичанъ, позволяющія имъ удерживать въ полномъ спокойствіи 250 мил. индусовъ, между которыми 50 м. мусульманъ, гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ мусульмане Алжира, и всегда помнящихъ, что нѣкогда завоеванная ими Индія принадлежала имъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

глійскія этикетки, на которыхъ обозначено, что бутылка—розлива одного изъ лондонскихъ домовъ, гарантирующаго доброкачественность продукта. По справкамъ оказалось, что большіе дома въ Бордо и въ Коньякѣ, въ теченіе продолжительнаго времени, продавали англійскимъ купцамъ, торгующимъ за границей, продукты столь низкаго качества, что они совершенно перестали обращаться непосредственно къ нимъ, а предпочли перейти къ посредничеству англійскихъ домовъ, покупающихъ продукты на мѣстѣ. Этотъ фактъ не удивитъ лицъ, освѣдомленныхъ о качествахъ товаровъ, называемыхъ нашими купцами „предметами вывоза".

Это пониженіе качества продуктовъ наблюдается не только на предметахъ, предназначенныхъ къ вывозу за границу, но все болѣе и болѣе распространяется и на тѣ, которые мы продаемъ у себя, и этимъ то и объясняется подавляющій успѣхъ заграничной конкуренціи. Возьмемъ, наприм., опредѣленный товаръ—фотографическіе объективы, составляющіе въ настоящее время предметъ крупной торговли. Всякій фотографъ вамъ скажетъ, что французскіе объективы совершенно вытѣсняются съ рынка англійскими и особенно германскими, несмотря на то, что послѣдніе втрое и вчетверо дороже. Отъ чего происходитъ успѣхъ этой конкуренціи? Просто отъ того, что иностранные объективы высокой марки всѣ хороши, а наши—только въ исключительномъ случаѣ. Иностранный фабрикантъ, понимая, что его интересъ состоитъ въ томъ, чтобы не ронять свою марку, не

пускаетъ въ продажу неудавшихся объективовъ. Французскій фабрикантъ еще до этого не додумался. Все имъ изготовляемое, хорошее или дурное, ему нужно сбыть. Въ результатѣ онъ не сбываетъ больше ничего. *) То же наблюдается на множествѣ предметовъ, напримѣръ на фотографическихъ пластинкахъ. Возьмите самыя лучшія французскія марки; въ каждомъ ящикѣ вы непремѣнно найдете одну или двѣ пластинки плохого качества, приготовленныя изъ неудавшейся эмульсіи и которыя французскій фабрикантъ, не рѣшаясь забраковать, подсунулъ въ ящики съ годными пластинками. Ничего подобнаго не бываетъ съ иностранными пластинками. Англійскій или нѣмецкій фабрикантъ можетъ быть не честнѣе французскаго, но онъ гораздо разумнѣе понимаетъ свои интересы. Поэтому неизбѣжно, черезъ нѣсколько лѣтъ, несмотря на всевозможныя покровительственныя пошлины, на всѣ рекламы нашихъ фабрикантовъ, въ силу простой необходимости, французская фотографическая пластинка будетъ вытѣснена иностранной точно такъ же, какъ это случилось съ фотографическимъ объективомъ.

Упадокъ честности нашихъ купцовъ представляетъ весьма серьезный симптомъ, къ несчастью наблюдае-

*) Въ каталогѣ дорожныхъ вещей магазиновъ *Лувра*, изданномъ въ іюнѣ 1898 г., изъ четырехъ категорій фотографическихъ объективовъ, находящихся въ продажѣ, три значатся изготовленными въ Германіи и только одинъ сортъ объективовъ французской марки предлагается покупателямъ, да и то онъ годенъ развѣ только для дешевыхъ аппаратовъ. Французскій объективъ теперь почти ни находитъ покупателей, тогда какъ лѣтъ 30 тому назадъ никто не покупалъ нѣмецкихъ.

мый во всѣхъ отрасляхъ промышленности и постоянно возрастающій. Совершенно напрасно издаютъ постановленія одно за другимъ для обузданія обмана во всѣхъ отрасляхъ торговли. Въ Парижѣ, наприм., полиція почти отказалась конфисковать топливо, продаваемое въ запломбированныхъ мѣшкахъ, яко бы гарантированнаго вѣса. Вѣсъ неизмѣнно на 25% ниже показаннаго, и для всѣхъ такихъ дѣлъ не хватило бы судовъ. Въ одномъ изъ такихъ дѣлъ по поставкѣ 25000 кило угля не хватало четверти вѣса. Служащіе крупнаго промышленника, занимавшагося этой продѣлкой, должны были признать, что она практиковалась постоянно. Въ другихъ подобнаго рода дѣлахъ было удостовѣрено, что хозяинъ не додавалъ одну четверть товара, а извозчикъ утаивалъ другую.

И, къ сожалѣнію, чѣмъ дальше, тѣмъ больше такое направленіе становится общимъ, даже въ торговлѣ, производимой образованными людьми. Въ отчетѣ, напечатанномъ въ „*l'Officiel*" отъ 23 декабря 1897 г., заключающемъ результаты анализовъ, производившихся въ теченіе трехъ лѣтъ въ городской лабораторіи надъ продуктами, взятыми изъ аптекъ, составитель отчета указываетъ, что „число безупречно изготовленныхъ лѣкарствъ или продуктовъ составляетъ едва одну треть".

§ 3. Причины коммерческаго и промышленнаго превосходства нѣмцевъ.

Промышленное и торговое превосходство англи-

чанъ и особенно нѣмцевъ удостовѣрено, и нужно быть наивнымъ, чтобы отрицать его въ настоящее время. Нѣмцы, впрочемъ, прекрасно это понимаютъ. Вотъ какъ выразился одинъ изъ ихъ писателей въ одномъ изъ недавнихъ изданій:

...„Теперь мы вывозимъ въ Парижъ l'article de Paris! Какъ измѣнились времена и роли!

...„Для земляныхъ работъ, тяжелыхъ и плохо оплачиваемыхъ, во Франціи нужны итальянцы. Для промышленности, банковыхъ операцій и вообще для торговли нужны нѣмцы, бельгійцы, швейцарцы...

„Безработные во Франціи считаются десятками тысячъ, а между тѣмъ, фактъ весьма знаменательный: пріѣзжающій въ Парижъ нѣмецъ не долго остается безъ дѣла. Сколько ихъ ни отправилось во Францію,— всѣ безъ исключенія нашли себѣ работу!

„Послать за границу сына у нашихъ сосѣдей—верхъ роскоши. Только немногія богатыя семьи позволяютъ себѣ это. Много ли вы встрѣтите служащихъ французовъ у насъ или въ Англіи? Сколько изъ нихъ имѣютъ средства къ существованію, кромѣ жалованья? Что касается Германіи, то ихъ можно перечесть по пальцамъ, развѣ наберется ихъ съ дюжину.

„Ежегодно Франція отстаетъ отъ той или другой страны въ той или другой отрасли торговли; съ третьяго мѣста она переходитъ на четвертое, съ четвертаго на пятое, никогда не наверстывая потеряннаго. Таблица вывоза разныхъ товаровъ всего свѣта за послѣднія десять лѣтъ производитъ поразительное впечатлѣніе; можно вообразить себя присутствующимъ на скачкахъ, гдѣ изнуренная Франція, сидя на плохой лошади, мало по малу даетъ себя обогнать всѣмъ соперникамъ.

....„Когда страна съ возрастающимъ населеніемъ соприкасается съ менѣе населенной страной, которая, вслѣдствіе того, представляетъ центръ малаго давленія, то образуется теченіе воздуха, попросту называемое вторженіемъ,—явленіе, во время котораго гражданскій кодексъ убирается въ сторону... Пусть малочисленныя націи дружно смыкаютъ свои ряды *)“.

*) Нашимъ молодымъ интеллигентамъ не мѣшаетъ серьезно задуматься надъ послѣдними строками вышеприведенной цитаты. При нѣсколько большей сообразительности они наконецъ поняли бы, что сохранить возможность мирно заниматься собственнымъ „я“, которое

По адресу автора только что приведенныхъ строкъ Артуръ Майе выражается такъ:

„Нѣкоторыя фразы этого нѣмца не выходятъ у меня изъ головы. Онъ предсказалъ, что Францiя сдѣлается въ нѣкоторомъ родѣ колонiею, управляемою французскими чиновниками и хозяйственно эксплоатируемою нѣмецкими промышленниками, купцами и земледѣльцами. Прочитавъ въ первый разъ, года три или четыре тому назадъ, это предсказанiе, я счелъ его простымъ надругательствомъ. Но при внимательномъ размышленiи я убѣдился, что оно уже болѣе чѣмъ на три четверти осуществилось. Вы въ этомъ сомнѣваетесь? Тогда спросите опытныхъ въ этихъ вещахъ людей, что случилось бы съ французской промышленностью и торговлей, если бы вдругъ всѣ иностранцы принуждены были оставить Францiю. Много ли новыхъ обществъ, которыя не ими учреждены и не ими всецѣло держатся?“

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ причинахъ, создавшихъ такое промышленное и торговое превосходство нѣмцевъ менѣе, чѣмъ въ 30 лѣтъ.

Исключимъ, прежде всего, такъ часто приводимое соображенiе, что будто бы престижъ одержанныхъ побѣдъ облегчаетъ нѣмцамъ ихъ торговлю. Этотъ престижъ тутъ безусловно не при чемъ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно очевидно, что покупатель обращаетъ вниманiе только на поставляемый ему товаръ, нисколько не принимая въ расчетъ нацiональности продавца. Торговля — дѣло не нацiональное, а личное. Въ англiйскихъ колонiяхъ могутъ свободно торговать всѣ народы, и если туземцы долго предпочитали англiйскiе товары, то просто потому, что они были дешевле и приходились имъ болѣе по вкусу.

имъ такъ дорого, они могутъ только тогда, когда будутъ немножко меньше презирать свое отечество и гораздо больше уважать армiю, единственную его защитницу. Фридрихъ Великiй писалъ: „военное искусство нужно для процвѣтанiя всѣхъ остальныхъ... Государство держится въ той мѣрѣ, въ какой оно защищено оружiемъ“.

Если теперь они начинаютъ оказывать предпочтенiе нѣмецкимъ товарамъ, то очевидно потому, что эти послѣднiе кажутся имъ болѣе выгодными, такъ что если нѣмецкая торговля все болѣе и болѣе завоевываетъ мiръ, то не потому, что нѣмцы обладаютъ сильной армiей, а просто потому, что покупатели предпочитаютъ нѣмецкiе товары. Военные успѣхи здѣсь не играютъ никакой роли. Въ пользу влiянiя нѣмецкаго военнаго режима можно развѣ только сказать, что молодой человѣкъ, прошедшiй черезъ такую школу, прiобрѣлъ тамъ качества, присущiя порядку, исправности, дисциплинѣ и самоотверженности, которыя впослѣдствiи будутъ ему весьма полезны въ торговлѣ.

Исключивъ эту первую причину влiянiя военнаго превосходства, нужно искать другiя.

На первомъ мѣстѣ неизмѣнно выступаютъ, какъ всегда, качества расы. Но прежде, чѣмъ на нихъ настаивать, мы должны сперва замѣтить, что могущество нѣмцевъ заключается не только въ ихъ собственной силѣ, но также и въ нашей слабости.

При изученiи представленiй, создавшихъ духъ латинской расы, мы показали причины этой слабости. Наши читатели знаютъ, какимъ образомъ способности латинскихъ народовъ были созданы подъ влiянiемъ ихъ прошлаго и до какой степени эти народы испытываютъ теперь послѣдствiя этого прошлаго. Они знаютъ влiянiе нашей вѣковой централизацiи, влiянiе прогрессивнаго поглощенiя государствомъ, разрушающаго всякую частную инициативу и дѣлающаго

гражданъ неспособными къ самостоятельной дѣятельности, когда они лишены руководительства. Имъ извѣстно также ужасное вліяніе системы воспитанія, лишающей молодыхъ людей и послѣднихъ слѣдовъ унаслѣдованныхъ ими иниціативы и силы воли, выпускающихъ ихъ въ жизнь безъ другихъ знаній, кромѣ словъ, и извращающихъ навсегда ихъ способность сужденія.

Чтобы показать, до какой степени сила нѣмцевъ въ значительной своей части основывается на нашей собственной слабости, достаточно указать, что вмѣсто борьбы съ ними наши промышленники и купцы какъ разъ сами и распространяютъ во Франціи нѣмецкіе продукты. Факты эти ускользаютъ отъ статистики, но они служатъ признакомъ такого душевнаго настроенія, которое я считаю еще гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ апатія, а именно: склонности къ мелочности и недовѣрчивости и недостатка иниціативы, въ чемъ всѣ наши консулы упрекаютъ нашихъ промышленниковъ и купцовъ. Они не только отказываются все болѣе и болѣе отъ всякаго усилія и отъ всякой мысли о борьбѣ, но дошли до того, что сами даютъ оружіе въ руки нашимъ соперникамъ, продавая чѣмъ дальше, тѣмъ больше исключительно ихъ же товары. Во многихъ отрасляхъ промышленности наши бывшіе фабриканты стали простыми комиссіонерами, ограничиваясь перепродажей подъ своими клеймами съ большимъ барышомъ предметовъ, пріобрѣтаемыхъ ими въ Германіи. Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ двадцать лѣтъ такія отрасли промышленности, въ

которыхъ Франція занимала нѣкогда первенствующее положеніе, какъ, напр., производство фотографическихъ аппаратовъ, химическихъ продуктовъ, разныхъ точныхъ приборовъ и даже „парижскихъ товаровъ“ (l'article de Paris), почти всецѣло перешли въ руки иностранцевъ. Я могъ бы назвать очень старые дома, когда то имѣвшіе многочисленныхъ рабочихъ, а теперь вовсе ихъ не имѣющіе. Изготовленіе въ Парижѣ самаго простого точнаго прибора сдѣлалось очень затруднительнымъ. Съ исчезновеніемъ старыхъ фабрикантовъ, еще нынѣ живущихъ, это затрудненіе станетъ даже непреодолимымъ.

Очевидно, кажется, гораздо проще продавать готовый предметъ, чѣмъ изготовлять его самому. Но не такъ просто предвидѣть послѣдствія этой операціи. А между тѣмъ такъ они ясны.

Нѣмецкій фабрикантъ, доставившій какой либо предметъ своему парижскому конкуренту, который тотъ выдаетъ за собственное издѣліе и получаетъ съ него иногда значительный барышъ, скоро приходитъ къ тому заключенію, что ему гораздо выгоднѣе продавать тотъ же самый предметъ парижской публикѣ непосредственно и подъ своимъ собственнымъ именемъ. Онъ начинаетъ съ продажи продуктовъ съ своей маркой многимъ комиссіонерамъ, что лишаетъ француза возможности продавать тотъ же предметъ подъ своимъ именемъ, и этимъ самымъ отнимаетъ у него часть барыша. Поощряемый успѣхомъ иностранный промышленникъ рѣшается вскорѣ открыть

въ Парижѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ торговый домъ. [1])

Въ руки иностранцевъ такимъ образомъ перешли, къ несчастію, не только такія отрасли промышленности, какъ фотографическіе и точные приборы и химическіе продукты. „Парижскіе товары" (l'article de Paris), продаваемые большими магазинами готоваго платья, все чаще и чаще оказываются изготовленными въ Германіи. Матеріи для мужского платья идутъ все чаще и чаще изъ Германіи или Англіи и все чаще и чаще же продаются иностранными портными, открывающими теперь свои магазины во всѣхъ пунктахъ столицы. Почти всѣ пивныя, замѣнившія наши большіе рестораны, содержатся нѣмцами. Иностранцы открываютъ у насъ книжныя торговли, магазины предметовъ искусства, ювелирныхъ издѣлій и начинаютъ приниматься за торговлю шелковыми матеріями и предметами дамскаго туалета. Если бы на всемірной выставкѣ 1900 года жюри вздумало исключить всѣ иностранные предметы, продаваемые подъ французской маркой, то наше участіе въ ней, можетъ быть, оказалось бы значительно урѣзаннымъ [2]).

[1]) А часто и фабрику. Въ Парижѣ существуетъ уже три германскихъ дома, продающихъ объективы. Одинъ изъ нихъ открылъ въ самомъ Парижѣ фабрику, съ 200 рабочихъ, прибывшихъ, разумѣется, изъ Германіи и едва успѣвающихъ исполнять заказы французскихъ покупателей. Когда наши промышленники и торговцы жалуются, что они терпятъ отъ иностранной конкуренціи, то не могли ли бы имъ отвѣтить, что въ дѣйствительности они страдаютъ только отъ своей неспособности и апатіи? Нѣмцы скоро будутъ смотрѣть на Парижъ, какъ на самую доходную изъ своихъ колоній.

[2]) Въ качествѣ члена испытательной комиссіи точныхъ прибо-

Было бы жестоко слишкомъ осуждать нашихъ промышленниковъ и приписывать исключительно только ихъ неспособности и лѣни то, что отчасти происходитъ отъ другихъ причинъ. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что возрастающія требованія рабочихъ, поддерживаемыя благосклоннымъ къ нимъ отношеніемъ властей, затѣмъ громадные, обременяющіе нашу промышленность налоги способствуютъ въ такой же мѣрѣ невозможности бороться съ нашими конкурентами, какъ и несовершенство и недостаточность нашихъ орудій производства и дороговизна заводской стоимости издѣлій. Совершенно понятно, что измученный и раздосадованный хозяинъ промышленнаго предпріятія отказывается наконецъ производить предметы, которые онъ можетъ получить по болѣе низкимъ цѣнамъ. Тогда онъ закрываетъ свои мастерскія и нисходитъ на степень простого перепродавца. Если бы у него были другія природныя способности, онъ, безъ сомнѣнія, поступилъ бы какъ его англійскіе или американскіе собратья, такъ же подвергающіеся требованіямъ рабочихъ и конкуренціи, но тѣ, благодаря своей энергіи и непрерывному усовершенствованію своихъ орудій производства, довольно успѣшно борятся съ нѣмецкими соперниками. Къ несчастію для нашихъ промышленниковъ, имъ недостаетъ всѣхъ тѣхъ качествъ характера, которыя обезпечиваютъ превосходство въ такой борьбѣ. Въ основѣ всѣхъ со-

ровъ, я хотѣлъ предложить сдѣлать это исключеніе, но меня попросили отказаться отъ этого проекта, осуществленіе котораго вызвало бы слишкомъ много нареканій со стороны экспонентовъ.

ціальныхъ задачъ постоянно кроется преобладающее вліяніе расы, этой верховной распорядительницы судьбами народовъ. Всѣ факты, перечисленные нами въ этой главѣ, принадлежатъ настоящему, но какъ отдаленны отъ насъ ихъ причины!

Система централизаціи, которой съ нѣкотораго времени подвергаются нѣмцы, несомнѣнно когда нибудь приведетъ ихъ, какъ я уже впрочемъ замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, къ такому же положенію, въ какомъ мы находимся теперь; но пока они извлекаютъ пользу изъ своихъ наслѣдственныхъ качествъ, не особенно блестящихъ, но за то основательныхъ и совершенно подходящихъ къ новымъ требованіямъ, созданнымъ развитіемъ наукъ, промышленности и торговли.

Сказанное нами въ предыдущемъ параграфѣ о ихъ промышленныхъ и коммерческихъ успѣхахъ позволяло уже предугадывать и причины этихъ успѣховъ. Мы поймемъ ихъ еще лучше, разсматривая ихъ національныя качества и пользу, которую они изъ нихъ извлекаютъ.

Главныя качества нѣмцевъ — терпѣніе, выносливость, настойчивость, привычка къ наблюденію и размышленію и большая способность къ составленію обществъ и союзовъ. Всѣ эти качества въ сильной степени развиты превосходнымъ техническимъ образованіемъ *).

*) Одинъ промышленникъ недавно мнѣ разсказывалъ, какъ при посѣщеніи германскаго электрическаго завода онъ былъ удивленъ числомъ мастеровъ и простыхъ рабочихъ, которыхъ титуловали „г. докторъ“, „г. инженеръ“. Нѣмцы не страдаютъ какъ мы отъ избытка

Въ этихъ качествахъ и заключаются самыя общія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя глубокія причины ихъ успѣховъ. Въ промышленности и торговлѣ онѣ выражаются слѣдующимъ образомъ: постоянное усовершенствованіе промышленныхъ орудій производства и продуктовъ *), производство товаровъ по вкусу покупателей, непрерывное измѣненіе ихъ согласно ихъ замѣчаніямъ, чрезвычайная точность въ поставкахъ, отправка по всему міру образованныхъ представителей, знающихъ языки и нравы различныхъ странъ, имѣющихъ при себѣ товары. Многія торговыя общества безпрерывно, черезъ посредство многочисленныхъ агентовъ, разосланныхъ во всѣ пункты земного шара, снабжаютъ своихъ компаньоновъ самыми точными свѣдѣніями. Дрезденскій *Export verein* съ 1885 до 1895 г. истратилъ на отправку путешествующихъ развѣдчиковъ около 500.000 фр. *Нѣмецкое колоніальное общество* получаетъ 120.000 фр.

кандидатовъ и бакалавровъ безъ дѣла, потому что, благодаря ихъ тщательному техническому образованію, они легко могутъ найти занятіе въ промышленности, тогда какъ чисто теоретическое образованіе латинскихъ народовъ дѣлаетъ ихъ способными быть только преподавателями, судьями и чиновниками.

*) Называютъ нѣкоторые германскіе заводы, имѣющіе до 80 химиковъ, часть которыхъ занимается только теоретическими изысканіями, продолжаемыми затѣмъ другими химиками, которые стараются извлечь изъ нихъ какое либо промышленное приложеніе. Германскіе промышленники зорко слѣдятъ за всѣми новѣйшими изобрѣтеніями и тотчасъ же стараются ихъ усовершенствовать. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія объ изобрѣтеніи безпроволочнаго телеграфа одинъ германскій домъ уже изготовлялъ полный аппаратъ для него, со включеніемъ Морза, за 200 марокъ. Инструментъ былъ у меня въ рукахъ, и я констатирую, что всѣ весьма значительныя трудности, которыя представляетъ правильная установка его станцій, были удивительно преодолѣны.

годового дохода, доставляемаго взносами его членовъ, и имѣетъ 249 представителей за границей. Союзъ торгово-служащихъ, правленіе котораго находится въ Гамбургѣ, имѣетъ 42.000 членовъ и находитъ мѣста ежегодно для тысячи служащихъ.

Большинство товаровъ, предназначенныхъ къ вывозу, отправляется черезъ Гамбургъ, торговля котораго съ 1871 г. удесятерилась, а по количеству тоннъ въ общей сложности онъ теперь превосходитъ Ливерпуль, тогда какъ Марсель и Гавръ падаютъ изъ года въ годъ. Тамъ находятся многочисленные агенты по экспорту—представители интересовъ фабрикантовъ, устанавливающіе ихъ сношенія съ покупателями. Въ ихъ складахъ имѣются образцы всѣхъ товаровъ, форму и качества которыхъ фабриканты безпрестанно мѣняютъ по указаніямъ, получаемымъ изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ земного шара.

Всѣ эти общества быстро достигаютъ значительныхъ результатовъ. Одинъ американскій консулъ, Монаганъ, въ отчетѣ 1894 г., какъ примѣръ, приводитъ торговыя сдѣлки въ Босніи, произведенныя Софійскимъ отдѣленіемъ одного изъ вышеупомянутыхъ мною обществъ. Взявъ на себя трудъ напечатать болгарскій календарь, оно разослало до 200.000 объявленій, истратило около 100.000 фр. на разъѣзды комиссіонеровъ и съ перваго же года получило заказовъ на 10 милліоновъ фр., сокративъ этимъ въ громадной пропорціи торговлю всѣхъ своихъ конкурентовъ.

Такіе результаты достигаются не безъ труда, но

нѣмецъ передъ трудомъ никогда не отступитъ. Въ противуположность французскому промышленнику, онъ изучаетъ съ величайшимъ усердіемъ вкусы, привычки, нравы, словомъ психологію своихъ кліентовъ, и въ ежегодныхъ свѣдѣніяхъ, публикуемыхъ упомянутыми мною обществами, заключаются самые точные документы по этому предмету. Делинъ, резюмируя отчетъ профессора Янжула, показалъ, до какихъ мелочей изучаютъ нѣмецкіе развѣдчики психологію народовъ, съ которыми негоціантамъ приходится торговать. По отношенію къ русскимъ, напр., вмѣстѣ съ указаніемъ ихъ вкусовъ, говорится, что передъ рѣшеніемъ какого нибудь дѣла съ ними необходимо пить чай, потомъ уже обсуждать, какіе предметы имъ можно продать, характеризуя самые лучшіе изъ нихъ такъ: „выгодный сбытъ обезпеченъ“. Въ книгѣ *Export Hand-Adressbuch*, находящейся въ рукахъ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, встрѣчаются характерныя указанія, въ родѣ слѣдующихъ:

„Китайцы имѣютъ обыкновеніе приготовлять себѣ пищу въ желѣзной посудѣ съ очень тонкими стѣнками; рисъ варится быстро, но кастрюля скоро прогораетъ, и ее приходится часто мѣнять. Для устраненія всякой конкуренціи, одинъ англійскій домъ отправилъ въ Китай партію болѣе толстыхъ и прочныхъ желѣзныхъ горшковъ, пустивъ ихъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Сначала китайцы соблазнились, и горшки разошлись въ самое короткое время. Но успѣхъ продолжался недолго, такъ какъ черезъ нѣсколько дней продажа вдругъ прекратилась. Причина этого была логическая: топливо въ Китаѣ очень дорого, толстыя англійскія кастрюли нагрѣвались медленно, рисъ варился дольше и въ результатѣ онѣ оказывались гораздо дороже прежнихъ, въ которыхъ рисъ сваривался въ одну минуту. Китайцы возвратились къ прежней, болѣе экономичной посудѣ“.

Мы входимъ здѣсь въ такія подробности, чтобы

лучше показать, изъ какихъ элементовъ слагаются въ настоящее время успѣхи народовъ. Разсматриваемые отдѣльно, эти элементы кажутся ничтожными. Но въ суммѣ они представляютъ огромное значеніе. На складъ нѣмецкаго ума, позволяющій серьезно заниматься тѣмъ, какъ китаецъ варитъ свой рисъ, латинскіе народы, занятые такими важными вопросами, какъ пересмотръ конституцій, отдѣленіе церкви отъ государства, польза изученія греческаго языка и т. п., должны смотрѣть съ глубокимъ презрѣніемъ. Латинскимъ народамъ необходимо, однако, убѣдиться въ томъ, что если они не оставятъ своихъ безполезныхъ теоретическихъ разсужденій, своей пустой и сентиментальной фразеологіи и не займутся этими маленькими практическими вопросами, на которыхъ въ настоящее время покоится жизнь народовъ, то міровая роль латинской расы скоро окончится, и она совершенно исчезнетъ изъ исторіи. Никакое правительство не можетъ дать имъ того, чего имъ недостаетъ. Не внѣ себя, а въ себѣ самихъ, они должны искать опору.

Можно ли предполагать, что примѣненіе соціалистическихъ доктринъ помогло бы положенію вещей, изложенному нами въ этой главѣ? Въ соціалистическомъ ли обществѣ, еще болѣе регламентируемомъ, чѣмъ наше, могъ бы развиться тотъ духъ инціативы и энергіи, столь необходимый въ настоящее время и столь недостающій латинскимъ народамъ? Когда всѣмъ будетъ управлять и все производить коллективистское государство, станутъ ли продукты лучше и дешевле, ихъ вывозъ легче, иностранная конкуренція менѣе

грозной? Чтобы этому повѣрить, поистинѣ нужно совсѣмъ не знать основныхъ законовъ промышленности и торговли. Напротивъ, если упадокъ у латинскихъ народовъ такъ глубокъ, то это главнымъ образомъ потому, что государственный соціализмъ давно уже сдѣлалъ у нихъ громадные успѣхи и что безъ постоянной поддержки правительства они ничего предпринимать неспособны. Достаточно будетъ идти еще дальше по пути завершенія побѣдъ соціализма, чтобы упадокъ еще болѣе усилился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Экономическія требованія и ростъ народонаселенія.

§ 1. *Современный ростъ народонаселенія различныхъ странъ и его причины.* Дѣйствительная сложность и кажущаяся простота соціальныхъ явленій. Вопросъ о народонаселеніи. Преимущества и невыгоды, представляемыя ростомъ народонаселенія для разныхъ странъ. Психологическія заблужденія статистиковъ. Многочисленные народы гораздо болѣе грозны своею промышленностью и торговлей, чѣмъ пушками. Причины уменьшенія народонаселенія нѣкоторыхъ странъ. Почему это уменьшеніе стремится стать общимъ для всѣхъ странъ. Вліяніе благосостоянія и духа предусмотрительности.

§ 2. *Послѣдствія роста или уменьшенія народонаселенія.* Слабая роль численности народовъ въ древней и новой исторіи. Источники могущества страны не военная сила, а земледѣліе, промышленность и торговля. Опасности, которыя представило бы для Франціи увеличеніе ея населенія. Почему излишекъ народонаселенія не представляетъ неудобствъ для Англіи и Германіи. Условія, при которыхъ эмиграція становится выгодной для народа. Условія, дѣлающія эмиграцію вредной. Бѣдствія, происходящія отъ роста населенія въ нѣкоторыхъ странахъ. Примѣръ Индіи. Затрудненія, которыя современное экономическое развитіе міра скоро создастъ для слишкомъ многочисленныхъ промышленныхъ народовъ. Преимущества низкой цифры населенія Франціи скоро выкажутся.

§ 1. Современный ростъ народонаселенія различныхъ странъ и его причины.

Соціальныя явленія характерны тѣмъ, что представляются всегда двояко: на взглядъ очень простыми, а въ дѣйствительности чрезвычайно сложными. Примѣненіе средствъ отъ претерпѣваемыхъ нами золъ кажется очень легкимъ, но какъ только ихъ захотятъ примѣнить, тотчасъ со всѣхъ сторонъ являются невидимыя препятствія, тѣсно ограничивающія

сферу нашихъ дѣйствій. Коллективная жизнь народа соткана изъ безчисленнаго множества нитей; нельзя прикоснуться къ одной изъ нихъ безъ того, чтобы это вскорѣ не отразилось на всѣхъ другихъ.

Только при отдѣльномъ разборѣ каждой изъ маленькихъ задачъ, составляющихъ большую соціальную задачу, выясняется и страшная сложность этой послѣдней и призрачность средствъ, ежедневно предлагаемыхъ простодушными людьми.

Мы найдемъ новое доказательство этой сложности соціальныхъ задачъ, разсматривая одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ успѣхами соціализма. Я разумѣю отношенія между ростомъ народонаселенія и увеличивающимися съ каждымъ днемъ экономическими потребностями.

Въ послѣднихъ главахъ мы старались сдѣлать очевидными два основныхъ положенія: во-первыхъ, міровое промышленное и экономическое развитіе принимаетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ прошлые вѣка; во-вторыхъ, народы, обладающіе извѣстными спеціальными способностями, приносившими когда то малую пользу, должны подняться на высшую ступень, когда эти способности получатъ примѣненіе.

Промышленное и экономическое развитіе міра, зарю котораго мы только что начинаемъ замѣчать, совпало съ различными обстоятельствами, вызвавшими у большинства народовъ быстрый ростъ численности ихъ населенія.

Можемъ ли мы сказать, при существующихъ экономическихъ потребностяхъ, что этотъ ростъ представляетъ преимущества или неудобства? Мы сейчасъ увидимъ,

что, смотря по состоянію народовъ, у которыхъ это явленіе обнаружилось, отвѣтъ будетъ не одинъ и тотъ же.

Въ обширныхъ, но малонаселенныхъ странахъ, какъ Соед. Шт. Сѣв. Америки, Россія или Англія, благодаря своимъ колоніямъ, увеличеніе народонаселенія, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, представляетъ очевидныя выгоды. Можно ли сказать то же самое о странахъ, достаточно населенныхъ, владѣющихъ небольшимъ числомъ колоній и не имѣющихъ никакого основанія посылать въ нихъ жителей, весьма способныхъ къ земледѣлію, но очень мало способныхъ къ промышленности и внѣшней торговлѣ. Мы этого не думаемъ, а напротивъ, намъ кажется, что такія страны поступаютъ очень разумно, не стараясь увеличивать своего населенія. Въ виду описанной нами экономической эволюціи такое воздержаніе отъ увеличенія населенія составляетъ единственное для нихъ средство для избѣжанія безпросвѣтной нищеты.

Но, какъ извѣстно, статистики думаютъ не такъ.

Установивъ фактъ, что въ большинствѣ европейскихъ странъ народонаселеніе быстро возрастаетъ, тогда какъ во Франціи оно почти не измѣняется, и замѣтивъ, что у насъ въ 1800 году приходилось 33 рожденія на 1.000 жителей, въ 1840 г.—27, въ 1880 г.—25 и въ 1895 г.—22, они въ журналахъ и ученыхъ обществахъ не перестаютъ высказывать свои сѣтованія. Государство—опять таки государство—должно, по ихъ мнѣнію, поспѣшить своимъ вмѣшательствомъ. Нѣтъ тѣхъ нелѣпыхъ мѣръ, какъ, напр., налогъ на холостяковъ, преміи отцамъ много-

численныхъ семействъ и т. д., которыхъ они не предлагали бы для устраненія того, что по мнѣнію ихъ составляетъ бѣдствіе, а мы, принимая во вниманіе положеніе нашей страны, считаемъ благодѣяніемъ или во всякомъ случаѣ необходимостью, вытекающей изъ причинъ, въ виду которыхъ всѣ предлагаемыя мѣры очевидно недѣйствительны и наивны.

Всѣ эти смѣлые статистики, кажется, думаютъ, что число дѣтей въ семействахъ можетъ быть опредѣляемо фантазіей законодателя. Они, повидимому, и не подозрѣваютъ, что семьи воспитываютъ такое число дѣтей, какое могутъ, и имѣютъ вполнѣ серьезныя основанія не воспитывать большаго числа.

Единственное неудобство, какое статистики могли, впрочемъ, найти въ этой остановкѣ роста нашего народонаселенія, заключается въ томъ, что нѣмцы, имѣя много дѣтей, вскорѣ будутъ слѣд. имѣть гораздо болѣе рекрутъ, чѣмъ мы, и тогда имъ легко будетъ овладѣть нами. Разсматривая вопросъ даже только съ этой крайне узкой точки зрѣнія, можно сказать, что опасность, яко бы грозящая намъ неминуемо, незначительна. Нѣмцы угрожаютъ намъ своей торговлей и промышленностью гораздо болѣе, чѣмъ пушками, и не надо забывать, что когда они будутъ достаточно многочисленны для того, чтобы сдѣлать успѣшную попытку военнаго вторженія въ нашу страну, имъ будетъ угрожать такое же вторженіе со стороны расположенныхъ у нихъ въ тылу 130 мил. русскихъ, разъ статистики допускаютъ гипотезу, что самые многочисленные народы неизбѣжно должны вторгаться къ народамъ менѣе многочисленнымъ.

Очень вѣроятно, что когда нѣмцы будутъ въ состояніи собрать достаточно многочисленныя войска для завоеванія народа, военныя способности котораго доказаны исторіей, Европа уже разстанется съ тою иллюзіей, что могущество армій измѣряется ихъ численностью. Опытъ докажетъ, согласно справедливымъ предположеніямъ германскаго генерала фонъ-деръ-Гольца, что современныя арміи—это орды полудисциплинированныхъ солдатъ, лишенныхъ надлежащей военной подготовки и способности сопротивляться, скоро будутъ истреблены маленькой арміей профессіональныхъ, привычныхъ къ войнѣ солдатъ, подобно тому, какъ нѣкогда милліоны Ксеркса и Дарія были уничтожены горстью дисциплинированныхъ грековъ, прекрасно обученныхъ и привычныхъ ко всякимъ лишеніямъ.

При разсмотрѣніи причинъ этого постепеннаго уменьшенія нашего народонаселенія выясняется, съ одной стороны, что оно является во всѣ времена почти неизмѣннымъ послѣдствіемъ возрастанія того духа предусмотрительности, который порождается благосостояніемъ. Только одни имущіе думаютъ о сохранении и обезпеченіи нѣкоторыхъ средствъ существованія своимъ потомкамъ, число которыхъ они намѣренно ограничиваютъ.

Къ этой вполнѣ опредѣлившейся причинѣ, послѣдствія которой наблюдались во всѣ эпохи, и особенно въ апогеѣ римской цивилизаціи, присоединились причины, исключительно присущія настоящему времени, изъ которыхъ главными оказываются: промышленное раз-

витіе, сократившее, благодаря усовершенствованію машинъ, число рабочихъ рукъ, и отсутствіе колонизаторскаго духа, ограничивающее наши переселенія въ другія страны и грозящее обременить насъ у себя избыткомъ народонаселенія.

Эти данныя свойственны не исключительно Франціи: онѣ наблюдаются въ странахъ, населенныхъ совершенно различными расами. Несмотря на то, что Соединенные Штаты могутъ быть справедливо причислены къ странамъ наиболѣе цвѣтущимъ, статистики не могли не замѣтить, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, и тамъ такое же, какъ и во Франціи замедленіе роста народонаселенія. Въ настоящее время ихъ общая рождаемость составляетъ 26 на 1000, т. е. едва превосходитъ нашу. Въ 10 провинціяхъ Соединенныхъ Штатовъ она даже ниже, измѣняясь въ предѣлахъ отъ 16 до 22 на 1000. Относительно этихъ странъ нельзя ссылаться ни на вліяніе не существующей тамъ обязательной военной службы, ни на вліяніе спирта, запрещеннаго въ продажѣ, ни на предписанія кодекса, предоставляющаго полную свободу завѣщанія, такъ что отцу нѣтъ надобности ограничивать число своихъ дѣтей, для избѣжанія раздробленія своего состоянія на слишкомъ мелкія части. Подобное же пониженіе рождаемости наблюдается также и въ Австраліи, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ приходилось 40 рожденій на 1000, а теперь 30.

Всѣ эти факты категорически доказываютъ несостоятельность доводовъ, приводимыхъ статистиками,

для объясненія того, что они называютъ опасностью уменьшенія нашего народонаселенія.

Такое же замедленіе роста народонаселенія наблюдается почти вездѣ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ въ какой нибудь періодъ оказывался наиболѣе значительнымъ.

Въ Германіи рождаемость, составлявшая въ 1875 г. 42 на 1000, черезъ 20 лѣтъ постепенно понизилась до 36. Въ Англіи, за тотъ же періодъ, она упала съ 36 до 29. Убыль—бо́льшая, чѣмъ во Франціи, такъ какъ за то же время въ ней рождаемость упала только съ 25 до 22. Оба народа, слѣд., все менѣе и менѣе опережаютъ насъ въ этомъ отношеніи, и весьма вѣроятно, что скоро сравняются съ нами.

§ 2. Послѣдствія роста или уменьшенія народонаселенія въ различныхъ странахъ.

Изъ предыдущаго видно, что пониженіе роста народонаселенія обнаруживается повсюду, и что наши соперники вскорѣ будутъ угрожать намъ уже не своею численностью.

Допустимъ, однако, что они сохранятъ перевѣсъ, который имѣютъ въ настоящее время надъ нами, и посмотримъ, можетъ ли увеличеніе численности ихъ народонаселенія представлять для насъ серьезную опасность?

Слушая причитанія этихъ обладающихъ, кажется, удивительно ограниченнымъ умомъ статистиковъ, удачно названныхъ въ журналѣ *l'Economiste français* „легко-

мысленными якобинцами“, можно и въ самомъ дѣлѣ подумать, что превосходство народовъ обусловливается ихъ численностью. А на самомъ дѣлѣ самый бѣглый взглядъ, брошенный на исторію, показываетъ на примѣрѣ египтянъ, грековъ, римлянъ и т. д., что численность во всей древности играла лишь очень слабую роль. Нужно ли напоминать, что съ 100.000 хорошо обученныхъ людей греки восторжествовали надъ милліонами Ксеркса, и что римляне никогда не располагали болѣе, чѣмъ 400.000 солдатъ, разсѣянныхъ по имперіи, простиравшейся отъ океана до Евфрата на 1000 миль въ длину и 500 въ ширину?

И не обращаясь къ этимъ отдаленнымъ эпохамъ, можемъ ли мы допустить, чтобы роль численности въ новые вѣка была значительнѣе, чѣмъ въ древности? Ничто не даетъ права такъ думать. Не говоря о китайцахъ, съ военной точки зрѣнія представляющихся очень мало грозными, несмотря на свои 400 милліоновъ населенія, развѣ не всѣмъ извѣстно, что англичанамъ достаточно арміи въ 65000 ч., чтобы удерживать въ подчиненіи 250 мил. индусовъ, и Голландіи—арміи гораздо болѣе слабой, чтобы повелѣвать 40 милліонами азіатскихъ подданныхъ. Думаетъ ли сама Германія, что ей грозитъ серьезная опасность отъ непосредственнаго сосѣдства громадной цивилизованной имперіи, съ населеніемъ, втрое превосходящимъ ея собственное?

Оставимъ же въ сторонѣ эти пустыя опасенія и вспомнимъ, что въ дѣйствительности намъ угрожаетъ не число нашихъ конкурентовъ, а ихъ промышленныя

и коммерческія способности. Три истинныхъ источника могущества любой страны составляютъ — земледѣліе, промышленность и торговля, а не арміи.

Къ счастью, нельзя предположить, чтобы всѣ сѣтованія статистиковъ могли въ результатѣ увеличить хотя однимъ человѣкомъ число жителей нашей страны. Поздравимъ себя съ полной безполезностью ихъ рѣчей. Предположимъ, что разгнѣванный Богъ пожелалъ бы послать на Францію самое ужасное бѣдствіе. Какое же Онъ могъ бы выбрать? Холеру, чуму или войну? Конечно нѣтъ, потому что эти бѣдствія мимолетны. Ему стоило бы только удвоить численность нашего народонаселенія. При современныхъ экономическихъ условіяхъ міра, психологическихъ наклонностяхъ и потребностяхъ французовъ, это была бы непоправимая бѣда. Мы вскорѣ увидѣли бы кровавыя революціи, безвыходную нищету, вѣрное торжество соціализма, сопровождаемое постоянными войнами и не менѣе постоянными нашествіями.

Но почему въ другихъ странахъ, какъ Англія или Германія, избытокъ населенія не имѣетъ такихъ неудобствъ? Съ одной стороны, просто потому, что эти страны обладаютъ колоніями, куда направляется избытокъ ихъ населенія, а съ другой, потому, что эмиграція, безусловно антипатичная французамъ, тамъ считается явленіемъ весьма желательнымъ, хотя бы она и не составляла для нихъ крайне настоятельной необходимости.

Склонность къ эмиграціи и возможность удовлетворить ее позволяютъ народамъ значительно увели-

чивать цифру своего населенія. Являясь сначала послѣдствіемъ избытка народонаселенія, стремленіе къ эмиграціи становится въ свою очередь причиной, способствующей еще бо́льшему возрастанію этого избытка. Знаменитый путешественникъ Стэнли очень хорошо освѣтилъ этотъ фактъ въ письмѣ, опубликованномъ одною газетою, въ отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что эмиграція начинается только съ того времени, когда народонаселеніе превосходитъ извѣстную цифру на квадратную милю. Въ Великобританіи въ 1801 г. было 130 жит. на квадратную милю; какъ только это число достигло 224, а именно въ 1841 г., началось быстро усилившееся эмиграціонное движеніе. Когда въ Германіи народонаселеніе достигло той же цифры 224 на кв. милю, ей въ свою очередь пришлось искать колоній*). Италія могла ждать дольше, благодаря крайней нетребовательности своихъ жителей, но когда наконецъ ея населеніе достигло цифры 253 жителей на квадратную милю, ей пришлось подчиниться общему закону и постараться открыть себѣ выходы. Она мало успѣла въ этой попыткѣ, столь трудной для латинскихъ народовъ, и, истративъ безполезно 200 мил. фр. въ Африкѣ, испытала только унизительныя пораженія. Но, подъ страхомъ неизбѣжнаго разоренія, къ которому она, впрочемъ, идетъ быс-

*) Я привожу цифры въ англійскихъ мѣрахъ по Стэнли. Вотъ какъ выражается въ настоящее время населенность различныхъ странъ Европы на кв километръ (по *Annuaire du bureau des longitudes*, за 1898 г.): Англія 117, Италія 110, Германія 99, Франція 73, Испанія 36.

трыми шагами, ей придется возобновить свои попытки. Дѣйствительная опасность, угрожающая Италіи и обрекающая ее въ скоромъ времени на революціи и соціализмъ, заключается въ слишкомъ большой плотности ея населенія. Какъ вездѣ, нищета оказалась слишкомъ плодовитою *).

Франція, гораздо менѣе населенная, не имѣетъ никакой надобности въ эмиграціи, замѣчаетъ Стэнли, и совершенно напрасно растрачиваетъ жизненную силу своихъ молодыхъ людей въ Тонкинѣ, на Мадагаскарѣ, въ Дагомеѣ—куда отправляются только чиновники, очень дорого стоящіе,—особенно когда по сосѣдству она владѣетъ Алжиромъ и Тунисомъ, которыхъ ей не удается заселить **). Въ самомъ дѣлѣ, эти страны имѣютъ на квадратную милю только 25 жителей, изъ которыхъ французы составляютъ лишь малую часть.

Стэнли вполнѣ правъ и очень удачно намѣтилъ

*) Бѣднота всегда плодовита, потому что она непредусмотрительна Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, имѣть высокое мнѣніе о нравственности лицъ, производящихъ дѣтей въ большемъ числѣ, чѣмъ они могутъ выростить, и питать къ нимъ большую симпатію? Я этого не думаю, а скорѣе присоединился бы къ мнѣнію Джона Стюарта Милля, сказавшаго: „Едва-ли можно надѣяться, чтобы нравственность повысилась. пока не будутъ смотрѣть на многочисленныя семьи съ такимъ же презрѣніемъ, какъ на пьянство или какое либо другое плотское излишество“. Это соображеніе относится, конечно, только къ людямъ, сознающимъ, что они не въ состояніи воспитывать производимыхъ ими дѣтей.

**) Завоеванный 70 лѣтъ тому назадъ Алжиръ, по народной переписи 1901 года, содержитъ на 4.739.000 жителей—364000 природныхъ французовъ и 317000 иностранцевъ [изъ которыхъ 155000 испанцевъ и 57000 евреевъ]. Въ немъ немного болѣе 4 милліоновъ арабовъ. Число этихъ послѣднихъ удвоилось менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ.

суть задачи. Его заключенія аналогичны съ указанными ранѣе однимъ изъ его соотечественниковъ, Мальтусомъ. Этотъ послѣднiй ясно показалъ, что существуетъ тѣсное соотношеніе между народонаселеніемъ страны и ея средствами существованія и что, при нарушеніи равновѣсія, голодъ, война и всевозможныя эпидеміи, обрушиваясь на слишкомъ умножившееся населеніе, вызываютъ въ народѣ смертность, быстро возстановляющую равновѣсіе.

Англичане могли провѣрить справедливость этого закона. Когда, послѣ многочисленныхъ и смертоносныхъ для побѣжденныхъ войнъ, они закончили завоеваніе великой индійской имперіи, подчинивъ своей власти 250 милліоновъ людей, они сдѣлали невозможными распри между различными суверенными владѣтелями и водворили на полуостровѣ глубокій миръ. Результаты обнаружились скоро. Народонаселеніе возрасло въ громадной пропорціи — на 33 милліона съ 1881 г. по 1891 г.—и скоро оказалось не въ соотвѣтствіи со средствами пропитанія. Такъ какъ уменьшеніе его путемъ недопускаемыхъ теперь войнъ не можетъ происходить, то оно совершается по старому закону Мальтуса, путемъ періодическихъ голодовокъ, отъ которыхъ умираютъ голодной смертью милліоны людей, а также путемъ почти такихъ же опустошительныхъ эпидемій. Англичане, безсильные противъ законовъ природы, философски относятся къ этимъ гекатомбамъ, уносящимъ каждый разъ столько же человѣческихъ жертвъ, какъ всѣ, взятыя вмѣстѣ, войны Наполеона.

Такъ какъ дѣло касается восточныхъ народовъ, то Европа остается равнодушной къ этому зрѣлищу. Ей слѣдуетъ, однако, обратить на него вниманіе, по крайней мѣрѣ, какъ на доказательство того, къ чему ведетъ чрезмѣрный ростъ народонаселенія, пока это доказательство не будетъ вскорѣ ей дано Италіей. Статистики могли бы изъ этого извлечь тотъ урокъ, что они глубоко заблуждаются, проповѣдуя нѣкоторымъ народамъ размноженіе; они натолкнули бы эти народы на гибельный путь, если бы ихъ фразы производили ожидаемое дѣйствіе.

Могли ли бы мы предположить, что, при описанномъ нами предстоящемъ экономическомъ развитіи, слишкомъ многочисленные народы получатъ въ будущемъ отъ избытка своего населенія такія выгоды, на которыя теперь они разсчитывать не могутъ? Совершенно ясно, что, напротивъ, этотъ избытокъ былъ бы для нихъ гибельнымъ и что въ будущемъ самая счастливая участь ожидаетъ страны наименѣе населенныя, т. е. тѣ, гдѣ народонаселеніе не превосходитъ числа людей, имѣющихъ возможность существовать продуктами своей страны. Въ главѣ, посвященной экономической борьбѣ между Востокомъ и Западомъ, мы показали, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго роста народонаселенія, бо́льшая часть европейскихъ странъ не можетъ своимъ производствомъ удовлетворить своихъ жителей, и поэтому свой громадный годовой недочетъ въ пищевыхъ продуктахъ должна покупать на Востокѣ. Эти пищевые продукты до сихъ поръ оплачивались производимыми для восточныхъ на-

родовъ товарами; но такъ какъ эти народы теперь сами стали производить ихъ по цѣнамъ въ десять разъ меньшимъ европейскихъ, то торговля между Востокомъ и Западомъ съ каждымъ днемъ стремится къ сокращенію.

Народамъ, живущимъ не земледѣліемъ, а только промышленностью и торговлей, въ будущемъ грозитъ наибольшая опасность. Земледѣльческія страны, какъ, напр., Франція, съ производствомъ почти достаточнымъ для своего потребленія, и могущія, въ случаѣ крайности, обходиться безъ внѣшней торговли, окажутся въ безконечно лучшемъ положеніи и гораздо менѣе пострадаютъ отъ все болѣе и болѣе угрожающаго Европѣ кризиса, наступленіе котораго было бы очень ускорено торжествомъ соціалистовъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Конфликтъ между законами эволюціи, демократическими идеями и соціалистическими стремленіями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Законы эволюціи, демократическія идеи и стремленія соціалистовъ.

§ 1. *Отношенія живыхъ существъ къ своей средѣ.* Жизнь всѣхъ существъ обусловливается ихъ средой. Важность преобразованій, производимыхъ этой средой, и ихъ медленность. Почему виды существъ кажутся неизмѣнными. Условія соціальной среды. Рѣзкія измѣненія, произведенныя въ этихъ условіяхъ среды современными открытіями, и трудность для человѣка приспособляться къ нимъ.

§ 2. *Конфликтъ между естественными законами эволюціи и демократическими воззрѣніями.* Возрастающее противорѣчіе между нашимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ и дѣйствительностью, удостовѣренною наукой. Трудность согласованія демократическихъ идей съ новыми научными понятіями. Какъ разрѣшается конфликтъ на практикѣ. Въ концѣ концовъ, демократическій режимъ вынужденъ благопріятствовать всякаго рода превосходству. Образованіе кастъ при демократическомъ режимѣ. Преимущества и опасности демократіи. Финансовые нравы американской демократіи. Почему продажность американскихъ политикановъ представляетъ лишь незначительныя неудобства. въ соціальномъ отношеніи. Демократическія идеи и чувства толпы Инстинкты толпы по существу не демократичны.

§ 3. *Конфликтъ между демократическими идеями и стремленіями соціалистовъ.* Противорѣчіе между основными принципами демократіи и соціалистическими идеями. Участь слабыхъ въ демократіи. Почему они ничего не выиграютъ при торжествѣ соціалистическихъ идей. Ненависть соціализма къ свободной конкуренціи и свободѣ. Въ настоящее время соціализмъ—самый опасный врагъ демократіи.

§ 1. Отношенія живыхъ существъ къ своей средѣ.

Натуралистами давно уже доказано, что жизнь всѣхъ существъ безспорно обусловливается ихъ средой, и что достаточно очень незначительнаго измѣненія этой послѣдней при единственномъ условіи его продолжительности для полнаго превращенія ея обитателей.

Процессъ этихъ превращеній теперь вполнѣ извѣстенъ. Эмбріологія существъ, повторяющая собой серію наслѣдственныхъ эволюцій, указываетъ намъ глубокія измѣненія, испытанныя ими въ продолженіе геологическихъ періодовъ.

Для того, чтобы эти превращенія произошли, нѣтъ необходимости въ очень большихъ измѣненіяхъ среды; нужно только, чтобы вліяніе этихъ измѣненій было очень продолжительнымъ. Слишкомъ большое или слишкомъ быстрое измѣненіе привело бы не къ превращенію, а къ смерти. Пониженіе или повышеніе температуры на нѣсколько градусовъ, на протяженіи многихъ поколѣній, достаточно для полнаго превращенія фауны и флоры какой либо страны путемъ медленнаго приспособленія къ новымъ условіямъ.

Въ своемъ недавнемъ трудѣ Кентонъ приводитъ интересный примѣръ перемѣнъ, произведенныхъ простыми измѣненіями температуры.

„Въ виду охлажденія земного шара, говоритъ авторъ, организованныя существа стремятся искусственнымъ образомъ поддерживать въ своихъ тканяхъ первоначальную высокую внѣшнюю температуру. Это стремленіе имѣетъ первостепенную важность. Извѣстно, что у позвоночныхъ оно уже опредѣляетъ эволюцію воспроизводящихъ органовъ и

соотвѣтственно съ этимъ эволюцію скелета. Оно ведетъ за собой равнымъ образомъ перемѣны во всѣхъ другихъ органахъ и, слѣд., самую эволюцію.

Это ясно вытекаетъ изъ простого разсмотрѣнія *a priori*. Представимъ себѣ анатомію первобытнаго схематическаго типа. Наступаетъ охлажденіе земного шара; жизнь стремится поддержать свою предшествующую высокую температуру. Это поддержаніе можетъ быть достигнуто лишь производствомъ теплоты въ тканяхъ, т. е. посредствомъ горѣнія. Всякое горѣніе требуетъ горючихъ матеріаловъ и кислорода; вотъ и имѣются данныя, необходимыя для развитія пищеварительнаго и дыхательнаго аппаратовъ, могущихъ удовлетворить этой потребности. Необходимость разносить по тканямъ эти горючіе матеріалы и этотъ кислородъ, возрастая по мѣрѣ усиленія горѣнія, вызываетъ эволюцію органовъ кровообращенія. Слѣдствіемъ развитія этихъ трехъ аппаратовъ, къ которымъ присоединяется еще и развитіе воспроизводящихъ органовъ, неизбѣжно является и развитіе нервной системы. Затѣмъ, производство теплоты—это только начало; необходимо сохранить ее, и вотъ естественно является необходимость въ развитіи внѣшнихъ покрововъ. Но вслѣдствіе возрастающаго охлажденія земного шара растетъ и разность между температурами живыхъ организмовъ и окружающей ихъ среды. Слѣдовательно, является постоянная необходимость въ болѣе интенсивномъ горѣніи и въ болѣе совершенной организаціи существъ. Такимъ образомъ видно, что, въ виду охлажденія земного шара весьма естественное усиліе, дѣлаемое жизнью для поддержанія первоначальныхъ условій своего химическаго существованія, опредѣляетъ безостановочно развитіе всѣхъ органическихъ аппаратовъ и требуетъ отъ нихъ *a priori* постояннаго совершенствованія примѣнительно къ новымъ условіямъ. Чтобы подтвердить эту теоретическую точку зрѣнія, достаточно будетъ распредѣлить различныя группы животныхъ по порядку появленія ихъ на землѣ и затѣмъ прослѣдить, въ этомъ порядкѣ, дѣйствительный прогрессъ въ каждомъ изъ ихъ органическихъ аппаратовъ“.

Что справедливо для среды физической, равно справедливо и въ отношеніи среды нравственной, особенно среды соціальной. Живыя существа всегда стараются приспособиться къ ней, но въ силу могущества наслѣдственности, постоянно борющейся со стремленіемъ къ измѣненію, это приспособленіе совершается очень медленно. Оттого то и происходитъ, что виды существъ, если принимать во вниманіе

лишь короткую продолжительность историческихъ временъ, кажутся неизмѣняющимися. Такими они кажутся, какъ кажется такимъ же человѣкъ, наблюдаемый въ теченіе одной минуты. Медленная работа, ведущая отъ молодости къ дряхлости и смерти, нисколько не замедлилась за эту минуту, а совершалась, хотя для насъ и незамѣтно.

Итакъ, всѣ существа находятся въ зависимости отъ ихъ физической или нравственной среды. Если эти существа находятся въ средѣ, измѣняющейся медленно, а такими являются материки, климаты, точно такъ же, какъ и цивилизаціи—то они успѣваютъ приспособиться къ ней. Какъ только какое нибудь особенное обстоятельство внезапно измѣнитъ среду, приспособленіе становится невозможнымъ, и существо осуждено на исчезновеніе. Если бы, вслѣдствіе какого нибудь геологическаго переворота, температура полюсовъ или температура экватора установилась во Франціи, то, послѣ двухъ или трехъ поколѣній, эта страна потеряла бы большую часть своего населенія, и ея цивилизація не смогла бы удержаться въ современномъ состояніи.

Но въ геологіи неизвѣстны такіе внезапные перевороты. и въ настоящее время мы знаемъ, что большая часть измѣненій поверхности земного шара произошла очень медленно.

До сихъ поръ такъ же обстояло и съ соціальной средой. Кромѣ случаевъ разрушенія завоевателями, цивилизаціи всегда измѣнялись постепенно. Много учрежденій погибло, много боговъ разсыпалось въ

прахъ, но тѣ и другіе были замѣнены лишь послѣ долгаго періода старости. Исчезли великія имперіи, но исчезли лишь послѣ долгаго періода упадка, котораго не могутъ избѣгнуть общества такъ же, какъ и живыя существа. Могущество Рима въ концѣ концовъ исчезло отъ нашествій варваровъ, но онъ уступилъ имъ свое мѣсто лишь съ большою постепенностью, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ разложенія, и, въ дѣйствительности, древній міръ связывается съ новымъ посредствомъ незамѣтныхъ переходовъ, а совсѣмъ не такъ, какъ говоритъ большинство книгъ.

Въ качествѣ единственнаго въ своемъ родѣ явленія въ лѣтописяхъ міра, современныя научныя и промышленныя открытія, менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, произвели въ условіяхъ существованія людей болѣе глубокія измѣненія, чѣмъ всѣ другія отмѣченныя исторіей, начиная съ того времени, когда человѣкъ подготовлялъ зачатки своихъ первыхъ цивилизацій на берегахъ Нила и въ долинахъ Халдеи. У очень старыхъ обществъ, опирающихся на извѣстныя основы, которыя могли считаться ими вѣчными, теперь эти основы поколеблены. Вслѣдствіе слишкомъ рѣзкой перемѣны, не давшей человѣку времени примѣниться къ ней, произошелъ значительный переворотъ въ умахъ, возникло сильное разстройство, всеобщее противорѣчіе между чувствованіями, установившимися наслѣдственнымъ путемъ, и условіями существованія и мышленія, созданными современными потребностями. Всюду происходятъ столкновенія между старыми идеями и новыми, возникшими вслѣдствіе новыхъ потребностей.

Мы еще не знаемъ, что выйдетъ изъ всѣхъ этихъ конфликтовъ, и можемъ лишь удостовѣрить ихъ наличность. Изучая здѣсь тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ отношеніе къ вопросамъ, составляющимъ предметъ настоящей книги, мы увидимъ, насколько глубоки нѣкоторые изъ нихъ.

§ 2. Конфликтъ между естественными законами эволюціи и демократическими воззрѣніями.

Между всѣми конфликтами, готовящимися намъ въ близкомъ будущемъ и зарождающимися на нашихъ глазахъ, однимъ изъ самыхъ явныхъ, быть можетъ, окажется все возрастающее противорѣчіе между теоретическими представленіями о мірѣ, когда-то созданными нашимъ воображеніемъ, и дѣйствительностью, вполнѣ уже выясненною наукой.

Ясно выраженное противорѣчіе существуетъ не исключительно только между религіозными представленіями, на которыхъ еще покоится наша цивилизація, и представленіями научными, являющимися результатомъ современныхъ открытій. Это старое противорѣчіе никого болѣе не шокируетъ, потому что оно отъ времени потеряло уже острый характеръ. Теперь антагонизмъ возникаетъ между новыми научными доктринами и политическими воззрѣніями, на которыхъ современные народы основываютъ свои учрежденія.

Когда вожаки революціи, руководимые мечтаніями философовъ, достигли торжества своихъ гума-

нитарныхъ идей и начертали на фронтонахъ зданій слова: свобода, равенство и братство, служившія выраженіемъ этихъ мечтаній, то современная наука еще не существовала. И потому эти вожаки, безъ всякаго риска встрѣтить противорѣчіе, могли ссылаться на первобытное состояніе человѣка, его природную доброту и развращеніе его обществомъ; могли поступать такъ, какъ будто бы общество было чѣмъ то искусственнымъ, законодатели могутъ перестраивать его по своему усмотрѣнію.

Но съ появленіемъ новыхъ наукъ стала очевидною вся ложность такихъ представленій. Особенно же сильно ихъ поколебало ученіе объ эволюціи, указавшее на происходящую всюду въ природѣ непрестанную борьбу, оканчивающуюся всегда уничтоженіемъ слабыхъ; конечно—это кровожадный законъ, но, въ то же время, онъ источникъ всякаго прогресса; безъ этого закона человѣчество не вышло бы изъ первобытной дикости и никогда не смогло бы создать никакой цивилизаціи.

Что эти научные принципы могли казаться демократичными и что демократія сумѣла ужиться съ ними, не замѣчая, насколько они неблагопріятны для нея *), то это одно изъ тѣхъ необычайныхъ явле-

*) Противорѣчіе между демократическими идеями и наукой, однако, начинаетъ уже проникать въ учебныя книги, написанныя профессорами университета. Вотъ какъ выражается Лявиссъ, одинъ изъ писателей, наиболѣе извѣстныхъ по своимъ общедоступнымъ сочиненіямъ:

„Философы XVIII-го вѣка ввели въ моду чувство братства въ человѣчествѣ; а теперь наиболѣе распространенная изъ философій, уже проникшая въ науку, учитъ неизбѣжности борьбы за су-

ній, которыя могутъ понять лишь мыслители, изучившіе исторію религій; они знаютъ, съ какой легкостью вѣрующіе выводятъ изъ священнаго текста заключенія самыя невѣроятныя и стоящія въ полномъ противорѣчіи съ нимъ. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего аристократичнѣе законовъ природы. Съ полнымъ основаніемъ можно сказать: „аристократизмъ составляетъ законъ для человѣческихъ обществъ, подобно тому какъ онъ подъ именемъ естественнаго подбора является закономъ для видовъ". Въ настоящее время мы затрудняемся въ согласованіи новыхъ данныхъ науки съ нашими демократическими иллюзіями настолько же, насколько когда-то затруднялись богословы согласовать библію съ геологическими открытіями. Посредствомъ натяжекъ пока еще можно кое-какъ замаскировать эти разногласія, которыя, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, вскорѣ будутъ ясны и очевидны для всѣхъ.

Несмотря на свою реальность, этотъ конфликтъ все-таки далеко не такъ важенъ, какъ можно было бы думать. Я сомнѣваюсь даже, чтобы онъ пріобрѣлъ когда либо какое нибудь практическое значеніе и вышелъ изъ области философскихъ споровъ. По правдѣ сказать, это разногласіе существуетъ только въ теоріи. Въ фактахъ его нѣтъ, да и какъ, впрочемъ, оно могло бы тамъ быть, когда факты являются слѣдствіемъ законовъ природы, которые господствуютъ

ществованіе, законности естественнаго подбора, осуществляемаго путемъ истребленія слабыхъ, за которыми она не признаетъ права на жизнь".

надъ нашей волей и дѣйствія которыхъ мы, слѣд., избѣгнуть не можемъ?

Мы это увидимъ при изслѣдованіи истиннаго значенія демократіи. Если, несмотря на внѣшнюю сторону, она благопріятствуетъ всякаго рода превосходству, не исключая превосходства по рожденію, то она является на самомъ дѣлѣ настолько же аристократичной, т. е. благопріятствующей группѣ избранныхъ натуръ, какъ и предшествующія ей формы правленія. А въ такомъ случаѣ противорѣчій съ законами эволюціи у нея не существуетъ.

Для доказательства вышеизложеннаго оставимъ въ сторонѣ слова, которыми обыкновенно опредѣляютъ, что такое демократія, и постараемся доискаться ея духа, который отлично очерченъ въ слѣдующихъ строкахъ, заимствованныхъ мною у Бурже:

„Если вы пожелаете выяснить самому себѣ, что представляютъ въ дѣйствительности эти два термина: аристократія и демократія, то найдете, что первый означаетъ совокупность нравовъ, ведущихъ къ производству небольшого числа высшихъ индивидуумовъ. Здѣсь можно примѣнить изреченіе: *Humanum paucis vivit genus* *). Второй терминъ, наоборотъ, означаетъ совокупность нравовъ, приводящихъ къ благосостоянію и культурѣ возможно большаго числа людей. Слѣдовательно, самой выдающейся стороной аристократіи, ея пробнымъ камнемъ, является исключительная личность, какъ послѣдній результатъ, какъ выводъ изъ тысячи судебъ, имѣющихъ цѣлью поддержаніе этого рѣдкаго существа, а выдающейся стороной демократическаго общества является такая община, гдѣ и наслажденіе, и работа распредѣлены между многими неопредѣленно раздробленными порціями. Не нужно большой наблюдательности, чтобы установить тотъ фактъ, что современный міръ, въ особенности же нашъ французскій, весь направляется въ сторону

*) Человѣческій родъ живетъ, благодаря немногимъ.

этой второй формы существованія. Новой стороной существованія современнаго общества является замѣна личной иниціативы организованной массой, выступленіе толпы и исчезновеніе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе власти избранныхъ натуръ".

Таковы, безъ сомнѣнія, теоретическія стремленія демократіи. Посмотримъ, согласуется ли съ ними дѣйствительность.

Демократія принимаетъ основнымъ принципомъ равенство правъ всѣхъ людей и свободную конкуренцію. Но въ этой конкуренціи кто же можетъ восторжествовать, какъ не самые способные, т. е. тѣ, кто обладаетъ извѣстными способностями, зависящими болѣе или менѣе отъ наслѣдственности и всегда извлекающими пользу изъ воспитанія и матеріальной обезпеченности. Въ настоящее время мы отвергаемъ права по рожденію и отвергаемъ вполнѣ справедливо, чтобы избѣжать чрезмѣрнаго ихъ расширенія прибавленіемъ еще и соціальныхъ привилегій. На практикѣ эти права сохраняютъ всю свою силу, и даже въ большей степени, чѣмъ это было раньше, потому что свободное состязаніе вмѣстѣ съ прирожденными умственными дарованіями лишь благопріятствуетъ наслѣдственному подбору. На самомъ же дѣлѣ демократическій режимъ создаетъ соціальныя неравенства въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой либо другой. При аристократическомъ режимѣ этихъ неравенствъ возникаетъ гораздо меньше, при немъ лишь упрочиваются уже существующія. Демократическія учрежденія особенно выгодны для избранниковъ всякаго рода, и вотъ почему эти послѣдніе

должны защищать эти учрежденія, предпочитая ихъ всякому другому режиму.

Можно ли сказать, что демократія не создаетъ кастъ, обладающихъ такою же властью, какъ старинныя аристократическія касты? Вотъ какъ Тардъ говоритъ по этому поводу:

„Наша демократія, какъ всякая другая, непремѣнно имѣетъ соціальную іерархію, либо уже существующую, либо возникающую, общепризнанные авторитеты, являющіеся продуктомъ либо наслѣдственности, либо *естественнаго подбора*. У насъ не трудно замѣтить, кѣмъ замѣняется старинное дворянство. Сперва административная іерархія, все усложняющаяся и развивающаяся въ высоту по числу своихъ степеней и въ объемѣ по количеству чиновниковъ; точно такъ же—военная іерархія, въ силу причинъ, принуждающихъ современныя европейскія государства къ всеобщему вооруженію. Затѣмъ, послѣдствіемъ низверженія прелатовъ и принцевъ крови, монаховъ и дворянъ, монастырей и замковъ было лишь усиленіе значенія явившихся имъ на смѣну публицистовъ и финансистовъ, артистовъ и политиковъ, театровъ, банковъ, министерствъ, большихъ магазиновъ, большихъ казармъ и другихъ крупныхъ зданій, сгруппированныхъ въ чертѣ одной и той же столицы. Тамъ сходятся всѣ знаменитости, и что же представляютъ эти различные виды извѣстности и славы со всѣми ихъ градаціями, какъ не іерархію видныхъ мѣстъ, занимаемыхъ или искомыхъ, которыми свободно располагаетъ или думаетъ, что свободно располагаетъ исключительно одно общество? Не только не упрощаясь и не принижаясь, эта аристократія горделивыхъ положеній, эта эстрада съ красными или блестящими тронами не перестаетъ дѣлаться все болѣе и болѣе грандіозною въ силу превращеній, производимыхъ самой демократіей“.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что демократія создаетъ касты точно такъ же, какъ и аристократія. Единственная разница состоитъ въ томъ, что въ демократіи эти касты не представляются замкнутыми. Каждый можетъ туда войти или думать, что онъ можетъ войти. Но какъ проникнуть туда, не обладая извѣстными наслѣдственными умственными способностями, дающимися однимъ рожденіемъ и доставляю-

щими ихъ обладателямъ подавляющее превосходство надъ соперниками, не имѣющими таковыхъ? Изъ этого вытекаетъ, что демократическія учрежденія благопріятны лишь для группъ избранниковъ, которымъ остается лишь поздравить себя съ тѣмъ, что эти учрежденія съ такою легкостью все забираютъ въ свои руки. Еще далекъ тотъ часъ, когда толпа отъ нихъ отвернется. Но все же онъ когда нибудь пробьетъ по причинамъ, о которыхъ мы вскорѣ скажемъ. Предварительно же демократія подвергнется другимъ опасностямъ, вытекающимъ изъ ея сущности, на которыя мы теперь и укажемъ.

Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что демократическій режимъ обходится очень дорого. Уже давно Леонъ Сэ показалъ, что демократіи предназначено сдѣлаться наиболѣе дорого стоющимъ режимомъ. Еще недавно одна газета очень правильно разсуждала по этому поводу. Приводимъ эти разсужденія.

„Общественное мнѣніе когда то справедливо возмущалось расточительностью монархической власти и тѣми царедворцами, которые вызывали государя на щедроты, льющіяся на нихъ дождемъ арендъ и пенсій. Исчезли ли эти царедворцы съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ властелиномъ? Не увеличилось ли, наоборотъ, ихъ число сообразно фантазіямъ неотвѣтственнаго многоголоваго владыки, которому они должны служить? Царедворцы теперь уже не въ Версалѣ, въ историческихъ салонахъ, гдѣ помѣщалась вся ихъ раззолоченная толпа. Они кишатъ въ нашихъ городахъ, деревняхъ, самыхъ скромныхъ окружныхъ и кантональныхъ административныхъ центрахъ, повсюду, гдѣ, благодаря всеобщему избирательному праву, можно заполучить депутатское полномочіе и пріобрѣсти частицу власти. Правленіе ихъ возвѣщаетъ разорительную расточительность, созданіе совершенно лишнихъ должностей, необдуманное развитіе общественныхъ работъ и службъ, для полученія такимъ путемъ дешевой популярности и пріобрѣтенія возможно большаго числа

избирательныхъ голосовъ. Въ парламентѣ они щедро расточаютъ обѣщанныя блага, заботясь объ облагодѣтельствованіи своего избирательнаго округа въ ущербъ равновѣсію бюджета. Это—настоящее торжество узкихъ мѣстныхъ домогательствъ надъ государственнымъ интересомъ, побѣда округа надъ Франціей".

Иногда требованія избирателей чрезмѣрны до крайности, а между тѣмъ законодатель, желающій обезпечить себѣ вторичное избраніе, принужденъ считаться съ ними. Очень часто онъ долженъ подчиняться наказамъ слабоватыхъ умомъ винныхъ торговцевъ и мелкихъ купцовъ, являющихся его главными избирательными агентами. Избиратель требуетъ невозможнаго, и поневолѣ приходится обѣщать требуемое. Отсюда являются спѣшныя реформы, утверждаемыя безъ малѣйшаго понятія о ихъ возможныхъ послѣдствіяхъ. Всякая партія, желающая достигнуть власти, знаетъ, что это возможно только превзойдя обѣщаніями своихъ соперниковъ.

„Изъ-подъ каждой партіи выростаетъ другая, которая подстерегаетъ первую, осыпаетъ бранью и разоблачаетъ ее. Когда царилъ конвентъ, то противъ него выступала грозная гора (крайніе якобинцы); гора въ свою очередь страшилась коммуны, а коммуна боялась казаться слишкомъ безцвѣтной передъ эбертистами. Этотъ законъ партійной борьбы царствуетъ повсюду и оправдывается даже въ самыхъ подонкахъ демагогіи. Однако, при изслѣдованіи этихъ крайнихъ политическихъ предѣловъ, оказывается одна подозрительная и смутная область, гдѣ уже нельзя хорошо разобраться; тамъ то и бываютъ самые горячіе, самые „чистые", самые кровожадные дѣятели, какъ Фуше, Тальенъ и Баррасъ,—одинаково способные стать какъ поставщиками гильотины, такъ и лакеями цезаря. И это смѣшеніе партій на ихъ наиболѣе удаленныхъ граняхъ также составляетъ постоянный политическій законъ. Въ этомъ отношеніи мы только что выдержали очень убѣдительное испытаніе".

Серьезной опасностью отъ этого вмѣшательства толпы въ демократическій образъ правленія является не только чрезмѣрный, сопряженный съ этимъ рас-

ходъ, но особенно весьма распространенная ужасная иллюзія, что всякія бѣдствія поправимы при помощи законовъ. Парламенты такимъ образомъ вынуждены создавать безчисленное множество законовъ и регламентовъ, послѣдствій которыхъ никто не предвидитъ; они только опутываютъ со всѣхъ сторонъ свободу гражданъ и увеличиваютъ число тѣхъ золъ, противъ которыхъ они направлены.

„Государственныя учрежденія, пишетъ итальянскій экономистъ Луццати, не могутъ измѣнять свойствъ нашей жалкой человѣческой натуры, ни внушать намъ недостающихъ нашей душѣ добродѣтелей, ни повышать заработную плату настолько, чтобы являлась возможность дѣлать болѣе значительными сбереженія, потому что мы зависимъ отъ общихъ и неумолимыхъ условій національной экономіи".

Это сужденіе покажется философамъ весьма элементарнымъ, но публика едва ли его уразумѣетъ раньше сотни лѣтъ войнъ, милліардныхъ расходовъ и кровавыхъ переворотовъ. Впрочемъ, только такою цѣною и установилась въ мірѣ большая часть элементарныхъ истинъ.

Демократическія учрежденія влекутъ за собою еще и очень большую неустойчивость министерствъ; но она представляетъ нѣкоторыя преимущества, уравновѣшивающія иногда ея неудобства. Она ведетъ къ тому, что на самомъ дѣлѣ власть передается въ руки административныхъ учрежденій, въ которыхъ нуждается всякій министръ, причемъ онъ не имѣетъ времени измѣнить старую организацію и тради-

ціи, составляющія силу этихъ учрежденій. Кромѣ того, каждый министръ, зная, что онъ недолговѣченъ, и желая оставить послѣ себя какой нибудь слѣдъ, легко поддается на многія либеральныя предложенія. Если бы не частая смѣна министровъ, многія научныя предпріятія были бы совершенно невозможны во Франціи.

Прибавимъ еще, что благодаря легкой смѣнѣ правительства, являющейся послѣдствіемъ демократическихъ учрежденій, революціи становятся безполезными, и, слѣд., весьма рѣдкими. У латинскихъ народовъ это преимущество нельзя считать маловажнымъ.

Болѣе серьезнымъ недостаткомъ демократіи является возрастающая посредственность людей, стоящихъ во главѣ управленія. Имъ нужно только одно существенное качество: быть всегда наготовѣ говорить тотчасъ же о чемъ бы то ни было, находить сразу правдоподобные или по крайней мѣрѣ громкіе аргументы въ отвѣтъ своимъ противникамъ. Выдающіеся умы, которые желаютъ подумать раньше, чѣмъ говорить, будь то Паскаль или Ньютонъ, играли бы печальную роль въ парламентскихъ собраніяхъ. Эта необходимость говорить не разсуждая отстраняетъ отъ парламента многихъ людей съ солидными достоинствами и уравновѣшенными сужденіями.

Они отстраняются и въ силу другихъ причинъ, и особенно потому, что демократія не переноситъ превосходства надъ собою управляющихъ ею лицъ. При непосредственномъ соприкосновеніи съ толпой, избранники ея могутъ угодить ей, лишь потворствуя

ея страстямъ и наименѣе возвышеннымъ ея потребностямъ и давая ей самыя несбыточныя обѣщанія. Вслѣдствіе столь естественнаго въ человѣкѣ инстинкта, который всегда побуждаетъ людей искать себѣ подобныхъ, толпа идетъ вслѣдъ за химерическими или посредственными умами и все болѣе и болѣе вводитъ ихъ въ лоно демократическаго правительства.

„По природѣ своей, какъ недавно было напечатано въ *Revue politique et parlementaire*, толпа предпочитаетъ вульгарные умы образованнымъ, отдается скорѣй людямъ безпокойнымъ и говорунамъ, чѣмъ мыслителямъ и уравновѣшеннымъ, препятствуетъ всякими непріятностями этимъ послѣднимъ привлечь вниманіе къ своимъ рѣчамъ и добиться избранія. Такимъ образомъ почти непрерывно понижается уровень и возникающихъ вопросовъ, и рѣшающихъ соображеній, и предпринимаемыхъ дѣлъ, и привлекаемаго къ службѣ личнаго состава, и руководящихъ побужденій при его выборѣ. Все это у насъ передъ глазами, противъ этого нужно принимать мѣры, чтобы не упасть до положенія очень низкаго и несчастнаго. *) Мы приходимъ къ тому, что даже ученые и талантливые люди, чтобы снискать расположеніе толпы, находятъ самымъ лучшимъ ежедневно предлагать ей уничтоженіе благопріобрѣтеннаго состоянія, а другіе едва осмѣливаются это порицать".

Что этотъ недостатокъ свойственъ всѣмъ демократіямъ вообще, а не является послѣдствіемъ расовыхъ свойствъ, можно заключить изъ того, что явленіе, наблюдаемое во Франціи, наблюдается также, и даже въ гораздо болѣе сильной степени, въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня особаго класса людей, называемыхъ политиканами, съ каждымъ днемъ все ярче и ярче обрисовывается въ размѣрахъ, вну-

*) Авторъ забылъ сказать намъ, какія можно будетъ „принять" мѣры"; во всякомъ случаѣ, не изданіемъ постановленій, такъ какъ они были бы отрицаніемъ основныхъ принциповъ демократіи, слѣд., ясно, что его предложеніе совершенно химерично.

шающихъ опасеніе за будущность великой республики. Это происходитъ также и оттого, что способные люди въ общемъ пренебрегаютъ политическими функціями, которыя, вслѣдствіе этого, выполняются почти одними неудачниками всѣхъ партій. Въ Соединенныхъ Штатахъ неудобство это не такъ ощутительно, какъ было бы въ Европѣ, потому что тамъ роль правителя сведена до минимума, и потому личныя достоинства политическихъ дѣятелей имѣютъ меньшее значеніе.

Въ той же Америкѣ замѣчается еще одна изъ наиболѣе угрожающихъ демократіи опасностей—продажность. Нигдѣ она не приняла такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Подкупъ существуетъ тамъ на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности, и почти нѣтъ тѣхъ выборныхъ должностей, концессій, привилегій, которыхъ нельзя было бы получить за деньги. По словамъ *Contemporary Review*, избраніе въ президенты республики обходится въ 200 милліоновъ фр., ссужаемыхъ американской плутократіей. Восторжествовавшая партія, впрочемъ, щедро возмѣщаетъ свои авансы. Прежде всего начинается массовое увольненіе всѣхъ чиновниковъ отъ службы и раздача ихъ мѣстъ избирателямъ новой партіи. Многочисленные ея сторонники, которыхъ не успѣли пристроить, получаютъ пенсіи изъ пенсіоннаго фонда войны сѣверо-американскихъ штатовъ съ южными, все возрастающаго, хотя большинства участниковъ этой войны уже давно не стало. Эти пенсіи избирателямъ достигаютъ въ настоящее время суммы около 800 милліоновъ фр. въ годъ.

Что касается главарей партій, то ихъ аппетиты еще шире. Въ особенности крупные спекулянты, всегда играющіе преобладающую роль на выборахъ, заставляютъ платить себѣ по-царски. Лѣтъ двадцать тому назадъ, послѣ выборовъ, они устроили правительственное постановленіе, предоставившее имъ право обмѣнять казначейству серебряныя деньги на золото, по старому соотношенію ихъ стоимости. Попросту говоря, это значило, что, внося въ казначейство вѣсовое количество серебра, пріобрѣтенное на рынкѣ за 12 фр., они получали взамѣнъ золотую монету въ 20 фр. Эта мѣра была такъ разорительна для государства, что вскорѣ пришлось ограничить суммою въ 240 милліоновъ фр. этотъ ежегодный подарокъ правительства нѣсколькимъ привиллегированнымъ избранникамъ. Когда казначейство было почти истощено, то дѣйствіе билля было остановлено. Такой колоссальный грабежъ отдалъ въ руки спекулянтовъ такія богатства, что они не подумали протестовать *).

Мы надѣлали безконечно много шуму во Франціи по поводу Панамы, а безнадежная глупость нѣкоторыхъ судей сдѣлала все, чтобы опозорить насъ передъ другими странами, и все изъ-за взятки въ нѣсколько тысячъ фр., данной полудюжинѣ нуждаю-

*) Въ выгодной компаніи противъ американскаго казначейства, т. е. противъ финансовыхъ интересовъ націи, производители серебра имѣли прямыхъ союзниковъ въ лицѣ производителей зерна, и говоря вообще— крупныхъ фермеровъ Запада. Заставлять насильственно, при пособничествѣ государства, принимать обезцѣненную монету, какъ серебро, это значитъ ничто иное, какъ подготовлять искусственное повышеніе цѣнъ на товары.

щихся депутатовъ. Для американцевъ это было совершенно непонятно; у нихъ всякій безъ исключенія политическій дѣятель сдѣлалъ бы то же, съ той только разницей, что никто изъ нихъ не удовольствовался бы такимъ незначительнымъ вознагражденіемъ. Въ сравненіи съ американскими палатами французскій парламентъ обладаетъ добродѣтелью Катона. Она тѣмъ болѣе похвальна, что жалованье нашихъ законодателей едва удовлетворяетъ требованіямъ ихъ положенія. Поощряя Панаму, за что ихъ такъ упрекаютъ, они выполняли лишь единогласныя требованія своихъ избирателей. Суэцкій каналъ, возведшій своего строителя чуть не въ полубоги, былъ сооруженъ при такихъ же условіяхъ, да иначе и быть не могло. Кошельки финансистовъ никогда не раскрывались по побужденіямъ строгой добродѣтели.

Съ точки зрѣнія европейскихъ идей политическіе нравы Соединенныхъ Штатовъ, очевидно, не могутъ найти себѣ никакого оправданія. Они позорятъ страну. Однако, если американцы легко съ ними уживаются и вовсе не находятъ ихъ позорными, то значитъ они соотвѣтствуютъ идеалу особаго рода, который мы должны постараться постигнуть. Въ Европѣ любовь къ богатству по крайней мѣрѣ такъ же распространена, какъ и въ Америкѣ, но мы сохранили старинныя традиціи, вслѣдствіе которыхъ если дѣльцы и финансисты сомнительной честности, въ случаѣ успѣха, возбуждаютъ зависть, то, тѣмъ не менѣе, ихъ достаточно презираютъ и отчасти смотрятъ на нихъ, какъ на удачливыхъ грабителей. Ихъ терпятъ, но ни

когда не придетъ въ голову сравнивать ихъ съ учеными, артистами, военными, моряками, т. е. вообще съ лицами, занимающимися такой профессіей, которая требуетъ извѣстной возвышенности понятій и чувствъ, чего, какъ извѣстно, совершенно лишена большая часть спекулянтовъ.

Въ Америкѣ, какъ странѣ безъ традицій, почти всецѣло предающейся торговлѣ и промышленности, гдѣ царствуетъ полнѣйшее равенство, не существуетъ никакой соціальной іерархіи, потому что всѣ значительныя должности, включая и судейскія, исполняются постоянно мѣняющимися чиновниками, не пользующимися, впрочемъ, большимъ уваженіемъ, чѣмъ любой мелкій лавочникъ; въ такой странѣ, говорю я, единственнымъ отличіемъ можетъ служить богатство. Естественно, что единственной мѣркой значенія и власти даннаго человѣка, а слѣд., и его соціальнаго положенія, является количество имѣющихся у него долларовъ. Погоня за долларомъ становится въ такомъ случаѣ исключительнымъ идеаломъ, для достиженія котораго всѣ средства хороши. Значеніе извѣстной должности опредѣляется степенью ея доходности. На политику смотрятъ лишь какъ на простое ремесло, долженствующее щедро вознаграждать того, кто имъ занимается. Хотя это представленіе, очевидно, очень вредно и низменно, американское общество вполнѣ признаетъ его, давая безъ затрудненія свои голоса политическимъ дѣятелямъ, наиболѣе извѣстнымъ своими хищническими пріемами.

Политикой, разсматриваемой какъ доходное пред-

пріятіе, объясняется образованіе синдикатовъ для ея эксплоатаціи. Только такимъ образомъ можемъ мы понять очень загадочную на первый взглядъ для европейцевъ силу такихъ ассоціацій, какъ знаменитая *Tammany Hall* въ Нью-Іоркѣ, распоряжающаяся на широкую ногу финансами этого города въ теченіе болѣе 50 лѣтъ. Это какъ бы масонское общество, руководящее назначеніемъ городскихъ служащихъ, судей, агентовъ городской полиціи, подрядчиковъ, поставщиковъ, вообще всего служащаго персонала. Этотъ персоналъ преданъ ей тѣломъ и душой и слѣпо повинуется приказаніямъ высшаго начальника ассоціаціи. Только два раза, въ 1894 и въ 1901 году, ей не удалось удержаться. Одно изъ оффиціальныхъ разслѣдованій ея махинацій привело къ открытію самыхъ невѣроятныхъ хищеній. При одномъ только ея начальникѣ, пресловутомъ Вильямѣ Тведѣ, сумма награбленнаго, подѣленная между общниками, доходила, по свѣдѣніямъ слѣдственной комиссіи, до 800 милліоновъ фр. Послѣ короткаго перерыва синдикатъ вновь отвоевалъ всю свою власть, а недавно снова потерялъ ее, но не надолго. На предпослѣднихъ выборахъ онъ затратилъ, какъ говорятъ, 35 милліоновъ, чтобы провести своего ставленника на мѣсто Нью-Іоркскаго мэра. Конечно, эта сумма легко была возвращена членамъ союза, такъ какъ этотъ мэръ располагаетъ ежегоднымъ бюджетомъ въ 400 милліоновъ.

Всякій другой народъ, кромѣ американцевъ, давно пришелъ бы въ разстройство отъ такихъ нравовъ.

Мы знаемъ, къ чему они привели въ латинскихъ республикахъ Америки. Но населеніе Соединенныхъ Штатовъ обладаетъ тѣмъ высокимъ качествомъ—энергіей, которое преодолѣваетъ всѣ препятствія. Такъ какъ опасность вмѣшательства финансистовъ въ дѣла не такъ еще очевидна, то публика ею не озабочивалась. Въ тотъ день, вѣроятно уже недалекій, когда опасность выяснится вполнѣ, американцы употребятъ всю свою обычную энергію для поправленія бѣды. На этотъ счетъ у нихъ расправа коротка. Извѣстно, какъ они отдѣлываются отъ негровъ и китайцевъ, которые ихъ безпокоятъ. Когда финансисты и взяточники будутъ ихъ слишкомъ стѣснять, то они не постѣснятся безъ всякаго зазрѣнія совѣсти линчевать нѣсколько дюжинъ изъ нихъ, чтобы заставить другихъ поразмыслить о пользѣ добродѣтели.

Отмѣченная нами деморализація захватила въ Америкѣ пока только особый классъ политикановъ и очень немного коснулась коммерсантовъ и промышленниковъ. Что, впрочемъ, ограничиваетъ дѣйствіе ея узкими предѣлами, такъ это, повторяю, то, что въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и во всѣхъ англо-саксонскихъ странахъ, вмѣшательство правительства въ дѣла очень незначительно и не распространяется на все, какъ у латинскихъ народовъ.

Этимъ весьма важнымъ обстоятельствомъ объясняется живучесть американскихъ демократій сравнительно со слабою степенью ея у латинскихъ демократій. Демократическія учрежденія могутъ процвѣтать лишь у народовъ, имѣющихъ достаточно ини-

ціативы и силы воли, чтобы направлять свои дѣла и заниматься ими безъ постояннаго вмѣшательства со стороны государства. Подкупность чиновниковъ не можетъ имѣть слишкомъ печальныхъ послѣдствій, когда вліяніе общественныхъ властей очень ограничено. Когда же, наоборотъ, это вліяніе велико, то деморализація распространяется на все и разложеніе близко. Грустный примѣръ латинскихъ республикъ въ Америкѣ показываетъ, какая судьба ожидаетъ демократію у народовъ безвольныхъ, безнравственныхъ и неэнергичныхъ. Самоуправство, нетерпимость, презрѣніе къ законности, невѣжество въ практическихъ вопросахъ, закоренѣлый вкусъ къ грабежу тогда быстро развиваются. Затѣмъ, вскорѣ наступаетъ и анархія, за которой неизбѣжно слѣдуетъ диктатура.

Такой конецъ всегда угрожалъ правленіямъ демократическимъ. Но еще больше онъ грозилъ бы правительствамъ чисто народнымъ, основаннымъ на соціализмѣ.

Но, кромѣ только что отмѣченныхъ нами опасностей, происходящихъ отъ состоянія нравственности, демократическому режиму приходится бороться съ другими трудностями, находящимися въ зависимости отъ умственнаго состоянія народныхъ массъ, на благо которыхъ онъ однако употребляетъ всѣ свои усилія.

Самые опасные враги его находятся вовсе не тамъ, гдѣ онъ упорно продолжаетъ ихъ искать. Ему угрожаетъ не аристократія, а народныя массы. Какъ только толпа начинаетъ страдать отъ раздоровъ и

анархіи своихъ правителей, она сейчасъ же начинаетъ подумывать о диктаторѣ. Такъ всегда было въ смутные періоды исторіи у народовъ, не имѣющихъ качествъ, достаточныхъ для поддержанія свободныхъ учрежденій или утратившихъ эти качества. За Суллою, Маріемъ и междуусобными войнами выступили Цезарь, Тиверій и Неронъ. За конвентомъ — Бонапартъ; за 48 годомъ—Наполеонъ III. И всѣ эти деспоты, сыны всеобщаго избирательнаго права всѣхъ эпохъ, всегда обожались толпой. Какъ, впрочемъ, могли бы они удержаться, если бы народная душа не была съ ними?

„Будемъ же смѣло говорить и повторять, писалъ одинъ изъ самыхъ стойкихъ защитниковъ демократіи, Шереръ, что упорно продолжающіе игнорировать результаты четырехъ плебисцитовъ, возведшихъ Луи Наполеона въ президенты республики, узаконившихъ покушеніе 2 декабря, создавшихъ имперію и, наконецъ, въ 1870 году, возобновившихъ договоръ націи съ пагубнымъ авантюристомъ,—обрекаются на полное непониманіе самыхъ характерныхъ проявленій всеобщей подачи голосовъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи“.

Прошло лишь немного лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ та же самая всеобщая подача голосовъ едва не возобновила подобнаго же договора съ другимъ авантюристомъ, лишеннымъ даже авторитета имени и имѣвшимъ за собой одинъ лишь престижъ своего генеральскаго султана. Судей, вынесшихъ приговоръ королямъ, много, но очень мало такихъ, кто осмѣлился вынести приговоръ народамъ.

§ 3. Конфликтъ между демократическими идеями и стремленіями соціалистовъ.

Таковы преимущества, а также и недостатки де-

мократическихъ учрежденій. Эти учрежденія удивительно подходятъ къ сильнымъ и энергичнымъ расамъ, у которыхъ отдѣльная личность привыкла разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Сами по себѣ они не могутъ создать никакого прогресса, но они устанавливаютъ атмосферу, благопріятную для всякаго рода прогресса. Съ этой точки зрѣнія ничто не сравнится съ ними и не можетъ ихъ замѣнить. Никакой режимъ не обезпечиваетъ наиболѣе способнымъ личностямъ такой свободы развитія, не даетъ такихъ шансовъ на успѣхъ въ жизни. Благодаря свободѣ, предоставляемой ими каждому, и провозглашаемому ими равенству, они благопріятствуютъ развитію всего выдающагося и въ особенности развитію ума, т. е. такого качества, изъ котораго проистекаетъ всякій крупный прогрессъ.

Но при борьбѣ неравныхъ дарованій развѣ эта свобода, это равенство ставятъ на одинъ и тотъ же уровень лицъ, обладающихъ преимуществомъ наслѣдственныхъ умственныхъ способностей, съ толпою умовъ посредственныхъ, съ мало развитыми способностями? Развѣ они даютъ этимъ слабо одареннымъ личностямъ большіе шансы, не скажемъ на торжество надъ противниками, а просто на возможность не быть ими совсѣмъ уничтоженными. Однимъ словомъ, существа слабыя, безъ энергіи, лишенныя мужества, могутъ ли найти въ свободныхъ учрежденіяхъ ту опору, которой они не могутъ найти въ себѣ? Кажется ясно, что отвѣтъ можетъ получиться только отрицательный, и также ясно, что чѣмъ больше равенства и свободы,

тѣмъ болѣе полно порабощеніе бездарныхъ или малоспособныхъ. Устранить это порабощеніе и составляетъ, быть можетъ, самую трудную задачу современной эпохи. Если не ограничивать свободъ, то положеніе обиженныхъ судьбой будетъ ухудшаться съ каждымъ днемъ; если же ихъ ограничить, что, очевидно, можетъ сдѣлать только государство, то это немедленно приведетъ къ государственному соціализму, послѣдствія котораго гораздо хуже тѣхъ золъ, которыя онъ берется устранить. Остается тогда обратиться къ альтруистическимъ чувствамъ болѣе сильныхъ натуръ; но до сихъ поръ только религіямъ, да и то лишь въ эпоху вѣры, удавалось пробуждать подобныя чувства, которыя даже тогда создавали соціальныя основы, поистинѣ очень хрупкія.

Какъ бы то ни было, мы должны признать, что судьба слабыхъ и плохо приспособляющихся личностей, конечно, неизмѣримо суровѣе въ странахъ полной свободы и равенства, какъ напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ странахъ съ аристократическимъ образомъ правленія. Говоря о Соединенныхъ Штатахъ въ своемъ трудѣ о народномъ правительствѣ, выдающійся англійскій историкъ Мэнъ выражается такъ: „до сихъ поръ не было общины, гдѣ слабые были бы такъ безжалостно прижаты къ стѣнѣ, гдѣ всѣ преуспѣвающіе въ жизни не принадлежали бы поголовно къ расѣ сильныхъ, и гдѣ въ такое короткое время выросло бы такое большое неравенство частныхъ состояній и домашней роскоши“.

Это, очевидно, неудобства, присущія всякому ре-

жиму, имѣющему своимъ основанiемъ свободу, и все же они составляютъ неизбѣжное условiе прогресса. Единственнымъ вопросомъ, который можно себѣ поставить, является такой: слѣдуетъ ли жертвовать необходимыми элементами прогресса, принимать въ соображенiе только непосредственный и видимый интересъ толпы и непрерывно, всякими насильственными средствами, бороться съ послѣдствiями неравенства, которыя природа упорно повторяетъ изъ поколѣнiя въ поколѣнiе?

„Кто правъ, пишетъ Фукье, аристократическiй ли индивидуализмъ или демократическая солидарность? Что болѣе благопрiятствуетъ прогрессу человѣчества? Кто лучше, хотя бы въ практическомъ отношенiи, одинъ Мольеръ или двѣ сотни хорошихъ учителей? Кто оказалъ больше услугъ, Фультонъ и Уаттъ или сотня обществъ взаимной помощи? Очевидно, индивидуализмъ возвышаетъ, демократiя принижаетъ; очевидно, человѣческiй цвѣтокъ растетъ на навозѣ человѣчества. Однако, эти созданiя, посредственныя, безполезныя, съ низкими инстинктами, съ завистливыми часто сердцами, съ умами пустыми и тщеславными, подчасъ опасными, всегда глупыми—все же человѣческiя созданiя!“

Въ теорiи можно предположить обратное дѣйствiе естественныхъ законовъ и приносить въ жертву сильныхъ, составляющихъ меньшинство, въ пользу слабыхъ, составляющихъ большинство. Къ этому сводится мечта соцiалистовъ, если отбросить ихъ пустыя формулы.

Предположимъ на минуту осуществленiе этой мечты. Вообразимъ человѣка, заключеннаго въ тѣсную сѣть правилъ и ограниченiй, предлагаемыхъ соцiалистами. Уничтожимъ конкуренцiю, капиталъ и умственныя способности. Чтобы удовлетворить уравнительнымъ теорiямъ, представимъ себѣ народъ въ томъ

состоянiи крайней слабости, благодаря которому онъ можетъ сдѣлаться жертвой перваго же непрiятельскаго нашествiя. Развѣ народъ выиграетъ что нибудь отъ этого, хотя бы на короткое время?

Увы нисколько! Онъ отъ этого вначалѣ ничего бы не выигралъ, а вскорѣ потерялъ бы все. Только подъ влiянiемъ высшихъ умовъ достигается прогрессъ, обогащающiй всѣхъ работниковъ, и только подъ ихъ управленiемъ можетъ дѣйствовать столь сложный механизмъ современной цивилизацiи. Безъ высшихъ умовъ великая страна вскорѣ стала бы тѣломъ безъ души. Заводъ, безъ строившаго его и направляющаго его инженера, проработалъ бы недолго. Съ нимъ случилось бы то же самое, что съ судномъ, лишеннымъ офицеровъ: это будетъ игрушка волнъ, которая разобьется о первую попавшуюся скалу. Безъ могущественныхъ и сильныхъ будущее посредственностей и слабыхъ оказалось бы болѣе жалкимъ, чѣмъ оно было когда либо прежде.

Такiя заключенiя съ очевидной ясностью вытекаютъ изъ разсужденiй. Но не всѣмъ умамъ доступна эта доказательность, такъ какъ такого опыта еще не было произведено. А одними аргументами никакъ не убѣдишь приверженцевъ соцiалистической вѣры.

Такъ какъ демократiя, по самой сущности своихъ принциповъ, благопрiятствуетъ свободѣ и конкуренцiи, которыя неизбѣжно служатъ торжеству наиболѣе способныхъ, между тѣмъ какъ соцiализмъ мечтаетъ, наоборотъ, объ уничтоженiи конкуренцiи, исчезновенiи свободы и общемъ уравненiи, то, слѣд.,

между принципами соціалистическими и демократическими существуетъ очевидное и непримиримое противорѣчіе.

Это противорѣчіе современные соціалисты начинаютъ уже, по крайней мѣрѣ инстинктивно, прозрѣвать, но ясно сознать они его не могутъ при своемъ предвзятомъ мнѣніи о равенствѣ способностей у всѣхъ людей. Изъ этого чувства инстинктивнаго, смутнаго и чаще всего безсознательнаго, но тѣмъ не менѣе весьма реальнаго, и родилась ихъ ненависть къ демократическому режиму,—ненависть гораздо болѣе сильная, чѣмъ та, какую революція распространила на весь старый режимъ. Нѣтъ ничего менѣе демократичнаго, какъ идея соціалистовъ объ уничтоженіи послѣдствій свободы и естественныхъ неравенствъ, посредствомъ неограниченно деспотическаго режима, который упразднилъ бы всякую конкуренцію, назначилъ бы одинаковую заработную плату и способнымъ и неспособнымъ и непрерывно разрушалъ бы законодательными мѣрами соціальныя неравенства, происходящія отъ неравенства естественныхъ дарованій.

Въ настоящее время нѣтъ недостатка въ льстецахъ, готовыхъ увѣрять толпу въ легкости осуществленія такой мечты. Эти опасные пророки думаютъ, что они проживутъ достаточно долго, чтобы воспользоваться плодами своей популярности, и недостаточно долго для того, чтобы событія обнаружили ихъ обманъ. Такимъ образомъ имъ терять нечего.

Этотъ конфликтъ между демократическими идеями и стремленіями соціалистовъ еще не очень замѣтенъ

для обыкновенныхъ умовъ, и большинство смотритъ на соціализмъ, какъ на неизбѣжный исходъ, предвидѣнное слѣдствіе демократическихъ идей. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ политическихъ понятій, отдѣленныхъ другъ отъ друга большей пропастью, чѣмъ демократія и соціализмъ. Во многихъ пунктахъ совершенно не вѣрующій въ Бога гораздо ближе къ набожному человѣку, чѣмъ соціалистъ къ демократу, вѣрному принципамъ революціи. Разногласія между обѣими доктринами еще только начинаютъ выясняться, но вскорѣ они обнаружатся вполнѣ, и тогда произойдетъ жестокій разрывъ.

Итакъ, на самомъ дѣлѣ конфликтъ существуетъ не между демократіей и наукой, а между соціализмомъ и демократіей. Демократія косвенно породила соціализмъ и отъ соціализма быть можетъ и погибнетъ.

Не слѣдуетъ и помышлять, какъ то иногда предлагаютъ, о предоставленіи соціализму производить свои опыты, чтобы сдѣлать очевидною его слабость. Немедленно онъ породилъ бы цезаризмъ, который быстро уничтожилъ бы всѣ демократическія учрежденія.

Не въ будущемъ, а теперь демократы должны вести войну со своимъ опаснымъ врагомъ—соціализмомъ. Онъ представляетъ такую опасность, противъ которой должны соединиться всѣ партіи безъ исключенія и съ которой ни одна изъ нихъ, — республиканцы менѣе, чѣмъ другія,—никогда не должна мириться. Можно оспаривать теоретическое достоинство учрежденій, нами управляющихъ, можно желать,

чтобы ходъ вещей былъ другимъ, но такія желанія должны оставаться платоническими. Передъ общимъ врагомъ всѣ партіи должны соединиться, каковы бы ни были ихъ стремленія. Шансы выиграть что нибудь съ перемѣною режима для нихъ очень слабы при опасности все потерять.

Конечно, съ теоретической точки зрѣнія, демократическія идеи имѣютъ не болѣе прочное научное основаніе, чѣмъ идеи религіозныя; но этотъ пробѣлъ, когда то не имѣвшій никакого вліянія на судьбу послѣднихъ, точно такъ же не можетъ оказать задерживающаго вліянія на судьбу первыхъ. Склонность къ демократіи присуща нынѣ всѣмъ народамъ, какова бы ни была у нихъ форма правленія. Поэтому въ данномъ случаѣ мы находимся передъ однимъ изъ тѣхъ великихъ соціальныхъ теченій, задержать которыя было бы напрасною попыткою. Въ настоящее время главнымъ врагомъ демократіи, единственно способнымъ ее побѣдить, является соціализмъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Борьба народовъ и общественныхъ классовъ.

§ 1. *Естественная борьба между индивидами и видами.* Всеобщая борьба живыхъ существъ составляетъ постоянный законъ природы. Она составляетъ необходимое условіе прогресса. Нетерпимость природы къ слабымъ.

§ 2. *Борьба народовъ.* Постоянная борьба народовъ между собою съ начала историческихъ временъ. Право сильнаго было всегда вершителемъ ихъ судебъ. Почему сила и право составляютъ тождественныя понятія. Какъ могутъ иногда существовать маленькія государства. Границы права народовъ измѣряются силой, которой они располагаютъ для его защиты. Какъ цивилизованные народы примѣняютъ къ неграмъ вышеозначенные принципы. Значеніе разсужденій богослововъ и филантроповъ. Право и справедливость въ международныхъ отношеніяхъ. Почему борьба между народами въ будущемъ, вѣроятно, станетъ болѣе острой, чѣмъ въ прошломъ.

§ 3. *Борьба общественныхъ классовъ.* Исконность этой борьбы. Ея необходимость. Почему она не только не уменьшается, но должна возрастать. Безполезныя попытки религій уничтожить борьбу между классами. Рознь между классами, въ дѣйствительности, гораздо глубже, чѣмъ прежде. Программа борьбы соціалистовъ. Взаимное непониманіе противоположныхъ партій. Значительная роль заблужденія въ исторіи.

§ 4. *Соціальная борьба въ будущемъ.* Ожесточенность борьбы съ соціалистами. Борьба въ Соединенныхъ Штатахъ. Трудность для старыхъ обществъ борьбы въ будущемъ для самозащиты. Распаденіе ихъ армій.

§ 1. Естественная борьба между индивидами и видами.

Единственный пріемъ, какой природа сумѣла найти для улучшенія видовъ, заключается въ томъ, что она производитъ гораздо больше существъ, чѣмъ можетъ прокормить, вызывая между ними постоянную борьбу,

въ которой наиболѣе сильные, наиболѣе приспособленные одни могутъ удержаться. Борьба ведется не только между различными видами, но и между индивидами одного и того же вида, и въ послѣднемъ случаѣ часто бываетъ наиболѣе сильной.

Благодаря этому пріему естественнаго подбора совершенствовались существа съ сотворенія міра, развился изъ несовершенныхъ типовъ геологическихъ временъ человѣкъ и медленно возвысились до цивилизаціи наши дикіе предки пещернаго періода. Съ точки зрѣнія нашихъ чувствъ, законъ борьбы за существованіе, сохраняющій наиболѣе способныхъ, можетъ показаться весьма варварскимъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что не будь его, намъ пришлось бы еще до сихъ поръ въ самыхъ печальныхъ условіяхъ отбивать съ сомнительнымъ успѣхомъ добычу у всѣхъ животныхъ, которыхъ теперь намъ удалось подчинить себѣ.

Борьба, на которую обречены природою всѣ существа, созданныя ею, происходитъ всюду и всегда. Вездѣ, гдѣ нѣтъ борьбы, не только нѣтъ движенія впередъ, а наоборотъ, замѣчается быстрое движеніе назадъ.

Показавъ намъ борьбу, происходящую между всѣми живыми существами, натуралисты знакомятъ насъ съ борьбой, происходящею и внутри насъ.

„Различныя части тѣла живыхъ, существъ“ пишетъ Кунстлеръ, „не только не оказываютъ другъ другу содѣйствія, но, кажется, между ними, напротивъ того, происходитъ постоянная борьба. Всякое развитіе одной изъ нихъ ведетъ за собой соотвѣтственное уменьшеніе степени важности другихъ. Иначе говоря, всякое усиленіе одной части производитъ ослабленіе другихъ“.

„Жоффруа Сентъ-Илеръ уже подмѣтилъ главныя очертанія этого явленія, устанавливая свой *принципъ равновѣсія органовъ*. Современная теорія фагоцитоза прибавляетъ къ этому принципу мало новаго, но съ большей точностью опредѣляетъ процессъ, происходящій при этомъ явленіи".

„Борются между собой не только органы, но и всѣ ихъ части, каковы бы онѣ ни были. Напр., существуетъ борьба между тканями и между элементами одной и той же ткани. Развитіе слабѣйшихъ, вслѣдствіе этого, замедляется или останавливается; онѣ безжалостно могутъ быть принесены въ жертву сильнымъ, которыя, вслѣдствіе этого, становятся еще болѣе цвѣтущими".

„Дѣло, кажется, происходитъ такимъ образомъ, какъ будто бы живые организмы располагаютъ для расходованія лишь опредѣленной дозой развивательной силы. Если же, благодаря какому нибудь искусственному вмѣшательству, эта сила развитія присваивается одному какому нибудь органу или аппарату, то другіе органы, вслѣдствіе этого, задерживаются въ своемъ развитіи и даже подвергаются опасности погибнуть".

„Постоянно, пишетъ съ своей стороны Дюкло, въ колоніи клѣточекъ, составляющихъ живое существо, есть больные и умирающіе индивиды, есть клѣтки уже ослабѣвшія и обреченныя на исчезновеніе въ общихъ интересахъ, даже раньше совершеннаго омертвѣнія. Это дѣло опять таки поручается лейкоцитамъ, организованнымъ для постоянной борьбы съ тѣми клѣточками, между которыми они циркулируютъ. Они всѣмъ имъ угрожаютъ, и какъ только одна изъ клѣточекъ ослабѣваетъ въ своемъ сопротивленіи, все равно по какой причинѣ, всѣ сосѣдніе лейкоциты бросаются на нее, захватываютъ, убиваютъ, перевариваютъ и уносятъ съ собой оставшіеся отъ нея элементы. Постояннымъ режимомъ нашего организма является не мирное, а военное положеніе и притѣсненіе всего слабаго, больного и стараго. Въ этомъ отношеніи природа даетъ намъ свой обычный урокъ жестокости".

Итакъ, природа исповѣдуетъ безусловную нетерпимость къ слабости. Все слабое сейчасъ же обрекается ею на погибель. Она уважаетъ только силу.

Такъ какъ умственныя способности находятся въ тѣсной связи съ массой мозгового вещества, которой обладаетъ индивидъ, то, слѣдовательно, въ природѣ права живого существа находятся въ тѣсной связи съ объемомъ его мозга. Только въ силу большей

величины своего мозга человѣкъ могъ присвоить себѣ право убивать и ѣсть менѣе его совершенныя существа. Если бы можно было справиться у послѣднихъ, то, конечно, они отвѣтили бы, что естественные законы очень прискорбны. Единственнымъ утѣшеніемъ имъ можетъ служить то соображеніе, что природа полна совершенно такихъ же прискорбныхъ, роковыхъ законовъ. Съ болѣе развитымъ мозгомъ съѣдобныя животныя сумѣли бы, быть можетъ, войти въ соглашеніе между собою, чтобы избѣжать ножа мясника; но этимъ они немного бы выиграли. Какой участи подверглись бы они, будучи предоставлены самимъ себѣ и лишены возможности разсчитывать на корыстный и, слѣд., весьма внимательный уходъ за ними скотоводовъ? Въ странахъ еще дѣвственныхъ они могли бы найти подножный кормъ на лугахъ, но тамъ они встрѣтили бы также и зубы плотоядныхъ животныхъ, а избѣгнувъ ихъ, не избѣгли бы медленной смерти отъ голода, какъ только стали бы слишкомъ стары, чтобы снискивать себѣ пропитаніе и отбивать его у себѣ подобныхъ.

Природа, однако, одарила слабыя существа вѣрнымъ средствомъ къ продолженію рода изъ вѣка въ вѣкъ наперекоръ ихъ врагамъ, надѣливъ ихъ плодовитостью, которая способна пресытить всѣхъ этихъ враговъ. Такъ какъ каждая самка сельди въ теченіе года несетъ болѣе 60.000 яицъ, то всегда спасается достаточное для продолженія рода количество молодыхъ селедокъ.

Природа какъ будто проявляетъ даже столько же

бдительности для обезпеченія продолженія самыхъ низшихъ видовъ, самыхъ мелкихъ паразитовъ, какъ и для того, чтобы обезпечить существованіе самыхъ высшихъ существъ. Жизнь величайшихъ геніевъ для природы имѣетъ не больше значенія, чѣмъ существованіе самыхъ жалкихъ микробовъ. Она ни доброжелательна, ни жестока. Она заботится лишь о родѣ и остается безразличной, поразительно безразличной къ отдѣльнымъ индивидамъ. Наши идеи о справедливости ей совершенно чужды. Можно протестовать противъ ея законовъ, но поневолѣ приходится съ ними жить.

§ 2. Борьба народовъ.

Удалось ли человѣку упразднить по отношенію къ нему самому жестокіе законы природы, которымъ подчинены всѣ живыя существа? Смягчила ли цивилизація хоть немного отношенія между народами? Стала ли борьба среди человѣчества менѣе острой, чѣмъ между различными видами?

Исторія показываетъ намъ обратное. Она говоритъ намъ, что народы пребывали въ постоянной борьбѣ и что съ начала міра право сильнаго было всегда единственнымъ вершителемъ ихъ судебъ.

Этотъ законъ существовалъ въ древнемъ мірѣ точно такъ же, какъ и въ современномъ. Ничто не указываетъ на то, что онъ не будетъ существовать также и въ будущемъ.

Безъ сомнѣнія, въ настоящее время нѣтъ недо-

статка въ богословахъ и филантропахъ, чтобы протестовать противъ этого неумолимаго закона. Мы обязаны имъ многочисленными книгами, гдѣ въ краснорѣчивыхъ фразахъ они настойчиво взываютъ къ праву и справедливости, какъ къ высшимъ божествамъ, яко бы управляющимъ міромъ съ высоты небесъ. Но факты всегда опровергали эту пустую фразеологію. Эти факты говорятъ намъ, что право существуетъ только тогда, когда есть сила, необходимая для того, чтобы заставить его уважать. Нельзя сказать, что сила выше права, такъ какъ сила и право—тождественны. Тамъ, гдѣ нѣтъ силы, не можетъ быть никакого права *). Никто, я думаю, не сомнѣвается, что если бы любая страна, полагаясь на право и справедливость, захотѣла распустить свое войско, то она немедленно была бы захвачена, разграблена и порабощена своими сосѣдями. Если теперь слабыя государства, какъ Турція, Греція, Марокко, Португалія, Испанія и Китай могутъ кое-какъ

*) Неоспоримо, однако, что начинаютъ обрисовываться очертанія будущаго международнаго права, основаннаго на общественномъ мнѣніи. Оно становится уже достаточно сильнымъ, чтобы заставлять правителей считаться съ нимъ. Не подлежитъ сомнѣнію, напр., что англичане никогда и не подумали бы высадиться въ Калэ съ цѣлью имъ завладѣть, когда въ 1870 году французы были беззащитны. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ такое вторженіе сочли бы весьма естественнымъ. Однимъ изъ поводовъ, помѣшавшихъ императору Вильгельму, на другой день послѣ пораженія русскихъ, воспользоваться случаемъ объявить французамъ войну съ цѣлью завладѣть нѣсколькими провинціями,—было единодушное осужденіе, вызванное несчастной распрей изъ-за Марокко. Народы, однако, будутъ поступать весьма мудро, если станутъ разсчитывать гораздо больше на силу своихъ пушекъ для самозащиты, чѣмъ на столь еще ограниченное могущество общественнаго мнѣнія.

существовать, то лишь благодаря соперничеству сильныхъ народовъ, которые были бы не прочь овладѣть ими. Принужденныя считаться съ равными себѣ по силѣ соперниками, великія державы могутъ поживиться на счетъ слабыхъ странъ лишь съ осторожностью, только по частямъ овладѣвая ихъ провинціями. Датскія герцогства, Боснія, Мальта, Кипръ, Египетъ, Трансвааль, Куба, Филиппины и т. д. и были такимъ образомъ по очереди отняты у владѣвшихъ ими націй.

Никакой народъ не долженъ въ настоящее время забывать, что границы его правъ точно опредѣлены силами, имѣющимися у него для ихъ защиты. Единственное, признанное за бараномъ право, это — служить пищей для существъ, обладающихъ бо́льшимъ мозгомъ, чѣмъ онъ. Единственное право, признанное за неграми, это — видѣть свою страну захваченной и разграбленной бѣлыми и быть уложенными на мѣстѣ ружейными выстрѣлами, въ случаѣ сопротивленія. Если сопротивленія нѣтъ, то бѣлые ограничиваются захватомъ ихъ имущества и затѣмъ заставляютъ ихъ работать изъ-подъ кнута для обогащенія своихъ побѣдителей. Такова была когда то исторія туземцевъ Америки, такова нынѣ судьба обитателей Африки. Такимъ образомъ негры узнали, во что имъ обходится слабость. Чтобы доставить удовольствіе филантропамъ, пишущимъ книги, расточаютъ краснорѣчивыя фразы о несчастной судьбѣ этихъ народностей, а потомъ обстрѣливаютъ ихъ картечью. Благосклонность доводятъ даже до того, что къ нимъ посылаютъ миссіонеровъ, карманы которыхъ набиты библіями и бутыл-

ками алкоголя, для того, чтобы ознакомить ихъ съ благами цивилизаціи.

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ ребяческую болтовню богослововъ и филантроповъ, мы признаемъ, какъ постоянно наблюдаемый фактъ, что созданные человѣкомъ законы оказались совершенно безсильными измѣнить законы природы и что именно эти послѣдніе управляютъ по прежнему отношеніями между народами. Всякія теоретическія разсужденія о правѣ и справедливости тутъ совершенно не при чемъ. Отношенія между народами теперь такія же, какими были съ начала міра, какъ только сталкиваются различные интересы или просто, когда какая нибудь страна возымѣетъ желаніе увеличить свои предѣлы. Право и справедливость никогда не играли никакой роли, какъ только дѣло шло объ отношеніяхъ между народами неравной силы. Быть побѣдителемъ или побѣжденнымъ, охотникомъ или добычею—таковъ всегда былъ законъ. Фразы дипломатовъ, рѣчи ораторовъ совсѣмъ напоминаютъ взаимныя расшаркиванія свѣтскихъ людей, какъ только они облеклись во фракъ. Они наперерывъ будутъ стараться дать вамъ пройти первымъ и справляться съ сердечной симпатіей о здоровьѣ всѣхъ вашихъ самыхъ дальнихъ родственниковъ. Но стоитъ только возникнуть какому нибудь обстоятельству, задѣвающему ихъ интересы, какъ всѣ эти дѣланныя чувства исчезнутъ. Тогда наперерывъ всѣ будутъ стараться пройти первыми, хотя бы пришлось, какъ на пожарѣ „Благотворительнаго базара" или при крушеніи „Бургундіи", растоптать каблу-

ками или убить дубинами мѣшающихъ имъ женщинъ и дѣтей. Какъ исключенія, встрѣчаются, конечно, отважныя натуры, готовыя на самопожертвованіе ради себѣ подобныхъ, но онѣ такъ рѣдки, что ихъ считаютъ героями, и имена ихъ заносятся на скрижали исторіи.

Имѣются лишь слабыя основанія думать, что въ будущемъ борьба между народами станетъ менѣе напряженной, чѣмъ въ прошломъ. Наоборотъ, существуютъ очень вѣскія основанія предполагать, что она будетъ гораздо болѣе жестокой. Когда націи были отдѣлены другъ отъ друга большими разстояніями, преодолѣвать которыя наука не дала еще средствъ, поводы къ столкновеніямъ были рѣдки; теперь же они все болѣе и болѣе учащаются. Раньше международная борьба вызывалась преимущественно династическими интересами или фантазіями завоевателей. Въ будущемъ же ея главными побудительными причинами явятся великіе экономическіе интересы, отъ которыхъ зависитъ сама жизнь народовъ и силу которыхъ мы уже показали. Ближайшія войны между націями будутъ настоящей борьбой за существованіе, которая будетъ оканчиваться едва ли не полнымъ уничтоженіемъ одной изъ воюющихъ сторонъ. Послѣдняя война въ Трансваалѣ могла служить этому весьма характернымъ примѣромъ *).

*) Одно время англичане, думая, что они могутъ окончить войну лишь совершеннымъ уничтоженіемъ буровъ, приняли для достиженія этой цѣли очень дѣйствительныя мѣры. Всюду, куда проникали ихъ отряды, деревни, фермы и жатвы сжигались, жители, въ томъ числѣ женщины, старики и дѣти, уводились въ плѣнъ. Ихъ помѣщали въ особыхъ огра-

Все это весьма важныя истины, скрывать которыя нѣтъ никакого интереса, и самое желаніе скрыть чрезвычайно опасно. Для всякаго, я думаю, будетъ достаточно очевидно, что испанцамъ оказали бы большую услугу, убѣдительно внушивъ имъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, что, какъ только они будутъ достаточно ослаблены внутренними раздорами, такъ какой нибудь народъ воспользуется первымъ представившимся предлогомъ, чтобы овладѣть ихъ послѣдними колоніями, и сдѣлаетъ это безъ труда, несмотря на молитвы монаховъ и покровительство католическихъ святынь. Быть можетъ, тогда они поняли бы, какъ было бы для нихъ полезно устраивать поменьше революцій, произносить меньше рѣчей и организовать свою оборону такъ, чтобы всякая мысль о нападеніи отпадала сама собой. Маленькій, но достаточно энергичный народъ всегда сумѣетъ отлично защитить себя. Многія націи затрачиваютъ нынѣ цѣлую треть своего бюджета на военные расходы, и эта страховая премія противъ нападенія ихъ сосѣдей оказывалась бы, конечно, не чрезмѣрной, если бы только она расходовалась всегда надлежащимъ образомъ.

дахъ, называемыхъ „сборными лагерями", гдѣ полуголые, подвергаясь всякой непогодѣ и получая завѣдомо недостаточное количество пищи, они очень скоро умирали. Число плѣнниковъ въ сентябрѣ 1901 г. равнялось 109.000, а по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ годовая смертность въ іюнѣ была 109 на тысячу, въ іюлѣ 180, въ августѣ 214 и въ сентябрѣ 264 на тысячу. Прогрессія ясна. Съ дѣтьми, въ видахъ будущаго, устроили такъ, чтобы ихъ смертность была еще выше; она дошла до 433 на тысячу, а это значитъ, что если бы война продолжилась еще два года, то дѣти исчезли бы совсѣмъ. Стоимость пропитанія этого населенія составляла по документамъ, доставленнымъ англійскими газетами, 19 сантимовъ (менѣе 8 коп.) въ день на каждаго.

§ 3. Борьба общественныхъ классовъ.

Коллективисты приписываютъ своему теоретику, Карлу Марксу, удостовѣреніе того факта, что въ исторіи господствуетъ борьба между классами изъ-за экономическихъ интересовъ, а также утвержденіе, что эта борьба должна исчезнуть вслѣдствіе поглощенія всѣхъ классовъ однимъ рабочимъ классомъ.

Первый пунктъ—классовая борьба—вещь общеизвѣстная и старая, какъ міръ. Уже въ силу одного неравнаго распредѣленія богатствъ и власти, являющагося послѣдствіемъ естественной разницы въ способностяхъ и даже просто въ общественныхъ потребностяхъ, люди всегда дѣлились на классы, интересы которыхъ неизбѣжно были болѣе или менѣе противоположны другъ другу, что вызывало борьбу. Но мысль, что эта борьба можетъ прекратиться, — это такое химерическое представленіе, которое противорѣчитъ всякой дѣйствительности и осуществленія котораго никакъ не слѣдуетъ и желать. Безъ борьбы живыхъ существъ, расъ и классовъ, однимъ словомъ безъ всеобщей войны, человѣкъ никогда не вышелъ бы изъ первобытнаго дикаго состоянія и не возвысился бы до цивилизаціи.

Значитъ, склонность къ борьбѣ, руководящая, какъ мы уже видѣли, отношеніями между животными и между народами, управляетъ также взаимными отношеніями между индивидами и между классами.

„Стоитъ только, пишетъ Б. Киддъ, посмотрѣть вокругъ себя, чтобы увидѣть, что постоянное соперничество человѣка съ подобными себѣ становится преобладающей чертой нашего характера. Ее можно найти во

всѣхъ частяхъ соціальнаго зданія. Если мы разсмотримъ побужденія ежедневныхъ дѣйствій, какъ нашихъ, такъ и окружающихъ насъ лицъ, то должны признать, что первой и главной мыслью большинства изъ насъ является вопросъ, какъ защитить себя среди общества. Техническія орудія промышленности смертоноснѣе мечей".

И эта борьба происходитъ не только между классами, но и между индивидами одного и того же класса, и въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ природѣ, она является самой ожесточенной. Сами соціалисты, хотя иногда и объединенные одной общей цѣлью— разрушеніемъ современнаго общества, не могутъ въ собраніяхъ своихъ обойтись безъ самыхъ шумныхъ разногласій.

Борьба теперь болѣе ожесточенна, чѣмъ когда либо. Такая ожесточенность явилась вслѣдствіе многихъ причинъ и между прочимъ вслѣдствіе того, что мы преслѣдовали призраки справедливости и равенства, природѣ неизвѣстные. Эти пустыя формулы причиняли и будутъ причинять человѣку больше зла, чѣмъ всѣ бѣдствія, на которыя онъ обреченъ судьбой.

„Не существуетъ, пишетъ вполнѣ вѣрно Бужъ, соціальной справедливости, потому что сама природа неодинакова. Несправедливость и неравенство начинаются съ колыбели.

Отъ колыбели до могилы естественное неравенство шагъ за шагомъ слѣдуетъ за человѣкомъ, въ теченіе всей его жизни, произвольно сокращая или увеличивая ея благополучіе или тягость.

Видовъ неравенства—тысячи! Естественное неравенство, обусловливаемое случайностями рожденія или наслѣдственности, физическія преимущества или недостатки, интеллектуальныя несходства, неравенства судьбы—волнуютъ жизнь человѣка и руководятъ ею въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ, вызывая всякія столкновенія".

Гораздо ранѣе соціализма религіи также мечтали объ уничтоженіи борьбы между народами, индивидами и классами; но чего онѣ добились, кромѣ ожесточе-

нія той борьбы, которую хотѣли прекратить? Развѣ вызванныя ими войны не были самыми жестокими, наиболѣе изобиловавшими политическими и соціальными бѣдствіями?

Можемъ ли мы надѣяться, что съ движеніемъ цивилизаціи впередъ борьба между классами ослабѣетъ? Напротивъ того, все заставляетъ думать, что она скоро станетъ еще значительно болѣе напряженной, чѣмъ въ прошломъ.

Причина такого вѣроятнаго ожесточенія двойная: во первыхъ—все болѣе и болѣе усиливающаяся рознь между классами, а во вторыхъ—сила, которую новыя формы ассоціаціи придаютъ разнымъ классамъ для защиты ихъ требованій.

Первый пунктъ почти не подлежитъ спору. Различія между классами, напр., между рабочими и хозяевами, собственниками и пролетаріями, очевидно, болѣе рѣзки, чѣмъ тѣ, какія раздѣляли нѣкогда касты, напр., народъ и дворянство. Преграда, созданная рожденіемъ, считалась тогда непреодолимою. Какъ установленная божественною волею, она признавалась безъ спора. Сильныя злоупотребленія, правда, порождали иногда возмущенія, но послѣднія были направлены лишь противъ этихъ злоупотребленій, а не противъ установленнаго порядка.

Теперь совсѣмъ не то. Возмущенія направлены не противъ злоупотребленій, которыхъ теперь меньше, чѣмъ когда либо, но именно противъ всего общественнаго строя. Въ настоящее время соціалисты стремятся разрушить буржуазію просто для того, чтобы

занять ея мѣсто и овладѣть ея богатствами.

„Цѣль, какъ справедливо говоритъ Буаллей, выражена ясно: по просту говоря, рѣчь идетъ о созданіи народнаго класса для лишенія буржуазіи ея имущества. Хотятъ бѣднаго натравить на богатаго, а плодомъ завоеванія явится награбленное у побѣжденныхъ. Тимуръ и Чингизъ-Ханъ увлекали свои полчища такими же побужденіями".

Завоеватели дѣйствительно такъ и поступали, но тѣ, которымъ грозило завоеваніе, отлично знали, что единственнымъ ихъ шансомъ уцѣлѣть—являлась энергическая самозащита, тогда какъ теперь противники этихъ современныхъ варваровъ лишь ведутъ съ ними переговоры и думаютъ продолжить немного свое существованіе рядомъ уступокъ, чѣмъ они только поощряютъ нападающихъ и вызываютъ ихъ презрѣніе.

Эта борьба будущаго усложнится еще тѣмъ, что она не будетъ вызвана, подобно завоевательнымъ войнамъ, только желаніемъ воспользоваться добычею, отнятою у враговъ, которыми послѣ побѣды надъ ними переставали интересоваться. Нынѣ царитъ бѣшеная ненависть между сражающимися. Она все болѣе и болѣе облекается какъ бы въ религіозную форму и принимаетъ тотъ спеціальный характеръ жестокости и неуступчивости, которыми всегда отличаются правовѣрные.

Мы уже видѣли, что одною изъ сильнѣйшихъ причинъ современной ненависти между классами служатъ весьма превратныя понятія другъ о другѣ враждующихъ партій. Изучая основанія нашихъ вѣро-

ваній, мы въ достаточной мѣрѣ показали, до какой степени взаимное непониманіе преобладаетъ въ сношеніяхъ между людьми, а поэтому мы убѣждены, что устранить это непониманіе невозможно. Самыя ожесточенныя войны, самыя кровавыя религіозныя распри, глубоко измѣнившія обликъ цивилизацій и имперій, чаще всего имѣли поводомъ взаимное непониманіе враждовавшихъ сторонъ и ложность ихъ понятій.

Самая ошибочность идей иногда и составляетъ ихъ силу. При достаточномъ повтореніи, самое явное заблужденіе становится для толпы непреложной истиной. Ничто такъ легко не принимается, какъ заблужденіе, а разъ оно пустило корни, то пріобрѣтаетъ всемогущество религіозныхъ догматовъ. Оно внушаетъ вѣру, а вѣрѣ ничто не можетъ сопротивляться. Понятія самыя ошибочныя натравили въ средніе вѣка часть Запада на Востокъ; въ силу такихъ же понятій наслѣдники Магомета основали свою могущественную имперію, а позднѣе Европа была предана огню и мечу. Ложность идей, вызвавшихъ эти перевороты, ясна теперь даже для дѣтей. Теперь онѣ представляются неясными словами, утратившими съ вѣками свое значеніе до такой степени, что мы уже не въ состояніи понять ихъ прежняго огромнаго обаянія. А между тѣмъ это обаяніе было всесильно, такъ какъ былъ моментъ, когда самыя ясныя разсужденія, самыя очевидныя доказательства не могли бы его превозмочь. Только время, но никакъ не разумъ, разсѣяло эти химеры.

Ошибочныя понятія, обманчивыя слова оказывали

обаятельное дѣйствіе не только въ старыя времена. Народная душа измѣнилась, но ея вѣрованія — все такъ же ложны, руководящія ею слова такъ же обманчивы. Заблужденіе, подъ новыми именами, сохраняетъ такую же магическую силу, какъ и въ прежнія времена.

§ 4. Соціальная борьба въ будущемъ.

Борьба между классами, ставшая неизбѣжной вслѣдствіе неумолимыхъ законовъ природы, ожесточится вслѣдствіе новыхъ условій цивилизаціи, непониманія, управляющаго взаимными отношеніями этихъ классовъ между собою, все возрастающей розни въ ихъ интересахъ и въ особенности въ ихъ идеяхъ. Несомнѣнно, предстоитъ классовая борьба болѣе ожесточенная, чѣмъ когда либо. Приближается часъ, когда общественный строй подвергнется такому страшному натиску, какому онъ никогда не подвергался.

Современные варвары грозятъ не только владѣльцамъ имуществъ, но даже самой нашей цивилизаціи. Она имъ представляется только покровительницей роскоши и безполезнымъ усложненіемъ жизни.

Никогда проклятія ихъ вожаковъ не были такими яростными; никогда народъ не разражался такими проклятіями, когда безжалостный врагъ угрожалъ его очагамъ и богамъ. Самые мирные соціалисты ограничиваются требованіемъ экспропріаціи имущества буржуазіи. Самые пылкіе желаютъ полнаго ея уничтоженія. По словамъ одного изъ нихъ, сказаннымъ на конгрессѣ и приведеннымъ въ книгѣ Буаллея, „кожа гнусныхъ буржуа годна развѣ на выдѣлку перчатокъ“.

У этихъ вожаковъ, по мѣрѣ возможности, дѣло идетъ объ руку со словомъ. Подсчетъ преступленій, совершенныхъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Европѣ застрѣльщиками соціалистической партіи, очень знаменателенъ. Пять главъ государствъ, въ числѣ ихъ одна императрица, убиты, двое другихъ ранены, около двѣнадцати начальниковъ полиціи убиты, а число людей, погибшихъ отъ взрывовъ дворцовъ, театровъ, домовъ и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, весьма значительно. Жертвами одного изъ этихъ взрывовъ, въ театрѣ Лисео въ Барселонѣ, сдѣлались восемьдесятъ три человѣка; взрывъ Зимняго дворца въ Петербургѣ убилъ восемь человѣкъ и ранилъ сорокъ пять. Въ Европѣ насчитывается около 40 журналовъ, поддерживающихъ это возбужденіе. Ярость этихъ отдѣльныхъ нападеній можетъ дать понятіе о той дикой свирѣпости, съ какою будетъ происходить борьба, когда она станетъ общею.

Конечно и въ прошломъ бывали такія же жестокія схватки, но враждующія силы дѣйствовали при совершенно другихъ условіяхъ, и защита общества была гораздо легче. Толпа не имѣла тогда политической власти. Она еще не умѣла организоваться въ союзы и составлять такимъ образомъ арміи, слѣпо повинующіяся приказаніямъ начальниковъ съ неограниченною властью. Что могутъ сдѣлать такіе синдикаты, видно изъ послѣдней стачки въ Чикаго. Она распространилась на всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ Соединенныхъ Штатовъ, и результатомъ ея явился пожаръ выставочнаго дворца и огромныхъ

заводовъ Пульмана. Правительство одержало надъ нею верхъ лишь пріостановивъ публичную свободу, введя военное положеніе и давъ бунтовщикамъ настоящія сраженія. Разстрѣлянные безъ всякой жалости картечью, забастовщики были побѣждены; но можно себѣ представить, какою ненавистью должна быть полна душа уцѣлѣвшихъ.

Повидимому, Соединенные Штаты должны будутъ дать Старому Свѣту первые примѣры такой борьбы, въ которой уму, способностямъ и богатству будетъ противопоставлена эта ужасная армія неприспособленныхъ, о которыхъ намъ вскорѣ придется говорить, этихъ отбросовъ общества, число которыхъ страшно возрасло, вслѣдствіе современнаго развитія промышленности.

Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то тамъ борьба, вѣроятно, окончится раздѣленіемъ ихъ на нѣсколько соперничающихъ республикъ. Мы не имѣемъ надобности заниматься ихъ судьбой; она интересуетъ насъ лишь въ качествѣ примѣра. Быть можетъ, этотъ примѣръ спасетъ Европу отъ полнаго торжества соціализма, т. е. отъ возвращенія къ самому постыдному варварству.

Соціальный вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ значительной степени усложнится еще тѣмъ обстоятельствомъ, что великая республика раздѣлена на области, съ интересами совершенно противоположными и, слѣд., находящимися во взаимной борьбѣ. Это отлично выяснилъ де-Вариньи въ слѣдующихъ строкахъ:

„Вашингтонъ остается той нейтральной и нейтрализованной почвой, гдѣ разрѣшаются политическіе вопросы; это не тотъ городъ, гдѣ возникаютъ и проводятся эти вопросы. Жизнь протекаетъ не тамъ; единство не завершено, однородности не существуетъ. Подъ видомъ наружнаго единенія великаго народа—а единеніе не есть единство—таятся глубокія разногласія, различіе интересовъ, стремленія, идущія въ разрѣзъ другъ другу. Все это рѣзче выступаетъ по мѣрѣ того, какъ событія идутъ впередъ и создается исторія; подтверждается это такими фактами, какъ война Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными, поставившая Союзъ на край гибели.

„Если присмотрѣться ближе къ этой огромной республикѣ, которую только Россія и Китай превосходятъ обширностью территоріи и которая по численности населенія занимаетъ пятое мѣсто въ мірѣ, насъ поразитъ прежде всего фактъ географической и коммерческой группировки, вслѣдствіе которой Штаты дѣлятся на три части: Южные, Сѣверо-Западные и Тихо-океанскіе, да и то между Сѣверомъ и Западомъ существуютъ поводы къ раздору. Между этими группами, вслѣдствіе различія въ интересахъ, возникаютъ несовмѣстимыя требованія, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ стараются, хотя и безуспѣшно, найти средство при общемъ тарифѣ поддержать жизнь и процвѣтаніе такихъ отраслей промышленности, изъ которыхъ каждая требуетъ спеціальной нормировки. Югъ производитъ сырье, сахаръ и хлопчатую бумагу; Сѣверъ выдѣлываетъ мануфактуру, Западные Штаты занимаются земледѣліемъ, а Тихо-океанскіе—земледѣліемъ и горнымъ дѣломъ. Поэтому дѣйствующая протекціонная система разоряетъ Югъ и стѣсняетъ Западъ, обогащая Сѣверъ, которому введеніе свободной торговли нанесло бы сильный ударъ.

Разногласія происходятъ не только въ области матеріальныхъ интересовъ. Сѣверъ—республиканецъ, Югъ—демократъ; Сѣверъ тяготѣетъ къ централизаціи, Югъ поддерживаетъ права отдѣльныхъ Штатовъ; Сѣверъ желаетъ прочно организованной федеральной власти и властнаго Союза, а Югъ требуетъ автономіи и права оспаривать федеральный договоръ. Сѣверъ побѣдилъ Югъ, и побѣжденный не можетъ простить побѣдителю“.

Не слѣдуетъ, однако, основывать на нѣсколькихъ общихъ указаніяхъ слишкомъ точныя предсказанія относительно какой бы то ни было страны. Наша судьба еще покрыта непроницаемымъ туманомъ будущаго. Иногда можно предчувствовать направленіе руководящихъ нами силъ, но какъ несостоятельно желаніе опредѣлить ихъ послѣдствія или отвратить

ихъ теченіе! Мы видимъ только то, что защита старыхъ обществъ скоро станетъ очень труднымъ дѣломъ. Эволюція вещей подрыла основанія воздвигнутаго вѣками зданія. Армія, послѣдній устой этого зданія, единственно могущій его еще поддержать, съ каждымъ днемъ разсыпается, и ея злѣйшіе враги набираются теперь изъ рядовъ образованныхъ людей. Наше невѣдѣніе нѣкоторыхъ неоспоримыхъ психологическихъ истинъ, невѣдѣніе, которое повергнетъ въ изумленіе историковъ будущаго, привело большую часть европейскихъ государствъ къ совершенному почти отказу отъ своихъ оборонительныхъ средствъ. Мы замѣнили профессіональныя арміи, подобныя той, какою вполнѣ справедливо довольствуется до сихъ поръ Англія, недисциплинированными толпами, думая, что ихъ могутъ въ нѣсколько мѣсяцевъ научить одному изъ самыхъ трудныхъ ремеслъ. Научить военнымъ упражненіямъ милліоны людей еще не значитъ сдѣлать изъ нихъ настоящихъ солдатъ. Такимъ образомъ фабрикуются лишь недисциплинированныя банды, не стойкія и ничего не стоящія, болѣе опасныя для своихъ будущихъ военачальниковъ, чѣмъ для своихъ враговъ *).

Опасность такой толпы съ точки зрѣнія общественной обороны заключается не только въ ея не-

*) По причинамъ чисто нравственнаго порядка, очевидно, невозможно уничтожить всеобщую воинскую повинность, имѣющую, впрочемъ, то преимущество, что, благодаря ей, усваиваютъ хотя нѣкоторую дисциплину люди, почти совсѣмъ ея не имѣющіе; но можно пойти на очень простой компромиссъ: довести срокъ обязательной службы до одного года, и наряду съ этимъ имѣть постоянную армію отъ 200.000 до 300.000 человѣкъ, сформированную, какъ въ Англіи, изъ наемныхъ волонтеровъ, которые избрали бы военную карьеру своей постоянной профессіей.

пригодности къ военному дѣлу, но и въ томъ духѣ, которымъ она проникнута. Профессіональныя арміи составляли спеціальную касту, заинтересованную въ защитѣ общественнаго порядка и на которую общества могли опираться для своей обороны. Развѣ могутъ возникнуть подобныя чувства у толпы, проводящей въ полку время, необходимое лишь для того, чтобы испытать на себѣ всѣ непріятности военнаго ремесла и получить къ нему отвращеніе. Выйдя изъ заводовъ, мастерскихъ и верфей, чтобы вскорѣ снова туда вернуться, какую пользу эти люди могутъ принести защитѣ общественнаго строя, на который они слышатъ постоянные нападки и который все болѣе и болѣе возбуждаетъ ихъ ненависть? Тутъ то и кроется опасность, которой правительства еще не видятъ и на которой, слѣд., безполезно было бы настаивать. Сомнѣваюсь, однако, чтобы какое нибудь европейское общество могло долго просуществовать, не имѣя постоянной арміи и опираясь лишь на рекрутовъ, набираемыхъ въ силу всеобщей воинской повинности. Безъ сомнѣнія, эта всеобщая повинность удовлетворяетъ нашу непреодолимую потребность въ дешевомъ равенствѣ; но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, чтобы удовлетвореніе такой потребности могло отодвинуть на задній планъ вопросъ о самомъ существованіи народа.

Будущее разъяснитъ этотъ вопросъ и націямъ и правительствамъ. Опытъ—единственная книга, которая можетъ научить народы. Но, къ несчастію, чтеніе ея всегда обходилось имъ ужасно дорого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основная задача соціализма.

Неприспособленные.

§ 1. *Размноженіе неприспособленныхъ.* Опредѣленіе этого понятія. Условія, вызывающія нынѣ ихъ размноженіе. Неприспособленные въ промышленности, наукѣ, искусствахъ. Опасность нахожденія ихъ въ средѣ общества. Какимъ образомъ современное развитіе промышленности увеличиваетъ число ихъ съ каждымъ днемъ. Конкуренція между ними. Вліяніе такой конкуренціи на крайнее пониженіе заработной платы въ легкихъ ремеслахъ. Физическая невозможность найти средства противъ этого пониженія. Постепенное исключеніе неспособныхъ изъ всѣхъ отраслей промышленности. Различные тому примѣры.

§ 2. *Неприспособленные вслѣдствіе вырожденія.* Плодовитость дегенератовъ. Опасности, грозящія обществамъ отъ дегенератовъ въ настоящемъ и будущемъ. Значеніе задачъ, создаваемыхъ ихъ присутствіемъ. Дегенераты—вѣрный источникъ пополненія рядовъ соціалистовъ.

§ 3. *Искусственное производство неприспособленныхъ.* Неприспособленные вслѣдствіе искусственно созданной неспособности. Ихъ производитъ въ большомъ количествѣ современное латинское воспитаніе. Какимъ образомъ образованіе, долженствовавшее служить цѣлебнымъ средствомъ отъ всѣхъ золъ, имѣло послѣдствіемъ созданіе множества неудачниковъ. Невозможность использовать армію окончившихъ среднее и высшее образованіе и оставшихся не у дѣлъ. Анти-демократическія чувства ученаго сословія. Современныя иллюзіи относительно результатовъ школьнаго образованія. Значительная роль школьныхъ учрежденій въ готовящихся соціальныхъ погромахъ.

§ 1. Размноженіе неприспособленныхъ.

Изъ наиболѣе важныхъ, характерныхъ чертъ нашего времени нужно упомянуть о томъ, что въ составѣ общества находятся такія лица, которыя почему либо не могли приспособиться къ требованіямъ

современной цивилизаціи, и потому не нашли себѣ въ ней мѣста. Они образуютъ непригодный для полезнаго употребленія отбросъ. Это—люди *неприспособленные*.

Во всѣхъ обществахъ было всегда нѣкоторое число такихъ людей, но оно никогда не достигало такой значительной цифры, какъ въ настоящее время. Неприспособленные въ области промышленности, науки, ремеслъ и искусствъ образуютъ армію, возрастающую съ каждымъ днемъ. Несмотря на различіе ихъ происхожденія, они связаны общимъ всѣмъ имъ чувствомъ ненависти къ цивилизаціи, въ которой они не могутъ найти себѣ мѣста. При всякой революціи, какую бы цѣль она ни преслѣдовала, эти люди навѣрное явятся по первому зову. Среди нихъ и вербуетъ соціализмъ своихъ наиболѣе пылкихъ поборниковъ.

Ихъ огромное число и присутствіе ихъ во всѣхъ слояхъ нашего общества дѣлаетъ ихъ болѣе опасными, чѣмъ были когда то варвары для Римской имперіи. Въ теченіе долгаго времени Римъ умѣлъ защищаться отъ нападеній извнѣ. Современные варвары находятся внутри нашихъ стѣнъ. Если они во время коммуны не спалили Парижа дотла, то исключительно потому, что у нихъ не хватило на это средствъ.

Намъ не нужно доискиваться, какимъ образомъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы появился этотъ отбросъ неприспособленныхъ. Достаточно будетъ показать, что развитіе промышленности

способствовало быстрому увеличенію ихъ числа. Цифры, приведенныя въ одной изъ предыдущихъ главъ, показали постепенное увеличеніе заработной платы въ рабочихъ классахъ и распространеніе благосостоянія въ народныхъ массахъ, но это общее улучшеніе распространилось лишь на категорію среднихъ работниковъ. А что за участь постигаетъ тѣхъ, кого природная неспособность ставитъ ниже этой категоріи? Представленная нами блестящая картина общаго улучшенія тотчасъ же смѣнится картиной очень мрачной.

При старой системѣ корпорацій, когда ремесленные цехи управлялись по уставамъ, ограничивавшимъ число мастеровъ и устранявшимъ конкуренцію, невыгоды слабыхъ способностей обнаруживались не особенно сильно. Ремесленникъ, входившій въ составъ этихъ корпорацій, вообще поднимался не очень высоко, но также и не спускался очень низко. Онъ не былъ одинокъ и не кочевалъ. Корпорація была для него семьей, и ни одной минуты въ жизни онъ не оставался одинокимъ. Занимаемое имъ мѣсто могло быть незначительно, но онъ всегда былъ увѣренъ, что будетъ имѣть его, какъ бы ячейку въ огромномъ общественномъ ульѣ.

Сообразно съ экономическими законами, управляющими современнымъ міромъ, и съ конкуренціей, представляющей собою законъ производства, положеніе вещей сильно измѣнилось. Какъ весьма справедливо сказалъ Шейсонъ: „Когда старинныя связи, скрѣплявшія общества, распались, то песчинки, со-

ставляющія современныя общества, повинуются извѣстнаго рода индивидуальному давленію. Каждый человѣкъ, имѣющій въ борьбѣ за существованіе какое либо превосходство надъ окружающими, будетъ возвышаться подобно пузырьку, наполненному легкимъ газомъ, въ воздухѣ, и никакая привязь не сдержитъ его подъема такъ же, какъ всякій человѣкъ, плохо одаренный нравственными качествами или мало обезпеченный матеріально, неизбѣжно упадетъ, причемъ никакой парашютъ не замедлитъ его паденія. Это— торжество индивидуализма, не только освобожденнаго отъ всякаго рабства, но и лишеннаго всякой опеки".

Въ переживаемую нами еще переходную эпоху неприспособленнымъ по ихъ неспособности еще удается кое-какъ поддерживать свое, хотя и очень плачевное, существованіе. Кажется, и безъ того уже ихъ нищенское положеніе должно неизбѣжно стать еще печальнѣе. Разсмотримъ, почему это такъ.

Въ настоящее время во всѣхъ отрасляхъ торговли, промышленности и искусства наиболѣе одаренные возвышаются очень быстро. Менѣе способные, находя лучшія мѣста уже занятыми и будучи въ состояніи, вслѣдствіе этой самой неспособности, давать трудъ лишь низшаго качества, принуждены предлагать этотъ легко выполнимый трудъ за низшую плату. Но конкуренція среди неспособныхъ гораздо напряженнѣе, чѣмъ среди способныхъ, такъ какъ первые гораздо многочисленнѣе вторыхъ и на несложную работу находится больше исполнителей, чѣмъ на трудную. Изъ этого слѣдуетъ, что непри-

способленный для того, чтобы получить преимущество надъ соперниками, долженъ понизить требуемое имъ вознагражденіе за свои издѣлія. Съ своей стороны хозяинъ, покупатель этихъ посредственныхъ издѣлій, назначаемыхъ для потребителей невзыскательныхъ, но многочисленныхъ, конечно, старается заплатить за нихъ возможно меньше, чтобы потомъ подешевле продать и расширить свой сбытъ. Такимъ образомъ, заработная плата доходитъ до того крайняго предѣла, за которымъ работникъ, жертва одновременно и малой своей пригодности, и экономическихъ законовъ, долженъ умереть съ голоду.

Эта система конкуренціи на легкій трудъ между неприспособленными создала то, что англичане обозначили энергичнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ: „sweating system" *). Въ дѣйствительности, это только продолженіе стараго „закона неумолимости", который соціалистами заброшенъ нѣсколько преждевременно, такъ какъ онъ всегда управляетъ работой неприспособленныхъ.

„Sweating system", говоритъ Де-Рузье, „царитъ безпрекословно тамъ, гдѣ люди безъ достаточныхъ способностей производятъ на свой счетъ общеупотребительные предметы низшаго качества.

Эта система проявляется во множествѣ формъ: ея держится, напр. портной, который, вмѣсто того, чтобы выполнять заказы въ своей мастерской, отдаетъ работу на домъ за самую низкую плату. Ее же практикуетъ большой магазинъ, раздающій швейныя работы бѣднымъ женщинамъ, которымъ дѣти и хозяйство не позволяютъ работать внѣ дома."

По той же sweating system нынѣ фабрикуются по низкой цѣнѣ всѣ обиходные предметы, продающіеся

*) Работа въ потѣ лица.

въ магазинахъ, торгующихъ готовымъ платьемъ и мебелью; вслѣдствіе той же системы корсетницы, жилетницы, башмачницы, бѣлошвейки и проч. дошли до того, что зарабатываютъ только отъ 1 фр. 25 сан. до 1 фр. 50 сан. въ день, а нѣкоторые мебельщики краснодеревцы всего около 3 фр. и т. д.

Нѣтъ ничего печальнѣе такой участи, но и нѣтъ ничего тяжелѣе того сцѣпленія обстоятельствъ, которое дѣлаетъ ее неизбѣжной. Развѣ можно обвинять хозяина, заставляющаго работать по низкой цѣнѣ? Ничуть; вѣдь имъ управляетъ всесильный господинъ: покупатель. Если онъ увеличитъ заработную плату, то ему придется тотчасъ же набавить нѣсколько су на рубашку, продаваемую за 2 фр. 50 с., и на пару обуви въ 5 фр. Немедленно покупатель его покинетъ, чтобы перейти къ сосѣду, продающему дешевле. Предположимъ, что всѣ хозяева по взаимному уговору повысятъ заработную плату. Но тогда иностранцы, продолжающіе еще работать за меньшую цѣну, тотчасъ же завалятъ рынокъ своими произведеніями, а это только ухудшитъ судьбу неприспособленныхъ.

Рабочіе, сдѣлавшіеся жертвой этого рокового сцѣпленія обстоятельствъ, думали, что нашли очень простое средство поправить дѣло—установивъ черезъ посредство своихъ синдикатовъ опредѣленныя цѣны, понизить которыя хозяинъ не можетъ, не рискуя остаться совсѣмъ безъ рабочихъ. Въ своихъ требованіяхъ они были поддержаны муниципалитетами большихъ городовъ, какъ, напр., Парижа, установившими минимальные тарифы, ниже которыхъ предпри-

ниматели общественныхъ работъ не имѣютъ права принимать рабочихъ.

Эти опредѣленныя цѣны и тарифы до сихъ поръ приносили больше вреда, чѣмъ пользы тѣмъ, кому они должны были покровительствовать, и послужили только доказательствомъ того, насколько регламентація безсильна передъ экономическими законами. Хозяева подчинились требованіямъ синдикатовъ въ нѣкоторыхъ давно существующихъ отрасляхъ промышленности, требующихъ сложнаго и дорого стоящаго оборудованія или искусныхъ рабочихъ. Въ другихъ, очень многочисленныхъ отрасляхъ, не отличающихся такою сложностью и не требующихъ такого искусства, это затрудненіе было тотчасъ же обойдено, и притомъ исключительно въ пользу хозяевъ. Какъ примѣръ, выбранный изъ безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ, я приведу ремесло мебельныхъ столяровъ-краснодеревцевъ въ Парижѣ. Раньше хозяева заставляли мастеровъ работать у себя въ мастерскихъ. Какъ только синдикаты предъявили свои требованія, хозяева разсчитали три четверти своихъ рабочихъ, оставивъ у себя лишь наиболѣе способныхъ для выполненія срочныхъ работъ и починокъ. Тогда рабочему пришлось работать у себя дома, и такъ какъ у него другихъ заказчиковъ, кромѣ хозяина, не было, то изготовленную мебель поневолѣ пришлось предлагать ему же, и онъ, въ свою очередь, могъ ставить свои условія. Вслѣдствіе конкуренціи французскихъ и иностранныхъ производителей, цѣны упали на половину, рабочій со средними способностями, легко зарабаты-

вавшій въ мастерской по 7 и 8 фр. въ день, теперь съ трудомъ можетъ у себя на дому заработать 4 или 5 фр. Такимъ образомъ хозяинъ научился, какъ можно избавляться отъ соціалистическихъ требованій. Публика получила возможность пріобрѣтать мебель, хотя и плохую, но за низкую цѣну. А рабочій, взамѣнъ своего разоренія могъ по крайней мѣрѣ убѣдиться, что экономическіе законы, управляющіе современнымъ міромъ, не могутъ быть измѣняемы ни синдикатами, ни регламентами.

Что касается предпринимателей, которые вынуждены были принять тарифы, установленные муниципалитетами, то они подобнымъ же образомъ обошли затрудненіе, принимая лишь наиболѣе способныхъ рабочихъ, т. е. какъ разъ тѣхъ, которые не нуждаются ни въ какомъ покровительствѣ, потому что ихъ способности обезпечиваютъ имъ повсюду самые высокіе заработки. Обязательные тарифы привели лишь къ тому результату, что заставили предпринимателей устранить посредственныхъ рабочихъ, прежде исполнявшихъ у нихъ второстепенныя работы, правда, плохо оплачиваемыя, но все же дававшія какой нибудь заработокъ. Въ концѣ концовъ, тарифы, имѣвшіе цѣлью оказывать покровительство рабочимъ, слабыя способности которыхъ нуждались въ немъ, обратились противъ нихъ же и въ результатѣ сдѣлали ихъ положеніе гораздо болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде.

Изъ этого вытекаетъ то важное поученіе, на которое указывалъ Де-Рузье, говоря о *sweating system*:

„Никакими средствами нельзя достигнуть того, чтобы личныя качества для рабочаго не имѣли значенія“. *)

Это-то въ дѣйствительности и составляетъ самое очевидное послѣдствіе конкуренціи, созданной современными экономическими потребностями. Если она не всегда обезпечиваетъ побѣду самымъ способнымъ, то вообще устраняетъ наименѣе способныхъ. Эта формула приблизительно выражаетъ законъ естественнаго подбора, по которому происходитъ совершенствованіе видовъ по всей цѣпи живыхъ существъ, законъ, отъ вліянія котораго человѣкъ еще не могъ избавиться.

Въ этой конкуренціи люди способные могутъ только выиграть, а неспособные только проиграть. Легко поэтому понять, отчего соціалисты такъ желаютъ ея устраненія. Но предположивъ, что они могутъ

*) Личныя высокія качества составляютъ самый важный капиталъ, который слѣдуетъ увеличивать всѣми средствами. Это должно бы лежать на обязанности воспитанія. Въ латинскихъ странахъ эта обязанность выполняется имъ очень плохо, въ другихъ же—очень хорошо. Въ одной статьѣ газеты *Temps*, отъ 18 января 1902 г., говорится, что французскія желѣзнодорожныя компаніи принуждены покупать большое число своихъ паровозовъ и матеріала въ Германіи (почти на 40 милліоновъ фр. въ два года) не только потому, что тамъ цѣны на 26% ниже, чѣмъ во Франціи, но въ особенности потому, что наши промышленники для выполненія требованій недостаточно хорошо оборудованы. Почему мы оказываемся ниже требованій? Просто потому, что личный составъ, какъ управляющій, такъ и исполняющій, недостаточно способенъ. Наши пріемы фабрикаціи устарѣли, оборудованіе несовершенно, рабочіе посредственны и т. д. „Наше машиностроеніе, говорится въ вышеуказанной статьѣ, во всемъ далеко отстаетъ отъ огромныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ нашими конкурентами за границей“. Я уже нѣсколько разъ указывалъ въ настоящемъ трудѣ причины нашей несостоятельности, но никогда не будетъ лишнимъ особенно настаивать на такомъ важномъ предметѣ. Наше будущее всецѣло зависитъ отъ улучшенія нашей научной и промышленной техники.

уничтожить ее въ тѣхъ странахъ, гдѣ добьются господства, какъ уничтожить ее тамъ, гдѣ они не имѣютъ никакого вліянія, и откуда тотчасъ же, несмотря на всякіе покровительственные тарифы, явились бы предметы производства и наводнили бы ихъ рынки?

Изучая коммерческую борьбу между Востокомъ и Западомъ, а затѣмъ между народами Запада, мы видѣли, что конкуренція—неизбѣжный законъ настоящаго времени. Она проникаетъ рѣшительно всюду, и всѣ попытки что либо противопоставить ей еще болѣе усиливаютъ ея жестокость по отношенію къ ея жертвамъ. Она является сама собой, какъ только нужно улучшить какое нибудь научное или промышленное предпріятіе, имѣющее въ виду частный интересъ или общую пользу. Типичнымъ примѣромъ ея послѣдствій приведу слѣдующій случай, который я наблюдалъ самъ и который въ различныхъ формахъ должно быть повторялся тысячи разъ.

Одинъ инженеръ изъ числа моихъ друзей былъ поставленъ во главѣ большого предпріятія, субсидируемаго правительствомъ и имѣвшаго цѣлью вновь произвести съ большою точностью нивеллировку одной области. Ему предоставлялась полная свобода выбора служащихъ и оплаты ихъ труда при единственномъ условіи—не превышать отпущеннаго годового кредита. Такъ какъ служащихъ было много, а кредитъ былъ невеликъ, то инженеръ сначала распредѣлилъ было между ними поровну сумму, которою располагалъ. Удостовѣрившись, что работа была посредственной и шла медленно, онъ вздумалъ оплачивать трудъ слу-

жащихъ поурочно, установивъ автоматическій контроль, позволявшій провѣрять качество выполненной работы. Вскорѣ каждый способный работникъ былъ въ состояніи выполнить одинъ то количество работы, какое могли сдѣлать трое или четверо обыкновенныхъ работниковъ, и такимъ образомъ онъ сталъ зарабатывать въ три раза болѣе, чѣмъ прежде. Неспособные или же только посредственные, не будучи въ состояніи заработать достаточно для существованія, устранились сами, и меньше, чѣмъ черезъ два года, отъ ассигнованной государствомъ суммы, едва достаточной въ началѣ, образовался избытокъ въ 30%. При этой операціи государство съ меньшими издержками получило лучше выполненную работу, а способные работники утроили свой заработокъ. Всѣ были удовлетворены, конечно кромѣ неспособныхъ, устранившихся вслѣдствіе ихъ малой способности. Этотъ результатъ, весьма благопріятный для государственныхъ финансовъ и для прогресса, былъ очень неблагопріятенъ для неспособныхъ. Какъ бы ни были велики симпатіи къ нимъ, можно ли допустить, чтобы ради ихъ пользы нужно было жертвовать общими интересами?

Читатель, который захотѣлъ бы изслѣдовать этотъ вопросъ, вскорѣ понялъ бы всю трудность этой, одной изъ самыхъ страшныхъ соціальныхъ задачъ, и все безсиліе тѣхъ средствъ, которыя предлагаются соціалистами для ея разрѣшенія.

Важность этой задачи ускользнула впрочемъ не отъ всѣхъ соціалистовъ. Вотъ какъ выражается по этому поводу очень убѣжденный соціалистъ, Калаянни:

„Эта армія безработныхъ была создана капиталистическою организаціею для своихъ выгодъ, и во имя принциповъ справедливости она обязана давать этой арміи средства къ существованію. Эта обязанность не можетъ быть ослаблена столь озабачивающимъ Густава Ле Бона увеличеніемъ числа *неприспособленныхъ*. Вопросъ справедливости не можетъ быть измѣненъ потому, что число заинтересованныхъ въ немъ безконечно. А если число неприспособленныхъ страшно растетъ, то это вѣрный признакъ, что современная соціальная организація имѣетъ много недостатковъ, и потому необходимо ее преобразовать“.

Читатель видитъ, насколько рѣшеніе самыхъ трудныхъ задачъ можетъ сдѣлаться элементарно простымъ для латинскихъ соціалистовъ. Ихъ общая формула „преобразовать общество“ даетъ возможность рѣшать всѣ вопросы и водворять счастье на землѣ. На такія богословскія души, порабощенныя вѣрою и уже недоступныя сомнѣнію, не подѣйствуютъ никакіе аргументы.

§ 2. Неприспособленные вслѣдствіе вырожденія.

Къ общественному слою неприспособленныхъ, созданныхъ конкуренціей, нужно прибавить множество дегенератовъ всякаго рода: алкоголиковъ, рахитиковъ и т. д., жизнь которыхъ, благодаря успѣхамъ гигіены, тщательно охраняется современною медициной. Какъ разъ почти одни эти индивидуумы и отличаются чрезмѣрною, вызывающею опасеніе, плодовитостью, подтверждая тѣмъ уже отмѣченный фактъ, что въ настоящее время общества стремятся увѣковѣчить себя главнымъ образомъ посредствомъ своихъ низшихъ элементовъ.

Возрастаніе алкоголизма во всей Европѣ общеизвѣ-

стно. Число кабаковъ быстро растетъ повсюду; Франція*) не отстаетъ въ этомъ отъ другихъ странъ. Они составляютъ въ настоящее время единственное развлеченіе для тысячъ бѣдняковъ, единственный очагъ, гдѣ они могутъ хоть нѣсколько забыться, единственный центръ общенія, гдѣ хоть на мгновеніе они чувствуютъ нѣкоторый просвѣтъ въ своемъ, чаще всего очень мрачномъ существованіи. Церковь ихъ больше не привлекаетъ, и что же останется имъ, если отнять у нихъ и кабакъ? Алкоголь—это опіумъ нищеты. Употребленіе его сперва является послѣдствіемъ ея, а потомъ уже дѣлается и причиною; впрочемъ онъ становится гибельнымъ лишь при злоупотребленіи имъ. Если его разрушительное вліяніе становится тогда опаснымъ, то это потому, что въ будущемъ оно грозитъ наслѣдственнымъ вырожденіемъ.

Опасность, происходящая отъ всѣхъ дегенератовъ — рахитиковъ, алкоголиковъ, эпилептиковъ, помѣшанныхъ и т. д.,—заключается въ томъ, что они чрезмѣрно увеличиваютъ толпу существъ слишкомъ низкаго уровня, для того, чтобы они могли приспособиться къ условіямъ цивилизаціи, и которые, слѣд., неизбѣжно становятся ея врагами. Слишкомъ нѣжная забота о сохраненіи индивидуума влечетъ за собою серьезную опасность для всего вида.

„Въ настоящее время, пишетъ Шера, поддерживаютъ существованіе множества созданій, присужденныхъ къ смерти самой природой: дѣтей—худосочныхъ, хилыхъ, полумертвыхъ, и считаютъ большой побѣдой, если удается такимъ образомъ продлить ихъ дни, а современную заботливость

*) Въ 1850 г. ихъ было 350.000, въ 1870 г.—364.000, въ 1881 г.—372.000, въ 1891 г.—430.000, изъ нихъ 31.000 въ Парижѣ.

со стороны общества—большимъ прогрессомъ... Но вотъ въ чемъ иронія: эти самоотверженныя, изобрѣтательныя заботы, возвращающія обществу столько человѣческихъ жизней, возвращаютъ ихъ этому обществу не сильными и здоровыми, а въ видѣ организмовъ съ зараженною отъ рожденія кровью, и такъ какъ ни наши законы, ни наши обычаи не запрещаютъ этимъ существамъ жениться и выходить замужъ, то они и оказываются предназначенными для передачи зародышей отравленія потомству. Отсюда, очевидно, всеобщее ухудшеніе здоровья и зараженіе расы".

Докторъ Саломонъ изъ большого числа случаевъ, наблюдаемыхъ ежедневно, приводитъ одинъ особенно поразительный. Дѣло идетъ о послѣдствіяхъ брака между алкоголикомъ и эпилептичкой. У нихъ была дюжина дѣтей, страдавшихъ поголовно или эпилепсіей или туберкулезомъ.

„Что дѣлать съ этимъ печальнымъ потомствомъ? спрашиваетъ д-ръ Саломонъ, и развѣ не было бы въ тысячу разъ лучше не родиться имъ на свѣтъ? И какія тяжелыя обязанности такія семьи налагаютъ на общество, на бюджетъ общественнаго призрѣнія, не говоря уже объ уголовномъ судѣ! Завсегдатаи госпиталя или кандидаты на висѣлицу, вотъ два положенія, на которыя единственно могутъ разсчитывать дѣти алкоголиковъ. Повидимому, въ будущемъ цивилизованнымъ обществамъ придется увеличить число госпиталей и жандармовъ. Въ концѣ концовъ они должны будутъ погибнуть, если плодовитость станетъ достояніемъ тѣхъ, для которыхъ безплодіе должно быть обязательнымъ".

Многіе другіе писатели, и среди нихъ самые знаменитые, занимались этимъ труднымъ вопросомъ. Вотъ что писалъ Дарвинъ по этому поводу.

„У дикихъ народовъ, особи, слабыя духомъ или тѣломъ, быстро устраняются, а оставленныя въ живыхъ обыкновенно отличаются поразительно крѣпкимъ здоровьемъ. Что касается насъ, людей цивилизованныхъ, то мы употребляемъ всѣ усилія, чтобы задержать это устраненіе; мы строимъ пріюты для идіотовъ, увѣчныхъ, больныхъ; мы издаемъ законы, чтобы помочь неимущимъ, а наши врачи употребляютъ все свое искусство для возможнаго продленія жизни каждаго. Вполнѣ справедливо мнѣніе, что предохранительныя прививки сохранили жизнь тысячамъ людей, которые по слабому тѣлосложенію пали бы жертвою оспы. Немощные члены цивилизованныхъ обществъ могутъ, слѣд., размножаться безконечно. Между тѣмъ, кто занимался разведеніемъ домашнихъ жи-

вотныхъ, отлично знаетъ, насколько подобное размноженіе слабыхъ существъ въ человѣческомъ родѣ должо быть для него вреднымъ. Съ удивленіемъ видишь, что недостатокъ заботъ или даже заботы плохо направленныя быстро приводятъ къ вырожденію домашней породы животныхъ, и за исключеніемъ самого человѣка никто не будетъ столь невѣжественъ и неразуменъ, чтобы допустить размноженіе хилыхъ животныхъ".

Подъ вліяніемъ нашихъ унаслѣдованныхъ христіанскихъ понятій мы оберегаемъ всѣхъ этихъ дегенератовъ, ограничиваясь держаніемъ взаперти дошедшихъ до наиболѣе низкой степени и тщательно ухаживая за другими, которымъ предоставляется такимъ образомъ полная свобода размноженія. Нужно видѣть вблизи нѣкоторыхъ изъ этихъ дегенератовъ, чтобы уразумѣть безсмысленность понятій, заставляющихъ насъ стараться сохранять эти организмы. Вотъ что говоритъ по этому поводу д-ръ Морисъ Флери:

„Мы клеймимъ спартанцевъ, которые въ силу своихъ законовъ предавали потопленію въ рѣкѣ Евротѣ неудачныхъ, чахлыхъ тѣломъ и духомъ дѣтей. А между тѣмъ, когда я однажды посѣтилъ въ Бисетрѣ отдѣленіе отсталыхъ дѣтей доктора Бурневиля, то у меня, при видѣ этого стада совершенно неизлѣчимыхъ, неспособныхъ ни къ какому совершенствованію идіотовъ, явилось сильное желаніе, чтобы эти маленькія безымянныя существа немедленно были уничтожены.

Помѣщенные на балконѣ, рѣшетчатый желѣзный полъ котораго приходился надъ ямой, куда стекали ихъ нечистоты, однообразно одѣтые въ шерстяныя платья и всегда грязную обувь, они тамъ жили, эти дѣти алкоголя и вырожденія, искривленные выродки, съ плохо сформированными и плохо срощенными толстокостными черепами, съ полузакрытыми глазами, съ приросшими ушами, съ безучастнымъ блуждающимъ взглядомъ, съ дряблой шеей, плохо поддерживающей трясущуюся голову. По временамъ одинъ изъ нихъ открывалъ свой ротъ, похожій на перепончатый клювъ птицы, и испускалъ дикій крикъ, крикъ безпричиннаго гнѣва; между тѣмъ какъ надзирательница-молодая, самоотверженная и не обнаруживавшая признаковъ нетерпѣнія, переходила отъ одного къ другому, то утирая носъ одному, то подтирая другого, привязывая къ периламъ третьяго, дерущагося или кусающагося, и раздавая всѣмъ кормъ, жадно пожираемый. Надзирательница разговаривала съ ними, но эти недораз-

витые мозги ее не понимали. Напрасныя слова, безполезный трудъ, такъ какъ они невмѣняемы, никогда лучъ разсудка не озаритъ ихъ, никогда въ нихъ не проявится проблеска души. Такъ они и будутъ расти, оставаясь ниже животныхъ, безъ рѣчи, безъ мыслей, безъ чувства. Они не сдѣлаютъ никакихъ успѣховъ. Черезъ десять лѣтъ они будутъ такими же, какъ теперь, если только благодѣтельное воспаленіе легкихъ не унесетъ ихъ.

Между тѣмъ за ними ухаживаютъ, ихъ воспитываютъ въ клѣткѣ, ихъ предохраняютъ отъ смерти. Боже, къ чему все это! Неужели въ самомъ дѣлѣ человѣчно сохранять жизнь этихъ уродовъ, этихъ кошмарныхъ видѣній, этого исчадія тьмы? Не кажется ли вамъ, что было бы, напротивъ, скорѣе дѣломъ милосердія убить ихъ, уничтожить это безобразіе и это безсознательное существованіе, необлагороженное даже страданіемъ.*)"

Нужно прямо признать, что если бы какое нибудь благодѣтельное божество уничтожало въ каждомъ поколѣніи возрастающую армію дегенератовъ, столь старательно нами опекаемую, то оно оказало бы огромную услугу человѣческому роду, цивилизаціи и самимъ дегенератамъ. Но такъ какъ наши гуманитарныя чувства требуютъ, чтобы мы ихъ сохраняли и покровительствовали ихъ размноженію, то намъ остается только переносить послѣдствія, порождаемыя этими чувствами. Да будетъ намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что всѣ эти дегенераты, какъ справедливо замѣчаетъ Джонъ Фиске, „составляютъ жизненный элементъ низшаго разряда, который можно сравнить со злокачественной опухолью на здоровой ткани; всѣ ихъ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы уничтожить цивилизацію, отъ которой роковымъ образомъ произошло ихъ собственное бѣдствіе." Они, конечно,

*) *Revue du palais*, 1-го октября 1898 года.

являются вѣрными сторонниками соціализма *). По мѣрѣ того какъ читатель подвигается далѣе въ чтеніи этой книги, онъ все болѣе и болѣе видитъ, изъ какихъ разнообразныхъ и опасныхъ элементовъ состоитъ толпа учениковъ новой вѣры.

§ 3. Искусственное производство неприспособленныхъ.

Къ толпѣ неприспособленныхъ, созданныхъ конкуренціей и вырожденіемъ, у латинскихъ народовъ присоединяются еще дегенераты отъ искусственно созданной неспособности. Эта категорія неудачниковъ фабрикуется, цѣною большихъ расходовъ, нашими гимназіями и университетами. Легіонъ бакалавровъ, лиценціатовъ, учителей и профессоровъ не у дѣлъ, быть можетъ, представитъ собою со временемъ одну изъ серьезнѣйшихъ опасностей, отъ которыхъ обществу придется обороняться.

Образованіе этого класса неприспособленныхъ представляетъ собою явленіе самаго послѣдняго времени. Происхожденіе его чисто психологическое и является слѣдствіемъ современныхъ идей.

Люди каждаго періода исторіи живутъ извѣстнымъ числомъ идей политическихъ, религіозныхъ или соціаль-

*) Одно почтенное, прикосновенное къ университету лицо говорило мнѣ недавно, что, какъ оно въ томъ удостовѣрилось, большая часть его коллегъ, сдѣлавшихся соціалистами, въ большинствѣ случаевъ были хилые и болѣзненные. Теперь соціализмъ, подобно христіанству въ началѣ, является религіей обездоленныхъ жизнью.

ныхъ, считаемыхъ неоспоримыми догматами, послѣдствіямъ которыхъ они необходимо должны подчиняться. Между этими идеями одною изъ наиболѣе могущественныхъ въ настоящее время является идея о превосходствѣ, доставляемомъ теоретическимъ образованіемъ, которое дается нашими учебными заведеніями. Школьный учитель и университетскій профессоръ, когда то находившіеся въ нѣкоторомъ пренебреженіи, вдругъ стали великими современными кумирами. Они то именно должны находить средства противъ естественныхъ неравенствъ, уничтожать различія между классами и выигрывать сраженія.

Съ тѣхъ поръ, какъ образованіе стало универсальнымъ средствомъ, явилась необходимость набивать головы юныхъ гражданъ греческимъ языкомъ, латынью, исторіей и научными формулами. Чтобы достигнуть такихъ результатовъ, не останавливались ни передъ какой жертвой, ни передъ какими затратами. Фабрикація учителей, бакалавровъ и лиценціатовъ сдѣлалась самой важной изъ отраслей производства у латинскихъ народовъ. Это даже почти единственная отрасль, въ которой въ настоящее время не происходитъ забастовокъ.

Изучая въ другомъ сочиненіи воззрѣнія латинскихъ народовъ на образованіе, мы показали результаты нашей системы преподаванія. Мы видѣли, что она навсегда извращаетъ способность сужденія, загромождаетъ умъ фразами и формулами, которымъ суждено вскорѣ же быть забытыми, совершенно не подготавливаетъ къ требованіямъ современной жизни и

въ концѣ концовъ даетъ огромную армію неспособныхъ, неудачниковъ и, слѣд., бунтовщиковъ.

Но почему наше образованіе, вмѣсто того, чтобы, какъ и раньше, быть попросту безполезнымъ, привело къ тому, что въ настоящее время даетъ неудачниковъ и мятежниковъ?

Причины этого вполнѣ ясны. Наше теоретическое образованіе при помощи учебниковъ подготовляетъ исключительно къ общественнымъ должностямъ и, дѣлая молодыхъ людей совершенно неспособными ко всякой другой карьерѣ, заставляетъ ихъ, ради существованія, съ ожесточеніемъ набрасываться на должности, оплачиваемыя государствомъ. Но такъ какъ число кандидатовъ огромно, а количество мѣстъ очень ограничено, то большая часть аспирантовъ остается за флагомъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, и слѣд., выбитой изъ колеи, и, естественно, возмущенной.

Цифры, подтверждающія только что сказанное мной, указываютъ на обширность этого зла.

Университетъ *) ежегодно выпускаетъ около 1200 кандидатовъ на 200 учительскихъ мѣстъ, имѣющихся въ его распоряженіи. Значитъ, тысяча остается на мостовой и, конечно, устремляется къ другимъ должностямъ. Но тамъ они наталкиваются на многочисленную армію обладателей всякаго рода дипломовъ, домо-

*) Совокупность французскихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

гающихся всякихъ мѣстъ, даже самыхъ посредственныхъ. На 40 ежегодно открывающихся вакантныхъ мѣстъ писцовъ въ префектурѣ департамента Сены является отъ двухъ до трехъ тысячъ кандидатовъ. На 150 преподавательскихъ мѣстъ, ежегодно освобождающихся въ школахъ города Парижа, приходится 15 тысячъ конкурентовъ. Тѣ, которымъ не повезло, постепенно уменьшаютъ свои требованія и иногда очень рады, если по протекціи имъ удастся поступить въ учрежденія, изготовляющія адресныя бандероли, гдѣ зарабатываютъ по 40 су въ день при безпрерывной двѣнадцатичасовой работѣ. Не требуется очень тонкой психологіи, чтобы угадать, какія чувства наполняютъ душу этихъ несчастныхъ чернорабочихъ.

Что касается избранныхъ, т. е. счастливыхъ кандидатовъ, то не слѣдуетъ думать, что ихъ судьба особенно завидна; мелкій административный чиновникъ съ жалованіемъ въ 1500 фр., мировой судья съ жалованіемъ въ 1800 фр., инженеры Центральной Школы, едва зарабатывающіе столько же, какъ десятники въ желѣзнодорожной компаніи или химики на заводѣ, всѣ они въ денежномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже рабочаго среднихъ способностей и, кромѣ того, они пользуются гораздо меньшею независимостью.

Но тогда къ чему эта упорная погоня за оффиціальными мѣстами? Почему эта толпа дипломированныхъ не у дѣлъ не обратится къ промышленности, земледѣлію, торговлѣ или ручнымъ ремесламъ?

По двумъ причинамъ: прежде всего потому, что эти дипломированные совершенно неспособны, въ силу своего теоретическаго образованія, ни къ чему другому, кромѣ легкихъ профессій чиновника, судьи или учителя. Конечно, они могли бы снова начать свое образованіе и приняться за ученіе. Но они этого не дѣлаютъ, вслѣдствіе неискоренимаго предразсудка (и въ этомъ вторая причина) противъ ручного труда промышленности и земледѣлія,—предразсудка, существующаго у латинскихъ народовъ, и только у нихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, латинскія народности, вопреки своей обманчивой внѣшности, обладаютъ настолько недемократическимъ темпераментомъ, что всякая ручная работа, столь уважаемая въ аристократической Англіи, считается у нихъ унизительной и даже позорной. Самый ничтожный помощникъ столоначальника, самый мелкій учитель, самый скромный писецъ считаютъ себя какими то особами сравнительно съ механиками, подмастерьями, монтерами, фермерами, которые, однако, вообще вкладываютъ въ свое ремесло неизмѣримо больше ума, разсудительности и иниціативы, чѣмъ чиновники и учителя по своимъ должностямъ. Я никогда не могъ разгадать и увѣренъ, что и никто другой этого никогда не разгадаетъ, почему латинистъ, чиновникъ, учитель грамматики или исторіи въ умственномъ отношеніи могутъ считаться стоящими выше, чѣмъ хорошій столяръ, способный монтеръ, разумный подмастерье. Если послѣ сравненія ихъ между собою съ точки зрѣнія умственнаго развитія, сравнить ихъ съ точки

зрѣнія приносимой ими пользы, то очень скоро станетъ яснымъ, что латинистъ, бюрократъ, учитель стоятъ гораздо ниже хорошаго рабочаго, и вотъ почему трудъ послѣдняго вообще оплачивается гораздо лучше.

Единственное видимое превосходство, которое можно признать за первыми, это то, что они носятъ сюртукъ, вообще очень потертый, но все еще сохраняющій нѣкоторое подобіе сюртука, тогда какъ подмастерье и рабочій выполняютъ работу въ блузѣ,—часть одежды, стоящая очень низко въ глазахъ элегантной публики. Если хорошенько разобрать психологическое вліяніе на Францію этихъ двухъ родовъ костюма, то увидимъ, что оно безспорно огромно и во всякомъ случаѣ больше вліянія всѣхъ конституцій, фабрикуемыхъ въ продолженіе ста лѣтъ тучей адвокатовъ безъ дѣла. Если бы по мановенію какого нибудь волшебнаго жезла мы признали, что блуза настолько же элегантна и прилична, какъ и сюртукъ, условія нашего существованія моментально измѣнились бы. Намъ пришлось бы присутствовать при революціи нравовъ и идей, значеніе которой было бы гораздо важнѣе, чѣмъ у всѣхъ прежнихъ революцій. Но до этого мы еще не доросли, и латинскимъ народностямъ еще долго придется нести тяжесть предразсудковъ и заблужденій.

Послѣдствія нашего латинскаго презрѣнія къ ручному труду окажутся еще гораздо болѣе опасными въ будущемъ. Вслѣдствіе этого чувства все болѣе и болѣе растетъ на нашихъ глазахъ опасная армія

неприспособленныхъ, являющихся продуктомъ нашего обученія. Убѣдясь, какимъ малымъ уваженіемъ пользуется ручной трудъ, крестьянинъ и рабочій, видя презрѣніе къ себѣ буржуазіи и ученаго сословія, въ концѣ концовъ начинаютъ думать, что принадлежатъ къ низшей кастѣ, изъ которой нужно во что бы то ни стало выйти, и тогда ихъ единственной мечтой становится желаніе—цѣпой всякихъ лишеній выдвинуть сына въ касту обладателей дипломовъ. Но чаще всего имъ удается такимъ образомъ создавать лишь неприспособленныхъ, которые не могутъ подняться до буржуазіи, вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ, между тѣмъ какъ ихъ образованіе дѣлаетъ ихъ неспособными продолжать ремесло отца. Такіе люди въ продолженіе всей своей жалкой жизни будутъ влачить бремя печальныхъ заблужденій, жертвами которыхъ они сдѣлались благодаря своимъ родителямъ. Эти люди будутъ вѣрными солдатами соціализма.

Слѣдовательно, современныя школы окажутъ во Франціи самое гибельное вліяніе не только своимъ преподаваніемъ, но и своимъ духомъ, далеко не демократическимъ. Рисуясь своимъ презрѣніемъ ко всякой ручной работѣ и ко всему тому, что не принадлежитъ къ области теоріи или краснорѣчія, предоставляя своимъ питомцамъ думать, что дипломы создаютъ своего рода умственное дворянство, отводящее ихъ обладателямъ мѣсто въ высшей кастѣ, открывающей доступъ къ богатству или по крайней мѣрѣ къ матеріальной обезпеченности, наши школы

сыграли гибельную роль. Послѣ долгаго и дорого стоющаго ученія, обладатели дипломовъ все же должны признать, что они не достигли никакой высоты умственнаго развитія, едва ли повысились надъ своей средой, и что имъ приходится начинать жизнь съ начала. Какъ же имъ не стать революціонерами, когда ихъ время было потрачено даромъ, когда ихъ способности ко всякому полезному труду притуплены, а впереди ждетъ унизительная бѣдность? *)

Конечно, наши профессора не видятъ ничего этого. Ихъ дѣло, напротивъ, воодушевляетъ ихъ въ высокой степени, какъ бываетъ со всѣми апостолами, и они не пропускаютъ ни одного случая пѣть ему торжественные гимны.

„Нужно, пишетъ Г. Беранже, почитать книги Ліара и Лависса, двухъ главныхъ столповъ нашего высшаго образованія, чтобы понять тотъ энтузіазмъ, который охватилъ ихъ при видѣ результатовъ ихъ дѣятельности. Слышенъ ли имъ глухой, но грозный ропотъ всѣхъ тѣхъ, кого разочаровываетъ высшая школа, которыхъ она приподнимаетъ лишь съ тѣмъ, чтобы они пали еще въ большую нищету, и которыхъ повсюду начинаютъ называть умственными пролетаріями?“

Увы! нѣтъ, они этого не слышатъ, а если бы и слышали, то врядъ ли поняли бы. Конечно дѣло рукъ

*) Можно отдать себѣ отчетъ о возрастающемъ успѣхѣ соціализма въ средѣ университетской молодежи, прочтя полное ярой ненависти къ обществу воззваніе, недавно опубликованное „студентами коллективистами.“

этихъ руководителей просвѣщенія было особенно пагубно, гораздо пагубнѣе, чѣмъ дѣйствія Марата и Робеспьера, которые, по крайней мѣрѣ, не развращали душу. Но можно утверждать, что это дѣйствительно дѣло ихъ рукъ. Когда извѣстныя иллюзіи властно овладѣютъ умами, то слѣдуетъ ли винить безвѣстныхъ дѣятелей, слѣпыхъ статистовъ, повиновавшихся лишь общему теченію своего времени?

Еще не пробилъ часъ, когда исчезнутъ наши ужасныя иллюзіи насчетъ достоинства латинской системы воспитанія. Онѣ, напротивъ, свирѣпствуютъ болѣе, чѣмъ когда либо. Каждый день трудолюбивая молодежь, численность которой все болѣе и болѣе растетъ, требуетъ отъ школы осуществленія своихъ мечтаній и надеждъ. Число студентовъ, не превосходившее 10.900 въ 1878 г. и — 17.600 въ 1888, теперь колеблется около 30.000. Какая огромная *) армія неудачниковъ, возмущенныхъ, и слѣд. сторонниковъ соціализма въ будущемъ.

Такъ какъ число этихъ будущихъ неудачниковъ кажется недостаточно еще большимъ, то отъ государства всѣ наперерывъ требуютъ еще стипендій, позволяющихъ увеличить это число. Напрасно нѣкоторые просвѣщенные умы, сознавая опасность, указываютъ на нее—ихъ предостереженія являются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

„Милліоны, которые расходуетъ государство на эти стипендіи, говорилъ недавно Бужъ въ Палатѣ

*) См. документы, собранные въ моемъ трудѣ: „*Психологія воспитанія*“, 7-ое изданіе.

депутатовъ, пустяки въ сравненіи съ предстоящей соціальной задачей помѣшать размноженію неудачниковъ, вызванному раздачею этихъ стипендій. Ихъ уже набралось слишкомъ много, чтобы государство еще способствовало увеличенію ихъ числа" *).

Теперь наши читатели видятъ, какъ совершенно искусственнымъ образомъ создалась новая армія неприспособленныхъ. Она именно окажется въ одинъ прекрасный день наиболѣе опасной и доставитъ соціализму его самыя страшныя полчища. Не въ душѣ народа, повторяю еще разъ, всего успѣшнѣе прорастаетъ сѣмя соціализма, а въ душѣ неприспособленныхъ, являющихся продуктомъ школьнаго воспитанія.

*) Такъ какъ высшее классическое образованіе составляетъ предметъ роскоши, пригодный лишь для лицъ съ нѣкоторымъ достаткомъ, то не имѣется никакихъ серьезныхъ причинъ давать его безплатно; это прекрасно поняли американцы. Молодой человѣкъ, почувствовавшій къ нему влеченіе, вслѣдствіе своихъ особыхъ способностей, всегда нашелъ бы возможность сначала заработать средства на свое существованіе, что было бы для него отличной школой жизни. Такъ поступаютъ бѣдные студенты въ такихъ истинно демократическихъ странахъ, какъ Америка. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ французскихъ ученыхъ, профессоръ Муассонъ въ своемъ трудѣ о Чикагскомъ университетѣ, который онъ посѣтилъ, выражается слѣдующимъ образомъ:

„Въ большей части американскихъ университетовъ встрѣчаются молодые люди безъ средствъ, которые для того, чтобы внести плату за право ученія, доходящую въ Чикаго до 175 франковъ приблизительно за три мѣсяца, берутся за какой нибудь ручной трудъ въ свободное отъ лекцій и занятій время. Одинъ идетъ зажигать газовые рожки, другой на вечернее время предлагаетъ свои услуги гостинницѣ; третій зарабатываетъ свой хлѣбъ въ качествѣ управляющаго или повара у своихъ товарищей; четвертый въ продолженіе многихъ лѣтъ экономитъ изъ скромнаго содержанія, чтобы имѣть возможность получить университетскій дипломъ."

Можно быть увѣреннымъ, что молодые люди, выказавшіе такую энергію и способные на такія напряженныя усилія, никогда не будутъ неудачниками и преуспѣютъ въ жизни на всякомъ поприщѣ.

Въ дѣлѣ готовящагося общественнаго разрушенія наша школа сыграетъ очень дѣятельную роль. Историки будущаго будутъ строги въ сужденіи о ней и не поскупятся на проклятія по ея адресу при видѣ причиненнаго ею зла и сравнивая это зло съ тѣмъ благомъ, какое она могла бы дать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Использованіе неприспособленныхъ.

§ 1. *Предстоящій натискъ со стороны неприспособленныхъ.* Ненависть ихъ къ обществу, въ которомъ они не находятъ себѣ никакого мѣста. Неприспособленные въ Соединенныхъ Штатахъ. Жалкія условія ихъ существованія и ихъ численность. Жестокая борьба, которую придется выдержать съ ними. Предсказанія Маколея о будущности Соединенныхъ Штатовъ.

§ 2. *Использованіе неприспособленныхъ.* Это использованіе представляетъ самую трудную задачу настоящаго времени. Предложенныя и испробованныя рѣшенія. Безпомощность государства въ дѣлѣ прокормленія арміи неприспособленныхъ. Общественная или частная благотворительность только усиливаетъ ихъ численность. Право на трудъ. Плачевные результаты уже произведенныхъ опытовъ. Тщетность обѣщаній соціалистовъ.

§ 1. Предстоящій натискъ со стороны неприспособленныхъ.

Мы только что видѣли, какъ особыя условія настоящаго времени увеличили въ огромныхъ размѣрахъ толпу неприспособленныхъ. Эта масса неспособныхъ, обездоленныхъ и выродковъ грозитъ серьезною

опасностью всякой цивилизаціи. Объединенные ненавистью къ обществу, гдѣ для нихъ не находится никакого мѣста, они только и жаждутъ борьбы съ нимъ. Это — армія, готовая на всякіе перевороты, такъ какъ терять ей нечего, а выиграть она можетъ все; таковъ, по крайней мѣрѣ, ея расчетъ. Въ особенности она готова на всякія разрушенія. Чувство ненависти къ цивилизаціи у этихъ неудачниковъ — вполнѣ естественно; она слишкомъ сложна для нихъ, и къ ней, какъ сами они отлично чувствуютъ, имъ никогда не приспособиться. Они ждутъ только случая, чтобы пойти на приступъ.

Опасности, угрожающія Европѣ, грозятъ и Соединеннымъ Штатамъ и еще въ гораздо болѣе близкомъ будущемъ. Война сѣверныхъ штатовъ съ южными была прелюдіей къ кровавой борьбѣ, которая вскорѣ разразится между разными общественными слоями, живущими на ихъ территоріи. Въ Новый то Свѣтъ и стремятся инстинктивно всѣ неприспособленные со всѣхъ концовъ міра. Несмотря на эти нашествія, опасности, которыхъ не понялъ ни одинъ государственный человѣкъ Америки, англійская раса въ Соединенныхъ Штатахъ пока еще остается въ большинствѣ; но другія расы, ирландцы, славяне, негры, итальянцы и т. д., размножаются тамъ все болѣе и болѣе. Такъ, напр., теперь Соединенные Штаты насчитываютъ уже около 8 милліоновъ негровъ. Ежегодная иммиграція въ 400.000 иностранцевъ непрерывно увеличиваетъ это опасное населеніе. Эти иностранцы, образующіе настоящія колоніи, совер-

шенно индифферентно, а чаще всего очень враждебно относятся къ своему новому отечеству. Не будучи съ нимъ связаны ни кровнымъ родствомъ, ни традиціями, ни языкомъ, они нисколько не заботятся объ его общихъ интересахъ и стараются лишь прокормить себя на его счетъ.

Но ихъ существованіе является тѣмъ болѣе труднымъ, нищета тѣмъ болѣе глубокой, что имъ приходится конкурировать съ наиболѣе энергичной во всемъ мірѣ расой. Они могутъ тамъ существовать кое-какъ, только довольствуясь самыми низкими видами труда, второстепенными должностями, и слѣд., наиболѣе недостаточными заработками.

Эти иностранцы составляютъ пока лишь около 15% общаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, но въ нѣкоторыхъ областяхъ они почти преобладаютъ и вскорѣ будутъ составлять большинство, если негры будутъ по прежнему плодиться, какъ кролики. Число негровъ удвоилось за послѣдніе тридцать лѣтъ. Штатъ Сѣверной Дакоты насчитываетъ уже иностранцевъ 44%. Девять десятыхъ негровъ сосредоточено въ пятнадцати южныхъ штатахъ, гдѣ они составляютъ треть населенія. Въ южной Каролинѣ они составляютъ теперь большинство и превышаютъ 60%. Въ Луизіанѣ число ихъ равно числу бѣлыхъ.

Извѣстно, какъ обращаются съ неграми на американской территоріи, гдѣ вообще считаютъ ихъ освобожденіе отъ рабства огромной ошибкой. Въ теоріи они пользуются всѣми правами, признанными за дру-

гими гражданами, но на практикѣ ихъ вѣшаютъ и разстрѣливаютъ безъ всякаго суда при первомъ проступкѣ. Считающіеся тамъ чѣмъ-то въ родѣ животнаго, занимающаго середину между обезьяной и человѣкомъ, они всегда готовы вступить въ ряды всякой арміи, которая предприметъ войну противъ Великой Республики.

Черное населеніе стало кошмаромъ Америки. Не только эти восемь милліоновъ дикарей послѣ тридцатилѣтнихъ усилій не могли быть подняты на высоту полуцивилизованныхъ людей, но еще напротивъ, пришлось признать, что съ уничтоженіемъ рабства ихъ умственный уровень очень замѣтно понизился. Ихъ неизлѣчимая лѣность, тупоуміе и ихъ опасныя скотскія наклонности дѣлаютъ ихъ ни на что непригодными въ цивилизованной странѣ. Предлагались самыя разнообразныя мѣры для избавленія отъ нихъ. Совѣтовали поселить ихъ отдѣльно въ извѣстныхъ штатахъ, вывезти ихъ массами на Кубу и Филиппины и т. д. Къ несчастью, негръ, за самыми незначительными исключеніями, является существомъ, настолько низшимъ, что не поддается никакому обученію и ни къ чему не пригоденъ, пока не будетъ приведенъ въ рабство. Особенно выводитъ изъ себя американцевъ сознаніе, что для раскрытія этой элементарной психологической истины имъ пришлось истратить пять милліардовъ и погубить милліонъ людей въ теченіе междуусобной войны, которая, какъ извѣстно, велась за уничтоженіе рабства. И только цѣною подобныхъ жертвъ могутъ распространяться въ широкихъ слояхъ

населенія нѣкоторыя понятія, уже давно очевидныя для ученыхъ *).

Какъ бы то ни было, 8 милліоновъ американскихъ негровъ образуютъ массу, отъ которой не такъ то легко отдѣлаться, и слишкомъ много разныхъ интересовъ поставлено на карту, чтобы теперь можно было мечтать о возстановленіи рабства. Американцы отдѣлались отъ китайцевъ, запретивъ имъ въѣздъ въ Штаты, отдѣлались отъ индѣйцевъ, поселивъ ихъ на извѣстныхъ участкахъ, окруженныхъ бдительной и хорошо вооруженной магазинками стражей, получившей строгій приказъ убивать краснокожихъ какъ зайцевъ, лишь только они, подъ вліяніемъ голода, выйдутъ за предѣлы отведенной имъ территоріи. Такими упрощенными пріемами въ теченіе немногихъ лѣтъ удалось истребить почти всѣхъ индѣйцевъ. Но эти мѣры кажутся трудно примѣнимыми къ милліонамъ негровъ и совершенно непримѣнимы къ огромнымъ полчищамъ иностранцевъ бѣлой расы всякаго происхожденія, разсыпанныхъ по городамъ, тѣмъ болѣе, что эти бѣлые состоятъ избирателями и могутъ посылать своихъ представителей засѣдать въ палаты или исполнять общественныя должности. Во время послѣдней

*) Я вполнѣ убѣжденъ, что когда завершится завоеваніе Африки, то европейцы будутъ принуждены, для насажденія въ ней цивилизаціи, установить тамъ рабство, но, конечно, обозначивъ его новымъ именемъ, чтобы не огорчать филантроповъ. Впрочемъ, я еще не встрѣчалъ ни одного путешественника, жившаго въ Африкѣ, который бы не былъ увѣренъ, что иначе негръ и не можетъ быть цивилизованъ. Всѣ это говорятъ, но я, кажется, первый осмѣлился высказать это въ печати.

забастовки въ Чикаго губернаторъ провинціи былъ на сторонѣ мятежниковъ.

Великій историкъ Маколей, въ письмѣ къ одному американцу въ 1857 г., опредѣлялъ исходъ грядущихъ войнъ слѣдующимъ образомъ:

„Настанетъ день, говоритъ онъ, когда въ штатѣ Нью-Іоркъ множество людей, имѣющихъ лишь скудный завтракъ и не ожидающихъ лучшаго обѣда, должно будетъ произвести выборы въ палаты, и можно ли сомнѣваться, какой характеръ будутъ носить эти палаты? Вотъ съ одной стороны, политическій дѣятель, проповѣдующій терпѣніе, уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, вѣрность общественнымъ обязательствамъ,— съ другой стороны, демагогъ, разглагольствующій противъ тиранніи капиталистовъ и ростовщиковъ и вопрошающій, по какому праву иные люди пьютъ шампанское и ѣздятъ въ каретахъ, въ то время, какъ тысячи честныхъ людей не имѣютъ даже самаго необходимаго. Который же изъ этихъ двухъ кандидатовъ имѣетъ больше шансовъ быть избраннымъ отъ рабочихъ, дѣти которыхъ просятъ хлѣба? Очень боюсь, какъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ вы не приняли роковыхъ мѣръ. Одно изъ двухъ: или какой-нибудь цезарь или Наполеонъ сильной рукой заберетъ бразды правленія, или ваша республика подвергнется грабежу со стороны варваровъ XX вѣка, такому же ужасному, какому подверглась Римская имперія со стороны варваровъ V вѣка. Разница будетъ только въ томъ, что гунны и вандалы явились извнѣ, а ваши хищники будутъ порождены въ вашей собственной странѣ вашими же учрежденіями.

Мое давнишнее убѣжденіе, заключаетъ Маколей, состоитъ въ томъ, что чисто демократическія учрежденія таковы, что должны рано или поздно уничтожить или свободу или цивилизацію, или то и другое вмѣстѣ“.

Такъ какъ энергичный характеръ англо-саксовъ въ Америкѣ извѣстенъ, то я не сомнѣваюсь, что они преодолѣютъ опасности, которыми имъ грозилъ Маколей, но лишь цѣною борьбы болѣе разрушительной, чѣмъ всѣ войны, о которыхъ повѣствуетъ исторія.

Впрочемъ мы не имѣемъ въ виду заниматься здѣсь судьбами Америки. Ея внутреннія разногласія мало тронутъ неизбалованную своими правительствами

Европу. Она при этомъ ничего не потеряетъ, а увидитъ полезный урокъ.

Къ нашему счастью неприспособленные въ Европѣ не столь многочисленны и не столь опасны, какъ въ Америкѣ; но отъ этого они не менѣе грозны, и придетъ часъ, когда они будутъ собраны подъ знаменемъ соціализма; тогда нужно будетъ дать имъ кровавыя битвы. Но такіе острые кризисы разумѣется будутъ скоропреходящи. Каковъ бы ни былъ ихъ исходъ, вопросъ объ устройствѣ общественнаго положенія неприспособленныхъ долго еще будетъ встрѣчать тѣ же затрудненія. Разрѣшеніе этого вопроса будетъ тяготѣть надъ судьбой народовъ въ будущемъ, и теперь еще невозможно предсказать, какими способами можно будетъ добиться его. Мы сейчасъ покажемъ—почему это такъ.

§ 2. Использованіе неприспособленныхъ.

Единственными способами, предлагавшимися до сихъ поръ для оказанія помощи неприспособленнымъ, были частная благотворительность и призрѣніе со стороны государства. Между тѣмъ опытъ давно показалъ, что эти средства во-первыхъ недостаточны, а затѣмъ и опасны. Предположивъ даже, что государство или частныя лица достаточно богаты, чтобы поддерживать эти массы, эта поддержка лишь быстро увеличитъ ихъ число. Къ настоящимъ неприспособленнымъ присоединятся полу-неудачники и всѣ тѣ,

которые, предпочитая праздность труду, работаютъ теперь только изъ-за голода.

До сихъ поръ общественная или частная благотворительность только и сдѣлала, что значительно увеличила толпу неприспособленныхъ. Какъ только гдѣ нибудь начинаетъ дѣйствовать бюро общественнаго вспомоществованія, число бѣдныхъ увеличивается въ огромной пропорціи. Я знаю маленькую деревню около Парижа, гдѣ почти половина населенія зарегистрована въ спискахъ общественнаго призрѣнія.

Изслѣдованія въ этой области показали, что 95% бѣдныхъ во Франціи, которымъ дается помощь, отказываются отъ всякой работы. Эта цифра выведена главнымъ образомъ изъ наблюденій, произведенныхъ подъ надзоромъ Г. Моно, директора министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ 727 здоровыхъ нищихъ, взятыхъ наудачу и жаловавшихся на безработицу, только 18 согласились взяться за легкую работу, дававшую имъ 4 фр. въ день. И частная, и общественная благотворительность лишь поддерживаетъ ихъ лѣность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ донесеніи о состояніи пауперизма во Франціи Ватвиль писалъ:

„Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ дѣятельности общественнаго призрѣнія на дому, ни разу не было случая, чтобы такая форма благотворенія помогла бѣдняку выбраться изъ нужды и стать на ноги. Наоборотъ, часто она дѣлаетъ нищенство наслѣдственнымъ. Такъ, въ контрольныхъ спискахъ этого учрежденія значатся внуки порученныхъ общественной помощи въ 1802 году нищихъ, сыновья которыхъ въ 1830 году также были занесены въ роковые списки“.

Мальтусъ въ своемъ трудѣ *Essais sur le principe de la population* выражается по этому поводу такъ:

„Главная и постоянная причина бѣдности имѣетъ мало или никакой связи съ той или другой формой правленія или неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ; богатые не въ силахъ доставить бѣднымъ работу и хлѣбъ; слѣд., бѣдные по самой природѣ вещей не имѣютъ права этого отъ нихъ требовать.... Но и теорія и практика неопровержимо уже доказали, что признаніе такого права усилило бы потребности до такой степени, что не было бы возможности удовлетворить ихъ, а простая попытка въ этомъ направленіи неизбѣжно привела бы родъ людской къ самой ужасающей нищетѣ. Изъ этого явствуетъ, что нашъ образъ дѣйствій, обходящій молчаніемъ существованіе такого права, болѣе подходитъ къ законамъ нашей природы, чѣмъ безплодныя разглагольствованія, которыми мы стараемся заставить уважать это право".

Знаменитый англійскій писатель, Гербертъ Спенсеръ, написалъ по этому поводу еще гораздо болѣе энергичную страницу:

„Кормить неспособныхъ на счетъ способныхъ—это большая жестокость. Это запасъ нищеты, преднамѣренно сдѣланный для грядущихъ поколѣній. Нельзя придумать болѣе печальнаго подарка потомству, какъ загроможденіе его постоянно возрастающею массою глупцовъ, лѣнтяевъ и преступниковъ. Помогать размноженію злыхъ—значитъ въ сущности злостно подготовлять потомкамъ множество враговъ. Совершенно естественно спросить себя, развѣ эта глупая филантропія, желающая лишь смягчить бѣдствіе даннаго момента и упорно закрывающая глаза на косвенный вредъ, не производитъ большую сумму бѣдствій, чѣмъ крайній эгоизмъ. Отстраняя мысль объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ своей легкомысленной щедрости, человѣкъ, дающій безъ всякаго разбора, едва ли много выше пьяницы, думающаго только о сегодняшнемъ удовольствіи и не помышляющаго о завтрашнемъ горѣ, или мота, который ищетъ ежечасно развлеченій, хотя бы это его окончательно разорило. Въ одномъ отношеніи такой благотворитель даже хуже ихъ, потому что, наслаждаясь въ данный моментъ пріятнымъ чувствомъ дѣлать добро, онъ предоставляетъ другимъ грядущія бѣды, отъ которыхъ избавляется самъ. Онъ дѣлаетъ проступокъ, заслуживающій еще большаго порицанія; онъ соритъ деньгами подъ вліяніемъ невѣрнаго толкованія изреченія, что „милостыня искупаетъ множество грѣховъ". У многочисленныхъ людей, воображающихъ вслѣдствіе такого ложнаго толкованія, что раздачею щедрой милостыни можно искупить свои дурныя дѣянія, мы можемъ признать по истинѣ низкія побужденія. Стараются заполучить хорошее мѣсто на томъ свѣтѣ, не заботясь, какъ это отзовется на людяхъ, остающихся на землѣ".

Но помимо благотворительности въ собственномъ смыслѣ, имѣющей цѣлью попросту помогать нуждающимся, которые не могутъ или не хотятъ работать, другая задача состоитъ въ томъ, не должно ли государство, согласно притязаніямъ соціалистовъ, взять на себя раздачу работы нуждающимся въ ней и ищущимъ ее.

Эта теорія, очевидно, вытекаетъ изъ понятій латинской расы о государствѣ, и мы не намѣрены ее здѣсь разбирать. Не касаясь принципіальной стороны, намъ будетъ достаточно просто изслѣдовать, можетъ ли государство выполнить роль, которую хотятъ ему навязать. Такъ какъ требованіе права на работу уже не ново, и опытъ былъ сдѣланъ нѣсколько разъ, то отвѣтъ найти совсѣмъ не трудно.

Національное собраніе и конвентъ, издавъ въ 1791 и 1793 гг. декретъ о созданіи учрежденія, предназначеннаго „давать работу дѣйствительнымъ бѣднякамъ, не могущимъ ее достать“, и подтвердивъ, что „общество обязано поддержать существованіе несчастныхъ гражданъ“, основали національныя мастерскія. Въ 1791 г. онѣ дали въ Парижѣ работу 31000 людей съ платой по 40 су въ день. Эти рабочіе приходили въ мастерскія къ 10 часамъ утра, уходили въ три, а во время перерывовъ работы только и занимались тѣмъ, что пьянствовали и играли въ карты. Что касается надзирателей за работами, то когда ихъ спрашивали, они попросту отвѣчали, что не могутъ заставить повиноваться себѣ, если не хотятъ быть зарѣзанными.

*

„Такую же картину, пишетъ Шейсонъ, представляли наши національныя мастерскія 1848 г., а когда ихъ задумали уничтожить, то это привело къ кровавымъ іюньскимъ днямъ".

„Любопытно отмѣтить, что несмотря на уроки исторіи, этотъ предразсудокъ относительно права на трудъ сохранилъ приверженцевъ. Недавно въ Эрфуртѣ состоялся шестой евангелическо-соціальный конгрессъ (родъ парламента реформатскихъ церквей), сильно проникнутый духомъ христіанскаго соціализма. Въ отвѣтъ на докладъ почтеннаго публициста, де Массона, дѣятельнаго сотрудника пастора Бодельшвинга въ дѣлѣ созданія колоній для рабочихъ, конгрессъ постановилъ, что „устраненіе, въ предѣлахъ возможности, прискорбнаго соціальнаго бича, какимъ является незаслуженная „безработица", должно составлять строгую обязанность каждаго правильно устроеннаго государства. Это смягченная формула требованія „права на трудъ".

По соціалистической системѣ новыя національныя мастерскія должны быть организованы государствомъ. Стоитъ только посѣтить наши арсеналы, чтобы увидѣть—къ чему можетъ привести такая организація.

Локруа, бывшій морской министръ, указывалъ въ газетѣ Temps отъ 2 ноября 1906 г., что „одна тонна судового снаряженія" стоитъ 141 фр. въ Брестѣ, 220 фр. въ Лоріанѣ и 460 фр. въ Рошфорѣ.

Ясно—къ чему могутъ привести теорія права на трудъ и вмѣшательство государства. Вопросъ, разбираемый въ этомъ параграфѣ, въ продолженіе долгаго времени занималъ великіе умы, и никто изъ нихъ не могъ даже близко подойти къ его разрѣшенію. Впрочемъ понятно, что если бы это рѣшеніе было найдено, то соціальный вопросъ былъ бы въ большей своей части разрѣшенъ.

Именно потому, что онъ до сихъ поръ не разрѣшенъ, соціализмъ, имѣющій притязаніе разрѣшать неразрѣшимыя задачи и не останавливающійся ни

передъ какими обѣщаніями, является въ настоящее время такимъ опаснымъ. Онъ имѣетъ союзниковъ въ лицѣ всѣхъ обездоленныхъ, придавленныхъ жизнью, всѣхъ неприспособленныхъ, происхожденіе которыхъ нами уже объяснено. Онъ представляетъ собою для нихъ тотъ послѣдній лучъ надежды, который никогда не угасаетъ въ сердцѣ человѣка. Но обѣщанія соціализма неминуемо окажутся тщетными, ибо ничто не въ силахъ измѣнить законы природы, управляющіе нашей судьбой; его безсиліе обнаружится въ глазахъ всѣхъ немедленно вслѣдъ за его торжествомъ, и онъ пріобрѣтетъ себѣ враговъ въ лицѣ той самой толпы, которую онъ соблазнилъ и которая теперь возлагаетъ на него всѣ свои упованія. Послѣ новаго разочарованія, человѣкъ снова возьмется за вѣчную работу созданія иллюзій, могущихъ очаровать его душу на нѣкоторое время.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Развитіе соціальной организаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники и распредѣленіе богатствъ: умственныя способности, капиталъ и трудъ.

§ 1. *Умственныя способности.* Ихъ роль въ современномъ міровомъ развитіи. Онѣ главнымъ образомъ создаютъ богатства, которыми пользуются всѣ трудящіеся. Работа ремесленника приноситъ пользу только ему одному, работа изобрѣтателя предоставляетъ выгоды всѣмъ трудящимся. Способности небольшого числа избранныхъ производятъ больше богатствъ, чѣмъ работа всего остального народонаселенія. Соціалистамъ ненавистны умственныя способности. На чемъ, съ ихъ точки зрѣнія, основана эта ненависть.

§ 2. *Капиталъ.* Его роль. Услуги, оказываемыя капиталистомъ работникамъ пониженіемъ заводской стоимости товаровъ. Современное раздробленіе капитала среди значительнаго числа лицъ. Прогрессивное дробленіе общественнаго состоянія. Что произошло бы при равномѣрномъ распредѣленіи общественнаго состоянія между всѣми трудящимися. Прогрессивное сокращеніе доходовъ акціонеровъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій и постоянное повышеніе заработка рабочихъ. Прибыли акціонеровъ все болѣе и болѣе клонятся къ исчезновенію. Современное положеніе недвижимаго имущества. Почему крупная земельная собственность

не является уже источникомъ обогащенія и все болѣе и болѣе раздробляется. Это наблюдается какъ во Франціи, такъ и въ Англіи.

§ 3. *Трудъ.* Современныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Никогда еще положеніе рабочихъ не было такимъ цвѣтущимъ, какъ теперь. Постоянное возрастаніе заработной платы. Она часто превышаетъ доходъ свободныхъ профессій. Только положеніе рабочихъ постоянно улучшается.

§ 4. *Отношенія между капиталомъ и трудомъ. Хозяева и рабочіе.* Возрастающая враждебность рабочихъ къ капиталу. Полнѣйшее непониманіе управляетъ нынѣ отношеніями между рабочими и хозяевами. Недостаточныя психологическія знанія хозяевъ при сношеніяхъ съ рабочими. Хозяинъ въ современной крупной промышленности. Хозяева и рабочіе образуютъ теперь два всегда враждующихъ лагеря.

Современныя научныя и техническія открытія подвергаютъ общество глубокой эволюціи. Мы уже указывали на это во многихъ отдѣлахъ нашего труда. Намъ остается точно опредѣлить, въ настоящей и слѣдующихъ главахъ, самыя существенныя характерныя черты этой эволюціи.

Главнѣйшія современныя соціальныя преобразованія вытекаютъ изъ вопроса о распредѣленіи богатствъ. Прежде чѣмъ изслѣдовать, какимъ образомъ богатство можетъ распредѣлиться, необходимо знать, какъ оно образуется. Это мы и разсмотримъ прежде всего.

Соціалисты почти только и признаютъ два источника богатства: капиталъ и трудъ, и протестуютъ противъ того, что капиталъ присваиваетъ себѣ слишкомъ большую долю. Не будучи въ состояніи отрицать необходимости капитала въ современной промышленности, они по крайней мѣрѣ мечтаютъ объ уничтоженіи капиталистовъ.

Между тѣмъ, кромѣ капитала и труда, существуетъ еще источникъ богатства: умственныя способности. Соціалисты обыкновенно придаютъ имъ малое значеніе. Дѣйствіе этого фактора, однако, имѣетъ преобладающее значеніе, и поэтому мы начнемъ наше разслѣдованіе именно съ него.

§ 1. Умственныя способности.

При первыхъ проблескахъ цивилизаціи роль умственныхъ способностей была немного выше, чѣмъ ручного труда. Съ развитіемъ наукъ и промышленности эта роль взяла такой перевѣсъ, что значеніе ея нельзя не признать первостепеннымъ. Трудъ темнаго чернорабочаго приноситъ пользу только ему одному, *) между тѣмъ какъ плоды умственныхъ способностей обогащаютъ все человѣчество. Въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ, одинъ соціалистъ утверждалъ, что „нѣтъ людей, которые могли бы при реальныхъ данныхъ человѣческаго существованія быть человѣчески равносильными ста тысячамъ людей“. Напротивъ, очевидно, что такіе люди есть: менѣе чѣмъ за одно столѣтіе можно назвать, начиная со Стефенсона и кончая Пастеромъ, цѣлый рядъ замѣчательныхъ изобрѣтателей, стоющихъ каждый въ отдѣльности гораздо болѣе ста тысячъ людей и не только въ силу теоретическаго значенія изобрѣтеній, созрѣвшихъ въ ихъ умахъ, но также въ виду богатствъ, которыя эти изобрѣтенія распространили по

*) И тѣмъ немногимъ, кто пользуется его трудомъ. *Примѣч. перев.*

всему міру, и благодѣяній, которыя извлекли изъ нихъ всѣ трудящіеся *). Если въ день Страшнаго Суда дѣла будутъ взвѣшиваться по ихъ дѣйствительной стоимости, то какой громадный вѣсъ будутъ имѣть творенія этихъ гигантовъ генія? Ихъ открытіямъ обязана большая часть существующаго въ мірѣ капитала. Англійскій экономистъ Маллокъ оцѣниваетъ часть, которая должна быть отнесена на счетъ способностей небольшого числа выдающихся людей, въ одну треть современныхъ доходовъ Англіи. Это небольшое число избранныхъ производитъ гораздо больше, чѣмъ все остальное народонаселеніе. Исторію цивилизаціи въ дѣйствительности составляетъ только исторія великихъ людей, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ теченіе вѣковъ. Народы, не обладавшіе такими людьми, не имѣли ни цивилизаціи, ни исторіи.

Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ отказываются признать всю важность умственнаго превосходства. Марксъ

*) Даже не касаясь великихъ изобрѣтеній въ родѣ желѣзнодорожной паровой машины и др., можно было бы назвать сотни изобрѣтеній, принесшихъ пользу всѣмъ трудящимся. Нѣкоторыя изобрѣтенія, какъ напр. выплавка стали изъ чугуна по способу Бессемера, произвели переворотъ въ промышленности и дали работу милліонамъ рабочихъ. До того цѣна одной тонны стали составляла 1.500 франковъ и потребленіе ея не превышало 50.000 тоннъ. Послѣ упомянутаго изобрѣтенія цѣна упала до 150 франковъ и потребленіе увеличилось въ двадцать разъ. Сталь замѣнила дерево при постройкѣ кораблей и камень при возведеніи большихъ зданій. Можно предвидѣть, какія препятствія встрѣтили бы аналогичныя изобрѣтенія при соціалистическомъ режимѣ, имѣя въ виду оппозицію, которую они иногда вызываютъ со стороны организованныхъ въ корпораціи ученыхъ. Когда Бессемеръ познакомилъ со своимъ открытіемъ въ 1856 году „Британскую ассоціацію преуспѣянія въ наукахъ", оно было признано настолько не интереснымъ, что изобрѣтателю отказали помѣстить трактующій объ этомъ мемуаръ въ отчетахъ „Ассоціаціи".

подразумѣваетъ подъ работой лишь ручной трудъ и отодвигаетъ на второй планъ значеніе изобрѣтеній, способностей, умѣнья управлять дѣломъ, которыя однако преобразовали міръ.

Эта ненависть соціалистовъ къ умственнымъ способностямъ довольно основательна, такъ какъ именно эти способности будутъ вѣчнымъ препятствіемъ, о которое будутъ разбиваться идеи соціалистовъ о всеобщемъ равенствѣ. Предположимъ, что мѣрою, аналогичною съ отмѣною Нантскаго эдикта,—которою соціалисты, будь они у власти, очень скоро воспользовались бы—всѣ выдающіеся умы Европы: ученые, артисты, промышленники, изобрѣтатели, цвѣтъ рабочихъ и т. д. были бы изгнаны изъ цивилизованныхъ странъ и принуждены искать убѣжища на какомъ нибудь необитаемомъ островѣ. Допустимъ еще, что они уйдутъ туда безъ гроша денегъ. И все-таки, внѣ сомнѣнія, этотъ островъ, какимъ бы бѣднымъ мы его себѣ ни представили, скоро сдѣлается первой страной міра по культурѣ и богатству. Богатство это вскорѣ позволило бы его владѣльцамъ содержать сильную наемную армію и обезпечить свою безопасность.

§ 2. Капиталъ.

Капиталъ обнимаетъ собою всѣ предметы, представляющіе извѣстную продажную цѣнность: товары, принадлежности работы, дома, земли и т. п. Деньги— только замѣняющіе ихъ знаки, торговая единица,

помогающая оцѣнкѣ и обмѣну различныхъ предметовъ.

Для соціалистовъ трудъ является единственнымъ источникомъ и мѣриломъ цѣнности. Капиталъ лишь часть неоплаченнаго труда, украденная у рабочаго.

Было бы безполезно терять время на споры по поводу такихъ воззрѣній, уже не разъ опровергнутыхъ. Капиталъ представляетъ собой накопившуюся сумму физическаго и въ особенности умственнаго труда. Именно капиталъ вывелъ человѣка изъ рабства древнихъ временъ и въ особенности изъ порабощенія его природою и составляетъ теперь оплотъ всякой цивилизаціи. Облавы и преслѣдованія заставили бы капиталъ бѣжать или скрываться и тѣмъ самымъ убили бы промышленность, которую онъ пересталъ бы поддерживать, а затѣмъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, уничтожился бы и всякій заработокъ. Это прописныя истины, не требующія никакихъ доказательствъ.

Польза капитала въ крупной промышленности до того очевидна, что, хотя всѣ соціалисты и высказываются за уничтоженіе капиталистовъ, они почти не говорятъ уже объ уничтоженіи самаго капитала. Крупный капиталистъ оказываетъ громадныя услуги публикѣ пониженіемъ заводскихъ и рыночныхъ цѣнъ предметовъ. Крупный промышленникъ крупный представитель ввоза, большой магазинъ могутъ довольствоваться 5—6 % дохода и продавать, слѣд., продукты гораздо дешевле мелкаго промышленника и мелкаго торговца, принужденныхъ увеличивать цѣну

своихъ товаровъ на 40—50 %, чтобы покрыть свои расходы и просуществовать. [1])

Въ настоящее время богатство и число обладателей имъ значительно увеличились. Можно судить объ этомъ по слѣдующимъ цифрамъ, взятымъ изъ одного труда, доложеннаго Статистическому Обществу и опубликованнаго въ правительственной газетѣ 27-го іюня 1896 г. Онѣ даютъ очень интересныя и, повидимому, точныя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, какъ большинство цифръ, приводимыхъ статистиками.

Номинальный капиталъ французскихъ рентъ, составлявшій въ 1800 г. 713 милліоновъ, достигъ въ 1830 г. 4.426 милліоновъ, въ 1852 г.—5.516 милліоновъ и въ 1896 г.—26 милліардовъ фр.

Число подписчиковъ на ренты, составлявшее въ 1830 г. 195.000, составило въ 1895 г. 5 милліоновъ. Стало быть, сравнительно съ 1814 годомъ, [2]) число

[1]) Такія повышенія цѣнъ бываютъ иногда еще значительнѣе. Изъ одного документа, помѣщеннаго въ нѣсколькихъ газетахъ, усматривается, что стоимость предметовъ первой необходимости иногда учетверяется посредниками. Ограничимся однимъ примѣромъ: огородникъ, посылающій въ Парижъ партію салата въ 150 килогр. получаетъ не полныхъ 10 фр. изъ 45 фр., составляющихъ приблизительно продажную цѣну публикѣ на рынкѣ. „Можно сказать, замѣчаетъ авторъ статьи, что, при покупкѣ на парижскихъ рынкахъ съѣстныхъ припасовъ, мѣстные потребители платятъ 5 фр. за продукты, которые производители департамента продаютъ по 1 фр.“ Легко понять, какую выгоду получила бы публика, если бы крупные капиталисты могли захватить въ свои руки торговлю продовольствіемъ, какъ они это сдѣлали съ торговлей готовымъ платьемъ.

[2]) Этотъ годъ указанъ и въ подлинникѣ. *Примѣч. перев.*

лицъ, живущихъ доходами, увеличилось въ 25 разъ. *)

Число участниковъ промышленныхъ предпріятій также все увеличивается. Акціи поземельнаго кредита, принадлежавшія въ 1888 г. 22.000 лицъ, въ настоящее время принадлежатъ 40.000 лицъ.

Такое же раздробленіе усматривается и по отношенію къ акціямъ и облигаціямъ желѣзнодорожныхъ обществъ: онѣ распредѣлены между двумя милліонами лицъ.

Мы скоро увидимъ, что то же явленіе наблюдается по отношенію къ недвижимому имуществу. Почти двѣ трети Франціи въ рукахъ 6 милліоновъ владѣльцевъ. Леруа-Болье приходитъ къ такому окончательному заключенію: „три четверти накопленныхъ состояній и, по всей вѣроятности, около четырехъ пятыхъ государственнаго дохода—въ рукахъ рабочихъ, крестьянъ, мелкихъ буржуа и мелкихъ капиталистовъ". Зато крупныя состоянія встрѣчаются все рѣже. Статистики опредѣляютъ самое большее двумя процентами число семей, имѣющихъ 7500 фр. дохода. Изъ 500.000 ежегодныхъ наслѣдствъ только 2.600 превышаютъ капиталъ въ 20.000 фр.

*) Не надо однако забывать, что эти цифры не безусловныя, такъ какъ одно и то же лицо можетъ имѣть и даже по необходимости имѣетъ нѣсколько листовъ процентныхъ бумагъ. Согласно выпискѣ, которую я получилъ изъ министерства финансовъ, число подписокъ именныхъ и на предъявителя составляло въ концѣ 1896 г. 4.522.449 (а не 5.000.000, какъ заявлено въ докладѣ, про который я только что говорилъ). Конечно, несмотря на выводы упомянутаго статистика, неизвѣстно, между сколькими лицами эти листы были распредѣлены.

Такимъ образомъ капиталъ все болѣе и болѣе раздробляется среди значительнаго числа лицъ, и это потому, что онъ постоянно растетъ. Экономическіе законы хотя и отвѣчаютъ въ данномъ случаѣ мечтамъ соціалистовъ, но способы раздробленія капитала очень различаются отъ тѣхъ, какіе восхваляются ими; раздробленіе происходитъ не отъ сокращенія капиталовъ, а отъ изобилія ихъ.

Можно однако спросить, что произошло бы при равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми общаго благосостоянія извѣстной страны и что выиграли бы отъ этого трудящіеся классы. На этотъ вопросъ легко отвѣтить.

Предположимъ, что, согласно желанію нѣкоторыхъ соціалистовъ, раздѣлили бы 220 милліардовъ, составляющихъ состояніе Франціи, между 38-ю милліонами ея жителей. Допустимъ также, что представилось бы возможнымъ реализовать это состояніе въ денежныхъ знакахъ, что очевидно невозможно, такъ какъ существуетъ лишь отъ 7 до 8 милліардовъ золота или серебра, *) остальная же часть заключается въ домахъ, заводахъ, земляхъ и всевозможныхъ предметахъ. Допустимъ еще, что при объявленіи о предстоя-

*) Согласно мнѣнію экономистовъ, на всемъ свѣтѣ существуетъ только 24 милліарда золотой и 20 милліардовъ серебряной монеты. Если бы ихъ раздѣлили между 1.500 милліоновъ народонаселенія земли, то каждому пришлось бы по 29 фр. Самая богатая страна въ мірѣ, Соединенные Штаты, владѣетъ лишь 8-ю милліардами звонкой монеты. Состоянія многочисленныхъ милліардеровъ Штатовъ состоятъ большею частью изъ бумагъ. Звонкая монета пріобрѣтаетъ свою цѣнность только благодаря быстрому своему обращенію.

щемъ раздѣлѣ цѣна движимыхъ имуществъ не падаетъ до нуля въ продолженіе сутокъ. При допущеніи всѣхъ этихъ несообразностей каждый субъектъ имѣлъ бы капиталъ приблизительно въ 5.500 фр., приносящій 165 фр. дохода. Надо почти не знать человѣческую натуру, чтобы не быть увѣреннымъ въ томъ, что неспособность и мотовство съ одной стороны и бережливость, энергія и способности съ другой—не сдѣлаютъ скоро свое дѣло и не возстановятъ весьма скоро неравенства состояній. Если, вмѣсто общаго раздѣла, ограничились бы раздѣломъ только крупныхъ состояній и, напримѣръ, конфисковали бы всѣ доходы свыше 25.000 фр., чтобы распредѣлить ихъ между прочими категоріями гражданъ, то доходъ этихъ послѣднихъ увеличился бы лишь на $4^{1}/_{2}$ %. Лицо, получающее теперь 1.000 фр. вознагражденія за годовой трудъ, имѣло бы тогда 1.045 фр. *) Взамѣнъ такой незначительной прибавки, торговля и многія отрасли про-

*) Правда, въ этомъ заключается одна только матеріальная сторона вопроса. Онъ имѣетъ еще психологическую сторону, которою не слѣдуетъ пренебрегать. Вотъ чѣмъ возмущаютъ слишкомъ крупныя состоянія и вызываютъ противъ себя столько жалобъ: во-первыхъ—ихъ происхожденіе, зачастую основанное на настоящихъ финансовыхъ грабежахъ; во-вторыхъ—громадное могущество, которое они предоставляютъ своимъ владѣльцамъ, позволяя имъ покупать рѣшительно все, до званія членовъ самыхъ ученыхъ академій включительно, и въ-третьихъ—скандальный образъ жизни, который ведутъ наслѣдники созидателей этихъ состояній.

Очевидно, что промышленникъ, обогатившійся продажею за дешевую цѣну продуктовъ, стоившихъ до него дорого, или создавшій новую промышленную отрасль, вродѣ превращенія чугуна въ сталь, новаго способа отопленія и т. п., обогащаясь, оказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ услугу обществу. Дѣло обстоитъ совершенно иначе, когда финансисты наживаютъ

мышленности, которыя даютъ возможность существовать милліонамъ лицъ, были бы совершенно уничтожены. Разореніе трудящихся стало бы общимъ, и судьба ихъ была бы гораздо хуже, чѣмъ теперь.

Одновременно съ раздробленіемъ капиталовъ, что должно бы вызвать восторженное одобреніе всѣхъ искреннихъ соціалистовъ, наблюдается еще сокращеніе доходовъ съ капиталовъ, вложенныхъ во всѣ промышленныя предпріятія, между тѣмъ какъ, напротивъ, заработокъ рабочихъ постоянно повышается.

Гарзе, инспекторъ рудниковъ въ Бельгіи, выяснилъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ, при незначительномъ измѣненіи расходовъ на эксплоатацію, составлявшихъ около 38 %, прибыли акціонеровъ постепенно уменьшились болѣе чѣмъ на половину, между тѣмъ какъ доходы рабочихъ значительно увеличились.

Исчислено, что, въ случаѣ предоставленія рабочимъ нѣкоторыхъ предпріятій всѣхъ прибылей, каждый изъ нихъ получилъ бы въ среднемъ лишнихъ

огромныя комиссіонныя, создавая свое состояніе единственно посредствомъ помѣщенія въ публикѣ цѣлой серіи займовъ неблагонадежныхъ государствъ или акцій недобросовѣстныхъ обществъ, получая при этомъ огромный куртажъ. Ихъ колоссальныя состоянія являются лишь суммою безнаказанныхъ кражъ, и всѣ страны должны найти когда нибудь способъ—будь то огромныя пошлины на наслѣдство или спеціальные налоги—для воспрепятствованія имъ создавать государство въ государствѣ. Эта необходимость озабочивала уже многихъ великихъ мыслителей. Вотъ какъ высказывается по этому поводу Джонъ - Стюартъ Милль: „право завѣщанія - одна изъ привилегій собственности, которая можетъ быть съ пользою урегулирована въ интересахъ общественной выгоды; лучшій способъ помѣшать сосредоточенію большихъ состояній въ рукахъ лицъ, не добывшихъ ихъ своимъ трудомъ, состоитъ въ установленіи предѣла для пріобрѣтеній путемъ завѣщанія или по праву наслѣдства“.

86 фр. въ годъ. Впрочемъ это продолжалось бы недолго. При такомъ предположенiи предпрiятiе, предоставленное неминуемо управленiю самихъ рабочихъ, скоро оказалось бы въ затруднительномъ положенiи, и въ концѣ концовъ рабочiе наживали бы гораздо меньше, чѣмъ при нынѣшнемъ положенiи дѣлъ.

То же явленiе, т. е. увеличенiе заработной платы за счетъ процентовъ съ капитала, наблюдается всюду. По словамъ Д. Золля земледѣльческая плата поднялась на 11 % въ то время, какъ поземельный капиталъ понизился на 25%. Въ Англiи, согласно заявленiю Лаволлэ, за тридцать лѣтъ доходъ рабочихъ классовъ увеличился на 59%, а доходы зажиточныхъ классовъ упали на 30%.

Заработная плата рабочаго несомнѣнно будетъ такимъ образомъ все повышаться, пока не останется въ наличности только необходимый минимумъ для вознагражденiя не капитала, затраченнаго на предпрiятiе, а просто администрацiи, необходимой для управленiя имъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, законъ въ настоящiй моментъ, но наврядъ ли онъ останется въ силѣ въ будущемъ. Затраченные въ прежнихъ предпрiятiяхъ капиталы не могутъ избѣжать грозящаго имъ исчезновенiя; но въ будущемъ капиталы сумѣютъ лучше защищаться. При разсмотрѣнiи синдикатовъ промышленнаго производства мы увидимъ, какъ они теперь организуютъ свою защиту.

Современный работникъ находится въ фазѣ, которая не повторится: онъ можетъ диктовать свои за-

коны и безнаказанно истощать источникъ доходовъ. Во всѣхъ старыхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ: транспортированія кладей, трамвайныхъ, желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ, рудокопныхъ и др., рабочіе синдикаты увѣрены, что постепенно дойдутъ до требованія всѣхъ прибылей и остановятся въ тотъ опредѣленный моментъ, когда дивидендъ акціонера сведется къ нулю и когда отъ прибылей останется какъ разъ столько, сколько нужно уплатить дирекціи и администраціи предпріятія. Извѣстно изъ множества примѣровъ, съ какой удивительной уступчивостью переноситъ акціонеръ со стороны государства или частныхъ компаній—сокращеніе, а затѣмъ и полное исчезновеніе своихъ доходовъ. Бараны не подставляютъ съ бо́льшею кротостью свою шею мяснику.

Упомянутое явленіе постепеннаго уменьшенія дохода акціонеровъ, клонящагося къ совершенному его исчезновенію, замѣчается теперь въ большомъ размѣрѣ у латинскихъ народовъ. Вслѣдствіе индифферентизма и позорной слабости администраторовъ разныхъ обществъ всѣ требованія лицъ, соединенныхъ въ синдикатъ, немедленно удовлетворяются. Конечно, все это можетъ осуществляться лишь за счетъ прибылей акціонеровъ. Естественно, требованія членовъ этихъ союзовъ вскорѣ возобновляются, и, понятно, тѣ же трусливые администраторы, ничего лично не теряющіе, продолжаютъ уступать, отъ чего происходитъ новое сокращеніе дивиденда, а значитъ и уменьшеніе стоимости акцій. Такой рядъ операцій можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока акціи, потерявшія

дивидендъ, уже не будутъ представлять никакой цѣнности. Благодаря этому остроумному способу обиранія, многія изъ нашихъ промышленныхъ предпріятій приносятъ все менѣе и менѣе дохода и черезъ нѣсколько лѣтъ не будутъ приносить ровно ничего. Дѣйствительные владѣльцы предпріятія будутъ постепенно и совершенно исключены, что и составляетъ мечту коллективизма. Трудно сказать, какимъ образомъ можно будетъ тогда привлекать акціонеровъ къ основанію новыхъ предпріятій. Уже теперь замѣчается вполнѣ справедливое недовѣріе и стремленіе переводить капиталы въ другія страны, гдѣ они менѣе подвержены опасности. Удаленіе капиталовъ, а также способныхъ людей, было бы первымъ послѣдствіемъ полнаго торжества соціалистовъ.

Оба явленія, отмѣченныя нами относительно движимаго имущества: постепенное увеличеніе раздробленія капитала и сокращеніе его доходности, вслѣдствіе прогрессивнаго увеличенія доли, приходящейся на рабочихъ, равнымъ образомъ усматриваются и въ отношеніи недвижимаго имущества. По докладу Е. Тиссерана перепись за послѣднее десятилѣтіе показываетъ, что во Франціи эксплоатируется подъ земледѣліе $49^1/_2$ милліоновъ гектаровъ. Они распадаются на 5.672.000 хозяйствъ; только $2^1/_2\%$ изъ нихъ заняты крупнымъ земледѣліемъ, т. е. обладаютъ площадью, превышающею 40 гектаровъ. Но эти $2^1/_2\%$ хозяйствъ заключаютъ въ себѣ 45% всей земли. Поэтому, если мелкія хозяйства и получили очень большой численный перевѣсъ, то одновременно замѣчается, что около

половины всей земли принадлежитъ только упомянутымъ $2^1/_2$ % общаго числа хозяйствъ.

Такимъ образомъ крупныя владѣнія все-таки еще представляютъ во Франціи около половины всей территоріи; но ясно, что они не смогутъ долго продержаться, именно въ силу постоянно сокращающейся доли, оставляемой капиталу во всѣхъ предпріятіяхъ. Причины предстоящаго исчезновенія крупныхъ владѣній легко объясняются.

Земледѣліемъ занимается около $8^1/_2$ милліоновъ людей *), изъ коихъ болѣе половины являются собственниками обработываемой земли, а остальные существуютъ заработками. Если же сравнить земледѣльческую статистику съ 1856 по 1886 г. (послѣдняя опубликована съ нѣкоторыми подробностями), то окажется, что число земледѣльцевъ немного уменьшилось, а число собственниковъ, занимающихся земледѣліемъ,

*) Эти цифры сильно измѣняются въ зависимости отъ способа пользованія матеріаломъ переписей. Вотъ результаты переписи 1896 года состава промышленныхъ отраслей и профессій во Франціи, приведенные въ *l'Office du travail* и изложенные де Фле въ *l'Economiste français*. Я беру круглыя цифры:

Земледѣльцевъ	8.502.000	обоего пола
Промышленниковъ	5.605.000	„ „
Купцовъ	2.287.000	„ „
Свободныхъ профессій	339.000	„ „
Мастеровъ и ремесленниковъ (парикмахеровъ и т. п.) . .	52.000	„ „
Прислуги	917.000	„ „
Чиновниковъ	689.000	„ „
	18.391.000	обоего пола.

Изъ числа 38.500.000 французовъ почти половина принимаетъ участіе въ національномъ трудѣ, и въ этомъ числѣ заключается болѣе шести милліоновъ женщинъ.

напротивъ, увеличилось. Кажущаяся убыль земледѣльцевъ, которая такъ озабочиваетъ нѣкоторыхъ писателей, не болѣе какъ *простой результатъ возрастающаго распространенія мелкаго землевладѣнія.*

Это увеличеніе числа земельныхъ собственниковъ составляетъ явленіе совершенно параллельное увеличенію числа владѣльцевъ движимыхъ цѣнностей.

Если число занимающихся собственноручно земледѣліемъ возрастаетъ, то ясно, что число фермеровъ, арендаторовъ и наемныхъ работниковъ должно сократиться. Оно должно тѣмъ болѣе уменьшиться, особенно по отношенію къ послѣднимъ, что дорогой ручной трудъ все болѣе и болѣе вытѣсняется замледѣльческими машинами. Точно также способствовало этому и развитіе культуры кормовыхъ травъ, увеличившейся съ 1862 г. на одну четверть и требующей гораздо меньшаго числа работниковъ. Слѣдовательно, если деревня нѣсколько опустѣла, то это лишь въ виду того, что ей требуется меньше рабочихъ рукъ. Но недостатка въ нихъ никогда не было. Рабочихъ рукъ слишкомъ достаточно. Вотъ въ головахъ иногда дѣйствительно ощущается маленькій недостатокъ.

Очевидно мелкое землевладѣніе не можетъ быть очень производительнымъ, однако оно кормитъ тѣхъ, кто имъ занимается. Они конечно получаютъ меньше, работая на себя, чѣмъ если бы они работали на другихъ; но большая разница работать на себя или на хозяина.

Положеніе крупныхъ помѣщиковъ дѣлается, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, все ненадежнѣе, и вотъ почему, какъ я говорилъ выше, они должны

исчезнуть. Ихъ земли обречены на раздробленіе въ ближайшемъ будущемъ. Неспособные лично обрабатывать свои земли и видя, что онѣ приносятъ все менѣе и менѣе дохода, вслѣдствіе конкуренціи иностраннаго зерна и увеличивающихся требованій работниковъ, они принуждены постепенно отказываться отъ обработки, требующей иногда гораздо большихъ издержекъ, чѣмъ получаемые отъ нея доходы *). Въ концѣ концовъ имъ придется продать свои земли частями мелкимъ собственникамъ, лично занимающимся хозяйствомъ. Эти послѣдніе, не несущіе никакихъ издержекъ и затрачивающіе незначительную сумму на выдачу жалованья, будутъ, въ виду дешевизны пріобрѣтенія имѣній, жить въ довольствѣ доходомъ отъ земли, на которой крупнымъ владѣльцамъ жилось очень плохо. Большія помѣстья будутъ скоро предметомъ безполезной роскоши. Они еще признакъ, но отнюдь не источникъ богатства.

Явленія, только что указанныя мною, наблюдаются всюду и особенно въ странахъ, изобилующихъ крупными владѣніями, какъ напр. въ Англіи. Они происходятъ, какъ я уже сказалъ, отъ возрастающихъ требованій рабочаго населенія, совпадающихъ съ уменьшеніемъ цѣнъ на произведенія почвы, вслѣдствіе иностранной конкуренціи, вызванной народами, у которыхъ земля не цѣнится, какъ въ Америкѣ, или

*) Въ Энскомъ департаментѣ, при тяжеломъ пахотномъ грунтѣ, говорятъ, насчитывалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ 900 совершенно оставленныхъ значительныхъ фермъ; между тѣмъ никогда еще не называли тамъ ни одной маленькой собственности, заброшенной ея владѣльцемъ. Послѣднее наблюденіе относится равнымъ образомъ и къ Англіи.

у которыхъ не цѣнится ручной трудъ, какъ въ Индіи. Именно эта конкуренція, въ продолженіе немногихъ лѣтъ, заставила упасть цѣну нашего хлѣба на 25%, несмотря на покровительственныя пошлины, падающія, конечно, на всѣхъ потребителей хлѣба.

Въ Англіи, странѣ свободы, гдѣ нѣтъ законовъ, которые охраняли бы отъ иностранной конкуренціи, кризисъ свирѣпствуетъ во всей своей силѣ. Англійскіе порты завалены иностраннымъ зерномъ, а также привознымъ мясомъ. Корабли-ледники постоянно поддерживаютъ сношенія между Сиднеемъ, Мельбурномъ и Лондономъ. Они доставляютъ барановъ и быковъ, разрѣзанныхъ на части, по цѣнѣ 10 или 15 сант. за фунтъ, не говоря уже о маслѣ, привозимомъ нѣкоторыми изъ этихъ кораблей по 600.000 килогр. за одинъ рейсъ. Хотя мѣстные помѣщики сбавили арендную плату болѣе, чѣмъ на 30%, они почти ничего не наживаютъ. Въ замѣчательномъ изслѣдованіи де Манда-Грансэ упоминается, что онъ разсматривалъ отчетныя книги помѣщиковъ, земли которыхъ приносили нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ 500 до 800 тысячъ фр. дохода, а теперь приносятъ лишь отъ 10 до 12 тысячъ фр., вслѣдствіе неплатежа арендной платы. Отстранять неисправныхъ арендаторовъ нѣтъ смысла по той простой причинѣ, что нельзя найти согласныхъ платить. Арендаторы, хотя и не платятъ, но все-таки приносятъ пользу, поддерживая почву и не давая ей заглохнуть. Такимъ образомъ, англійскіе помѣщики будутъ принуждены, какъ и французскіе, о которыхъ я говорилъ выше, раздробить свои земли

и продать ихъ за безцѣнокъ мелкимъ земледѣльцамъ. Послѣдніе будутъ тогда получать отъ земли пользу, такъ какъ прежде всего они будутъ ее сами воздѣлывать, а затѣмъ и покупная цѣна земли будетъ незначительна.

Мнѣ кажется, не слѣдуетъ очень сожалѣть о томъ, что крупные помѣщики скоро будутъ всюду предназначены сдѣлаться жертвами развитія экономическихъ законовъ. Для будущаго общества большой интересъ въ томъ, чтобы собственность раздробилась до такой степени, чтобы каждый владѣлъ лишь тѣмъ, что онъ можетъ самъ обработывать. Результатомъ такого положенія вещей явилась бы очень прочная политическая устойчивость. Въ такомъ обществѣ соціализмъ не имѣлъ бы никакой надежды на успѣхъ.

Въ общемъ выводѣ все сказанное нами по поводу распредѣленія капитала подтверждается также и въ отношеніи распредѣленія земли. Дѣйствіемъ экономическихъ законовъ крупныя земельныя владѣнія обречены на гибель. Прежде чѣмъ соціалисты окончатъ свои споры о нихъ, самый предметъ этихъ споровъ исчезнетъ въ силу ничѣмъ непоколебимаго дѣйствія естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ то согласно съ нашими ученіями, то совершенно наперекоръ имъ, но всегда независимо отъ нихъ.

§ 3. Трудъ.

Приведенныя нами цифры показали возрастающую прогрессію прибылей труда и не менѣе возрастающую

убыль доходности капитала. Въ силу своей несомнѣнной необходимости капиталъ могъ въ теченіе долгаго времени предъявлять трудящимся свои требованія, но теперь роли въ значительной степени перемѣнились. Отношенія капитала къ труду, бывшія прежде отношеніями хозяина къ слугѣ, клонятся теперь къ обратному. Успѣхъ гуманитарныхъ идей, увеличивающееся равнодушіе управляющихъ предпріятіями къ интересамъ акціонеровъ, имъ незнакомыхъ, и въ особенности громадное распространеніе синдикатовъ мало по малу низвели капиталъ къ такой второстепенной роли.

Несмотря на громкіе протесты соціалистовъ, совершенно очевидно, что положеніе рабочихъ никогда еще не было такимъ цвѣтущимъ, какъ въ настоящее время. Принимая во вниманіе экономическіе законы, управляющіе міромъ, представляется весьма вѣроятнымъ, что трудящіеся переживаютъ золотой вѣкъ, котораго они больше не увидятъ. Никогда еще предъявляемыя ими требованія не уважались такъ, какъ теперь, никогда еще капиталъ не оказывалъ такъ мало притѣсненій и не выказывалъ такой малой требовательности.

Какъ справедливо замѣчаетъ англійскій экономистъ Маллокъ, за послѣдніе 60 лѣтъ доходъ рабочихъ классовъ значительно превышаетъ доходы остальныхъ классовъ. Они дѣйствительно располагаютъ гораздо большими средствами, чѣмъ располагали бы при переходѣ въ ихъ руки—согласно мечтамъ нѣкоторыхъ соціалистовъ—всего общественнаго состоянія.

Согласно заключенію де Фовиля, во Франціи воз-

награжденія рабочихъ съ 1813 года болѣе чѣмъ удвоились, между тѣмъ какъ деньги потеряли лишь треть своей цѣнности.

Въ Парижѣ около 60% рабочихъ имѣютъ ежедневный заработокъ отъ 5 до 8 фр., и согласно цифрамъ, опубликованнымъ въ l' Office du travail, вознагражденіе, получаемое лучшими рабочими, еще гораздо выше. Ежедневный заработокъ монтеровъ колеблется между 7 фр. 50 сант. и 9 фр. 50 сант., токарей—между 9—10 фр. Гранильщики драгоцѣнныхъ камней получаютъ до 15 фр. въ день; рабочіе электрическихъ станцій—отъ 6 до 10 фр., мѣдно-литейщики—отъ 8 фр. 50 сант. до 12 фр. 50 сант., желѣзопрокатчики—отъ 9 фр. до 10 фр. 75 сант.; обыкновенные подмастерья получаютъ 10 фр. въ день, а болѣе способные—до 800 фр. въ мѣсяцъ. Это такія вознагражденія, какихъ достигаютъ офицеры, судьи, инженеры, чиновники часто только послѣ долгихъ лѣтъ службы. Можно значитъ повторить съ Леруа-Болье: „Занимающійся ручнымъ трудомъ получаетъ больше всего выгодъ отъ нашей современной цивилизаціи. Кругомъ его всѣ положенія ухудшаются, его же собственное повышается.“ *)

*) Прочитывая рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, можно подумать, что только рабочій классъ достоинъ вниманія общества. И дѣйствительно, имъ занимаются больше всего. Крестьяне, которые гораздо многочисленнѣе, и, какъ я полагаю, настолько же должны были бы интересовать общество, пользуются весьма мало его вниманіемъ. Для рабочихъ учреждены пенсіонныя кассы, общества помощи и страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, дешевыя квартиры, кооперативныя общества, уменьшены налоги и т. д. Общественныя и частныя власти безъ конца извиняются въ томъ, что не все еще сдѣлали въ этомъ направленіи. Управляющіе промышленными предпріятіями тоже слѣдуютъ этому движенію и рабочаго окружаютъ теперь самыми разнообразными заботами.

§ 4. Отношенія между капиталомъ и трудомъ. Хозяева и рабочіе.

Несмотря на такое удовлетворительное положеніе современнаго работника, можно сказать, что никогда еще отношенія между хозяевами и рабочими, т. е. капиталомъ и трудомъ, не были болѣе натянутыми. Рабочій по мѣрѣ удовлетворенія его желаній становится все болѣе и болѣе требовательнымъ. Враждебность его къ хозяину растетъ по мѣрѣ получаемыхъ преимуществъ. Онъ пріобрѣтаетъ привычку видѣть въ лицѣ хозяина только врага; понятно и хозяинъ, со своей стороны, склоненъ считать своихъ сотрудниковъ лишь противниками, которыхъ онъ долженъ остерегаться, и отвращеніе къ которымъ онъ въ концѣ концовъ не можетъ болѣе скрывать.

Признавая вполнѣ чрезмѣрную требовательность и несомнѣнную неправоту рабочихъ, не слѣдуетъ однако отрицать и ошибокъ хозяевъ. Управленіе рабочимъ людомъ дѣло щекотливой и утонченной психологіи, требующее внимательнаго изученія человѣка. Современный хозяинъ, ведя дѣло издали съ безымянной толпой, почти совсѣмъ ея не знаетъ. Обладая нѣкоторымъ искусствомъ, можно было бы часто возстанавливать согласіе, что доказываетъ благосостояніе нѣкоторыхъ заводовъ, гдѣ хозяева и рабочіе составляютъ въ полномъ смыслѣ слова одну семью.

Не видя даже своихъ рабочихъ, современный хозяинъ обыкновенно руководитъ ими при посредствѣ управляющихъ, вообще мало искусныхъ.

Поэтому онъ и встрѣчаетъ со стороны рабочихъ лишь вражду и отвращенiе, несмотря на всѣ устраиваемыя для нихъ общества помощи, пенсiонныя кассы и т. п.,*) а также на увеличенiе заработной платы.

Оковы анонимной и, по необходимости, строгой дисциплины замѣнили прежнюю личную связь. Хозяинъ иногда заставляетъ себя бояться, но уже не умѣетъ заслужить любовь и уваженiе и лишенъ престижа. Не довѣряя своимъ рабочимъ, онъ не предоставляетъ имъ никакой инициативы и хочетъ всегда вмѣшиваться въ ихъ дѣла (я, разумѣется, говорю о народахъ латинской расы). Онъ учредитъ кассы вспомоществованiя, кооперативныя общества и т. п., но никогда не позволитъ самимъ рабочимъ управлять ими. Послѣднiе въ виду этого считаютъ такiя учрежденiя средствами порабощенiя, спекуляцiей и въ лучшемъ случаѣ презрѣнною благотворительностью. Они находятъ, что ихъ эксплоатируютъ и унижаютъ, и поэтому раздражены. Надо имѣть очень слабое

*) 97% рудниковыхъ обществъ выдаютъ пенсiи своимъ рабочимъ и, какъ указываетъ Леруа-Болье, болѣе половины прибылей этихъ обществъ расходуется на учрежденiя для помощи рудокопамъ. Всѣ директора промышленныхъ компанiй пошли по этому же пути, что имъ конечно крайне легко, такъ какъ всѣ расходы отъ такой филантропiи падаютъ на акцiонеровъ—людей, какъ всѣмъ извѣстно, такихъ, которыхъ можно стричь и безнаказанно брать съ нихъ всякiе поборы. Желѣзнодорожная компанiя Парижъ-Лiонъ тратитъ ежегодно 12 миллiоновъ фр. на разнаго рода благотворительныя учрежденiя; компанiя восточныхъ желѣзныхъ дорогъ раздаетъ ежегодно своимъ служащимъ 11 миллiоновъ фр. (57% дивиденда акцiонеровъ) независимо, конечно, отъ 55 миллiоновъ фр. жалованья, распредѣляемаго между его 36.000 служащихъ. Всѣ желѣзнодорожныя общества поступаютъ точно также, другими словами, проявляютъ одинаковую щедрость на счетъ своихъ акцiонеровъ.

представленіе о психологіи толпы, чтобы ожидать благодарности за коллективныя благодѣянія. Чаще всего они порождаютъ лишь неблагодарность и презрѣніе къ слабости того, кто такъ легко уступаетъ всякимъ требованіямъ*). Тутъ какъ разъ можно сказать, что способъ давать имѣетъ больше значенія, чѣмъ то, что даютъ. Синдикаты рабочихъ, которые, благодаря ихъ анонимности, могутъ проявлять и дѣйствительно проявляютъ тираннію гораздо болѣе жестокую, чѣмъ тираннія самаго неумолимаго хозяина, благоговѣйно почитаются. Они обладаютъ престижемъ, и рабочій всегда имъ повинуется даже тогда, когда это повиновеніе заставляетъ его лишиться заработка.

Хозяинъ современнаго большого промышленнаго предпріятія все болѣе и болѣе склоняется превратиться въ подчиненнаго на жалованьи какой нибудь

*) Любопытно, какъ этотъ фактъ подтвердился во время знаменитой забастовки въ Кармо. Директоръ завода далъ опытъ того, во что обходятся неразумная филантропія и слабость. Онъ платилъ своимъ рабочимъ больше другихъ и завелъ экономическія лавки, гдѣ рабочіе могли пріобрѣтать необходимые продукты продовольствія въ розницу по оптовымъ цѣнамъ. Достигнутые результаты ясно выражены въ слѣдующей выдержкѣ изъ одной бесѣды съ упомянутымъ директоромъ, помѣщенной въ газетѣ *Journal* отъ 13-го августа 1895 г.: „Рабочіе получали въ Кармо всегда больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Устанавливая болѣе высокую плату, я надѣялся, что могу быть увѣреннымъ въ спокойствіи. Такимъ образомъ я имъ выдавалъ ежегодно на 100.000 фр. больше, чѣмъ они получили бы на другомъ стеклянномъ заводѣ. И къ чему привела эта громадная жертва? Она создала мнѣ тѣ непріятности, какихъ я хотѣлъ во что бы то ни стало избѣжать“. Если бы директоръ обладалъ менѣе элементарной психологіей, онъ предвидѣлъ бы, что такія уступки должны были неизбѣжно вызвать новыя требованія. Въ первобытномъ состояніи всѣ существа всегда презирали доброту и слабость, чувства очень другъ къ другу близкія, и которыя у нихъ не пользуются никакимъ престижемъ.

компанiи и, слѣд., не видитъ надобности интересоваться личнымъ составомъ служащихъ и рабочихъ. Онъ даже не умѣетъ съ ними говорить. Хозяинъ маленькаго дѣла, который самъ былъ рабочимъ, часто бываетъ гораздо строже, но онъ отлично знаетъ, какъ надо обращаться съ рабочими и какъ использовать ихъ самолюбiе. Завѣдывающiе современными заводами — въ большинствѣ случаевъ молодые инженеры, только что выпущенные изъ какого нибудь нашего высшаго учебнаго заведенiя съ большимъ багажомъ теоретическихъ знанiй, но вовсе не знающiе жизни и людей. Совершенно незнакомые, насколько это возможно себѣ представить, съ дѣломъ, которое они ведутъ, они между тѣмъ не допускаютъ, чтобы какая нибудь практика людей и вещей могла бы быть выше ихъ отвлеченной науки. Они тѣмъ болѣе не будутъ на высотѣ своей задачи, что питаютъ глубокое пренебреженiе къ тому классу людей, изъ среды котораго они болѣе или менѣе часто происходятъ.*) Никто

*) Слушатели правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведенiй, политехнической школы, центральной школы и проч. пополняются теперь главнымъ образомъ самыми низшими классами общества. Вступительные и выпускные экзамены требуютъ напряженiя памяти и извѣстнаго труда, на что способны почти только лица, понукаемыя нуждою. Хотя плата въ политехнической школѣ весьма мала, больше половины слушателей не могутъ вносить ее. Все это сыновья скромныхъ торговцевъ, слугъ, рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ, воспользовавшiеся стипендiями уже въ лицеяхъ. Согласно одному изъ трудовъ Шейсона, напечатанному въ *Annales des Ponts et Chaussées* за ноябрь 1882 г., число стипендiатовъ въ политехнической школѣ, составлявшее въ 1850 году приблизительно 30%, въ 1880 г. превысило 40%. Съ того времени цифры только увеличивались. По моей личной справкѣ, наведенной въ той же школѣ въ 1897 году, 249 воспитанниковъ изъ числа 447 ничего не платили за свое содержанiе.

такъ не презираетъ крестьянина, какъ сынъ крестьянина, и рабочаго—какъ сынъ рабочаго, если имъ удалось возвыситься надъ своимъ сословіемъ. Это одна изъ психологическихъ истинъ, въ которой непріятно сознаваться, какъ впрочемъ въ большинствѣ психологическихъ истинъ, но которую все-таки нужно засвидѣтельствовать.

Болѣе образованный, чѣмъ дѣйствительно умный, молодой инженеръ совсѣмъ не въ состояніи представить себѣ (да впрочемъ онъ этого никогда и не пытается дѣлать) образъ мышленія и взгляды людей, управлять которыми онъ призванъ. Сверхъ того, онъ не заботится о томъ, какіе способы воздѣйствія на нихъ наиболѣе правильны. Всему этому не обучаютъ въ школѣ, и потому все это для него не существуетъ. Вся его психологія ограничивается двумя—тремя готовыми понятіями, неоднократно слышанными отъ окружающихъ о грубости рабочаго, его нетрезвой жизни, необходимости держать его въ строгости и т. д. Взгляды и мысли рабочаго представляются ему лишь въ искаженной отрывочной формѣ; онъ всегда будетъ ошибочно и безтолково касаться столь чувствительнаго механизма человѣческой машины. Смотря по темпераменту, онъ будетъ слабымъ или деспотичнымъ, но всегда будетъ лишенъ дѣйствительнаго авторитета и престижа.

Вообще представленіе, которое буржуа составляетъ себѣ о рабочемъ, также не отличается вѣрностью. Рабочій, по его мнѣнію, грубое существо и пьяница. Неспособный на сбереженія, онъ безъ счета тра-

титъ свой заработокъ на вино, вмѣсто того, чтобы благоразумно проводить вечера дома. Развѣ онъ не долженъ быть доволенъ своею судьбой и не зарабатываетъ ли онъ больше, чѣмъ заслуживаетъ? Ему устраиваютъ библіотеки и бесѣды, возводятъ дома съ дешевыми квартирами. Что же ему еще надо? Развѣ онъ способенъ вести собственныя дѣла? Его надо сдерживать желѣзною рукой, и если устраивать что нибудь для него, то это нужно дѣлать помимо его, и обращаться съ нимъ слѣдуетъ, какъ съ догомъ, которому отъ времени до времени бросаютъ кость, когда онъ слишкомъ много ворчитъ. Можно ли разсчитывать усовершенствовать существо, столь мало способное къ совершенствованію? Къ тому же, развѣ не принялъ міръ уже давно свою окончательную форму въ области политической экономіи, морали и даже религіи, и что значатъ всѣ эти стремленія къ перемѣнамъ?—Ничто, очевидно, не можетъ быть проще такой психологіи.

Именно ничѣмъ не устранимое взаимное непониманіе, существующее между хозяевами и рабочими, дѣлаетъ нынѣ отношенія между ними столь натянутыми. Безсильные, какъ тотъ, такъ и другой, усвоить себѣ мысли, нужды и наклонности противной стороны, они истолковываютъ то, чего не знаютъ, согласно со своимъ собственнымъ складомъ ума.

Представленіе, которое составилъ себѣ пролетарій о буржуа, т. е. о субъектѣ, не работающемъ своими руками, такъ же неправильно, какъ и понятіе хозяина о рабочемъ, на которое я только что

указалъ. Для рабочаго хозяинъ существо жестокое и жадное, заставляющее работать людей только для собственной наживы, сытое, пьяное и предающееся всякимъ оргіямъ. Его роскошь, какъ бы скромно она ни выражалась и хотя бы заключалась лишь въ болѣе чистой одеждѣ и въ болѣе благоустроенной обстановкѣ, представляется чудовищной и ненужной. Его кабинетные труды—только чистѣйшія глупости, праздныя затѣи. У буржуа столько денегъ, что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, между тѣмъ какъ рабочій ихъ не имѣетъ. Ничто не могло бы быть легче, какъ прекратить эту несправедливость; стоило бы только обнародовать нѣсколько хорошихъ указовъ, и общество было бы преобразовано сразу. Заставить богатыхъ вернуть народу его собственность было бы лишь простымъ исправленіемъ вопіющихъ несправедливостей.

Если бы пролетарій могъ усумниться въ правильности своей слабой логики, то не оказалось бы недостатка въ краснобаяхъ, болѣе подобострастныхъ къ нему, чѣмъ придворные къ восточнымъ деспотамъ, и готовыхъ напоминать ему безъ конца объ его воображаемыхъ правахъ. Должно быть, какъ я уже то выяснилъ, наслѣдственность очень прочно укрѣпила извѣстныя понятія въ безсознательныхъ областяхъ народной души, если соціалисты, работая съ давнихъ поръ, еще не успѣли восторжествовать.

Вообще хозяева и пролетаріи образуютъ теперь, по крайней мѣрѣ у латинскихъ народовъ, два враждебныхъ лагеря, и такъ какъ обѣ стороны чувствуютъ себя неспособными преодолѣть собственными

средствами затрудненія, возникающія при ихъ ежедневныхъ сношеніяхъ, то онѣ неизмѣнно взываютъ къ вмѣшательству правительства, показывая такимъ образомъ лишній разъ неискоренимую потребность нашей расы быть подъ руководствомъ и свою неспособность понимать общество иначе, какъ въ видѣ кастовой іерархіи подъ могущественнымъ контролемъ одного лица. Свободная конкуренція, добровольныя товарищества, личная иниціатива—понятія недоступныя для нашего національнаго ума. Постоянный идеалъ его—полученіе жалованья подъ защитою начальства. Этотъ идеалъ, безъ сомнѣнія, низводитъ пользу, приносимую личностью, къ минимуму, но за то онъ и требуетъ минимума характера и дѣятельности. И, такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ основному положенію, что судьбой народа управляетъ его характеръ, а не его учрежденія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общественная солидарность.

§ 1. *Общественная солидарность и благотворительность.* Основная разница между солидарностью и благотворительностью. Благотворительность понятіе противообщественное и вредное. Самыя полезныя проявленія солидарности не имѣютъ въ основѣ ни благотворительности, ни альтруизма. Они зиждутся на объединеніи однородныхъ интересовъ. Стремленіе къ солидарности есть одно изъ важнѣйшихъ стремленій современнаго общественнаго развитія. Коренныя причины этихъ стремленій. Солидарность замѣняетъ безсильный личный эгоизмъ могущественнымъ коллективнымъ эгоизмомъ, изъ котораго каждый извлекаетъ пользу. Солидарность въ настоящее время лучшее оружіе слабыхъ.

§ 2. *Современныя формы солидарности.* Она возможна только между лицами, имѣющими непосредственные однородные интересы. Кооперативныя общества. Ихъ развитіе у англо-саксовъ. Почему они не прививаются у латинскихъ народовъ. Акціонерныя общества. Ихъ сила и польза. Необходимость проведенія ихъ въ низшіе классы. Общества съ участіемъ въ прибыляхъ; ихъ невыгодныя стороны. Какимъ образомъ рабочіе могли бы съ помощью акціонерныхъ обществъ сдѣлаться хозяевами заводовъ, на которыхъ они работаютъ.

§ 3. *Синдикаты рабочихъ.* Ихъ польза, сила и невыгодныя стороны. Они—необходимое слѣдствіе современнаго развитія. Неизбѣжное исчезновеніе прежнихъ добрыхъ отношеній между рабочими и хозяевами.

§ 4. *Промышленныя предпріятія съ общиннымъ управленіемъ. Муниципальный соціализмъ.* Соціализація городскихъ управленій въ странахъ не соціалистическихъ. Распространеніе общиннаго управленія въ Англіи и Германіи. Условія успѣха этого вида управленія. Его неуспѣхъ у латинскихъ народовъ.

§ I. Общественная солидарность и благотворительность.

Борьба, на существованіе которой среди обществъ мы указали, ставитъ лицомъ къ лицу противниковъ

съ крайне неравными силами. Мы увидимъ, какъ вслѣдствіе того, что болѣе слабые объединили свои силы, неравенство въ этой борьбѣ уменьшилось.

Для многихъ выраженіе „общественная солидарность“ всегда до нѣкоторой степени связано съ понятіемъ о благотворительности. Между тѣмъ смыслъ ихъ совершенно различный. Современныя общества замѣтно стремятся къ объединенію интересовъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ благотворительности. Весьма даже вѣроятно, что въ будущемъ обществѣ благотворительность будетъ считаться проявленіемъ низшаго порядка, дикимъ, только съ виду будто бы проникнутымъ любовью къ ближнему, но въ сущности очень эгоистичнымъ и вообще крайне вреднымъ.

Подъ солидарностью подразумѣвается просто объединеніе, но никакъ не благотворительность или альтруизмъ. Благотворительность антисоціальна и вредна; альтруизмъ отличается искусственностью и безсиліемъ. Разсматривая наиболѣе полезныя созданія солидарности: страховыя общества, общества взаимопомощи, пенсіонныя, кооперативныя и др., замѣчаемъ, что они никогда не имѣютъ въ основѣ ни благотворительности, ни альтруизма, а только сочетаніе интересовъ людей, чаще всего не знающихъ другъ друга. Посредствомъ извѣстнаго ежегоднаго взноса, заболѣвающій или состарившійся имѣетъ право на пенсію, сообразно съ размѣромъ взноса. Онъ это получаетъ по праву, а не изъ милости, точно такъ же, какъ застраховавшійся на случай пожара имѣетъ право, если это бѣдствіе постигнетъ его, на полученіе суммы,

въ которой онъ застраховалъ свое имущество. Онъ пользуется правомъ, которое онъ купилъ, а не милосердіемъ.

Необходимо твердо усвоить эту разницу, чтобы понять пропасть, раздѣляющую товарищества, основанныя на финансовыхъ расчетахъ, согласныхъ съ теоріей вѣроятности, отъ учрежденій благотворительныхъ, имѣющихъ основаніемъ сомнительную готовность помогать и ненадежный альтруизмъ небольшого числа лицъ. Благотворительныя дѣла не имѣютъ никакого серьезнаго соціальнаго значенія, и вотъ почему большинство соціалистовъ, вполнѣ согласно въ этомъ отношеніи съ великими мыслителями, совершенно отрицаетъ ихъ. Понятно, что можно только привѣтствовать устроенныя государствомъ на счетъ общества больницы и учрежденія для вспомоществованія, необходимыя въ случаяхъ безотлагательной въ нихъ надобности, но благотворительныя учрежденія, взятыя во всей своей совокупности, на практикѣ приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. При отсутствіи необходимаго надзора они чаще всего служатъ для поддержанія цѣлыхъ категорій индивидуумовъ, злоупотребляющихъ состраданіемъ только для того, чтобы жить въ праздности. Самые очевидные результаты благотворительныхъ учрежденій—это отвлеченіе отъ работы многихъ бѣдняковъ, находящихъ, что средства, доставляемыя милосердіемъ, обильнѣе добываемыхъ трудомъ, и увеличеніе въ громадныхъ размѣрахъ профессіональнаго нищенства.

Несмѣтное число учрежденій такой мнимой по-

мощи безработнымъ, необезпеченнымъ вдовамъ, покинутымъ маленькимъ китайцамъ и т. п. хороши только для доставленія занятій пожилымъ дамамъ безъ дѣла или празднымъ людямъ общества, дешевымъ способомъ желающимъ спасти душу (безъ особыхъ затратъ) и очень довольнымъ заполнить свое свободное время хотя бы исполненіемъ гдѣ-нибудь обязанностей предсѣдателей, докладчиковъ, секретарей, членовъ совѣта, казначеевъ и т. под. Такимъ образомъ они воображаютъ быть хоть сколько нибудь полезными здѣсь, на землѣ, но жестоко въ этомъ ошибаются.

Стремленіе къ солидарности, т. е. къ объединенію однородныхъ интересовъ, столь замѣтное во всемъ, быть можетъ представляетъ собою самое опредѣленное изъ новыхъ соціальныхъ теченій и, по всей вѣроятности, одно изъ тѣхъ, которыя окажутъ наибольшее вліяніе на наше развитіе. Въ настоящее время слово „солидарность“ сдѣлалось употребительнѣе прежнихъ словъ о равенствѣ и братствѣ и стремится замѣнить ихъ. Но оно отнюдь не синонимъ послѣднихъ. Такъ какъ конечную цѣль союзовъ, создающихся во имя извѣстныхъ интересовъ, составляетъ борьба съ другими интересами, то очевидно, что солидарность— только особая форма всемірной борьбы существъ или классовъ. Взятая въ томъ видѣ, какъ ее теперь понимаютъ, солидарность низводитъ наши былыя мечты о всеобщемъ братствѣ къ ассоціаціямъ, ограниченнымъ очень тѣсными рамками.

Стремленіе къ солидарности путемъ ассоціаціи,

которое съ каждымъ днемъ обрисовывается ярче, имѣетъ разнообразныя причины. Самая главная изъ нихъ— ослабленіе личной инціативы и воли, точно такъ же, какъ и часто наблюдаемая безпомощность ихъ при условіяхъ, созданныхъ современнымъ экономическимъ развитіемъ. Потребность дѣйствовать единолично все болѣе и болѣе исчезаетъ. Едва ли только не черезъ посредство ассоціацій, т. е. помощью союзовъ, могутъ теперь проявляться индивидуальныя усилія.

Современныхъ людей понуждаетъ къ ассоціаціи еще одна, болѣе глубокая причина. Потерявъ своихъ боговъ, замѣчая исчезновеніе домашняго очага и не имѣя болѣе надежды въ будущемъ, они чувствуютъ все болѣе и болѣе потребность въ поддержкѣ. Ассоціація замѣняетъ безсильный личный эгоизмъ могущественнымъ общимъ эгоизмомъ, изъ котораго каждый извлекаетъ пользу. За неимѣніемъ группировокъ, основанныхъ на религіозной почвѣ, на узахъ родства, на общности политическихъ интересовъ и на другихъ связяхъ, вліяніе которыхъ все ослабляется, солидарность интересовъ можетъ связывать людей достаточно крѣпко.

Этотъ видъ солидарности, сверхъ того,—почти единственный способъ, дающій возможность слабымъ, т. е. огромному большинству, бороться съ сильными и не терпѣть отъ нихъ слишкомъ большихъ притѣсненій.

Во всеобщей борьбѣ, законы которой мы отмѣтили выше, болѣе слабый всегда является совершенно безоружнымъ противъ болѣе сильнаго, а болѣе силь-

ный никогда не задумается раздавить его. Феодальные бароны, а также бароны финансовые и промышленные, до сихъ поръ обыкновенно не особенно то щадили тѣхъ, кого случай отдавалъ въ ихъ руки.

Такому повсемѣстному давленію сильныхъ на слабыхъ, съ которымъ ни религіи, ни своды законовъ не могли до сихъ поръ бороться чѣмъ либо другимъ, кромѣ пустыхъ словъ, современный человѣкъ противопоставляетъ начало ассоціаціи, объединяющей всѣхъ членовъ одной и той же группы. Солидарность почти единственное оружіе слабыхъ для того, чтобы нѣсколько сгладить и смягчить послѣдствія социальнаго неравенства.

Солидарность далеко не противорѣчитъ законамъ природы, а напротивъ того можетъ опереться на нихъ. Наука не вѣритъ въ свободу или, по крайней мѣрѣ, не допускаетъ ея существованія въ своей области, такъ какъ она всюду указываетъ на явленія, управляемыя закономъ строгой связи между ними (детерминизмъ). Еще менѣе она вѣритъ въ равенство, такъ какъ біологія видитъ въ неравенствѣ существъ основное условіе ихъ развитія. Что касается братства, то она тоже не можетъ его признать, такъ какъ безпощадная борьба—постоянное явленіе съ начала геологическихъ временъ. Солидарность, напротивъ, не опровергается никакими наблюденіями. Нѣкоторыя животныя, въ особенности самыя низшія, т. е. слабѣйшія, существуютъ только благодаря тѣсной солидарности, которая одна лишь дѣлаетъ возможной ихъ самозащиту.

Объединеніе однородныхъ интересовъ у разныхъ членовъ человѣческихъ обществъ несомнѣнно очень древняго происхожденія — оно восходитъ до первыхъ временъ нашей исторіи, но всегда въ извѣстной степени подвергалось ограниченію и задерживалось. Въ тѣсной области религіозныхъ и экономическихъ интересовъ оно было едва терпимо. Революція считала полезнымъ запрещать сообщества. Никакая мѣра не могла быть болѣе неудачной, имѣя въ виду демократическія начала, которыя революція должна была защищать. Теперь эти уничтоженныя сообщества всюду возрождаются подъ новыми названіями и въ новыхъ формахъ. При современномъ развитіи промышленности, значительно усилившемъ раздѣленіе труда, возрожденіе это было неизбѣжно.

§ 2. Современныя формы солидарности.

Указавъ точно главнѣйшее различіе между учрежденіями солидарности, основанными на объединеніи интересовъ, и тѣми, которыя опираются на благотворительность, бросимъ бѣглый взглядъ на разныя существующія въ настоящее время формы солидарности.

Прежде всего очевидно, что необходимость въ солидарности вызывается не однимъ только фактомъ совмѣстной работы, успѣхъ которой зависитъ отъ общихъ усилій; часто бываетъ даже противное. Директоръ, рабочіе и акціонеры извѣстнаго предпріятія теоретически одинаково заинтересованы въ процвѣтаніи дѣла, отъ котораго зависитъ ихъ существо-

ваніе или благосостояніе. Въ дѣйствительности же эта вынужденная солидарность лишь прикрываетъ противоположные интересы, и вовсе не чувства взаимной доброжелательности воодушевляютъ всѣхъ этихъ лицъ. Рабочій желаетъ повышенія платы и, слѣд., уменьшенія доли акціонера, а послѣдній, представителемъ котораго является директоръ, заинтересованъ, напротивъ, въ уменьшеніи вознагражденія рабочаго для увеличенія своихъ прибылей. Поэтому, солидарности, которая теоретически должна была бы быть между рабочими, директорами и акціонерами, вовсе не существуетъ.

Настоящая солидарность возможна только между лицами, имѣющими непосредственные, однородные интересы. Именно такіе интересы объединяютъ современные синдикаты, которыми мы скоро займемся.

Однако же имѣются нѣкоторые виды ассоціацій, которые могутъ объединять интересы по существу противоположные, напр. кооперативныя общества. Они объединяютъ противоположные интересы производителей и потребителей, предоставляя имъ обоюдныя выгоды. Производитель охотно удовлетворяется болѣе умѣренною прибылью съ каждаго предмета, если ему гарантированъ большой сбытъ ихъ, обезпеченный ассоціаціей большого числа покупателей.

Въ большихъ англійскихъ кооперативныхъ обществахъ объединяются только одинаковые интересы, такъ какъ тамъ потребитель въ то же время и производитель. Эти общества достигли того, что дѣйствительно фабрикуютъ почти все, что они потребляютъ,

и владѣютъ фермами, производящими хлѣбъ, мясо, молоко, овощи и т. д. Они представляютъ ту очень большую выгоду, что ихъ члены, изъ числа самыхъ слабыхъ и неспособныхъ, пользуются умѣлостью болѣе способныхъ, находящихся во главѣ предпріятій, которыя не могли бы безъ нихъ процвѣтать. Латинскіе народы еще не дошли до этого.

Я уже раньше обратилъ вниманіе на то, что, управляя лично своими различными ассоціаціями и особенно кооперативными обществами, англо-саксонскіе рабочіе научились вести собственныя дѣла. Французскій рабочій слишкомъ пропитанъ латинскими понятіями своей расы, чтобы быть способнымъ на такую инициативу и на учрежденіе обществъ, которыя помогли бы ему улучшить свою участь. Если же, благодаря нѣкоторымъ способнымъ вожакамъ, онъ все таки основываетъ что либо подобное, то немедленно сдаетъ управленіе посредственнымъ уполномоченнымъ, не заслуживающимъ довѣрія, которые неспособны вести дѣло.

У латинскихъ народовъ кооперативныя общества обставляются, кромѣ того, мелочными и сложными административными формальностями, свойственными нашему національному темпераменту и влачатъ жалкое существованіе. Они распадаются очень быстро, такъ какъ рабочій латинской расы, почти лишенный предусмотрительности, предпочитаетъ покупать изо-дня въ день въ розницу у мелкихъ торговцевъ, съ которыми онъ болтаетъ, и которые охотно открываютъ ему дорого оплачиваемый кредитъ, вмѣсто того, чтобы

обращаться въ оптовые склады, гдѣ надо платить наличными и гдѣ не могутъ отпускать товаръ по мелочамъ.

Между тѣмъ избавленіе отъ посредниковъ устройствомъ кооперативныхъ обществъ составило бы для французскаго рабочаго большой матеріальный расчетъ. Исчислено, что во Франціи суммы, переплачиваемыя посредникамъ, стоящимъ между производителями и потребителями, достигаютъ ежегодно семи милліардовъ, т. е. они въ два раза болѣе взимаемыхъ съ насъ налоговъ. Требованія посредника гораздо обременительнѣе требованій капитала, но рабочій этого не замѣчаетъ и потому переноситъ ихъ безропотно.

Самую распространенную изъ современныхъ формъ ассоціацій и въ то же время самую безличную представляютъ акціонерныя общества. По прекрасному выраженію Леруа-Болье они составляютъ „выдающуюся черту экономической организаціи современнаго общества... Они простираются на все: на промышленность, финансы, торговлю, даже на земледѣліе и на колоніальныя предпріятія. Почти у всѣхъ народовъ они являются обычнымъ способомъ для выполненія механическаго производства и эксплоатаціи природныхъ богатствъ... Анонимное общество точно призвано быть властелиномъ вселенной, по истинѣ это наслѣдникъ падшихъ аристократій и прежней феодальной системы. Владычество надъ міромъ принадлежитъ ему, такъ какъ приходитъ часъ, когда весь міръ будетъ обращенъ въ акціонерныя общества". Такія общества, говоритъ названный писатель, продуктъ не богатства,

а демократическаго строя и раздробленія капиталовъ между большимъ числомъ рукъ.

Дѣйствительно, пользованіе акціями единственно возможная форма ассоціаціи небольшихъ капиталовъ. Повидимому эта форма имѣетъ своимъ основаніемъ коллективизмъ, но только повидимому, такъ какъ она, въ дѣйствительности, допускаетъ свободу участія въ предпріятіи и выхода изъ него, и притомъ размѣръ прибылей строго пропорціоналенъ затраченной энергіи, т. е. суммѣ сбереженій каждаго участника. Когда рабочій съ помощью акціонерной системы сдѣлается хотя анонимнымъ, но заинтересованнымъ совладѣльцемъ завода, на которомъ работаетъ, это будетъ огромный прогрессъ. Быть можетъ именно посредствомъ этой плодотворной формы ассоціацій и произойдетъ освобожденіе рабочихъ классовъ въ экономическомъ отношеніи, если только это возможно, и нѣсколько сгладятся естественныя и соціальныя неравенства.

До сихъ поръ акціонерныя общества не проникали еще въ народныя массы. Единственная форма ассоціаціи, подходящая нѣсколько, правда очень мало, къ этой формѣ пользованія, это та, при которой имѣетъ мѣсто распредѣленіе прибылей. Нѣсколько обществъ, основанныхъ на такомъ принципѣ, достигли хорошихъ результатовъ. Если эти общества не очень многочисленны, то это отчасти отъ того, что правильная ихъ организація требуетъ исключительныхъ и, слѣд., всегда очень рѣдкихъ способностей.

Изъ ассоціацій послѣдняго типа можно назвать: малярное предпріятіе, основанное въ 1829-мъ году

Леклеромъ, продолжаемое подъ фирмою Редули и К° въ Парижѣ; заводъ Гиза въ Энскомъ департаментѣ, заводъ Лекена въ Бельгiи и др. Первое предпрiятiе приноситъ своимъ участникамъ—всѣмъ рабочимъ дома 25% прибылей и выдаетъ, черезъ извѣстное число лѣтъ, пенсiю въ 1.500 фр.; въ настоящее время такихъ пенсiй производится 120.

Второе предпрiятiе—родъ общины, фамилистеръ въ Гизѣ, гдѣ ассоцiацiя капитала съ трудомъ достигла превосходныхъ результатовъ. Въ 1894 году валовой оборотъ превысилъ 5 миллiоновъ фр. и далъ 738.000 фр. дохода.

Во Францiи и за границей насчитываютъ нынѣ болѣе 300 подобныхъ учрежденiй, гдѣ введено участiе въ прибыляхъ.

Въ Англiи самое знаменитое изъ такихъ предпрiятiй—это общество „Справедливыхъ землекоповъ въ Рочдэлѣ", основанное въ 1844 году 28-мью участниками-рабочими съ очень скромнымъ капиталомъ и насчитывавшее въ 1891 году 12.000 участниковъ съ капиталомъ въ 9 миллiоновъ фр. Обороты его ежегодно достигаютъ 7.400.000 фр., принося 1.300.000 фр. прибыли.

Ассоцiацiи этого рода имѣли такой же успѣхъ въ Бельгiи, напримѣръ „le Woruit" (Впередъ) въ Гентѣ. Въ Германiи также насчитывается много такихъ же вполнѣ процвѣтающихъ ассоцiацiй. Равнымъ образомъ, за послѣднiе годы, основано ихъ нѣсколько и въ Сѣверной Италiи, но тамъ, какъ и во Францiи, большая часть изъ нихъ отъ недостатковъ въ упра-

вленіи должна будетъ исчезнуть. Онѣ организованы совершенно на латинскій ладъ, т. е. такъ, что судьба предпріятія зависитъ исключительно отъ лица, поставленнаго во главѣ, такъ какъ члены ассоціаціи не обладаютъ ни способностью, ни какимъ либо представленіемъ о самоуправленіи, какими отличаются англосаксонскіе рабочіе.

Главнымъ камнемъ преткновенія такихъ обществъ является то обстоятельство, что участіе въ прибыляхъ заставляетъ также участвовать и въ убыткахъ, очень частыхъ и неизбѣжныхъ въ промышленности. Пока дѣло приноситъ доходы, участники прекрасно уживаются, но лишь только оно является убыточнымъ, согласіе обыкновенно быстро пропадаетъ. Въ Америкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ случай, поразительно доказывающій справедливость этого. Поджоги, разрушившіе большія мастерскія Компаніи Пульмана, затѣмъ грабежи и дикіе разгромы указываютъ, чему подвергаются эти большія предпріятія, когда успѣхъ имъ измѣняетъ.

Компанія Пульмана создала обширныя мастерскія, въ которыхъ работало 6.000 человѣкъ; для нихъ и для ихъ семей былъ созданъ красивый городъ, насчитывавшій 13.000 жителей, пользовавшихся во всемъ современнымъ комфортомъ: большимъ паркомъ, театромъ, библіотекой и т. п. Дома могли быть пріобрѣтаемы только рабочими, становившимися собственниками посредствомъ ежегоднаго незначительнаго взноса.

Пока дѣла процвѣтали, царствовало довольство и благосостояніе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ра-

бочіе внесли въ сберегательныя кассы около четырехъ милліоновъ фр.

Но какъ только заказы пріостановились, по случаю плохихъ оборотовъ желѣзнодорожныхъ обществъ (главныхъ кліентовъ завода), Компанія Пульмана, чтобы не работать въ убытокъ при полномъ комплектѣ рабочихъ, не отказывая ни одному изъ нихъ, была вынуждена уменьшить заработную плату съ 11 на $7^1/_2$ фр. въ день. Это обстоятельство вызвало настоящую революцію. Мастерскія были разграблены и сожжены, рабочіе устроили забастовку, распространившуюся на желѣзныя дороги и повлекшую за собою такія насилія, что президентъ республики Клевлэндъ долженъ былъ объявить военное положеніе. Только съ помощью картечи могли справиться съ мятежниками.

Мнѣ очень мало вѣрится, чтобы имѣли прочную будущность общества съ участіемъ въ прибыляхъ; они слишкомъ отдаютъ рабочаго во власть хозяина и связываютъ его съ хозяиномъ на слишкомъ долгій срокъ. Хозяинъ, кромѣ того, не имѣетъ никакого дѣйствительнаго интереса въ участіи рабочихъ въ его доходахъ, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что они всегда откажутся отъ участія въ убыткахъ и возмутятся, какъ только убыточность предпріятія станетъ очевидною. Только изъ чисто филантропическихъ побужденій или страха соглашается хозяинъ раздѣлить свои прибыли, и нѣтъ ничего другого, что могло бы принудить его къ этому. Можно основать что нибудь прочное на интересѣ, представляющемъ собою факторъ надежный и неизмѣнный, но не на филантропіи или

страхѣ, т. е. чувствахъ измѣнчивыхъ и всегда кратковременныхъ. Филантропія вмѣстѣ съ тѣмъ настолько близка къ жалости, что не вызываетъ никакой благодарности къ тѣмъ, кто ею занимается. Полагаю, что при видѣ своихъ пылающихъ заводовъ Пульманъ долженъ былъ пріобрѣсти тѣ полезныя практическія психологическія понятія о значеніи филантропіи, какія пріобрѣтаются не изъ книгъ, и незнаніе которыхъ зачастую обходится очень дорого.

Единственно возможная форма раздѣленія прибылей, безусловно охраняющая интересы хозяина и рабочаго, а также сохраняющая за ними независимость другъ отъ друга, это—акціонерныя общества, которыя привлекаютъ одновременно къ участію и въ убыткахъ и въ прибыляхъ, т. е. представляютъ комбинацію справедливую и, слѣд., пріемлемую. Акція, выпущенная по цѣнѣ 25 фр., какъ нѣкоторыя англійскія акціи, доступна каждому, и я удивляюсь, почему еще не основано заводовъ, акціонерами которыхъ были бы исключительно рабочіе. Когда трудящійся людъ будетъ такимъ образомъ превращенъ въ капиталистовъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ предпріятій, ихъ нынѣшнія требованія потеряютъ всякій смыслъ, такъ какъ они работали бы исключительно на себя. Рабочему, желающему по какой либо причинѣ перейти на другой заводъ, нужно было бы, какъ обыкновенному акціонеру, лишь продать свои акціи, вернувъ себѣ такимъ образомъ свободу дѣйствій. Затрудненіе заключалось бы только въ выборѣ лицъ, способныхъ управлять заводами, но опытъ скоро на-

училъ бы рабочихъ оцѣнивать способныхъ людей и удерживать ихъ у себя помощью надлежащаго вознагражденія.

Давно уже сдѣлалъ я нѣсколько указаній по этому предмету въ одной изъ моихъ книгъ. Эта книга попала въ руки одному бельгійскому инженеру, ведущему обширныя промышленныя предпріятія; онъ былъ пораженъ практическою пользой моей идеи и сообщилъ мнѣ о своемъ желаніи провести ее въ жизнь. Я горячо пожелалъ ему успѣха. Крупное препятствіе несомнѣнно кроется въ привлеченіи неимущихъ рабочихъ къ подпискѣ на образованіе капитала, необходимаго для возникновенія какого нибудь дѣла, напр. завода. Для перваго опыта я не усматриваю другого способа къ осуществленію, какъ продажа цѣлаго или части какого нибудь уже дѣйствующаго завода рабочимъ, трудящимся на немъ подобно тому, какъ продаютъ заводъ акціонерамъ, но при условіяхъ, позволяющихъ рабочимъ постепенно сдѣлаться его собственниками. Представимъ себѣ, напр., заводовладѣльца, желающаго обратить свой заводъ въ акціи для продажи своимъ рабочимъ. Предположимъ еще, что онъ постоянно платилъ имъ по 5 фр. въ день. Допустимъ, что онъ имъ будетъ платить только $4^3/_4$ или $4^1/_2$ фр., и что разница будетъ удерживаться въ пользу каждаго рабочаго до тѣхъ поръ, пока итогъ удерживаемыхъ ежедневно незначительныхъ суммъ образуетъ стоимость акціи въ 25 фр. Эта акція, приносящая дивидендъ, помѣщается въ общественную кассу на имя ея владѣльца, съ условіемъ права пользованія

купонами по его желанію, но безъ права продажи самой акціи въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, чтобы устранить соблазнъ избавиться отъ нея. Продолжая эту операцію, рабочій въ скоромъ времени явился бы обладателемъ болѣе или менѣе значительнаго числа акцій, доходы съ которыхъ быстро покрыли бы вышеупомянутое уменьшеніе его заработка, а самыя акціи обезпечили бы его старость. Онъ сдѣлался бы тогда капиталистомъ, живущимъ доходами, безъ всякаго участія государства.

Нравственный результатъ, достигнутый такимъ образомъ, будетъ для рабочаго еще важнѣе матеріальной выгоды. Онъ основательно будетъ считать заводъ своею собственностью и будетъ интересоваться его успѣхомъ. Присутствуя на акціонерныхъ собраніяхъ, онъ научится сначала понимать, а потомъ и обсуждать дѣла. Онъ скоро уяснилъ бы себѣ роль капитала и взаимную связь между экономическими законами. Сдѣлавшись капиталистомъ, онъ пересталъ бы быть простымъ поденщикомъ. Въ концѣ концовъ онъ вышелъ бы изъ своей узкой сферы и расширилъ бы свой ограниченный кругозоръ. Союзъ капитала съ трудомъ постепенно замѣнилъ бы антагонизмъ, существующій теперь между ними. Интересы, находящіеся нынѣ въ борьбѣ, слились бы между собою. Человѣкъ дѣла и разума, сумѣющій для примѣра первый осуществить эту идею, могъ бы быть признанъ однимъ изъ благодѣтелей человѣчества.

Мы не можемъ здѣсь разсмотрѣть всѣ виды солидарности. Если мы не изучили одного изъ самыхъ

важныхъ видовъ ея,—синдикатовъ,—то только потому, что этому виду мы посвятимъ особый параграфъ.

Однако существуетъ еще одна форма солидарности, о которой мы должны упомянуть. Она представляетъ союзъ лицъ, объединенныхъ на короткое или продолжительное время для того, чтобы добиться какой нибудь реформы или защищать извѣстные интересы.

Этотъ видъ ассоціаціи, сравнительно новый у латинскихъ народовъ, существуетъ уже давно у народовъ, долгое время пользующихся свободою и умѣющихъ ею распоряжаться, какъ, напр., англо-саксы.

„Если здѣсь, говоритъ Тэнъ объ Англіи, кому нибудь пришла хорошая мысль, онъ сообщаетъ ее своимъ друзьямъ; многіе изъ нихъ находятъ ее хорошею. Всѣ вмѣстѣ доставляютъ необходимыя средства, распространяютъ эту идею, привлекаютъ къ ней симпатіи и подписки. Симпатіи и подписки все прибываютъ, распространеніе въ публикѣ увеличивается. Снѣжный шаръ постепенно увеличивается, стучится въ дверь парламента, пріотворяетъ, а потомъ и распахиваетъ или вышибаетъ ее. Вотъ механизмъ реформъ, вотъ какъ самостоятельно устраиваютъ дѣла, и нужно сказать, что всюду въ Англіи имѣются комья снѣга, готовые обратиться въ такіе шары“.

Именно при посредствѣ подобныхъ ассоціацій, напримѣръ *Лиги свободнаго обмѣна* (Cobden), англичане достигли самыхъ полезныхъ реформъ. Парламентъ подчиняется ихъ волѣ, какъ только становится яснымъ, что эта воля выражаетъ народное желаніе.

Несомнѣнно, что никто, какимъ бы вліятельнымъ его ни считали, единолично не можетъ достигнуть того, чего достигаетъ ассоціація, представляющая многочисленные коллективные интересы. Бонвало, въ интересномъ сообщеніи, указалъ, чего можетъ достигнуть группа лицъ, имѣющихъ одинаковые интересы.

„Touring-Club, насчитывающій болѣе 70.000 членовъ, въ настоящее время составляетъ силу. Онъ не только снабдилъ циклистовъ путевыми картами, дорожниками, уменьшенными цѣнами въ гостинницахъ, спасательными станціями, но расшевелилъ ужасную администрацію путей сообщенія и устроилъ циклистскія дороги. Онъ заставилъ покориться грозныя желѣзнодорожныя компаніи; онъ превратилъ грубыхъ таможенныхъ чиновниковъ въ вѣжливыхъ людей и сдѣлалъ такимъ образомъ переѣздъ границы пріятнымъ“.

Картина — блестящая, но очень прикрашенная. Touring-Club основался безъ затрудненій, потому что каждый изъ его членовъ, при крайне незначительномъ взносѣ, разсчитывалъ получить поддержку могущественной ассоціаціи, необходимость въ которой могла представиться ему ежедневно, и которая своими услугами должна была возвратить ему сдѣланный взносъ сторицею. Я могу, однако, утверждать, что въ дѣйствительности этого почти нѣтъ. Организація этой ассоціаціи очень скоро приняла латинскій характеръ.

§ 3. Синдикаты рабочихъ.

Синдикаты имѣютъ цѣлью группировать, подъ общимъ управленіемъ, лицъ съ тождественными интересами и чаще всего принадлежащихъ къ одной профессіи. Число и могущество ихъ ежедневно возрастаютъ. Они зародились въ силу условій, созданныхъ современнымъ развитіемъ промышленности.

Именно рабочіе классы сумѣли лучше всѣхъ извлечь пользу изъ синдикатовъ, и никогда не будетъ лишнимъ изучить достигнутые ими результаты. Дѣйствительно, не всеобщая подача голосовъ, но главнымъ образомъ синдикаты дали рабочимъ силу, ко-

торою они теперь пользуются. Синдикаты сдѣлались оружіемъ подначальныхъ, слабыхъ, и эти послѣдніе могутъ отнынѣ входить въ сдѣлки на равной ногѣ съ наиболѣе богатыми и вліятельными денежными и промышленными тузами. Благодаря синдикатамъ, отношенія между хозяевами и рабочими, нанимателями и служащими начинаютъ совершенно измѣняться. Хозяинъ уже не является для нихъ тѣмъ неограниченнымъ властелиномъ, всеопекающимъ отцомъ, который ведетъ дѣло безконтрольно, управляетъ массами трудящагося люда по своему усмотрѣнію, устанавливаетъ условія работы, разрѣшаетъ вопросы о сохраненіи здоровья, о гигіенѣ и т. д. Навстрѣчу волѣ хозяина, его фантазіямъ, слабостямъ или заблужденіямъ выдвигается теперь синдикатъ, представляющій изъ себя, благодаря численности и единству желаній, силу, почти равную его силѣ. Сила эта несомнѣнно деспотична для соучастниковъ, но она свелась бы на нѣтъ, если бы перестала быть таковою. *)

Синдикаты, повидимому, являются необходимымъ слѣдствіемъ современнаго развитія, почему они такъ

*) Латинскіе синдикаты требуютъ отъ своихъ членовъ безусловнаго повиновенія и благодаря своей безымянности могутъ обращаться съ ними круто, чего не стерпѣли бы они ни отъ одного тирана. Вспомнимъ исторію съ рабочимъ литейщикомъ, котораго синдикатъ плавильщиковъ мѣди подвергъ бойкоту за то, что онъ отказался оставить службу на заводѣ, бывшемъ подъ бойкотомъ у самого синдиката. Не находя нигдѣ работы, такъ какъ заводчики, принявшіе его къ себѣ на службу, увидѣли бы свои мастерскія подъ запрещеніемъ, онъ былъ вынужденъ, чтобы не умереть съ голоду, искать удовлетворенія судомъ. Благодаря многолѣтней настойчивости онъ добился рѣшенія, заставившаго синдикатъ уплатить ему 5.000 фр. Выходитъ, что рабочій можетъ отдѣлаться отъ одной

быстро и распространяются. Въ настоящее время, даже внѣ рабочей среды, нѣтъ корпораціи (бакалейщики, угольщики, метельщики и др.), которая не объединилась бы въ синдикатъ. Естественно, что и хозяева, со своей стороны, вступаютъ въ синдикаты для самозащиты; но во Франціи хозяйскихъ синдикатовъ 1.400 съ 114.000 участниковъ, тогда какъ рабочихъ синдикатовъ 2.000, и число членовъ ихъ превышаетъ 400.000. Существуютъ синдикаты, какъ напр. желѣзнодорожныхъ служащихъ, насчитывающіе 80.000 членовъ. Это могущественныя арміи, которыя безпрекословно повинуются своимъ начальникамъ, и съ которыми безусловно нужно считаться. Они составляютъ силу, дѣйствующую въ большинствѣ случаевъ безотчетно, но всегда грозную, оказывающую трудящимся услуги во всѣхъ случаяхъ, хотя бы только для поднятія ихъ нравственнаго уровня или превращенія боязливыхъ наемниковъ въ людей, которыхъ надо уважать и съ которыми нужно обращаться, какъ съ равными.

Такъ какъ латинскіе народы, къ несчастью, ода-

тиранніи лишь при условіи подпасть подъ другую, но, по крайней мѣрѣ, эта послѣдняя можетъ оказать ему нѣкоторыя услуги. Общественныя власти крайне страшатся синдикатовъ и считаются съ ними, какъ съ дѣйствительною силою. Вниманіе всего міра обращено на нихъ. Когда угрожала общая забастовка французскихъ рудокоповъ, газеты слѣдили за совѣщаніями полудюжины рабочихъ депутатовъ, засѣдавшихъ въ винной лавкѣ, съ такимъ же интересомъ, какъ если бы дѣло шло о государственномъ совѣтѣ, рѣшающемъ вопросъ войны или мира. Министры принимали представителей синдиката, какъ принимали бы они пословъ иностранной державы, и почтительно обсуждали ихъ самыя невѣроятныя требованія.

ревы очень властолюбивыми наклонностями, то у нихъ синдикаты рабочихъ проявляютъ такой же деспотизмъ, какимъ отличались прежде ихъ хозяева. Участь послѣднихъ въ настоящее время стала далеко незавидною. Слѣдующія строки изъ рѣчи бывшаго министра Барту даютъ понятіе объ ихъ положеніи.

„Находясь постоянно подъ угрозою законовъ, охраняющихъ свободу синдикатовъ, постоянно рискуя подвергнуться грубымъ проявленіямъ законной власти и тюремному заключенію; не имѣя уже дѣйствительнаго авторитета надъ рабочими, обремененные расходами по кассамъ прогуловъ, несчастныхъ случаевъ, вспомогательнымъ на случай болѣзни и старости; лишенные возможности относить эти расходы на счетъ рабочихъ, въ виду ихъ громадности, могущей вызвать возмущенія народа; стѣсненные еще прогрессивнымъ налогомъ на капиталъ, пріобрѣтенный цѣною всѣхъ этихъ трудностей и всѣхъ этихъ униженій; оставшись хозяевами лишь по названью съ тѣмъ, чтобы испытывать несчастныя случайности и подвергаться всякому риску—обезкураженные хозяева, стоящіе во главѣ промышленныхъ предпріятій, откажутся, отрекутся или, по крайней мѣрѣ, будутъ работать безъ порыва и безъ энергіи, уклоняясь отъ своихъ занятій, какъ сборщики послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи“.

Такія жалобы раздаются не только во Франціи. Даже въ Англіи, гдѣ роль рабочихъ синдикатовъ (*Trades unions*) въ теченіе долгаго времени считалась полезною, начинаютъ признавать ихъ слишкомъ деспотичными какъ по отношенію къ хозяину, такъ и къ рабочему. Въ особенности, кажется, боятся ихъ политическаго значенія, которое можетъ сдѣлаться значительнымъ въ виду того, что члены этихъ синдикатовъ образуютъ въ настоящее время четверть всего состава избирателей.

Сила, стоящая выше всѣхъ установленій, а именно необходимость, несомнѣнно смягчитъ отношенія столь натянутыя и полныя горечи въ настоящее время.

Рабочій, относящійся теперь къ хозяину враждебно, пойметъ въ концѣ концовъ, что интересы хозяевъ заводовъ и работающихъ на нихъ—одного порядка, и что какъ первые, такъ и послѣдніе повинуются общимъ господамъ: покупателямъ и экономическимъ законамъ, единственнымъ дѣйствительнымъ регуляторамъ заработной платы.

Во всякомъ случаѣ прежнія семейныя или властолюбивыя отношенія между хозяевами и рабочими, господами и слугами теперь окончательно исчезли. Мы можемъ сожалѣть объ этомъ, какъ мы сожалѣемъ о мертвыхъ, отлично зная, что больше ихъ не увидимъ. Въ будущей мировой эволюціи все будетъ управляться лишь экономическими интересами. Чтобы охранить и защитить себя, человѣкъ уже не будетъ обращаться къ благотворительности и милосердію, но исключительно къ солидарности. Милосердіе и благотворительность—это мертвые и лишенные обаянія пережитки прошлаго, умирающаго на нашихъ глазахъ. Будущее уже не будетъ ихъ знать.

§ 4. Промышленныя предпріятія съ общиннымъ управленіемъ. Муниципальный соціализмъ.

Современный вѣкъ—вѣкъ коллективизма. Цивилизація—вещь слишкомъ сложная и слишкомъ трудная, чтобы громадное большинство людей могло легко въ ней разбираться. Имъ необходима помощь, поддержка. Мы наблюдаемъ, какъ все болѣе и болѣе

создаются разныя учрежденія, вызываемыя этою настоятельною потребностью.

Для однородныхъ нуждъ извѣстной группы, заключающей въ себѣ лицъ одной профессіи, существуютъ синдикаты. Для различающихся между собою нуждъ, имѣющихъ все-таки коллективный характеръ, напр. для гигіеническихъ условій города, существовали во всѣ времена мѣстныя управленія, но никогда еще не пытались они брать на себя такія многочисленныя и разнообразныя обязанности, какъ то наблюдается въ нѣкоторыхъ странахъ въ настоящее время. Кругъ ихъ вѣдѣнія расширяется съ каждымъ днемъ.

Движеніе это особенно развивается въ Англіи, странѣ, какъ извѣстно, очень мало приверженной къ соціализму. Городскія думы приняли теперь тамъ на себя, исключительно впрочемъ въ видахъ экономическихъ, цѣлый рядъ предпріятій: освѣщеніе, передвиженіе и т. д. Они часто имѣютъ успѣхъ просто потому, что во главѣ ихъ стоятъ способные люди съ практической складкой, что встрѣчается далеко не у всѣхъ народовъ.

„Это именно въ Глазго, пишетъ Бурдо, имѣло мѣсто полнѣйшее переустройство города, произведенное въ самый короткій срокъ. Городъ обязалъ домовладѣльцевъ снести всѣ дома, признанные вредными для здоровья; рабочіе кварталы были преобразованы. Воздвиглись громадные корпусы общественныхъ построекъ, которые сдаются въ наемъ самимъ городскимъ управленіемъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Городъ устроилъ бани, прачешныя, скотобойни, художественныя галлереи, музей, библіотеки, богадѣльни, промышленныя школы и т. д., и все это благодаря доходамъ, получаемымъ городомъ отъ взятыхъ имъ въ руки разныхъ работающихъ успѣшно предпріятій общественнаго пользованія: трамваевъ, водоснабженія, газоваго и электрическаго освѣщенія. Стоимость газоваго освѣщенія была значительно понижена.“

Вотъ несомнѣнный соціализмъ, если хотятъ дать этому слову неопредѣленно широкое толкованіе, но тогда слѣдовало бы называть соціалистическими также кооперативныя и даже акціонерныя общества. Между тѣмъ извѣстно, что Англія, практикующая этотъ видъ общественнаго соціализма, почти не посылала соціалистовъ въ парламентъ.

Нѣмецкіе города идутъ по слѣдамъ англійскихъ городскихъ управленій; тамъ также способные люди не рѣдкость, и потому они тоже преуспѣваютъ въ своихъ предпріятіяхъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ Англіи.

„Города Имперіи, свободные отъ партійнаго духа, организовали профессіональныя школы, библіотеки, страховыя кассы, безплатныя конторы для предоставленія мѣстъ; они изыскиваютъ средства противъ безработицы. Вопросъ о городскихъ аптекахъ, стоявшій на очереди, рѣшенъ въ Кельнѣ. Многочисленные города работаютъ надъ увеличеніемъ земельной собственности общины. Жилища для рабочихъ составляютъ предметъ заботъ всѣхъ классовъ общества. Въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, въ Страсбургѣ, въ Гамбургѣ городскія управленія нанимаютъ дома для рабочаго населенія... Какъ въ Англіи, города стремятся къ тому, чтобы общественныя предпріятія не эксплоатировались акціонерными обществами.

„... съ 1847 года Берлинское городское управленіе получило право основать газовый заводъ; съ 1876 года оно вполнѣ распоряжается общественными работами и добивается еще большей автономіи.

„Все это движеніе происходитъ помимо соціалистовъ“.

Во Франціи этотъ видъ соціализаціи городскихъ управленій потерпѣлъ почти полное крушеніе, потому что въ небольшомъ числѣ городовъ, гдѣ его хотѣли примѣнить, онъ вводился неспособными политиканами, принадлежавшими большею частью къ самымъ низшимъ классамъ общества. Были города, нѣкогда сла-

вившіеся ученостью, какъ Дижонъ, которые, будучи порабощены болтовнею нѣсколькихъ вожаковъ, избрали соціалистическій городской совѣтъ, гдѣ фигурировали два сапожника, кузнецъ, виноторговцы, нѣсколько странствующихъ приказчиковъ, садовники, чернорабочій и т. п. Во время послѣднихъ выборовъ тамъ избрали въ мэры простого желѣзнодорожнаго мастера. Въ Рубэ точно также организовалось соціалистическое городское управленіе, долго предававшееся самымъ страннымъ фантазіямъ; состояло оно, большею частью, изъ кабатчиковъ и разносчиковъ газетъ. Начали они съ учрежденія должностей на 75.000 фр. для своихъ родственниковъ. Избиратели Рубэ, сообразившіе наконецъ, что для управленія большимъ городомъ необходимы все-таки нѣкоторыя познанія, кончили тѣмъ, что отдѣлались отъ своего соціалистическаго городского совѣта.

Что препятствуетъ соціалистическимъ муниципалитетамъ причинять Франціи большое зло, такъ это ограниченіе разныхъ фантазій центральною властью, на утвержденіе которой должны представляться въ большей своей части до приведенія въ исполненіе постановленія муниципальныхъ совѣтовъ. Примѣры Дижона, Рубэ, Бреста и проч. прямо указываютъ, насколько децентрализація, столь превосходная въ теоріи, была бы неосуществима у латинскихъ народовъ. Конечно, эта централизація тяжела, стѣснительна и разорительна, но она тѣмъ не менѣе необходима, такъ какъ безъ нея мы немедленно погрузились бы въ ужасную анархію.

Эти опыты революціоннаго коллективизма въ малыхъ размѣрахъ чрезвычайно поучительны, и, въ назиданіе обществу, можно желать, чтобы они участились, хотя бы съ рискомъ разорить нѣсколько городовъ. Опытъ—одинъ изъ рѣдкихъ способовъ доказательства, доступныхъ толпѣ. Опыты муниципальнаго соціализма даютъ довольно ясное понятіе о возможныхъ результатахъ коллективизма, если бы ему удалось завладѣть большою страной.

„Соціалистическій опытъ, говоритъ газета *Temps*, чуть-чуть не погубилъ навсегда процвѣтаніе коммуны въ Рубэ. Административныя попытки коллективистовъ и ихъ финансовыя фантазіи открывали эру безпорядка, хищенія и разоренія.

„Рубэ испыталъ революціонное иго. Онъ стряхнулъ его. Но не безнаказанно большой городъ испытываетъ тираннію и своенравіе коллективизма. Опытъ дорого стоитъ, и потому надо радоваться, когда онъ непродолжителенъ и не оставляетъ за собою непоправимаго разоренія. Нравоученіе изъ всей этой исторіи заключается въ томъ, что послѣднее слово принадлежитъ всегда здравому смыслу, съ условіемъ, однако, не переставать бороться за него. Только настойчивостью и энергіей Рубэ былъ отвоеванъ у революціонеровъ. Хорошій примѣръ для подражанія!“

Конечно, примѣръ для подражанія. Къ сожалѣнію, нужны недюжинные люди для одержанія такой побѣды. Личности, достаточно смѣлыя, чтобы идти противъ народныхъ теченій, а не боязливо слѣдовать за ними, становятся все рѣже. Такіе мужественные защитники соціальнаго строя достойны нашего удивленія и заслуживаютъ памятниковъ. Простой начальникъ мастерской сумѣлъ создать въ Рубэ движеніе, результатомъ котораго, противъ всѣхъ ожиданій, явилось пораженіе соціалистическаго городского совѣта и депутата, считавшагося однимъ изъ главарей партіи коллективизма.

Если опыты соціалистическаго городского управленія, иногда довольно удачные въ Англіи и Америкѣ, имѣютъ такъ мало успѣха во Франціи и Италіи, то просто потому, что, какъ я уже замѣтилъ, непремѣнное условіе этого успѣха состоитъ въ томъ, чтобы во главѣ управленія стояли очень способные люди. Самыя шумныя провозглашенія политическихъ мнѣній не могутъ замѣнить самыхъ скромныхъ практическихъ способностей. Если бы рабочіе классы умѣли самоуправляться, руководить предпріятіями, устанавливать законы и правила, они вовсе не нуждались бы въ буржуазіи, безъ которой не могутъ теперь обойтись. Какъ только рабочій обладаетъ достаточными способностями, онъ при одномъ этомъ условіи уже близокъ къ переходу въ буржуазію. Въ Англіи и Америкѣ онъ видимо приближается къ такому сословію, въ Германіи онъ еще довольно далекъ отъ него, у латинскихъ же народовъ рабочему до этого сословія еще очень далеко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Промышленные синдикаты.

§ 1. *Распространенiе закона группировки однородныхъ интересовъ.* Этотъ законъ примѣняется также въ крупной промышленности. Промышленные синдикаты. Они распространяются теперь въ странахъ, наиболѣе различающихся между собою.

§ 2. *Американскiе тресты.* Они представляютъ собою синдикаты промышленной монополiи. Ихъ основныя характерныя черты. Однородные заводы скупаются трестомъ, а не вступаютъ въ синдикаты. Неограниченное могущество главарей трестовъ. Они опредѣляютъ вознагражденiя, задѣльную плату и размѣры производства. Какъ образуются тресты. Ихъ финансовыя операцiи. Почему заводы принуждены присоединяться къ трестамъ. Число трестовъ въ Америкѣ. Какимъ образомъ они въ концѣ концовъ служатъ интересамъ публики. Полнѣйшее безсилiе американскихъ законовъ противъ трестовъ. Несмотря на ихъ хищническiй характеръ и пренебреженiе къ законности, тресты положили начало промышленному и торговому первенству Соединенныхъ Штатовъ.

§ 3. *Синдикаты промышленнаго производства въ Германiи.* Ихъ отличiе отъ американскихъ трестовъ. Заводы, занимающiеся одной и той же отраслью промышленности, вступаютъ въ синдикатъ, а не скупаются. Цѣль синдикатовъ—устраненiе конкуренцiи между однородными отраслями производства и установленiе продажныхъ цѣнъ. Только синдикатъ имѣетъ право сноситься съ клiентами, опредѣлять условiя производства и назначать продажныя цѣны. Нѣмецкiе синдикаты поддерживаются правительствомъ.

§ 4. *Синдикаты промышленнаго производства во Францiи.* Отсутствiе солидарности у латинскихъ народовъ всегда препятствовало у нихъ объединяться промышленникамъ въ синдикаты. Законы совершенно не поддерживаютъ синдикатовъ. Незначительное число промышленныхъ синдикатовъ во Францiи. Они не имѣютъ никакого влiянiя на продажныя цѣны.

§ 5. *Будущность синдикатовъ промышленнаго производства.* Они являются результатомъ современнаго развитiя, но не доказано, чтобы они могли долго бороться съ конкуренцiею, которую они хотятъ устра-

нить. Нѣмецкіе синдикаты, основанные для устраненія конкуренціи, въ настоящее время являются жертвою иностранной конкуренціи. Невозможно предвидѣть исходъ современнаго экономическаго развитія. Оно все болѣе и болѣе ускользаетъ отъ вліянія законовъ и правилъ.

§ 1. Распространеніе закона группировки однородныхъ интересовъ.

Мы уже не разъ видѣли въ этомъ трудѣ, что синдикаты и ассоціаціи, однимъ словомъ группировки однородныхъ интересовъ, составляютъ одно изъ характерныхъ явленій настоящаго времени. Хозяева, рабочіе, служащіе все болѣе и болѣе объединяются. Намъ остается изучить одну новую, недавно народившуюся форму синдиката, значеніе которой стремится сдѣлаться преобладающимъ.

Уменьшеніе доходности капиталовъ, вслѣдствіе постепеннаго увеличенія заработной платы, а также и конкуренціи между производителями, заставило крупныхъ промышленниковъ составлять монопольные синдикаты, предназначенные для устраненія конкуренціи, уменьшенія заводской стоимости издѣлій и поддержки продажныхъ цѣнъ. Ихъ быстрое развитіе въ самыхъ различныхъ странахъ несомнѣнно указываетъ на то, что они отвѣчаютъ извѣстной экономической эволюціи.

Возникли они въ Америкѣ. Ихъ развитіе быстро приняло тамъ гигантскіе размѣры. Они также развились въ Германіи, но въ другой формѣ. Мы займемся изученіемъ ихъ главнымъ образомъ въ этихъ двухъ странахъ.

§ 2. Американскіе тресты.

Американскіе промышленные синдикаты называются обыкновенно трестами, хотя они и отказались пользоваться этимъ наименованіемъ.

Трестъ представляетъ промышленный монопольный синдикатъ производителей, заводы которыхъ соединились не въ видѣ общества или компаніи, а посредствомъ покупки однимъ или нѣсколькими капиталистами, являющимися въ синдикатѣ полновластными хозяевами. Эта монополизація производства похожа на скупку товара, хотя нѣсколько отличается отъ нея. Скупка—явленіе коммерческое, а не промышленное, и длительность его по необходимости очень непродолжительна. Скупщикъ покупаетъ для того, чтобы, уменьшивъ обращеніе товара на рынкѣ, имѣть возможность продать его подороже, хотя онъ его не фабрикуетъ и чаще всего даже не видитъ. Промышленный синдикатъ скупаетъ производство, а не товаръ. Интересъ, который представляло бы для него замедленіе производства продукта, съ цѣлью сдѣлать его болѣе рѣдкимъ и тѣмъ возвысить его цѣнность, сдерживается въ извѣстныхъ предѣлахъ неудобствами дезорганизаціи его мастерскихъ и увеличенія расходовъ на производства, расходовъ, уменьшающихся сообразно съ увеличеніемъ производства.

Синдикаты, образуемые съ цѣлью монополизаціи производства, стремятся именно не только къ уменьшенію своихъ общихъ издержекъ по производству, но особенно къ уничтоженію конкуренціи между од-

народными учрежденіями, и, слѣд., стараются препятствовать пониженію продажной цѣны за извѣстные предѣлы.

Тресты могли добиться громаднаго могущества, которымъ они обладаютъ въ Америкѣ, только потому, что каждый изъ нихъ управляется однимъ лицомъ, пользующимся неограниченною властью. Соединенные заводы не только просто объединены въ синдикаты, какъ это практикуется въ Германіи, но скуплены однимъ капиталистомъ на средства, которыя онъ можетъ собрать при помощи разныхъ финансовыхъ комбинацій. Неизмѣнное условіе, соблюдаемое при созданіи такого синдиката въ Соединенныхъ Штатахъ, заключается въ томъ, чтобы онъ былъ въ однѣхъ рукахъ. Американцы охотно признаютъ въ политикѣ преимущество представительнаго управленія, но въ области промышленности и торговли они отдаютъ предпочтеніе полному самодержавію.

Въ силу этого принципа различные американскіе тресты почти всегда управляются однимъ хозяиномъ. Нефтяной трестъ, напр., образовавшійся изъ соединенія цѣлаго ряда нефтеочистительныхъ заводовъ, имѣетъ во главѣ одно лицо. Стальной трестъ, который соединяетъ почти всѣ металлургическіе заводы Америки и владѣетъ болѣе значительнымъ флотомъ, чѣмъ многія европейскія государства, также находится въ рукахъ одного хозяина. Эти властители направляютъ дѣло по своему усмотрѣнію, не допуская никакого контроля, увольняя управляющихъ заводами, которыхъ они находятъ не подходящими, опредѣляя

размѣръ производства, вознагражденіе рабочимъ и продажныя цѣны. Они стараются какъ можно тѣснѣе спеціализовать работу каждой фабрики для уменьшенія расходовъ по производству и увеличенія такимъ образомъ доходовъ. Благодаря таможеннымъ пошлинамъ, поддерживаемымъ законодателями, находящимися обыкновенно на ихъ жалованіи, имъ нечего бояться какой либо иностранной конкуренціи.

Тресты возникаютъ всегда однимъ и тѣмъ же порядкомъ. Финансистъ, поддерживаемый синдикатомъ капиталистовъ или безъ этой поддержки, скупаетъ всѣ заведенія, занимающіяся выдѣлкою извѣстнаго продукта, чтобы такимъ образомъ достигнуть полной монополизаціи всего производства.

Естественно, что нужно быть крупнымъ капиталистомъ, чтобы предпринять подобныя операціи, въ особенности когда онѣ достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ покупка всѣхъ американскихъ металлургическихъ заводовъ за сумму въ 5 милліардовъ фр., какъ это сдѣлалъ недавно одинъ финансистъ.

Впрочемъ создатели этихъ колоссальныхъ предпріятій вовсе не имѣютъ надобности владѣть милліардами, которые представляютъ ихъ цѣнность. Имъ даже не приходится истратить копѣйки, если они пользуются достаточнымъ престижемъ. Заставить выдать себѣ цѣнностей на 5 милліардовъ безъ затратъ очень просто, если можно занять эту сумму. Единственный заимодавецъ, могущій доставить такую сумму, конечно публика. Выпускаютъ акціи, заставляютъ публику ихъ покупать, и вырученными деньгами

производятъ уплату прежнимъ владѣльцамъ заводовъ. *)

Возникаетъ вопросъ, какой интересъ для разныхъ заводовъ соглашаться на эти операціи и входить въ трестъ, гдѣ они совершенно теряютъ свою самостоятельность. Они присоединяются главнымъ образомъ потому, что примѣръ предпріятій, пробовавшихъ противиться, показалъ, что всякое сопротивленіе служитъ сигналомъ къ безпощадной войнѣ, въ которой безусловно будешь побѣжденъ. Основатели трестовъ, имѣющіе въ своихъ рукахъ большинство желѣзныхъ дорогъ, немедленно назначеніемъ разорительныхъ тарифовъ ставятъ упорствующее предпріятіе въ невозможность перевозить свои товары. Если же предпріятіе находится въ условіяхъ, позволяющихъ ему, несмотря на это, отправлять товары, оно все-таки не избѣжитъ своей участи—трестъ будетъ продавать съ убыткомъ, пока не разоритъ конкурента. Въ большинствѣ случаевъ онъ предпочитаетъ продать заведеніе, чѣмъ дать себя разорить въ конецъ.

*) На практикѣ операція эта довольно сложна и сопровождается продѣлками, безспорно ловко придуманными; нравственная же ихъ сторона, повидимому, значительно ниже, чѣмъ у разбойниковъ, грабившихъ въ старину на большихъ дорогахъ. Идеаломъ основателей трестовъ всегда было полученіе денегъ съ публики, не давая ей ничего въ обмѣнъ, и зачастую этотъ идеалъ вполнѣ достигался. Успѣхъ ихъ образа дѣйствій объясняется только тѣмъ, что большая часть трестовъ возникла почти одновременно. Акціи каждаго треста выпускались двухъ совершенно различныхъ категорій: акціи съ извѣстными преимуществами и обыкновенныя. Первыя изъ нихъ приносятъ изъ доходовъ предпріятія, до распредѣленія прибылей, столько то (обыкновенно 7) процентовъ ихъ номинальной стоимости. Онѣ никогда не предлагаются публикѣ; представляя стоимость заводовъ, вошедшихъ въ трестъ, онѣ выдаются въ уплату бывшимъ владѣльцамъ. Что же касается обыкновенныхъ акцій, выпускаемыхъ въ обращеніе, то онѣ имѣютъ лишь право на остатокъ

Въ 1899 году въ Америкѣ было 353 треста съ капиталомъ въ 29 милліардовъ фр. Какъ я уже сказалъ, тресты устанавливаютъ безусловно въ пользу ихъ совладѣльцевъ цѣны на всѣ предметы потребленія: зерновой хлѣбъ, хлопокъ, металлы и др., причемъ, благодаря почти запретительнымъ таможеннымъ пошлинамъ, не боятся никакой иностранной конкуренціи. Они начинаютъ обыкновенно съ уменьшенія заработной платы и увеличенія продажныхъ цѣнъ. *Standard oil Trust* уволилъ сразу 1.500 рабочихъ и уменьшилъ на 15% плату остальнымъ. *Tin plate Trust* въ одинъ годъ удвоилъ цѣну жести. При вывозѣ своихъ товаровъ за границу, тресты, напротивъ, уменьшаютъ цѣны съ цѣлью вызвать разореніе иностранныхъ предпріятій.

О соблюденіи интересовъ публики не было рѣчи во всемъ предыдущемъ, и читатель, я полагаю, и не воображаетъ, чтобы этотъ интересъ могъ входить въ расчетъ хоть на одно мгновеніе при такихъ опера-

отъ прибылей, если таковой окажется, но до сихъ поръ основатели трестовъ устраивали такъ, что такихъ остатковъ не оказывалось. Де Рузье, у котораго я заимствую эти подробности, замѣчаетъ, что нельзя указать треста, который выдавалъ бы дивиденды на акціи, обращающіяся въ публикѣ. Не принося никакого дивиденда, эти акціи естественно страшно упали. Выпущенныя, какъ вообще, по цѣнѣ 500 фр., онѣ теперь большею частью котируются ниже 150 фр. Это нисколько не печалитъ владѣльцевъ трестовъ. Когда цѣна акцій подойдетъ достаточно близко къ нулю, они ихъ скупаютъ и могутъ тогда выдавать на нихъ крупные дивиденды, которые имъ ничего не стоятъ, потому что эти дивиденды получаютъ они же сами. Акціи естественно поднимаются въ цѣнѣ, что даетъ возможность основывать потомъ новые тресты при помощи такихъ же пріемовъ и избавиться отчасти отъ непріятныхъ криковъ со стороны до чиста обобранныхъ акціонеровъ.

ціяхъ. Вниманіе, которое оказываютъ основатели трестовъ публикѣ, приблизительно такое, какое оказываетъ грабитель своей жертвѣ или мясникъ баранамъ на бойнѣ.

И однако, въ силу однихъ естественныхъ законовъ, которымъ и тресты, несмотря на ихъ могущество, не могутъ не подчиняться, публика все-таки извлекаетъ несомнѣнныя выгоды отъ существованія этихъ синдикатовъ. Вслѣдствіе объединенія заводовъ въ однѣхъ рукахъ, общія издержки сокращаются, спеціализація увеличивается и заводскія цѣны значительно уменьшаются. Трестъ, установившій монополію, конечно, старается поднять цѣны, но такъ какъ въ концѣ концовъ всегда выясняется, что, продавая дешевле, продашь гораздо больше, цѣны въ концѣ концовъ понижаются, и производимый трестомъ товаръ обыкновенно отпускается ниже прежней стоимости. Это именно и случилось съ мѣднымъ трестомъ (Amalgamated Copper Cie). Онъ сперва пробовалъ поднять цѣны на мѣдь, но потомъ, получая мало барыша, скоро ихъ сбавилъ *).

Американскіе рабочіе, правда, не разъ пробовали бороться съ трестами, но они были слишкомъ слабы, чтобы очень долго имъ противиться. Тресты, впрочемъ, приносятъ имъ ту пользу, что уменьшаютъ число

*) Это, по крайней мѣрѣ, одно изъ объясненій пониженія цѣны на мѣдь, которая въ январѣ 1902 года упала до 47 фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того была 75 фунтовъ. Весьма возможно, что настоящая причина удешевленія скрывалась, какъ предполагали, въ желаніи американскаго мѣднаго треста въ конецъ разорить европейскіе синдикаты (которые старались удержать повышеніе цѣнъ на этотъ металлъ) для того, чтобы имѣть возможность скупить за безцѣнокъ ихъ заводы.

случаевъ пріостановки работъ и безработицы и пріучаютъ ихъ къ необходимости объединяться болѣе тѣсно, чѣмъ объединялись они до сихъ поръ. Когда всѣ рабочіе, услугами которыхъ пользуется трестъ, будутъ во власти главы своего союза и будутъ располагать денежными сбереженіями, позволяющими имъ выдерживать болѣе продолжительную борьбу, они въ любой моментъ будутъ въ состояніи остановить все производство и добиться увеличенія платы. Очевидно, что такъ какъ трестъ богаче рабочаго, то можетъ бороться гораздо дольше, и рабочій будетъ побѣжденъ, но борьба эта очень дорого обходится, а потому прямой интересъ треста избѣгать ея и уменьшать плату лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Американскіе тресты принимаютъ часто такія безнравственныя и варварскія формы, что законодательство долго не переставало съ ними бороться. Послѣ многолѣтнихъ безрезультатныхъ столкновеній пришлось признать, что государство недостаточно сильно, чтобы бороться съ такими грозными противниками, и оно отказалось отъ борьбы. Въ борьбѣ закона съ трестами первый совершенно и окончательно былъ побѣжденъ. Нѣтъ ни того права, ни того правосудія, которыя можно было бы противопоставить могуществу милліардовъ. Законы молчатъ передъ ними, какъ они молчали въ былое время передъ завоевателями.

Всѣ владѣльцы трестовъ считаютъ себя, не безъ основанія, могущественными властелинами. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ очень поучительной бесѣды редактора газеты *Journal* съ директоромъ сталь-

ного треста во время недавняго пребыванія его въ Парижѣ.

„Да, дѣйствительно, мы могущественнѣе, чѣмъ когда либо могъ быть какой либо монархъ. Зачѣмъ мы будемъ это отрицать? Нашъ трестъ „United States Steel and Iron Corporation“, президентомъ котораго я состою, платитъ ежегодно жалованье 600.000 служащихъ у него лицъ въ размѣрѣ 200 милліоновъ долларовъ, т. е. милліардъ франковъ. Отъ нашихъ служащихъ зависятъ непосредственно 5 или 6 милліоновъ и косвенно 15 милліоновъ человѣческихъ существъ. Нашъ трестъ владѣетъ желѣзными дорогами и 217 пароходами. Онъ достаточно силенъ, чтобы распоряжаться желѣзнодорожными обществами, подвижнымъ составомъ которыхъ ему угодно пользоваться. Да, мы могущественны, очень могущественны!

„При возникновеніи недавнихъ забастовокъ я боролся съ рабочими ассоціаціями рѣшительно и ожесточенно и сломилъ ихъ сопротивленіе.

— „Несмотря на то, замѣтилъ журналистъ, благодаря вашей системѣ, бѣдный гражданинъ уже не пользуется никакой свободной волей; онъ не болѣе какъ вещь, ничтожная единица, поглощенная громадной общиной, попавшая въ систему зубчатыхъ колесъ. За нимъ уже не признается ни достоинства, ни правъ ..“

Властелинъ разразился смѣхомъ и не торопясь далъ мнѣ объясненіе, которое вамъ можетъ показаться циничнымъ:

„Милостивый государь, я думаю, что когда, благодаря хорошему заработку, людямъ хорошо живется, они не особенно заботятся о своихъ правахъ.

„Правда, эти новые пріемы все болѣе и болѣе ведутъ къ уничтоженію индивидуальности, но я вполнѣ допускаю, что опасность поглощенія личности массою представляетъ нѣкоторыя затрудненія, безъ преодолѣнія которыхъ невозможно ее устранить“.

Спрошенный затѣмъ о томъ, каковы пріемы производства французской промышленности, директоръ треста отвѣтилъ:

„*Old fashioned*! Отсталые, рутинные. Это средніе вѣка. Говорю вамъ это откровенно: ничего вы не достигли! Изъ всѣхъ европейскихъ странъ только Германія сумѣла ловко воспринять самые прогрессивные пріемы. Нѣмецкій промышленникъ новаторъ и, кромѣ того, онъ не парализованъ, какъ его англійскій собратъ, тиранніей рабочихъ союзовъ“.

Если хотятъ судить о трестахъ только по окончательнымъ результатамъ ихъ дѣятельности, не касаясь ихъ варварскихъ пріемовъ, ихъ пренебреженія ко всякой законности, способовъ обиранія публики,

то нельзя не признать, что они достигли результата, котораго и не добивались: промышленнаго и торговаго первенства Соединенныхъ Штатовъ. Это первенство выражается теперь все возрастающимъ вывозомъ американскихъ товаровъ. Въ короткое время съ 1890 г. по 1900 г. вывозъ желѣза возросъ со 123 до 600 милліоновъ; вывозъ земледѣльческихъ машинъ съ 19 до 80 милліоновъ, химическихъ продуктовъ съ 31 до 66 милліоновъ, кожевенныхъ издѣлій съ 62 до 136 и т. д. Общая сумма ихъ вывоза увеличилась съ 5-ти милліардовъ въ 1897 г. до $7^{1}/_{2}$ милліардовъ въ 1901 г. Для Англіи и Германіи, въ особенности для первой, этотъ наплывъ товаровъ былъ гибеленъ. Экономическая борьба, свидѣтелемъ которой въ настоящее время является весь міръ, только по виду менѣе кровопролитна, чѣмъ сраженія. Она не менѣе гибельна для побѣжденныхъ. Приверженцы всеобщаго мира пока не подозрѣваютъ этого.

§ 3. Синдикаты промышленнаго производства въ Германіи.

Въ Германіи существуютъ также промышленные синдикаты, но совершенно другого характера, чѣмъ только что описанные. Вмѣсто того, чтобы учреждать монополіи, образуемыя соединеніемъ однородныхъ предпріятій, скупленныхъ однимъ лицомъ, нѣмецкіе промышленные синдикаты сформировались путемъ ассоціаціи нѣсколькихъ предпріятій, сохраняющихъ свою независимость въ отношеніи управленія и способовъ производства, но подчиняющихся, въ интересахъ чле-

новъ ассоціацій, извѣстнымъ условіямъ производства и установленія продажныхъ цѣнъ, съ тѣмъ, чтобы не конкурировать между собою. Эти ассоціаціи, по крайней мѣрѣ по виду, представляются общеполезными, и потому признаются и поддерживаются правительствомъ.

Синдикаты нѣмецкихъ промышленниковъ извѣстны подъ именемъ картелей (cartells). Всѣ они, какъ напр. синдикаты Вестфальскій каменноугольный, представляющій интересы 100 рудниковыхъ обществъ, сахарный, зеркальнаго производства и др., имѣютъ совершенно одну и ту же организацію. Представителемъ синдиката является бюро, пользующееся исключительнымъ правомъ установленія продажныхъ цѣнъ и сношеній съ покупателями. Оно продаетъ товаръ въ пользу членовъ синдиката, но по цѣнѣ, назначаемой исключительно имъ. Такимъ образомъ члены синдиката не могутъ конкурировать между собою. Если синдикатъ не имѣетъ бюро, что встрѣчается очень рѣдко, то продажныя цѣны, а также размѣръ производства каждаго завода, опредѣляетъ стоящій во главѣ синдиката комитетъ. Особые инспекторы наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ договора. За малѣйшее нарушеніе принятыхъ правилъ налагаются большіе штрафы.

Уставы нѣмецкихъ синдикатовъ нѣсколько различаются между собою, но всѣ содержатъ слѣдующія два основныя положенія: продажа по одинаковымъ цѣнамъ, во избѣжаніе конкуренціи однородныхъ предпріятій, и запрещеніе увеличивать размѣръ производства каждаго завода въ отдѣльности, чтобы не за-

валивать рынокъ, такъ какъ это обстоятельство, несмотря ни на какіе уставы, непремѣнно повлекло бы за собою паденіе цѣнъ.

Нѣмецкіе картели составляются преимущественно для сбыта совершенно одинаковыхъ продуктовъ. Существуютъ большіе картели для фабрикаціи паровозовъ, вагоновъ, добыванія угля и т. п., и малые для производства менѣе важныхъ предметовъ: ходкихъ матерій, такъ называемаго китайскаго атласа (satin de Chine), матерій для обтяжки зонтиковъ и др. Совсѣмъ нѣтъ синдикатовъ для продажи предметовъ роскоши и такъ называемыхъ предметовъ „de fantaisie", слишкомъ разнородныхъ и потому не подходящихъ подъ условія опредѣленія общихъ цѣнъ; таковы: дорогія ткани, обои, кружева, художественныя произведенія и т. д. Чѣмъ однороднѣе товаръ, тѣмъ легче образовать синдикатъ. Владѣльцы спиртныхъ заводовъ, продукты которыхъ совершенно одинаковы, могли легко объединиться, несмотря на то, что ихъ 4.000. Всѣ продукты ихъ производства продаются однимъ синдикатомъ, имѣющимъ 26.000 складовъ.

Такихъ синдикатовъ возникаетъ все больше и больше. Число ихъ, составлявшее въ 1879 году лишь 14, достигло въ 1896 году 260.

§ 4. Синдикаты промышленнаго производства во Франціи.

Въ латинскихъ странахъ вообще и въ частности во Франціи, гдѣ духъ солидарности чрезвычайно слабъ

и гдѣ торгово-промышленное законодательство крайне осторожно, формально и относится малосочувственно къ инициативѣ и очень враждебно ко всему похожему на монополію, движеніе промышленнаго объединенія, которое мы наблюдаемъ въ Америкѣ и Германіи, развилось очень мало и очень неувѣренно. Мы не имѣемъ другихъ синдикатовъ кромѣ эксплоатирующихъ привилегіи или требующихъ крупныхъ капиталовъ, какъ напримѣръ нефтеочистительный синдикатъ. Изъ правильно организованныхъ синдикатовъ можно назвать только синдикатъ крупныхъ сахарозаводчиковъ, въ которомъ состоятъ всего четыре участника; затѣмъ нефтеочистительный синдикатъ, имѣющій 17 участниковъ, и нѣсколько мелкихъ синдикатовъ, напримѣръ фабрикантовъ бумаги изъ лиможской соломы, синдикатъ фабрикантовъ стекла, металлургическій синдикатъ въ Лонгви, занимающійся плавкой простого чугуна. Въ послѣднемъ участвуетъ 11 обществъ, для которыхъ онъ является единственнымъ представителемъ въ продажѣ.

Большинство этихъ синдикатовъ имѣетъ слишкомъ мало значенія, чтобы играть какую нибудь роль въ установленіи рыночныхъ цѣнъ, что именно и должно было составлять ихъ главную цѣль. Благодаря отсутствію духа солидарности, замѣчаемому у латинскихъ народовъ, наши промышленники скорѣе готовы помириться съ прозябаніемъ своихъ заводовъ и даже съ закрытіемъ ихъ, чѣмъ объединиться для взаимной поддержки.

Между тѣмъ, если есть на свѣтѣ страна, въ которой объединеніе промышленниковъ необходимо, то

это конечно Францiя. Каждый день мы видимъ предпрiятiя, находящiяся въ опасности, какъ, напр., трамвайное, едва существующее вслѣдствiе громадности расходовъ, которые разумное товарищество сумѣло бы въ значительной мѣрѣ сократить. Точно такъ же дѣло обстоитъ и съ нашими пароходными компанiями, которыя влачатъ свое жалкое существованiе. Въ случаѣ образованiя ассоцiацiи, они не только уменьшили бы свои расходы, но имѣли бы полную возможность бороться съ рабочими союзами, производящими постоянно ни на чемъ не основанныя забастовки, единтвенно по наущенiю нѣкоторыхъ политикановъ, которымъ онѣ на руку.

Не думаю, чтобы латинскiе народы обладали организаторскимъ умомъ, достаточнымъ для управленiя большими промышленными синдикатами, и нужно опасаться за нихъ, а можетъ быть надѣяться, этого я пока еще не знаю, что американцы явятся основывать тресты въ Европѣ. Недавно было сообщено, что они намѣревались уже скупить всѣ предпрiятiя передвиженiя въ Парижѣ, какъ они, кажется, пытались завладѣть всѣми германскими линiями морекого сообщенiя.

§ 5. Будущность синдикатовъ промышленнаго производства.

Трудно сказать съ увѣренностью, долго ли продержится законъ сосредоточiя промышленнаго про-

изводства въ томъ видѣ, въ какомъ онъ господствуетъ теперь въ Америкѣ и Германіи. Законъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, оказываетъ извѣстныя услуги и, повидимому, является необходимымъ послѣдствіемъ общаго теченія, увлекающаго всѣхъ въ сторону объединенія однородныхъ интересовъ. Но одно уже то обстоятельство, что синдикаты основываются преимущественно для избѣжанія конкуренціи и, слѣд., для борьбы съ естественнымъ закономъ, управляющимъ развитіемъ отдѣльныхъ личностей и обществъ, возможно предположить, что они не будутъ долго существовать въ настоящемъ ихъ видѣ.

Дѣйствительно, они имѣютъ слишкомъ искусственный характеръ, насилуютъ всѣ принципы предложенія и спроса и могутъ основываться лишь подъ защитою сильнѣйшей таможенной охраны. Поэтому, кажется, экономическіе законы въ концѣ концовъ окажутъ на нихъ свое дѣйствіе. Нѣтъ серьезныхъ основаній предполагать, что эти законы не будутъ управлять будущею міровою эволюціей, хотя и необходимо засвидѣтельствовать, что народы чѣмъ дальше, тѣмъ больше направляются въ противоположную сторону. Каждый день воздвигаются болѣе и болѣе тяжелыя таможенныя препятствія и возникаютъ новые все болѣе и болѣе деспотическіе синдикаты. Усматривается поразительное разногласіе между прежней экономической наукой и всѣми организаціями, которыя развиваются на нашихъ глазахъ.

Нѣкоторыя, наблюдаемыя въ настоящее время, послѣдствія синдикатовъ промышленнаго объединенія

однако какъ будто показываютъ, что экономическіе законы остаются незыблемыми. Европейскіе промышленные синдикаты, благодаря ихъ организаціи, достигли продажи по очень выгоднымъ цѣнамъ, и конечно, подняли тѣмъ свое производство. Тогда наступилъ моментъ перепроизводства, на много превысившаго мѣстный спросъ, и пришлось искать покупателей въ другихъ странахъ; но такъ какъ тамъ тоже существуютъ въ свою очередь охранительныя таможенныя правила, то явилась необходимость продавать по очень низкимъ цѣнамъ, чтобы возмѣстить покровительственные тарифы. Цѣны эти, выгодныя для покупателя, скоро сдѣлались недостаточно выгодными производителю. Фабриканты начали, поэтому, ходатайствовать передъ своими правительствами о поощреніи вывоза преміями, которыя только и могли выдаваться на счетъ плательщиковъ налоговъ. Часто ихъ ходатайства удовлетворялись, и это привело къ такому, по истинѣ изумительному результату: потребители оплачивали крайне дорого продуктъ мѣстнаго производства, между тѣмъ какъ иностранные покупатели получали его по очень дешевой цѣнѣ. Такое явленіе долго наблюдалось во Франціи по отношенію къ сахару. Онъ стоилъ очень дорого, а иностранные потребители, покупающіе сахаръ у насъ, платили за него, вслѣдствіе вывозной преміи, предоставленной фабрикантамъ, въ четыре раза дешевле. Уплата премій сводилась просто къ тому, что каждый разъ, когда сахарозаводчикъ продавалъ иностранному потребителю очень дешево фунтъ сахара, мы возна-

граждали его извѣстной суммой за понесенный трудъ и за уменьшеніе его барышей. Отъ такой невѣроятной операціи въ выигрышѣ оказывались только одни иностранцы.

Германія, несмотря на свою мудрую организацію, скоро испытаетъ эти неожиданныя послѣдствія экономическихъ законовъ, которые она надѣялась пересилить.

Чтобы избѣжать иностранной конкуренціи, нѣмецкіе промышленники объединились въ синдикаты, и государство поддержало ихъ таможенными законами, затрудняющими ввозъ чужихъ товаровъ. Тѣмъ не менѣе оказывается, что даже при искусной организаціи таможенныя препятствія сдѣлались призрачными и не мѣшаютъ Соединеннымъ Штатамъ очень серьезно угрожать промышленности Германіи. Конечно, американскій экспортъ долженъ былъ миновать Германію, такъ какъ его товары не имѣли туда доступа, но онъ обратился въ страны, менѣе ограждаемыя таможенными законами и покупавшія прежде у Германіи. Вслѣдствіе дешевизны продаваемыхъ предметовъ, товары покупаются тамъ теперь американскіе, а не нѣмецкіе, и германскій рынокъ заваленъ своими товарами, на которые онъ не находитъ покупателей. Германія не имѣетъ возможности фабриковать такъ дешево, какъ Америка, потому что ея рабочіе не такъ способны и искусны. Принужденная продавать съ убыткомъ, она является жертвою неизбѣжнаго закона конкуренціи, противъ котораго не могутъ долго защищать народъ даже самыя драконовскія мѣры.

Исходъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ конфликтовъ, которые возникнутъ, будетъ, вѣроятно, весьма неожиданный. Промышленные синдикаты могутъ существовать въ настоящее время, кажется, только подъ защитой таможенныхъ пошлинъ. Однако похоже на то, что именно они роковымъ образомъ вызовутъ окончательное уничтоженіе этихъ пошлинъ.

Что всего яснѣе выступаетъ среди явленій, возникающихъ и развивающихся на нашихъ глазахъ, и чего никакъ нельзя было предусмотрѣть, это то положеніе, что роль правительствъ въ государствахъ все болѣе и болѣе ограничивается и все болѣе и болѣе обусловливается экономическими законами, дѣйствующими внѣ сферы правительственной дѣятельности. Эти законы функціонируютъ съ механическою правильностью, и самыя насильственныя мѣры, созданныя въ мечтахъ соціалистовъ, были бы также безсильны видоизмѣнить совершающійся по этимъ законамъ ходъ событій, какъ слова, обращенныя къ потоку, безсильны измѣнить его теченіе. Намъ нужно стараться приспособиться къ нимъ и не тратить напрасно силы на борьбу. Человѣкъ, управлявшійся прежде своими богами, уставами и законами, теперь управляется законами экономическими, которыхъ ничто не можетъ смягчить, и могущество которыхъ гораздо опаснѣе власти деспотовъ былыхъ временъ. Безполезно было бы ихъ проклинать: имъ надо подчиняться. Не узаконеніями же можно измѣнять теченіе судьбы.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Судьбы соціализма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предѣлы историческихъ предвидѣній.

§ 1. *Понятіе о неизбѣжности въ современномъ представленіи объ историческихъ явленіяхъ.* Измѣненія, произведенныя наукой въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи. Понятіе объ эволюціи и о неизбѣжности. Почему соціологія при современномъ ея состояніи не можетъ представить собой науку. Ея безсиліе предвидѣть событія. Историческія предвидѣнія представляются возможными лишь для ума, стоящаго неизмѣримо выше человѣческаго. Полезность понятія о неизбѣжности явленій.

§ 2. *Предвидѣніе соціальныхъ явленій.* Невозможность точно предвидѣть соціальныя явленія, хотя они и повинуются извѣстнымъ законамъ. Наши предвидѣнія не болѣе, какъ гипотезы, основанныя на аналогіяхъ, и должны ограничиваться лишь очень близкимъ будущимъ. Наше общее невѣдѣніе первоначальныхъ причинъ всѣхъ явленій.

§ 1. Понятіе о неизбѣжности въ современномъ представленіи объ историческихъ явленіяхъ.

Вскорѣ намъ придется изложить вкратцѣ наши предположенія относительно будущности соціализма. Не лишнимъ будетъ предварительно разыскать, въ какихъ предѣлахъ наука допускаетъ эти предположенія и съ какими оговорками можно ихъ формулировать.

Какъ только успѣхи наукъ раскрыли передъ человѣкомъ строй вселенной и правильную связь событій, его общее представленіе о вещахъ измѣнилось.

Не такъ еще давно благожелательное Провидѣніе направляло теченіе событій, руководило человѣкомъ, рѣшало исходъ сраженій и вершало судьбу имперій. Какъ предвидѣть Его велѣнія? Они были неисповѣдимы. Какъ оспаривать Его опредѣленія? Они были всемогущи. Передъ Провидѣніемъ народамъ оставалось преклоняться и смиренными молитвами стараться умилостивить Его гнѣвъ или произволъ.

Новыя міровоззрѣнія, сложившіяся подъ вліяніемъ научныхъ открытій, освободили человѣка отъ власти боговъ, когда то созданныхъ его воображеніемъ. Эти представленія не даровали ему большей свободы, но показали ему, что безполезно пытаться вліять молитвами на неуклонное и неумолимое сцѣпленіе законовъ, управляющихъ вселенною.

Развернувъ передъ нашими глазами послѣдовательный рядъ этихъ законовъ, наука познакомила насъ съ общимъ процессомъ превращенія нашей планеты и съ ходомъ развитія, благодаря которому жалкія существа первыхъ геологическихъ вѣковъ пришли къ своей современной формѣ.

Когда законы этого развитія были выяснены по отношенію къ индивидамъ, ихъ попытались примѣнить и къ человѣческимъ обществамъ. Современныя изслѣдованія показали, что и общества прошли черезъ цѣлую серію низшихъ формъ, прежде чѣмъ достигли уровня, на которомъ мы ихъ видимъ теперь.

Отъ этихъ изслѣдованій произошла соціологія: разрядъ познаній, который, быть можетъ, и устано-

вится когда нибудь, но до сихъ поръ приходилось ограничиваться регистраціей явленій, причемъ не удавалось предугадать ни одного изъ нихъ.

Именно вслѣдствіе этой неспособности предусматривать соціологія не можетъ разсматриваться не только какъ наука, но даже какъ зачатокъ науки. Рядъ свѣдѣній заслуживаетъ названія науки только тогда, когда онъ даетъ возможность опредѣлить условія явленія и, слѣдов., позволяетъ его воспроизвести или, по крайней мѣрѣ, предусмотрѣть его осуществленіе. Таковы: химія, физика, астрономія и, до нѣкоторой степени, даже біологія. Совсѣмъ не такова соціологія. Все, что она можетъ сказать намъ и что даже не ею открыто, заключается въ томъ, что нравственный міръ, подобно физическому, подчиненъ непреложнымъ законамъ; то, что мы называемъ „случаемъ", есть безконечная цѣпь невѣдомыхъ намъ причинъ.

Но запутанность этихъ причинъ дѣлаетъ невозможнымъ всякое точное предвидѣніе. Не только предвидѣнія, но просто нѣкотораго пониманія соціальныхъ явленій можно достигнуть не иначе, какъ изучивъ въ отдѣльности каждую изъ дѣйствующихъ причинъ и изслѣдовавъ потомъ взаимодѣйствіе ихъ. Теоретически этотъ пріемъ тотъ же, какой примѣняется въ астрономіи для опредѣленія пути свѣтилъ. Когда количество взаимодѣйствующихъ элементовъ очень велико, современная наука оказывается безсильной выяснить окончательный результатъ этого взаимодѣйствія. Опредѣлить относительное положеніе трехъ тѣлъ, массы и скорости которыхъ различны и которыя дѣйствуютъ

другъ на друга — эта задача въ продолженіе долгаго времени смущала проницательность самыхъ знаменитыхъ математиковъ.

Для соціальныхъ явленій существуетъ уже не три причины, а цѣлые милліоны причинъ, взаимодѣйствіе которыхъ нужно опредѣлять. Развѣ возможно предчувствовать окончательный выводъ при такой запутанности? Чтобы получить хотя бы неточные или даже приближенные выводы, а просто общія и краткія указанія, надо поступать какъ астрономъ, который, пытаясь опредѣлить положеніе неизвѣстнаго свѣтила по тѣмъ пертурбаціямъ, какія оно производитъ въ движеніи свѣтила извѣстнаго, не гонится за тѣмъ, чтобы обнять своими формулами совокупное дѣйствіе всѣхъ тѣлъ вселенной. Онъ пренебрегаетъ второстепенными пертурбаціями, которыя сдѣлали бы задачу неразрѣшимой, и довольствуется приблизительнымъ рѣшеніемъ.

Даже въ самыхъ точныхъ наукахъ приблизительные выводы суть единственные, до которыхъ можетъ достигнуть нашъ слабый умъ. Но такой умъ, о какомъ говоритъ Лапласъ, „который въ каждый данный моментъ распознавалъ бы всѣ оживляющія природу силы и взаимное положеніе населяющихъ ее существъ, если притомъ онъ былъ бы достаточно обширенъ, чтобы подвергнуть анализу всѣ эти данныя, такой умъ могъ бы выразить въ одной формулѣ движенія самыхъ большихъ тѣлъ вселенной и самыхъ легкихъ атомовъ. Такому уму было бы все ясно: будущее, какъ и прошедшее, было бы у него какъ передъ глазами“.

Мы не знаемъ, появлялся ли хоть въ одномъ изъ милліоновъ міровъ, совершающихъ безмолвный путь по небесному своду, такой умъ, о какомъ говоритъ Лапласъ, умъ, который могъ бы прочесть на нашей ничтожной планетѣ происхожденіе человѣка, фазы его исторіи и тотъ часъ, когда для послѣдняго существа на нашемъ остывшемъ шарѣ наступитъ конецъ. Не будемъ слишкомъ завидовать такой прозорливости. Если бы книга судебъ была открыта передъ нашими глазами, то самые могучіе рычаги человѣческой дѣятельности скоро были бы сокрушены. Тѣ, которыхъ Сивилла античнаго міра посвящала въ тайны будущаго, блѣднѣли отъ ужаса и устремлялись къ священному источнику, влага котораго приносила забвеніе.

Самые просвѣщенные умы—Кантъ, Стюартъ Милль, и новѣйшіе психологи, какъ Гумпловичъ, утверждаютъ, что если бы психологія индивидовъ и народовъ была хорошо изучена, то мы могли бы предусматривать ихъ дѣйствія. Но это сводится къ гипотезѣ Лапласа въ другой формѣ, т. е. къ допущенію, что элементовъ слишкомъ много для того, чтобы мы могли ихъ знать, и взаимодѣйствіе ихъ слишкомъ сложно, чтобы мы могли подвергнуть его анализу.

Итакъ, намъ слѣдуетъ довольствоваться сознаніемъ, что нравственный міръ также подчиненъ извѣстнымъ законамъ, и рѣшительно отказаться отъ мысли знать послѣдствія этихъ законовъ въ будущемъ.

Это понятіе о неизбѣжности, которое современная наука все болѣе и болѣе старается установить, не есть пустая, совершенно для насъ безполезная

теорія. Оно по крайней мѣрѣ научаетъ насъ терпѣнію и позволяетъ приступать къ изученію соціальныхъ явленій съ хладнокровіемъ химика, анализирующаго тѣло или изслѣдующаго плотность газа. Оно учитъ насъ не раздражаться событіями, идущими въ разрѣзъ съ нашими понятіями, такъ же, какъ не раздражается ученый при неожиданномъ результатѣ произведеннаго опыта. У философа нѣтъ негодованія противъ явленій, подчиненныхъ неизбѣжнымъ законамъ. Слѣдуетъ ограничиваться установленіемъ этихъ явленій въ увѣренности, что ничто не могло бы помѣшать ихъ осуществленію.

§ 2. Предвидѣніе соціальныхъ явленій.

Итакъ, соціологія должна ограничиваться регистраціей явленій. Каждый разъ, когда ея приверженцы, даже самые прославленные, какъ Огюстъ Контъ, пытались вступить въ область предсказаній, они ошибались самымъ плачевнымъ образомъ.

Въ особенности государственные люди, погруженные въ сферу политическихъ событій и, казалось бы, наиболѣе искусные въ наблюденіи ихъ теченія, менѣе всего умѣютъ ихъ предусматривать.

„Сколько разъ, пишетъ Фулье, событія опровергали предсказанія пророковъ! Наполеонъ когда то предсказалъ, что Европа скоро будетъ оказачена. Онъ же предсказывалъ, что Веллингтонъ водворитъ въ Англіи деспотизмъ, потому что этотъ генералъ слишкомъ великъ, чтобы остаться обыкновеннымъ частнымъ человѣкомъ“. Если вы даруете независимость Соединеннымъ Штатамъ, говорилъ съ своей стороны не болѣе прозорливый лордъ Шельборнъ, солнце Англіи закатится и слава ея навсегда померкнетъ. Бэркъ и Фоксъ соперничали въ ложныхъ предсказаніяхъ

относительно французской революціи; первый изъ нихъ утверждалъ, что вскорѣ Франція „подвергнется раздѣлу, какъ Польша“. Мыслители всякихъ направленій, повидимому чуждые дѣйствительности этого міра, почти всегда оказывались болѣе прозорливыми, чѣмъ простые государственные люди. Вѣдь никто иной, какъ Руссо, какъ Гольдсмитъ предсказали французскую революцію; Артуръ Юнгъ предвидѣлъ, что во Франціи послѣ кратковременнаго періода всякихъ насилій и неистовства „наступитъ продолжительное благосостояніе какъ результатъ реформъ“. Токвиль за тридцать лѣтъ до самаго событія предсказывалъ, что южные штаты въ Американской республикѣ сдѣлаютъ попытку къ отдѣленію. Гейне говорилъ за много лѣтъ впередъ: „Вамъ, французамъ, слѣдуетъ бояться освобожденной и объединенной Германіи болѣе, чѣмъ всего священнаго союза и всѣхъ казаковъ вмѣстѣ взятыхъ.“ Кине въ 1832 г. предсказывалъ перемѣны, происшедшія затѣмъ въ Германіи, предугадалъ роль Пруссіи, угрозу, нависшую надъ головами французовъ, и попытку желѣзной руки вновь захватить ключи Эльзаса. - И все это потому, что у большей части государственныхъ людей, погруженныхъ въ событія настоящей минуты, близорукость естественна.“

Дѣйствительно, это есть ихъ естественное состояніе, и не трудно понять, что философы, умѣющіе не поддаваться настроеніямъ минуты, иногда могутъ высказывать очень вѣрныя предсказанія. Въ своей вступительной рѣчи во французской академіи Дешанель, бывшій тогда президентомъ палаты депутатовъ, показалъ, насколько ошибочны могутъ быть предсказанія государственныхъ людей и насколько точны предсказанія философовъ.

Въ продолженіе тридцати лѣтъ слѣпая дипломатія, направляемая еще болѣе слѣпымъ императоромъ, ничего не видѣла, ничего не понимала, не могла ничего предусмотрѣть. Цѣпляясь за неопредѣленные принципы, столь дѣтскіе, какъ напр. принципъ народности, она вызывала войны, въ родѣ войны съ Австріей за Италію, послужившей причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій. Въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ

простой философъ Герве совершенно ясно предвидѣлъ послѣдующія событія.

За семь лѣтъ впередъ онъ предсказалъ австро-прусскую войну 1866 г., а послѣ Садовой, когда крайне недалекіе дипломаты и журналисты радовались успѣхамъ Пруссіи, которая, разгромивъ Данію и Австрію, готовилась сразить и Францію, Герве писалъ: „Не сражаясь, Франція потерпѣла наиболѣе серьезное послѣ Ватерлоо пораженіе. Война между Франціей и Пруссіей неизбѣжна. Она будетъ перенесена въ самую глубь какой либо одной изъ этихъ странъ“. Единственнымъ еще не исполнившимся предсказаніемъ этого мыслителя является поединокъ между германцами и славянами.

Для того, чтобы предвидѣть все это, конечно былъ необходимъ лишь свѣтлый здравый умъ, а государственные люди слишкомъ ушли въ текущія события, чтобы имѣть такой умъ. Совсѣмъ недавно, во время осады посольствъ въ Китаѣ, ни одинъ изъ обитавшихъ въ Пекинѣ дипломатовъ не предвидѣлъ грозившихъ имъ событій и послѣдовавшей затѣмъ дорого стоившей войны. Ихъ интересовали больше вопросы этикета, чѣмъ то, что происходило вокругъ нихъ.

Между тѣмъ, не было недостатка въ предупрежденіяхъ, но они исходили извнѣ, отъ лицъ, мнѣніе которыхъ, очевидно, не могло приниматься въ расчетъ, такъ какъ они не принадлежали къ дипломатическому кругу. Тотчасъ послѣ захвата Кіао-Чау, довершившаго рядъ нарушеній правъ Китая со стороны западныхъ народовъ, морской офицеръ Л. де Соссюръ

предсказывалъ въ *Journal de Genève*, что „чаша переполнилась, и очень скоро разразится государственный переворотъ, который по всей вѣроятности начнется съ низложенія императора“.

Какъ бы то ни было, философъ долженъ быть очень остороженъ въ своихъ предсказаніяхъ, не идти въ нихъ далѣе лишь общихъ указаній, выведенныхъ, главнымъ образомъ, изъ глубокаго изученія характера расъ и ихъ исторіи, а во всемъ остальномъ ограничиваться установленіемъ фактовъ.

Оптимизмъ или пессимизмъ, какими мы окрашиваемъ установленіе фактовъ, представляютъ собой только извѣстные оттѣнки изложенія, могущіе облегчить самыя объясненія, но не имѣющіе сами по себѣ никакого значенія. Они зависятъ только отъ темперамента и настроенія ума. Мыслитель, привыкшій наблюдать неумолимое сцѣпленіе вещей, придастъ въ большинствѣ случаевъ своей оцѣнкѣ событій пессимистическую окраску; оцѣнка событій ученымъ, для котораго міръ представляетъ лишь любопытное зрѣлище, будетъ имѣть характеръ какой то покорности всему происходящему или равнодушія ко всему. Вполнѣ оптимистическія представленія о событіяхъ встрѣчаются почти только у однихъ совершенныхъ глупцовъ, избалованныхъ судьбой и довольныхъ своею участью. Но если мыслитель, философъ и случайно человѣкъ слабаго ума умѣютъ наблюдать, то ихъ выводы относительно явленій неизбѣжно будутъ одинаковы настолько, какъ фотографіи одного и того же памятника, снятыя различными фотографами.

Обсуждать уже совершившіяся явленія, устанавливать отвѣтственность тѣхъ или другихъ, расточая порицанія или похвалы, какъ то дѣлаютъ многочисленные историки, занятіе совершенно пустое, которымъ историки будущаго основательно будутъ пренебрегать. Сцѣпленіе причинъ, создающихъ событія, гораздо сильнѣе людей, принимающихъ въ нихъ участіе. Самыя памятныя изъ великихъ историческихъ событій, напр. паденіе Вавилона или Аѳинъ, упадокъ Римской имперіи, реформація, революція, послѣдніе наши погромы—все это должно приписать не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлымъ поколѣніямъ. Картонный паяцъ, который, не подозрѣвая существованія двигающихъ его нитей, порицалъ бы или восхвалялъ движенія другихъ паяцовъ, совершенно заблуждался бы относительно истины.

Человѣкомъ руководитъ среда, обстоятельства и въ особенности воля мертвыхъ, т. е. тѣ таинственныя наслѣдственныя силы, которыя въ немъ живутъ. Онѣ управляютъ большей частью нашихъ поступковъ и имѣютъ тѣмъ большую силу, что мы ихъ не замѣчаемъ. Когда въ рѣдкихъ случаяхъ мы имѣемъ наши собственныя мысли, то онѣ воздѣйствуютъ лишь на не родившіяся еще поколѣнія.

Наши дѣйствія—наслѣдіе долгаго прошлаго; послѣдствія ихъ скажутся только въ будущемъ, котораго мы уже не увидимъ. Одинъ только переживаемый нами періодъ времени имѣетъ для насъ нѣкоторую цѣнность, а между тѣмъ въ жизни расы это такой короткій промежутокъ времени, что онъ

не имѣетъ почти никакого значенія. Намъ даже невозможно оцѣнить дѣйствительную важность событій, происходящихъ передъ нашими глазами, потому что вліяніе ихъ на нашу личную судьбу заставляетъ насъ преувеличивать ихъ значеніе. Эти событія можно сравнить съ маленькими волнами, появляющимися и исчезающими на поверхности рѣки, не вліяя на ея теченіе. Насѣкомое, унесенное на листочкѣ и поднимаемое этими волнами, принимаетъ ихъ за цѣлыя горы и совершенно основательно боится ихъ напора. На самомъ же дѣлѣ вліяніе ихъ на теченіе рѣки равняется нулю.

Болѣе глубокое изученіе соціальныхъ явленій ставитъ передъ нами слѣдующее двоякое положеніе: съ одной стороны эти явленія управляются длинной цѣпью законовъ и вслѣдствіе того могутъ быть предусмотрѣны высшимъ разумомъ, но съ другой—такое предусмотрѣніе въ большинствѣ случаевъ недоступно такимъ ограниченнымъ существамъ, какъ мы.

Между тѣмъ человѣкъ всегда будетъ стараться приподнять завѣсу, скрывающую отъ него непостижимое будущее, даже философы не могутъ избѣгнуть этого тщетнаго любопытства. Но по крайней мѣрѣ они знаютъ, что ихъ предсказанія только гипотезы, основанныя преимущественно на аналогіяхъ, заимствованныхъ у прошлаго или выведенныхъ изъ общаго хода вещей и основныхъ чертъ характера народовъ. Они знаютъ также, что предсказанія повидимому даже самыя вѣрныя должны ограничиваться лишь самымъ близкимъ будущимъ, и что даже въ

этомъ случаѣ по многимъ невѣдомымъ причинамъ они могутъ не оправдаться. Прозорливый мыслитель, изучая общее настроеніе умовъ, конечно могъ предвидѣть французскую революцію за нѣсколько лѣтъ до ея начала, но какъ бы онъ могъ предугадать появленіе Наполеона, завоеваніе имъ Европы и имперію?

Итакъ, научный умъ не можетъ выдавать за достовѣрное предсказаніе относительно состоянія общества въ далекомъ будущемъ. Онъ видитъ, что нѣкоторые народы возвышаются, другіе идутъ къ упадку, а такъ какъ исторія прошлаго учитъ, что склонность къ упадку почти никогда не прекращается, то онъ имѣетъ основаніе сказать, что тѣ, которые начали спускаться по наклонной плоскости, будутъ продолжать падать. Онъ знаетъ, что учрежденія не могутъ измѣняться по волѣ законодателей, а видя, что соціалисты хотятъ ниспровергнуть всю организацію, на которой покоятся наши цивилизаціи, онъ легко можетъ предсказать катастрофы, которыя послѣдуютъ отъ этихъ попытокъ. Конечно, это только общія предсказанія, не много приближающіяся къ категоріи тѣхъ простыхъ и вѣчныхъ истинъ, которыя извѣстны подъ именемъ общихъ мѣстъ. Самая передовая наука должна довольствоваться этими весьма недостаточными приближеніями.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ сказать о будущемъ, когда мы почти совсѣмъ не знаемъ даже того міра, гдѣ живемъ, и когда наталкиваемся на непроницаемую стѣну каждый разъ, какъ только пожелаемъ узнать причину явленій и изслѣдовать дѣй-

ствительность, скрывающуюся за внѣшностью? Сотворены или не сотворены видимые нами предметы, дѣйствительно ли они существуютъ или нѣтъ, вѣчны они или скоропреходящи? Оправдывается чѣмъ-либо существованіе міра или нѣтъ? Обусловлены ли происхожденіе и развитіе вселенной волею высшихъ существъ или же управляются слѣпыми законами, тою верховною судьбою, которой по понятіямъ древняго міра все должно было повиноваться: и боги и люди?

Въ мірѣ нравственномъ наши сомнѣнія ничуть не меньше. Откуда мы пришли? Куда мы идемъ? Всѣ наши мечты о счастьи, справедливости и правдѣ быть можетъ только иллюзіи, созданныя приливомъ крови къ мозгу, и находятся въ полномъ разногласіи съ убійственнымъ закономъ борьбы за существованіе? Всѣ эти опасные вопросы оставимъ по крайней мѣрѣ подъ сомнѣніемъ, потому что сомнѣніе граничитъ съ надеждой. Мы несемся на удачу по волнамъ океана невѣдомыхъ вещей, которыя становятся все болѣе и болѣе таинственными по мѣрѣ того, какъ мы силимся опредѣлить ихъ сущность. И только изрѣдка въ этомъ непроницаемомъ хаосѣ загораются иногда на мгновенія какіе нибудь огоньки, какія нибудь относительныя истины, которыя мы называемъ законами, когда они не представляются слишкомъ скоропреходящими.

Слѣдуетъ примириться съ тѣмъ, что намъ дано лишь знаніе этихъ неопредѣленностей. Правда, это ненадежные руководители, но только они намъ и доступны. Наукѣ уже не приходится искать другихъ. Древніе боги не дали намъ лучшихъ. Конечно, они

дали человѣку надежду, но не они научили его извлекать пользу изъ окружающихъ силъ и тѣмъ облегчать свое существованіе.

Къ счастью для человѣчества—оно не призвано искать причины своихъ дѣйствій въ этихъ недоступныхъ и холодныхъ областяхъ чистой науки. Ему всегда нужны иллюзіи, очаровывающія его, и галлюцинаты, руководящіе имъ. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ никогда не было недостатка. Химеры политическія, иллюзіи религіозныя, мечты соціальныя всегда имѣли надъ нами высшую власть. Эти обманчивые призраки были и вѣчно будутъ нашими властителями.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вышелъ изъ первобытнаго варварства, онъ въ теченіе тысячелѣтій неустанно создавалъ иллюзіи, которымъ поклонялся и на которыхъ созидалъ свои цивилизаціи. Каждая изъ нихъ очаровывала его въ теченіе нѣкотораго времени, но всегда наступалъ часъ, когда она теряла для него обаяніе, и тогда онъ ее ниспровергалъ, расходуя на то столько же усилій, сколько потратилъ ранѣе на созиданіе ея. Теперь еще разъ человѣчество возвращается къ этой вѣчной задачѣ, быть можетъ единственной, могущей заставить его забыть тягости судьбы. Теоретики соціализма только снова начинаютъ трудное дѣло созданія новой вѣры, призванной замѣнить вѣру древнихъ вѣковъ, въ ожиданіи, пока роковой круговоротъ вещей не обречетъ и ее, въ свою очередь на гибель.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Будущность соціализма.

§ 1. *Условія, въ которыхъ въ настоящее время находится соціализмъ.* Краткій обзоръ условій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ развитію соціализма. Соціализмъ является болѣе умственнымъ состояніемъ, чѣмъ доктриной. Опасность его заключается не въ томъ, что къ нему примыкаетъ толпа, а въ томъ, что онъ привлекаетъ просвѣщенные умы. Соціальные перевороты начинаются всегда сверху, а не снизу. Примѣръ французской революціи. Состояніе умовъ въ моментъ французской революціи. Аналогія его съ современной эпохой. Правящіе классы теряютъ въ настоящее время всякую вѣру въ справедливость своего дѣла. Обѣщанія соціализма.

§ 2. *Что обѣщаетъ успѣхъ соціализма тѣмъ народамъ, гдѣ онъ восторжествуетъ.* Мнѣнія великихъ современныхъ мыслителей. Они всѣ приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Ближайшая судьба народовъ, у которыхъ установится соціализмъ. Разложеніе общества и анархія скоро приведутъ къ цезаризму. Гипотеза о мирномъ и постепенномъ водвореніи соціализма.

§ 3. *Какъ могъ бы соціализмъ захватить управленіе страной.* Современныя арміи и ихъ умственное состояніе. Гибель общества неизбѣжна, какъ скоро армія обратится противъ него. Какимъ образомъ впали въ анархію испанскія республики въ Америкѣ, благодаря деморализаціи ихъ армій.

§ 4. *Какимъ образомъ соціализмъ можетъ быть побѣжденъ.* Необходимость знать секретъ его силы и слабости, равно какъ и умственный складъ его приверженцевъ. Средства воздѣйствія на толпу. Какъ гибнутъ общества, когда естественные ихъ защитники отказываются отъ борьбы и усилій. Не пониженіе уровня умственныхъ способностей, а ослабленіе характеровъ является причиной гибели народовъ. Почему пали Аѳины, Римъ и Византія.

§ 1. Условія, въ которыхъ въ настоящее время находится соцаілизмъ.

Мы пытались въ этомъ трудѣ опредѣлить главные факторы современной эволюціи общества. Мы изслѣдовали вліяніе перемѣнъ въ наукѣ и промышленности, вліяніе сближенія между народами, достигнутаго посредствомъ пара и электричества, вліяніе измѣненій въ образѣ мыслей и вліяніе многихъ другихъ факторовъ. Человѣкъ, какъ и всѣ живыя существа, не можетъ жить, не приспособляясь къ своей средѣ. Онъ принаравливается къ ней посредствомъ медленнаго процесса развитія, а не посредствомъ насильственныхъ переворотовъ. Причины, вызвавшія современную эволюцію, выяснились слишкомъ недавно, чтобы мы могли располагать какимъ либо средствомъ въ точности узнать, къ чему онѣ приведутъ, и потому мы можемъ лишь указать въ общихъ чертахъ, каково должно быть вліяніе каждой изъ нихъ.

Мы указали пункты, въ которыхъ стремленія соціалистовъ совпадаютъ съ происходящей передъ нами эволюціей общества. Но такія совпаденія встрѣчались очень рѣдко. Напротивъ, мы видѣли, что большая часть соціалистическихъ теорій находится въ явномъ противорѣчіи съ законами, управляющими современнымъ міромъ, и что осуществленіе этихъ теорій привело бы насъ къ низшимъ, давно уже пройденнымъ ступенямъ цивилизаціи. Вотъ почему мы установили, что высота современнаго положенія на-

родовъ на ступеняхъ цивилизаціи опредѣляется довольно точно степенью сопротивленія ихъ соціализму.

Союзъ одинаковыхъ интересовъ, единственная практическая форма солидарности и экономическая конкуренція, форма современной борьбы за существованіе, являются насущными потребностями настоящаго времени. Соціализмъ едва признаетъ первую и стремится совершенно вычеркнуть вторую. Единственную власть, какую онъ признаетъ,—это власть народныхъ собраній. Отдѣльный индивидъ для него ничто, но уже только по тому, что онъ частица толпы, онъ обладаетъ всѣми качествами и всѣми правами. Психологія же, наоборотъ, учитъ насъ, что индивидъ, входя въ составъ толпы, теряетъ большую часть умственныхъ качествъ, составляющихъ его силу.

Пренебрегать союзами и желать уничтоженія конкуренціи, какъ это предлагаетъ соціализмъ, значитъ пытаться парализовать могучіе рычаги новѣйшаго времени. Не въ томъ дѣло, чтобы знать, благодѣтельна или вредна конкуренція, а слѣдуетъ доискаться, дѣйствительно ли она неизбѣжна, и, въ случаѣ неизбѣжности, стараться примѣниться къ ней.

Мы показали, что экономическая конкуренція, которая въ концѣ концовъ сокрушила бы отдѣльную личность, нашла себѣ естественный, образовавшійся самъ собой безъ участія какой либо теоріи, противовѣсъ въ объединеніи одинаковыхъ интересовъ. Союзы рабочихъ съ одной стороны, союзы хозяевъ съ другой могутъ бороться равными силами, чего не могла бы сдѣлать отдѣльная личность. Безъ сомнѣнія, это только

замѣна самодержавія одного лица самодержавіемъ многихъ, и ничто не даетъ основанія думать, что второе будетъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ первое, даже, кажется, можно утверждать, что навѣрное произойдетъ обратное. Очевидно также, что коллективныя тиранніи переносились всегда съ наибольшею покорностью. Никогда самый лютый тиранъ не могъ бы себѣ позволить такихъ проявленій кроваваго деспотизма, какія безнаказанно совершали во времена революціи темные безымянные комитеты, дѣйствовавшіе во имя истинныхъ или воображаемыхъ общихъ интересовъ.

Мы показали также, что, несмотря на полное противорѣчіе между принципами соціализма и данными современной науки, онъ обладаетъ огромной силой, вслѣдствіе стремленія его принять религіозную форму. Тогда онъ является уже не теоріей, которую можно оспаривать, а настоящимъ догматомъ, которому нужно подчиняться, и власть котораго надъ душами неограниченна.

Именно по этой причинѣ соціализмъ—самая страшная изъ опасностей, когда либо грозившихъ современному обществу. Полное его торжество — вполнѣ возможно, и потому не будетъ безполезнымъ указать, что онъ дастъ народу, который подчиненіемъ своей судьбы этому страшному властителю думаетъ обезпечить свое благополучіе.

Прежде всего припомнимъ главные соціалистическіе догматы и причины, могущія заставить принять ихъ.

Не касаясь фантастическихъ сторонъ безчисленныхъ программъ теоретиковъ и разсматривая лишь ихъ сущность и возможность осуществленія у нѣкоторыхъ народовъ того, что дается естественною эволюціей, мы найдемъ, что эти программы сводятся къ четыремъ главнымъ пунктамъ:

1. Уничтоженіе слишкомъ большой неравномѣрности богатствъ посредствомъ прогрессивныхъ налоговъ и особенно достаточно высокихъ пошлинъ на наслѣдство;

2. Постепенное расширеніе правъ государства или, если угодно, той общины, которая замѣнитъ государство и будетъ отличаться отъ него лишь названіемъ;

3. Передача государству земли, капиталовъ, промышленности и предпріятій всякаго рода, т. е. отчужденіе ихъ отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ въ пользу общины;

4. Уничтоженіе свободной конкуренціи и уравненіе заработной платы.

Очевидно, осуществленіе перваго пункта возможно, и строго можно признать, хотя это еще совсѣмъ недоказано, что попытка передавать каждому поколѣнію въ общинѣ избытокъ богатствъ, собранныхъ прошлыми поколѣніями, и тѣмъ избѣгнуть образованія денежной аристократіи, иногда болѣе тяжелой и гнетущей, чѣмъ старый феодальный строй, представитъ нѣкоторыя преимущества или по крайней мѣрѣ явится актомъ справедливости.

Что касается другихъ положеній и, въ особенно-

сти, прогрессивнаго расширенія правъ государства, результатомъ чего явилось бы уничтоженіе свободной конкуренціи, а затѣмъ и уравненіе заработка, то проведеніе ихъ въ жизнь повело бы лишь къ разоренію страны, такъ какъ такія мѣры, несовмѣстимыя съ естественнымъ порядкомъ вещей, поставили бы народъ въ положеніе явно невыгодное относительно соперниковъ и заставили бы его уступить имъ мѣсто. Мы не говоримъ, что этотъ идеалъ неосуществимъ, такъ какъ уже показали, что нѣкоторые народы все болѣе и болѣе стремятся къ постепенному расширенію роли государства; но мы также видѣли, что исключительно благодаря этому обстоятельству націи вступили на путь упадка.

Итакъ, мечта соціалистовъ можетъ еще осуществиться относительно этихъ разныхъ пунктовъ, и именно по образцу, указанному англійскимъ писателемъ Киддомъ:

„Въ наступающую эру неустанныя и продолжительныя усилія народовъ добиться соціальнаго равенства въ борьбѣ за существованіе, а также равенства политическихъ правъ, вмѣсто ограниченія вмѣшательства государства, неизбѣжно вызовутъ постепенное распространеніе этого вмѣшательства почти на всѣ стороны нашей общественной жизни. Нужно ожидать, что это стремленіе къ регламентаціи, къ контролю, къ ограниченію правъ богатства и капитала усилится до того, что само государство будетъ брать на себя эти права во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ доказано, что оставленіе ихъ въ частныхъ рукахъ идетъ въ разрѣзъ народнымъ интересамъ.“

Соціалистическій идеалъ въ совершенствѣ формулированъ въ этихъ строкахъ. Когда видишь, что такую программу принимаютъ просвѣщенные умы, то сразу постигаешь, какіе успѣхи сдѣлали идеи соціалистовъ и какое онѣ оказали разрушительное вліяніе

Въ этомъ именно и заключается ихъ опасность. Современный соціализмъ—скорѣй умственное настроеніе, чѣмъ доктрина. Онъ является столь угрожающимъ не вслѣдствіе сравнительно еще очень слабыхъ измѣненій, происшедшихъ подъ его вліяніемъ въ душѣ народа, а вслѣдствіе произведенныхъ имъ уже довольно значительныхъ видоизмѣненій въ душѣ правящихъ классовъ. Современная буржуазія уже не увѣрена въ законности своихъ правъ. Впрочемъ, она ни въ чемъ не увѣрена и ничего не можетъ защищать; она поддается всякимъ розсказнямъ и дрожитъ передъ самыми жалкими болтунами. Она лишена той твердой воли, той дисциплины, той общности чувствъ, которыя составляютъ связующій элементъ обществъ, и безъ которыхъ до сихъ поръ не могла существовать ни одна человѣческая община.

Вѣрить революціоннымъ инстинктамъ толпы значитъ быть жертвою самой обманчивой внѣшности. Возстаніе толпы ничто иное, какъ страстные порывы минуты. Подъ вліяніемъ свойственныхъ ей консервативныхъ инстинктовъ, она скоро возвращается къ прошлому и сама требуетъ возстановленія идоловъ, разрушенныхъ ею въ моментъ взрыва своихъ страстей. Исторія Франціи уже сто лѣтъ какъ твердитъ намъ объ этомъ на каждой страницѣ. Едва наша революція окончила дѣло разрушенія, какъ почти все, что она ниспровергла—учрежденія политическія и религіозныя—все было немедленно возстановлено подъ новыми названіями; только что отведенная рѣка вновь потекла по прежнему руслу.

Соціальные перевороты никогда не начинаются снизу, а всегда сверху. Развѣ нашу великую революцію произвелъ народъ? Конечно, нѣтъ. Онъ никогда о ней и не думалъ. Она была спущена съ цѣпи дворянствомъ и правящими классами. Эта истина многимъ покажется нѣсколько новой, но она станетъ общепонятной, когда психологія менѣе элементарная, чѣмъ та, которою мы обходимся теперь, разъяснитъ намъ, что внѣшнія событія всегда являются слѣдствіемъ нѣкотораго безотчетнаго состоянія нашего духа.

Мы знаемъ, каково было въ моментъ французской революціи состояніе умовъ, которое на нашихъ глазахъ повторяется вновь: трогательный гуманитаризмъ, который началъ идилліей и рѣчами философовъ и кончилъ гильотиной. Это настроеніе съ виду столь безобидное, въ дѣйствительности очень опасное, привело къ расслабленію и разложенію правящихъ классовъ. Они не имѣли болѣе вѣры въ себя и, какъ справедливо замѣтилъ Мишле, сами себѣ являлись врагами. Когда ночью 4-го августа 1789 г. дворянство отреклось отъ своихъ привилегій и вѣковыхъ правъ, революція совершилась. Народу оставалось лишь слѣдовать въ указанномъ ему направленіи, и тутъ онъ, какъ всегда, дошелъ до крайностей. Онъ не замедлилъ рубить головы честнымъ филантропамъ, которые такъ легко отказались отъ самозащиты. Исторія не выразила къ нимъ почти никакого сожалѣнія. Между тѣмъ, они заслуживаютъ снисхожденія со стороны философовъ, привыкшихъ выводить наши дѣйствія изъ отдаленныхъ

причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли еще дворянство защищать тѣ права, отъ которыхъ оно такъ легко отказалось? Подъ вліяніемъ теорій и рѣчей, накопившихся за цѣлый вѣкъ, вѣрованія постепенно измѣнились. Идеи, постепенно овладѣвшія правящими классами, пріобрѣли наконецъ такую власть, что было уже невозможно ихъ оспаривать. Силы, создаваемыя нашими безсознательными стремленіями, всегда непреодолимы. Разумъ не знаетъ ихъ, а если бы и зналъ, то ничего не могъ бы сдѣлать противъ нихъ.

А между тѣмъ эти темныя и верховныя силы и являются настоящими двигателями исторіи. Человѣкъ движется, а онѣ его направляютъ и притомъ часто совсѣмъ наперекоръ самымъ очевиднымъ его интересамъ. Эти то таинственныя нити и двигали блестящими маріонетками, о слабостяхъ и подвигахъ которыхъ разсказываютъ намъ книги. Благодаря отдаленности эпохи мы часто лучше знаемъ, чѣмъ они, самыя тайныя причины ихъ дѣйствій.

Опасность настоящаго момента лежитъ въ безсознательной работѣ нашего духа, созданной различными вліяніями. Мы снова охвачены тѣми же чувствами болѣзненнаго гуманитаризма, который далъ уже намъ революцію, самую кровавую въ исторіи, терроръ, Наполеона, гибель трехъ милліоновъ людей и страшное вторженіе, вызванное его наслѣдникомъ. Какую услугу оказало бы человѣчеству благодѣтельное божество, уничтоживъ гибельную расу филантроповъ и ужъ за одно не менѣе гибельное поколѣніе болтуновъ!

Но опыта, сдѣланнаго сто лѣтъ назадъ, оказалось недостаточно, и возрожденіе этого самаго смутнаго гуманитаризма,—гуманитаризма словъ, а не чувствъ, печальнаго наслѣдія старыхъ христіанскихъ идей,—стало самымъ серьезнымъ факторомъ успѣха современнаго соціализма. Подъ его разлагающимъ и безсознательнымъ вліяніемъ правящіе классы потеряли всякую вѣру въ справедливость своего дѣла. Они все болѣе и болѣе уступаютъ вожакамъ, требованія которыхъ расширяются по мѣрѣ уступокъ. Эти вожаки будутъ тогда лишь удовлетворены, когда возьмутъ у противниковъ все—и состояніе, и жизнь. Историку будущаго, когда онъ узнаетъ разрушенія, причиненныя нашей слабостью, и распаденія цивилизацій, которыя мы такъ плохо защищали, очень легко будетъ показать, насколько неизбѣжны и заслуженны были эти бѣдствія.

Не слѣдуетъ надѣяться, что нелѣпость большей части соціалистическихъ теорій можетъ помѣшать ихъ торжеству. Химеры, заключающіяся въ этихъ теоріяхъ, въ концѣ концовъ ничуть не менѣе правдоподобны, чѣмъ религіозныя вѣрованія, столь давно управляющія душой народовъ. Нелогичность вѣрованія никогда не мѣшала его распространенію. А соціализмъ гораздо болѣе религіозное вѣрованіе, чѣмъ разсудочная теорія. Ему подчиняются, но его не оспариваютъ.

Во всякомъ случаѣ, соціализмъ, какъ вѣрованіе, стоитъ неизмѣримо ниже другихъ религій. Религіи обѣщали послѣ смерти блаженство, призрачность котораго не поддавалась точному доказательству. Ре-

лигія соціалистовъ, вмѣсто небеснаго блаженства, призрачность котораго никто не можетъ провѣрить, обѣщаетъ блаженство земное, неосуществимость котораго каждый можетъ легко установить. Опытъ скоро покажетъ приверженцамъ соціалистическихъ иллюзій всю тщетность ихъ мечты, и тогда они съ яростью разобьютъ идола, котораго почитали, прежде чѣмъ познать. Къ несчастью, такой опытъ можетъ быть сдѣланъ лишь при условіи предварительнаго разрушенія общества.

§ 2. Что обѣщаетъ успѣхъ соціализма тѣмъ народамъ, гдѣ онъ восторжествуетъ.

Въ ожиданіи часа своего торжества, который лишь очень немногимъ опередитъ часъ его паденія, соціализму суждено все расти, и никакой аргументъ, подсказанный разсудкомъ, не сможетъ побороть его.

А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ предостереженіяхъ, дѣлаемыхъ какъ послѣдователямъ новыхъ догмъ, такъ и ихъ слабымъ противникамъ. Всѣ мыслители, изучавшіе современный соціализмъ, опредѣлили его опасность, и всѣ пришли къ одинаковымъ заключеніямъ относительно будущаго, которое онъ намъ готовитъ. Было бы слишкомъ долго приводить всѣ ихъ мнѣнія, но не безъинтересно будетъ привести нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ не ранѣе, какъ съ Прудона. Въ его время соціализмъ былъ значительно менѣе грозенъ, чѣмъ теперь. Насчетъ его будущности онъ написалъ

часто цитируемую страницу, справедливость которой оправдается может быть скоро:

„Соціальная революція можетъ привести лишь къ ужасному перевороту, немедленнымъ дѣйствіемъ котораго будетъ обезпложеніе земли и заключеніе общества въ смирительную куртку, а если окажется возможнымъ продлить такой порядокъ хотя нѣсколько недѣль, то и гибель отъ внезапнаго голода трехъ или четырехъ милліоновъ людей. Когда правительство будетъ безъ средствъ, страна безъ промышленности и торговли; голодный Парижъ, блокированный департаментами, не производящій никакихъ платежей, не имѣя никакого вывоза, самъ останется безъ подвоза; рабочіе, развращенные политикой клубовъ и забастовкой мастерскихъ, будутъ искать себѣ пропитаніе всякими средствами; государство будетъ отбирать у гражданъ серебро и драгоцѣнности, чтобы отправлять ихъ на монетный дворъ; домовые обыски будутъ единственнымъ способомъ сбора податей; когда первый снопъ хлѣба будетъ насильно отобранъ, когда въ первый домъ ворвутся, когда первая церковь будетъ осквернена и зажжется первый факелъ, когда прольется первая кровь и упадетъ первая голова, когда мерзость запустѣнія распространится по всей Франціи,— тогда вы узнаете, что значитъ соціальная революція. Разнузданная чернь, вооруженная, жаждущая мщенія и разъяренная, пики, топоры, обнаженныя сабли, ножи и молотки; притихшій угрюмый городъ; полиція у семейнаго очага; подозрительность ко всякому мнѣнію, подслушанныя рѣчи, подмѣченныя слезы, сосчитанные вздохи, выслѣженное молчаніе; вездѣ шпіонство и доносы; неумолимыя реквизиціи; вынужденные прогрессивные займы; обезцѣненныя бумаги; внѣшняя война на границѣ, безжалостныя проконсульства, комитеты общественной безопасности, жестокосердый высшій комитетъ—вотъ плоды такъ называемой демократической и соціальной революціи. Всѣми силами отвергаю соціализмъ, безсильный и безнравственный, способный единственно дурачить людей“.*)

Де Лавелей, несмотря на снисходительность ко многимъ соціалистическимъ идеямъ, пришелъ почти къ аналогичнымъ заключеніямъ, указывая, что вслѣдствіе побѣдоносной соціальной революціи „наши столицы будутъ опустошены посредствомъ динамита

*) Эта страница, приводимая во многихъ трудахъ, въ дѣйствительности состоитъ, по изслѣдованію Г. Сореля, изъ отрывковъ, выбранныхъ изъ различныхъ сочиненій Прудона и сведенныхъ въ одинъ текстъ. Въ первый разъ въ такомъ видѣ она появилась въ *Journal des Débats*.

и керосина съ большимъ варварствомъ и болѣе систематично, чѣмъ Парижъ въ 1871 году".

Великій англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ выражается не менѣе мрачно. Торжество соціализма, говоритъ онъ, „было бы самымъ большимъ бѣдствіемъ, когда либо испытаннымъ на землѣ, и окончилось бы военнымъ деспотизмомъ".

Вышеозначенныя заключенія великій ученый развилъ въ послѣднемъ томѣ своего „Трактата о соціологіи", представляющемъ заключеніе крупнаго труда, на который ушло 35 лѣтъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что коллективизмъ и коммунизмъ привели бы насъ къ первобытному варварству, и опасается, что эта революція произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ. Эта побѣдоносная фаза соціализма, говоритъ онъ, не можетъ быть продолжительна, но она произведетъ большія опустошенія у націй, которыя испытаютъ ее, и доведетъ нѣкоторыя изъ нихъ до полнаго разоренія.

Таковы, по единогласному мнѣнію самыхъ выдающихся мыслителей, роковыя послѣдствія водворенія соціализма: сначала разрушенія, о которыхъ эпоха террора и коммуны даетъ лишь слабое представленіе; потомъ неизбѣжная эпоха цезарей,—этихъ цезарей упадка, способныхъ возвести свою лошадь въ консульское званіе или немедленно умертвить передъ собою всякаго, кто съ недостаточнымъ уваженіемъ на нихъ посмотрѣлъ,—цезарей, которыхъ терпѣли бы, однако, какъ терпѣли ихъ римляне, когда, утомленные отъ междуусобныхъ войнъ и безплодныхъ распрей, они

бросились въ руки тирановъ. Этихъ тирановъ иногда убивали, когда ихъ деспотизмъ становился слишкомъ ужъ свирѣпъ, но не переставали замѣнять ихъ другими до тѣхъ поръ, пока не наступало въ концѣ концовъ разложенiе и окончательная гибель подъ ногами варваровъ. Нѣкоторые народы, кажется, осуждены уже подпасть подъ власть деспотовъ, которые могутъ быть иногда и разумными, но, само собою разумѣется, они недоступны какому либо чувству жалости и не потерпятъ малѣйшей попытки къ возраженiю.

Дѣйствительно, только деспотизмъ можетъ справиться съ анархiей. Всѣ латинскiя республики въ Америкѣ должны были подчиниться самому суровому деспотизму именно потому, что не могутъ избѣгнуть анархiи.

За соцiальнымъ разложенiемъ, порожденнымъ торжествомъ соцiализма, неизбѣжно послѣдовала бы ужасная анархiя и общее разоренiе. И тогда скоро появится Марiй, Сулла, Наполеонъ, какой либо генералъ, который водворитъ миръ посредствомъ желѣзнаго режима, установленнаго вслѣдъ за основательнымъ массовымъ истребленiемъ людей, что не помѣшаетъ ему, какъ не разъ то было въ исторiи, быть встрѣченнымъ радостными криками въ качествѣ избавителя. Впрочемъ онъ и будетъ такимъ въ дѣйствительности, такъ какъ, за отсутствiемъ военнаго деспота, народъ, подчиненный соцiалистическому режиму, такъ скоро ослабѣлъ бы, что немедленно очутился бы во власти

сосѣдей и былъ бы безсиленъ препятствовать ихъ вторженію.

Въ этомъ краткомъ обзорѣ будущихъ судебъ, которыя намъ готовитъ соціализмъ, я еще не говорилъ о соперничествѣ между различными соціалистическими толками, которые еще усложнятъ анархію. Нельзя быть соціалистомъ, не имѣя ненависти къ кому нибудь или къ чему нибудь. Соціалисты ненавидятъ современное общество, но еще сильнѣе ненавидятъ другъ друга. Такія неизбѣжныя соперничества между различными соціалистическими толками довели уже до паденія этотъ страшный, пугавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ правительства, а теперь уже забытый *интернаціональный союзъ*.

„Одна основательная причина, пишетъ де Лавелей, способствовала такому быстрому паденію *Интернаціональнаго союза*. А именно—соперничество отдѣльныхъ личностей. Какъ и въ самой коммунѣ 1871 г., здѣсь произошли несогласія, явились подозрѣнія, взаимныя оскорбленія, а вскорѣ и окончательное распаденіе. Никакой авторитетъ не признавался, соглашеніе стало невозможнымъ, ассоціація растворилась въ анархію, и если можно употребить болѣе выразительное, хотя и вульгарное выраженіе—обратилась въ кутерьму. Это еще одно предостереженіе. Какъ! Вы желаете уничтожить государство, устранить крупныхъ промышленниковъ и думаете, что порядокъ явится самъ собой, вслѣдствіе свободной иниціативы соединенныхъ корпорацій? Но вѣдь если вамъ, повидимому составляющимъ цвѣтъ рабочаго класса, не удалось сговориться, какъ сохранить жизненность общества, не требовавшаго отъ васъ никакихъ жертвъ и имѣвшаго одну общую всѣмъ цѣль „войну съ подлымъ капиталомъ“,—какъ же простые рабочіе могутъ сохранить взаимное согласіе, когда въ повседневныхъ сношеніяхъ имъ придется регулировать постоянно борющіеся интересы и принимать рѣшенія относительно вознагражденія каждаго? Вы не хотѣли подчиниться главному совѣту, который не налагалъ на васъ никакихъ обязанностей, какъ же въ мастерскихъ вы будете подчиняться приказаніямъ завѣдующихъ ими, которые должны будутъ распредѣлять вашу работу и направлять ее?“

Тѣмъ не менѣе мы можемъ допустить возможность постепеннаго и мирнаго введенія соціализма законными мѣрами, какъ это и должно было, повидимому, совершиться у латинскихъ народовъ, подготовленныхъ къ нему своимъ прошлымъ и все болѣе и болѣе вступающихъ на путь государственнаго соціализма. Но мы показали также, что именно вслѣдствіе вступленія на этотъ путь они и пошли быстро къ упадку. Отъ того, что зло повидимому не такъ еще страшно, не значитъ, что оно не глубоко. При постепенномъ сосредоточеніи государствомъ въ своихъ рукахъ всѣхъ отраслей производства, стоимость изготовляемыхъ имъ предметовъ, какъ это было уже доказано раньше, неизбѣжно должна быть выше, чѣмъ при изготовленіи ихъ въ частной промышленности, а потому „безусловно будетъ необходимо, какъ говоритъ Молинари, принудить часть націи къ обязательнымъ работамъ при минимальномъ содержаніи, однимъ словомъ возстановить рабство". Рабство, нищета и цезаримъ—вотъ неизбѣжныя пропасти, куда ведутъ всѣ соціалистическія пути.

И все-таки, кажется, этого ужаснаго режима не миновать. Нужно, чтобы хотя одна страна испытала его въ назиданіе всему міру. Это будетъ одна изъ тѣхъ экспериментальныхъ школъ, которыя въ настоящее время только однѣ могутъ отрезвить народы, доведенные до бреда мечтами о счастьи, внушенными имъ жрецами новой вѣры.

Пожелаемъ, чтобы это испытаніе впервые выпало на долю нашихъ враговъ. Если это произойдетъ въ Европѣ, то все заставляетъ предположить, что жертвою

будетъ бѣдная, на половину разоренная страна, какъ напр. Италія. Нѣсколько ея государственныхъ людей предчувствовали опасность и въ продолженіе многихъ лѣтъ старались предотвратить грозу съ помощью войны съ нами подъ гарантіей нѣмецкаго союза.

§ 3. Какъ могъ бы соціализмъ захватить управленіе страной.

Но какимъ образомъ соціализмъ могъ бы захватить управленіе страной? Какъ сокрушитъ онъ стѣну, составляющую послѣдній оплотъ современныхъ обществъ—армію? Эта задача, трудная въ настоящее время, постепенно будетъ становиться все менѣе и менѣе трудною, благодаря уничтоженію постоянныхъ армій. Мы объ этомъ уже говорили при изученіи борьбы между классами; небезполезно будетъ напомнить объ этомъ еще разъ.

До сихъ поръ силу арміи составляло не число солдатъ или совершенство вооруженія, но духъ ея, а этотъ духъ вырабатывается не въ одинъ день.

Немногіе народы, какъ, напр., англичане, сумѣвшіе сохранить профессіональное войско, почти избавлены отъ соціалистической опасности, и потому въ будущемъ получатъ значительное превосходство надъ соперниками. Арміи же, созданныя всеобщей повинностью, все болѣе и болѣе клонятся къ тому, чтобы стать настоящей недисциплинированной національной гвардіей, а исторія показываетъ, чего она можетъ стоить въ моментъ опасности. Вспомнимъ, что во

время осады Парижа служба нашихъ 300 тысячъ національныхъ гвардейцевъ привела лишь къ провозглашенію коммуны и поджогу столицы. Знаменитый адвокатъ, отказавшійся тогда отъ представлявшагося случая обезоружить эти толпы, позднѣе былъ принужденъ каяться и всенародно „просить прощеніе у Бога и у людей“, что оставилъ въ ихъ рукахъ оружіе. Онъ могъ въ свое оправданіе сослаться на то, что ему неизвѣстна была психологія толпы, но какое оправданіе приведемъ мы, если не сумѣемъ воспользоваться такимъ урокомъ?

Въ тотъ день, когда эти вооруженныя толпы безъ всякой внутренней связи и военныхъ инстинктовъ обратятъ оружіе, какъ въ эпоху коммуны, противъ общества, для защиты котораго онѣ призваны, оно будетъ очень близко къ своей гибели. Тогда оно увидитъ пожаръ своихъ городовъ, неистовства анархіи, нашествія, расчлененіе, затѣмъ желѣзный ударъ деспотовъ-освободителей и окончательное распаденіе.

Такой, грозящей намъ въ будущемъ, судьбѣ уже подверглись въ настоящее время нѣкоторые народы. Не нужно, слѣд., обращаться къ предположеніямъ о неизвѣстномъ будущемъ для того, чтобы найти примѣръ націй, у которыхъ соціальное разложеніе произведено ихъ арміями. Извѣстно, въ какомъ жалкомъ состояніи анархіи находятся всѣ латинскія республики въ Америкѣ: постоянныя революціи, полное расхищеніе финансовъ, деморализація всѣхъ гражданъ, а въ особенности военнаго сословія. То, что называютъ тамъ арміей, представляетъ недисциплинированныя

шайки, мечтающія только о грабежахъ и готовыя пойти за первымъ попавшимся генераломъ, который захочетъ ихъ вести на грабежъ. Каждый генералъ, пожелавшій въ свою очередь захватить власть, всегда найдетъ нѣсколько вооруженныхъ шаекъ, чтобы умертвить соперниковъ и самому встать на ихъ мѣсто. Смѣна властей во всѣхъ испанскихъ республикахъ Америки происходитъ такъ часто, что европейскія газеты почти отказались ихъ отмѣчать и занимаются событіями, происходящими въ этихъ печальныхъ странахъ не больше, чѣмъ жизнью лапландцевъ. Этой половинѣ Америки суждено въ концѣ концовъ возвратиться къ первобытному варварству, если только Соединенные Штаты не окажутъ ей огромной услуги, покоривъ ее своей власти.

§ 4. Какимъ образомъ соціализмъ можетъ быть побѣжденъ.

Соціализмъ долженъ быть гдѣ нибудь испытанъ, ибо только такой опытъ исцѣлитъ народы отъ ихъ химеръ, и всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы этотъ опытъ былъ произведенъ за предѣлами нашего отечества раньше, чѣмъ у насъ. Какъ бы ни было ничтожно вліяніе писателей, ихъ прямая задача—отдалить осуществленіе этого гибельнаго опыта въ ихъ отечествѣ. Они должны вести борьбу съ соціализмомъ и задержать приближеніе его торжества, такъ чтобы оно произошло гдѣ нибудь въ другой странѣ. Для этого необходимо знать секретъ его силы и

его слабости, знать также психологію его приверженцевъ. Такое изслѣдованіе было сдѣлано въ этомъ трудѣ.

Не аргументами, способными вліять на ученыхъ и философовъ, слѣдуетъ браться за дѣло необходимой защиты. Кто не ослѣпленъ желаніемъ громкой популярности или иллюзіей, увлекавшей всегда демагоговъ, воображавшихъ, что они будутъ въ силахъ, когда захотятъ, укротить сорвавшееся съ цѣпи чудовище,— тотъ отлично знаетъ, что человѣкъ не можетъ пере устроить общество по своему усмотрѣнію, что мы должны подчиняться естественнымъ законамъ, надъ которыми мы не властны, что цивилизація въ данный моментъ составляетъ часть цѣпи, связующей ее съ прошлымъ невидимыми звеньями, что судьбами и учрежденіями народа управляетъ его характеръ и что этотъ характеръ вырабатывается вѣками; что эволюція обществъ внѣ всякаго сомнѣнія происходитъ непрерывно, и что эти общества въ будущемъ не могутъ быть такими, какими они являются въ настоящее время, но также несомнѣнно, что не наши фантазіи и не наши мечты дадутъ направленіе этой неизбѣжной эволюціи.

Не такими аргументами, повторяю, можно воздѣйствовать на толпу. Эти аргументы, выведенные изъ наблюденій и подчиняющіеся заключеніямъ разума, не имѣютъ въ ея глазахъ убѣдительности. Она нисколько не интересуется разсужденіями и книгами! Ее также не соблазнишь самою подобострастною и унизительною лестью, расточаемою ей въ настоящее время.

Она со справедливымъ презрѣніемъ смотритъ на тѣхъ, кто ей льститъ, и возвышаетъ свои требованія по мѣрѣ того, какъ эта лесть становится чрезмѣрной. Чтобы руководить толпой, нужно воздѣйствовать на ея чувства, а не взывать къ разсудку, котораго у нея нѣтъ.

Такъ ли въ самомъ дѣлѣ трудно управлять толпой? Нужно не знать ея психологіи и быть совершенно незнакомымъ съ ея исторіей, чтобы такъ думать. Для того, чтобы увлечь ее за собой, развѣ необходимо быть основателемъ религіи, какъ Магометъ, героемъ, какъ Наполеонъ, галлюцинатомъ, какъ Петръ Пустынникъ? Конечно, нѣтъ. Для этого вовсе не нужны такія исключительныя личности. Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершенно безызвѣстный генералъ, не имѣвшій за собой ничего, кромѣ нѣкоторой смѣлости, престижа своего мундира и красоты своего коня, дошелъ до крайняго предѣла, граничащаго съ верховной властью,—предѣла, котораго онъ однако не посмѣлъ перейти. Цезарь безъ лавровъ и безъ вѣры отступилъ отъ Рубикона. Вспомнимъ изъ исторіи, что народныя движенія являются въ сущности движеніями нѣсколькихъ вожаковъ, вспомнимъ наивную простоту толпы, ея неискоренимые консервативные инстинкты и, наконецъ, неизмѣнные пріемы убѣжденія, которые мы старались выяснить въ предыдущемъ трудѣ, а именно: утвержденіе, повтореніе, заразительность и обаяніе. Вспомнимъ еще, что, несмотря на всѣ внѣшніе признаки, массами руководитъ не матеріальный интересъ, такъ сильно дѣйствующій на отдѣльную

личность. Толпѣ необходимъ идеалъ, къ осуществленію котораго она могла бы стремиться, и нужно ей вѣрованіе, которое она могла бы защищать. Но увлечься идеаломъ или вѣрованіемъ она можетъ лишь послѣ увлеченія ихъ апостолами. Они одни личнымъ обаяніемъ возбуждаютъ въ душѣ народной чувства восхищенія и сочувствія, составляющія самыя прочныя основы вѣры. Совсѣмъ недавно одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Франціи, считавшійся оплотомъ коллективизма, отдѣлался на нашихъ глазахъ отъ давно управлявшаго имъ соціалистическаго муниципальнаго совѣта лишь благодаря умѣлому воздѣйствію на толпу человѣка предпріимчиваго, умнаго и дѣятельнаго.

Можно вести толпу, куда хочешь, когда того захочешь. Самые противоположные режимы, самые нестерпимые деспоты всегда вызывали восторгъ толпы, когда они умѣли увлечь ее. Она подавала свои голоса за Марата, Робеспьера, Бурбоновъ, Наполеона и за республику, притомъ за авантюристовъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ и за великихъ людей. Свободу она принимала съ такою же покорностью, какъ и рабство.

Для того, чтобы защитить себя не отъ толпы, а отъ ея вожаковъ, стоитъ только захотѣть этого. Къ несчастью, настоящимъ нравственнымъ недугомъ нашего времени, повидимому почти неизлѣчимымъ у латинскихъ народовъ, является недостатокъ воли. Эта утрата воли вмѣстѣ съ недостаткомъ инціативы и развитіемъ равнодушія грозитъ намъ большою опасностью.

Все это, конечно, общія разсужденія, и было бы не трудно отъ нихъ перейти къ частностямъ. Но какую пользу могутъ оказать на ходъ событій совѣты, которые даетъ писатель? Не вполнѣ ли онъ совершилъ свое дѣло, изложивъ общіе принципы, изъ которыхъ легко выводятся слѣдствія?

Впрочемъ, указаніе на то, какъ мы должны поступать, не такъ важно, какъ то указаніе, чего мы не должны дѣлать. Общественный строй—организмъ очень нѣжный, прикасаться къ нему нужно очень осторожно. Ничего не можетъ быть гибельнѣе для государства, какъ непрестанно подвергаться измѣнчивымъ и необдуманнымъ прихотямъ толпы. Если и должно дѣлать многое для нея, то черезъ нее нужно дѣйствовать въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Уже огромнымъ успѣхомъ было бы отказаться отъ нашихъ нескончаемыхъ проектовъ реформъ, отъ мысли, что мы непрестанно должны измѣнять наше государственное устройство, наши учрежденія и наши законы. Прежде всего мы должны ограничить, а не расширять постоянно вмѣшательство государства, дабы принудить нашихъ гражданъ пріобрѣсти хоть немного иниціативы, этого навыка управляться самостоятельно, который они теряютъ вслѣдствіе требуемой ими постоянной опеки.

Но, повторяю еще разъ, къ чему высказывать такія пожеланія? Надѣяться на ихъ исполненіе не значитъ ли желать, чтобы мы могли измѣнить нашъ духъ и теченіе судебъ? Наиболѣе неотложно необходимой и, можетъ быть, единственно истинно полезной

была бы реформа нашего воспитанія. Но она также, къ сожалѣнію, труднѣе всего можетъ быть проведена; осуществленіе ея поистинѣ могло бы привести къ настоящему измѣненію нашего національнаго духа.

Какъ на это надѣяться? А съ другой стороны, какъ тутъ молчать, когда предвидишь опасности, которыми грозитъ грядущій часъ, и когда въ теоріи казалось бы такъ легко ихъ избѣжать?

Если же допустить, чтобы равнодушіе къ вещамъ и ненависть къ людямъ, соперничество и безплодные споры все болѣе и болѣе овладѣвали нами, если продолжать постоянно требовать вмѣшательства государства въ самыя мелкія дѣла, то общественный союзъ, уже очень расшатавшійся, распадется окончательно. Тогда придется уступить мѣсто болѣе сильнымъ народамъ и окончательно исчезнуть съ міровой сцены.

Такимъ образомъ погибали многія цивилизаціи, когда ихъ естественные защитники отказывались отъ борьбы и усилій. Никогда умственный упадокъ не былъ причиной гибели народовъ, а всегда—упадокъ характера.

Такъ кончили Аѳины и Римъ. Такъ же кончила и Византія, наслѣдница древнихъ цивилизацій, открытій и мечтаній человѣчества, наслѣдница сокровищъ мысли и искусства, накопленныхъ отъ самаго зарожденія исторіи.

Лѣтописцы разсказываютъ, что когда султанъ Магометъ появился подъ стѣнами столицы, то жители ея, занятые спорами о богословскихъ тонкостяхъ и постоянно соперничавшіе между собой, весьма мало

озаботились о своей защитѣ. Представитель новой вѣры легко восторжествовалъ надъ такими противниками. Когда онъ проникъ въ знаменитую столицу, послѣднее убѣжище просвѣщенія древняго міра, то его солдаты, не долго думая, сняли головы съ наиболѣе шумныхъ изъ этихъ безполезныхъ болтуновъ, а другихъ отвели въ неволю.

Постараемся не подражать этимъ блѣднымъ потомкамъ слишкомъ древнихъ расъ и будемъ опасаться ихъ участи. Не будемъ также терять времени въ пререканіяхъ и напрасныхъ спорахъ. Научимся защищаться отъ грозящихъ намъ внутреннихъ враговъ, пока не придется бороться съ подстерегающими насъ внѣшними врагами. Не будемъ пренебрегать даже самыми легкими усиліями и будемъ прилагать ихъ каждый въ своей сферѣ, какъ бы она ни была скромна. Изъ накопленія песчинокъ образовались самыя громадныя горы. Будемъ постоянно изучать тѣ задачи, которыя намъ предлагаетъ сфинксъ, и которыя необходимо умѣть разрѣшать, подъ опасеніемъ быть имъ поглощеннымъ. И хотя бы мы думали про себя, что такіе совѣты столь же безполезны, какъ и пожеланія здоровья больному, дни котораго сочтены, будемъ поступать такъ, какъ будто мы этого не думали.

Густавъ Ле Бонъ.

ПСИХОЛОГІЯ СОЦІАЛИЗМА.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО 5-го ИЗДАНІЯ.

Издалъ С. Б.

СОДЕРЖАНІЕ.

(КОНСПЕКТЪ).

Стран.

Предисловіе къ русскому изданію { русскій перев. III
франц. текстъ V

Предисловіе къ первому изданію 1

Предисловіе къ третьему изданію 8

КНИГА ПЕРВАЯ.

Соціалистическія теоріи и ихъ послѣдователи.

Гл. I. Соціализмъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

§ 1. *Факторы соціальнаго развитія.* Факторы, направляющіе современную эволюцію обществъ. Въ чемъ они отличаются отъ прежнихъ? Факторы: экономическіе, психологическіе и политическіе 13

§ 2. *Разныя стороны соціализма.* Необходимость изученія соціализма въ отношеніяхъ—политическомъ, экономическомъ, философскомъ и какъ вѣрованія. Противорѣчіе между этими разными сторонами соціализма. Философскія опредѣленія соціализма. Существо коллективное и индивидуальное. 16

Гл. II. Происхожденіе соціализма и причины его развитія въ настоящее время.

§ 1. *Древность соціализма.* Соціальная борьба, вызванная неравенствомъ состояній, восходитъ къ первымъ вѣкамъ исторіи. Док-

трины коллективизма у грековъ. Какимъ образомъ соціализмъ лишилъ грековъ независимости? Соціализмъ у римлянъ и евреевъ. Христіанство первыхъ вѣковъ представляетъ собою время торжества соціализма. Какимъ образомъ оно должно было вскорѣ отказаться отъ своихъ доктринъ? Иллюзіи соціалистовъ въ срединѣ XIX вѣка 21

§ 2. *Причины развитія соціализма въ настоящее время.* Чрезмѣрная чувствительность въ настоящее время. Потрясенія и неустойчивость современнаго общества, вызванныя успѣхами промышленности. Потребности растутъ быстрѣе, чѣмъ средства для ихъ удовлетворенія. Притязанія современной молодежи. Помыслы университетской молодежи. Роль финансистовъ. Пессимизмъ мыслителей. Состояніе современнаго общества сравнительно съ прежнимъ. 27

§ 3. *Примѣненіе процентныхъ соотношеній при оцѣнкѣ общественныхъ явленій.* Необходимо точно установить соотношеніе между элементами полезными и вредными, входящими въ составъ общества. Несостоятельность пріема среднихъ величинъ. Въ соціальныхъ явленіяхъ процентныя соотношенія имѣютъ большее значеніе, чѣмъ средніе выводы. 37

Гл. III. Соціалистическія теоріи.

§ 1. *Основные принципы соціалистическихъ теорій.* Соціалистическія теоріи приводятся къ коллективизму и индивидуализму. Эти взаимнопротивоположные принципы всегда были въ борьбѣ между собою 41

§ 2. *Индивидуализмъ.* Его роль въ развитіи цивилизацій. Его развитіе возможно только среди народовъ, одаренныхъ извѣстными качествами. Индивидуализмъ и французская революція. 43

§ 3. *Коллективизмъ.* Всѣ современныя формы соціализма требуютъ вмѣшательства государства въ условія жизни гражданъ. Роль, предоставляемая коллективизмомъ государству. Неограниченная диктатура государства или общины при коллективизмѣ. Антипатія соціалистовъ къ свободѣ. Какимъ образомъ коллективисты надѣются уничтожить неравенство. Общая черта программъ разныхъ соціалистическихъ толковъ (sectes). Анархизмъ и его доктрина. Программы современныхъ соціалистовъ очень стары. 47

§ 4. *Соціалистическія идеи, какъ и разныя учрежденія у народовъ, суть послѣдствія свойствъ ихъ расы.* Важность идеи о расѣ. Различіе въ понятіяхъ политическихъ и соціальныхъ, скрывающихся подъ одинаковыми словами. Народы не въ силахъ мѣнять по своему желанію свои учрежденія и могутъ только перемѣнять ихъ названія. Различіе соціалистическихъ воззрѣній у писателей, принадлежащихъ къ разнымъ расамъ. 55

Гл. IV. Послѣдователи соціализма и ихъ умственный складъ.

§ 1. *Классификація послѣдователей соціализма.* Общая связь между разными категоріями соціалистовъ. Необходимость раздѣльнаго изученія разныхъ группъ послѣдователей соціализма. 59

§ 2. *Рабочіе классы.* Ремесленники и чернорабочіе. Различіе соціалистическихъ представленій у этихъ двухъ классовъ. Психологія парижскаго рабочаго. Его смышленость и духъ независимости. Его превосходство надъ классомъ чиновниковъ. Безпечный и импульсивный характеръ этого рабочаго. Его художественное чутье. Его консервативные инстинкты. Его общительность и отсутствіе въ немъ эгоизма. Наивная

простота его политическихъ взглядовъ. Чѣмъ представляется ему правительство? Классъ парижскихъ рабочихъ окажется наиболѣе неподатливымъ къ воспріятію соціализма 61

§ 3. *Правящіе классы.* Успѣхи сентиментальнаго соціализма въ образованныхъ классахъ. Причины этихъ успѣховъ. Заразительность примѣра, вліяніе страха, скептицизма и равнодушія. 76

§ 4. *Полуученые и доктринеры.* Что такое полуученый? Въ какомъ случаѣ можно быть одновременно и полуученымъ и весьма образованнымъ? Полуученый, воспитанный на книгахъ, всегда останется чуждымъ окружающей его дѣйствительности. Быстрое развитіе соціализма въ средѣ полуученыхъ. Гибельная роль высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ питомцевъ. Доктринеры. Ихъ непонятливость и наивность. . . . 79

КНИГА ВТОРАЯ.

Соціализмъ какъ вѣрованіе.

Гл. I. Основы нашихъ вѣрованій.

§ 1. *Унаслѣдованіе нашихъ вѣрованій отъ предковъ.* Чтобы понять соціализмъ, надо изслѣдовать — какъ образуются наши вѣрованія. Понятія, унаслѣдованныя, или понятія, основанныя на чувствѣ. Понятія, пріобрѣтенныя или внушенныя образованіемъ. Вліяніе этихъ двухъ категорій понятій. Какимъ образомъ понятія, кажущіяся новыми, всегда происходятъ отъ понятій предшествующихъ. Медленность, съ какою измѣняются вѣрованія. Польза общепризнанныхъ вѣрованій. Установленіе такихъ вѣрованій означаетъ высшую степень цивилизаціи. Великія цивилизаціи представляютъ расцвѣтъ лишь небольшого числа вѣрованій. Никакая цивилизація не могла держаться, не имѣя въ своемъ основаніи общепринятыхъ вѣрованій. 87

§ 2. *Вліяніе вѣрованій на наши представленія и сужденія. Психологія непониманія.* Какимъ образомъ наше познаніе міра искажается унаслѣдованными вѣрованіями. Они вліяютъ не только на наше поведеніе, но и на смыслъ, придаваемый нами словамъ. Отдѣльныя личности разныхъ расъ и классовъ въ дѣйствительности говорятъ на весьма различныхъ языкахъ. Взаимное непониманіе разъединяетъ ихъ столь же, сколь и противоположность ихъ интересовъ. Въ чемъ именно убѣдительность никогда не исходила отъ разума. Преобладающее вліяніе мертвыхъ при спорахъ живыхъ между собою. Послѣдствія взаимнаго непониманія. Невозможность колонизаціи со стороны народовъ, у которыхъ это непониманіе слишкомъ велико. Почему историческія сочиненія очень мало выражаютъ дѣйствительность. 93

§ 3. *Наслѣдственное образованіе нравственныхъ понятій.* Истинные мотивы, руководящіе нашими дѣйствіями, въ большинствѣ случаевъ подчиняются наслѣдственнымъ инстинктамъ. Нравственность существуетъ дѣйствительно только, когда она перешла въ область безсознательнаго и наслѣдственнаго. Малоцѣнность современнаго школьнаго обученія нравственности. 101

Гл. II. Роль преданій въ различныхъ элементахъ цивилизаціи. Предѣлы измѣняемости унаслѣдованныхъ душевныхъ качествъ.

§ 1. *Вліяніе преданій въ жизни народовъ.* Трудность освободиться отъ ига преданія. Настоящіе свободные мыслители встрѣчаются рѣдко.

Трудность установленія самыхъ очевидныхъ истинъ. Происхожденіе нашихъ повседневныхъ мнѣній. Слабое вліяніе разума. Вліяніе преданій на учрежденія, вѣрованія и искусства. Безсиліе художниковъ освободиться отъ вліяній прошлаго . 103

§ 2. *Предѣлы измѣняемости унаслѣдованныхъ душевныхъ качествъ.* Разные элементы, составляющіе душевный организмъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Разнородные элементы этого организма. Какимъ образомъ они могутъ возникать. 107

§ 3. *Борьба между традиціонными вѣрованіями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнѣній.* Какимъ образомъ народы могутъ сбросить иго преданія. Невозможность освободиться отъ него сразу. Склонность латинскихъ народовъ совершенно отвергать вліяніе прошлаго и перестраивать заново свои учрежденія и законы. Борьба между ихъ традиціями и современными запросами. Прочныя вѣрованія замѣнились переходными и мимолетными. Неустойчивость, насильственность и сила общественнаго мнѣнія. Разные примѣры. Общественное мнѣніе подсказываетъ судьямъ приговоры, а правительствамъ войны и союзы. Вліяніе печати и скрытое могущество финансистовъ. Необходимость общепризнаннаго вѣрованія. Соціализмъ безсиленъ выполнить эту роль. 108

Гл. III. Стремленіе соціализма принять форму вѣроученія.

§ 1. *Въ настоящее время соціализмъ стремится замѣнить собою старыя вѣрованія.* Религіозная эволюція соціализма. Въ чемъ успѣхъ соціалистическихъ понятій, какъ вѣрованій религіозныхъ, связывающихся съ вѣрованіями прежними. Религіозное чувство — неискоренимый инстинктъ. Человѣкъ ищетъ не свободы, а умственнаго рабства. Новая доктрина отвѣчаетъ запросамъ и надеждамъ нашего времени. Безсиліе защитниковъ старыхъ догмъ. Малоцѣнность соціалистическихъ догмъ съ научной стороны не можетъ вредить ихъ распространенію. Великія религіозныя вѣрованія, управлявшія человѣчествомъ, никогда не были плодомъ разума . 118

§ 2. *Распространеніе вѣрованій. Ихъ проповѣдники.* Роль проповѣдниковъ въ созиданіи вѣрованій. Ихъ средства для убѣжденія. Важность роли галлюцинатовъ. Религіозный складъ ума проповѣдниковъ соціализма. Недоступные всякимъ доводамъ разума, они жаждутъ распространенія своей вѣры. Ихъ возбужденность, преданность, простодушіе и потребность разрушать. По своей психологіи они не отличаются отъ проповѣдниковъ вѣрованій во всѣ времена. Боссюэтъ и драгонады, Торквемада и Робеспьеръ. Гибельная роль филантроповъ. Почему не слѣдуетъ смѣшивать проповѣдниковъ соціализма съ обыкновенными умалишенными и преступниками. Проповѣдникамъ соціализма помогаютъ разные классы вырождающихся. 122

§ 3. *Распространеніе вѣрованій среди толпы.* Всякія понятія, политическія, религіозныя или соціальныя, въ концѣ концовъ, укореняются въ народныхъ массахъ. Характеръ толпы. Она никогда не руководствуется личными интересами. Лишь толпа проявляетъ коллективные интересы расъ. Лишь при посредствѣ толпы возможна дѣятельность на общую пользу, требующая слѣпой преданности. Видимая насильственность и дѣйствительный консерватизмъ толпы. Не легкомысленная подвижность, а устойчивость господствуетъ надъ толпой. Почему соціализмъ не можетъ соблазнять очень долго народныя массы. 133

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Соціализмъ у разныхъ расъ.

Гл. I. Соціализмъ въ Германіи.

§ 1. *Теоретическія основанія соціализма въ Германіи.* Научныя формы германскаго соціализма. Различіе между основными положеніями соціализма у народовъ германской и латинской расъ. Латинскій раціонализмъ и понятіе о мірѣ, какъ о развивающемся организмѣ. При разныхъ исходныхъ точкахъ социалисты латинскіе и германскіе приходятъ къ одинаковымъ практическимъ выводамъ. 139

§ 2. *Современное развитіе соціализма въ Германіи.* Искусственность путей, приведшихъ Германію къ соціалистическимъ воззрѣніямъ, тождественнымъ съ воззрѣніями латинской расы. Перемѣны въ духѣ германской расы вслѣдствіе общей воинской повинности. Постепенное возрастаніе государственной опеки въ Германіи. Современное видоизмѣненіе соціализма въ Германіи. Оставленіе прежнихъ теорій. Безвредныя формы, которыя стремится принять германскій соціализмъ. . . . 143

Гл. II. Соціализмъ въ Англіи и Америкѣ.

§ 1. *Представленія о государствѣ и воспитаніи у англо-саксовъ.* Особенную важность для народа составляетъ не принятый имъ политическій режимъ, а усвоенное имъ представленіе о взаимныхъ роляхъ государства и отдѣльной личности. Соціальный идеалъ англосаксовъ. Этотъ идеалъ остается у нихъ неизмѣннымъ при самыхъ разнообразныхъ политическихъ режимахъ. Особенности умственнаго склада англо-сакса. Различіе между его нравственными понятіями, частными и общественными. Чувства солидарности, энергія и т. д. Англо-саксонскіе дипломаты. Какимъ образомъ расовыя качества поддерживаются воспитаніемъ. Характеристика англо-саксонскаго воспитанія. Его результаты. 149

§ 2. *Соціальныя идеи англо-саксонскихъ рабочихъ.* Какъ происходитъ ихъ обученіе и воспитаніе. Какъ они обращаются въ хозяевъ. Рѣдкіе случаи неудачниковъ. Почему ручной трудъ не презирается у англо-саксовъ. Административныя способности англо-саксонскихъ рабочихъ. Какъ они ихъ пріобрѣтаютъ. Рабочіе въ Англіи часто избираются въ мировые судьи. Какъ англо-саксонскій рабочій защищаетъ свои интересы передъ хозяиномъ. Отвращеніе англо-саксонскаго рабочаго къ вмѣшательству государства. Американскій рабочій. Частная предпріимчивость и промышленность въ Америкѣ. Коллективизмъ и анархія въ Англіи и Америкѣ. Послѣдователи ихъ набираются лишь изъ наименѣе способныхъ рабочихъ низшихъ ремеслъ. Армія соціалистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Борьба, какую придется вести съ этою арміею. 159

Гл. III. Психологія народовъ латинской расы.

§ 1. *Какъ опредѣляется истинный политическій режимъ народа.* Нужно дойти до самыхъ корней учрежденій, чтобы понять, какъ они зародились. Какимъ образомъ за кажущимися учрежденіями удается распознать основные принципы управленія народомъ. Учрежденія, созданныя теоретически, часто являются только позаимствованною вывѣскою. 169

§ 2. *Умственный складъ народовъ латинской расы.* Что должно разумѣть подъ названіемъ „народы латинской расы". Ихъ характерныя

признаки. Живость ума. Слабость инициативы и воли. Жажда равенства и равнодушіе къ свободѣ. Потребность въ опекѣ. Страсть къ словамъ и логикѣ. Противоположность между складомъ ума англо-саксовъ и латинскихъ народовъ съ точки зрѣнія логики. Слѣдствія. Развитіе общительности и слабая солидарность въ латинской расѣ. Качества, которыя прежде давали этой расѣ превосходство, въ настоящее время становятся безполезными. Роль характера и ума въ развитіи цивилизацій. . . . 172

Гл. IV. Понятіе о государствѣ у народовъ латинской расы.

§ 1. *Какимъ образомъ у народовъ устанавливаются понятія.* Народы необходимо должны подчиняться преданіямъ, а затѣмъ умѣть освобождаться отъ нихъ. Немногіе народы обладали достаточною гибкостью, чтобы удовлетворить двойному условію—измѣняемости и устойчивости. Невозможность освободиться отъ ига преданія, когда оно прочно установилось. Сила авторитета власти у народовъ латинской расы. Авторитетъ власти политическій и религіозный. Почему народамъ латинской расы не пришлось страдать отъ своего подчиненія традиціоннымъ догматамъ власти до самыхъ новѣйшихъ временъ и почему они въ настоящее время страдаютъ отъ этого подчиненія. Вынужденная неустойчивость ихъ правительствъ. Понятіе о государствѣ во Франціи одно и то же у всѣхъ партій. 187

§ 2. *Понятіе о государствѣ у народовъ латинской расы. Почему успѣхи соціализма являются естественнымъ послѣдствіемъ эволюціи этого понятія.* Старый режимъ. Революція внесла въ него лишь весьма слабыя измѣненія. Подробности пріемовъ правленія при старомъ режимѣ. Постоянное вмѣшательство государства въ мельчайшія дѣла при старомъ режимѣ. Разные примѣры. Современное развитіе соціализма у народовъ латинской расы представляетъ расцвѣтъ ихъ прошлыхъ учрежденій и ихъ понятія о государствѣ. 193

Гл. V. Понятія латинскихъ народовъ о воспитаніи, образованіи и религіи.

§ 1. *Понятія латинскихъ народовъ о воспитаніи и образованіи.* Понятіе о воспитаніи у нихъ вытекаетъ изъ понятія о государствѣ. Основанія нашей учебной системы. Какъ она создаетъ у цѣлыхъ категорій лицъ банальность мысли и ослабленіе характера. Нормальная школа. Почему учебныя заведенія являются могущественнымъ очагомъ государственнаго соціализма, стремящагося все уравнять и нивелировать? Современная полемика о печальной роли нашего классическаго образованія. Сравненіе принциповъ воспитанія и обученія у англо-саксовъ и латинскихъ народовъ. Общее непониманіе этого предмета. Не то важно, чему обучаютъ, а то, какъ учатъ. Разные примѣры результатовъ нашихъ методовъ обученія. 198

§ 2. *Понятіе латинскихъ народовъ о религіи.* Оказавъ въ теченіе продолжительнаго времени весьма хорошее вліяніе на народы латинской расы, ихъ религіозныя понятія въ настоящее время сдѣлались для нихъ вредными. Какъ англо-саксы сумѣли согласовать свои религіозныя вѣрованія съ современными потребностями. Непримиримость религіозныхъ догмъ латинскихъ народовъ и ея результаты. Общія слѣдствія понятій латинскихъ народовъ съ соціалистической точки зрѣнія. 204

§ 3. *Какимъ образомъ народы латинской расы наложили свой отпечатокъ на всѣ элементы цивилизаціи* 206

Гл. VI. Образованіе соціализма у народовъ латинской расы.

§ 1. *Всепоглощающая роль государства.* Современный соціализмъ у латинскихъ народовъ представляетъ необходимое слѣдствіе прежняго понятія ихъ о правительствѣ. Постепенное расширеніе государственныхъ функцій. Почему требованія общества вызываютъ необходимость подобнаго расширенія? Государство чѣмъ дальше, тѣмъ больше принуждено управлять большими предпріятіями и поддерживать субсидіями тѣ, которыми оно не управляетъ. Различные примѣры, показывающіе необходимость для государства вмѣшиваться въ это, противъ своего желанія, для регламентаціи и поддержки 209

§ 2. *Послѣдствія расширенія государственныхъ функцій.* Исчезновеніе чувства инициативы и отвѣтственности у гражданъ. Одна регламентація вызываетъ другую. Трудности, испытываемыя государствомъ при управленіи всѣмъ. Огромные расходы, вызываемые постояннымъ вмѣшательствомъ его. Неизбѣжное возрастаніе бюрократіи у латинскихъ народовъ. Дробленіе государственной власти. Постоянныя требованія со стороны общества все большей и большей регламентаціи. Огромная стоимость всего того, что изготовляется государствомъ. Роковыя послѣдствія усложненія въ его администраціи. Разные примѣры изъ управленія арміей и флотомъ. Стоимость издѣлій частной промышленности. Система управленія колоніями у народовъ латинской расы. Однородныя послѣдствія такого управленія въ Италіи и Франціи. . . 214

§ 3. *Коллективистское государство.* Латинскимъ народамъ осталось еще преодолѣть немного ступеней для того, чтобы дойти до чистаго коллективизма. Латинскіе народы давно вступили въ фазу коллективизма. Обзоръ различныхъ предложеній коллективистовъ и того, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи 234

Гл. VII. Состояніе латинскихъ народовъ въ настоящее время.

§ 1. *Слабость латинскихъ народовъ.* Ихъ слабость есть результатъ совокупности обстоятельствъ, ранѣе изложенныхъ. Опасности для нихъ, вытекающія изъ развитія соціализма. Народы латинской расы не могутъ болѣе прибѣгать къ опытамъ и переворотамъ: иначе они должны исчезнуть. Современныя потребности. 240

§ 2. *Латино-американскія республики. Испанія и Португалія.* Состояніе испано-американскихъ республикъ въ настоящее время. Онѣ представляютъ примѣръ самой низкой изъ латинскихъ цивилизацій. Будущность этихъ республикъ. Португалія и Испанія. Состояніе упадка, въ которомъ онѣ находятся. Колоніальное правительство испанцевъ. Почему они потеряли свои колоніи. Испано-американская война съ психологической точки зрѣнія. Вліяніе характеровъ встрѣтившихся расъ. Случайности въ этой войнѣ. 242

§ 3. *Италія и Франція.* Состояніе Италіи въ настоящее время. Разстройство ея управленія, ея арміи и ея финансовъ. Угрожающіе Италіи перевороты. Близкое торжество соціализма. Почему торжество соціализма угрожаетъ гораздо болѣе Италіи, чѣмъ Испаніи. Общее пониженіе нравственности у народовъ латинской расы. Состояніе Франціи въ настоящее время. Признаки ея утомленія и равнодушія 250

§ 4. *Результаты усвоенія латинскихъ понятій народами различныхъ расъ.* Современные греки съ эпохи своей независимости приняли всецѣло латинскія понятія, въ особенности о воспитаніи. Ре-

зультаты, достигнутые за пятьдесятъ лѣтъ. Полное разстройство ихъ финансовъ, управленія и арміи. Успѣхи соціализма. Греко-турецкая война. Иллюзіи европейцевъ относительно Греціи. 258

§ 5. *Будущность, грозящая народамъ латинской расы.* Новая міровая эволюція не позволитъ слабымъ народамъ долго держаться. Предсказанія лорда Сольсбери. Соціалистическіе опыты грозятъ латинскимъ народамъ страшными опасностями. 262

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конфликтъ между экономическими законами и соціалистическими стремленіями.

Гл. I. Современное промышленное и экономическое развитіе.

§ 1. *Современные факторы развитія обществъ, созданные новѣйшими открытіями.* Нынѣшній вѣкъ далъ наибольшее количество измѣненій въ кратчайшее время. Современные факторы соціальнаго развитія. Роль научныхъ и промышленныхъ открытій. Какъ они перевернули всѣ условія существованія. 266

§ 2. *Вліяніе современныхъ открытій на условія существованія обществъ.* Вынужденныя перемѣны въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Происшедшія отъ нихъ нравственныя и соціальныя измѣненія. Вліяніе механическаго производства на семью и на умственное развитіе рабочихъ. Машина, сокративъ разстоянія, превратила міръ въ одинъ независимый отъ дѣйствія правительствъ рынокъ. Преобразованія, произведенныя въ послѣдніе дни въ жизни народовъ лабораторными открытіями. Возможная роль силъ природы въ будущемъ. Неустойчивость замѣнила повсюду вѣковые устои. Жизнь народовъ и условія ихъ прогресса все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ воздѣйствія правительствъ. 269

Гл. II. Экономическая борьба между Востокомъ и Западомъ.

§ 1. *Экономическая конкуренція.* Соціализмъ не признаетъ законовъ необходимости, управляющихъ въ настоящее время міромъ. Стремленія правительствъ все болѣе и болѣе обусловливаются внѣшними экономическими явленіями, къ которымъ они должны примѣняться. Міръ экономическихъ и промышленныхъ отношеній теперь уже представляетъ одно цѣлое, и страны становятся все менѣе и менѣе свободными въ своихъ дѣйствіяхъ. Народы стремятся все болѣе и болѣе къ подчиненію внѣшнимъ требованіямъ, а не единичной волѣ. Послѣдствія уменьшенія разстояній между Востокомъ и Западомъ. Результаты экономической борьбы между народами съ мало развитыми и очень развитыми потребностями. Цѣна товаровъ на рынкѣ опредѣляется ихъ цѣною на томъ рынкѣ, гдѣ производство всего дешевле. Результаты конкуренціи между однородными произведеніями европейской и восточной промышленностей. Почему Англія принуждена все болѣе и болѣе отказываться отъ земледѣлія. Конкуренція Индіи и Японіи. Будущность европейской торговли. Будущность Россіи. Конкуренція со стороны Востока и соціализмъ . . 275

§ 2. *Примѣняемыя и предлагаемыя средства.* Возраженія экономистовъ по поводу послѣдствій борьбы между Востокомъ и Западомъ. Мнимое перепроизводство. Почему доводы экономистовъ могутъ считаться основательными только относительно будущаго. Протекціонизмъ.

Его искусственная и временная роль. Народы земледѣльческіе и народы промышленные. Различныя средства противъ конкуренціи Востока, изыскиваемыя англо-саксами. Почему они обращаются къ Африкѣ. Трудность промышленной и торговой борьбы для латинскихъ народовъ. 289

Гл. III. Экономическая борьба между западными народами.

§ 1. *Послѣдствія наслѣдственныхъ способностей народовъ.* Различіе въ способностяхъ, породившихъ успѣхи народовъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Качества, обезпечивавшія долгое время первенство латинскимъ народамъ. Большая часть этихъ качествъ въ настоящее время непримѣнима. При современной міровой эволюціи промышленныя и коммерческія способности занимаютъ первое мѣсто. Почему слабыя коммерческія и промышленныя способности латинскихъ народовъ были достаточны прежде и недостаточны теперь 297

§ 2. *Промышленное и коммерческое положеніе латинскихъ народовъ.* Результаты, раскрытые статистикой. Указанія, данныя нашими консулами за границей. Характерные факты, обнаруживающіе упадокъ нашей промышленности и торговли. Апатія, равнодушіе, отвращеніе къ напряженной дѣятельности, отсутствіе иниціативы у нашихъ коммерсантовъ. Различные примѣры. Наплывъ нѣмецкихъ продуктовъ на нашемъ рынкѣ. Упадокъ нашего флота. Наши коммерческія сношенія съ нашими колоніями въ рукахъ иностранцевъ. Что намъ стоятъ колоніи и какой онѣ приносятъ доходъ. Постепенное пониженіе качества нашихъ продуктовъ . 300

§ 3. *Причины коммерческаго и промышленнаго превосходства нѣмцевъ.* Слабое вліяніе ихъ военнаго превосходства на ихъ коммерческіе и промышленные успѣхи. Техническое образованіе у нѣмцевъ. Ихъ способность примѣняться ко вкусамъ своихъ покупателей. Какъ они освѣдомляются о потребностяхъ покупателей различныхъ странъ. Ихъ духъ солидарности и корпоративности. Пріемы, примѣняемые ими при собираніи справокъ . 319

Гл. IV. Экономическія требованія и ростъ народонаселенія.

§ 1. *Современный ростъ народонаселенія различныхъ странъ и его причины.* Дѣйствительная сложность и кажущаяся простота соціальныхъ явленій. Вопросъ о народонаселеніи. Преимущества и невыгоды, представляемыя ростомъ народонаселенія для разныхъ странъ. Психологическія заблужденія статистиковъ. Многочисленные народы гораздо болѣе грозны своею промышленностью и торговлей, чѣмъ пушками. Причины уменьшенія народонаселенія нѣкоторыхъ странъ. Почему это уменьшеніе стремится стать общимъ для всѣхъ странъ. Вліяніе благосостоянія и духа предусмотрительности 333

§ 2. *Послѣдствія роста или уменьшенія народонаселенія въ различныхъ странахъ.* Слабая роль численности народовъ въ древней и новой исторіи. Источники могущества страны не военная сила, а земледѣліе, промышленность и торговля. Опасности, которыя представило бы для Франціи увеличеніе ея населенія. Почему излишекъ народонаселенія не представляетъ неудобствъ для Англіи и Германіи. Условія, при которыхъ эмиграція становится выгодной для народа. Условія, дѣлающія эмиграцію вредной. Бѣдствія, происходящія отъ роста населенія въ нѣкоторыхъ странахъ. Примѣръ Индіи. Затрудненія, которыя

современное экономическое развитіе міра скоро создастъ для слишкомъ многочисленныхъ промышленныхъ народовъ. Преимущества низкой цифры населенія Франціи скоро выкажутся 339

КНИГА ПЯТАЯ.

Конфликтъ между законами эволюціи, демократическими идеями и соціалистическими стремленіями.

Гл. I. Законы эволюціи, демократическія идеи и стремленія соціалистовъ.

§ 1. *Отношенія живыхъ существъ къ своей средѣ.* Жизнь всѣхъ существъ обусловливается ихъ средой. Важность преобразованій, производимыхъ этой средой, и ихъ медленность. Почему виды существъ кажутся неизмѣнными. Условія соціальной среды. Рѣзкія измѣненія, произведенныя въ этихъ условіяхъ среды современными открытіями, и трудность для человѣка приспособляться къ нимъ. 348

§ 2. *Конфликтъ между естественными законами эволюціи и демократическими воззрѣніями.* Возрастающее противорѣчіе между нашимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ и дѣйствительностью, удостовѣренною наукой. Трудность согласованія демократическихъ идей съ новыми научными понятіями. Какъ разрѣшается конфликтъ на практикѣ. Въ концѣ концовъ, демократическій режимъ вынужденъ благопріятствовать всякаго рода превосходству. Образованіе кастъ при демократическомъ режимѣ. Преимущества и опасности демократіи. Финансовые нравы американской демократіи. Почему продажность американскихъ политикановъ представляетъ лишь незначительныя неудобства въ соціальномъ отношеніи. Демократическія идеи и чувства толпы. Инстинкты толпы по существу не демократичны. 352

§ 3. *Конфликтъ между демократическими идеями и стремленіями соціалистовъ.* Противорѣчіе между основными принципами демократіи и соціалистическими идеями. Участь слабыхъ въ демократіи. Почему они ничего не выиграютъ при торжествѣ соціалистическихъ идей. Ненависть соціализма къ свободной конкуренціи и свободѣ. Въ настоящее время соціализмъ—самый опасный врагъ демократіи 370

Гл. II. Борьба народовъ и общественныхъ классовъ.

§ 1. *Естественная борьба между индивидами и видами.* Всеобщая борьба живыхъ существъ составляетъ постоянный законъ природы. Она составляетъ необходимое условіе прогресса. Нетерпимость природы къ слабымъ. 378

§ 2. *Борьба народовъ.* Постоянная борьба народовъ между собою съ начала историческихъ временъ. Право сильнаго было всегда вершителемъ ихъ судебъ. Почему сила и право составляютъ тождественныя понятія. Какъ могутъ иногда существовать маленькія государства. Границы права народовъ измѣряются силой, которой они располагаютъ для его защиты. Какъ цивилизованные народы примѣняютъ къ неграмъ вышеозначенные принципы. Значеніе разсужденій богослововъ и филантроповъ. Право и справедливость въ международныхъ отношеніяхъ. Почему борьба между народами въ будущемъ, вѣроятно, станетъ болѣе острой, чѣмъ въ прошломъ. 382

§ 3. *Борьба общественныхъ классовъ.* Исконность этой борьбы. Ея необходимость. Почему она не только не уменьшается, но должна возрастать. Безполезныя попытки религій уничтожить борьбу между классами. Рознь между классами, въ дѣйствительности, гораздо глубже, чѣмъ прежде. Программа борьбы соціалистовъ. Взаимное непониманіе противоположныхъ партій. Значительная роль заблужденія въ исторіи. . . 388

§ 4. *Соціальная борьба въ будущемъ.* Ожесточенность борьбы съ соціалистами. Борьба въ Соединенныхъ Штатахъ. Трудность для старыхъ обществъ борьбы въ будущемъ для самозащиты. Распаденіе ихъ армій. 393

Гл. III. Основная задача соціализма. Неприспособленные.

§ 1. *Размноженіе неприспособленныхъ.* Опредѣленіе этого понятія. Условія, вызывающія нынѣ ихъ размноженіе. Неприспособленные въ промышленности, наукѣ, искусствахъ. Опасность нахожденія ихъ въ средѣ общества. Какимъ образомъ современное развитіе промышленности увеличиваетъ число ихъ съ каждымъ днемъ. Конкуренція между ними. Вліяніе такой конкуренціи на крайнее пониженіе заработной платы въ легкихъ ремеслахъ. Физическая невозможность найти средства противъ этого пониженія. Постепенное исключеніе неспособныхъ изъ всѣхъ отраслей промышленности. Различные тому примѣры. 399

§ 2. *Неприспособленные вслѣдствіе вырожденія.* Плодовитость дегенератовъ. Опасности, грозящія обществамъ отъ дегенератовъ въ настоящемъ и будущемъ. Значеніе задачъ, создаваемыхъ ихъ присутствіемъ. Дегенераты—вѣрный источникъ пополненія рядовъ соціалистовъ. . . . 410

§ 3. *Искусственное производство неприспособленныхъ.* Неприспособленные вслѣдствіе искусственно созданной неспособности. Ихъ производитъ въ большомъ количествѣ современное латинское воспитаніе. Какимъ образомъ образованіе, долженствовавшее служить цѣлебнымъ средствомъ отъ всѣхъ золъ, имѣло послѣдствіемъ созданіе множества неудачниковъ. Невозможность использовать армію окончившихъ среднее и высшее образованіе и оставшихся не у дѣлъ. Анти-демократическія чувства ученаго сословія. Современныя иллюзіи относительно результатовъ школьнаго образованія. Значительная роль школьныхъ учрежденій въ готовящихся соціальныхъ погромахъ 415

Гл. IV. Использованіе неприспособленныхъ.

§ 1. *Предстоящій натискъ со стороны неприспособленныхъ.* Ненависть ихъ къ обществу, въ которомъ они не находятъ себѣ никакого мѣста. Неприспособленные въ Соединенныхъ Штатахъ. Жалкія условія ихъ существованія и ихъ численность. Жестокая борьба, которую придется выдержать съ ними. Предсказанія Маколея о будущности Соединенныхъ Штатовъ. 426

§ 2. *Использованіе неприспособленныхъ.* Это использованіе представляетъ самую трудную задачу настоящаго времени. Предложенныя и испробованныя рѣшенія. Безпомощность государства въ дѣлѣ прокормленія арміи неприспособленныхъ. Общественная или частная благотворительность только усиливаетъ ихъ численность. Право на трудъ. Плачевные результаты уже произведенныхъ опытовъ. Тщетность обѣщаній соціалистовъ. 432

КНИГА ШЕСТАЯ.

Развитіе соціальной организаціи.

Гл. I. Источники и распредѣленіе богатствъ: умственныя способности, капиталъ и трудъ.

§ 1. *Умственныя способности.* Ихъ роль въ современномъ міровомъ развитіи. Онѣ главнымъ образомъ создаютъ богатства, которыми пользуются всѣ трудящіеся. Работа ремесленника приноситъ пользу только ему одному, работа изобрѣтателя предоставляетъ выгоды всѣмъ трудящимся. Способности небольшого числа избранныхъ производятъ больше богатствъ, чѣмъ работа всего остального народонаселенія. Соціалистамъ ненавистны умственныя способности. На чемъ, съ ихъ точки зрѣнія, основана эта ненависть 440

§ 2. *Капиталъ.* Его роль. Услуги, оказываемыя капиталистомъ работникамъ пониженіемъ заводской стоимости товаровъ. Современное раздробленіе капитала среди значительнаго числа лицъ. Прогрессивное дробленіе общественнаго состоянія. Что произошло бы при равномѣрномъ распредѣленіи общественнаго состоянія между всѣми трудящимися. Прогрессивное сокращеніе доходовъ акціонеровъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій и постоянное повышеніе заработка рабочихъ. Прибыли акціонеровъ все болѣе и болѣе клонятся къ исчезновенію. Современное положеніе недвижимаго имущества. Почему крупная земельная собственность не является уже источникомъ обогащенія и все болѣе и болѣе раздробляется. Это наблюдается какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. 442

§ 3. *Трудъ.* Современныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Никогда еще положеніе рабочихъ не было такимъ цвѣтущимъ, какъ теперь. Постоянное возрастаніе заработной платы. Она часто превышаетъ доходъ свободныхъ професій. Только положеніе рабочихъ постоянно улучшается . 456

§ 4. *Отношенія между капиталомъ и трудомъ. Хозяева и рабочіе.* Возрастающая враждебность рабочихъ къ капиталу. Полнѣйшее непониманіе управляетъ нынѣ отношеніями между рабочими и хозяевами. Недостаточныя психологическія знанія хозяевъ при сношеніяхъ съ рабочими. Хозяинъ въ современной крупной промышленности. Хозяева и рабочіе образуютъ теперь два всегда враждующихъ лагеря. 459

Гл. II. Общественная солидарность.

§ 1. *Общественная солидарность и благотворительность.* Основная разница между солидарностью и благотворительностью. Благотворительность понятіе противообщественное и вредное. Самыя полезныя проявленія солидарности не имѣютъ въ основѣ ни благотворительности, ни альтруизма. Они зиждутся на объединеніи однородныхъ интересовъ. Стремленіе къ солидарности есть одно изъ важнѣйшихъ стремленій современнаго общественнаго развитія. Коренныя причины этихъ стремленій. Солидарность замѣняетъ безсильный личный эгоизмъ могущественнымъ коллективнымъ эгоизмомъ, изъ котораго каждый извлекаетъ пользу. Солидарность въ настоящее время лучшее оружіе слабыхъ. 467

§ 2. *Современныя формы солидарности.* Она возможна только между лицами, имѣющими непосредственные однородные интересы. Кооперативныя общества. Ихъ развитіе у англо-саксовъ. Почему они не при-

виваются у латинскихъ народовъ. Акціонерныя общества. Ихъ сила и польза. Необходимость проведенія ихъ въ низшіе классы. Общества съ участіемъ въ прибыляхъ; ихъ невыгодныя стороны. Какимъ образомъ рабочіе могли бы съ помощью акціонерныхъ обществъ сдѣлаться хозяевами заводовъ, на которыхъ они работаютъ. 473

§ 3. *Синдикаты рабочихъ*. Ихъ польза, сила и невыгодныя стороны. Они—необходимое слѣдствіе современнаго развитія. Неизбѣжное исчезновеніе прежнихъ добрыхъ отношеній между рабочими и хозяевами. 485

§ 4. *Промышленныя предпріятія съ общиннымъ управленіемъ. Муниципальный соціализмъ.* Соціализація городскихъ управленій въ странахъ не соціалистическихъ. Распространеніе общиннаго управленія въ Англіи и Германіи. Условія успѣха этого вида управленія. Его неуспѣхъ у латинскихъ народовъ. 489

Гл. III. Промышленные синдикаты.

§ 1. *Распространеніе закона группировки однородныхъ интересовъ*. Этотъ законъ примѣняется также въ крупной промышленности. Промышленные синдикаты. Они распространяются теперь въ странахъ, наиболѣе различающихся между собою 496

§ 2. *Американскіе тресты*. Они представляютъ собою синдикаты промышленной монополіи. Ихъ основныя характерныя черты. Однородные заводы скупаются трестомъ, а не вступаютъ въ синдикаты. Неограниченное могущество главарей трестовъ. Они опредѣляютъ вознагражденія, задѣльную плату и размѣры производства. Какъ образуются тресты. Ихъ финансовыя операціи. Почему заводы принуждены присоединяться къ трестамъ. Число трестовъ въ Америкѣ. Какимъ образомъ они въ концѣ концовъ служатъ интересамъ публики. Полнѣйшее безсиліе американскихъ законовъ противъ трестовъ. Несмотря на ихъ хищническій характеръ и пренебреженіе къ законности, тресты положили начало промышленному и торговому первенству Соединенныхъ Штатовъ. 497

§ 3. *Синдикаты промышленнаго производства въ Германіи*. Ихъ отличіе отъ американскихъ трестовъ. Заводы, занимающіеся одной и той же отраслью промышленности, вступаютъ въ синдикатъ, а не скупаются. Цѣль синдикатовъ—устраненіе конкуренціи между однородными отраслями производства и установленіе продажныхъ цѣнъ. Только синдикатъ имѣетъ право сноситься съ кліентами, опредѣлять условія производства и назначать продажныя цѣны. Нѣмецкіе синдикаты поддерживаются правительствомъ . 505

§ 4. *Синдикаты промышленнаго производства во Франціи*. Отсутствіе солидарности у латинскихъ народовъ всегда препятствовало у нихъ объединяться промышленникамъ въ синдикаты. Законы совершенно не поддерживаютъ синдикатовъ Незначительное число промышленныхъ синдикатовъ во Франціи. Они не имѣютъ никакого вліянія на продажныя цѣны. 507

§ 5. *Будущность синдикатовъ промышленнаго производства*. Они являются результатомъ современнаго развитія, но не доказано, чтобы они могли долго бороться съ конкуренціею, которую они хотятъ устранить. Нѣмецкіе синдикаты, основанные для устраненія конкуренціи, въ настоящее время являются жертвою иностранной конкуренціи. Невозможно предвидѣть исходъ современнаго экономическаго развитія. Оно все болѣе и болѣе ускользаетъ отъ вліянія законовъ и правилъ. . . . 509

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Судьбы соціализма.

Гл. I. Предѣлы историческихъ предвидѣній.

§ 1. *Понятіе о неизбѣжности въ современномъ представленіи объ историческихъ явленіяхъ.* Измѣненія, произведенныя наукой въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи. Понятіе объ эволюціи и о неизбѣжности. Почему соціологія при современномъ ея состояніи не можетъ представить собой науку. Ея безсиліе предвидѣть событія. Историческія предвидѣнія представляются возможными лишь для ума, стоящаго неизмѣримо выше человѣческаго. Полезность понятія о неизбѣжности явленій. 514

§ 2. *Предвидѣніе соціальныхъ явленій.* Невозможность точно предвидѣть соціальныя явленія, хотя они и повинуются извѣстнымъ законамъ. Наши предвидѣнія не болѣе, какъ гипотезы, основанныя на аналогіяхъ, и должны ограничиваться лишь очень близкимъ будущимъ. Наше общее невѣдѣніе первоначальныхъ причинъ всѣхъ явленій. 519

Гл. II. Будущность соціализма.

§ 1. *Условія, въ которыхъ въ настоящее время находится соціализмъ.* Краткій обзоръ условій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ развитію соціализма. Соціализмъ является болѣе умственнымъ состояніемъ, чѣмъ доктриной. Опасность его заключается не въ томъ, что къ нему примыкаетъ толпа, а въ томъ, что онъ привлекаетъ просвѣщенные умы. Соціальные перевороты начинаются всегда сверху, а не снизу. Примѣръ французской революціи. Состояніе умовъ въ моментъ французской революціи. Аналогія его съ современной эпохой. Правящіе классы теряютъ въ настоящее время всякую вѣру въ справедливость своего дѣла. Обѣщанія соціализма . 529

§ 2. *Что обѣщаетъ успѣхъ соціализма тѣмъ народамъ, гдѣ онъ восторжествуетъ.* Мнѣнія великихъ современныхъ мыслителей. Они всѣ приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Ближайшая судьба народовъ, у которыхъ установится соціализмъ. Разложеніе общества и анархія скоро приведутъ къ цезаризму. Гипотеза о мирномъ и постепенномъ водвореніи соціализма. 538

§ 3. *Какъ могъ бы соціализмъ захватить управленіе страной.* Современныя арміи и ихъ умственное состояніе. Гибель общества неизбѣжна, какъ скоро армія обратится противъ него. Какимъ образомъ впали въ анархію испанскія республики въ Америкѣ, благодаря деморализаціи ихъ армій. 544

§ 4. *Какимъ образомъ соціализмъ можетъ быть побѣжденъ.* Необходимость знать секретъ его силы и слабости, равно какъ и умственный складъ его приверженцевъ. Средства воздѣйствія на толпу. Какъ гибнутъ общества, когда естественные ихъ защитники отказываются отъ борьбы и усилій. Не пониженіе уровня умственныхъ способностей, а ослабленіе характеровъ является причиной гибели народовъ. Почему пали Аѳины, Римъ и Византія. 546

9 АПР 1941

1500100937